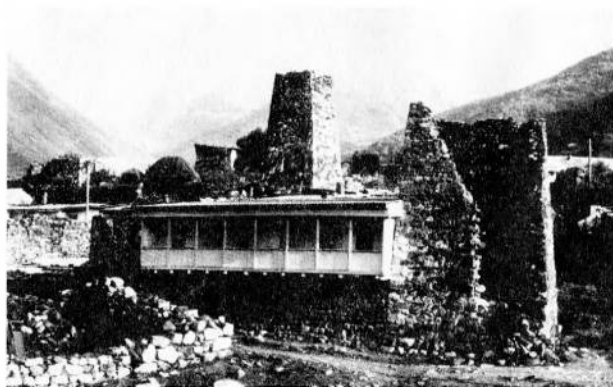

Б.П. Берозов

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Б.П. Берозов

ИСТОРИЯ
И
ПАМЯТЬ

Владикавказ
2013

Берозов Б.П.

Б–52 Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.): [Текст]/
Б.П. Берозов – Владикавказ: Ир, 2013 – (История и память) – 447 с.

ISBN 978-5-7534-1346-8

В книгу известного историка, исследователя аграрного вопроса в Северной Осетии Б.П. Берозова вошли его фундаментальные работы «Переселение осетин с гор на плоскость», «Путь, равный столетию», «Исторические этюды», которые по прошествии десятилетий не только не потеряли своей актуальности, но и приобрели новое прочтение.

Б 0501000000–13 19–13
М131(03)–13

63.3(2Рос.Сев)

© ГУП РСО–Алания «Издательство «Ир», оригинал-макет, 2013
© Берозов Б.П., 2013
© Дзагурова Г.Т., составление, 2013
© Григорян В.С., оформление, 2013

ISBN 978-5-7534-1346-8

ОБ АВТОРЕ

Берозов Батрадз (Юрий) Павлович родился 15 августа 1936 г. в сел. Брут СО АССР в многодетной крестьянской семье. Отец его, имея бронь, настоял на отправке на фронт в первый военный призыв, но провоевал недолго – вскоре был смертельно ранен. Годы учебы Берозова в школе пришлось на нелегкое послевоенное время. В 1956 г. он был призван на службу в Советскую Армию. Вернувшись, он продолжил учебу.

Благодаря способностям к учебе, упорному труду и терпению Б.П.Берозов закончил два высших учебных заведения, стал видным ученым – историком, автором многочисленных исследований, получивших заслуженное признание в стране.

Будучи студентом второго курса, он был принят в ряды КПСС, и его политические предпочтения до конца жизни оставались неизменными. Еще в годы учебы на историческом факультете он полюбил работать в архивах, и в последующем это стало неотъемлемой частью его научной деятельности.

В 1976 г. Батрадз Павлович успешно защитил диссертацию на соискание звания кандидата исторических наук и стал преподавателем на кафедре истории XX в. СОГУ.

В годы учебы в аспирантуре он печатает ряд научных статей по аграрной проблеме на Северном Кавказе в пореформенный период, в которых анализирует особенности земельных отношений в крае, вопросы демографии и российской государственной политики по отношению к горцам.

Крестьянин по происхождению, он интересовался не только историей крестьянства, но и хорошо знал психологию, круг интересов, переживаний и чаяний сельского жителя.

Неоднократно он публиковал также статьи по истории культуры осетин, поскольку эта тема его тоже весьма интересовала.

В 1979 г. вышла в свет его первая книга «Земельная реформа и отмена крепостного права в Северной Осетии».

Докторскую диссертацию Батрадз Берозов защитил в 1981 г. в институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. К этому времени его имя уже было известно каждому историко-аграрнику.

Широкую известность получили его монографии «Переселение осетин с гор на плоскость», «Путь равный столетию». Эти работы были первой и наиболее удачной попыткой многопланового и комплексного освещения всей истории аграрного вопроса в Северной Осетии. Вслед за Г.А. Кокие-

вым, Б.В. Скитским, М.С.Тотоевым и другими учеными-осетиноведами Б. Берозов раскрывает закономерности и специфику аграрных отношений в наиболее сложный период их развития – в период ломки феодальных производственных отношений и внедрения капиталистических.

Особенно глубоко исследованы им вопросы переселения осетин на плоскость и последствия этого переселения, состояния земледелия и формы землепользования в различных географических районах Осетии, земельные мероприятия царизма.

Все работы профессора Б.П. Берозова выполнены на основе громадного количества исторического материала – литературного, полевого и архивного. В частности, использованы данные из 83 фондов более чем 10 центральных и местных архивохранилищ разных городов нашей страны.

Будучи тяжелобольным, он находил в себе силы работать. Уже после смерти вышло его исследование «Исторические этюды» (1992 г.), посвященное истории возникновения осетинских сел и казачьих станиц.

Его взаимоотношения с начальством и собственной совестью, доброжелательное отношение к коллегам способствовали установлению здоровых рабочих отношений со всеми членами подготовительного отделения, которое он возглавлял до последних дней жизни.

Умер Б.П. Берозов в ноябре 1990 г. Его научные труды пронизывает редчайшее сочетание глубоких познаний настоящего ученого и историческое видение каждой страницы великой книги, которая называется жизнь.

Переселение осетин с гор на плоскость

(XVIII-XX вв.)

ВВЕДЕНИЕ

Осетинский народ имеет богатую историю. В течение многих веков он был в объективе крупных исторических событий, которые прошли для него не бесследно. Некоторые из них сыграли трагическую роль в судьбах осетин, особенно нашествие гуннов и монголов. Бывали моменты, когда народ был на грани гибели и физического исчезновения, и только исключительное трудолюбие и мужественная борьба с суровой природой и иноземными поработителями каждый раз выручали его.

В этих условиях присоединение Осетии к России в 1774 г. имело выдающееся значение для дальнейших судеб осетинского народа. Одним из самых значительных последствий присоединения было переселение осетин с гор на равнину. Переселение с гор на плоскость и получение возможности пользоваться плодородными землями Северо-Кавказской равнины для осетинского народа были его вековой мечтой. Исключительное малоземелье, постоянный голод и эпидемические болезни, особенно чума и холера, превращали Осетию в край «черной смерти» и «мертвых городов». Если численность ее жителей в начале XVIII в. еще определялась «сотнями тысяч душ»,¹ то к 1826 г. ее население составляло всего 20 200 чел.², то есть за 70–100 лет сократилось почти в пять раз.

Другая картина наблюдалась уже после переселения части осетинского населения на равнинные земли: кривая роста его численности пошла вверх. В 1833 г. осетин уже насчитывалось 35 000 человек, в 1860–66 000, в 1880–111 000 и в 1900 г. – 160 000 человек³, то есть за 70–80 лет численность осетин возросла более чем в 8 раз.

По существу, присоединение Осетии к России и последовавшее за этим массовое переселение осетинского народа на плодородную равнину явилось новым его возрождением.

Всестороннее исследование этой проблемы в истории осетинского народа и является предметом настоящей работы.

Автор также принимал во внимание то обстоятельство, что история осетинских сел до сих пор не разработана, хотя и делались неоднократные попытки. Так, например, по решению Правления Союза писателей Северной Осетии от 12 сентября 1935 г. должна была выйти из печати книга

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. Орджоникидзе, 1932. С. 156.

² Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964. С. 15.

³ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 39.

очерков по истории осетинских сел. Даже был утвержден авторский коллектив, которому поручались подготовка и выпуск такой книги. В его состав вошли известные осетинские писатели: Г. Цаголов, С. Косирати, Г. Бараков, К. Бадоев, А. Коцоев, Д. Мамсуров и др. Книгу предполагали посвятить предстоящему второму съезду колхозников республики.

К сожалению, это решение Союза осетинских писателей не было превращено в жизнь.

Необходимость монографии по истории осетинских сел в настоящее время очевидна. Она вытекает, прежде всего, из той роли, которую играют села в жизни народа. Советское село – это активный, творческий, организующий элемент в многогранной общественной деятельности народа. Изучая прошлое наших сел, мы глубже познаем те поистине исторические перемены, которые произошли в облике наших сел и деревень. История наших селений неотъемлема от истории нашей великой Родины.

В настоящей работе исследуется история всех, без исключения, осетинских селений, возникших в XVIII–XX вв. на Осетинской равнине, в Моздокском районе и Кубанской области.

При работе над книгой автор встретился с целым рядом трудностей. По теме переселения осетин с гор на равнину нет специальных исследований. Лишь отдельные авторы в своих работах касались вскользь этого вопроса.

Поэтому настоящая работа в этом отношении является первой попыткой систематизации имеющегося исторического материала по данной проблеме. Перед автором стояла сложная задача не столько в смысле поисков необходимых исторических материалов и их извлечения, сколько в смысле анализа и классификации собранного огромного материала, если иметь в виду почти полное отсутствие какого-либо опыта и наследия в данном вопросе не только в осетинской исторической науке, но и во всей кавказоведческой литературе. А между тем известно, что в истории других северокавказских народов (ингушей, чеченцев, балкар, карачаевцев, черкесов и народов Дагестана) также было аналогичное переселение с гор на плоскость. Однако по этой проблеме специальных исследований и у этих народов пока нет.

Существующие сведения по истории отдельных осетинских плоскостных сел в основном отрывочны и во многом противоречивы. Даты основания большого числа селений (следовательно, и времени переселения их первых обитателей с гор на плоскость), таких, как Хумалаг, Зилга, Заманкул, Брут, Дарг-Кох, Карджин, Лескен, Дур-Дур и др., у разных авторов датируются по-разному.

Противоречивы также данные документов. Нам не раз приходилось в процессе сбора материала сталкиваться с фактами, когда содержание одних документов по данному вопросу опровергалось содержанием других, когда отдельные моменты или отдельные этапы переселения источниками разных времен толковались по-разному. Эта противоречивость особенно разительна прослеживалась в документах (расписки, свидетельства, акты, рапорты, донесения, отчеты и др.), авторами которых являлись официальные представители царской власти. Только после тщательного изучения и анализа большого материала, извлеченного из различных архивохранилищ, нам удалось найти правильный ответ на тот или иной вопрос по исследуемой проблеме. При этом в поисках истины мы во многих случаях предпочтению

отдавали документам, исходящим от простого народа (прошения, жалобы, объяснения и др.).

Весьма ценный материал по истории переселения мы получили от местных жителей. При сборе полевого материала (автор побывал почти во всех плоскостных осетинских селениях и в большинстве горных аулов) мы лишний раз убедились в значимости поднятой проблемы. То обстоятельство, что история переселения с гор на равнину так ярко запечатлена в памяти народной, свидетельствует прежде всего о большом значении, которое придавал осетинский народ этому процессу в своей судьбе.

Многое из того, о чем говорили местные старожилы, поразительно совпадает с данными исторических документов. Народные легенды, песни, предания и другие устные свидетельства хорошо передают отношение народных масс к процессу переселения.

Хронологические рамки периода переселения осетин на равнину установить не трудно. Оно началось вскоре после заложения русским государством крепостей Моздок (1763 г.) и Владикавказ (1784 г.). Но до начала XIX в. это переселение носило эпизодический характер. Массовый переход осетин на плоскость начался только с 1803 г., когда вторично, и на этот раз окончательно, были восстановлены на территории Осетии Владикавказская крепость и военные укрепления: Потемкинское, Григориополисское, Камбилеевское и Елизаветинское. Эти мероприятия царского правительства непосредственно вытекали из условий соглашения, подписанного представителями осетинского народа с царскими властями, а главное – из самой сущности колониальной политики царизма на Кавказе.

Первый массовый этап выселения осетин с гор продолжался до 1816 г. Выселение происходило, в основном, из Тагаурского ущелья. Началом второго этапа массового переселения послужил план генерала Ермолова о перенесении Военно-Грузинской дороги с правого берега реки на левый. Для осуществления этого плана нужно было обезопасить левобережную часть Владикавказской равнины. Наместником Кавказа было принято решение очистить эту территорию от остатков антирусски настроенных горских (кабардинских) феодалов и заселить ее относительно «спокойными» осетинскими аулами. Поэтому в 1822 г. по приказу Ермолова комендант Владикавказской крепости полковник Скворцов разделил всю левобережную часть Терека и указал представителям Дигорского, Алагирского, Куртатинского и Тагаурского ущелий земли, где можно селиться. Переселение проходило довольно успешно.

В дальнейшем процесс переселения претерпел ряд трансформаций, связанных с изменением колонизаторской политики самодержавного правительства на Кавказе и его аграрной политикой в Осетии.

В настоящей работе проблема перехода осетин с гор на плоскость исследуется до советского этапа массового переселения включительно.

В заключение хочется подчеркнуть, что предлагаемая работа несомненно окажет добрую услугу широким массам читателей в более четком, глубоком понимании истории родного края и его исторических связей с соседями – ингушами, кабардинцами, грузинами, балкарцами, чеченцами, с великим русским народом.

Разумеется, автор далек от мысли, что ему удалось исчерпывающе осветить затронутую тему. Любые замечания и дополнения к работе им будут приняты с благодарностью.

НАЧАЛО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ОСЕТИН С ГОР НА РАВНИНУ

Нашествие татаро-монголов и уход осетин-алан в горы Центрального Кавказа

Татаро-монгольское нашествие принесло неисчислимые бедствия многим странам Азии и Восточной Европы, явилось национальной трагедией многих народов.

Для осетин многократные монгольские походы на территорию их предков имели особенно тяжелые последствия. Пало Аланское государственное объединение. В результате массового истребления население намного сократилось. Погибли культурные памятники. Сельское хозяйство, ремесла, торговля пришли в упадок.

Нашествие татаро-монгольских полчищ было настолько опустошительным и кровопролитным, что некогда большое и сильное государство алан перестало существовать. Предгорная территория превратилась в безлюдную пустыню. Уцелевшая часть народа была вынуждена в конце XIV – начале XV в. переселиться в горы.

Итальянский путешественник XV в. Барбаро, побывавший на Северном Кавказе после татарских погромов, писал: «Народ сей (алано-ясы), исповадовавший христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих»¹.

Более определенно описал трагедию осетинского народа грузинский историк XVII в. Вахушти: «Во время походов чингисовых ханов, – писал он, – разорились и опустошились города и строения их, и царство овсов превратилось в мтаварство-княжество, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть страны их превратилась в пустыню, и с тех пор Овсетия (т.е. плоскостная часть. – Б.Б.) стала называться Черкесией или Кабардой»².

На восточных подступах аланской территории весной 1222 г. произошло первое кровопролитное сражение между монгольскими войсками и объединенными силами алан и кипчаков. Ни одна сторона не одержала победы. Поняв, что одной силой не одолеть противника, монголы пошли на испытанную в предшествующей практике дипломатическую хитрость. Они решили разрушить союз алан с кипчаками; послали своих людей к половецким ханам, чтобы склонить их к предательству. «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из наших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, принесем вам денег и одежды сколько хотите; оставьте нас с ними»³.

¹ Иосафат Б. Путешествие по Тану. «Библиотека иностранных писателей о России». СПб., 1836. Т. I. С. 6.

² Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 153.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.–Л., 1884. С. 25.

Задуманный татарами план был осуществлен: половцы по приказу своих вождей покинули поле брани. Аланы остались лицом к лицу с превосходящими и хорошо вооруженными силами противника и проиграли битву. Монгольское войско затем разгромило и половцев.

Хотя монголам удалось выиграть битву с аланами, они не сумели установить свое господство над их страной. Поход полководцев Чингисхана в 1222–1223 гг. на Северный Кавказ и Русь носил разведывательный характер. Как известно, после битвы на Калке монголы возвратились через Урал-Каспийский проход в Среднюю Азию.

В 1238 г. военные действия на Кавказе снова возобновились. «На этот раз своей основной удар монголы нанесли аланам... Захватчиков должны были привлекать занятые аланами подступы к оживленным перевальным дорогам в Закавказье (нынешние Военно-Сухумская, Военно-Осетинская и Военно-Грузинская дороги). Кроме того, у монголов были старые счеты с аланами, выступившими против них еще в 1221–1222 гг.»¹. Значение, которое придавал Батый этому новому походу, видно из того, что во главе войска были поставлены крупнейшие деятели из его окружения (двоюродные братья Мангу-Каан, Гуюк-хан, Кадан, а также сын другого двоюродного брата – Бури). Донося Угедю о произведенных завоеваниях в Восточной Европе, Батый считал необходимым назвать по имени только Макас (Маас). О том, что город Маас был столицей Западной Алании, писал еще в X в. Масуди: «Столица страны (аланов) называется Маас, что значит «Благочестие». В этой стране находятся еще крепости и угодья, расположенные вне этого города, куда царь время от времени переезжает»².

Жители Макаса оказали Батыю мужественное сопротивление. О стойкости аланской столицы и о той страшной трагедии, которая постигла ее, сообщает персидский историк Джувейни (1226–1283 гг.). «Жители, – рассказывает он, – по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили город с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 2700 ушей»³.

Для понимания конечных результатов монгольского нашествия 1238–1239 гг. на Северный Кавказ важное значение имеет сообщение Плано Карпини. Он отмечал, что в числе земель и народов, которые побеждены монголами, были «камуки», «аланы или ас», «тарки», «чиркасы». Он же писал, что в числе «земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им», была часть Алании⁴.

Проезжавший в 1253–1255 гг. через Аланию посол французского короля к монгольским ханам Вильгельм де Рубрук тоже отмечал, что аланы не

¹ Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ. «История СССР». 1965. № 5. С. 100.

² Подробно об этом городе см.: Виноградов В. Б. Жизнь и гибель аланского города. «Социалистическая Осетия», 1967. 27 дек.

³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 23.

⁴ Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 35–36.

были окончательно покорены в результате походов Батые, что живущие в горах аланы «все еще борются против татар»¹. Однако походы батыевских полчищ на Северный Кавказ оказались роковыми для алан. Вся равнинная часть их территории была захвачена врагом и впоследствии включена в состав Золотой Орды. Над ней засвистела ременная плеть завоевателя. Наступило страшное время татаро-монгольского ига. Оно, по словам К. Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»². Был установлен режим насилий и грабежа. Оставшееся в живых население было обложено тяжелыми повинностями. Горная Осетия в ту страшную пору, когда казалось, что вся земля стонет под монгольским игом, напоминала осажденную крепость. Она стала неприступным бастионом на пути монголов. Хотя Батый не раз посылал крупные силы во главе со своими лучшими полководцами для вторжения в горы, ему все же не удалось привести в покорность горцев-алан.

В 1254 г. Рубрук отмечал, что «аланы на этих горах все еще не покорены, так что татарам из каждого десятка людей Сартака (сына Батыя) двоим подлежало караулить горные ущелья, чтобы аланы эти не выходили из гор для похищения их стад на равнине»³.

В конце XIV – начале XV в. территория алан стала ареной борьбы между ханом Тохтамышем и Тимуром и в результате этого подверглась новому разграблению и опустошению. Тохтамыш, быстро оправившись от первого поражения, нанесенного ему Тимуром весной 1391 г. на реке Кундурча (ныне Куйбышевская обл.), снова собрал и вооружил большую орду и через Кавказский перевал обрушился с серией грабительских походов на владения Тимура в Азербайджане. Решив одним сильным ударом покончить навсегда со своим противником, Тимур сконцентрировал громадные военные силы и двинулся через Дербентский проход на Северный Кавказ. Враждебные рати сошлись в пределах современной Северной Осетии. Есть основание полагать, что линия фронта проходила в районе Нижнего Дзулата (Эльхотово). Личная ставка Тимура находилась в районе Дарг-Коха.

В апреле 1395 г. разыгралось беспрецедентное по тем временам сражение между армиями двух хищников, решившее судьбу не только Тохтамыша, но и Золотой Орды. «Мир наполнился криками и смятением, и вселенная стала полна тревогой»⁴, – писал персидский историк Низам ад-Дин-Шахи. По «степям текли ручьи крови». От трехсоттысячного войска остались разрозненные, бегущие в панике отряды. Тохтамышу удалось бежать на север (в Булгар), а Тимур, преследуя его, дошел до Рязанской земли, ограбил Елец, а затем Азов. Имея твердое намерение совершенно уничтожить Золотую Орду, Тимур, однако, временно отложил свой поход в низовья Волги и отправился обратно на Северный Кавказ. Его туда позвала весть о восстании аланских вождей Буриберди и Буракана.

Путь Тимура лежал через Кубань. Двигаясь здесь, грозный завоеватель увидел перед собой выжженные горцами (черкесы и аланы) черные степи.

¹ Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 89.

² Цит. кн.: Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950. С. 217.

³ Рубрук. Указ. соч. С. 169.

⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 110.

В результате девятидневного похода по этой пустыне тимуровские полчища лишились огромного количества верблюдов, лошадей и людей. По дороге осталась и значительная часть обоза.

Принимая во внимание характер Тимура, нетрудно представить, какой чудовищный гнев и жажду крови пробудил в нем этот удачный маневр его противников. Естественно, что вся сила этой ярости была сконцентрирована против основных виновников – алан. Особенно тяжелому погрому подверглись жители Западной Алании – предки дигорцев. Ничто уже не могло сдержать наступление Тимура: ни горы, ни непроходимые леса, ни укрепления. Пали горные крепости аланских владетелей Кулу и Таус близ Эльбруса. «Крепости их были на вершинах гор, а дороги к ним крайне трудны и тяжелы, так что из-за их большой высоты у наблюдающего темнело в глазах, а у смотрящего падала шапка с головы. Крепость же Тауса имела особенно прекрасное высокое строение, стрела не достигала снизу доверху крепости, и без усилия ум не мог представить взятия ее»¹.

Шариф-ад-Дин так излагал дальнейшие события: «В намерении покорить неверных, зная, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Буракана. Вырубив деревья и проложив дорогу (Тимур), оставил эмира Хаджи-сейф-адуина при обозе, а сам с цепью Джахауа взшел на гору Эльбрус (Эльбрус). В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры, и во всех делах победоносное войско его... одержало победу, многих тех неверных, предав мечу Джахауа, отправили в огонь геенны, разорили их крепости...»²

Так лаконично и сухо повествует историк о потоках крови, которыми залил Тимур продолжавшую бороться Аланию.

Походы на алан этим не закончились. В 1400 г. орда Тимура ворвалась в Грузию. Узнав, что грузинам в борьбе против него помогают осы, он через Дербент снова напал на Осетию, «опустошил всю страну, полонил население»³.

Таким образом, систематически повторявшиеся в течение двух десятков лет погромы Тимура завершили начатый монголами еще в первой половине XIII в. разгром алан. До Тимура враги никогда так далеко не проникали в глубь Кавказских гор. Вырубая леса и прокладывая дороги, его отряды добирались до самых отдаленных горных уголков.

Тимур в жестокостях превзошел своих предшественников. Не задумываясь, он отдавал приказы о поголовном истреблении людей и физическом уничтожении целых городов и деревень. К. Маркс писал: «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и, таким образом, всюду наводить ужас»⁴.

Особенно беспощаден Тимур был к аланам – народу-иноверцу, народу-непримиримцу, непокорившемуся народу. На месте обильных аланских сел и зеленых полей оставались сожженные очаги и черный пепел. Недаром имя Тимура хранится веками в памяти народной как символ зла, горя и ужаса.

¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 183.

² Там же. С. 181.

³ Джанашивили М. Известия грузинских летописей о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897. С. 53.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 4. М., 1939. С. 185.

В устном народном творчестве осетин нет других исторических имен эпохи татарского нашествия, кроме имени Тимура. В преданиях он характеризуется такими эпитетами и сравнениями, как «страшный зверь», «людоед», «нечистая сила», «необоримая стихийная сила», Тимур-ленг, Аксак-Тимур и др. Видимо, с тех же времен бытует среди осетин фраза: «Он объел нас, как Аксак-Тимур». Самым значительным произведением народного творчества, отразившим общенациональную трагедию осетин в период тимуровских походов, является историческая песня «Задалесская мать» («Задалески нана»). Песня воспела героизм народа, оказавшего мужественное сопротивление завоевателю. Идейное содержание песни: разгром на плоскости и возрождение осетин в горах.

Ценный материал об этой эпохе содержится и в других преданиях и старинных названиях отдельных местностей Осетии.

Одним из печальных итогов татаро-монгольских погромов на аланской земле стал уход ее жителей в горы Центрального Кавказа. Только бегством в труднопроходимые ущелья могла спастись от поголовного истребления незначительная часть осетин. Горы стали самым надежным убежищем от постоянных и неожиданных нашествий завоевателей.

Движение в горы усиливалось в течение XIII–XIV вв. в результате следовавших в дальнейшем нашествий. Здесь же стали искать защиту и спасение западные аланы, а затем и жители всей многострадальной равнины. Люди оставляли на поругание врагу дом, скот, хозяйство. Каждое очередное нашествие, всякое появление врага порождали новые отряды беженцев. Оставляя просторы родной земли, аланы искали защиты у дикой природы. «По дорогам, по тропинкам бежали из аулов женщины, дети, старики, и горе сопровождало их. В лесную глушь, в горы добирались беглецы, как звери, прятались в пещерах»¹.

Современники той страшной поры не оставили потомкам письменных источников или других свидетельств, по которым можно было бы судить о размерах этого движения. Слабо освещается этот вопрос и в произведениях устного народного творчества, вернее, мы не имеем этих произведений, видимо, они не дошли до наших дней, ибо трудно согласиться с мыслью, чтобы подобные моменты в исторической судьбе народа не были отмечены его художественным словом. Исключение, пожалуй, составляет названная выше песня «Задалесская мать». В ней народ отразил свою трагедию, когда в результате тимуровской резни он окончательно потерял 4/5 своей земли и бежал в горные теснины, унося с собой с плоскости названия своих сел. Вот почему сейчас приводит в недоумение неосведомленного наблюдателя то странное обстоятельство, что до сих пор старинные селения далекого горного района Дигории – Задалеск, Махческ, Фараскат, Вакац – вместе с местностью, которую они занимают, называются почему-то «Тъæппæн Дигора» (Плоскостная Дигория). Для нас сейчас ясно, что это название принесли с собою спасавшиеся здесь от татаро-монгольских орд беженцы-аланы с плоскости. Молодежь же почти вся погибла в битвах с врагом.

*«Цвет дигорской страны – молодежь и мужи –
Воин воина краше, бьются в смертельном бою,
Утопают в крови от руки врага,*

¹ Баранов Е. Легенды о Кавказе. Ростов-Дон, 1926. С. 76.

*В мир загробный идут... редеют их ряды...
До последнего вздоха защищались мужи,
До последнего мужа в битве правой легли», –*

говорится в песне.

Старая нана после погромов и пожарищ собирает маленьких осиротевших детей и уводит их в горы.

*«Но на счастье народа, в этот страшный час
Уцелела с детьми одна из матерей.
Как отару овец собирала сирот,
Днем и ночью она оберегала их
От лесного зверя и от злого врага,
Через поле и лес, через лес и поля
К хребтам дигорских гор направлялась она,
Перейдя перевал, над Задалеском там
В пещерах и в норах нашла им приют».*

Убегая в горы, люди долго не мирились с мыслью, что им навечно пришлось покинуть свои широкие и раздольные равнинные края. В горных трущобах предки осетин видели свое временное убежище, надеясь после ухода врага снова спуститься на плоскость. Судьбе же угодно было решить вопрос иначе.

К концу XIV в. вся плоскостная Алания оказалась пустынной. На равнине остались лишь многочисленные могильные курганы.

Уже знакомый нам итальянский путешественник И. Барбаро через сорок лет после нашествия Тимура не нашел здесь коренных жителей. Аланское государство было уничтожено и навсегда погибло. Исчезло со страниц истории и само слово – аланы. Только мужественная борьба горстки осетинского народа с природой за свое существование среди диких горных скал и ущелий как бы напоминала о былом могуществе его предков.

Социально-экономическое положение осетин в горах Кавказа (XV – первая половина XVIII в.)

К XV в. территория осетин ограничилась четырьмя горными ущельями – Дарьяльским, Куртатинским, Алагирским и Дигорским – на северных склонах Главного Кавказского хребта.

Смешавшись с коренным горским населением (горными аланами), беженцы с равнины разделились на ряд горных обществ. Жители восточных ущелий, образуемых реками Терек, Геналдон, Гизельдон, образовали Тагаурское общество; по р. Фиагдон возникло Куртатинское общество; в Алагирском ущелье по р. Ардон – Алагирское, а по реке Урух и его притокам – Дигорское общество.

Видимо, первые партии беженцев оседали у входов в ущелья, ведя свое хозяйство на предгорных землях. Однако эти места не могли вместить всех, и потому людям приходилось уходить все дальше и дальше в горы. Из сохранившихся остатков сел в горах Осетии видно, что горцы в поисках новых мест поселения занимали самые высокие и самые труднодоступные места, хоть сколько-нибудь обеспечивавшие их пахотными землями и

сенокосами. «Вообще надо удивляться, на каких высоких вершинах и крутых покатостях осетины-горцы обзаводились постройками. Их деревни издали похожи на орлиные гнезда. К ним из ущелий поднимаются тропинки, по которым, однако, не всегда можно пройти безнаказанно. Особенно опасно зимой и во время гололедицы»¹. К моменту окончательного покорения алан, то есть к XV в., плотность населения достигла такой степени, что северные склоны гор не могли вмещать всех, кто бежал от татаро-монгольских завоевателей. Земельная теснота, рост населения вынуждали осетин переходить Главный Кавказский хребет и спускаться на его южные склоны. Эти места были освоены осетинскими племенами еще в древности, в эпоху гуннского нашествия (IV в.), но к XIII в. они опустели в результате переселения осетин в долины². На эти опустевшие места и стали переходить поселенцы с севера.

Концентрация населения не везде была одинаковой. Наиболее сильному заселению подверглись западные ущелья – Дигорское и Алагирское. Первое оказалось местом спасения всех беженцев из густонаселенных западных плоскостных районов Алании, а в последнем нашли убежище жители западных и восточных районов. Количество населения по отношению к площади удобной земли сравнительно с другими районами горной Осетии здесь преобладало вплоть до конца XVIII в.

Людям пришлось экономить каждый кусок, каждый вершок земли. Жилища строились в 2–3 этажа и отличались большой скученностью. Дома настолько плотно примыкали друг к другу, что одна постройка обычно висела над другой, крыши нижних сооружений служили дворами для верхних. Дома располагались на таких обрывистых вершинах, свидетельствовали исследователи горного края, что страшно на это взглянуть непривычному глазу.

К сожалению, нет данных, по которым можно было бы установить количество населения, укрывшегося в горах Осетии. Благодаря постоянному притоку беженцев с плоскости, оно превысило в сотни раз возможности данной территории. Имеются более поздние сведения, говорящие, что даже в начале XVIII в. плотность населения в Осетии была исключительно высокой.

В 1742 г. грузинский архиепископ Иосиф и архимандрит Николай в челобитной Елизавете Петровне об отправке в Осетию духовной комиссии называли Осетию «многолюдным краем», указывая при этом, что «помянутого народа по исчислению обоих полов более 200 тыс. душ»³.

Об этом же говорит и другой документ, правда, более поздний. 18 мая 1772 г. начальник Осетинской духовной комиссии Афанасий Лебедев в своем рапорте об успехах миссионерской работы среди осетин и ингушей, между прочим, дает некоторые цифровые данные об осетинах Нарского, Бакинского, Куртатинского и Алагирского ущелий. «Оного же народа, как объявили тех мест бывшие у меня старшины, что весьма много численное множество: в Нарском, Закинском, Куртатинском и Алагирском уездах более ста тысяч душ, а в Дигорах, Чимах и протчих Осетии местах, сколько их есть, еще не известен. Однако, по объявлению других, более 200 тыс.»⁴

¹ Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. «Терские ведомости». 1884. № 2.

² Калоев Б. А. Осетины. М., 1967. С. 54.

³ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. I. Орджоникидзе, 1976. С. 30.

⁴ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 156.

Надо отметить, что эти цифры преувеличены хотя бы уже потому, что в других документах почти того же времени указываются цифры гораздо меньшие¹.

Однако несомненно одно – перенаселение здесь достигло крайнего предела. «Решетки нагорной полосы переполнились до краев»².

С ростом концентрации населения росли и лишения народа. В периоды внешней безопасности, вплоть до XVI в., осетинское население имело возможность пользоваться примыкающей к горам равниной. Появление кабардинских князей, «ограничившее сначала эти возможности до пределов, а затем постепенное оттеснение осетин к их нагорной базе и закончилось было тем, что население совершенно было заперто в горах, лишившись возможности пользоваться примыкающей равниной»³.

На сильно ослабевшую Осетию с юга оказывали постоянное давление грузинские феодалы, а с севера наседали кабардинские князья. Все земли плоскостной Алании вскоре после упадка власти золотоордынских ханов были заселены адыгскими племенами.

Продвижение адыгов с Черноморского побережья в восточном направлении началось еще в XI в.⁴. Господствующая племенная верхушка стремилась приобрести дополнительные пастбищные и пахотные земли.

После распада Золотой Орды кабардинцам удалось одними из первых среди северокавказских народов освободиться от татаро-монгольского ига. Это объясняется в известной мере тем, что адыгским князьям удалось вступить в самостоятельные сношения с генуэзскими колониями на Северном Кавказе и в Крыму. Уже в 70-х гг. XV в. они заключают ряд выгодных соглашений с консулами Каффы, добиваясь у них покровительства генуэзской торговли с местным населением.

К концу XV – началу XVI в. (период распада Кабарды на Малую и Большую) относится окончательное освоение кабардинцами степных и предгорных пространств бассейна Терека. «Перейдя на правый берег реки Терек и заняв своими хуторами и кочевьями предгорную равнину, малокабардинцы пришли в непосредственное соприкосновение с чеченцами, ингушами и осетинами и близко познакомились с ними, жившими в своем большинстве в горах»⁵.

Кабардинские феодалы, используя обширные и плодородные земли в долине Терека, значительно расширяют свое хозяйство. Как скотоводческий народ они нуждались в широких, пока малонаселенных (после алан) северокавказских степях, по которым, перегоняя свои стада, действительно доходили до устья Терека. «Их поселения (деревни), так называемые «кабаки», тянулись от Сунжи до Малки и далее на запад. На Владикавказской равнине... эти «кабаки» были расположены в значительном количестве и простирались до самых входов в осетинские ущелья»⁶.

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 216–222.

² Цаголов Г. М. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С. 72.

³ Рклицкий М. В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области. «Известия» СОНИИ. Т. II. Орджоникидзе, 1926. С. 160.

⁴ История Кабарды. М., 1959. С. 27.

⁵ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 33, оп. I, д. 16, л. 18.

⁶ Тотоев М. С. Кабардино-балкаро-осетинские отношения в XVI–XVIII вв. «Известия» СОНИИ. Т. 25. С. 140.

Сохранились имена и фамилии наиболее влиятельных кабардинских феодалов, от которых осетины отдельных ущелий находились в зависимости и несли повинности. Так, дигорские крестьяне в XVII в. платили дань Алегукке и Хадаждукке Черкасским и Зазарукке Анзорову. В XVIII в. те же дигорские крестьяне находились в зависимости и платили повинности Магомет-Гирею, Нафи Мурзе, Мисосту Канайбекову, Бекмурзе и Магомету Коголкиным, Адильгирею Гиляксанову, Асланбеку Кайтукину. Куртатинцы платили дань князьям Большой Кабарды – Мисосту Мамбетову и феодалам Малой Кабарды Ахловым, Тасултановым. Кобанцы, по Гизельдону, являлись данниками Татархановых и Тасултановых, крупный малокабардинский князь Мударов и его уздени эксплуатировали горцев Дарьяльского ущелья¹.

Степень зависимости осетин различных обществ была неодинаковой. Если дигорцы являлись по всей форме данниками кабардинских князей, то зависимость горцев Тагаурского, Куртатинского и Алагирского ущелий не носила систематический характер. Она была неодинаковой в различные времена года, например, летом и зимой, и даже зависела от урожая в горах. «А когда у них (у осетин. – Б.Б.) в горах хлеб и трава родится довольная, и тогда они соль покупают из Грузии. И в горах, отъезжая в дальние места, достают воды и из оной варят. И скоты свои из гор не выгоняют, и сами в Кабарду уже не ездят, и кабардинцев к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки»².

Политические, хозяйственно-экономические и географические условия, в которых осетинское общество находилось в течение четырех с половиной веков, были чрезвычайно тяжелыми. Горы из друзей превратились в смертельного врага, из мест укрытия сделались «каменным мешком». Ущелья скрывали осетин от врагов, но кормить огромное количество населения в течение многих десятилетий они отказались. Продуктов питания в горах не хватало, а спускаться на равнину было опасно. В Осетии прославлялись те, кто был нетребовательным к пище, но упорным в труде, мужественным и стойким в бою. Народ не знал достатка, отдыха и спокойствия. Осетия походила на осажденную крепость, оборона которой длилась веками.

Нищета, голод и неизбежные их спутники – опустошительные болезни – стирали с лица земли целые населенные пункты. До сих пор в горах Осетии можно встретить еще развалины вымерших поселений. «Когда вы подъезжаете к этим унылым остаткам губительного пиршества болезней, – писал Цаголов, – жуть какая-то невольно овладевает вами»³.

Горцы боролись за каждый вершок ровной земли, расчищали крохотные речные долины, засоренные обломками гигантских скал. Кур не разводили, боялись, что они причинят вред посевам, ограничивали площади под кладбища. Каждой семье или фамилии отводили только одну усыпальницу (зæппадз), которая последовательно принимала покойников этой семьи. Чтобы больше вмещать останков, делали несколько этажей. Под кладбища отводились участки прямо на каменных скалах. «В стремлении сэкономить место для пашни население вынуждено было не только строиться самым

¹ Тотоев М.С. Указ. соч. С. 143–144.

² Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 32.

³ Цаголов Г.М. Край беспросветной нужды. С. 80.

скупенным образом и вести свои постройки вверх, в несколько этажей, но даже и своих покойников погребать в пещерах, складывая один на другого, а не то ставить их даже стоймя, оправдывая подобные способы погребения боязнью осквернить человеческим трупом землю»¹.

В горах Осетии земля, удобная для хлебопашества, имела неслыханную цену («туджы аргъ»). Она стоила того животного, которое помещалось на ней. «Если кто-нибудь владеет кусочком земли, в котором не очень сильно нуждается, то он продает его другому по очень высокой цене. За несколько квадратных саженьей уплачивают одним рабом или 100–160 овцами»².

Географические условия способствовали дроблению людей на небольшие общества – Дигорское, Нарское, Мамисонское, Закинское, Донифарское, Лесгорское, Алагирское, Куртатинское, Тагаурское и др., носящие одинаковые с занимаемыми ущельями названия.

Все видные исследователи истории и экономики Осетии в прошлом и настоящем сходятся в одном: период с XV по XVIII в. является тяжчайшим в истории осетинского народа, приведшим к искусственному сокращению прироста населения, потере территориального единства, чрезвычайно замедленному процессу развития общества, сохранению, консервированию и обновлению институтов, предшествующих более древним этапам развития.

Осетины, загнанные в невероятно тяжелые природные условия, строили всю свою хозяйственно-экономическую жизнь под постоянной угрозой голодной смерти. «Мы жительствоуем внутри гор весьма тесно и неисправно, во всем же мы имеем великую нужду и недостаток»³, – писали осетины русскому правительству в марте 1775 г. Здесь не могло быть и речи о нормальном экономическом развитии, о росте производительных сил. Жизнь осетин в горах – постоянная борьба с суровой природой. Хозяйство горца не могло удовлетворить даже минимальных потребностей его семьи. Разумеется, он жил «в крайней бедности и в несказанном недостатке»⁴.

Оторванные друг от друга мелкие полуфеодалные и полупатриархальные общества жили замкнутой жизнью. Главными отраслями в хозяйстве были земледелие и животноводство. Применительно к горной местности осетины создали орудия по обработке земли, передвижные средства, животноводческий инвентарь. Естественно, земледелие в ту пору не могло стать основным занятием осетин, так как годной для хлебопашества земли в горах было очень мало. «Осетинами была использована, в конечном итоге, – писал Рклицкий, – вся земельная площадь, какую только можно было под влиянием безвыходного положения превратить тем или иным путем под пашню»⁵.

Нужно самому видеть горное хозяйство, чтобы представить титанический труд горцев. И сейчас в горной полосе обращают на себя внимание целые горы камней («цæндтæ») в середине или в нескольких местах незначительного куска пахотной земли. Камни эти были выбраны с участка и сложены здесь же как будто для того, чтобы показать потомству, каких

¹ Рклицкий М. В. Указ. соч. С. 170.

² Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. «Известия» СОНИИ. Т. XII. С. 240.

³ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 43.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Рклицкий М. В. Указ. соч. С. 170.

трудов стоило выращивание хлеба на голых скалах. Но этот гигантский труд не пугал человека, потому что, очищая землю и поливая ее потом, он спасал от голодной смерти себя и свою семью. Неудивительно, что вся семья от мала до велика целые дни проводила на поле. Быть может, – да оно так и бывало в большинстве случаев – земля не вознаграждала труд семьи, тем не менее та вынуждена была вечно трудиться на ней, так как другого исхода не было.

Еще зимой горец начинал перевозить на быках или чаще всего переносить на себе перегной на участки. Навоз складывался в небольшие кучки и в таком виде он оставался до весны. Затем тщательно разбрасывался после таяния снега. Только тогда приступали к пахоте. Эту картину в горах Осетии во второй половине XIX в. с большой выразительностью описал М.З. Кипиани. «К участку попадают с большим трудом, – писал он. – В большинстве случаев, забираясь на свой участок, лежащий у вершины заоблачной горы, соху тащит на себе, а быков гонит по тропе цугом и запрягает их в соху по достижении участка. Здесь он пашет или, вернее, ковыряет землю. Тщательно он обходит большие камни, которые не смог выбросить... Приходится удивляться, каким образом можно распахать участок земли, имеющий уклон в 60–70 градусов на огромной высоте. Эти участки горцу в большинстве случаев приносят ущерб. Часто во время распахки рабочий скот сваливается с кручи и погибает»¹.

Нередко случались настоящие катастрофы. «Потоки, образующиеся во время дождей, срываются с бешеной силою вниз с горных высот, разбедая на своем пути землю, слизывая целиком почву с пахотных, сенокосных и др. земель, неся с собою бесчисленное множество камней и сплошь покрывая те места, где еще так недавно колосился ячмень или изумрудом зеленела свежая, сочная трава», – писал Г. Цаголов.

Каким количеством пахотной земли располагал в описываемый период осетинский народ? Не будет ошибкой, если ее определить данными XIX в. Вся нагорная Осетия содержала в себе 339 тыс. дес., или 3700 кв. км, из них только 10 тыс. дес. пригодны для пахоты. Если приблизительно брать за число жителей в горах Осетии в средние века 60–70 тыс. человек (а сомневаться в этом нет никаких оснований), то картина страшного земельного голода станет еще разительнее.

Основным средством существования осетин-горцев было скотоводство. Оно «составляет главное занятие осетин», – отмечал Клапрот². Это было вызвано опять-таки специфическими условиями гор: наличием большого количества пастбищных земель. Горцы разводили в основном овец и коз, которые легко взбираются на крутые скалы, большие возвышенности и пользуются там высокогорными лугами. «Стада овец составляют главное богатство народа»³, – свидетельствовал тот же путешественник.

Меньше было крупного рогатого скота. Продукты скотоводства (сыр, масло, молоко) шли в пищу, а шерсть и шкуры – для изготовления одежды. Скот составлял и главный предмет обмена. Овец осетины обменивали в Грузии на ткани, полотно, золотые и серебряные нити, медную и железную посуду и орудия, а в Кабарде – на соль и хлеб.

¹ Кипиани М.З. Указ. соч. «Терские ведомости». 1884. № 17.

² Клапрот Ю. Указ. соч. С. 239.

³ Там же.

Безвыходное положение осетин-горцев усугублялось еще и тем, что часть участков удобной земли находилась в руках осетинской феодальной знати, в руках алдар и баделят. «Лучшие нивы, леса, луга и пастбища, — отмечал К. Хетагуров, — принадлежали им»¹.

Состоятельная часть осетинского общества, так называемая знать, была представлена совокупностью отдельных феодальных фамилий, в число которых входили: в Дигории — Тугановы, Абисаловы, Караджаевы, Кубатиевы, Кабановы, Чегемовы, Битуевы и другие; в Тагаурии — Тулатовы, Кундуховы, Мамсуровы, Алдатовы, Тхостовы, Есеновы, Кануковы, Шанаевы, Дударовы и Джантиевы; в Куртатинском обществе — Цаликовы, Есиевы, Тезиевы и Гуриевы; в Алагирском — Хетагуровы, Мамиевы, Мадзаевы, Датиевы и др. Эти феодалы «склонности ни к чему так больше не имеют, как пользоваться чужими выгодами, и потому немало между ними бывает таких насильств, что у бессильных нагло отнимают пашенные и сенокосные земли, скот, все имение и самую его жизнь»².

«Черный народ» не раз жаловался, что он «ни малой пахотной земли не имеет, где бы мог для своего удовольствия сеять хлеба и протчее, так же и скот довольный содержать не может»³.

Таким образом, вынужденный покинуть равнину в XIII–XV вв. осетинский народ оказался в горах в крайне неблагоприятных социально-политических и естественно-географических условиях. Часто повторявшиеся в этих условиях эпидемические болезни уносили десятки тысяч человеческих жизней. Численность осетин катастрофически сокращалась. Опасность физического вымирания народа была налицо.

Осетинская равнина во второй половине XVIII в. Первые осетинские поселения в предгорных районах

Если ехать с севера на юг, минуя Эльхотовские ворота (Татартупское ущелье), перед взором, слегка подымаясь к лесистым горам, открывается зеленая равнина, составляющая дно котловины или, как ее называют, Осетинская равнина⁴. Она имеет форму эллипса и занимает около 230 267 гектаров. Вся эта плоскость разделена течением реки Терек на две неравные части: правобережную — 75 094 гектара и левобережную — 155 173 гектара.

Геологи утверждают, что когда-то между Кабардино-Сунженской возвышенностью и лесистыми предгорьями Центрального Кавказского хребта стояло пресноводное озеро, имевшее два неглубоких истока: один к востоку, близ нынешней Назрани, а другой — в северо-западной части котловины. С течением времени вода углубила себе эти проходы, озеро вытекло, дно обнажилось, и на нем появилась могучая растительность, привлекавшая впоследствии животных и человека.

Котловину теперь прорезают горные реки. С востока, это Сунжа и Камбилеевка, берущие начало в близлежащих горах; затем Терек, вытекаю-

¹ Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 5-ти т. Т. IV. М., 1960. С. 319.

² АВПр, ф. Осетинские дела, оп. 128/12, 1766 г., д. 2, л. 173.

³ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 43.

⁴ Равнину называли еще Владикавказской или Иристонской.

ший из ледников Центрального и Северо-Бокового хребтов; Черная речка – из лесистых предгорий; за нею Гизельдон, начинающийся в северных ледниках снеговой Казбекской группы; Фиагдон – с Джимарайхохских и Архонских ледников; Ардон – с ледников Центрального хребта; Црау, Урсдон, Дур-Дур – из Большого известкового кряжа. Все реки, за исключением Сунжи, впадают в Терек в пределах Осетинской равнины, не доходя до Татартупского прохода.

Осетинская равнина с незапамятных времен имела исключительно благоприятные почвенно-климатические условия: умеренный и здоровый климат, массу родников и рек, плодородный почвенный покров. Она «может быть названа классическою по царству растительному»¹.

В XVIII в. «красивая и плодородная Осетинская равнина» представляла из себя малозаселенную степь с богатой растительностью – девственными лугами в северной своей половине и нетронутым лесом в южной. Эти луга с высокими и сочными травами, по словам современников, были созданы как бы самой природой для широкого развития скотоводства. «Долина могла бы приносить все продукты, которыми богата Швейцария, если бы только она подверглась правильной обработке. Зима здесь сносная, как и в соседних низменных местах, где в течение всей зимы могут пастись стада. Корма для больших стад было бы вполне достаточно, если бы отдаление от жилищ не было опасно вследствие грабежей»².

Осетинская равнина – свидетельница многих исторических событий. На ней частично находилась средневековая Алания, жителям которой суждено было принять первые удары татаро-монгольского нашествия. Земля здесь обогрета кровью ее обитателей в борьбе с иноземными захватчиками. Бесчисленные могильные курганы – немые тому свидетели. От когда-то пролитой крови реки здесь до сих пор носят название «красные».

Веками эти места находились под тяжелым монгольским игом, а когда оно пало, подверглись колонизации кабардинских феодалов, получив название «Кабардинская степь». Архивные документы свидетельствуют о том, что до середины XVIII в. все центральное предгорье, ныне входящее в состав Северо-Осетинской АССР, уже полностью находилось в руках малокабардинских князей.

Источники и старинные картографические материалы дают возможность восстановить картину размещения в XV–XVIII вв. на современной плоскостной территории Северной Осетии кабардинских деревень, так называемых «кабаков», просуществовавших вплоть до 90-х гг. XVIII в.

Эти поселения находились по среднему и нижнему течению р. Терек и простирались к югу до самых устьев осетинских ущелий. Границы Кабарды здесь доходили до гор. «В Кабарде пала из гор река Арредон протоку 50 верст»³, – читаем в «Книге Большому Чертежу», являющейся памятником XVII в. Осетинскую равнину «Книга» недвусмысленно связывает с Малой Кабардой.

¹ Берзенов Н. Из воспоминаний об Осетии. «Кавказ». 1852. № 5.

² Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе. 1940. С. 35.

³ «Книга Большому Чертежу». М., 1846. С. 62; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. М., 1957. С. 387.

Ведя в этих местах полукочевой образ жизни, кабардинские князья владели огромными территориями равнинной земли. Она захватывалась где попало и в каком угодно количестве. «Если какое-нибудь место в соседстве обещает им (кабардинским князьям. – Б.Б.) лучшую почву, обильнейшие паствы, более воды и лесу, то они тотчас оставляют свои деревни и с удивительной скоростью переселяются на сие новое место»¹.

Поселения кабардинцев представляли собой феодальные кабаки или коши, отличающиеся большой подвижностью. «Дома их сделаны наскоро и более походят на бивуаки, чем на прочное жилище»². Постройки возводились в основном из плетня, покрывались соломой или камышом и имели круглую форму. Преимущества незаменимых в кочевом быту легких плетеных жилищ перед капитальными постройками кабардинцы хорошо понимали. «Мы пользуемся воздухом свободным, и я легко переношу хижину свою по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен»³.

Карта Северного Кавказа, составленная в 1719 г., Кабарду помещает на левой стороне Терека, и южная граница ее доходит до выхода Терека из гор⁴. Здесь не обозначены населенные пункты, но зато на другой карте Большой и Малой Кабарды, составленной в 1744 г. Ст. Чичаговым⁵, подробно нанесены даже самые незначительные поселения. К карте приложен «Табель подробного описания деревням и знатым местам Большой и Малой Кабарды». На Осетинской плоскости между «Терком» и «Урефом», Татартупом и выходом Терека из гор нанесено 26 кабардинских кабаков, в том числе деревня Шоловатка, две деревни Кукулгаева в Татартупском ущелье, деревня Алкабакова, деревня Дунжева, деревня Бутушева, пять деревень кабардинского князя Алдигирея Гиляксанова, Муртазовых, деревни узденей Тузарова, Канбекукова, Елтопова, Баташева, пять деревень Анзоровых, вторая деревня Баташева.

Южнее всех находились пять деревень Алемурзины. Они располагались до середины XVIII в. северо-западнее теперешнего г. Алагиря, в «20 минут ходьбы». Эти селения были позднее перенесены на берег р. Урсдон. Любопытно, что Ю. Клапрот, путешествуя по Осетии в 1807–1808 гг., еще застал развалины этих кабаков: «От Арредона мы проехали еще три четверти часа до местечка, где прежде находилось селение черкесской фамилии узденей Эльмурсие; оно было позднее перенесено на Урсдон; от него после чумы осталось едва двадцать домов. Оно находилось здесь на небольшой и совсем мелкой речке Хиттегапс и состояло из семи маленьких селений (кабак), где жило более 500 фамилий; все эти селения отстояли друг от друга всего в нескольких сот шагах...»⁶ Указанные хутора принадлежали узденю малокабардинского князя Тасултанова – Алимурзину. Кроме того, на правом берегу Терека, северо-западнее теперешних осетинских селений Брут и Дарг-Кох, обозначены девять кабаков Анзорова.

¹ «Ученые записки» КБНИИ. Т. II. 1947. С. 34.

² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 10, л. 9.

³ Там же, ф. ВУА, д. 18473, л. 7 об.

⁴ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, д. 2, лл. 37 об, 38.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. М., 1957. С. 114.

⁶ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 217.

Есть и другие карты (середины XVIII в.), на которые Осетинская равнина также нанесена под названием «Кабардинская степь»¹.

Но, пожалуй, наиболее ценной является карта Степана Вонявина². Мастер горных дел, он после того, как побывал в Осетии и Малой Кабарде, на основе личных наблюдений и собранного материала составил подробную карту горнорудных и лесных богатств Осетии. Кроме того, наметил план их эксплуатации. Естественно, что Вонявина интересовали прежде всего природные ресурсы исследуемой местности. Но попутно он нанес на карту реки, пути сообщения и тогдашние населенные пункты, что как раз и является, наряду с картой Большой и Малой Кабарды 1744 г. геодезиста Степана Чичагова, основным источником для восстановления картины размещения малокабардинских населенных пунктов на Осетинской равнине.

Как видно из карты, древнее городище Татартуп обозначено на левом берегу Терека и показано не как населенное место, а как важный стратегический пункт. Находясь на торговом пути, соединявшем западный Кавказ с Дагестаном и Дарьяльской торговой магистралью, Татартуп играл почти такую же роль, какую играли в средние века знаменитые Дербентские ворота. Поэтому кабардинские феодалы прочно держали Татартупское ущелье в своих руках³.

К востоку от Татартупа, на правом берегу Терека севернее теперешнего селения Карджин и южнее селения Заманкул, находились рядом два кабардинских кабака Баташевых. Они лежали на большой выючной дороге, соединявшей осетинские ущелья с плоскостными районами. По прямой линии от селения Эльхотово на восток и севернее кабаков Баташевых размещалось поселение самого крупного малокабардинского феодала Тасултанова.

На карте Степана Вонявина на правом берегу Терека больше нет кабардинских кабаков. На самом же деле их было гораздо больше. Об этом свидетельствуют развалины старых кладбищ на правобережной территории Северной Осетии, которые в народе сохранились под названием «кæсæджы уæлмæрдтæ» (кабардинские кладбища). Остатки их прослеживаются между г. Бесланом и с. Зилги, севернее с. Брут, недалеко от сел Хумалаг и Старый Батакоюрт. Об этом же свидетельствуют документы⁴.

На левом берегу Терека, южнее Баташевых, между реками Ардоном и Урсдоном, у самого впадения первой из них в Терек стояло селение Тузароко.

Направляясь от Моздока к Татартупу, а отсюда в горы или обратно, обязательно нужно было проехать через кабардинское селение Камбекуково, раскинувшееся к юго-западу от Тузароко.

Еще южнее, на правом берегу реки Дур-Дур, в месте ее впадения в реку Урсдон, находились селения, известные, по одним источникам, как Эльтюховские кабаки, а по другим – Елдух или Элтюповых.

Западнее от Эльтюховских кабаков, на реке Дур-Дур, на близком расстоянии друг от друга располагались три кабардинских селения под назва-

¹ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/2, д. 1, л. 164.

² Там же, л. 144.

³ Кокиев Г. А. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулат. «Ученые записки» Северо-Кавказского НИИ. Т. II. Ростов/Дон, 1929. С. 6.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. С. 115, 377.

нием Муртазовых кабаков. Из них одно находилось на правом, а два – на левом берегу указанной реки.

Кабардинские села простирались и еще южнее к ущельям Центрального Кавказа и закрывали входы в горную Осетию. Так, например, перед Дигорским ущельем находились владения кабардинских феодалов Мударовых, а вход в Алагирское ущелье закрывали кабаки Алимурзина.

Проф. Г.А. Кокиев считал, что у начала Дарьяльского ущелья, между Балтой и Ларсом, тоже находилось кабардинское селение Кайтуково¹.

Нельзя было попасть в Куртатинское ущелье, миновав кабардинское селение Борукино, расположенное на правом берегу реки Фиагдон, у самой границы ущелья, недалеко от современного осетинского селения Дзуарикау. Владельцами этого кабака были малокабардинские князья братья Девлет и Батоко Анзоровы. Во второй половине XVIII в. население Борукина состояло из 80 дворов. «Около подворья живут Малой Кабарды Борукова кабака уздени Девлетука и Батока Анзоровы с их братьями одним именем, под властью Большой Кабарды владельца Мисоста Баматова»².

Селение Борукино просуществовало до 1819 г., а затем было перенесено³. В 1808 г. здесь побывал Ю. Клапрот. «Мы проехали затем до реки Фиаг... Я разбил свою палатку около селения Борукуахе, на восточной стороне этой реки». Интересно его высказывание: «Борукуахе и Эльмурсие находились под властью княжеской фамилии Тау-Султан из Малой Кабарды. Их жители были жестокими врагами куртатинских осетин, которые часто крали у них людей и скот»⁴.

К западу от Борукино, на берегу Фиагодона, располагалось Осетинское подворье, основанное в 1745 г. грузинскими миссионерами из Осетинской духовной комиссии. Последнюю послало в Осетию правительство Елизаветы Петровны после получения им «челобитной» от архиепископа Иосифа и архимандрита Николая в 1742 г. Подворье состояло из церкви, нескольких домов, в которых жили священники и казаки, а также из нескольких кабардинских построек.

Один из руководителей очередной осетинской геологоразведочной экспедиции ротмистр Батырев в своем отчете о поездке в Осетию писал кизлярскому коменданту Паркеру, что по приезде в осетинский монастырь со своей командой «стали в доме Малой Кабарды узденя Мисоста Дыкынова и, переночевав у него», на следующее утро он «ходил з дворянином оной Малой Кабарды главному и полномочному узденю Батоке Анзорову»⁵.

Осетинский монастырь, по мнению царского правительства, должен был явиться центром миссионерской пропаганды среди горцев. Однако он просуществовал недолго и в 1769 г. был разрушен осетинами Куртатинского ущелья во главе со старшиной Бахтыгиреем Есиевым и его братом. При нападении казаки, охранявшие монастырь, убили брата Бахтыгирея – Чюмага.

До сих пор в исторической литературе нет ясности о причинах нападе-

¹ Кокиев Г. А. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе. «Ученые записки» КНИИ. Т. II. 1947. С. 24.

² Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 253.

³ В 20-х гг. севернее с. Эльхотово появилось кабардинское селение Бороково, принадлежащее узденям Тасултановых.

⁴ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 218.

⁵ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 217.

ния куртатинцев на монастырь. Некоторые авторы считают, что оно было вызвано тем, что Б. Есиеву не было выдано восьми аршин холста, обещанных при крещении. При этом ссылаются на документ, где сказано, что столкновение произошло «единственно за происшедшей между ими, куртатинцами, с бывшим там попом из осми аршин холста спор»¹. Сам же старшина Б. Есиев утверждал, что они в разграблении не участвовали, а брат его Чюмага, хотя и принимал участие в стычке, но только на стороне казаков, а те, не разобравшись, убили его, за что он требовал от русских платы за кровь. «Тогда де брат ево в помощь приезжал к защищению казаков. А они, не ведая, его убили»².

Трудно согласиться с тем, чтобы из-за восьми аршин холста «более ста» человек осетин пошли с Б. Есиевым на такой рискованный шаг, как нападение на подворье. Это тем более странно, что почти за 24-летнее существование монастыря осетины, особенно куртатинцы, никогда не проявляли недовольство его существованием. Неправ был и Ю. Клапрот, когда утверждал, что осетины напали на него (подворье) и разрушили в 1769 г. потому, что один из русских священников обесчестил жену богатого осетина (Б. Есиева. – *Б.Б.*) и был пойман на месте»³.

Осетинский монастырь был разрушен князьями Большой Кабарды в связи с резким усилением их антирусской деятельности после построения крепости Моздок. Феодалы справедливо усмотрели в монастыре опору русских в Осетии. При нападении они использовали и некоторых осетин-куртатинцев.

При внимательном изучении сохранившихся старых карт нетрудно заметить, что кабардинские кабаки в большинстве случаев лежали на берегах рек или на вьючных путях, соединявших нагорную полосу с Северо-Кавказской равниной и русскими пограничными крепостями, с которыми горцы общались на почве обмена. На протяжении XVII–XVIII вв. юрские феодалы имели довольно оживленные сношения с Астраханью, Терками, Кизляром, Моздоком, наконец, со станицами гребенских казаков – Брагунской, Щедринской и Червленной. Из Астрахани горцы привозили главным образом соль, железо и русские ткани фабричного и кустарного производства в обмен на шерстяные и кожаные полуфабрикаты, производимые осетинами, ингушами, кабардинцами. Наиболее интенсивный из этих северокавказских торговых путей, соединяющий Центральный Кавказ с Астраханью, по мнению проф. Г.А. Кокиева, шел по Фиагдону на север, через Борукино и Осетинский монастырь. В районе теперешнего Ардона дорога разветвлялась: одна, пересекая реку Ардон, через кабардинские поселки Тузароко, Камбекуков и Эльтюховы уходила в Большую Кабарду через Татартуп, а другая, перейдя на правый берег Гизельдона, через поселки Баташевы уходила в северо-восточном направлении; напротив Моздока она поворачивала на восток и правым берегом Терека шла через Девлет-Гиреево в станицы терско-гребенских казаков.

Кабардинские князья получали от этих путей значительные доходы. По всем путям были расположены таможенные заставы кабардинцев. У самого

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 146.

² Там же. С. 143.

³ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 147–236.

выхода из Куртатинского ущелья, как уже было сказано, находилась застава Борукино, а к северу от нее по той же магистрали располагались заставы Баташево, Тасултаново и, не доезжая станицы Червленной, – Девлет-Гиреево. На заставах размещались дружинники кабардинских князей, которые взимали с проезжих большие пошлины. Размеры их не были точно установлены. Они определялись в каждом отдельном случае по усмотрению феодала – хозяина заставы. В основу платы брался холст длиной в рубашку. При канцелярии кизлярского коменданта находились огромные склады ткани, доставляемые из Нижнего Новгорода на правительственные дорожные расходы. Так, в 1770 г. за три месяца было израсходовано 15860 аршин холста¹. Ни один человек со стороны русской границы не осмеливался побывать в пределах горских земель, не запасшись заранее солидным количеством холста.

Само собой разумеется, что для кабардинских князей осетины, ингуши и другие горские жители не составляли исключения. Они подвергались еще более бесцеремонному ограблению в пути нежели русские, так как не могли расплачиваться с князьями холстом, его у них не было. Единственное, что могли предложить горцы кабардинским князьям – это скот или свою личную зависимость.

В распространении и усилении феодального господства кабардинских князей над осетинским крестьянством большую роль играла сама местная осетинская знать, ибо «тесный классовый союз, существовавший между кабардинскими и осетинскими феодалами, обеспечивал и тем и другим максимальную эксплуатацию как осетинских, так и кабардинских крестьянских масс»².

Классовый союз между осетинскими и кабардинскими феодалами скреплялся самыми разнообразными способами: взаимное родство, посылка кабардинцами в осетинские общества своих уполномоченных – «бегаулов», аталычество и др. Сущность последнего сводилась к тому, что у кабардинских феодалов брали сыновей (редко и дочерей) на воспитание менее состоятельные осетинские феодалы. По достижении совершеннолетнего возраста воспитанник – «емчек» возвращался в торжественной обстановке в дом отца, а воспитатель за заботы о своем подопечном получал от его родителей богатые подарки, очень часто по своему усмотрению. Естественно, что выбор всегда был один – земельный участок. «В этом случае самым выгодным подарком, при скудости горной почвы, занимаемой осетинами, был участок земли по северному склону Черных гор, в местах, доступных кабардинцам и которыми осетины без разрешения князей не могли покойно и безопасно пользоваться»³. Были среди осетинских феодалов и такие, которым удавалось купить у кабардинских князей землю на плоскости, чаще в предгорных районах. Обычно расплачивались рабами. Так, Кубатиевы из горной Дигории купили у кабардинских князей земли около 3 тыс. дес. на плоскости между реками Разбун и Урсдон «за 10 душ холопов мужского пола»⁴, а Караджаевы приобрели 800 дес. земли в предгорьях

¹ Вейденбаум. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 163.

² Кокиев Г. А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. «Исторические записки». 1938. С. 191.

³ Баев М. Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 г. «Терские ведомости». 1869. № 6.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 54.

«покупкою у кабардинских князей Анзоровых, с дозволения Тасултановых, за 20 душ мужского пола»¹.

Осетинские социальные верхи могли приобрести земли на плоскости только при условии переселения туда со своими подвластными, так как кабардинским князьям выгоднее было иметь дело с населением на равнине – легче было его эксплуатировать, собирать дань и т. д.

Таким образом, классовый союз кабардинских князей с осетинскими феодалами оправдывал надежды последних. Под покровительством кабардинских князей началось частичное выселение на плоскость некоторой части осетинских феодалов. «В первую очередь это коснулось Дигории как наиболее тесно связанной с Кабардой»².

На плоскости, против Дигорского ущелья, на реках Урух, Урсдон, Разбун, Дур-Дур появились селения Караджаево (Масукау, Хазнидон), Туганово (Дур-Дур), Кубатиево, Фадау, Кабаново, Вассилово (Вачило), Тума. К сожалению, нет источников, по которым можно было бы точно установить время основания их. Но все же из отдельных сведений, разбросанных по разным документам, а также из полевого материала следует сделать вывод, что время основания большинства из названных селений относится к середине XVII в. Сами дигорские феодалы в 1849 г. доказывали русским властям, что владеют землями на плоскости уже два века. «Одно уже **двухвековое** (подчеркнуто нами. – Б.Б.) бесспорное владение этою землею в роде нашем неопровержимо убеждает и доказывает, что она есть родовое наследие фамилии Кубатиевых»³. То же самое сказано о землях Караджаевых, Тугановых, Кабановых. Если верить сказанному, то уже в середине XVII в. часть осетин обитала на предгорных землях.

Некоторые авторы склонны утверждать, что первыми на плоскость выселились Кубатиевы с подвластными им крестьянами, хотя в подтверждение этого нет никаких данных. Во всяком случае селения Кубатиевых не обозначены на карте Ст. Чичагова, зато на ней нанесено селение Караджаево. О селении Караджаево упоминается и в документе 1753 г.: «Деревня Караджау, жители из христианского закона, на реке Урюфе, в протекции у Койтокина рода»⁴.

Селение это основано дигорскими феодалами Караджаевыми из горного селения Камат. Позже к ним переселились с гор Чегемовы. Жили в этом ауле и зависимые от Караджаевых и Чегемовых фамилии Гегкиевых, Байсангуровых, Абиевых, Аркаевых, Гадаевых и др. Селение было расположено на левом берегу реки Урух. Между ней и небольшой речкой Хазнидон находится равнина Дидинат. Вся эта земля принадлежала караджаевцам. Здесь «жители Москуава пасут зимой скот»⁵.

В предгорных дигорских селениях, в частности в Караджаево, побывал в 1781 г. путешественник Штедер. Он называет его «большим селением», «колонией дигорцев». Место, где расположен аул, свидетельствовал он, «удобное и хорошее». «В нем деревянные строения, сады, поля, особенно

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 54.

² Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947. С. 85.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 58.

⁴ АВПр, ф. Кабардинские дела, 1753 г., оп. 115/2, д. 12, л. 23 об.

⁵ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 216.

хороши пастбища и здешний табак, который горцы считают наилучшим»¹.

В это же селение в 1808 г. приезжал Ю. Клапрот. По его свидетельству, жители здесь живут богаче и зажиточнее горцев. «Их урожай обычно так обилен, что они могут продавать большую часть своего хлеба дигорцам, живущим в высоких горах. Так как леса на правом берегу Уруха дают прекраснейшее дерево, то жители Маскуава в противоположность осетинскому обычаю построили свои дома из дерева»².

К юго-востоку от селения Караджаево, на реке Урсдон, располагались два селения других дигорских феодалов Кубатиевых – Кубатиево и Фадау. Из них «более старое Кубати, – писал в 1781 г. Штедер, – господствует над обоими ущельями на Балагир и Дугор, имея с юга сзади себя густые леса и скалистые горы». «В первом селении, – продолжает он, – стоят деревянные жилища с огороженными дворами и садами. Во втором южном селении среди каменных строений виден замок бадилатов»³.

Интересно отметить, что Ю. Клапрот, побывавший в этих местах через четверть века после Штедера, застал на реке Урсдон и третье осетинское селение. «Их имеется три, – пишет он, – одно из которых на севере, другое на юге, третье селение на востоке по правой стороне Урсдона называется Карагаз».

В Кубатиевской деревне побывал также плененный осетинами в 1787 г. имеретинский князь Давыдов. Он рассказывал: «Привезли меня Озданскую (Урсдонскую. – Б.Б.) деревню, которая стоит на ровном месте... жителство состоит в 200 домах, там много лесу, также и деревьев барбарисовых, сливовых, шелковичных, рябинных и виноградных, она состоит на хорошем ровном месте, у которого две речки, где ловятся осетры. Хлеба, дынь, арбузов и прочих зеленых овощей весьма довольно. Озданский начальник Кубалов, сын Джамчек»⁴.

В этих «значительных» селениях вместе со своими феодалами из рода Кубатиевых обитали Зикоевы, Галаовы, Толасовы, Тавасиевы, Гиголаевы, Темиряевы, Кибизовы, Дедегкаевы, Кевросовы. Сюда же в конце XVIII в. переселилось несколько дворов хехесов: Царукаевы, Марзоевы, Соховы и другие.

Любопытно отметить, что на карте Ст. Вонявина (1768 г.) отмечено одно селение под названием Кубатей, находившееся южнее нынешнего осетинского селения Кора, на берегу реки Урсдон. Развалины его каменных и наземных склепов, феодального замка сохранились до наших дней.

Из дигорских баделят рода Кубатиевых Штедер упоминает Кельмена, Кургока и Мисоста, которые владели этими аулами и считали себя князьями.

Из перечисленных дигорских баделят из рода Кубатиевых, по русским источникам, известен лишь Курман Кубатиев, принявший в 1786 г. в Крыму христианство и названный после крещения Александром. Он был крещен Екатериной II. В 1791 г. удостоен воинского звания секунд-майора за участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и в борьбе против шейха Майсура¹. Другой архивный документ называет основателей этих селений

¹ Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. С. 46.

² Клапрот Ю. Указ. соч. С. 217.

³ Осетины во второй половине XVIII в. С. 45.

⁴ История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цхинвали, 1962. С. 295.

по именам – Бекмурза и Иналук Кубатцевы. Они купили у Тасултановых земли и отдали за нее 15 душ.

В начале XIX в. владельцами с. Кубатиево были майор Иналук, подпоручик Мимбулат и Дохчко Кубатиевы, а в с. Фадау – Бахта и Зураб Кубатиевы.

Другое плоскостное осетинское селение на землях кабардинских князей – Туганово. Основано оно в XVII в. Тугановы заставили переселиться вместе с собой на плоскость своих подвластных Золоевых, Найфоновых, Гуларовых, Елбаевых, Гобаевых, Керчелаевых, Цакоевых, Казаховых, Газдаровых, Сафкаловых, Кардановых, Суменовых. В основном это выселенцы из Гулара и близлежащих к нему сел. Позже (в конце XVIII в.) в Дур-Дур переехали несколько десятков дворов из Лесгорского общества и хехесы Колоевы, Мамаевы, Дзахоевы и другие.

По свидетельству Штедера, «...селение Дур-Дур в полуверсте от предгорьев считается за баделятской семьей Тоговер (Тугановых. – Б.Б.), которая состоит из 7 братьев, старший из которых Зейдек (Айтек. – Б.Б.) для сохранения своих прав заново крестился»².

Айтек Туганов тоже известен в источниках XVIII в. как участник русско-турецкой войны в отряде генерал-майора Горича, за что был пожалован в капитаны³.

Феодалам Кабановым первоначально удалось приобрести земли у кабардинских князей на реке Урсдон. Аул, который они основали здесь, назывался Кабаново (Кабантыхъæу). С переселением к ним зависимых крестьянских фамилий Тахуновых, Готагоновых, Кабалоевых, Хекилаевых, Цориевых, Бетрозовых и др. и с увеличением числа дворов в селении аул этот был перенесен на новые земли, уже на реке Лескен, недалеко от современного Лескена. Участки на новом месте были приобретены у кабардинских князей Анзоровых. «Все Дигорцы, живущие в ауле Кабаново, платят одним Анзоровым с двора по одному барану»⁴. Селение Кабаново было самым крайним в Дигории.

Переселяясь на плоскость, дигорские баделята заставили спуститься с гор и своих кумаягов («тумов») и поселили их отдельно в селениях Вачило и Тума. В настоящее время селения не существуют, а тогда располагались рядом, где-то недалеко от впадения Хазнидона в Урух. О времени и причинах исчезновения их нет никаких данных, но побывавшие здесь Штедер и Клапрот свидетельствуют, что эти села принадлежали «незаконно-рожденным детям баделятов». Можно только предполагать, что позже из этих двух селений образовалось одно, которое получило название Кет. Оно находилось между реками Ираф и Хазнидон⁵. Жители этих аулов кумаягы, или тумы, находились в полной зависимости от баделятов. Особенно усилилось зависимое их положение с переселением на плоскость. «В новые времена, – пишет Штедер, – они не только сделались вассалами, но баделя-

¹ История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цхинвали, 1962. С. 295.

² Осетины во второй половине XVIII в. С. 46.

³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. С. 377.

⁴ Цит. по кн.: Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1932. С. 12.

⁵ Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 42.

та смотрели на них и на имущество как на свою собственность»¹.

В XVIII в. имели свои «колонии» в предгорье и жители Алагирского и Куртатинского ущелий. На плоскости, примыкавшей к этим ущельям, было пять выселков с числом жителей 1700 человек².

Источники свидетельствуют, что такие аулы, как Салугардан, Бирагзанг и Суадаг, основаны во второй половине XVIII в. Жители «Валагира», – писал Штедер в 1781 г., – основали две колонии на восточной стороне предгорий: к югу – Саликар-дон, а к северу, у склона горы Баригсан на речках того же названия»³. А Ю. Клапрот называет даже первых поселенцев в селении Салугардан. Он «принадлежит валагирской фамилии Мазаде»⁴. Подобное свидетельство поразительно совпадает с фамильным преданием Мадзаевых, которое нам поведали жители горного селения Цамад. Согласно ему, основателями Салугардана являются братья Ислам и Тота Мадзаевы, выходцы из Цамада, один из которых был аталыком кабардинского князя. Старожилами Салугардана также считаются Караевы, Агнаевы, Таутиевы.

Месторасположение предгорных осетинских селений часто менялось в зависимости от того, безопасно было определенное время в данном месте или нет. При князьях Анзоровых и Ахловых аулы располагались ближе к горам, а при Таусултановых спускались на плоскость, или наоборот. «Я вскоре убедил их, – пишет Штедер о жителях селений Бирагзанг и Салугардан, – спуститься... на равнину под горами и вернулся с несколькими их старшинами для осмотра местности, где они еще этим летом просили позволения поселиться».

Если Штедер называет по имени алагирские предгорные поселения, то наименование выселков из Куртат он почему-то не приводит, хотя побывал в двух куртатинских предгорных аулах. В одном он даже ночевал. Оба эти селения в 80-х гг. XVIII в. располагались у выхода из ущелья в нескольких километрах от селения Карца. «К западу в 4-х верстах (от с. Карца. – Б.Б.) на возвышенности правого берега реки (Фиагдона. – Б.Б.) лежит другое селение, где мы переночевали у старшины Татта, богатого человека. Это местечко живет обособленно от Картша и имеет хорошие пастбища и стада... В полутора верстах к западу, на такой же возвышенности, лежит второе селение», от которого «в двух верстах находятся развалины Осетинского подвора, лежащие в прекрасной и плодородной равнине».

Легко предположить, что куртатинцы едва ли могли упустить в XVIII в. возможность переселиться поближе к Осетинскому подворью, где имела специальная охрана, присланная русским правительством. Инициаторами переселения с гор в предгорные районы в Тагаурии, как и в Дигории, были социальные верхи – феодалы, прежде всего Дударовы. Они со своими подвластными из фамилии Азиевых, Хаблиевых, Дауровых, Мисиковых, Албеговых, Базровых, Салбеговых, Губиевых и др. основали в XVII–XVIII вв. селения Балта, Даллагкау, Батыкьох (Редант) на левом берегу Терека.

К ранним предгорным поселениям в Восточной Осетии бесспорно нуж-

¹ Осетины во второй половине XVIII в. С. 55–56.

² Рклицкий М. В. Указ. соч. С. 176.

³ Осетины во второй половине XVIII в. С. 44.

⁴ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 213.

но отнести также и Дзауджикау и Ирыкау, о которых в существующей литературе имеется много противоречивых высказываний.

Прежде всего отметим, что это два совершенно разных населенных пункта. Если Ирыкау (аул осетин, Владикавказский осетинский аул) был основан горцами Тагаурского общества почти одновременно с крепостью в 1784 г., а несколько позже вместе с Владикавказом заброшен и снова восстановлен в 1803 г., то о времени основания Дзауджикау и вообще о его основателях нет положительно никаких данных, если не считать известное осетинское народное предание, гласившее, что Дзауджикау основал в середине XVIII в. житель Куртатинского ущелья Дзауаг Бугулов, бежавший с родины по причине кровной мести. Дзауаг Бугулов, гласит предание, не выдержав многочисленных обид и насилия феодала, убил его и после долгих скитаний нашел убежище и надежную защиту у своих соседей ингушей¹. На стыке двух тогдашних территорий – Ингушетии и Малой Кабарды, в том самом месте, где р. Терек выходит из Дарьяльского ущелья, Дзауаг Бугулов основал аул. По предположениям Н.Г. Волковой, это произошло в 30–60-х гг. XVIII в.² Аул получил название Дзауджикау (аул Дзауага), для русских же ученых и иностранных путешественников он получил другое звучание – аул Заур.

О том, что это было именно так, свидетельствовал еще в 1807 г. Ю. Клапрот, лично побывавший в этом ауле и лучше других знавший его. «24 декабря, – писал он, – мы отправились далее (из Владикавказа. – Б. Б.) по правому берегу Терека и оставили Владикавказ. Через 4 версты у нас налево оказалось ингушское селение Сауква, которое русские называют теперь Саурова. Оно расположено на крутом берегу Терека, около 2 верст ниже предгорий. От этого селения из долины видна только высокая коническая башня, построенная из очень белого известняка. В Саурове живут ингуши вместе с осетинскими беглецами..., последние по количеству превышают первых, так что это селение можно считать так же осетинским, как и ингушским»³.

Из приведенного текста видно, что, во-первых, название «Сауква», бесспорно есть «Дзауджи-кау», во-вторых, что русские это название действительно переименовали в «Саурова» (более удобное произношение), что также бесспорно означает «Заур», в-третьих, что в этом ауле именно жили осетины-беглецы, видимо, как и сам основатель аула, в-четвертых, что население Дзауджикау-Зауров было интернациональным – бок о бок дружно проживали ингуши и осетины, помогая друг другу в нелегкой и, надо полагать, всегда тревожной жизни.

Аул Дзауджикау-Заур находился южнее Владикавказской крепости, примерно на месте нынешнего поселка Южный⁴. Он был разрушен в 1830 г., жители его расселены по другим плоскостным осетинским и ингушским селениям, многие переселились во Владикавказ (Ирыкау), а иные ушли обратно в горы.

Таким образом, несмотря на то, что с XV–XVI вв. богатые плоскостные

¹ «Социалистическая Осетия». 1951. 28 окт.

² Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 161.

³ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 193.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, I к 20–478 и 20–479; ф. 13454, оп. 1, д. 202, лл. 3–6.

земли Осетинской равнины сделались вотчиной кабардинских князей и они единолично владели ими на протяжении столетий, отдельным представителям осетинской знати, разумеется, с разрешения первых, удавалось приобрести участки в предгорных районах равнины. На этих землях в XVII–XVIII вв. образовался ряд осетинских выселков-аулов. Как свидетельствуют современники, число жителей в них иногда доходило до внушительных размеров (около 200 дворов).

Вместе с тем нельзя не заметить, что переселение осетин на плоскость в то время носило крайне ограниченный характер. В течение четырех веков число переселенцев не составило больше 3–4 тыс. чел. В Тагаурском обществе таких «счастливиц» было 215 дворов, в Алагирском и Куртатинском – 1700 человек, в Дигории – чуть больше этого. Массовое переселение осетин на плоскость началось только тогда, когда в центральной части Северного Кавказа утвердилась власть Русского государства.

Оставление кабардинцами Осетинской равнины после присоединения Осетии к России

После татаро-монгольского периода происходил процесс дробления Осетии на множество родовых и феодальных обществ, между которыми нередко существовали уособицы. Политическая разобщенность и экономическая изолированность осетинских обществ друг от друга привели к тому, что кабардинские князья не только владели монопольно землями Осетинской равнины, но и держали в экономической зависимости жителей целого ряда горных ущелий.

Объединяющей власти в Осетии в XV–XVIII вв. не было, потому что «один против другого рода в крайнем несогласии, а потому и большого общества в них по родам быть не может, отчего оне все Большою Кабардою и притесняются»¹. По словам документа, в Осетии не было «человека, кой бы их в свои руки взял и заставил бы их делать то, что должно»².

Пребывая в горах «в несказанной бедности» и постоянно мечтая о переселении на «преизобильные» равнинные земли, осетинское население невольно обращало свои взоры к России, связывая с нею свои надежды. Российского подданства желали все общества, без исключения, потому что только в лице могущественной России осетины видели силу, «от которой только и могли ожидать защиту от грабительских нашествий крымских ханов и от произвола части кабардинских феодалов, силу, с помощью которой они надеялись очистить от последних предгорные равнины и тем самым ликвидировать остатки своей вассальной зависимости от них и получить возможность пользоваться плодородными плоскостными землями»³.

Тяготение к России было сильным как в социальных верхах, так и в крестьянских массах. Разумеется, между крестьянами и алдаро-бадеями имели место глубокие социальные и классовые противоречия, но в этом

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 270–271.

² Там же. С. 280.

³ Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954. С. 9.

вопросе они были едины. Естественно, при этом каждая из сторон преследовала свои интересы.

Тяготение горцев к России («считаться государевыми холопами») определялось и экономическим фактором. В XVII и особенно в XVIII в. на южных русских границах происходила оживленная торговля. Горцы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы сбывать свои и покупать товары русской обрабатывающей промышленности (косы, серпы, холст, каменную соль и др.).

Положительную роль в деле ориентации Осетии на Россию сыграло христианство, которое царизм стал насаждать среди осетин с конца первой половины XVIII в. Объективно распространение христианства среди осетин имело положительные моменты, так как оно способствовало появлению осетинской письменности, школ, развитию просвещения¹.

Непосредственные отношения осетин с русским государством установились в первой половине XVIII в., когда колониальная волна царской России докатилась до нижнего течения Терека и оказалась у самых подступов к пределам северокавказских горцев. Российская империя в указанное время остро нуждалась в беспрепятственных военных и торговых путях в своих сношениях с Закавказьем и особенно с Грузией. Поэтому подчинение северокавказских народов и, в частности осетин, по территории которых проходила «единственная военная дорога, заслуживающая это название... от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье»², стало основной задачей царской России в первой половине XVIII в. Такие же дороги, но меньшего значения, шли по Алагирскому и Дигорскому ущельям.

Кроме того, Осетия была богата лесом и полезными ископаемыми, что открывало заманчивые, перспективы для России.

Систематически по инициативе Русского государства производилась разведка горных богатств Осетии. Первая такая экспедиция была отправлена в 1768 г. во главе с горным мастером Степаном Вонявиным. Вторая экспедиция работала в 1771 г. под начальством Александра Кирхнера и Афанасия Батырева. Начальником третьей русской экспедиции в Осетии в 1774 г. был Аф. Батырев.

В результате работы трех экспедиций русское правительство получило полное представление о местах расположения серебряных и свинцовых руд. «Секреты» осетинских гор сильно подняли аппетиты русских купцов, которые стали требовать от царского правительства скорейшей их эксплуатации.

Но к разработке недр Осетии русское правительство в XVIII в. так и не приступило, так как оно было связано русско-турецким трактатом 1739 г. По условиям Белградского договора, России запрещалось вмешиваться во внутренние дела не только Кабарды, но и подвластных ей горских народов. Отсюда понятна чрезвычайная осторожность царской России, проявленная ею решительно во всех колониальных мероприятиях в отношении горцев и, в частности осетин.

Исключительная осторожность была проявлена царизмом и в деле посылки в Осетию миссионерской комиссии. Не случайно вся осетинская духовная комиссия, отправленная сюда в 1774 г. во главе с архимандритом

¹ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 9–10.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. М., 1957. С. 408.

Пахомием, состояла из «грузинских духовных персон». Астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту было приказано «смотреть накрепко, чтобы с ним никого в Осетию русских пропущено и с ними послано отнюдь бы не было»¹. Категорический тон Сената был вызван опасением, чтобы «пограничным с тем осетинским народом местам не подать какого-либо к размышлению сумнительства, а паче Оттоманской Порте»².

Таким образом, главным препятствием, которое лежало на пути царизма в активной наступательной политике на Северном Кавказе были обязательства, которые взяла на себя Россия перед Оттоманской Портой по Белградскому мирному трактату. Об этих обязательствах царизм никогда не забывал, и прежде чем предпринять тот или иной шаг в отношении Кабарды и зависимых от нее народов он изучал вопрос о том, в какой мере предполагаемое мероприятие может противоречить этим условиям.

А между тем осетины все чаще и настойчивее обращались к представителям русского государства. В 1749 г. они снаряжают специальное посольство к правительству императрицы Елизаветы Петровны. В состав Первого осетинского посольства входили представители Алагирского, Куртатинского и Дигорского ущелий – Зураб Егорович Елиханов со своим сыном Канамаком, Елисей Лукич Хетагов из Алагирского ущелья, Батыр Мирза-Кутат из Куртатинского ущелья, Созрыко и Кадзи Тугановы из Стыр-Дигории³.

Как известно, посольство отправилось в Петербург в 1749 г., а вернулось в 1752. Целями его были: во-первых, ходатайствовать перед русским правительством о том, чтобы оно приняло Осетию в свое подданство и защищало ее от соседей, особенно от кабардинских феодалов и, во-вторых, ходатайствовать перед ним же о том, чтобы оно разрешило осетинам переселиться на предгорную равнину и пользоваться плоскостными землями.

Идеи посольства не шли вразрез с планами политики русского правительства на Кавказе, поэтому посланцы горцев были приняты «ласково». Но, повторяем, в силу тогдашних взаимоотношений России с Турцией невозможно было удовлетворить основные желания осетин. В Петербурге посланцам осетинского народа внушали, чтобы они «несколько до времени приняли терпение, а впредь обиженными не останутся».

Русское правительство хорошо понимало, как Белградский договор связывает его по рукам в северокавказских делах и считало, что «щастливая только война с Портою Оттоманскою, начинаемая когда-либо со здешней стороны по важным причинам, ...может обলেখчить... работы как в Осетии, так потом и в других тамошних местах. Ибо для того надобно будет при воследуемом мире употребить все старание выговорить в здешнее подданство кабардинский народ как в тамошней стороне знатнейшим почитаемый и примеру которого и другие следуют»⁴.

Такой «щастливой» оказалась русско-турецкая война 1768–1774 гг. Она закончилась Кучук-Кайнарджийским мирным договором, по условиям которого Кабарда теряла свой «нейтралитет» и признавала подданство России. Этим по существу был предreshен и вопрос об осетинах, то есть о

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 58–59.

² Там же. С. 67.

³ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Орджоникидзе, 1964. С. 42.

⁴ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 187.

признании их русскоподданными. Так как Кабарда «почитает осетинский народ своими подвластными, то и оной, с нею соединенной, подлежит к здешней стороне»¹. Теперь любое вмешательство русского правительства в осетинские дела не могло квалифицироваться Турцией и Крымом как нарушение каких-либо международных обязательств.

Таким образом, по «Кучук-Кайнарджийскому договору России удалось добиться де юре признания подданства Кабарды и Осетии»².

Осетины, внимательно следившие за ходом русско-турецких переговоров, были информированы о результатах с помощью русского военного начальства на Кавказе. Они одобрительно встретили их. «По всей моей бытности, – доносил ротмистр Аф. Батырев, – от всех осетинцев слышал я, что они оказываются к России доброжелательными и весьма рады о заключении с Оттоманскою Портою мира, почитая тем и себя счастливыми»³.

Правительство приступило к организации переговоров с представителями осетинского народа о его подданстве. Оно поручило эту миссию Петру Кречетникову – астраханскому губернатору. Местом переговоров был избран Моздок.

В осетинское посольство для переговоров с Кречетниковым вошли представители различных обществ, в том числе Алагирского и Куртатинского ущелий – всего 20 человек. Переговоры начались осенью 1774 г. В ходе их осетинские делегаты просили: считать Осетию присоединенной к Российской империи, возобновить осетинское подворье в Осетии, разрешить осетинам выселиться на предгорную равнину, защищать их от нападений кабардинских феодалов, для чего учредить военную крепость и форпост.

Русская сторона, «обойдясь... к ним ласковостью и снисходительностью, приняла от них прошение» и обещала ходатайствовать «у е. и. в. к ним милосердия». Но самое главное, она пообещала, что Осетия будет находиться в составе Российской империи.

Идея присоединения Осетии к России была настолько популярной, что пока астраханский губернатор находился в Моздоке, к нему явились более 180 осетин со всех районов Осетии «без вызова, а только по единому слуху». «Видя сей их поступок, – доносил Кречетников Екатерине II, – не мог иначе принять, как с похвалою, обещая им в. и. в. монаршее покровительство»⁴.

После моздокских переговоров губернатор П. Кречетников был вызван в Петербург для обстоятельного доклада о результатах русско-осетинских переговоров. В своем пространном рапорте Кречетников, касаясь просьб осетин, отмечал: «Не надобно от них справедливости отнять, что оне весьма склонны к принятию нашего христианского закона», что «оне сами просят начальников поставить, просят осетинское подворье возобновить и в том строении помогать обещались защищением от разных нападений, и сами вышед из гор, около одного поселитца»⁵.

Просьбы осетин правительством Екатерины II в основном были решены

¹ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе. 1970. С. 230.

² Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959. С. 82–83.

³ Там же. С. 83.

⁴ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/11, д. 1, л. 195.

⁵ Там же, л. 217.

положительно. Вся Осетия стала считаться присоединенной к России. Осетинам разрешили селиться на предгорных равнинах Северного Кавказа.

После Кчук-Кайнарджийского мира Россия довольно решительно приступила к укреплению своих кавказских владений и в первую очередь в Кабарде. С этой целью царское правительство начало строить целую линию военных поселений между Моздоком и Доном на протяжении более 500 верст. В 1777 г. были начаты работы по возведению крепостей Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской, Александровской. В 1780 г. на границах с Кабардой была построена крепость Константиногорская (вблизи нынешнего Пятигорска). В 80–90-е гг. были сооружены крепости Шелковская, Кавказская, Усть-Лабинская. На Кавказскую линию переселили большие массы казаков.

Постройка крепостей и поселение в них казаков, естественно, уменьшало и сильно стесняло пастбищные угодья и «приволье» кабардинцев, что не могло не вызвать самого решительного протеста с их стороны. Русско-кабардинские отношения стали натянутыми. Особой силы и напряжения они достигли в 1779 г. В Кабарду были посланы войска под начальством Якоби и Фабрициана, которые привели к присяге большое число кабардинских князей. Кроме того, на них была наложена значительная контрибуция: 10 тыс. руб. деньгами, 2150 лошадей, 4759 голов рогатого скота и 4539 овец¹.

Кабардинским князьям строго вменялось не препятствовать другим народам в принятии христианства и в переселении в русские пределы. Жителям Малой Кабарды нельзя было оказывать помощь Большой Кабарде даже в случае нашествия на нее неприятеля. Россия одна брала все это на себя. Ухудшение русско-кабардинских отношений отрицательно сказывалось и на положении осетин.

Кабардинские князья пытались нанести ущерб интересам России прежде всего в Осетии, не признавая результатов русско-осетинских переговоров о подданстве осетин. Они стремились восстановить вассальную зависимость их обществ. Резко участились вооруженные нападения кабардинских феодалов и их узденей на осетинские села. Было приостановлено переселение осетин на предгорную равнину. Горцев, выезжавших сюда с намерением обосноваться на свободных землях, кабардинские феодалы вынуждали возвращаться обратно в горы. В 1793 г. было отправлено назад более 460 переселенцев из Дигорского ущелья².

Преследуя свои политические цели, продиктованные присоединением Осетии и проведением в ней колониальной политики, царское правительство под видом охраны осетин от кабардинских князей в 1783 г. строит непосредственно на территории Осетинской равнины военные укрепления Потемкинское – близ Татартупа, Григориополисское – недалеко от нынешнего с. Заманкул, Елизаветинское – южнее теперешнего с. Зилги, Камбилеевское – «в 11 верстах северо-восточнее Владикавказа», там, где сейчас расположено с. Чермен, и Константиновское – недалеко от Старого Батакюрта. Весной 1784 г. была заложена крепость Владикавказ.

Участившиеся нападения кабардинских князей на Дигорию заставили

¹ Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 72.

² Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе, 1964. С. 50.

русское начальство на Кавказе обратиться к императору Павлу I с рапортом. В нем говорилось, что осетины, «издревле преданные Российской державе», «больше всех спокойные», терпят большие притеснения от кабардинских князей¹. Начальник Кавказской линии генерал Кнорринг – автор рапорта, просил у императора одобрения планируемых им военных действий. «В наказание таковой их (кабардинских князей. – Б.Б.) дерзости предоставляю вам какой заблагорассудите сделать им репрессал»², – был «высочайший ответ».

В мае 1800 г. генерал Кнорринг с войсками прибыл в Кабарду и расположился лагерем у реки Баксан. Кабардинцы выставили 2000 всадников и 500 пеших. Решительные действия русских войск произвели сильное впечатление на местных феодалов, и они сдались, согласившись на условия, выдвинутые Кноррингом.

В самом начале XIX в. в Кабарде началась чума. В связи с этим был принят ряд ограничительных мер. В 1804 г. вся Кабарда, в особенности же Малая, была объявлена неблагополучной по чуме, и кабардинцам запретили всякое сообщение с русской линией. Это имело очень тяжелые последствия. Многие из кабардинцев жили «внутри линии, пухнув без соли, без одежды»³.

«Необычайные бедствия, постигшие М. Кабарду, – свидетельствует современник, – от заразной болезни ввергли оную в бездну несчастья. Большая часть вымерла, другая разсеялась по соседственным местам и самая малейшая осталась в несчастных своих жилищах. Поля и виноградные сады не могли быть обрабатываемы, деревни были пусты и всякое почти сообщение между жителями было прекращено»⁴.

К 1810–1815 гг. Владикавказская равнина, а точнее – ее правый берег окончательно был оставлен кабардинцами. На всей этой территории от Терека до Кабардинских хребтов не осталось кабардинских поселений. «Пространство земли, – свидетельствует документ, – на правом берегу Терека, от Сунжи и до Терека и Кабардинского хребта, принадлежащее также Мударовым и Ахловым, оставшееся пустопорожним после чумы и покинутое жителями по разным причинам, было отдано назрановским ингушам... в 1810 г. ... и Дударовым»⁵.

Таким образом, эпидемия, унесшая много человеческих жизней, строжайшие карантинные меры, предпринятые русскими военными начальниками, сильно стеснив жителей кабардинских поселений на Осетинской равнине в свободном пользовании землей, наряду с долголетней упорной борьбой всех трудящихся Осетии с кабардинскими феодалами, также явились причиной перенесения кабардинских феодальных кабаков с указанной равнины на север.

Окончательно судьба Владикавказской равнины была решена при наместничестве на Кавказе генерала Ермолова (1816–1827 гг.).

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Тифлис, 1866–1886. Т. I. С. 717.

² Там же. С. 581.

³ Кудашев В. Указ. соч. С. 93.

⁴ АКАК. Т. IV. С. 473.

⁵ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 511, л. 5.

Переселение горцев-осетин в район Моздока (вторая половина XVIII и начало XIX в.)

Самым главным и самым значительным из ближайших последствий присоединения Осетии к России, избавившим осетинский народ от физического вымирания и способствовавшим экономическому развитию края, было переселение осетин на равнину.

Впервые осетины официально обратились к русскому правительству с просьбой о переселении с гор в 1747 г.

За два года до поездки первого осетинского посольства в Петербург жители Куртатинского и Тагаурского обществ послали своих доверенных из шести человек к кизлярскому коменданту. Депутаты сообщили, что «переселиться желают в ущелья при реках Фиаке и Ордане, выше кабардинских Али-Мурзиных и Онзоровых деревень от десяти до пятнадцати верст, а ниже вышеупомянутого местечка Чюарыковы верст тридцать с небольшим для лучшего их простора и пашни»¹.

На эти же места указывали и члены Осетинского посольства в 1749–1752 гг. В своей челобитной они просили императрицу Елизавету Петровну принять осетин в подданство и разрешить им выселиться на предгорную равнину «ближе к России при реках Фиаке и Ордане», «кои места расстояние имеют до гребенских казаков езды через 24 часа»².

Земля, лежащая между реками Фиагдоном и Ардоном к северу от Осетинского монастыря и кабардинского селения Борукино, на которую претендовали осетины, была свободна от кабардинских поселений. Но, по наведенным справкам Коллегией иностранных дел в декабре 1751 г., «по указу правительствующего Сената», оказалось, что междуречье, которое просили осетины, принадлежало малокабардинским феодалам Канчоге и Казию, узденям князя Батоко Тасултанова. Следовательно, осетины для своего поселения просили у России земли, не ей принадлежащие, а потому она не могла распоряжаться ими.

Учитывая международную обстановку того времени, Россия отказалась предоставить осетинам междуречье Ардона и Фиагдона. Была и другая причина, в силу которой правительство Елизаветы Петровны отказало в покровительстве горцам в случае их переселения на указанную местность. Дело в том, что это ни в какой степени не отвечало интересам царской России. Она «хотела их самих в службу для охранения российских на Тереке жилищ от крымских и кубанских приходов употреблять»³. С поселением же осетин на Ардоне и Фиагдоне было очевидно, что «из оного их поселения для интересов е. и. в. за отдалением тех мест ни малейшей пользы не было бы»⁴.

Дипломатический ответ правительства Елизаветы Петровны осетинским послам был двусмысленным. С одной стороны, «те места, на которых они (осетины. – Б.Б.) вновь поселиться желают, при реках Фиаке и Ордане, суть вольные и к Малой Кабарде ближайшие, и для того им поселиться

¹ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/11, д. 3, л. 84.

² ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1577, л. 1078 об.

³ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 302.

⁴ Там же.

при оных не запрещается, но надобно им, по таковой кабардинцам близости жить с ними смирно и к ссорам никаких причин со своей стороны не задавать, ибо в противном случае войсками е. и. в. охранять их не способно»¹. Иначе говоря, осетины могли селиться на просимых ими местах на свой страх и риск, на покровительство и защиту со стороны русских войск вовсе не рассчитывать, потому что «войсками е. и. в. охранять их не способно» было в то время. Первое осетинское посольство вернулось, не разрешив основного вопроса – земельного.

Спустя два года осетины вновь поставили перед Русским государством вопрос о переселении на равнину. Послать делегацию в Петербург на этот раз они не смогли. Ограничились подачей специальной челобитной на имя императрицы через кизлярского коменданта бригадира фон Фрауендорфа. Челобитная была вручена 5 марта 1755 г. «четырьмя осетинскими старшинами из Тагаурского ущелья Тимир-Султаном Жамоевым (Шанаевым. – Б.Б.), Тараш Кантиковым (Кануковым), Джандаром Нафиевым и Асланбеком Темировым, с общего согласия многих наших осетинских старшин»². В Кизляр они приехали вместе с архимандритом Пахомием, который, кстати, и просил у коменданта крепости «для них аудиенции».

Изложив свое бедственное положение в горах, сообщив, что живут они «внутри гор весьма тесно и неисправно, во всем же имеют великую нужду и недостаток», осетины просили разрешения выселиться на свободные земли. «А ныне, – говорится в третьем пункте челобитной, – мы отыскиали себе для поселения место близ тех же гор, где мы жительствоуем, лежащее впус-те, ни под чьим владением, а именно между двумя реками, едучи из Кизляра через Татартуп в Осетию, в левой стороне. А расстояние имеет от того Татартупа более в 50 верстах»³.

Следует обратить внимание на особенности этого послания осетинских старшин. Подойдя к вопросу о принадлежности якобы никому не принадлежащих равнинных земель в высшей степени дипломатично, осетинские старшины как бы подсказывали правительству Елизаветы Петровны, что опасаться со стороны Кабарды и Турции на этот раз нет причин, так как просимые ими земли «впус-те лежащие» и «ни под чьим владением» не находятся.

Конечно, осетинские старшины прекрасно знали, что просимые земли принадлежат кабардинским феодалам, и тем не менее они упорно добивались их при помощи царской России, скрывая от нее правду. Вероятно, их пугало повторение ответа русского правительства осетинскому посольству. Челобитная заканчивалась просьбой дать им «мочного человека», «который бы нас до время от неприятелей охранить мог, а когда уже по вышеписанному размножимся, то и сами от неприятеля себя обороним и вашему и. в. служить можем», так как «на объявленном месте выселитца около 3000 ружейных людей»⁴.

Кизлярский комендант по указанию своего правительства поручил архимандриту Пахомию навести справки, действительно ли «пустуют» просимые осетинами для поселения земли. Архимандрит Пахомий в составле-

¹ Материалы по истории Осетии. Т. 1. С. 303.

² Русско-осетинские отношения. Т. I. С. 375–377.

³ Там же. Т. I. С. 376.

⁴ Там же.

нии челобитной тагаурских жителей принимал активное участие. Естественно, он подтвердил версию осетинских старшин, что «оное место с 1745 года состоит праздно лежащее между их».

Утверждения тагаурских старшин и архимандрита Пахомия противоречили данным, которые собрал об упомянутом пространстве кизлярский комендант по другим каналам, в частности, от самих кабардинцев и командира «кизлярской нерегулярной команды майора Петра Татрова». Кабардинские владельцы убедили коменданта, что земля, на которую осетины претендуют, относится к «пределам Малой Кабарды» и принадлежит князьям Мударовым.

Так как в 1755 г. в русско-турецких отношениях никаких изменений не произошло, и они по-прежнему оставались натянутыми, то Россия вновь отказала в просьбе осетин, потому что, «ежели бы, – говорилось в документе, – против воли кабардинцев на их землях осетинцов поселивши..., в таком случае с Портою Оттоманскою и до самой крайности легко дойти могло б»¹.

Правительство опять предложило осетинам взамен просимых земель места на левом берегу Терека, «по сю сторону реки Терка». В 50-х гг. XVIII в. нижнее течение этой реки служило границей между горами Северного Кавказа и южными пределами царской России. Левый берег Терека принадлежал России, правый – горцам. Правительство стремилось расселить и осетин по левому берегу Терека против впадения в него реки Курп, в урочищах Моздок и Мекен, где задолго до этого были основаны станицы греческих казаков.

Осетины и на этот раз отказались от этих мест.

Предоставляя осетинам для поселения вышеназванную территорию, царизм хотел решить одну из важнейших задач: заселить степи Кизлярского края христианизированным осетинским населением и тем самым создать сырьевую базу для нарождавшейся здесь мануфактурной промышленности и, с другой стороны, прочно закрепить за собою данный район для дальнейшего наступательного движения.

Заселение огромных территорий на юге для России было вопросом чрезвычайно важным. Поэтому «для лутчего поощрения и переходу и поселению осетинцев в здешнюю сторону» правительство установило выгодные по тем временам льготы: «давать им при первом случае из казны е. и. в. старшинам по 10, а рядовым по 5 рублей на семью, а холостым, против того в полы, а сверх того, надобно им такую же вольность позволить, какую, например, донские и яицкие казаки в своих жилищах имеют – в курении вина, а также в варении пив и медов. А напоследок и в заведении в их жилищах шелку, хлопчатой бумаги и фабрик и виноградных и других садов. При том же не меньше нужно, что они, осетинцы, яко новые люди, имели свободу как в прежние их жилища, так в Кабарду и в Кумыки и другие тамошние горские места для их потребностей ездить по своей воле и торговать собственными товарами и вещами беспошлинно»².

Чтобы «осетинцам к переходу сумнения при первом случае не задалось, за потребно быть видится в тамошней стороне в удобном месте построить и крепость, хоть небольшую, только земляную. А в ней церковь, для комен-

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 302.

² АКАК. Т. I. С. 21.

данта и офицеров светлицы, а для гарнизона казармы и снабдить сколько будет нужно артиллериею, содержать в оной из Кизляра две роты солдат и 100 человек казаков... А затем около оной крепости и осетинцы поселяемы, и жилища их для лучшей безопасности в оном и валом обводимы быть могут»¹. Причем, чтобы застраховать себя от протестов со стороны Турции, «в случае к нему от Порты отзывов», Коллегия иностранных дел дала необходимые инструкции русскому резиденту в Константинополе: «что сию небольшую крепость со здешней стороны, однако же не инако, но в своих границах, принуждено построить для воспрепятствования тайных с товарами без платежа пошлин из калмыцких улусов за границу проездов, от чего казна е. и. в. убыток претерпевала»².

Осетинам, грузинам, армянам и всем «христианских наций людям» предлагалось селиться отдельными слободами и «дать им волю в своих слободах строить церкви для отправления каждому по своему закону службы божией и судом самим между себя разбираться». Магометанам селиться запрещалось. Предполагалось также будущую крепость «именовать осетинскою крепостью»³.

Однако планам этим не суждено было осуществиться до 1762 г. Внешняя политика Екатерины II на Северном Кавказе была более решительной и наступательной. Уже в 1762 году Сенат представил императрице доклад о переселении осетин, ингушей и малокабардинского владельца Коргоки Кончокина в урочище Моздок⁴.

Дело в том, что этот человек, находясь в Петербурге и имея широкие связи при русском дворе, узнал о твердом намерении правительства заселить урочища Моздок и Мекен и попросил разрешения на переселение⁵. В Коллегии иностранных дел дали согласие, но с условием, что он, К. Кончокин, и три его брата – Ислам, Гирей и Алхас «христианский закон принять пожелают», а также переселят с собой своих подвластных, которых «душ 800 будет». Правительство выдвинуло это требование для того только, что «когда сей крещенной кабардинский владелец с другими таковыми ж новокрещенными в здешние границы переведен будет», то «турецкому двору по 8-му пункту заключенного трактата претендовать не можно будет».

Участник дворцового переворота в 1762 г. Коргоко Кончокин поставленные перед ним условия выполнил. «Остается теперь, – писали Екатерине II, – только отпустить отсюда упомянутого владельца Андрея Кончокина в дом его с надлежащим объявлением». Ему предоставлялось право выбора места на левом берегу Терека, но с тем условием, чтобы оно было удобно для большого поселения и крепости. Выбрал он урочище Моздок.

Комендантом будущей крепости Сенат назначил подполковника П. Гака, так как он «в тамошней стороне неоднократно бывал, следовательно, о состоянии тамошних народов и о происходящих с ними делах не может быть несведом»⁶. Гаку одновременно поручалось вести агитацию среди гор-

¹ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярского коменданта, из неописанных дел за 1763 г., св. 3309, л. 192.

² Там же, л. 306.

³ Там же, л. 313.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. С. 218–220.

⁵ К. Кончокин еще в 1751 году просил у царского правительства эти места.

⁶ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 294.

цев и приглашать их на поселение в Моздок. С этой целью ему предлагалось «по каким-либо причинам прежде того в Малую Кабарду съездить можно и не однажды, заводя не только с подвластными ему владельцу людьми, но и с прочими тамошними жителями беседу и искусным образом внушать им преимущества христианской веры и о приобретенных при таком их переселении выгодах»¹.

К строительству Моздока Гак приступил 5 июля 1763 г.²

По его требованию сюда прибыла строительная команда «в числе: урядника 1, рядовых 30, в том числе колесников 4, плотников 4, каменщиков 2, бондарей 2, портных 2 человека»³. Для обеспечения строительным инструментом доставили собранные в Кизляре «40 топоров, 10 лопат железных и 20 казачьих лопат малых, кос сенокосных 66»⁴.

Заселение Моздока производилось за счет местных переселенцев. Русское правительство считало, что хотя осетины на поселение «в близость к российским жилищам и до ныне желания не объявили, однако из того заключать не можно, чтобы некоторые из них, когда надлежащее старание приложено будет, охоты к тому не возымели»⁵. Поэтому, заложив Моздок, которому отводилась роль не только военно-опорного пункта, но и развития производительных сил края, правительство установило ряд дополнительных экономических привилегий для осетин, пожелавших принять крещение и изъявивших желание переселиться сюда. В плане по заселению Моздокского района особо подчеркивалось, что «земли для пашен и садов, по обширности здешнего места, дать каждому сколько потребно». Помимо этого, переселенцам предоставлялась помощь деньгами, отпускалось «заимообразно семян на посев хлеба, на пропитание».

Объявленные льготы и привилегии послужили надежной приманкой особенно для неимущего класса, бросавшего насиженные места и спешившего на поселение в Моздок. Из разных концов Северного Кавказа потянулись туда беглые люди, казаки, вольные поселенцы с семьями. Для всех здесь радушно открывались двери, и каждая семья, получив вознаграждение, устраивалась как могла и где хотела. Прибывшие с гор жители внесли свою, несколько необычную для русского человека форму застройки: улицы были узкими и кривыми и порой оканчивались тупиками. Окраины же совершенно терялись в беспорядке, большинство строило свое жилье там, где считало удобным. Каждая народность селилась компактно.

В заселении района Моздока осетинами большую роль правительство отводило Осетинской духовной комиссии. Новая крепость должна была стать центром распространения христианства на Северном Кавказе. Обеспеченное усилившимся влиянием мусульманства среди горцев, царское правительство во всем поддерживало развитие миссионерской деятельности в Осетии. По его мнению, «дабы происходившая уже у осетинцев проповедь не осталась втуне, одно надежное средство только в том состоит, чтобы их из нынешних мест поселить на других, которые б причислялись к

¹ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярского коменданта, из неописанных дел за 1763 г., св. 3309, л. 32.

² Там же, л. 65.

³ Там же, л. 70.

⁴ Там же.

⁵ Материалы по истории Осетии. Т. II. С. 67.

здешним границам». А переселившись в Моздок, осетины должны «навек в христианском законе пребывать»¹.

Осетинская духовная комиссия сыграла значительную роль в деле переселения горцев в Моздок. Начальники комиссии – Пахомий, Григорий, Болгарский, Лебедев неоднократно ездили к жителям осетинских сел. Уже через год после основания Моздока Пахомий с П. Гаком для склонения горцев к переселению предпринимают продолжительную поездку по Осетии и Ингушетии.

Для поощрения переселенческого движения осетин русское правительство открыло в Моздоке в 1764 г. школу для осетинских детей со стипендией и пансионом².

Осетины, приезжающие сюда для определения детей в школу или просто навестить их, не могли не видеть тех выгод, которые сулила новосельцам моздокская жизнь. Бескрайние просторы степей не оставляли равнодушными ни одного горца. Легко представить, с каким трепетом души взирали они на эти богатые и никем не используемые земли. Тысячи надежд и сомнений рождали они в сердцах людей, хоть раз побывавших тут. Моздокская земля и манила, и пугала осетин.

Вообще колонизация осетинами Моздокского района происходила в течение XVIII–XX вв. По времени и по месту поселения моздокских осетин можно разделить на три группы³.

Первая, образовавшаяся из самых ранних выходцев, называется «Цайта»⁴. Дело в том, что моздокские степи в своей подавляющей части безводны. Влага в этих местах находится на больших глубинах. Поэтому главной для новоселов была проблема воды. Ее можно было добывать только из глубоких артезианских колодцев. Копка их была сопряжена с огромными трудностями, так как порой надо было пройти до 50 метров. Нередко случалось, что тяжелый и изнурительный труд десятков людей, продолжавшийся месяцами, оказывался совершенно напрасным – вода оказывалась непригодной для питья или ее вообще не было.

«Выкопавший удачно колодец (цъай) считался основателем хутора (поселения). По его имени получал название хутор. Само место поселения эта группа осетин называла «цай» и себя они стали называть не осетинами, а цайта»⁵. Среди них были выходцы из всех районов горной Осетии.

В 1804 г. выходцами из Дигории на левом берегу Терека был образован крупный населенный пункт в 25 верстах от Моздока. Он расположился против так называемого «Черного яра», от чего и произошло само название этого поселения – Черноярск⁶. Сами же жители свое село называли Дзарастае. Это название сохранилось в народе до сих пор.

Через шесть лет к черноярцам из Дигории подселились жители селения Масукау.

Зависимость жителей этого села от князей Большой Кабарды была

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 219.

² Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 289.

³ Калоев Б. А. Из истории Моздока и моздокских осетин. «Известия» СО-НИИ. Т. 25. 1966. С. 233.

⁴ Буквальный перевод – колодцы.

⁵ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 234.

⁶ ЦГАСК, ф. 128, оп. 1, д. 1341, л. 14.

особенно сильной. Те не простили караджаевцам, что многие из них начали принимать русское подданство. В 1800 г. здесь была построена церковь, прикомандирован небольшой отряд казаков. Кабардинцы разгромили церковь, прогнали священника и казаков. Виновные в этом впоследствии были наказаны отрядом царских войск, но это еще больше озлобило князей. После ухода русских масукауцам оставаться на том месте было невозможно. За исключением немногих бежавших в горы к своим родственникам, люди ушли в лес, поручив свое имущество и скот близким и знакомым в соседних селениях.

В лесу масукауцы прожили 7 лет. Когда же узнали, что русские вызывают на поселение в Моздок и что уже образовалось из дигорцев Черноярское поселение, обратились к военному начальству. В 1810 г. специально выделенный конвой вывел масукауцев к военной линии на левый берег Терека. «Осетины, страдающие от кабардинских владельцев и живущие по обе стороны р. Урух, – сообщал в своем рапорте командир 19-й дивизии генерал Булгаков от 18 мая 1810 г. на имя наместника генерала Тормасова, – изъявили мне желание переселиться к кардонной линии Кавказской и быть водворенными между Екатериноградом и Ерашти – селе осетинском, на Тереке лежащем. Почему я определил часть войск для вывода их, под прикрытием которых они в числе 266 душ вчера взяты и препровождаются к Прохладненскому карантину. Они объявили желание, равно и ныне там живущие, отправлять казачью службу»¹.

Действия генерала Булгакова были поддержаны наместником: «Я весьма одобряю предприятие ваше о переселении их в границы Кавказской губернии и водворении их между Екатериноградом и Ерашти в осетинском селении»².

Черноярцы масукауцев приняли как братьев. В течение трех лет они, делясь с ними куском хлеба, переносили вместе невзгоды неустроенной жизни.

Власти для поселения 266 осетин приобрели в казну у местных помещиков А. Безбородко и П. Реброва дачу в 12 000 десятин. Далее масукауцам была оказана финансовая помощь для устройства на новом месте и для приобретения лошадей, скота и пр. За это осетины обязывались нести охранную службу на линии³. Первые постройки на новом месте появились уже в 1811 г. Таким образом здесь было основано еще одно селение, официально, получившее название Новоосетинское, жители же дали ему название своего старого села Масукау.

Черноярские и новоосетинские переселенцы или дзераста, как они себя называют, составили вторую группу моздокских осетин, являющихся в своем большинстве выходцами из Дигории. Пополнение этих двух поселений выходцами из Дигории шло в течение трех первых десятилетий XIX в. В 1837 г. в ст. Черноярской проживало 616 душ обоего пола (71 двор), в Новоосетинской – немногим больше.

Медленный рост населения дзераста в указанный период объясняется начавшимся в то время массовым переселением горцев на Осетинскую рав-

¹ АКАК. Т. 4. С. 460.

² Там же. С. 461.

³ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 242.

нину. Это временно отвлекло их внимание от Моздокского района. Пока на указанной равнине оставались свободные земли, осетины охотнее переселялись туда, нежели в моздокские степи, расположенные сравнительно далеко. В конце 30-х гг. XIX в. осетины вновь стали обращать свои взоры к моздокской земле. Резкое увеличение числа осетин-дзераста в последующий период свидетельствует именно об этом. В 1850 г. в двух станицах было 207 дворов, в 1866 – 243, а в 1900 г. – 533 двора. Кроме этих двух станиц, осетины-дзераста в разное время образовали хутора Тускаев (1837), Елбаев (1840), Гокинаев (1853), Аркалов (1876), Савлаев (1891) и другие.

С самого начала переселения осетин в Моздокский район царское правительство вынашивало планы привлечения их к охранной, а затем к воинской службе, то есть мечтало превратить поселенцев в орудие своей колонизаторской политики. До 1824 г. дигорские переселенцы жили на правах гражданских поселений, неся только внутреннюю службу, в 1824 г. идея генерала Ермолова о создании Горского казачьего полка из осетин и кабардинцев была претворена в жизнь. В том же году осетины-дзераста вошли в состав этого полка, а сами их поселения были переименованы в станицы Черноярскую и Новоосетинскую.

Жизнь моздокских осетин складывалась вначале под влиянием таких факторов, которые тормозили экономическое развитие: «Вечно тревожное положение населения, подвергавшегося набегам кабардинских и других князей, уничтожавших посе́вы и загоны, забиравших имущество и детей, а затем непрерывная военная служба не давали возможности развиваться экономической жизни населения»¹.

Площадь земли, занятая первыми переселенцами, составляющая непочатую новину, и громадные пространства выпасов и степных сенокосов были пригодны к занятию всеми видами сельского хозяйства и скотоводства. Но указанные выше причины мешали населению заниматься хозяйством по-настоящему в больших размерах. «Отлучки из станицы далеко в поле на работы были небезопасны; выходя на работы, несколько семейств соединялись вместе, и, на случай нападения, мужчины работали вооруженными огнестрельным оружием. Соединенные для полевых работ семьи имели в поле общий балаган, общий котел, но работали каждая для себя»².

С годами жизнь поселенцев стала входить в нормальное русло, становилась обеспеченнее во всех отношениях. Тревожные дни постепенно становились будничными.

Сеяли пшеницу, рожь, просо, овес и ячмень; разводили огородные культуры. Соседство с русскими поселениями способствовало развитию у моздокских осетин улучшенных способов обработки земли, а также садоводства и огородничества.

«Осетины, – сообщает документ 1826 г., – выведенные по желанию и вышедшие сами собою из гор, живут при городе Моздоке и в двух деревнях – Черноярской и Новоосетинской. Кроме почтовой повинности, никакой другой не имеют...» «Народ сей, – свидетельствует далее документ, – сколько был беден при поселении, столько теперь изобилует хлебом и скотом»³.

¹ Сосиев З. Станица Черноярская. «Терский сборник». 1903. Вып. 5. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 316.

МАССОВОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ОСЕТИНСКОЙ РАВНИНЫ ОСЕТИНАМИ-ГОРЦАМИ (до 60-х гг. XIX в.)

Первый этап переселения осетин с гор на Осетинскую равнину (с конца XVIII и до 20-х гг. XIX в.)

Переселение незначительной части осетинского населения в район Моздока не принесло заметного облегчения для жителей горной Осетии. Число моздокских осетин к концу XVIII в. не превышало трехсот душ обоего пола. Горцы продолжали возлагать надежды на земли Осетинской равнины. Во всех встречах с представителями русской власти (как официальных, так и неофициальных) осетинские общества не упускали возможности еще и еще раз напомнить правительству о своем сокровенном желании. Жажда быть поселенными на землях, расположенных вдоль рек Камбилеевки, Карджина, Урсдона, Ардона, Фиагдона, Гизельдона, Терека, вынуждала осетин давать многочисленные присяги верности царской России, принять православную религию, открыть правительству сокровища своих гор («секреты осетинской земли»), «которых они боялись другим народам, живущим по близости их, даже объявлять». «Оне все рады делать то, — доносили представители правительства в Осетии, — что только приказано будет, но только бы были защищены» при переселении на равнину¹.

Через пять лет после основания Моздока (в 1768 г.) жители Куртатинского и Алагирского ущелий, «которых числом будет до 10 и более», обратились к руководителям первой русской геологической экспедиции Ст. Вонявину и А. Кирееву с просьбой «довести до начальства», «что они с крайнею охотою желают» быть «выведенными... на поселение в пространные места по рекам Иордану, Фоке и Татартупу». Ст. Вонявин и А. Киреев доносили, что «такое их желание может быть и потому без вымыслу и справедливо, ибо претрудная их жизнь в хлебопашестве и скотоводстве по горам... к сему их больше приводят»². Они советовали в интересах правительства поддерживать «тамошних жителей», ибо «переселение осетинцев на кабардинскую степь сколько самим им полезно будет, то равным образом и к заведению там плавильного завода полезно быть может»³.

Ст. Вонявин составил план, «где построить для выплавления металлов завод» и в какие места переселить осетин из отдельных обществ. Намечалась постройка двух заводов: у входа в Куртатинское и в Алагирское ущелья. По его «Примерному плану» алагирцев «поместить можно между рекою Ерданью и Фокою, где в длину от наклонения гор до реки Терека расстоянием будет верст около 50, а поперек между Фоком и Ерданью от

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 218.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 217.

15 и до 20 будет верст пашенной и сенокосной земли», а «куртатским жителям положить без нужды между Терекон и Киццолон (Гизельдон. – Б.Б.) и по левую сторону по течению речки Фоки близ первых от степи гор»¹.

Для охранения заводов и переселившихся осетин Ст. Вонявин планировал построить «подле старого жилища Татартупа на устье речки Ак-су небольшую крепость», а «по речке Кунделей (Камбилеевка. – Б. Б.) местами поделать редуты».

Хотя царская Россия была чрезвычайно заинтересована в эксплуатации осетинских горных богатств, суливших ей громадные экономические возможности, она к их разработке приступить не могла из-за обострившихся отношений с народами Северного Кавказа².

Чрезвычайно сложными оставались и отношения с Турцией. «До тех пор, – констатировала Коллегия иностранных дел, – пока с Портою Оттоманскою в нынешнем состоянии остаются, едва ли можно какого успеха в сем намерении надеяться»³.

Откладывая разработку горных богатств Осетии до благоприятных для себя времен, царская Россия предала забвению и просьбу осетинского народа.

Когда в 1769 г. Осетинский монастырь оказался разгромленным, подворье было переведено в Моздок. В связи с этим возможности осетин встречаться с представителями русской администрации сократились до минимума. Это сильно встревожило их. Надежда решить проблему земли с помощью России ускользала. Осетинские старшины сами стали приезжать в Моздок и Кизляр. Участились их визиты и к астраханскому губернатору. В 1771 г. на Волге побывал старшина Алегуко Цаликов. Устами его куртатинцы просили губернатора помочь им поселиться около бывшего Осетинского подворья⁴. Вслед за ним к П. Кречетникову приехали алагирские и куртатинские старшины, от которых губернатор принял «прошение в той же силе, как и первое, чтобы Осетинское подворье возобновить и определить туда воинскую команду и от кабардинцев защищать».

Кучук-Кайнарджийский договор позволил царской России в 1774 г. вплотную заняться разработкой осетинских горных богатств. В декабре П. Кречетников в своем рапорте сообщал Екатерине II, что он уже предписал моздокскому коменданту, «чтоб инженер-прапорщика Неймана и с ним осетинского переводчика Пицхелаурова послать в Осетию... снять план на антре, где было Осетинское подворье с наблюдением пространства, сколь удобна та земля к хлебопашеству, есть луга, а паче довольно ль леса, в чем большая надобность настoит, и вообще то осетинское место подворья довольно ль к заведению нарочитого поселения и имеет ли то положение способность ко учинению какого-либо укрепления, и текущая под ним из гор речка такие ль имеет берега, где б можно было сделать хорошую и прочную мельницу, хотя б она и труда стоила, так же какие деревни около оногo и чьего владения, да и дорога к оному удобна ль телегами к проезду»⁵.

Весной 1775 г. астраханский губернатор снова представил обстоятель-

¹ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 219.

² Там же. С. 211–295. (См. рапорт астраханского губернатора Коллегии иностранных дел от 18 декабря 1767 г.).

³ Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 243.

⁴ АВПР, Осетинские дела, оп. 128/2, д. 1, л. 767.

⁵ Там же, л. 245.

ный доклад императрице об Осетии. Он характеризовал Осетию как страну «крайнего невежества», а ее народ как не имеющий «ни грамоты, ни книг, и никакова почти закона... живущего в несказанной бедности». Особо была подчеркнута мысль, что осетины «весьма склонны к принятию нашего христианского закона, который при всей слабости от нас в Осетии проповеди принимают»¹. От «сильного и варварского притеснения» со стороны князей Большой Кабарды, отмечается в докладе, осетины «принуждены себе сыскивать защищения..., кое, по слабому моему мнению, и надобно им подать, а и с того произойдет слава в. и. в. по всей той стороне и приманит весьма многие народы и распространит пределы в. и. в. Государственная ж польза произойдет в приобретении сих руд»².

После докладов Кречетникова правительство должно было приступить к переселению осетин на плоскость, но оно сочло нужным собрать еще больше данных об этом народе, его истории, нравах, быте, религии. Решение этой задачи поручили в 1780 г. протопопу Ивану Болгарскому. В течение года он в составе Осетинской духовной комиссии тщательно собирал необходимые данные. Из них видно, что в трех обществах Осетии (Тагаурском, Куртатинском и Алагирском) было 130 деревень – 5437 дворов.

Затем в 1781 г. в Осетию был командирован капитан русской службы Левегант Штедер. Направляя его в горы, командующий кавказским корпусом П. Потемкин написал рекомендательные письма к старшинам осетинских ущелий. В одном из них, обращенном к старшинам Наро-Мамисонского общества Христофору Балаеву, Дохчику Давидову, Феранги Балаеву, Чечи и Христофору Отаровым, П. Потемкин просил, чтобы они «оказали содействие капитану Штедеру»³. Кроме того, он просил старшин «пожаловать» к нему для обсуждения вопроса «поселения в Татартупе». Да и сам Штедер должен был «вызвать осетин на поселение в Татартуп». «Я хотел взять обязательство, – писал он в своем дневнике, – ежегодно приводить на равнины свыше 1000 людей для новых поселений... главным образом в Татартупа ущельи»⁴.

В 1782 г. правительство действительно приступило к строительству военного укрепления. Местом для него был избран левый берег реки Терек, недалеко от Татартупа. Работы закончились в 1783 г.; укрепление было названо Потемкинским.

О ходе строительства этого объекта осетины знали с первых же дней. В адрес кавказского военного начальства посылались просьбы от жителей всех ущелий – дозволить им переселиться к новому военному укреплению. В декабре 1782 г. старшины Алегука Цаликов, Соломон Гуриев, жители Алагирского, Нарского, Закинского и Тагаурских ущелий обратились с прошением к командующему Моздокской военной линией генерал-поручику П.С. Потемкину. Они просили «позволить поселиться в Татартупе и житьельство иметь»⁵. Аналогичную просьбу высказали Потемкину и жители Дигорского ущелья.

¹ Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 104, д. 331, ч. 3, л. 6.

⁴ Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. С. 39.

⁵ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. 1, л. 117 об.

Просьбы горцев были удовлетворены. Уже в 1784 г. в Потемкинском было более полсотни дворов. Осетины составили основное его население.

В 1783 г. на Осетинской равнине были построены еще три укрепления: Григориополисское, Елизаветинское, Кумбулеевское. Возведение пятого, самого сильного из них, которое должно было запретить вход в Дарьяльское ущелье, пришлось отложить до весны. «6 мая 1784 г. после торжественного молебствия с водоосвещением, при громе русских пушек заложено было... последнее укрепление, названное Владикавказом»¹.

В том же году несколько осетинских семейств прибыли с гор к стенам крепости и стали жить здесь. «Нарочитое число осетинцев, – писал современник этих событий П. Бутков, – выйдя из гор, тут в окрестности поселилось, устроив селение (Ирыкау. – Б.Б.), и обрабатывали пространные поля, вокруг Владикавказа в пусте лежащие, и имели совершенный покой и тишину от соседей»².

80-е гг. XVIII в. были тем счастливым временем, когда, казалось, начинала сбываться мечта осетинского народа. Военные укрепления от Моздока до подножья Кавказского хребта позволили осетинам спуститься с гор на плоскость. Из одной только горной Дигории за короткое время прибыло 460 человек³. Еще большее количество переселенцев ожидалось из ущелий Тагаурского общества, поселение которых намечалось на пустопорожних землях, расположенных вокруг крепости Владикавказ (по обе стороны Терека). Куртатинцы и алагирцы же должны были расположить свои поселения вокруг предполагаемой крепости, на месте когда-то разрушенного Осетинского подворья.

Правительство и военные власти на Кавказе охотно поддерживали желание осетин разместиться у русских военных укреплений. Этим, с одной стороны, укреплялась власть царизма среди горского населения и, с другой, само местное население использовалось для охраны военной кордонной линии.

Однако последнее десятилетие XVIII в. принесло разочарование осетинскому народу. Воспользовавшись ослаблением русской политики на Кавказе в последние годы царствования Екатерины II, Турция, Персия и Крымское ханство заметно расширили свою агрессию в районе Северного Кавказа и Закавказья. Ирано-турецким шпионам и ханским агентам удалось восстановить против России определенную часть кабардинских князей, которые лишились некоторых своих земель в связи с образованием новой русской укрепленной линии.

Волнение кабардинских феодалов в самом центре Кавказской линии, широкое антирусское выступление горцев под руководством шейха Майсура, бунт тагаурских феодалов на Военно-Грузинской дороге, вторжение иранских войск в Армению, Азербайджан и Грузию и активизация военных действий Турции в районе Анапы – все это поставило Россию в трудное положение. Ее войскам в Грузии, Осетии и Кабарде был отдан приказ покинуть названные пределы и отодвинуться на север. Вслед за этим были упразднены и военные крепости: сначала Владикавказская, за-

¹ Потто В. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С. 144.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 до 1803 г. СПб., 1869. С. 166.

³ Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С. 71.

тем Потемкинская и другие. «Предав огню все строения и забрав поселян, гарнизоны этих крепостей перешли в Моздок»¹. Лишившись защиты, ушли обратно в горы и осетины.

В первые годы XIX в. политика царизма на Кавказе делается более активной. Присоединение Грузии к России в 1801 г. заставило Петербург обратить самое пристальное внимание на Центральный Кавказ. Малая Кабарда и Осетия приобрели в глазах России исключительное значение, так как через них проходила дорога в Грузию. Она, по меткому выражению известного осетинского публициста и писателя Ц. Гагиева, стала «столбовым нервом общения России с Закавказьем».

В 1803 г. снова восстанавливается крепость Владикавказ. Тогда же Александр I утвердил проект строительства Военно-Грузинской дороги (так называемый «Проект Александра пути»), составленный новым наместником Кавказа П. Цициановым. Предусматривалось на протяжении всей дороги устройство новых военных крепостей, редутов, форпостов, караулов: в Малой Кабарде, на реках Терек и Камбилеевка, в ущельях вдоль Терека, в Балте, Ларсе, Дарьяле. Вскоре были восстановлены Григориополисское, Камбилеевское, Елизаветинское укрепления.

Особое внимание русского командования к Военно-Грузинской дороге требовало и иного отношения к народам, через территории которых она проходила. Естественно, без урегулирования отношений с тагаурцами нельзя было говорить о безопасном движении по этому пути. Дарьяльское ущелье в первом десятилетии XIX в. становится местом особой заботы кавказской политики русского царизма. Правительство сосредотачивает все свои усилия именно здесь. Если в XVIII в. основное внимание русского правительства было сосредоточено на Алагирском и Куртатинском ущельях, то сейчас центром русско-осетинских отношений становится район Тагаурии. Антирусское движение отдельных тагаурских феодалов во главе с Ахметом Дударовым заметно усилилось. Были случаи, когда тагаурцы на несколько месяцев прерывали связи России с Грузией².

Русское военное командование не раз направляло против тагаурцев, «толпы хищников сих, едва ли тысячу человек составляющих», военные отряды. Проводилась и политика привлечения на свою сторону части тагаурских алдаров, настроенных лояльно по отношению к России. Такие люди охотно привлекались к русской военной службе и к охране дороги, им назначалось относительно высокое жалование. Командование одаривало их русскими военными чинами. Военная администрация, естественно, охотнее поддерживала связи с фамилией Дударовых как наиболее влиятельной в Тагаурии и особенно в районе Дарьяльского ущелья. От привлечения на свою сторону этой фамилии во многом зависела обстановка на Военно-Грузинской дороге, от Владикавказа до границ Грузии. «Русское правительство, — говорили сами Дударовы впоследствии, — утверждая владычество свое на Кавказе, до настоящего времени кроме фамилии Дударовых не имело никаких сношений с другими горскими фамилиями Владикавказского округа»³. Стремясь сделать из социальных верхов фамилии Дуда-

¹ Ларина В. И. Указ. соч. С. 71.

² Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. С. 71.

³ ЦГА СОАССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 119.

ровых себе опору в Тагаурии, правительство жаловало им офицерские чины, пожизненные пенсии, крупные земельные участки на плоскости. К 1830 г. среди Дударовых уже насчитывалось более 48 офицеров русской армии, многие в звании майоров и капитанов.

«Чтобы сделаться достойными покровительства России, – заявляли Дударовы, – многие из нашей фамилии поступали на службу, во время которой, сражаясь против своих единоплеменников, жертвовали жизнью. Со своей стороны, русское правительство, ценя такую преданность Дударовых, не только признавало их права на землю и населенных на ней людей, но еще старалось предоставить все средства и силы к удержанию этих прав»¹.

В связи с осуществлением «проекта Александрова пути» Цицианов в 1804 г. принудил влиятельного тагаурского старшину Махамата Дударова «добровольно» уступить русскому правительству наследственное селение Ларс и на выгодных условиях переселиться на Владикавказскую равнину. «По сделанному мне от главнокомандующего Грузиею кн. Цицианова предложению, – писал М. Дударов императору Александру I, – уступаю я добровольно, по договоренности, данной мне от отца моего Мирзабека Дударова и брата моего Джанхота, наследство, принадлежащее нам Ларское селение, состоящее на р. Терек, в Тагаурском ущелье, с крепостью, со всем его строением и со всею к селению принадлежностью, как то: землю, леса и мельницы и все то, что в границах земель того селения состоит, утверждая сие присягою»².

По этому акту осетинское горное село Ларс было преобразовано в русское военное укрепление, а владетель его М. Дударов по высочайшему манифесту в конце 1804 г. «удостоился в капитаны от армии нашей», пожизненной пенсии в размере 350 руб. в год и, главное, манифест повелевал кн. Цицианову отвести тагаурскому старшине «в потомственное владение такое пространство пустопорожней земли, какое нужно под население 25 дворов с пашенными для них угодьями и санными покосами в окрестности Владикавказской крепости»³.

Прежде чем издать манифест, царское правительство запросило кавказского наместника, кому принадлежат земли вокруг Владикавказа – кабардинцам, осетинам или казне. Цицианов, по наведенным справкам, через коменданта Владикавказской крепости донес в Петербург, что территория, по которой «пролегает тракт в Грузию... бесспорно принадлежит нам» и что «в отводе старшине Дударову земли в назначенном им месте я не нахожу никаких препятствий, тем паче, что она лежит в неизмеренном нашими землемерами пространстве около Терека, в прежде вступления оной реки в стародавние пределы Российские»⁴.

Ларским Дударовым в 1805 г. было указано место, куда им разрешалось переселиться. Это были пустопорожние земли между Терекom и Камбилеевкой (примерно там, где лежит теперешнее село Новый Батакоюрт). Сюда и переселились с гор Махамат и Джанхот со своими ближайшими

¹ ЦГА СОАССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 119.

² АКАК. Т. II. С. 352.

³ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. Орджоникидзе, 1942. С. 109.

⁴ Там же. С. 109.

родственниками в количестве 8 дворов и в 1806 г. основали первое осетинское плоскостное селение Джанхотов-Ларс¹.

Вместе с Дударовыми переехали сюда и фарсаглаги и кавдасарды (около 42 дворов). Среди основателей аула были Темуруко Бзаров, Азо Бзаров, Умар Дзарахохов, Бибо Борукаев, Сысло Дзусов, Али Забуркиев, Албеговы, Мирзоевы, Гудиевы, Кесаевы, Караби Азиев, Беслан Тавтиев, Заурбек Табаков, Пшемахо Тавтиев, Цицил Козров, Ебо Зусов, Вартак Боруков, Етзоевы, Козроевы, Дзуццев, Мильзиховы, Гариевы и др.²

Аул находился недалеко от Елизаветинского укрепления, в юго-западной его стороне³. Здесь поселенцев в земле никто не ограничивал, и Дударовы обрабатывали ее столько, сколько могли их подвластные. Чувствуя беспрепятственность в захвате расположенных неподалеку от их аула земель, ларские Дударовы из года в год расширяли границы своих владений. К 1850 г. им принадлежало 3862 дес.⁴ В силу этих причин Дударовы вплоть до 1840 г. не требовали от русских властей акта и плана на эти земли. Только в 40-е годы, когда начальство Владикавказского округа в связи с нехваткой плоскостных земель приступило к перераспределению равнинной территории, владельцы затрубили тревогу и стали требовать отмежевания своих владений и выдачи документов, дающих право на потомственное пользование землями при теперешних границах. «Земли нам отведено не было, – писали в 1843 г. потомки Махамата и Джанхота Дударовых штабс-капитан Александр, прапорщик Кучук, корнет Кудаберд и Каспулат наместнику Кавказа, – и мы о том как не представилась в ней надобность не просили. Ныне же имеем в означенной земле крайнюю необходимость, почему осмеливаемся просить выдать нам планы и акты на земли наши»⁵.

В 1844 г. земля была отмежевана, но 20 дворам Дударовых отвели только 1500 дес., из расчета 20 дес. на мужскую душу (по 3 мужчины на двор). Остальное пространство или взяли в казну, или отдали другим жителям аула, которых к этому времени было 60 дворов.

Известно, что русское военное командование больше всех в Тагаурии интересовал Ахмет Дударов – самый влиятельный человек не только в Восточной Осетии, но и в Ингушетии. В 1807 г. командующий русской армией на Кавказе генерал Гудович в специальном предписании коменданту Владикавказской крепости настаивал на особом отношении к А. Дударову. По мнению наместника, А. Дударов должен был представлять всех тагаурцев «перед Россией». Ахмету Дударову был пожалован майорский чин. Предполагалось также возложить на него и других Дударовых охрану Военно-Грузинской дороги по Дарьялу. Но они отказались от предложенной службы, так как по «осетинскому обыкновению не могут против своих даже ружья из чехла вынимать»⁶.

Дали согласие только Эльмурза и Тасултан Дударовы. За «такое усердие» в 1812 г. последнему из них комендант Владикавказа Дельпоццо дал согласие «образовать поселение около Владикавказа».

¹ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 2, д. 29, лл. 2–7.

² Фамилии и имена здесь и дальше приводятся по документам.

³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12; ф. 28, оп. 1, д. 23, лл. 38, 47.

⁴ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 116, л. 12.

⁵ Там же, л. 10.

⁶ АКАК. Т. III. С. 210.

Вскоре Тасултан со своим братом Эдыком и подвластными ему крестьянами Тогузовыми, Кцоевыми, Кониевыми, Гаппоевыми, Куловыми, Тебиевыми, Бризаевыми, Цораевыми, Боцоевыми, Фарниевыми, Муриевыми, Ко-каевыми, Бадоевыми, Рамоновыми и др.¹ – всего 26 дворов – переехали из с. Балта на новое поселение Фытхуз-Редант². Пахотных земель тут было мало, преобладали сенокосные массивы и болота. К тому же начались ссоры между братьями, притеснения со стороны других владельцев с. Балты, в частности со стороны Кызылбека и Джена Дударовых.

В 1814 г. с 13 семьями своих подвластных Тасултан переселился на правый берег Терека и на берегу реки Камбилеевки, у самого Елизаветинского укрепления, основал аул, названный его именем. В «Свидетельстве», которое дал ему в апреле 1814 г. генерал Дельпоццо, говорилось: «Тагаурскому старшине подпоручику Тасултану с его подвластными иметь скотоводство и хлебопашество при Елизаветинском редуте я позволяю с тем, чтобы никаких обид и притеснений никем чинимо не было. В таком случае имеет он приносить свою жалобу к начальнику крепости Владикавказской»³. На Дударова налагались и определенные обязанности: «Напротив чего он, Тасултан, обязан во всех отношениях за своих подвластных держать ответственность: буде что-либо украдено, истреблено или другой какой вред сделан будет – без малейшего укрывательства с вашим наблюдением порядка представлять начальству»⁴. Вместе с алдаром в ауле Тасултанова поселились Коцоевы, Зигаевы, Бесаевы, Цагоевы, Бацоевы, Майрамуковы, Ватаевы, Цораевы, Кокаевы и др.

В 1815 г. сюда прибыл из Дарьяльского ущелья со своими кавдасардами и другой тагаурский алдар – поручик Габис Дударов. Он основал аул, названный тоже по его имени (Габисово). Подвластные ему крестьяне из фамилии Забеевых, Гудиевых, Таймазовых, Гариевых, Дауровых, Кесаевых подвергались тяжелому гнету со стороны своего алдара и неоднократно просили у владикавказского коменданта помочь им переселиться обратно в горы. Аул Габисово находился на левой стороне реки Камбилеевки, почти против аула Тасултаново⁵. Позже на основе объединения этих двух аулов было образовано новое крупное селение Зилга, о котором подробнее будет сказано ниже.

На берегу реки Камбилеевки был основан еще один аул Дударовых, самое значительное из всех поселений в этом месте. Назывался он Иналово. Считаю необходимым изложить его историю подробно, так как в существующей исторической литературе по этому вопросу много путаницы. Оговорим сразу, что аул Иналово – это селение Хумалаг⁶, получивший такое название в 60-х гг. XIX в.

Основателем Хумалага был тагаурский алдар подпоручик Инал Дударов, «лучший в свое время человек во всем Тагаурском обществе, имеющий большие связи в окружающих племенах». Используя свое влияние у

¹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 23, л. 47.

² Там же, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 128.

³ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 36 об.

⁴ Там же.

⁵ См.: Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии. «Кавказский календарь» на 1854 г. С. 426–430.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, лл. 121–124.

тогдашней русской военной администрации, И. Дударов в 1810 г. получил разрешение переселиться с подвластными ему людьми на равнину. Владикавказский комендант Дельпоццо выделил ему землю в двух верстах севернее военного укрепления Елизаветинского. Здесь, на левом берегу Камбилеевки, Инал Дударов и его подвластные в количестве 26 семей летом 1810 г.¹ стали строить свои жилища, маленькие плетеные дома или шалаши (мусонгтæ), накрытые камышом и осокой. Материалом служили мелкий лес и камышовая растительность.

Разрешив занять землю под поселение, местное военное начальство поручило Иналу Дударову охрану Военно-Грузинской дороги от Моздока до Владикавказа, проходившей тогда по правому берегу Терека. «На его обязанности, – говорится в документе, – лежало охранение Военно-Грузинской дороги от прорыва хищников (горцев. – Б.Б.) и расставлявшиеся от его аула пикеты на удобных для прорыва местах были поручены его ведению»². Кроме того, И. Дударов со своими подвластными был обложен подводной повинностью, заключающейся в том, что жители аула Иналово должны были обеспечивать подводами проходящие по дороге команды и обозы.

Земли эти в бассейне Камбилеевки, принадлежавшие кабардинским князьям Мударовым, к этому времени были покинуты ими. Границ участков для поселян никто не определил. Пользуясь этим обстоятельством, семья Инала Дударова на правах первых владельцев захватила обширнейшие пространства. Позже было подсчитано, что территория, на которую распространял свою власть этот алдар, заключала 4368 десятин.

Агитируя крестьян переселяться с ним на равнину, И. Дударов давал слово, что «не будет их притеснять» и «накладывать податей». В течение нескольких лет, пока жизнь в ауле была тревожной и опасной, он выполнял данное им слово и ограничивался сбором по 1 руб. в год со двора якобы для того, чтобы нанимать караулы³. Уже в 1825 г. жители Иналово в числе 48 дворов выполняли в пользу алдара следующие повинности: с каждого двора один рубль серебром, одного барана, один воз сена, один день пахоты, один день косьбы; в их же обязанности входила уборка хлеба хозяина.

Шли годы. Росло богатство Дударовых. Старый деревянный дом Инала и его сыновей Карасе, Магомета и Агубемира больше не удовлетворял их, и они в 1835 г. пригласили из Елизаветинского укрепления русских строителей для возведения новых хоромов. Кирпич был куплен в Моздоке, а лесоматериал – во Владикавказе. Новый дом обошелся Дударовым в 2000 руб. (заметим, кстати, что в те времена за один рубль серебром можно было купить двух баранов).

Документы первой половины XIX в. свидетельствуют о трех «бунтах» кавдасардов и фарсаглагов аула Иналово (в 1833, 1839, 1849 г.). Особенно больших масштабов и высокой организованности достигло неповиновение крестьян своему феодалу в 1839 г. В течение 10 лет люди отказывались нести повинности и платить налоги. В 1848 г. сыновья Инала – Карасе и Магомет, добились не только желаемого «послушания» своих подвластных, но и еще больше увеличили крестьянские повинности. Чтобы удержать

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 770, л. 7.

² Там же, л. 3.

³ Жители многих ранних плоскостных сел для охраны на ночь нанимали вооруженных людей. Бывали случаи, когда осетины нанимали караул из ингушей.

своих кавдасардов и фарсаглагов от переселения в другие аулы, Дударовы стали отбирать в свою пользу все недвижимое имущество и весь годичный урожай переселяющихся. Последнее переполнило чашу терпения иналовцев. 4 мая 1849 г. поверенные всех жителей аула Ислам Кцоев, Айдарук Итазов, Сахмурза Ахсаров, Хадо Талинов, Цалык Тавитов, Дзех Болиев, Ахлау Лзиев, Савлох Хуцистов, Цабиз Гариев, Берд Бидаров, Тотраз Гасиев и др. подали начальнику Владикавказского округа генералу Ильинскому прошение. Описывая произвол владельцев, они просили «приказать» Дударовым, чтобы те отдали поселянам «удержанные Дударовым строения». «В противном же случае самовольный поступок Дударова возродит вражду не только в нашей деревне, но даже и в соседственных и со временем повлечет к неприятным последствиям»¹.

Иналовцы не ограничивались одними предупреждениями. Летом 1849 г. они несколько раз оказывали вооруженное сопротивление владельцам. Дударовы опять затрубили тревогу: «Бунт..! Они угрожают нам! Они употребляют силу свою против нас...» – доносили потомки Инала в окружной центр. Последнее донесение заканчивалось уверенностью: «Не сомневаемся в том, что правительство не позволит поднять оружие против нас... и не оставит их (крестьян. – Б.Б.) без наказания»². И правительство «не оставило»! Окружное начальство в конце того же года не только наказало «бунтующих», но и принудило всех иналовцев заплатить налоги за 10 лет (с 1839 по 1848 г.), то есть 1080 руб.³

Так, первые переселенцы в селение Иналово (Хумалаг) Зибизи Гариев, Тапсико Гусалов, Иса, Зех, Тотраз и Дога Болиевы, Зибирт Ахсаров, Айдаруко и Сафараш Итазовы, Бадур и Сосе Салбиевы, Темрук и Басил Албеговы, Куркоко Агузов, Курдан Гасиев, Зибо Тхоев, Айдаруко Зугутов, Инал и Азо Бедоевы, Зиу Агаев, Касай Парцов, Таба Циноев, Хадо Талинов, Деби и Порци Псхациевы, Кузи-Гуз Бугулов, Тотраз Байматов, Цалик, Зми и Роче Туаевы, Сацлаг Хуцистов, Кисил Тукаев, Кавдын Хадарцев, Лапу Азиев, Габис и Ислам Кунаевы, Саукуз Кадиев⁴, разделив вместе с Иналом Дударовым трудную и тревожную жизнь, в первые же годы пребывания на равнине оказались в полной феодальной зависимости от алдара.

Тем не менее число жителей Иналово росло за счет притока выселенцев с гор. Если в 1810 г. количество семей первых основателей было 26, то в 1850 г. в ауле уже проживало 77 дворов. В 50-е гг. сюда начали выселяться осетины из всех ущелий. Именно к этому времени относится переезд сюда Кокаевых, Зангиевых, Битаровых, Черджиевых, Бугуловых, Галазовых, Козыревых и др.⁵ В 1853 г. из с. Беслан в Иналово переселились 11 дворов христиан (Тати Дамзов, Кудайнат Камбегов, Гадо Амбалов, Чермен Чебоев, Габис Габоев, Савкус Циноев, Кавдын Циноев, Хици Гутиев, Савкус Ходов, Быз Ходов).

На развитии дальнейших событий в истории этого селения мы еще будем останавливаться в других главах работы, а сейчас вернемся к событиям начала XIX в.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 19; ЦГВИА. ф. 13454, оп. 1, д. 532, л. 65.

² Там же, л. 26.

³ Там же, лл. 29–36.

⁴ Там же, л. 40.

⁵ Там же.

Политика подкупа и заигрывания, проводимая русской администрацией в отношении Дударовых, вызвала резкое недовольство других тагаурских алдаров. В особом расположении правительства к Дударовым десять других знатных фамилий Тагаурии справедливо усмотрели ущемление своего достоинства. «Для чего, – спрашивали они коменданта Владикавказской крепости генерал-майора Андриано, – русское правительство наградило одних Дударовых чинами, жалованьем и медалями, а нам ничего не дало?.. Они такие же тагаурцы, как и мы... Почему Дударовых более отличают и лучше нас принимают?»¹ Старшины из фамилии Кундуховых, Тхостовых, Кануковых, Шанаевых, Мамсуровых, Дзантиевых, Алдатовых, Тулатовых, Есеновых, Тугановых домогались равных привилегий. Но самым главным их требованием к тогдашней русской администрации было – отвести им земли, как и Дударовым, около Елизаветинского редута, «чтобы позволено было пахать земли около Елизаветинского редута»².

Русское начальство не могло пойти на это, потому что, как было указано выше, земли на берегу Камбилеевки, лежащие в округе Елизаветинского укрепления, были уже заселены аулами Дударовых. «Те земли, – доносил владикавказский комендант Андриано наместнику генералу Ртищеву, – моим предместником генерал-майором Дельпоццо, слишком уже два года отданы Дударовым, от коего и свидетельствами снабжены»³.

Комендант предложил старшинам другие места на равнине: «Я, стараясь уговаривать и согласить их, предложил тагаурцам, что около Владикавказа, особливо при речке Черной и Кобан (читай Гизельдон. – Б.Б.), прекрасные для поселения земли со всеми выгодами». Но от левобережной земли тагаурские старшины отказались, тогда генерал Андриано обещал исходатайствовать у высшего кавказского начальства на правом берегу Терека, севернее укрепления Елизаветинского. «Около Елизаветинского и Константиновского⁴ редутов много гулящей земли, просите, – я представлю начальству и просить буду, чтобы позволено было отвести вам какие вы изберете земли и тогда пойду я сам с вами и отведу»⁵. «Нет! Позволь нам пахать на той самой земле, на которой Дударовы пахнут»⁶, – был ответ.

Из двух предложенных мест на Владикавказской равнине тагаурские старшины все же выбрали левый берег Терека, который в те времена был более безопасным для жизни. Выбор на это место пал еще и потому, что в 1807 г. с разрешения графа Ивелича сюда с гор переселилось несколько десятков осетинских семейств: Тугановы, Алдатовы, Цопановы и Шанаевы. «По критическому здешнему местоположению окружающих Владикавказскую крепость хищническими народами, – доносил рапортом гр. Ивелич командующему войсками на Кавказской линии генералу Булгакову, – за нужное поставил пригласить о поселении близ крепости из мирных ингушских жителей, а также из Тагаурских ущельев из старшины Шанаевых, один старшина Коштов (Туганов. – Б.Б.), один Ибаир Алдатов, Чермен

¹ АКАК. Т. V. С. 518.

² Там же. С. 517.

³ Там же.

⁴ Константиновское укрепление находилось в районе нынешнего Старого Батакоюрта и Эммауса.

⁵ АКАК. Т. V. С. 517.

⁶ Там же.

Цопанов с жителями»¹. Новопоселенцы вступили в христианство и получали от русских властей не только моральную, но и материальную поддержку.

Благоприятные обстоятельства, созданные в Осетии в начале XIX в. для решения земельного вопроса, не могли быть не замеченными жителями других осетинских обществ – дигорцами, алагирцами и куртатинцами. Не желая оставаться в стороне, многие общества одно за другим изъявили готовность вновь вступить в подданство России.

Уже в 1806 г. дигорские старшины от имени всего народа с подобной просьбой обратились к кавказскому наместнику. Она же была повторена в 1811–1815 гг.

Аналогичным образом поступало население Алагира и Куртата.

Чем объяснить, что осетинские общества, не раз дававшие присягу на верность России, вновь стали обращаться к русскому правительству с просьбой принять их в свое подданство? «Выдвигая перед русскими властями решение вопроса о земле, об окончательной ликвидации политической раздробленности Осетии, феодальных междоусобиц, социальные низы принимали присяги, рассчитывая тем самым расположить к себе русские власти и найти у них действенную поддержку в решении наболевших вопросов»².

В своих просьбах дигорцы, алагирцы, нарцы, мизурцы, куртатинцы указывали места, куда бы они хотели переселиться. Так, алагирцы желали «переселиться на равнину при р. Ардон, от подошвы гор, где ныне обитают, до Кабарды с одной стороны, а с другой – до Куртатинской земли простирающуюся, и потому просят для защиты своей построить редут, в котором бы жил начальник русский... с одною комплектною ротою, с пушкой и 50 казаками». «Редут сей, – писал генерал Андриано Ртищеву, – может равным образом служить и для куртатинцев, вступивших до меня в российскийское подданство и которые беспрестанно о сем просят»³.

Землю против своего ущелья просили и куртатинцы.

Однако кавказская администрация не спешила удовлетворить просьбу осетин. По ее мнению, прежде чем наделить их землей на Владикавказской равнине, нужно было решить проблему осетино-кабардинских отношений. В данной обстановке распри между двумя народами, организуемые верхами Кабарды и Осетии, мешали сближению последней с Россией. Кабардинские феодалы из кожи лезли, чтобы помешать новому сближению. Они мстили осетинам за принятие русского подданства. Так, в 1815 г., когда алагирцы возвращались из Тифлиса, где от имени населения «учинили присягу», кабардинский владелец Мамед Дохчуков со своими дружинниками напал на них. «Сей мошенник, по возвращении депутатов отсюда в свою землю, напал на сих бедных людей и ограбил у них 8 пар волов, 23 ружья и пашек, 5 лошадей и несколько арб с пожитками, за то единственно, зачем они пошли, присягнули русским и хотят креститься»⁴. «Я не понимаю, – с возмущением восклицал Андриано, – какое право имеют кабардинцы как народ притеснять другие народы и принуждать к мухамеданству?!»⁵

¹ АКАК. Т. III. С. 651.

² Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. С. 122.

³ АКАК. Т. V. С. 513.

⁴ Там же. С. 523.

⁵ Там же.

В 1816 г. кабардино-осетинские переговоры при посредстве кабардинского князя Кучука Джанхотова и под наблюдением генерала Дельпоццо в Георгиевске закончились успешно.

Теперь судьбу Владикавказской равнины легче было решать. В феврале 1815 г. наместник поручил Дельпоццо осмотреть «сии земли» и представить свои соображения по этому вопросу.

«Вызвав некоторых осетинских старшин вместе с дигорскими», Дельпоццо в феврале 1816 г. отправился по дороге «при подошве гор и ведущей к р. Ардон». Осмотрев земли на реках Черной, Фиагдон, Хаталдон, Урсдон, Ардон, «назначил сам место на южной стороне р. Ардона для построения на оном воинского укрепления»¹. «Такой пост, – доносил впоследствии он, – будучи в середине народов алагирского, мизурского, куртатинского и кабардинского, может удержать сей последний от нанесения прочим обид и грабительства»².

По мнению Дельпоццо, гарнизон укрепления должен состоять из роты пехоты, 1 орудия и некоторого числа казаков. Укрепление должно иметь постоянную связь с Владикавказом. «Впрочем, – заключал Дельпоццо, – месторасположение при Ардоне действительно изобилует всеми выгодами природы и доставляет несомненное благо владельцам оногo»³.

После рапорта генерала Дельпоццо кавказское начальство должно было приступить к строительству военного укрепления на р. Ардон и практическому решению вопроса о переселении дигорцев, алагирцев и куртатинцев на равнину. Однако смена наместников Кавказа в 1816 г. задержала (уже в который раз!) осуществление этих мероприятий до начала 20-х гг. XIX в.

Второй этап массового переселения горцев-осетин на Осетинскую равнину (1822–1839 гг.)

Заменивший в должности наместника края «нерешительного» Ртищева, генерал Ермолов с первого дня своего пребывания на Кавказе уделял исключительное внимание укреплению Военно-Грузинской дороги. В числе мероприятий, направленных на это, и для создания желаемого прочного положения в центре Предкавказья, был составлен проект переселения осетин на Владикавказскую равнину. Ермолов учитывал большую их заинтересованность в этом и желал использовать ее в своих целях. Переселение осетин на равнину, по его мнению, разряжало обстановку в горной полосе, где проходили пути военного назначения. Кроме того, новый наместник в заселении предгорной равнины «мирными горцами», к которым он относил и осетин, видел надежное средство укрепления позиций правительства здесь. «Поселение осетинских аулов между двумя хребтами, – писал главнокомандующий, – было бы чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношениях для укрепления всего края»⁴.

Естественно, деятельность наместника в Осетии была продиктована прежде всего завоевательными планами царизма. Но процесс переселения осе-

¹ АКАК. Т. V. С. 524.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Цит. по кн.: Л а р и н а В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 80.

тин Ермолов осуществлял так, словно преследовались интересы только осетинского народа. «Вы, – писал он владикавказскому коменданту полковнику Скворцову, – известя о том выселяющихся осетин, сообщайте, что это делаю я для охранения их, и что они обязаны за сие оказывать правительству усердие и верность»¹. Обращаясь непосредственно к осетинскому народу, он писал: «Сие требует собственная ваша польза и вы, строго соблюдая порядок, найдете ваше благосостояние и благоволение Российского правительства, пекущегося о благе вашем»².

По мнению наместника, переселив горцев на плоскость, их гораздо легче подчинить военно-политической власти русского царизма, нежели в «их крепких местах»³.

Наконец, предоставляя осетинам Владикавказскую равнину, Ермолов вынашивал планы использования их для охраны Военно-Грузинской дороги. Он писал Дельпоццо: «Прошу не упустить из виду приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторые ополчения, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом и для охранения кордона»⁴.

Именно эти соображения заставили Ермолова не только пойти на встречу многочисленным просьбам осетинских обществ, но даже самому обратиться с призывами к жителям осетинских гор переселиться «на всегдашнее жительство на плоскость, где кто пожелает»⁵. Летом 1822 г., во время пребывания Ермолова в Малой Кабарде, к нему приезжали осетинские старшины. Они просили его оказать им помощь во время переселения и указать места, на которых можно поселиться⁶.

В народной памяти сохранилось воспоминание, передаваемое из поколения в поколение о том, как однажды летом Ермолов вместе с прибывшими к нему осетинскими старшинами отправился к кабардино-осетинской границе и с вершины кургана указал делегатам различных осетинских обществ земли, на которых они могли поселиться.

8 июня 1822 г. наместник предписал полковнику Скворцову, «составив отряд, обозреть равнину от Владикавказа до Белой речки и назначить места каждому из них (алагирцам, куртатинцам, дигорцам, тагаурцам. – Б.Б.), особенно сообразно количеству народа, могущего выселиться»⁷, положив в основу раздела границы, которые он, Ермолов, уже обещал осетинским делегатам. «От Владикавказа куртатинцам, далее по Тереку располагая алагирцев и, наконец, дигорцев, так, чтобы все они имели земли свои от самых гор и по Тереку, стараясь непременно разделить оные живыми урочищами, чему способствовать могут во множестве выходящие из гор ручьи»⁸.

Составив отряд «из 400 человек пехоты и 120 казаков, при двух орудиях» комендант Владикавказа Скворцов 20 июня 1822 г. отправился исполнять приказ наместника. В сопровождении тагаурских и куртатинских

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 124.

² АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 686.

³ Там же. Ч. 2. С. 362.

⁴ Там же. С. 685.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 50.

⁶ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 125.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

старшин был взят курс на плоскостную Дигорию: «Выступил к Белой речке или Урух-дон называемой, а дабы обстоятельней обозреть земли и более удостовериться в качестве оной и иметь сведения о пространстве, – писал Сковрцов, – взял направление по верхней дороге около самых гор... с переправами через реки: Архон, Гизель, Майрамадаг, Ориандон, Хатаддон, Суадань, Ардон, Тархайдон, Крупе, Цраудон... 21 числа прибыл на Урс-дон и остановился лагерем близ деревни дигорского старшины Какая Кубатиева»¹. Сковрцов двигался по той же дороге, по которой когда-то ехал его предшественник генерал Дельпоццо, и с той же целью.

Пригласив к себе в лагерь представителей всех осетинских ущелий, Сковрцов в течение 16 дней занимался детальным изучением прилегающих земель и составлением плана расселения на них упомянутых четырех осетинских обществ. Этот план с закреплением определенных земельных участков был утвержден Ермоловым 4 сентября 1822 г. «Утверждаю распоряжение вашего высокоблагородия, – писал он Сковрцову, – в рассуждении переселения из гор осетин»².

Ввиду исключительного значения плана Сковрцова в исторической судьбе осетинского народа (согласно этому документу строилась вся дальнейшая переселенческая политика царского правительства) считаем уместным привести его дословно:

«Соображаясь с местоположением и количеством народа, могущего впоследствии выселиться, – писал Сковрцов, – признал за необходимое сделать назначение земель следующим порядком:

1. Для дигорского народа Тугановой фамилии от хребтов гор по речке Разбин, впадающей в Дур-Дур и по левой стороне оной вниз до хребта Татаргупа, чем все Тугановы остались довольными, как в рассуждении достаточного количества земли, так и прочих угодьев, ибо вся их деревня с подвластными, по объявлению, простирается до 80 дворов.

2. А от оной до Белой речки, как она земля была занимаема и ныне занята хлебопашеством и сенокосом деревню Какая Кубатиева, предоставил ему от устья Белой речки до Крупса, впадающего в оную близ Татаргупа.

3. Алагирскому народу от речки Крупс до р. Ардон, а с правой стороны по речке Суадань, впадающую в Ардон и вниз по течению оно до устья, где впадает оной в Терек.

4. Куртатинскому народу от речки Майрамадаг до Терека и вниз по течению, где соединяются оной с Ардоном, и вверх по Тереку до Владикавказа»³.

Как отчетливо видно, в плане ничего не сказано о землях правого берега Терека. Во-первых, по мысли русского начальства, эти места, населенные уже Дударовыми, не должны подвергаться новому перераспределению. Во-вторых, уже несколько лет Ермолову не давал покоя план перенесения Военно-Грузинской дороги с правого берега Терека на левый. Собственно говоря, именно эти замыслы главнокомандующего в основном и предопределили рождение плана Сковрцова. До того, считал Ермолов, пока территория левого берега не будет заселена «преданным нам осетинским

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 189.

² Там же. С. 124.

³ Там же. Т. II. С. 189–190.

племенем», изменять направление главной дороги нельзя. Поэтому вполне понятной была удовлетворенность наместника, когда он получил сообщение коменданта Владикавказа, что «такowym отводом земель осетины остались весьма довольными» и «изъявили готовность в ближайшем переселиться в оные». «Таким образом, – заключал Ермолов, – не будет между ними споров, и каждый будет границу свою по Тереку охранять от хищников, партий их не пропуская на дорогу»¹.

«В будущую зиму от крепости, строящейся на Урухе, через хребет Татартупный будет прорублена на Белую речку дорога и на реке Ардон расположится крепость, следовательно по реке сей до самого впадения ее в Терек могут осетины селиться безбоязненно, и вы вразумите их, что, чем будут более их селения, тем менее они подвержены опасности», – писал наместник коменданту Владикавказской крепости².

Получив, «официальный» доступ на равнину, заручившись обещанием наместника, что «выселяющиеся из гор осетины равномерно должны быть как подданные российские ограждены от всяких утеснений со стороны прочих народов под защитою нашею... не будут... платить за землю кабардинцам»³, осетины, словно горная лавина, хлынули на плоскость. С поразительной быстротой начали возникать новые аулы на берегах Гизельдона, Ардона, Фиагдона, Суадага, Урсдона, Терека. Как и до этого, поселения располагались вблизи русских военных укреплений Верхне-Джулатского (Минаретского), Ардонского, Архонского, Дур-Дурского и особенно Владикавказского.

Переселение из Тагаурского ущелья возглавили, как и раньше, отдельные состоятельные элементы – алдары и богатые фарсаглаи, имевшие связи с русскими властями. «Владикавказские коменданты, в руках которых сосредотачивалось управление горскими народами... находили по тогдашнему положению края более выгодными иметь дело с несколькими влиятельными лицами в каждом обществе, нежели с толпою народа»⁴.

Получив место для поселения, лицо, заслуживающее доверия администрации, собирало в горах охотников, желающих отправиться с ним. Новопоселенный аул получал название по имени своего основателя. Это обстоятельство, как мы увидим дальше, сыграло роковую роль для основной массы осетинского крестьянства. Отдельные феодалы впоследствии стали считать землю своей, а жителей аула – своими подвластными.

На левом берегу тагаурские переселенцы в основном оседали на землях, расположенных по обоим сторонам Гизельдона. Здесь, в промежутке Черные горы – Архонское военное укрепление, с 1818 по 1825 г. было основано 12 аулов. Тагаурские селения возникли и на берегу Терека, в пространстве Терек – Военно-Грузинская дорога. Наконец, жители горного селения Н. Кобан во главе с алдарами Тулатовыми в 1825 г. поселились около самого Владикавказа.

Самым ранним на Гизельдоне был аул прапорщика Османа Мамсурова. Представляясь владикавказскому коменданту генералу Ильинскому в 1850 г., он писал: «В 1818 г. по приглашению бывшего здесь господина корпусного

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 125.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 126.

⁴ Баев М. Указ. соч. «Терские ведомости». 1869. № 10.

командира Ермолова, первым перейдя из гор по сию сторону на плоскость, основал с моею семьею жительство на Гизели, откуда повыходили за мною на поселение в оное место и прочие»¹.

На карте 1850 г.² этот аул помечен на левом берегу Гизельдона при переходе дороги Кобан – Владикавказ через эту реку. Все первые жители аула (24 двора) были выходцами из Даргавса.

Южнее этого аула компактно располагались еще три: аул Темболата Алдатова (Зорова), Аслангирея Мамсурова и Тегов аул (Тега Кундухова и Дуда Мамсурова), образованные в 1823 г.³ из выселенцев сел. Верхняя и Нижняя Саниба, Даргавс, Какадур, Кани, Генал, Тменикау. Эти поселения располагались так близко друг к другу, что трудно было определить их границы. Жители имели даже общее кладбище. В первой половине 20-х гг. здесь основались Гудиевы, Ходовы, Томаевы, Накусовы, Цаллаговы, Бекузаровы, Дадиановы, Доевы, Моргоевы, Губиевы, Хадиковы, Ногаевы и др. В 1847 г. в ауле Зоровых было 36 дворов, в Тегов-ауле – 26 и Аслангирея Мамсурова – 24 двора. Им принадлежало 5725 дес. земли.

На правой стороне Гизельдона, в полутора верстах севернее Османова аула, в 1824 г. выселенцами из сел. Даргавс и Верхний Кобан в количестве 17 семейств было основано новое селение⁴. Организатором переезда был кобанский старшина Бета Кануков, состоявший на русской службе. Селение называли его именем. В 1850 году здесь проживало 49 дворов.

Почти одновременно заселилось селение алдара Алимурзы Канукова, имевшего также большие связи с местными военными властями. С ним на равнину перешли исключительно его односельчане из Верхнего Кобана: Биджеловы, Дзущевы, Татровы, Дзерановы, Хадзараговы, Слановы, Кантемировы, Бутаевы, Бибоевы. Аул этот состоял из 13 дворов и располагался против аула Бета Канукова на правой стороне Гизельдона.

Чуть севернее находился аул Кундухова. Первыми его поселенцами были жители Верхней Санибы: Бероевы, Бзаровы, Доевы, Кастуевы, Мильдзиховы, Бигаевы, Губиевы, Хадиковы (всего 23 семейства). Основан он был в 1823 г.⁵

Первые переселенцы из горного Какадура дали поселению на плоскости название своего аула. Они в 1824 г. в 2–3 верстах севернее аула Бета Канукова построили первые свои «мазанки»⁶. Осенью того же года к ним переселились алдары Хатаксико Жантиев, Базр Мамсуров и Хатаксико Кануков, но из-за боязни вторично попасть в зависимость от этих феодалов, жители Какадура не приняли их в свою среду. Последние были вынуждены жить отдельным хутором, состоящим из 5 дворов.

На Гизельдоне до конца 1830 г. новых поселений не появилось, хотя перемещение населения с гор продолжалось с такой же интенсивностью. Новые выходцы вливались в число жителей уже существующих аулов. Земля, которую обрабатывали жители гизельских аулов, достигала 10 669 дес.⁷

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 52.

² Там же, ф. 12, оп. 6, д. 771.

³ Там же, д. 121, л. 10.

⁴ Там же, л. 113 об.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 290, д. 121, л. 10.

⁶ Там же, д. 111, л. 113.

⁷ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 30, л. 77.

На берегу Терека переселенцы из Тагаурии образовали четыре аула: Есенова, Кардиусар, Балтийский и Тулатово. Земля под первый аул была отведена русским военным командованием ротмистру Магомету Есенову (будущий полковник) – участнику строительства Архонского военного укрепления. Получив в 1823 г. пустопорожнее пространство между Ардоном и Архоном, он до весны следующего года собирал жителей Санибанского ущелья, желающих переселиться к ним. В 1824 г. 13 семейств осетин-горцев впервые обзавелись здесь постройками.

Дату основания другого селения на левом берегу Терека – Кардиусара – нам не удалось установить, хотя история переселения его жителей представляет значительный интерес. Дело в том, что Кардиусар – единственное тагаурское селение, образованное в 20-е гг. исключительно фарсаглами. «Жители аула Кардиусар, – сообщает документ, – между собою черного народа не имеют, а происходит весь аул из трех фамилий Козыревых, Кусовых и Фидаровых, и между ими никаких обязательств не имеется»¹. Сами жители называли разные года основания своего аула – 1811, 1815, 1818 и, наконец, 1824. Нам кажется, что последняя дата ближе к истине. В том году Архонское военное укрепление было уже в основном построено, что давало возможность горцам безопасно занимать здесь земли.

Село располагалось на крутом левом берегу Терека, против Архонского военного укрепления. Урочище, в котором поселились горцы, называлось Кардиусар, отсюда название поселения. С северной стороны аула, по свидетельству первых жителей, рос густой и высокий камыш, из которого часто совершались нападения на села и на Военно-Грузинскую дорогу. Только этим объясняется факт, почему военные власти отвели под поселение кардиусарцев именно это место. Кардиусар, по мнению властей, должен был оберегать с восточной стороны Архонское укрепление и дорогу от набегов непокорных горцев.

Первых поселенцев было 40 дворов. Среди них Тотр, Гай, Эльберды, Габа, Беза, Дуда и Бери Фидаровы, Цуки, Темурко, Махамат, Бестау, Дицо, Майрам, Хаджимет, Заурбек, Айтек, Дая, Габис, Чермен и Дотче Козыровы, Умар Цараев, Кути Тебиев, Карасей, Годзига, Алексей, Дударуко и Кудаберд Кусовы, Нарсаф Мириков, Савкудз Мамиев, Хоя Томаев и др.² В 1847 г. в ауле насчитывалось 55, а в 1851 – 70 дворов.

Позже всех из тагаурских алдаров на плоскость выселились Тулатовы. По разрешению владикавказского коменданта полковника Скворцова в 1825 г. Сохуг, Осман, Соса, Знаур, Пшемахо, Беслан Тулатовы-Аликовы со своими подвластными в количестве 23 дворов из Нижне-Кобанской деревни основали около Владикавказской крепости особый аул³. Располагался он примерно в районе нынешнего горно-металлургического техникума, памятника К.Л. Хетагурову и училища искусств. Вместе с Тулатовыми сюда переехали Килцико Ногаев, Тузар Кубалов, Ельмурза Караев, Куке Браев, Гуда Берикоев, Магомет Галабаев, Цаги Дзестелов, Огула Арчegov, Атаравы, Аспиёвы, Торчиновы и др.⁴ Тулатовский аул под пахоту и сенокосы занимал 3127 дес.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 12.

² Там же, л. 143.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 2, д. 1217, л. 9–19.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 23, л. 112.

Переселение на равнину жителей Куртатинского ущелья в 20-х гг. имело несколько иной характер. Куртатинцы и алагирцы не увлекались основанием на плоскости мелких поселений, как их восточные соседи – тагаурцы. Переселенцы здесь оседали в основном в тех же предгорных селениях, которые были основаны еще в XVIII в.

Правда, эти селения несколько раз меняли свои места, спускаясь все ниже и ниже на равнину. Кроме этого, отсутствие в Куртатинском обществе крупных феодальных фамилий способствовало тому, что плоскостная земля не подвергалась такому интенсивному разделу на множество отдельных чересполосных участков. «Колонизация» равнины в Куртате носила более компактный характер, хотя представителям отдельных влиятельных фамилий (Борсиевых, Тезиевых, Есиевых, Цаликовых и др.) удалось прибрать к своим рукам солидные земельные массивы.

Для ранних переселенцев-куртатинцев характерно было образование отдельных семейных поселений (отселков). Так, жители Суадага, образованного в 1825 г., спустились на равнину раньше всех и жили в трех отдельных отселках: Верхний Суадаг – аул Тезиевых, Средний Суадаг – аул Борсиевых и Нижний Суадаг – аул Есиевых. В основном это выходцы из предгорного куртатинского селения Нижний Карца. По преданиям, суадагцы в числе 10 дворов основались у входа в Суадагское ущелье еще в начале прошлого века, когда влияние кабардинских князей здесь постепенно стало падать¹. Пребывание первых смельчаков на плоскостной земле было непродолжительным. «Новым переселенцам недолго пришлось наслаждаться всеми удовольствиями богатой местности Суадагской, так как «кабардинские владельцы не особенно возлюбили своих заместителей»². Из-за частых «притеснений и грабежей» с их стороны суадагцы «принуждены» были возвратиться обратно в Н. Карца. Но вскоре они вернулись, сагитировав с собой уже около 100 дворов новых поселенцев, дав накануне друг другу клятву, что на новых местах будут жить дружно и защищаться коллективно. «Вторые поселенцы, – читаем в источнике, – водворились в Суадаге между двумя оврагами, а с других двух сторон выкопали большие рвы, устроив в них ворота, к которым были приставлены стражники, и таким образом, обезопасили себя в некоторой степени». Позже к ним присоединились и другие выходцы с гор. Среди них были Цора, Тибо и Цию Тедтоевы, Дуда Боев, Гобуна Гокоев, Ельбуздуко, Габис и Кайтико Гугкаевы, Булат Чехоев, Дудар Габанов, Бепу Зихуров, Тула Бокоев, Зах Галабев, Габыц Гациев и др.³ В 1850 г. в с. Суадаг насчитывалось 158 дворов.

Аналогична история переселения жителей куртатинского селения Кадгарон. Свое начало оно берет с образования в конце 20-х гг. на правом берегу р. Фиагдон двух малолюдных аулов – Верхний и Нижний Кадгарон (или Верхний и Нижний Фиаг)⁴. В Верхнем Кадгароне первоначально обосновалось 12 дворов. Позже к ним начали селиться и другие выходцы с гор. Километрах в двух севернее В. Кадгарона на том же правом берегу 45 дворов горцев Куртатинского ущелья составили Нижний Кадгарон. Близ-

¹ Приход Кадгаронский. «Владикавказские епархиальные ведомости». 1900. № 18. С. 316.

² Там же. С. 317.

³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 128.

⁴ Приход Кадгаронский. С. 318.

кое расположение поселений давало повод посторонним наблюдателям считать их одним населенным пунктом.

Плоскостные куртатинские жители занимались земледелием и отчасти скотоводством. Мирная жизнь часто нарушалась набегами кабардинских, ингушских и тагаурских феодалов. «Полевые работы: как весенние, так и осенние, жителями исполнялись одновременно; при этом при рабочих обязательно должно было стоять несколько вооруженных верховых для защиты от внезапных нападений»¹.

Первоначальным местом переселения для жителей Алагирского ущелья стало предгорное селение Салугардан. «Олагирские жители, – свидетельствует документ 1820 г., – просят ходатайства о позволении им на переселение из каждого ущелья по несколько домов в местечко Салугардани»². Часть людей оседала также в селениях Бираганг и Тамиск.

Со строительством Ардонского военного укрепления алагирские переселенцы стали пользоваться более отдаленными от гор землями. Недалеко от этого укрепления в 1825 г. выселенцами из Алагирского ущелья было основано селение Ардон. Разрешение на занятие данной местности дал командующий войсками Кавказской линии генерал Еммануил служащему Ардонского военного укрепления Петру (Тасо) Гайтову. «После перенесения в 1825 г. с правой на левую сторону реки Терека Военно-Грузинской дороги и укреплений через Большую Кабарду и Екатериноград до Владикавказа, – писал в 1854 г. Тасо Гайтов, – единственное тогда укрепление было Ардонское, где я находился при войсках за переводчика. Найдя в 1,5 верстах от Ардонского укрепления удобное пустопорожнее место, я вознамерился на нем основать аул... Поселясь там, я устроил аул, который состоял из 4 семейств, моих родственников... и всеми мерами старался склонить горских жителей селиться на плоскости»³. Для склонения осетин на поселение в Ардоне Тасо Гайтов несколько раз специально ездил в горы. Первыми прибыли в Ардон Амзор, Созруко и Мулдар Кулаевы.

Местность здесь благоприятствовала переселенцам во всем: широкое раздолье богатых нетронутых земель и сравнительно безопасные условия их использования поблизости от военного укрепления. Словом, было все, о чем мечтали горцы. За короткое время Ардон стал самым значительным плоскостным осетинским селением. За два десятилетия сюда с гор переселилось более 250 дворов⁴. Так, в конце 20-х гг. XIX в. здесь уже основались семьи Хоткара, Кудзи и Гависа Кулаевых, Сахама Дзугаева, Цуцки Гудзи-ева, Тега Урусова, Дудара Доцоева, Мсрби Черкасова, Габиса и Баразка Адырхаевых, Баппи Каирова, Баби Баскаева, Хамурзы Ревазова, Курмана Бугулова, Тепка Урумова, Гало Джеранова, Гайтовых и др.⁵

Переселение из Алагирского ущелья шло и на земли других осетинских обществ. В частности, в плоскостной Дигории на землях баделят к 1840 году числилось 80 дворов алагирцев.

В 20–30-е гг. в плоскостной Дигории новых поселений не возникло, так как земли здесь оказались закрепленными за крупными баделятскими фамилиями,

¹ Приход Кадгаронский. С. 319.

² АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 686.

³ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 153.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 211, л. 80 об.

до этого уже жившими на предгорных равнинах: Тугановыми, Караджаевыми, Кубатиевыми, Абисаловыми. Но это не говорит о том, что в первой половине XIX в. переселение на плоскость из Дигорского ущелья прекратилось.

Чрезвычайно быстрый рост численности жителей таких дигорских сел, как Дур-Дур, Караджаево (Хазнидон), Урсдон, Кора, в указанный период как раз свидетельствует об обратном. Особенно резко увеличилось за счет выселенцев с гор население Дур-Дура и Урсдона. К 1850 г. в них обитало более 3404 человек, в том числе 1132 в Урсдоне и 2272 человека – в Дур-Дуре¹.

В конце первой трети XIX в. массовое заселение Осетинской равнины горцами сохранило ту же стремительность, что и в предшествующий период. Процесс образования новых селений на плоскости продолжает оставаться центральным событием в истории Осетии. Правда, процесс этот приобретает несколько иное направление. До 1830 г. в движении осетин на равнину преобладал принцип добровольности.

Вынашивая планы установления колониального режима в Осетии и Ингушетии, царское правительство в 1830 г. направляет в горы военные экспедиции. Карательный поход в Южную Осетию возглавил генерал Ренненкампф, войсками же, направленными в горы Ингушетии и Северной Осетии, командовал князь Абхазов². Цель экспедиции: «приведение сих народов к должному повиновению, учреждение между ними основания гражданского (читай колониального. – Б.Б.) порядка, собрание положительных сведений о стране ими обитаемой»³.

Жители сел и ущелий оказали упорное сопротивление царским войскам. Но их мужественная борьба была сломлена превосходящими силами регулярных войск. Десятки осетинских и ингушских аулов (Генал, Барзикау, Дзауджикау, Калмыкау, Валагкау, Обин, Верхний и Нижний Сулы, Лац, Хидикус, Ламардон, Верхний Чми, Нижний Кобан и другие) были разорены и сожжены дотла. Население же насильственно выселено на плоскость. Особенно беспощадно Абхазов поступил с жителями селений Чми и Нижний Кобан. «Сие селение, – сообщал наместник Кавказа генерал Паскевич военному министру о Верхнем Чми, – находясь на скате гор, ограничивающих Военно-Грузинскую дорогу и открывая оную на весьма дальнее расстояние, могло бы быть хорошим извещательным постом, если бы жители оной были расположены к правительству. Но они скрывали обыкновенно хищников, извещали их об оплошности проходящих команд и сами же нередко участвовали в нападениях, что вынудило генерал-майора кн. Абхазова сжечь деревню. Жителям позволено взять все их пожитки, они сведены на равнину и будут поселены по распоряжению моему близ кр. Владикавказа на речке Камбилеевке»⁴.

Для жителей Чми не сразу было определено место поселения. В течение некоторого времени люди жили под открытым небом около Владикавказа. Только осенью того же года им разрешили переехать в урочище Карджин, расположенное на берегу одноименной речки. В приказе генерала Абхазова тагаурскому старшине Каз-Магомету Дударову в 1830 г. говорилось: «На место сожженной деревни Чми назначается тебе место для посе-

¹ Головин А. Указ. соч. С. 445.

² Подробно об этом см.: Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. С. 345–376.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6238, лл. 2–3.

⁴ Там же, л. 18.

ления деревни, из 40 домов состоящей, при реке Камбилеевке, с тем, чтобы деревня построена была по данному плану правильно, кругом окопана канавою и укреплена колючкою, а посередине улиц с наружной стороны построены были для защиты деревни четыре деревянные башни. Земли для хлебопашества и сенокосов назначаются от черты, ныне занимаемой хлебопашеством жителями, поселенными при бывшем Елизаветинском редуте, все пространство вниз по правой стороне реки Камбилеевки и Кабардинским горам и вправо до Большой дороги; как ныне на сем месте не находится никаких жителей, то и споров о земле быть не может»¹.

Выгоняя жителей из ущелья и поселения их на северо-восточной окраине Владикавказской равнины, русское военное командование преследовало двоякую цель: избавиться от «неспокойных чмитинцев» в Дарьяле и в то же время использовать их для охраны Военно-Грузинской дороги на стыке границ Кабарды, Чечни и Осетии: причем для большей надежности во главе нового поселения (его старшиной) был поставлен человек, в преданности которого военная администрация была абсолютно уверена². «Вменяется тебе в обязанность, – говорилось далее в приказе Абхазова, – чтобы ты, поселясь на сем месте, старался не пропускать проезжать хищнических партий на большую Военно-Грузинскую дорогу под опасением строгого взыскания»³.

Само собой разумеется, что окончательно разоренные чмитинцы на новом месте не успели за осень воздвигнуть каких-либо построек для жилищ. Поэтому зимовать пришлось в наспех вырытых землянках и шалашах, отчего распространились болезни, люди умирали. Особенно высокой была смертность среди детей. Холод, голод и болезни делали свое дело: косили не успевших привыкнуть к новым климатическим условиям детей и стариков. За несколько лет кладбище превысило размеры самого аула. Таково начало истории одного из старинных осетинских плоскостных селений. Власти не разрешили дать новому селу имя Дударовых. Официально оно было названо Карджином. Число первопоселенцев составляло 40 дворов. Среди них, кроме Дударовых и Слоновых, были Забеевы, Кабоевы, Дзодзиёвы, Хаматкоёвы, Бимбаковы, Хаблиевы, Албеговы, Бораёвы, Бакаровы, Богазовы, Копаёвы, Цахиловы и др.⁴ Сыновей Ахмета Дударова⁵ во вновь образовавшийся аул военные власти не пустили. Им были выделены земли юго-восточнее Карджина. Здесь, на берегу небольшой речки Карджин, Исса, Дударуко и Науруз в том же 1830 г. основали со своими подвластными три малолюдных аула: Иссаёво, Дударово и Наурузово⁶. Позднее жители их переселились в Карджин.

Рядом с селениями Дударовых в том же году появился еще один аул – Шанаёво. Основателями его были 9 семейств фамилии Шанаёвых. После подавления восстания Шанаёвы как наиболее активные участники восстания должны были по приказу генерала Абхазова в двухдневный срок покинуть насиженные места в горных селениях Кани и Тменикау и переселить-

¹ ЦГА 411 АССР. ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 205.

² Каз-Магомед Дударов был одним из проводников войск Абхазова в горы Осетии.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, от. 1, д. 27, л. 205.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 23, л. 38.

⁵ Ахмет Дударов – один из самых влиятельных владельцев, возглавлял анти-русские выступления тагаурских феодалов в начале XIX в.

⁶ Головин А. Указ. соч. С. 447.

ся на плоскость. Поскольку Шанаевы не пожелали подселиться к какому-нибудь плоскостному аулу, осенью 1830 г. им была указана земля в 4–5 верстах севернее аула Иналова. Местом для будущего своего поселения Шанаевы избрали местность у большого кургана, получившего впоследствии название Челеметова в честь самого старшего из Шанаевых. Интересно отметить, что Челемет Шанаев был дедом известных деятелей осетинской культуры второй половины XIX в. Гасыра и Джантемира Шанаевых.

Такая же участь постигла селение Нижний Кобан и его жителей. 13 декабря Абхазов с отрядом вошел в Кобан. Все жители были выведены за черту села. По приказу генерала солдаты на глазах кобанцев стали поджигать дома, разрушать каменные постройки, уничтожать имущество.

«Жители, выслушав определенное им наказание и не находя возможности сопротивляться распоряжениям начальства, приняли с покорностью сделанное объявление... выведены с имуществом из домов, кои тогда же частью истреблены огнем и частью разрыты до основания... 6 каменных башен взорваны на воздух»¹.

Оставив пылающий Кобан, генерал Абхазов согнал его жителей на равнину и разместил «до будущего лета, т. е. до водворения их на равнине по деревням в окрестностях Владикавказа»². Весной следующего года 50 дворов из 80 выдворенных кобанских семейств обосновались на берегу Гизельдона, «на правой стороне Военно-Грузинской дороги, между Архонским и Ардонским укреплениями»³.

Свое новое селение жители назвали именем уничтоженного горного аула – Нижний Кобан. В числе первых его жителей были Ахлау, Уари⁴, Асланбек, Базруко Тулатовы, Хаджи, Гадау, Гуда, Даут, Мулдар, Ельмурза, Цус, Джанхот Моргоевы, Хазби Андроев, Махост, Хасана, Габе, Маса, Фри Накусовы, Азыки Бтаев, Базырко Джигоев, Алисо Батагов, Ту Битиев, Саукус, Куймагомет Доевы, Хыбырт Томаев, Дзыбыла Ходов, Епре, По, Берд, Айтек Бигаевы, Барз, Гыбыл Тхостовы⁵.

В открытом поле они вырыли землянки и поселились в них. Большинство от нечеловеческих условий погибло в тот же год. А между тем кавказский наместник сообщал военному министру Чернышеву, а тот – «Его императорскому величеству», что жители Кобан «без всякой обиды выведены с имуществом из домов и размещены на равнине»⁶. Таков печальный результат карательной миссии царского генерала Абхазова в Осетии.

Кстати, в 30-х гг. переселенцы уже не могли выбирать земли на равнине по своему желанию. Военные власти, стремясь обезопасить Военно-Грузинскую дорогу силами переселяющихся осетин, заставляли их занимать земли на южном скате Кабардинской возвышенности. Владикавказский комендант в середине 30-х гг. получил твердую правительственную установку: «Обратить переселение осетинских аулов на общую пользу, для успокоения края от хищнических горских шаек»⁷.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6238, л. 25.

² Там же.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1217, л. 19.

⁴ Уари Тулатов тоже служил проводником войск Абхазова.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 112.

⁶ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 192.

⁷ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 20.

Местная администрация несколько раз обращалась к жителям гор с призывом поселиться «на опасных для прорыва непокорных горцев» местах. При этом для лучшей приманки желающим обещали дать навечно те земли, на которых поселятся первые охотники. «Правительство, – свидетельствует документ, – приглашало неоднократно к выселению из гор на плоскость, а именно к Кабардинским горам, в те места, где приходят хищники, с объявлением, что земля останется за теми, кто первый изъявит желание к выселению из гор и займет означенные места»¹.

В 1835 г. прапорщик Берд Кусов обратился к исполняющему обязанности коменданта Владикавказа подполковнику Курилову с просьбой дозволить переселиться в урочище Заманкул. Курилов препроводил просьбу Кусова главнокомандующему генералу Розену. Ответ из Тифлиса не заставил себя ждать. 22 сентября того же года наместник писал владикавказскому коменданту: «Находя весьма полезным сделать поселение на хребте Кабардинских гор при урочище Заманкул, где пролегает дорога для проезда хищников из Чечни на Военно-Грузинскую дорогу, и основываясь на удостоверении в. в., что к занятию сего пункта нет никаких препятствий, я разрешаю вам дозволить преданному нам прапорщику Берду Кусову поселиться там с родственниками и другими вольными людьми, которые изъявили на то добровольное согласие, с тем однакож, чтобы всеми силами старались отражать хищников в случае появления их и в то же время давали бы знать ближайшим воинским начальникам»².

Уже осенью урочище Заманкул впервые огласили звуки человеческих голосов и стук топоров. Появились первые шалаши и землянки. Жаждавшие земли горцы приступили к освоению этих мест. Первых поселенцев было немного. Смелчаки, готовые разделить вместе с Бердом Кусовым опасную жизнь, были прежде всего его братья Тего и Заурбек, а также ближайшие родственники: Гога, Дая, Касай, Гоце, Беслан, Каспулат, Бай, Габис, Дуда, Азо Кусовы, Гуда и Кавдын Дзгоевы, Индрис Козырев и др.³

«Занятие Бердом Кусовым этого места сильно беспокоило родственников моих, – писал в 1852 г. племянник Берда – Заурбек Кусов – переводчик комитета по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа. – Бандиты постоянно делали нападения на новый аул Кусово, состоящий из нескольких дворов. Угоняли табуны, убивали, что вынудило Кусовых выставять дневные пикеты и ночные секреты»⁴.

Весной следующего, 1836 года, по приглашению Кусовых из Верхней и Нижней Санибы, Кани, Ламардона, Генала, Тменикау и других горных аулов переселилось несколько фамилий, среди которых были семьи Соста Хосонова, Мамсыра Хуцистова, Хамурза и Бата Албеговых, Елдарука и Базырко Цомартовых, Сафара Чеджемова, Берда Хосонова и др. Приглашая их на поселение в Заманкул, Берд Кусов давал им «расписки», в которых обещал никогда их «не притеснять». «1836 года марта 20 дня, – говорится в одной из них, – дал сие условие Смаилу Хосонову в том, что по разрешению мне высшего начальства... переселяюсь я с ними и со всею

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 402, л. 19.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 10, л. 60.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 252, л. 11.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 80, 81.

его фамилию: Азо Болиевым, Каза Албеговым, Мамсыром Хуцистовым и прочими родственниками в назначенное правительством место, называемое урочище Заманкул, где мы должны жить согласно и мирно, не делая друг другу обиды, ровно должны защищать... вместе свою землю усердно... давая знать обо всяком хищничестве намерений ближайшему начальству; как то обязуюсь: не отягощать их ничем, как они есть вольные люди, то не брать с них податей и налогов и никогда не признавать их своими подвластными; в чем и подписываюсь. Старшина прапорщик Берд Кусов, а вместо его неграмотного по личной его просьбе подписал...»¹.

Забегая вперед, скажем, что потомки Б. Кусова нарушили это обещание. Уже в 1850 г. они стали требовать от местных властей особого к себе отношения и, в частности, настаивали, чтобы при размежевании плоскостных земель им выделили отдельный от остальных заманкульцев участок. В 1853 г. жители Заманкула Соста Хосонов, Мамсыр Хуцистов, Хамурза Албегов и Ельдаруко Цомартов обратились к окружному начальству с жалобой, что комитет по разбору личных и поземельных прав наделил незаслуженно Кусовых землей больших размеров и лучшего качества, чем у них, и узденским званием 1-й степени. Размеры всей земли Кусовых простирались на 1800 десятин².

Количество жителей Заманкула быстро росло. Если в 1835 г. в селении было всего 16 дворов, то в 1853 в Заманкуле насчитывалось уже 83 двора³. Это было второе осетинское плоскостное селение, жители которого состояли исключительно из фарсаглагского и кавдасардского сословий.

Еще одно фарсаглагское селение – Эльхотово – было основано в 1838 г. Цели, преследуемые правительством при поселении осетин в ущелье Арджинараг (Татартупское), в урочище «Эльхот», были те же, что и в Заманкуле. Эльхотово должно было стать новым форпостом, призванным охранять Военно-Грузинскую дорогу, а также «быть защитой казачьим станицам»⁴.

В 1837 г. царь Николай I «осчастливил Кавказ своим посещением». Возвращаясь из Грузии, император после Владикавказа сделал кратковременную остановку в военном укреплении Минаретском в Татартупском ущелье. Здесь он выслушал жалобы местных военных чинов на частые нападения непокорных горцев на Военно-Грузинскую дорогу чаще всего именно в этом месте. Царь одобрил предложение командования «построить здесь поселение с 60 дворами». Кавказскому военному командованию поручалось в кратчайший срок составить план поселения: как будет строиться, где именно и кем будет заселяться. В декабре 1837 г. командир Отдельного кавказского корпуса генерал Розен представил такой план военному министру Чернышеву. В нем отмечалось, что эльхотовские места имеют исключительное военно-стратегическое значение в борьбе против непокорных горцев. Кавказское командование предлагало «поместить здесь только мирных осетин». Но земля, на которой должны были поселиться осетины, принадлежала кабардинскому князю Тасултанову, и генерал Розен предложил правительству купить ее «у малолетнего Тасултанова за низкую цену» и отдать осетинам. Николай I утвердил план⁵.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 1.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 253, л. 11.

³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 138–142.

⁴ В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 8.

⁵ ЦГВИА, ф. 12454, оп. 1, д. 511, л. 72.

Вскоре из Петербурга пришел «высочайший» указ о поселении в «местечке Татартуп» осетин. По предписанию высшей военной администрации местные власти объявили жителям как горных, так и плоскостных сел о намерении правительства заселить урочище «Эльхот» на правом берегу Терека с тем условием, что земля будет отдана навечно тем, кто изъявит готовность перейти сюда. «Лет 25 тому назад, – писали в 1864 г. сами эльхотовцы, – когда Владикавказский округ и смежные с оным земли были в опасности и тревожном положении, по распоряжению главнокомандующего корпусом местное начальство вызвало охотников из мирных туземцев поселиться на самом опасном пункте... под названием Эльхот, с тем обещанием, что отведенная в границах земля останется поселившимся. Вследствие таковых предложений из разных аулов переселилось нас туда 100¹ дворов и поселились на оконечности ущелья к северному скату Кабардинских гор вблизи урочища Эльхот»².

Кто же отважился в «тревожные годы» избрать местом жительства «самый опасный» пункт, то есть границу с феодальной Кабардой? Из различных документов, относящихся к истории села Эльхотово, нам удалось восстановить поименный список первопоселенцев. В данной работе нет надобности перечислять всех. Приведем только несколько фамилий: Нафи, Епре, Тепса, Бжи Салбиевы; Даго, Кавдын, Алдар, Саукудз Мильдзиховы; Доче Зивтов; Асланджери, Махамат Тотиковы; Хасан, Хачи, Хабо Батяевы; Кавдын Доев; Инарико, Сабан, Тепса Рубаевы; Гна Кубалов; Дота Кирсанов; Тучи Еджоев; Гена Есенов; Иналдыко Кубалов; Темуруко Кусов; Чеджемовы и др. Подавляющее большинство из них переехало из плоскостных алдарских аулов, расположенных «на равнинах Кирмана (Карджина. – Б.Б.) и Камбилеевки»³.

Ссоры эльхотовцев с Тасултановыми были обычным явлением. Очень часто они перерастали в вооруженные стычки⁴. Чтобы уладить натянутые отношения между эльхотовцами и кабардинским феодалом, в 1839 г. из штаба Кавказской армии был командирован подполковник Россилиони. Офицер этот, хотя и определил границы земель, плана и акта на них не выдал. Размер земли для Эльхотова был установлен в количестве 8634 десятины 1159 кв. сажен. Не были выданы акт и план и при повторном межевании в 1842 г. капитаном Горшковым.

Жители Эльхотова не особенно охотно принимали новых поселенцев. Считая, что правительство отвело земли 100 дворам, они отказывали желающим переселиться к ним. Так, в 1856 г. по распоряжению местных властей в селение Эльхотово переселилось 57 дворов из Алагирского общества, но эльхотовцы не приняли их. Алагирцы вынуждены были обосноваться в двух верстах южнее Эльхотова в местечке Хариста⁵. Этот отселок, или Малое Эльхотово, как официально его называли, просуществовал до 1866 г.⁶ Часть жителей Хариста переселилась в Турцию, часть ушла обратно в Ардон и Салугардан, а около 12 дворов после долгих мытарств все же влились в число «коренных» эльхотовцев.

¹ Количество первых поселенцев было не 100, а 88 дворов.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 753, л. 62.

³ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 369, л. 110.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 753, л. 21.

Любопытно отметить, что Эльхотово два раза меняло свое место. Последний раз это случилось в 1848 г. Из-за плохих климатических условий и отсутствия питьевой воды по просьбе жителей село было перенесено «на урочище Пши, расположенное на речке Псыгуз и стоящее в двух верстах от старого месторасположения»¹.

В 1839 г. на правобережной части Осетинской равнины образовался последний осетинский аул непосредственно из горских выходцев. Инициатором переезда горцев из Даргавского и Кобанского ущелий был поручик Бапын Алдатов, от чего поселение получило имя своего основателя². «В 1839 году, – писал в 1850 г. Б. Алдатов начальнику округа Ильинскому, – я с разрешения бывшего командира отдельного кавказского корпуса переселился из Владикавказа на урочище Гумов, на реку Камбилеевку, и поселился с 20 семействами горцев ниже деревни Иналовой в одну версту, а с другой стороны деревни Исса Дударова в полторы версты»³. Подобное переселение генерал Розен разрешал «только в таком случае, если на это урочище, – указывал он владикавказскому коменданту, – ныне претендентов нет и если таковым переселением не будут стеснены жители, ближайшие к урочищу Гумов»⁴.

Итак, в начале XIX в. в жизни осетинского народа произошло важнейшее событие – переселение на Осетинскую (Владикавказскую) равнину. С присоединением Осетии к России стала сбываться вековая мечта осетин.

С утверждением военно-политической власти царской России в Осетии позиции кабардинских феодалов на Осетинской равнине значительно пошатнулись. Опустошительные действия страшной эпидемии чумы, резко отрицательное отношение русских властей к хозяйничанью здесь кабардинских феодалов из-за их антирусских выступлений свели хозяйственно-экономическое влияние последних на Владикавказской равнине до минимума, а в конце второго десятилетия XIX в. оно вообще прекратилось.

Равнинная земля стала предметом домогательства трех сил. За обладание ею боролось местное осетинское население, считавшее равнину своим неотъемлемым и исконным достоянием. Кабардинские князья и отчасти местные феодалы также называли ее своей собственной. Царское же правительство, по праву завоевателя, объявило землю казенной и считало необходимым пользоваться плоскостью в соответствии со своими намерениями и целями. «Естественно, что в подобной ситуации решающая роль принадлежала русскому правительству, которое стало распоряжаться плоскостью на правах хозяина, подчиняя любое мероприятие своей главной цели»⁵. Она заключалась на первое время в прочном закреплении своих позиций в Центральном Кавказе и обеспечении таким образом сношений с Грузией. Эти, и только эти соображения заставили царское правительство опираться в своих действиях то на алдар Тагаурии и баделят в Дигории, закрепляя и расширяя их права, то становиться на сторону народа, не препятствуя его выселению на плоскость.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 17.

² Головин А. Указ. соч. С. 443.

³ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 31.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Рклицкий М. В. Указ. соч. С. 175.

При указании мест поселений горцам объявлялось, что земля отдается им с тем, чтобы они охраняли дорогу, пролегающую по ней, и что если они сумеют отстоять занятую землю, она делается их собственностью.

В первое время миграция на плоскость была бессистемной. Осетинские аулы появлялись большей частью близ военных укреплений и на берегах рек. Размеры аулов были небольшие – от 5 до 40 дворов. Строились без всякой планировки. Так как определением границ никто не занимался, то переселенцы захватывали огромные территории. Особенно усердствовали социальные верхи Тагаурии и Дигории. На правах первых владельцев алдаро-баделятская верхушка, при содействии местных военных властей, присвоила себе самые лучшие, самые богатые районы Осетинской равнины.

Основав на плоскости аулы, осетины тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь из земли. Сообразуясь с условиями своей жизни, они обзавелись хозяйством, развели крупный рогатый скот, лошадей, овец, устроили прекрасные сады¹. «В первое время переселения на плоскость скотоводство и овцеводство процветали, народ понимал ясно выгоду и легкость занятия этим делом, поэтому с любовью занимался овцеводством и скотоводством, разводя сотни и тысячи голов»². С переселением на равнину в горах Осетии высвободилась значительная часть пахотной и пастбищной земли. Эту землю переселенцы продавали, сдавали в аренду оставшимся в горах жителям, а иногда просто дарили своим близким родственникам. Кроме того, оставшееся горное население не теряло связей с плоскостными жителями. Теперь им значительно легче было достать на равнине хлеб на зиму.

Наконец, переселение осетин на плоскость в начале XIX в. способствовало установлению прочных дружеских связей между жителями различных осетинских обществ. Равнина явилась как бы огромной площадкой для встречи горцев-осетин, положившей конец той социально-политической разобщенности, которая существовала между осетинами различных горных ущелий: тагаурцами, куртатинцами, алагирцами, дигорцами.

Наступал также конец вековой изолированности. Хозяйственно-экономические, торговые и культурные связи с ближайшими соседями значительно расширились и упрочились. Классовая солидарность осетинского, кабардинского, балкарского, чеченского, ингушского крестьянства получила свое дальнейшее развитие.

Основание на Осетинской равнине казачьих станиц

В 30-х гг. XIX в. русское военное командование приступило к укреплению границы по линии Военно-Грузинской дороги. Для защиты ее от станицы Екатериноградской и до Владикавказа по левому берегу Терека были поставлены военные укрепления: Заречное, Пришибское, Аргуданское, Урухское, Минаретское, Дур-Дурское, Ардонское и Архонское. Эта линия длиной более 105 км была построена Ермоловым еще в 20-х гг. Тогда же правительство уже вынашивало планы заселения их военно-казачьим сословием и превращения в станицы³.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, л. 114.

² В.-Н.-Л. Указ. соч. С. 19.

³ ЦГА СО АССР, ф. 3, оп. 1, д. 18, лл. 3–16.

К осуществлению своего плана оно приступило в 1832 г., когда по указу царя в отдельный Кавказский корпус были назначены на службу 1-й и 2-й Малороссийские казачьи полки. Они были сформированы из украинских крестьян и казаков специально для борьбы с польскими повстанцами (1830–1831 гг.), а после подавления восстания в 1833 г. были переведены на Кавказскую линию и первоначально размещены: первый на Кубани, а второй – в Кабарде. Из этого состава и предполагалось создать особый казачий полк с расселением на Военно-Грузинской дороге, на землях Кабарды и Осетии¹.

Вновь созданный полк получил название 1-го Владикавказского и в 1838 г. разместился в вышеуказанных военных укреплениях, основав соответственно казачьи станицы Пришибскую, Урухскую, Ардонскую и Архонскую.

Составление плана заселения казаков было поручено командиру полка полковнику Стоцкому. Его проект «удостоился высочайшего утверждения и в мае 1838 г. препровожден Стоцкому для немедленного приведения в исполнение»².

Для отвода земли станицам «по примеру кавказских линейных казаков» и установления границ, а также для разбивки мест под станицы прислан был из Тифлиса армейский топограф Горшков с двумя лекарями, которые производили работу под наблюдением владикавказского коменданта полковника Широкова. Станицы были определены, и места, ими занимаемые, признаны здоровыми по климатическим условиям, кроме того, «весьма удобны для хлебопашества, сенокосов и скотоводства». Обозначив места для станиц в виде четырехугольников, «ни мало не медля приступили к обнесению их рвом и бруствером (валом) с плетнем и колючкой, и в то же время строились дома для женатых казаков и казармы для холостых, а также офицерские помещения. Закипела работа! Около домов сажали деревья, по большей части фруктовые (вишни, яблоны)»³.

Женатые казаки были уволены со службы и занялись возведением жилищ. В помощь им назначили в каждую станицу по 20 холостых. Правительством было отпущено 10 000 руб., на которые приобретены необходимые инструменты и 60 пар быков с повозками для вывозки леса. За 1838 и 1839 гг. было выстроено: в станице Ардонской – 41, в Архонской – 46, Урухской – 29 и в Пришибской – 35 домов⁴. За строительством наблюдало не только высшее кавказское военное начальство – оно сделалось предметом особой заботы центрального русского правительства. О ходе строительства наместник ежемесячно рапортовал в Петербург. Хотя темпы работ по тем временам были довольно высокими, они все же не удовлетворяли правительство. Малейшая неурядица вызывала гнев царя, так как «это было неудобно в политическом отношении, ибо окружающие горцы могут смотреть на это с невыгодной стороны». «Неудобно еще и потому, – писал военный министр главнокомандующему Кавказской армией, – что станицы эти находятся на линии главного сообщения нашего с внутренними российскими губерниями и потому необходимо, чтобы подобные места отличались особенным благоустройством»⁵.

¹ ЦГВИА, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 11.

² Пономарев Ф. Материалы по истории терского казачества. Владикавказ, 1906. С. 20.

³ Пономарев Ф. Указ. соч. С. 20.

⁴ ЦГВИА, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 9.

В 1840 г. Военное министерство на благоустройство станиц, то есть для строительства в них церквей, лазаретов, базаров, школ, мельниц дополнительно отпустило 35 000 руб.¹ Каждому женатому казаку было выдано пособие в размере 250 руб.. Провиант отпускался всем, как служащим, так и неслужащим казакам. Это довольствие давалось полку до тех пор, пока казаки не в состоянии были обойтись без него. Всем выдавались от казны ружья, шашки, пистолеты и порох, строевая лошадь и мундирная амуниция.

Холостые, по примеру прочих казаков линейного войска, должны были жениться – «вступить немедленно в брак», водвориться на постоянное жительство в образованных станицах и обзавестись хозяйством. «Видя сравнительно более выгодное положение женатых и их почти полную свободу от службы, холостые охотно женились и тем достигалась намеченная правительством цель»².

Пока совершенно не были устроены станицы, поселившихся в них казаков на службу не назначали, исключая защиту своих жилищ. Из посемейных списков видно, что многие казаки знали разные ремесла: слесарное, кожевенное, кушнарное (шубное), бондарное, колесное и портняжное, были также печники, сапожники, маляры, кузнецы, каменщики, стекольщики, седельщики, ложники, столяры, но более всего было плотников.

Когда были построены хаты, потребовались хозяйки в них. Нужно было перевезти семейства женатых казаков из Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний. «Для этого был командирован специальный вооруженный отряд из 8 унтер-офицеров и 32 казаков во главе с поручиком Тарновским»³. 7 октября 1838 г. команда выступила пешком из Екатеринограда. Накануне командир отряда получил от казны 32 000 руб., назначенных на подъем казачьих семейств⁴.

Летом следующего 1839 г. переселенцы со сборных пунктов в городах Полтава и Нежин потянулись длинными вереницами (тремя партиями) к ожидавшим их мужьям. Прибыли к месту в августе 1839 г. После долгой разлуки радость мужей и жен была неопишуемой: многие плакали от избытка чувств, рассказам о пережитом не было конца. «Прибытие жен, – писал участник этих событий П. Ницик, – доставило во всех четырех станицах такое сердечное удовольствие, какое, казалось бы, трудно возбудить при флегматичности малороссов; каждый, ожидая подругу жизни, с которой пробыл до поступления на службу короткое время, а затем не виделся 8 лет, готовился встретить ее с бутылкою колгановки или инбировки и, встречаясь с друзьями, хвастался перед ними красотой своей жинки»⁵.

С прибытием членов семейств и размещением их в четырех станицах число жителей в них, включая холостых казаков, составило 381 двор, в них 688 душ мужского пола⁶.

Кавказское военное начальство считало, что для охраны 105-верстной дороги и преграждения связей горцев Восточного Кавказа с Западным такого количества станиц с их нынешним населением недостаточно, «ибо

¹ ЦГА СО АССР, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 9.

² Пономарев Ф. Указ. соч. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ ЦГВИА, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 19.

⁵ Ницик П. Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 43.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 13, оп. 1, д. 580, л. 49.

между четырьмя станицами оставались огромные интервалы, через которые легко могли проникнуть отряды горцев». Это обстоятельство побудило в 1840 г. довести численность 1-го Владикавказского казачьего полка до 6 тысяч мужского пола. Было принято решение о водворении между вышеупомянутыми станицами военных поселений с таким расчетом, чтобы в ближайшем будущем преобразовать их в станицы, а служивших в них солдат превратить в казаков. В начале 40-х гг. таких поселений возникло четыре: Владикавказское, Николаевское, Котляревское и Александровское. В них зачислялись женатые солдаты, прослужившие в частях Кавказской армии 15 и более лет.

В 1842 г. все военные поселения были преобразованы в казачьи станицы, и численность их достигла: Ардонской – 69 дворов, Архонской – 81, Пришибской – 74, Николаевской – 193, Владикавказской – 78, Александровской – 51, Котляревской – 47 дворов. Кроме того, на территории плоскостной Осетии в 1849 г. была основана еще одна станица – Змейская, а в 1850 г. – Горская (на месте нынешнего г. Алагира). Причем, стремясь довести контингент полка до положенной нормы, военное командование из года в год увеличивало численность жителей за счет нового притока крестьян из России, а также отставных солдат. В 1844 г. ряды 1-го Владикавказского казачьего полка пополнились 510 отставными солдатами Кавказской армии, в 1848 – 1623 крестьянами из Харьковской губернии; в 1849 г. – 200 дворами государственных крестьян из Харьковской и Воронежской губерний. В 1855 г. из Закавказья (Боржомский район) переселилось сюда 117 человек – малороссиян.

Таким образом, численность полка в 1850 г. достигла 3864 душ мужского пола, а в 1860 г. – 4643 душ мужского пола, количество же жителей этих станиц перевалило за 8500 человек¹. Основная масса населения (шесть станиц из восьми) была размещена на землях Осетинской равнины.

Какие же цели преследовало царское правительство, создавая здесь казачьи станицы? «Поселение казаков в Осетии принесет ту пользу: будет удерживать горцев от набегов на Военно-Грузинскую дорогу, ибо удобные для проходов сии места входят в участки предполагаемого поселения; послужит обеспечением со стороны Кабарды спокойствия и приведением в послушание малокабардинцев, оказывающих неповиновение властям; проходящие команды и проезжающие в Грузию и обратно найдут в будущих казачьих станицах надежный приют и необходимые жизненные потребности; когда умножатся поселения и устроятся станицы, тогда не нужно будет иметь по той дороге казаков донских полков, фуражное содержание которых стоит казне более, чем малороссийских: самые укрепления по Военно-Грузинской дороге около мест предполагаемого поселения будут тогда мало нужны»², – писал кавказский наместник военному министру в 1838 г.

С устройством станиц, одна из которых – Владикавказская – достигла самой южной точки Предкавказья, по существу закончилось строительство Кавказской кордонной линии. «Кавказская военная линия как опора царского правительства в деле его колониальной экспансии на Восток в судьбе горцев Северного Кавказа сыграла отрицательную роль. Ее расширение виришь

¹ ЦГА СО АССР, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 118.

² Пономарев Ф. Указ. соч. С. 17.

и вглубь сопровождалось все растущей колонизацией земель горских народов; она, раскинутая от моря и до моря... упорно, как этого требовал царский трон, двигалась вперед, пока не достигла главного Кавказского хребта, пока не достигла своей цели – беспрекословного покорения горцев»¹.

Осетины постройку казачьих станиц на их территории вначале встретили дружелюбно. Они всегда ожидали от русских защиты и полагали, что с поселением казаков получают ее. Но вскоре начались «недоразумения». Это объяснялось прежде всего самим характером колонизации в указанный период. Это была колонизация не мирная, не культурная, а боевая, военная. Заранее уже определялось настроение поселенцев по отношению к горцам. Для жителей станиц главное кавказское начальство разработало кодекс правил поведения. В одном из них говорилось: «В воскресные дни, после обеда, делать репетиции... для отражения неприятеля; оружие поселян должно быть во всегдашней исправности; приучать сыновей поселян, могущих владеть оружием, к цельной стрельбе, чтобы они имели у себя оружия, какие только поселяне могут достать с вольной продажи; детей, не могущих еще владеть огнестрельным оружием, вооружать всегда кинжалом, шашкою или другими подобными вещами; ни под каким видом не позволять никому выходить из селения невооруженным»². Политика царизма заключалась в натравливании казачества на горцев.

Другая причина резко враждебного отношения горцев, в частности осетин, к колонизации их земель военно-казачьим элементом заключалась в том, что постройка станиц, поселение в них «воинов-земледельцев», то есть казаков, стесняла их в земельном довольствии.

По царскому манифесту «О наделении землями казаков на Кавказской линии», изданному в 1819 г.³, душевой надел в казачьих станицах был определен в 30 десятин. Исходя из этой нормы всем станицам 1-го Владикавказского казачьего полка в 1842 г. было отмежевано 81 184 дес. из земель Осетии и Кабарды⁴. В частности, на Осетинской равнине казачьим станицам отошли 52 тыс. дес.⁵

При отмежевании этих участков станицам признано «необходимым» и «справедливым» выселить осетин с Осетинской равнины. Вопрос об этом, однако, решен был не сразу. Он тянулся с 1839 по 1864 г. Изгнанию с насиженных мест подлежало 15 осетинских аулов, в которых проживало около 1003 семей.

Таким образом, по требованию кавказского начальства несколько тысяч человек плоскостного осетинского населения должны были в кратчайший срок подняться с родных мест, на которых они уже успели обзавестись постройками, развести сады, огороды, похоронить покойников. По вине царского правительства огромная масса людей оказалась обреченной на мытарства и страдания. По существу, это был второй после «миссии» генерала Абхазова крупный акт колонизаторской политики царизма в Осетии,

¹ Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе. «Известия» СОНИИ. Т. 12. С. 159.

² Пономарев Ф. Указ. соч. С. 28.

³ ЦГА СО АССР, ф. 3, оп. 1, д. 18, лл. 3–15.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 118.

⁵ Дзюкаев К.Х. Экономическое развитие осетинского крестьянства. «Известия» СОНИИ. Т. II. Вып. 1. 1948. С. 4.

истинные цели которого уже невозможно было скрыть от народа. Вероломно нарушив свое обещание, что «земля, занимаемая горцами на плоскости, останется в их вечной и неприкосновенной собственности», правительство и его кавказская администрация окончательно разоблачили себя в глазах горцев.

Начальство понимало, что изгнание жителей осетинских аулов с левобережной части равнины и заселение этой территории казачьими станицами вызовет сильное недовольство народа. «При устройстве сих станиц, — писал командующий войсками Кавказской линии, — должны быть готовы встретить сильное сопротивление, почему, независимо от войск, нужно иметь отряд в 7 батальонов пехоты, до 1000 человек кавалерии при соответствующем числе орудий»¹.

Боясь вооруженного сопротивления со стороны населения, власти не посмели в 1839 г. выселить за один раз все осетинские аулы. Выселение происходило в несколько этапов. В первую очередь надо было очистить аулы, расположенные на р. Гизельдон, так как земля здесь была богаче и ближе к казачьим станицам. Затем должны были покинуть свои места жители более отдаленных от станиц и Военно-Грузинской дороги селений. С этой целью правительство применило испытанный метод — политику подкупа отдельных осетинских социальных верхов: «чтобы избегнуть недовольствия и ропота, дать каждому из старшин переселяющихся аулов постоянное денежное содержание» от 20 до 40 руб., «смотря по расстоянию» предполагаемого переселения².

Военные власти не скупились на отвод отдельным влиятельным феодалам крупных земельных участков на южном склоне Кабардинского хребта, в Малой Кабарде. Так, в 1839 г. Алхасту Кундухову и его сыну ротмистру Муссе Кундухову по приказанию главнокомандующего «безотлагательно отмежевано удобной земли 2800 дес. на Кабардинском скате в урочище Скут-Кох»³. Крупными участками земли были наделены также отдельные представители Мамсуровых, Кануковых, Есеновых, Тулатовых.

Первоначально власти хотели поселить все 1003 семейства на правобережной части Осетинской равнины. Но потом оказалось, что здесь нет достаточного количества свободной земли. Правый берег приютил только часть этих людей, которые в конце 30-х и в 40-е гг. основали ряд новых поселений. Причем, земли давались только тем, кто находился на службе: царским офицерам, старшинам или тем осетинам, которые в качестве милиционеров участвовали в войне против горцев. Они и считались основателями новых осетинских аулов.

Выше уже было сказано, что одним из первых такого внимания правительства удостоилась семья Алхаста Кундухова. Сын его, Мусса Кундухов, «восходящая звезда», как его назвал один из современников, и «любимец кавказских генералов», находился в самых близких отношениях с командующим войсками на линии и начальником главного штаба Кавказской армии. Уже 15 декабря 1838 г. на просьбу корнета М. Кундухова об отводе ему земли начальник штаба отдельного Кавказского корпуса генерал Коцебу 2-й

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 5.

² Там же, л. 21.

³ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 3, л. 6.

писал коменданту Владикавказа: «Нахожу весьма полезным поселение Кундухова и других преданных нам горцев на Кабардинском хребте»¹. Вслед за этим из Тифлиса пришло второе предписание, уже от самого наместника. В нем говорилось: «Штабс-ротмистр Кундухов настоящею службою заслуживает особенного внимания начальства, и я прошу сделать распоряжение об отмежевании ему просимого количества земли на 80 дворов и допустить к переселению к нему вольных фарсаглагов»². Весной 1839 года Кундуховы вместе с кавдасардами в количестве 11 дворов покинули свой аул на Гизельдоне и переехали жить на правый берег Терека. Здесь на южном склоне Кабардинской возвышенности в урочище «Скут-Кох» отцу Муссы Кундухова, Алхасту, была указана земля около 4800 дес.³.

Получая землю, Кундуховы обещали в 10-летний срок поселить здесь 80 дворов и «очистить эти места от хищников и абреков». Но к поселению обещанного количества осетинских семейств, да еще из числа свободных крестьян, Кундуховы не особенно-то стремились. До 1849 г. в новом их ауле не было ни одной фарсаглагской семьи. Землю Кундуховы считали собственностью, и жить на ней допускались только те, кто безропотно признавал над собой власть алдаров. Только в начале 1850 г. властью владикавказского коменданта в Скут-Кохе было поселено несколько десятков фарсаглагских семей. Число жителей достигло 45 дворов. Так как обещание свое М. Кундухов не выполнил, то по распоряжению нового наместника Воронцова от земель Кундуховых был отрезан жителям поселенного близ Скут-Коха аула Батакоюрт участок в 100 десятин.

В 1841 г. из Гизели на Камбилеевку переселился другой тагаурский старшина Хатаксуко Жантиев. Последний вместе с Базыром Мамсуровым и Хатаксуко Кануковым еще в 1839 г. просил главнокомандующего взамен отнятой у них земли «дозволить» занять места на правом берегу Терека между селениями Карджин и Заманкул.

Прежде чем дать ответ, наместник через начальника главного штаба запросил владикавказского коменданта полковника Широкова: «В каких именно аулах живут тагаурские старшины Хатаксуко Жантиев, Базыр Мамсуров и Хатаксуко Кануков, отошли ли их земли под поселение казаков Владикавказского полка и какие имеют они побудительные причины на переселение за реку Терек? Прошу Вас сведения сии доставить в возможной скорости»⁴.

«Старшины, – отвечал комендант, – живут ныне по реке Гизели близ большой дороги в деревнях Какадур, Беты Канукова, и занимаемые ими земли должны отойти под поселение Владикавказского казачьего полка станицы Ардонской и Архонской, по сей самой причине они должны будут переселяться за реку Терек, куда также предполагается переселить жителей с верхних гизельских деревень»⁵.

В другом рапорте Широкова от 13 сентября 1841 г. на имя высшего кавказского начальства сообщалось, «что старшина Хатаксуко Жантиев имел жительство в Какадуре и переселился с 28 дворами в числе 196 душ

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 121, л. 11.

² Там же, л. 12.

³ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 322.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 7.

⁵ Там же, л. 8.

обоего пола еще в марте месяце в местечко, называемое Дарг-Кох, между деревнями Карджином и Заманкулом»¹.

В числе первых поселенцев здесь можно назвать Берда и Токаса Кумагавых; Савги Амбалова, Куку и Ельмурза Дудиевых; Аслангирея Пораева; Умара Таваева; Габиса Кцоева; Тотраза Гудиева; Абрека Бежаева; Бапина, Зикута, Тасбизора, Инуса, Савлоха, Кабара Уртаевых; Танбия Асламурова; Гуда Газданова; Тага Кумалагова; Батраза и Дзандара Кулиевых; Ельбиздико Камарзаева; Кекуса Гусалова; Ико Галабаева; Батраза Гусалова; Бапина Хабалова; Соста Габисова².

В 1850 г. в Дарг-Кохе проживало 389 человек, или 49 дворов. Через пять лет сюда же переселились жители деревни Тасолтана Дударова из Реданта (в основном фарсаглаги), и количество жителей почти удвоилось. Среди 89 дворов фарсаглаги составляли 77, кавдасарды – 12 дворов.

Следующая партия переселенцев из левобережных плоскостных сел состояла исключительно из фарсаглагов, большинство которых находилось на русской службе. Они во главе с прапорщиком Бада Кадиевым в 1844 г.³ на самой восточной окраине Осетинской равнины рядом с аулом Муссы Кундухова основали селение Батакоюрт. С 1827–1829 гг. здесь находились ингушские аулы старшин Батако Акмурзаева и Цицил Жантемирова⁴. В 40-е гг. по распоряжению владикавказского коменданта аулы эти были переселены на другое место. «Хотя эта земля и тагаурская, – писал комендант, – но была поселена с давнего времени назрановскими аулами, которые я ныне перевожу в урочище Саби-юрт, что на северной оконечности Ачалуковского ущелья»⁵. Непосредственным поводом для перевода ингушских селений послужили якобы тайные сношения местных старшин с Шамилем.

Следует отметить, что поселиться в те тревожные времена тут было делом не легким. Жизнь осетин-поселенцев находилась в постоянной опасности из-за частых нападений на села. Здешние места, по общему признанию старожилов, были пристанищем банд, воров и абреков. Путешественник, побывавший в 1854 г. в Батакоюрте, писал: «Дорога к нему от самого Владикавказа пролегает степью, и на всем пространстве встречается только один Иналов аул; поэтому путешествие к нему однообразно, а местами очень опасно... В Батакоюрте домов 87, душ 894»⁶. «Место это тогда было не что иное, как вертеп, наполненный разбойниками»⁷, – свидетельствует документ.

В первые годы батакоюртовцы испытывали огромную нужду в пахотной земле. Власти, хотя и поселили фарсаглагов здесь, но не побеспокоились о наделении их землей. Все удобные для хлебопашества и сенокосов площади оказались захваченными Муссой Кундуховым и его братьями, с которыми жители Батакоюрта часто вступали в ссоры, переходившие в вооруженные конфликты. Так, в 1851 г. ротмистр Индрис Кундухов (брат Муссы. – Б.Б.) жаловался несколько раз владикавказскому коменданту,

¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 295, л. 95 (см. карту земель князя Бековича-Черкасского).

² ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 239, л. 47.

³ Архив СОНИИ, ф. 5, оп. 1, д. 13, л. 4.

⁴ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 511, л. 58 об.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 14.

⁶ Головин А. Указ. соч. С. 392.

⁷ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 532, л. 12.

что «жители Батакоюрта самовольно захватывают его земли». «На днях, – писал он, – жители этого аула пахали мою землю, когда же я пригрозил им, то один из них, Кучук Джибилов, выхватил ружье и выстрелил в мою сторону»¹.

Такие натянутые отношения между батакоюртовцами и Кундуховыми существовали вплоть до 1865 г. Мусса Кундухов с семьей в этом году переселился в Турцию. В связи с этим часть его земель была отрезана жителям Батакоюрта, число дворов в котором к тому времени достигло 170.

Выселение двух осетинских аулов из Владикавказа для властей было делом более сложным. Осетины, живущие на двух форштадтах (южном и западном), упорно не хотели менять свое местожительство на неудобные и менее безопасные далекие районы равнины. Да и, собственно говоря, на правом берегу не осталось ни одного участка свободной земли.

По этому вопросу, то есть когда и куда выселить владикавказских осетин, мнения кавказского начальства и местной администрации разошлись. 10 декабря 1845 г. начальник штаба войск от имени кавказского наместника потребовал от владикавказского коменданта, чтобы тот немедленно выселил из пределов крепости осетин, считая, что «для этого есть участок земли на правом берегу Терека, начиная от устья реки Камбилеевки»².

Комендант Владикавказа, не раз заявлявший, что «удаление осетинских аулов от Владикавказа он считает совершенно необходимым», в ответ на требование из Тифлиса рапортом доносил: «Земля на правом берегу реки Терек, начиная от устья реки Камбилеевки, нисколько не свободна, но напротив, на этом-то пространстве и есть самое сильное население осетинских и ингушских аулов, свободной же земли тут нет»³. Комендант полковник Нестеров считал, что переселение владикавказских осетин возможно будет только после того, как правительство скупит у кабардинского князя Бековича-Черкасского часть его земель, «до приобретения же земель у князя... нельзя совершенно приступить к переселению от Владикавказа осетин..., потому что во всем вверенном мне округе нет решительно нисколько свободной земли и всякая квадратная сажень, взятая из теперешнего количества земли, послужила бы большим стеснением и к неудовольствию жителей»⁴.

Настойчивость высшего военного начальства в этом вопросе взяла верх, тем более что центральное русское правительство в 1846 г. категорически потребовало немедленно водворить Владикавказскую казачью станицу на западной части крепости на место Тулатовского аула и наделить ее землей⁵.

Категоричный тон царского послания и решительный отказ жителей аула перейти в Кабарду заставили местные власти выделить для последних на правом берегу Терека севернее крепости (в 17–20 верстах) часть земли войск Владикавказского гарнизона. Вскоре алдары Беслан, Афако, Татаркан и Хатаксуко Тулатовы писали: «В 1847 г. по указанию начальника

¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 532, л. 44; ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 74.

² ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 28.

³ Там же, л. 29.

⁴ Там же, ф. 2330, оп. 1, д. 1, л. 136.

⁵ Владикавказская станица частично была водворена здесь в 1839 г. и соседствовала с Владикавказом свыше двадцати лет. В 1860 г. была переведена в Тарскую.

Кавказского фамилия наша, жившая до того в ауле, расположенном на левом берегу Терека, смежно со станицею Владикавказскою переведена на правый берег реки и поселена верстах 17-ти ниже Владикавказа, где наделена землею, которая бывшим начальником генерал-майором и кавалером Нестеровым объявлена за нами в вечном и потомственном владении»¹. Характерно, что землями на новом месте были наделены не жители аула Тулатовского, а несколько семейств алдар Тулатовых. Среди них богатством и особым расположением военных властей пользовался прапорщик Беслан Тулатов. За ним и была закреплена вышеуказанная земля, на которой он и поселился одним из первых, основав в 1847 г.² аул, носящий до сих пор его имя³.

Любопытно отметить, что не все 58 дворов захотели переселиться на новое место с Б. Тулатовым. Испытав на себе в течение двух десятилетий гнет этого феодала, жители наотрез отказались следовать за ним. Поэтому первых поселенцев было не больше 27 дворов. Это в основном близкие родственники Беслана, его холопы и крестьяне, находившиеся в зависимости от него (Камбеговы, Макоевы, Хадарцевы, Батаговы, Габоевы, Джибиловы, Хузмиевы, Кожоевы, Зайтаевы, Амбаловы, Дамзовы, Четоевы, Циноевы, Ходовы, Козоновы).

Итак, Бесланикау (аул Беслан) был последним, основанным на правом берегу. Больше земли здесь не оставалось. Тем не менее на огромном пространстве, отнятом у осетин для станиц, оставались аулы, жители которых из года в год ждали своей участи. Для наделения их землей кавказское начальство избрало район Малой Кабарды. Такое намерение властей вызвало решительный протест населения. Многие осетины стали добиваться разрешения на возвращение в горы. Им это было запрещено.

Водворение казачьих станиц приостановило на несколько лет переселение осетин с гор на плоскость.

Деятельность правительственных комитетов по разбору личных и поземельных прав горцев и образование новых плоскостных осетинских сел (40–60-е гг.)

Переселение на равнину значительной части населения и образование здесь населенных пунктов способствовало не только развитию земледелия, но и усилению торговых отношений с Владикавказом и Моздоком. Однако при низком уровне производительных сил в Осетии все это не могло сколько-нибудь изменить феодально-крепостнические основы ее экономики. «Развитие торговли, заставшее осетинское общество на сравнительно низкой ступени развития производительных сил, не изменило системы общественных отношений и еще более усилило гнет крепостничества. В Осетии продолжали существовать патриархально-феодальные отношения»⁴.

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1217, л. 18; ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 136.

² ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 109, л. 29

³ Село называлось также Тлататикау, Алыккатикау, Иристон.

⁴ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 170.

Осетинские феодалы, почувствовав для себя выгоды от торговли, стали еще сильнее закрепощать крестьян. Представители алдаро-баделятского сословия, получив надел на плоскости, приглашали с гор население, обещая совместное владение землей и коллективную ее обработку. После же истечения некоторого времени объявляли землю своей собственностью, а одноаульцев рассматривали как своих зависимых, облагая повинностями за пользование участками.

С переселением на плоскость алдары стали распространять свои права и на те земли, на которые раньше не претендовали и которые им не принадлежали; стали стремиться к лишению крестьян права перехода в другое место¹. Так, поселившись в Скут-Кохе, Мусса Кундухов «пригласил добровольно к себе до 40 дворов вольных людей с обещанием довольствоваться с ними без всяких налогов; выстроить общими силами всех жителей каменный оборонительный замок для защиты всей деревни от нападений, а впоследствии он из этого замка сделал собственный дом² и лишил жителей права на него, принял на себя вид владельца и наложил на них подати за то, что они пользуются землей, от чего около 20 семей принуждены были переселиться оттуда в разные места»³.

Алдары Тулатовы в ауле Беслан вообще лишили его жителей земли. «Живя в одном ауле с Тулатовыми, – жаловались жители, – мы наравне с ними пользовались землей и всегда предполагали, что никто не будет нас притеснять, но, к несчастью, мы теперь услышали от алдар Тулатовых, что земля отведена только им; они объявили, что не дозвоят нам более пользоваться ею»⁴.

Приведенные выше примеры присвоения плоскостных земель не единичны. В других главах настоящей работы говорилось, что аналогичным образом поступали владельцы почти всех алдарских аулов: Магомет Дударов – в Иналове (Хумалаге); Ильяс Дударов – в Карджине; Габис Дударов – в Зилге; Шанаевы – в Бруте; Кусовы – в Заманкуле.

Еще большей эксплуатации подвергалось крестьянство в Дигории. С переселением на плоскость баделята стали увеличивать размеры прежних крестьянских повинностей, вводили новые, захватывали земли, ограничивали население в пользовании лесом⁵. «Ныне же наши подати, – жаловался народ, – под разными предлогами увеличиваются... земля отнята старшинами неизвестно по какому праву. Подати они (баделята. – Б.Б.) берут ныне насильственным образом и увеличивают налоги до совершенного отягощения»⁶.

Наиболее острыми социальными противоречия были в равнинной части Осетии, в таких районах, как Дигория и Тагаурия. Фарсаглаго и адамихаты считали, что земля, принадлежавшая раньше кабардинским князьям, с ликвидацией их власти стала казенной, и правительство ее отдает им наравне с алдаро-баделятами. А раз так, то весь народ имеет одинаковые

¹ Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 109.

² Во время переселения в Турцию этот дом с землей М. Кундухов продал правительству за 45 000 рублей.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 74, д. 2, л. 12.

⁴ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 27, л. 22.

⁵ Скитский Б.А. Очерки по истории осетинского народа. С. 154.

⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 15, л. 39.

права на землю, и поземельные обязанности алдарам и баделятам должны отпасть.

На почве крепостнических устремлений знати в Осетии с 1836 г. резко обострилась классовая борьба. Она на первых порах выражалась в том, что фарсаглаги, а потом и кавдасарды стали самовольно покидать своих феодалов и переходить в другие аулы. Владельцы увидели в этом подрыв своего социального и экономического положения и всячески этому стали препятствовать. На этой почве развилась постоянная вражда между знатью и простым народом. «Самое большое притеснение, претерпеваемое нами от баделят, – жаловались дигорские адамихаты, – кроме самовольных налогов и поборов с народа состоит в том, что они не дозволяют нам... переселяться по своему желанию в другие места, на что, однако, не имеют никаких законных прав и руководствуются в этом случае просто правом сильного»¹. Фарсаглаги, адамихаты и кавдасарды стали требовать от русских властей отдельного от алдар и баделят поселения.

Документы свидетельствуют и о других, более острых формах классово-вой борьбы осетинского крестьянства в 30–60-х гг. Фарсаглаги аулов Иналово, Муссы Кундухова, Карджин не раз вступали в вооруженные схватки со своими угнетателями. В 1840 г. скуткохцы и жители с. Батакоюрт попытались даже убить М. Кундухова и его братьев, а спор алагирцев за землю «Кивон» с крупным феодалом Мисостом Кубатиевым закончился тем, что в перестрелке был убит одинаково ненавистный алагирским и дигорским крестьянам М. Кубатиев².

Еще более обостренными в 40-х гг. были отношения между баделятами и адамихатами в Дигории³. Крестьянское движение здесь грозило полным уничтожением привилегий баделят и ликвидацией крепостной зависимости⁴. Для примирения враждующих сторон в этот район Осетии даже была направлена специальная комиссия⁵.

Кавказское начальство было напугано. Оно не без тревоги докладывало центральному правительству: «Подчинить баделятам в подданство черный народ, значит, сделать несправедливость между последними; он придет в отчаяние, неминуемо произойдет от этого жесточайшее кровопролитие, так как черный народ гораздо многочисленнее старшин». При таких условиях всякие освободительные меры, предпринимаемые русской властью, расценивались бы народом как милости начальства и склоняли бы его на сторону власти. «Фарсаглаги и кавдасарды подавали несколько раз прошения об отделении поселений их от алдар. Выгоды правительства – по возможности содействовать этому отделению сословий»⁶.

В конце 1846 г. во Владикавказе под председательством владикавказского коменданта Нестерова начала работать правительственная комиссия по разбору личных и поземельных прав жителей Тагаурского общества. Отметим, что с самого начала своей работы комиссия Нестерова стала на сторону тагаурских старшин. Нестеров, отражая политику царского прави-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 15, л. 18.

² ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 3, д. 37, л. 3.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 12, л. 21.

⁴ Скитский Б. В. Очерк по истории осетинского народа. С. 161.

⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 74, оп. 2, д. 12, л. 28.

⁶ Там же.

тельства в сословном вопросе, представил в 1849 г. на утверждение высшего кавказского начальства свой план. В нем он убеждал вышестоящие инстанции «уважить просьбу старшин в именовании их впредь алдарами или тагаурскими дворянами»¹.

В решении земельного вопроса комиссия учитывала напряженную обстановку в отношениях между старшинами и народом, требование фарсаглагов и кавдасардов наделить их землей отдельно от алдар. Чтобы притушить классовый антагонизм и ослабить резко обострившуюся в 30–50-х гг. борьбу осетинского народа против колониального режима царской администрации, комиссия Нестерова предложила поселить фарсаглагов отдельно от их старшин. «Чтобы успокоить сословия, нет другого средства, как поселять фарсаглагов отдельно от алдар»². План Нестерова был утвержден высшей русской властью на Кавказе в 1850 г.

Создавая отдельные фарсаглагские поселения, правительство в то же время не хотело лишать алдаров крупных земельных площадей. Оно хотело выбить из-под их ног лишь базу социального влияния и тем самым политически ослабить знать. Правительство также понимало, что отделение фарсаглагов от алдаров наносит последним экономический ущерб, и поэтому за потерю прав над простым народом обещало денежную компенсацию³.

Комиссия Нестерова прекратила свое существование в 1850 г., не успев провести учет всех плоскостных земель Тагаурии. Для «разработки точных указаний в наделении землей» различных осетинских сословий и для размежевания всех плоскостных земель в Осетии был учрежден новый комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа. Новый комитет под председательством начальника округа генерала Вревского работал с февраля 1850 по 1857 г. Свою деятельность Вревский строил на тех же принципиальных основах, что и комиссия Нестерова. Для видимости власти пригласили представителей всех сословий тагаурского общества. В качестве членов комитета в него входило 63 человека от алдаров, 16 от фарсаглагов и 7 человек от кавдасардов⁴.

Само собой разумеется, что работа комитета в таком составе ничего хорошего не могла принести и не принесла для основной массы осетинского народа. Первый пункт решения комитета гласил: «Так как алдары признаны правительством сословием высшим, то при наделении их землей в виде особого внимания и милости к ним наделить их большим количеством земли, противу других сословий как особо почитаемые». Главкомандующий Воронцов одобрил как это, так и другие предложения генерала Вревского. Только от себя для уточнения добавил: «Отмежевать семействам алдар по 225 дес.». Остальному же населению – фарсаглагам и кавдасардам было назначено по 36 дес.⁵.

Комитет признал также нужным: фарсаглагов и кавдасардов поселить отдельно от алдаров; христиан отделить от магометан; аулы на плоскости впредь именовать по урочищам; землю наделить всех тагаурцев, живущих на плоскости, не принимая во внимание тех, которые имеют в горах свои

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 77, ч. II, д. 2, л. 109.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 8.

³ История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С. 187.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 30, лл. 4–51.

⁵ Там же, д. 1, л. 95.

земли, «исключая Дударовых, которым ныне дарована земля Чмийская и которым можно потому отвести на плоскости меньше, чем другим алдарам»; ингушам и кумыкам на тагаурской земле не отводить; аулы Мамсурова, Алдатова и Кундухова (на Гизели) оставить на настоящих местах, если они «будут довольствоваться землею, каковою теперь владеют»¹.

План отдельного поселения фарсаглагов и кавдасардов от алдар и христиан от магометан вносил большие изменения в географию правобережной части Осетинской равнины. Вынужденное движение населения (по приказу властей), частые переходы жителей из одного аула в другой в 50-е гг. привели к реформе расположения осетинских плоскостных сел. Менялись не только месторасположения аулов, но и их названия. Из-за объединения мелких аулов в большие селения их названия исчезли навсегда с карты Осетии.

Согласно плану, все алдары Дударовы в количестве 28 дворов должны были быть поселены в ауле Габиса Дударова: «Алдаров Дударовых поселить в один из аулов, находящихся близ бывшего укрепления Елизаветинского»². Все алдары Кундуховы – в Скуд-Кохе, алдары Тулатовы и Тхостовы – в Беслане. Все остальные алдары, то есть Мамсуровы, Алдатовы, Шанаевы, Кануковы, Тугановы, должны водвориться в ауле Шанаева и на Гизели. Для фарсаглагов-христиан были намечены аулы: Батакоюрт, Карджин, Иналово и Дарг-Кох, а для фарсаглагов-мусульман – Заманкул, Эльхотово.

Дударовы не захотели переселиться в указанный им комитетом аул Габиса Дударова. После неоднократных просьб Дударовых власти в 1855 г. удовлетворили их просьбу и разрешили жить в Карджине. Одновременно оттуда были выдворены фарсаглагские семейства, из которых одна половина (мусульмане) вместе с жителями близлежащих аулов в том же 1855 г. поселена в бывшем ауле Габиса Дударова, число дворов которого достигло 98³. Из-за ненависти к алдарам Дударовым вновь поселенные жители переименовали свое новое селение в Зилгу⁴. «Сначала нам было отведено место Карджин, – жаловались зилгинцы в 1857 г. наместнику, – где было земли достаточно, но по просьбе Дударовых их место Зилги начальство отдало нам, где меньше земли, а Карджин – Дударовым. Теперь же мы бедствуем от недостатка земли»⁵.

Аналогичный случай произошел и с аулом Инала Дударова. Его сыновья Магомет и Карасе наравне с Дударовыми были наделены землей в Карджине. В ауле Иналово в 1857–1865 гг.⁶ были поселены фарсаглаги-христиане. Неприязнь народа к Иналу и его сыновьям была настолько сильной, что сразу же после заселения аул получил новое название – Хумалаг.

Любопытно, что заселение аула Иналово фарсаглагами происходило в отсутствие владельцев аула. Карасе, считавший себя «обиженным», бежал к Шамилю и больше не вернулся. Магомет же проходил службу в России.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 1, л. 96.

² Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 95.

³ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 20 или ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 1, л. 32.

⁴ Исходя из изложенного, многие исследователи ошибочно считали годом основания с. Зилги 1855 г. Дословный перевод слова Зилга – кружиться. Река Камбилеевка действительно здесь меняет свое направление несколько раз.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 20.

⁶ Это обстоятельство также послужило причиной некоторым исследователям считать датой основания Хумалага 1863 г.

Возвратясь домой в 1862 г. уже в чине подполковника, М. Дударов был немало удивлен. В ауле отца поселились фарсаглаги и кавдасарды. Мало того, земля, которая считалась неприкосновенной его собственностью и малейшее посягательство на которую каралось со стороны владельца, была поделена между новыми жителями аула. «После 12-летнего отсутствия моего, – писал он в августе 1862 г. командующему войсками Терской области генералу Святополк-Мирскому, – возвратясь на родину, я застал принадлежащую мне землю, перешедшую ко мне от отца, занятою христианским аулом Хумалаг вследствие распоряжения начальства... Покоряясь необходимости и воле начальства, я оставляю эту землю»¹. От переселения в Карджин он отказался. «Отказываюсь от переселения в аул Карджин и участка земли там, потому что с тех пор, как Дударовы живут на плоскости – ни отец мой, ни братья, ни я сам не имели с прочими Дударовыми ничего общего в поземельном владении. Я же кроме этого имею много побудительных причин, препятствующих мне не только переселиться в Карджин, но даже иметь там какую-либо собственность когда бы то ни было»².

М. Дударов просил у начальства земли в другом месте: «Я не теряю надежды... на наделение меня землею в таком же количестве, какое взято у меня под христианский аул Хумалаг – в Осетии или Малой Кабарде. До того же, пока не будет указана земля в новом месте, я прошу разрешения в. с. остаться мне на прежнем месте жительства и не стеснять возведением необходимых временных построек, в которых можно было бы прожить зиму и вообще до решения поземельных вопросов. Постройки эти не будут мешать никому из жителей Хумалага, потому что будут находиться в огороже, сделанной мною 16 лет тому назад перед отъездом в Россию, и во всякое время могут быть перевезены на место, которое мне будет указано правительством»³.

В 1864 г. Магомет Дударов получил вместо просимых 1000 дес. земли 750 «между землей аула Тхостова, проектируемой границей земель владикавказских осетин и Терека»⁴.

Заметные изменения произошли и в других аулах. Количество жителей Заманкула резко увеличилось за счет водворения туда из других аулов осетин-магометан. В 1860 г. число дворов здесь уже перевалило за 150. За счет новых поселенцев-христиан расширились также пределы Батакюрта и Дарг-Коха. В первом в указанное время насчитывалось 165 дворов, во втором – 130.

Количественно изменились и алдарские аулы. Осенью 1853 г. к восточной окраине аула Тулатова с разрешения местной администрации переселились из Владикавказа и Тагаурского ущелья алдары Тхостовы. Инициатором этого переселения был крупный и влиятельный алдар поручик Гадо Тхостов. Попытки получить землю и обосновать свой аул Г. Тхостов делал давно. Он еще в 1847 г. в рапорте на имя главнокомандующего просил участок земли у Челеметового кургана, на берегу Камбилеевки. Власти тогда отказали ему, мотивируя, что просимая земля принадлежала уже алдарам Шанаевым из аула Брут.

Вторичная просьба была уважена. В 1853 г. Гадо, его братьям и близ-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 32, л. 21.

² Там же.

³ Там же, л. 23.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 6, д. 770, л. 6.

ким родственникам: Наурузу, Эльзаруко, Цара и Куцыку Тхостовым с 12 дворами кавдасардов на юго-восточной стороне аула Б. Тулатова власти отмежевали в потомственное владение 1125 дес. из земель бывшего Елизаветинского укрепления¹. Дома новопереселенцев располагались на территории аула Тулатова отдельным кварталом, Тхостовы же называли его не иначе как «аул Тхостовых».

По решению комитета Вревского в аул Шанаево в 1858–1859 гг. из гизельских аулов были переселены алдары Тугановы – 8 дворов, Алдатовы – 5, Мамсуровы – 6 и Кануковы – 4 двора. Несколько раньше, в 1853 г., аул Шанаево² был переселен с Челеметового кургана на юг, к аулу Исса Дударова, жители которого еще в 1852 г. были размещены по другим селам. «Аул Исса Дударова, стесняющий соседей в поземельном довольствии и расположенный в верховьях р. Карджин... расселить по другим аулам»³, – говорилось в постановлении комитета. В обновленном селении Брут, таким образом, кроме вышеперечисленных дворов гизельских алдаров обосновались Шанаевы в количестве 12 дворов. Брут стал называться алдарским селением, хотя там проживали отдельным кварталом и представители других сословий: Чшиевы, Тедтовы, Ахполовы, Мисиковы, Айларовы, Кодзаевы, Цахиловы и др. В народе селение так и называлось Ёлдараты хъæу (Алдарский аул). В 1860 г. к сел. Брут был подселен аул Бапина Алдатова.

Переселившиеся в Брут алдары земельными участками были наделены здесь же. Земля здесь «хороша и плодородна, – свидетельствовали современники, – исключая небольшое болотистое пространство, заключающееся между Тереком и Камбилеевкой и называемое урочище Туаца, также по берегам реки Карджин. Но и эти болотистые места для скота представляют почти целую зиму подножный корм и имеют особенную ценность в хозяйстве туземцев, которые устраивают там зимовки. С этой целью все низовые пространства между Тереком и Камбилеевкой разбиты между всеми близлежащими аулами»⁴.

Была, наконец, решена и судьба тагаурских аулов, оставшихся на Гизельдоне. С 1839 по 1858 г. военные власти неоднократно принимали всякого рода решения по этому вопросу. Дело в том, что после заселения казачьих станиц большая часть земли верхнегизельских аулов Мамсурова, Адильгирея Кундухова, Османа Мамсурова и Канукова отошла станицам, но и после этого осталось достаточное количество земли (5725 дес.) во владении жителей этих аулов, чтобы их не переселять в другие места. Тем не менее власти в течение 18 лет настаивали на своем – очистить всю территорию на р. Гизельдон от осетинских поселений. Только решительность жителей в защите своих прав принудила начальство в 1858 г. отказаться от своего намерения. Было принято решение – собрать всех жителей в аул Кануково и образовать из них одно крупное селение. «Всю оставшуюся землю отдать в общее пользование всех аулов, на оной находящихся»⁵. Новое селение получило название Гизель.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 41.

² Аул Шанаево тогда назывался – Малый Брут (См. ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 17).

³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 97.

⁴ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 1, л. 18.

⁵ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 98.

В 1858 г. начальник Владикавказского военного округа доносил главнокомандующему об окончательном межевании земли на правой стороне р. Терека для наделения ею Тагаурского общества¹. Из этого донесения видно, что за время работы комитета всего отмежевано 44 885 дес. Эта земля была распределена:

1) майору Александру Дударову с братьями в вознаграждение за уступленную в казну ларскую землю – 1500 дес.;

2) Муссе Кундухову с братьями – 2800 дес.;

3) прочим алдарам Дударовым – на 19 дворов по 225 дес. на двор, что составило 4275 дес.;

4) алдарам Тулатовым – на 6 дворов по 225 дес., итого 1350 дес.;

5) алдарам Тхостовым – на 5 дворов 1125 дес.;

6) алдарам Шанаевым – на 11 дворов, Тугановым – на 8 дворов, Алдатовым – на 5 дворов, Кундуховым – на 4 двора, Мамсуровым и др. – всего на 29 дворов по 220 дес.

В общей сложности алдарам отведено было 17 430 десятин. Остальная земля в количестве 27 455 дес. отмежевана фарсаглагам и кавдасардам, которых насчитывалось 773 двора. Из них образовано 7 аулов:

1) христианский аул Дарг-Кох – 110 дворов, по 35,5 дес. на двор, всего 4047 дес.;

2) христианский аул Батакоюрт – 155 дворов, по 34 дес. на двор, всего 5585 дес.;

3) христианский аул Владикавказский – 100 дворов, по 32 дес. на двор, всего 3380 дес.;

4) христианский аул Хумалаг – 135 дворов, по 35 дес. на двор, всего 4868 дес.;

5) магометанский аул Заманкул – 164 двора, по 35 дес. на двор, всего 6304 дес.;

6) магометанский аул Зилга – 98 дворов, по 35 дес. на двор, всего 3375 дес.;

7) магометанский аул Эльхот – 140 дворов, по 38 дес. на двор, всего 5420 дес..

Таким образом, на правобережной части Осетинской равнины к концу 50-х гг. все население было сконцентрировано в 14 селах (6 алдарских и 8 из фарсаглагов и кавдасардов); 55 дворов алдаров получили 17 430 дес. земли, а 773 двора кавдасардов и фарсаглагов – всего 27 459 дес. Таковы были результаты деятельности комитета Вревского.

Земельный вопрос в плоскостной Тагаурии решен был в интересах осетинской знати – опоры царского правительства в Осетии, и начальство думало, что тагаурские алдары останутся довольны работой комитета. На самом же деле вскоре в адрес местного и кавказского начальства стали поступать жалобы. Часть алдаров, в особенности гизельдонские, в количестве 49 дворов жаловалась на то, что они не получили наравне с другими алдарами земли. Другая же часть, более состоятельная (Тулатовы, Дударовы), протестовала против того, что их наделили одинаковым количеством земли с Джантиевыми, Есеновыми и др., алдарское происхождение которых ими ставилось под сомнение. Наконец, забили тревогу 334 двора кавдасардов и фарсаглагов, оставшиеся без земли.

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 33.

В 1859 г. был создан новый комитет, который высказался за уменьшение алдарских наделов до 40 десятин. Наместник поддержал мнение комитета, предложив разделить алдаров на 2 разряда: первому дать несколько больше земли, а второму – по 40 десятин на двор. Однако такое решение не было реализовано, так как в силу военных обстоятельств комитет в том же году был распущен.

1 сентября 1863 г. во Владикавказе вновь была учреждена (шестая по счету) комиссия по правам личным и поземельным туземного населения Терской области под председательством чиновника особых поручений при наместнике кавказском коллежского советника Д.С. Кодзокова. Комиссия решительно отказалась наделить алдаров по принципу реформы Вревского, мотивируя это недостатком земли на плоскости. По новым подсчетам комиссии, плоскостная тагаурская земля заключала в себе 58 540 дес., на которой к 1863 г. находилось 16 аулов.

Комиссия признала нереальным распределение земли между алдарами, кавдасардами и фарсаглагами по принципу Вревского. Одним только алдарам, живущим на плоскости, следовало отвести 25 875 дес., а 1354 дворам фарсаглагов и кавдасардов – 48 744 дес., то есть 74 619 дес. Земли же, как известно, было всего 58 540 дес. Кроме того, комиссии было известно, что 334 двора кавдасардов и фарсаглагов вовсе не имели земли. Следовательно, недоставало земли 30 175 дес., которые взять было неоткуда, так как казенную землю в размере 23 тыс. дес. категорически «запрещалось трогать не в интересах войск»¹.

Первоначально поэтому было принято решение перевести часть тагаурского населения в Кубанскую область, но так как осетины категорически отказались от переселения на Кубань, то комиссия признала самым целесообразным наделить землю живущих на плоскости на общинных началах. Общинное землевладение должно было, по мысли комиссии, служить «лучшим средством преодоления указанных затруднений и предохранить население от совершенной нищеты в будущем». Предложения комиссии Кодзокова были поддержаны высшим кавказским начальством, а затем «заслужили высочайшее одобрение».

В декабре 1864 г. был издан Указ о введении в Тагаурском обществе общинного порядка пользования землей. В этом указе алдарам, не желавшим быть сельскими общинниками, давалось право переселиться в Кубанскую область и получить там до 300 дес. земли «в вечное и потомственное владение».

Весной комиссия приступила к наделению землей аулов Тагаурского общества с передачей каждому из них именного списка жителей. Земля давалась соразмерно числу дворов. Алдарское сословие включалось в число обывателей, получивших на двор 40 дес. По Тагаурскому обществу комиссия закончила работу в 1866 г.

Все вышеуказанные комитеты в своей работе почти не касались сословно-поземельных отношений жителей Алагирского и Куртатинского обществ. Вся деятельность их здесь в 50-х гг. заключалась в определении размеров земельной площади. Плоскостная земля, находящаяся в пользовании Алагирского общества, составляла 8620 дес., Куртатинское общество занимало

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 16, оп. 1, д. 11, лл. 15–22.

на плоскости 14 900 дес., в том числе 6500 дес. под лесом и болотами¹. В 1864 г. здесь также было установлено общинное землевладение.

В целях отделения жителей христиан от жителей магометан комиссия в 1865 г. приняла решение об отдельном поселении как тех, так и других. Куртатинские магометане были поселены «в трех четвертях версты на восток от поляны Даргардуз, на краю ложбины, по которой оказалось возможным пропустить воду из Ардона»².

Новое селение было названо Ногкау. Жители – христиане – были поселены в с. Кадгарон, «на пространстве между бывшими Верхним и Нижним Кадгароном. Раннею весною 1867 г. состоялось общее переселение куртатинцев»³.

Крайне обостренные социально-поземельные отношения в Дигорском обществе заставили военную администрацию в 1849 г. учредить в Нальчике специальную комиссию «для разбора прав дигорских старшин и черного народа». Но работа ее не принесла никаких результатов ввиду того, что комиссия не смогла собрать достаточных данных о повинностях простого народа. Была создана другая комиссия. Она заседала в Ардоне под председательством командира Владикавказского казачьего полка полковника Шостака и продолжала работу нальчикской комиссии, то есть собирала «сведения о повинностях, платимых дигорским народом своим баделятам». Обе комиссии собирали сведения отдельно от представителей «черного народа» и отдельно от баделят и даже отдельно от живущих в горах и на плоскости. Эти сведения «заклучали в себе материалы о сословном строе и повинностях простого народа не только в общей форме, но и по отдельным владельцам, по отдельным категориям зависимых»⁴. По данным этих комиссий, в Дигории числилось 1350 дворов, в том числе баделят 45 семейств (22 – в горах и 23 – на плоскости); царгасат – в нагорной Дигории 20 дворов, в плоскостной – 12; гагуатов – 13 дворов. Следовательно, сословие баделят составляло три процента, царгасат – 2,3 и гагуатов – 0,97 процента⁵.

Вся земельная площадь плоскостной Дигории, по данным топографа Ильишенко, заключала 53 919 дес., в том числе под лесом 21 568 дес.

За обладание этой землею в 30–40-х гг. в Дигорском обществе разгорелись жаркие споры между простым народом и баделятами. Последние утверждали, что вся земля принадлежит им, так как она куплена их предками у кабардинских князей. Черный же народ, «живущий на плоскости, заселен на принадлежащих алдарам землях».

Дигорские баделята неоднократно просили правительство: именовать их вместо старшин узденями 1-й степени; привести в подданство весь народ, которому приказать платить дани, издревле ими платимые; размежевать родовые участки с выдачей актов на потомственное владение⁶. С этими просьбами в 1848 г. депутаты от дигорских баделят, в числе семи

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 93.

² Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 16, оп. 1, д. 11, л. 19.

³ Там же, лл. 15–22.

⁴ Скитский Б. В. Очерки истории осетинского народа. С. 169.

⁵ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 264, лл. 120–170; ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 31.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 1.

человек, специально ездили в Петербург, где «имели счастье лично просить государя императора об утверждении вековых прав». «Баделята жаждали законодательной санкции ранее совершенного ими земельного ограбления крестьян и вместе с тем хотели ликвидировать остатки крестьянских прав на общинные земли»¹.

Одновременно и народ обращался с просьбами к русскому правительству об освобождении его от зависимости и об отделении от знати. «Весь дигорский народ, живущий на плоскости, – говорилось в одной из них, – просит одной милости: дозволить нам переселиться от баделятов на другое место, какое угодно будет русскому правительству назначить, и мы по преданности нашей... к России с большой готовностью рады будем всем обществом выполнять все повинности и службу, как и другие горские народы»². Простой народ считал, что с установлением русской власти в Дигории плоскостная земля стала казенной, следовательно, все поземельные обязанности баделятам должны отпасть. «Основанием для освободительных надежд у черного народа, – справедливо отмечал проф. Б.В. Скитский, – было то, что сама русская власть хотела отделить его от сепаратистской мусульманской знати и тем самым ослабить ее влияние на народ».

В 1850 г. начальник центра Кавказской линии князь Эристов в докладной записке главнокомандующему³ писал, что на основании данных сословной комиссии и исторического анализа сословно-поземельных отношений «старшины дигорские на земли, лежащие вне гор, право собственности иметь не могут, следовательно и повинность, платимая черным народом за земли на плоскости, неправильная»⁴.

Преследуя цели правительства в этом вопросе, царский генерал выступил против старшин-магометан и взял под защиту народ, исповедующий христианство. «Народ поставлен в зависимость от старшин-фанатиков, исповедующих религию магометанскую, и всех христиан, живущих между ними, стесняют. Эта ясная причина медленного развития христианства в Дигории, потому как многие осетины вновь перешли в магометанство. ...Если, пока есть еще время, не будет обращено на этот священный предмет внимания, то, судя по обстоятельствам, оставшимся верными православию угрожает та же участь»⁵.

Далее, подробно описав современные ему натянутые отношения между знатью и народом, Эристов предупреждал, что «после такого несогласия между сословиями в Дигории трудно ожидать добрых последствий, в особенности, если дело это продлится и не получит в непродолжительном времени окончания. Ненависть друг к другу так велика, что каждый из них употребляет все меры погубить другого»⁶.

«Все эти обстоятельства так важны, – говорилось в конце записки, – что я полагал бы: за столь долголетнюю преданность и много различную полезную службу дигорским старшинам, поселенным на плоскости, почти все заслужившие чинов обер-офицеров, потомственно отвести участки из

¹ Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. С. 25.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 74, д. 2, л. 16.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, лл. 1–10.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 3.

тех земель, которые теперь ими заняты и не лишать их над народом обычных прав.

Остальную землю оставить в пользование простого класса, преимущественно христианского вероисповедания, которых собрав всех вместе против аула Караджаева, где основав церковь, определить способного священника и назначить аул этот как пункт центральным в Дигории местопребыванием пристава»¹.

Проект генерала Эристова был одобрен наместником Кавказа Воронцовым. К межеванию плоскостной земли в Дигории местная администрация приступила весной 1851 г. Дело было поручено группе топографов во главе с капитаном Ильяшенко. Осенью того же года работы были закончены.

Эристов доносил, что Ильяшенко отлично справился с заданием. Вся земля была снята на план-карту², плоскость разделена на участки с указанием, за кем они закрепляются. Так, фамилии Кубатиевых было отмежевано на вечное пользование 3000 дес., Караджаевым – 800, Абисаловым – 200 дес., Тугановым земля в размере 19 790 дес. была пожалована еще в 1837 г. самим Николаем I. Ко времени межевания дигорской земли у Тугановых осталось 13 504 дес. (6282 дес. правительство выкупило у Тугановых за 43 тыс. руб. для станицы Николаевской).

Вся остальная земля в количестве 9564 дес. передана была на общинных началах адамихатам; отведены особые участки для христиан и мусульман с поселением их отдельными аулами. «Христианам, коих всех вместе 654 души мужского пола с теми, что живут в ауле Дур-Дур, – 5000 дес.; магометанам, которых всех вместе 109 семейств – 4633 дес.»³. Кроме того, в частную собственность всех остальных баделятских фамилий отрезано 5125 дес.

Что касается лесных массивов на плоскости, то в приказе главнокомандующего отмечалось, что «Весь дигорский лес, которого на плоскости 21 568 дес., до времени оставить общим».

Таким образом, в результате такого раздела плоскостной земли Дигории две трети ее досталось баделятам, одна треть – черному народу.

По предписанию Воронцова, место для поселения жителей-христиан должен был избрать сам начальник центра Кавказской линии генерал Эристов. «Аул христиан дигорцев, – говорилось в приказе наместника, – поселить на месте, избранном князем Эристовым. Под его же начальством осуществить поселение»⁴. Для этой цели отряд из нескольких человек во главе с Эристовым ранней весной 1852 г. выехал из кр. Нальчик, перейдя Татартуп, направился в ст. Николаевскую, а оттуда в сопровождении помощника пристава Дигории Н. Шанаева – далее на запад, в глубь Дигории. После того как была осмотрена почти вся равнинная земля, Эристов отказался от своего первоначального намерения – поселить христиан недалеко от аула Караджаева. Для христианского поселения он наметил ровную местность на левом берегу реки Урсдон, имеющую границу с востока с землями станицы Николаевской, с северо-запада – с землей Тугановых, с юго-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л.3.

² План-карта находится в Музее краеведения СО АССР, зал № 6.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 64.

⁴ Там же, л. 68.

запада – с владениями Кубатиевых. Для магометан была назначена местность на речке Чикола, недалеко от аула Караджаева.

Окончательный проект князя Эристова о размежевании дигорской земли был также одобрен наместником и для окончательного утверждения препровожден в центральное правительство. Специальным манифестом Николая I проект был утвержден.

Общее заселение двух аулов происходило летом 1852 г. Проходило оно стремительно. Как только населению было объявлено о разрешении переходить на новые земли, оно, как горный поток, хлынуло к указанным участкам. В те времена подобные переходы были делом нелегким и связаны со многими трудностями. В данном же случае, когда в движение пришли массы людей, охваченные общим желанием – поскорее покинуть бадеятские земли, трудностей было гораздо больше. И все же, несмотря на это, в августе–сентябре основная часть населения уже обосновалась на новых местах. В Вольно-Христиановском в основном поселились адамихаты из Туганово и Кусхо-Майхо, а в Вольно-Магометанском – жители из всех бадеятских аулов. К концу года уже насчитывалось жителей: в В. Христиановском – 160 дворов, в В. Магометанском – 109 дворов.

Так возникли на дигорской плоскостной земле первые населенные пункты со времени ухода отсюда кабардинских князей. По существу, с основанием В. Христиановского¹ и В. Магометанского аулов было положено начало появлению других дигорских селений на равнине.

Поселенные в указанных селах жители были освобождены от поземельных повинностей бадеятлам, но что касалось личных податей, то Воронцов категорически подтвердил обязательства о выполнении их простым народом. «С поселением вольных сословий на участках общественных, – говорилось в предписании наместника, – они не отбывают поземельной повинности бадеятлам, но личную повинность должны исполнять по-прежнему»². Личные повинности бадеятлам со стороны всего дигорского крестьянства, живущего как на общественных, так и на бадеятских землях, были отменены только в 1864 г.

Следовательно, конечным результатом работы всех правительственных комиссий и комитетов были земельная реформа в плоскостной Осетии и освобождение зависимых сословий. Крестьянская реформа 1847–1868 гг. сыграла положительную роль, поскольку она ломала старые феодально-крепостнические отношения и заменяла их более прогрессивными, капиталистическими.

Что касается влияния деятельности правительственных комитетов на выселение осетин с гор на равнину, то оно было двойким. Образование на плоскости аулов из освобожденных фарсаглагов, адамихатов, кавдасардов, бесспорно, способствовало новому притоку выселенцев с гор на равнину. В то же время введение в плоскостных осетинских аулах общинного землепользования и наделение их определенным количеством земли соразмерно числу дворов в них заставили не только власти, но и самое население на плоскости оказать известное сопротивление процессу переселения с гор новых семейств.

¹ Более подробно об этом селении см.: Гарданов М. К. Селение Христиановское в жизни и фактах. «Известия» СОНИИ. Т. I. С. 151–222.

² ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 84, л. 6.

ХАРАКТЕР ДАЛЬНЕЙШЕГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ГОРЦЕВ-ОСЕТИН НА РАВНИНУ (вторая половина XIX в.)

Колонизаторская политика царизма в пореформенный период

Последние выстрелы Кавказской войны в 1864 г. поставили перед царизмом проблему экономического освоения этой новой, богатой естественными ресурсами колонии.

История колонизации царской Россией Северного Кавказа уходит в седую старину. Свое начало она берет с XVI в., с появления на Тереке и Сунже первых городов-селений русских колонистов.

Колонизаторская политика русского самодержавия в своем развитии прошла несколько этапов. Но, меняя формы и методы, она неизменно имела одни и те же экономические и политические цели.

До 60-х гг. XIX в. колонизация носила военный характер и шла в основном за счет казаков, станицы которых одна за другой возникали на реках Тереке, Сунже, Кубани и их притоках.

В 1864 г. народы Кавказа «наконец» были «замирены». Кавказское начальство поспешило обратиться к императору Александру II с советом широко открыть двери на Кавказ для колонистов из внутренних губерний России, привлечь капитал, который бы «силою своею оживлял сельское хозяйство, торговлю, рынки».

Начало пореформенного периода ознаменовалось широким переселенческим движением русского крестьянства, искавшего спасения от малоземелья и притеснений «крепостников-последышей». По данным газеты «Северный Кавказ», население края к концу прошлого столетия увеличилось только за счет одних переселенцев на полтора миллиона человек¹. Увеличение населения шло главным образом за счет русских крестьян-колонистов, ограбленных помещиками и царизмом при проведении крестьянской реформы.

«В пореформенную эпоху, — писал В.И. Ленин, — происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России... Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)»².

¹ «Северный Кавказ». 1896. № 33.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594–595.

Кавказские власти разработали специальный план колонизации края. Наместник Кавказа вел. кн. Михаил Романов 26 июля 1865 г. представил царю докладную записку, в которой не без основания подчеркивалось, что колонизация края в пореформенный период приобрела «государственное значение». Автор записки предлагал после наделения казаков полными и достаточными нормами земли привлекать сюда как можно больше колонистов, дав тем самым простор развитию экономического быта как казаков, так и неказачьего населения¹.

Однако гражданская колонизация земель Терской области проходила менее интенсивно и по масштабам уступала Ставрополью и Кубани. Здесь было гораздо меньше «свободной» земли. Местное население (осетины, ингуши, чеченцы) само испытывало исключительное малоземелье. И тем не менее терская областная администрация находила «пустопорожние» земельные участки для «пришельцев»².

Даже во Владикавказском округе, где основная масса населения к указанному периоду оставалась еще в горах и испытывала муки земельного голода, было образовано в разные годы несколько десятков русских хуторов и немецких колоний.

Основную массу колонистов принял Моздокский район. Здесь, по данным А. Долгушина, с 1847 по 1902 г. было образовано 77 новых русских, еврейских и немецких поселений с населением 1355 душ обоего пола³. Скупив по самым низким ценам 22 423 дес. земли у казны и землевладельцев и добавив к ним 58 092 дес. аренды, колонисты образовали здесь в основном селения кулацкого типа⁴. Исключением были хутора Мамонтов, Новый Пряничников и немецкая Колонка.

Царское правительство в деле колонизации Северного Кавказа большую роль отводило немецким колонистам. В разные годы XIX в. на территории Осетии было образовано несколько немецких поселений. В 1860–1865 гг. из Верхней Саксонии переехало жить в Россию несколько партий немецких крестьян. Часть их правительство направило на восточные окраины империи, а часть – на Кавказ. Богатые земли Северного Кавказа сулили немецким колонистам много выгод, и они охотно переселялись сюда.

В 1861 г. на северной окраине Владикавказа, «в одной версте от крепости»⁵ была основана первая немецкая колония. Немцы по очень низкой цене и на выгодных условиях купили у правительства 2305 десятин казенной земли. Колонисты должны были создать «образцовые хозяйства» и показать «тем самым окружающему туземному населению улучшенные способы земледелия»⁶. Сеяли они пшеницу, гречиху и подсолнечник. Создавали также «примерные и образцовые» животноводческие фермы.

В 1866 г. немецкая Колонка была «переведена на бывший Потемкинский пост, находившийся в 6 верстах севернее Владикавказа, на правом

¹ «Северный Кавказ». 1896. № 35.

² Долгушин А. О переселении в Тверскую область из внутренних губерний России. Владикавказ. 1907. С. 7–8.

³ Долгушин А. Указ. соч. С. 47–49.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Примерно там, где сейчас расположена Курская слободка.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 49, д. 1, л. 1.

берегу Терека», а через год по указу наместника была преобразована в селение Михайловское.

Первых немецких поселенцев насчитывалось 304 человека (62 семейства). В 1870 г. в с. Михайловском было 74 двора, в 1886 – 81, а в 1902 – 92.

Второе поселение немецких колонистов появилось в 1882 г. на бывших землях Муссы Кундухова. После переселения Кундухова его земли были закреплены «на вечное и потомственное владение» за ушедшим в отставку начальником Военно-Осетинского округа генерал-майором Эглау¹. Эглау пригласил немецких колонистов из Кубанской области в числе 24 дворов и поселил их в своих владениях, а землю им отдал в аренду за долгосрочный кредит. Так была основана немецкая колония Эммаус².

На таких же началах приобрели землю жители другой немецкой колонии. Владельцы Дударовы в 1887 г. сдали в аренду 15 семействам немецких колонистов из Бессарабии 300 десятин земли³. Те основали здесь свой хутор. Он просуществовал до 1918 г. Тогда же жители его были переселены в с. Михайловское, а на месте хутора возникло селение Новый Батакоюрт из беженцев разгромленного белогвардейцами Старого Батакоюрта.

Колонизационно-переселенческое движение в Осетии из внутренних губерний России наиболее интенсивно проходило в конце XIX и в начале XX в.

Русские переселенцы обычно покупали земли в собственность, но жили в основном арендуя земель у казаков или у местных землевладельцев – Тугановых, Дударовых, Кубатиевых, Тулатовых. С 1900 по 1903 г. на одних только тугановских землях поселилось 12 хуторов (259 дворов)⁴.

С 1900 г. Тугановы стали продавать свои земли через Крестьянский банк. И поскольку банк этот не распространял свои действия на горцев, то земли Тугановых к 1905 г. оказались в руках хуторян. Хутора колонистов на тугановской земле тянулись по балке Маскиаг до Черного леса.

Таким образом, в целях скорейшего экономического освоения земель Северного Кавказа царское правительство, начиная с 60-х гг. XIX в., подвергает различные районы края интенсивной гражданской колонизации. В качестве колонизационного элемента оно использует «освобожденных» русских крестьян из внутренних губерний России, а также переселенцев из Германии.

Комиссия, специально посланная в 1905 г. областной администрацией для обследования экономического состояния русских крестьян, поселившихся на тугановских землях вблизи селений Христиановского и Магометановского, доносила, что положение «крестьян далеко не свидетельствует о достатке: бедные, маленькие хаты, совершенно не огороженные дворы без всяких домашних построек и отсутствие насаждений фруктовых деревьев производят впечатление, будто люди не предполагают здесь обосноваться»⁵.

Сравнивая экономическое благосостояние русских колонистов с жителями казачьих станиц, комиссия пришла к выводу, что хуторяне значительно уступают казачьему сословию. Однако сравнение земельных наделов русских хуторян с таковыми у осетин было не в пользу последних. Как отмечал А. Долгушин, «они далеко оставляют за собою то ничтожное ко-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 693, л. 27.

² Эммаус в переводе с немецкого означает – святое место.

³ Долгушин А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 12, лл. 110–127.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 31, д. 19, л. 2.

личество земли, которое находится в пользовании осетин»¹. Переселенцы, очутившись между казаками и горцами, стали в антагонизм и к казакам и к горцам, что делало данную группу населения экономически неустойчивой.

Переселение горцев Алагирского и других ущелий в Кубанскую область

Южные осетины, жившие в Джавском, Комском, Ванельском, Урс-дзварском, Джамагском и Рокском ущельях находились в зависимости от грузинских помещиков Мачабеловых. Известно, что эти осетины постановлением высших правительственных органов царской России в 1852 г. были «освобождены» от земли. Их наделы царизм закрепил за грузинскими князьями Мачабеловыми, а «освобожденных» перевел в казенное ведомство, с распространением на них новой налоговой системы, установленной царизмом в этих районах. Осетины вынуждены были оставаться на землях князей Мачабеловых и нести тяжелые феодальные повинности. Но последним этого показалось мало. Они выражали недовольство, считая себя «обиженными». Правительство, учитывая недовольство Мачабеловых, назначило им потомственную пенсию из государственной казны в размере 6 тыс. руб. серебром.

Аппетиты помещиков разыгрались настолько, что они кроме перечисленных выше шести южноосетинских ущелий потребовали себе и Зругское ущелье, находившееся в Северной Осетии. Чтобы доказать свое «право» на него, Мачабеловы в специальном письме наместнику Кавказа писали, что «первоначальным местом жительства князьями Мачабеловыми было избрано Зругское ущелье и что князь Зураб Мачабели еще в начале XV в. жил в названном ущелье, и, следовательно, все Мачабели вышли оттуда около того же времени и поселились в разных деревнях Горийского уезда»².

Несмотря на то, что притязания князей Мачабеловых были незаконными и совершенно необоснованными, в 1858 г. начальник Осетинского округа князь Авалов официально объявил, что все земли в Зругском ущелье к северу от перевала Зикара признаны собственностью грузинских князей Мачабеловых.

Для зругских крестьян такое объявление было «громом среди ясного неба». Они попробовали было опротестовать незаконное решение. С этой целью 8 мая 1859 г. через своих доверенных Давида Бирагова, Кандза Тавгазова и Павла Козаева они направили наместнику Кавказа прошение, в коем сообщали, что ни они сами, ни их предки «никогда не видели никого из князей Мачабеловых, кроме одного, который, хотя и бывал у них по должности заседателя в Нарском ущелье, назад тому лет 25, но о том, что он владетель – ничего от него не слышали»³. «Пусть князья Мачабеловы, – заканчивалось прошение зругцев, – докажут свое право на Зругское ущелье и хоть один случай получения ими дани с этого ущелья и укажут границы своей земли, а также подтвердят все это окружающие Зругское ущелье

¹ Долгушин А. Указ. соч. С. 14.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 76, оп. 3, д. 95, л. 47.

³ Там же, л. 35.

соседи... и тогда расставание с родиной не так будет тягостно для нас, как в настоящее время, когда мы чувствуем совершенную правоту нашего иска и не можем даже свыкнуться с мыслью, что не в дальнем будущем должны расстаться навсегда с родиной и оставить кости предков наших на этой земле»¹.

Притязания Мачабеловых были настолько необоснованны и необидительны, что даже представители царской администрации, выступавшие во всем на стороне грузинских помещиков, находили претензию последних «темным» и «сомнительным» делом. «Имеют ли князья Мачабеловы право на землю Зругского и других ущелий, – доносил начальник Осетинского округа начальнику Терской области, – дело темное и во всяком случае сомнительное, ибо осетины первый раз слышат о владычестве над ними князей Мачабеловых»².

Тем не менее царизм разрешил спор в пользу помещиков Мачабеловых, за которыми было признано право взимания с крестьян Зругского ущелья 1/10 части со всех доходов каждого крестьянского хозяйства. Однако привести в исполнение признанное за князьями Мачабеловыми право было не так-то легко. Трудно, в самом деле, брать у крестьян то, чего у них не было. Невозможно было взимать налоги с голодающего крестьянства Зругского ущелья, которое, по признанию самих царских администраторов, «вынуждено питаться кореньями, так как при суровом климате и малопродуктивной почве земель Зругского ущелья не всегда созревал там даже ячмень, и поэтому зругцы всегда терпят недостаток в хлебе»³.

Для царской администрации было совершенно очевидно, что насильственное ограбление жителей Зругского ущелья грузинскими помещиками не могло не вызвать вооруженного сопротивления осетин. Ей было известно, что восстания горцев, повторяющиеся чуть ли не каждый год, происходили в основном на почве беспощадной эксплуатации князьями Мачабеловыми югоосетинского трудового крестьянства. Царская администрация хотя и пошла на подчинение зругцев князьям Мачабеловым, сознавала, что «принудить их к этому почти нет возможности»⁴.

Поэтому, «чтобы положить конец беспрестанно возникающим при таком положении дела жалобам землевладельцев на осетин, а осетин на землевладельцев»⁵, кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич решил назревший конфликт «исчерпать» путем переселения зругцев на земли, освободившиеся в результате ухода нескольких сот тысяч горцев с Западного Кавказа в Турцию.

Задуманный царизмом план выселения осетин Зругского ущелья в Кубанскую область привести в исполнение было делом не простым: слишком сильной оказалась привязанность и любовь осетин к родным местам. Правительство и на сей раз прибегло к своему старому, испытанному в долголетней колониальной политике способу – склонить горцев к переселению с помощью местных социальных верхов, пользовавшихся известным влиянием среди населения. Для этого «начальником Терской области, – читаем в архивном документе, – привлечены были... почетные осетины милиции под-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 76, оп. 3, д. 95, л. 37.

² Там же, л. 5.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же.

поручик Леван Хетагуров и прапорщик Мисирби Гутиев»¹, из которых Леван Хетагуров был известен царскому правительству своей предыдущей военной службой в рядах царских войск.

Директор департамента Главного управления наместника Кавказского князь Барановский так аттестовал Левана Елизбаровича Хетагурова: «Офицер этот заслуживает особого внимания начальства, потому что он стоял во главе всего Наро-Мамисонского населения, вся фамилия его отличалась преданностью правительству и верной службою, сам он в течение своей долговременной службы, постоянно заявляя себя с самой лучшей стороны, с отличием участвовал во многих экспедициях и, будучи уже в преклонных летах, устранил своим влиянием весьма многие затруднения по переселению осетин в Кубанскую область»². Действительно, Леван Хетагуров, прослуживший «верую и правдою более 30 лет на военной службе», принимал участие в 1841 г. в Дагестанском отряде под начальством полковника князя Андроникова и 18 июля при взятии аула Ауха получил сквозную рану в обе ноги, в результате чего был причислен ко 2-му классу раненых³. По словам самого Левана Хетагурова, он имел на месте проживания «порядочное хозяйство и землю»⁴.

Не менее состоятельным был другой организатор переселения – Мисирби Гутиев⁵. Начальник Терской области так характеризовал его: «Гутиев происходит из почетной фамилии Осетинского округа, по отличной службе своей и по положению в среде осетин вполне достоин награждения участком земли 150 дес.»⁶.

Прежде чем дать согласие возглавить переселенческое движение осетин Зругского ущелья в Кубанскую область, Леван Елизбарович Хетагуров поставил перед начальником Терской области условие: на новом месте сохранить за ним те привилегии, какими мог бы он пользоваться, оставшись во Владикавказе.

Первым долгом он просил сохранить за ним в виде пенсии 441 рубль в год. Эту сумму он получал, когда служил в горской милиции в должности помощника командира сотни. Далее он просил дать ему в Кубанской области 150 дес. земли. И, наконец, определить его детей – Ольгу и Константина – в учебные заведения за счет казны. «Представившаяся возможность дать приличное воспитание моим детям была самая главная из причин, побудивших меня к переселению», – писал Леван Елизбарович⁷.

Все, что просил Леван Хетагуров у царского правительства, он получил. Отцу будущего великого осетинского поэта Коста Хетагурова отвели в Кубанской области в долине реки Марухи участок земли в 200 дес., назначили пожизненную пенсию в размере 300 рублей в год, а его 8-летняя дочь Ольга и 11-летний сын Коста были приняты в гимназию на содержание государства.

¹ Архив СОНИИИЯЭЛ, ф. 10, д. 17, л. 14.

² Там же, л. 4.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 76, оп. 3, д. 95, л. 159.

⁴ Архив СОНИИИЯЭЛ, ф. 10, д. 17, л. 2.

⁵ Портрет М. Гутиева кисти К. Хетагурова напечатан в кн.: Хетагуров К.Л. Собр. соч. Т. III. М., 1960. С. 32.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 59, л. 29.

⁷ Архив СОНИИИЯЭЛ, ф. 10, д. 17, л. 3.

Земельный участок в размере 150 дес. получил и Мисирби Гутиев.

Прежде чем приступить непосредственно к переселению, весной 1870 г. в Кубанскую область для осмотра места поселения выехала специальная делегация. В состав ее входили «подпоручик Леван Хетагуров, прапорщик Мисирби Гутиев и не имеющие чинов Давид Бирагов, Темир Беджисов»¹. Главой делегации был начальник Осетинского округа полковник Эглау. Встречал делегацию начальник Эльбрусского округа подполковник Петрусевиц.

Местные власти отвели будущим осетинским переселенцам земли близ военного укрепления Хумаринского во вновь образованном поселке Шоанинском Эльбрусского округа, который с 1 января 1871 г. вошел в состав Баталпашинского уезда. Земли здесь были плохие, и место делегатам не понравилось. «Северный склон Главного Кавказского хребта, в пределах Кубанской области почти сплошь заросший чрезвычайно густым лесом, трудно доступный и заключающий в себе чрезвычайно мало мест, сколько-нибудь удобных для ведения сельского хозяйства»², – писал директор департамента князь Барановский.

И все же по возвращении в Осетию в осетинских селах была развернута большая агитационная работа в пользу переселения в Кубанскую область. Делегаты разъезжали, повсеместно склоняя людей к переселению. Причем, на многочисленные вопросы горцев о тех местах, куда предполагалось переселиться, умышленно давались только положительные ответы. Описывались красивые места, где, дескать, много богатых, никем не используемых земель, на которых можно собирать чуть ли не два урожая в год и т. д. и т. п. Среди осетин быстро разнеслась молва о сказочной земле под непонятным для них названием – Лаба.

Бурная агитация, с одной стороны, и огромная тяга горцев к земледелию – с другой, настолько ускорили переселенческое движение среди осетин, что оно превзошло самые смелые ожидания кавказской администрации.

Переселенческому движению в огромной степени способствовали льготы, которые администрация вынуждена была давать. На новых землях осетины получали по 15 дес. на мужскую душу. Кроме того, каждой семье выдавались по 35 руб. подъемных. Из этих денег на руки выдавалось 15 руб. перед выездом, а остальные 20 – по прибытии в Кубанскую область³. Были обещаны и другие льготы.

Пожелавшие переселиться в Кубанскую область договорились собраться в конце августа 1870 г. в одном из плоскостных селений. Таким местом был выбран Ардон⁴.

В течение нескольких дней сюда съезжались все пожелавшие переселиться. Среди приехавших были семьи: Кака Хестанова; Алисо, Бобо, Сатге, Джамболат Цахиловых; Дзаго, Бибо, Таги и Касполата Чеховых; Александра Татрова; Корка Фардзинова; Семена Колиева; Асаха Тохсирова; Бекмурзы Габаева; Бибо Кесаева; Цицыра Тлатова; Гавди Авсарагова, Бибо Каргинова; Магомета Епхиева; Капитона Боциева; Гасе Дзугаева; Бимболат Хестанова; Ельза Цаллагова; Нурга Бязрова; Хаджимусы Дзугаева; Саба-на Тохсирова; Ельза, Андрея, Тасо и Магомета Черкасовых; Булата Тотие-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 59, л. 39.

² Там же.

³ Там же, д. 58, лл. 54–57.

⁴ Хетагуров К. Л. Собр. соч. Т. V. С. 299.

ва; Алибека Айларова; Темболата Абаева; Павла Цуциева; Ростом, Павла, Ивана, Михаила и Таймураза Хетагуровых; Мурата, Егора, Николая, Дзэмболата и Кудзага Исаковых; Темирко и Хаса Урумовых; Мацко Цуциева; Илико Гагиева; Гока и Асланбека Дзанаевых; Кудзага Бериева; Кузьмана Кучиева; Джантемира Калоева; Бохи Кадзова; Габе, Созрыко и Епре Колиевых; Сабазгери Каргинова; Ица Абаева; Хаджимета и Знаура Зангиевых; Шамиля Каргинова; Карка и Гачи Тамаевых; Дудара Баскаева; Кузьмана Бутаева; Кибилла и Инуса Сохиевых; Маци и Кудзи Баскаевых; Ельдза Джиголаева; Газа Нартикова; Азо Цогоева; Бабу Дзусова; Данила и Дриса Баскаевых; Магомета и Батчери Дзасоховых; Ивана Дзутова; Хако и Омана Козаевых; Пеце, Гаде, Николая, Кудзага Хозиевых; Спиридона и Давида Бираговых и многих других. Всего 149 семейств.

Ранним августовским утром вереница осетин-переселенцев разбудила еще спавших глубоким сном ардонцев скрипом своих несмазанных деревянных и не обитых железом горных арб, лаем собак и плачем детей.

Таким было начало трудного пути в Лабу, по свидетельству участника этих событий П.Д. Гагиева¹. Люди брали с собой домашний скраб, погружали его в арбы, запряженные быками, сзади привязывали корову. Коз и овец гнали рядом. Дорога шла через Дигорию, а оттуда по дорогам Карачаево-Черкесии. Принимая во внимание транспорт, которым располагали осетины для переезда и тогдашнее состояние дорог, легко можно себе представить, с какими неимоверными трудностями сталкивались люди в пути. Особенно уставали дети и старики от изнурительной жары днем и холода ночью. А когда шли дожди, положение становилось еще более сложным. Не хватало еды и питья. Приходилось делать частые остановки для привалов и ночлегов. В такие моменты проводники утешали павших духом и потерявших всякое желание продолжать путь: «Лабæмæ лидзæм! Лабæмæ!» Так называли осетины Кубанскую область. Это название до сих пор сохранилось в памяти некоторых осетин-старожилов.

На дорогу переселенцы потратили около двух месяцев. Прибыли на место только в октябре. Холода здесь наступали рано². Поэтому несмотря на усталость, переселенцам пришлось сразу же побеспокоиться о зимовке. Каждая семья первым делом приступила к постройке жилищ. Разумеется, ни о каких капитальных постройках и речи не могло быть, так как зима была на носу. Да и средства отсутствовали. По 20 руб. от государства многие семьи получили только в 1872 г. Пришлось довольствоваться землянками, которых за короткое время появилось более ста.

Очевидцы вспоминали любопытный случай. В разгар работ, когда горцы копали землянки, к ним приехал начальник округа Петрусевич. Он предложил Л. Хетагурову на зимнее время хорошую квартиру в военной крепости Хумаринской. Но тот наотрез отказался из-за солидарности со своими земляками.

Так осенью 1870 г. было положено начало новому осетинскому селению в уезде Баталпашинском Кубанской области, вблизи военного укрепления Хумаринского. Место это расположено на левом берегу реки Кубань, там, где в нее впадает река Теберда.

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 10, д. 11, л. 5.

² Македонов Л. М. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 37.

Поселение сначала называлось поселком Шоанинским, затем – селением Ново-Осетинским, а с 1879 г. – сел. Георгиевско-Осетинским. Народ же называл его с самого начала основания – Лаба. Земли в местах поселения оказались настолько непригодными, что уже весной следующего года обманутые и вконец разоренные люди вынуждены были просить начальство о предоставлении им пригодных для земледелия участков. Жалобы и прошения в адрес местного начальства в первые два года шли без конца. Реакция властей – отказ или молчание. Последнее прошение было подано начальнику Кубанской области в мае 1872 г. Семьдесят семей переселенцев снова просили наделить их пригодной для пахоты землей и получили отказ.

Особенно тяжелым для переселенцев был первый год. Зима в этом году оказалась особенно морозной. Никакого запаса продуктов и одежды не было. В довершение ко всему начал падать скот: сказались трудности дальней дороги, резкое изменение климатических условий, отсутствие корма. Не принес облегчения и 1871 г. Хотя люди и получили относительно большие участки земли, но из-за нехватки рабочего скота не успели вовремя их вспахать, посеять, а затем и убрать урожай.

Многие были разочарованы в своих мечтах и стали добиваться разрешения вернуться обратно в свои голодные горные ущелья, но и в этом им было отказано. «По совершенному неимению свободной земли во вверенной мне области, – писал начальник Терской области Лорис-Меликов, – я признаю невозможным дозволить переселившимся в 1870 г. на жительство в Кубанскую область осетинам водвориться опять в пределы Терской области»¹.

Тем не менее молва о чуть ли не сказочной местности Лаба пронеслась по селам Осетии с новой силой.

За два года (1872–1873 гг.) на имя начальников области и округа было подано множество ходатайств от жителей разных осетинских селений с просьбой дозволить переселиться в Кубанскую область. Писали жители Кадгарона (130 семейств), Нарского общества – 41, Тамиска – 9, Садонского прихода – 10, Мамисонского – 41, селения Стыр-Дигорского – 1 и Кани – 12, всего 289 семейств. Но все получили отказ. Начальник Кубанской области ответил: «Не представляется возможности разрешить какое-либо переселение не только 200 семействам, но и 45 дворам, живущим в Даргавском ущелье»². Царское правительство дало новое указание кавказской администрации заселять Кубанскую область главным образом русскими переселенцами, которые, по его мнению, превратившись в военно-казацье сословие, смогут стать надежным оплотом империи. Переселение из Осетии в Кубанскую область прекратилось.

Таким образом, переселение на Кубань, как это было ясно с самого начала, не могло сколько-нибудь существенно уменьшить острый земельный голод осетинского крестьянства.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 58, л. 32.

² Там же, лл. 8–9.

Образование новых осетинских поселений на Осетинской равнине и в районе Моздока

Прежде чем говорить о характере и формах переселения осетин на Осетинскую равнину и в Моздок в пореформенный период, необходимо хотя бы в общих чертах объяснить изменения, происшедшие в политике правительства в этом вопросе.

В 40–60-е гг. горная Осетия выпадает из поля деятельности как кавказской, так и местной администрации. Считая вопрос подчинения горной Осетии после экспедиции Абхазова окончательно решенным, кавказское начальство находило совершенно излишним предпринимать какие-либо шаги во изменение существующих порядков среди горцев. Вся деятельность военной администрации в Осетии вплоть до конца XIX в. была сосредоточена на плоскостной ее части.

Заселение казачьих станиц и удаление значительного количества осетинского населения, проведение точного учета всей плоскостной земли, введение на плоскости общинного землепользования и наделение на этой основе земель существующих аулов, раздельное поселение алдар и баделят от простого народа и христиан от магометан – вот далеко не полный перечень деятельности кавказской администрации в Осетии в начале пореформенного периода.

В 1876 г. правительственными органами вообще было запрещено переселение осетин с гор на плоскость¹. Фактически власти начали тормозить переселение еще в конце 60-х гг.

К этому времени население Осетии составляло 78 тыс. человек, из которых на плоскости проживало 49 тыс., остальные 29 тыс. оставались в горах. Невольно возникает вопрос: могла ли Осетинская равнина вместить оставшееся в горах население? Да, могла, – отвечали в один голос исследователи аграрного вопроса в Терской области. В Осетии «есть земли, – писал Г. Цаголов, – которые ждут приложения труда. Есть свободные казенные земли, почти мало используемые земли казачьих станиц. Есть, наконец, земли частных владельцев»². Площадь этих земель составляла почти 50 процентов всего земельного фонда плоскостной Осетии³.

Но на земли, которые свободно могли разместить и прокормить горцев и на которые законно претендовали осетины, царская администрация «строжайше» запретила переселяться. Они ей нужны были для создания будущего колонизационного фонда⁴.

Для самого плоскостного осетинского населения правительственные органы создали такие условия землепользования, что оно от гостеприимного отношения к новым переселенцам с гор постепенно перешло к открыто-враждебным действиям к горцам в конце XIX в. Введение в плоскостных аулах в конце 60-х гг. общинного землепользования и наделение аулов земель соразмерно числу дворов в них заставили плоскостных жителей

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 71, д. 19, лл. 67–69.

² Цаголов Г. Нагорная полоса Терской области. «Кавказский вестник». 1902. № 4.

³ Дзюкаев К. Х. Экономическое развитие осетинского крестьянства. С. 8.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 309, оп. 1, д. 16, лл. 17–18.

безжалостно отказывать новым выходцам с гор в разрешении подселиться к их аулам. «Общества сих последних селений, – говорится в документе, – первоначально, в силу свойственного туземцам гостеприимства, относились к новым поселенцам дружелюбно, не препятствовали их водворению. С течением же времени, по случаю естественного увеличения коренного населения и формального отвода плоскостным селениям точно определенных земельных наделов, коренные жители начали сами стесняться в поземельном довольствии, и потому просьбы лиц, самовольно водворившихся там, о выдаче им приемных приговоров не только были отклонены обществами, но они стали просить содействия начальства о выселении пришельцев или в места их приписки, или туда, откуда они родом»¹. Между тем, население горной Осетии продолжало «жить в поразительной бедности в своем патриархально-родовом быту». Переселение значительной части (больше половины) осетин на равнину не принесло заметного улучшения для оставшихся здесь, в конце 70-х гг. 3421 семейства. Горная Осетия продолжала оставаться «краем беспросветной нужды», где, по меткому выражению большого знатока жизни горцев Г. Цаголова, природа и социально-общественные условия жизни «заключили между собой союз, чтобы возможно сильнее придавить человека».

Горная Осетия становилась основным резервом дешевых батрацких рук. Безземельные и малоземельные горцы ранней весной покидали свои горные аулы и уходили на равнину, где они батрачили до поздней осени на полях помещиков и кулаков. Здесь они эксплуатировались в самых разнообразных отраслях сельского хозяйства: пахали, боронили, пололи, жали и молотили кулацкий хлеб; косили и собирали в стога сено, а осенью ломали, свозили и молотили кукурузу. И только в начале зимы батрак возвращался к себе в горы с навьюченным на осле кукурузным зерном, полученным за свой изнурительно рабский труд.

Привозимый хлеб далеко не обеспечивал даже полуголодное существование семьи батрака, у него не оставалось выхода, кроме как бежать с семьей на плоскость. Описываемое тяжелое положение горского крестьянства в пореформенный период хорошо изображено в одной из статей газеты «Голос Кавказа»². «Аул Тамиск, – говорится в статье, – производит страшное впечатление по внешнему виду. Деревянные дома на курьих ножках едва прикрыты соломой, без окон и печек. Околица заросла мелким кустарником. Кругом лес. Не видно ни коровы, ни телка. Но еще печальнее он по внутреннему содержанию: в антигигиенической обстановке валяются в лохмотьях маленькие дети, больные мужчины и женщины, престарелые старики. Хроническое голодание, болезни и нищета заедают несчастных жителей. Причиной этой полунищенской жизни является малоземелье или, вернее, безземелье. Над Тамиском полновластно царит постоянная нужда в насущном хлебе... К этому общему бедствию необходимо прибавить ежегодно возрастающие арендные цены. Увеличиваются и расходы на общественные нужды. Раскладка в Тамиске колеблется от 12–25 руб. на дым». Описывая далее, как все 50 подростков аула остаются без школы, все жители без медицинской помощи, автор заключает: «В силу такого поло-

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 5.

² «Голос Кавказа». 1907. № 6.

жения жители Тамиска ежегодно, с наступлением весны, отправляются на плоскость, где одни арендуют клочки земли, другие ищут заработков во время полевых работ.

Они являются поденщиками и батраками, при полном отсутствии понятия о рабочем дне и правильной нормировке заработной платы. За самую нищенскую плату работают от зари до зари... Разве нужны еще комментарии для того, чтобы ясно понять и почувствовать весь ужас развертывающихся картин горской жизни?!» Жизнь в Тамиске – типичная картина жизни всех аулов горной Осетии в пореформенный период.

Чтобы избавить население в горах от голодной смерти, нужно было переселить большую его часть на плоскость, значительно разредить плотность народонаселения. Горская земля в силах была прокормить только 12 процентов наличного количества жителей, а 88 процентов составляло избыточное население.

Следует отметить, что переселение с гор на равнину не прекращалось ни на один год. В 40–60-е гг. XIX в. оно совершалось отдельными семьями или группами семейств, связанных между собой родственными узами. Такие выходцы с гор обычно подселялись к какому-нибудь плоскостному аулу, где проживали их однофамильцы или бывшие их одноаульцы, образуя отдельные кварталы или отселки. Образовывать новые плоскостные аулы из выходцев гор власти запрещали. Благодаря этим переселенцам количество жителей существующих плоскостных сел из года в год росло.

Нижеприведенная таблица роста числа населения нескольких селений красноречиво подтверждает это.

№ п/п	Название сел	Количество дворов				
		1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.
1.	Ардон	115	149	205	288	302
2.	Салугардан	80	98	102	131	209
3.	Дарг-Кох			49	136	266
4.	Суадаг	70	142	158	201	304
5.	Кадгарон	42	69	78	125	380
6.	Заманкул		48	57	128	206
7.	Дур-Дур	110	147	249	252	298
8.	В. Христиановское				267	449

Уже было сказано, что в те годы горцы еще переселялись свободно. Земли на плоскости еще были, и коренные плоскостные жители без ущерба для себя пускали новоприбывших подселяться к аулам. Переселение на плоскость в последующие годы протекало совершенно в иных условиях и сопряжено было со значительными трудностями для горцев-переселенцев. Циркуляр № 300, изданный в 1876 г. областным начальством, запрещал какое-либо переселение из горных аулов без специального разрешения самого начальника области. Прежде чем обратиться к областному начальству за подобным разрешением, горец должен был запастись «увольнительным приговором от своих обществ и приемным приговором от общества, куда он собирался переселиться».

Для горца получить «увольнительный приговор» не представляло большой трудности, общества горных аулов с радостью выдавали их одноауль-

цам. Гораздо сложнее было добыть «приемный приговор». За 30 лет (70–90-е гг.) таких случаев во всей Осетии было всего несколько десятков, и то в большинстве своем тогда, когда житель плоскостного селения соглашался принять на свой семейный пай общественной земли брата, отца или другого близкого родственника.

И все же в 70-е гг. переселение горцев на плоскость совершалось, причем в больших размерах. Переселялись осетины, не ожидая разрешения, и без всяких приемных листов. По данным М. Кипиани, в 80-х гг. XIX в. из нагорной полосы на равнину выселилось 327 дворов: из Даргавского ущелья – 130, из Санибанского – 80, из Хидикусского – 83, из Махческого – 67 и из Донифарского – 17¹.

Прибывшие на таких началах на плоскость, естественно, не имели права претендовать на земельные участки наряду с коренными жителями. Истратив свои последние гроши на покупку нескольких квадратных сажен земли у землевладельцев и обзаведясь на ней жилищем самого простейшего типа, переселенцы нанимались в качестве батраков к этим же землевладельцам.

Горцы, которых жители равнинных осетинских сел не приписывали в свои ряды, получали название «временнопроживающие». Эту категорию людей коренные жители имели право выгнать из села в любое время. Администрация не только не препятствовала этому, но и всячески поощряла такие шаги. «Сельские общества как хозяева своих наделов вправе делать то, что им заблагорассудится»².

О численном составе временнопроживающих ни на одном из этапов их существования нет точных статистических данных, но не подлежит сомнению, что количество лиц этой категории все время росло. На основе тщательного анализа различных документов и источников можно назвать следующие цифры: в 1867 году их было 180 дворов; в 1880 – 806; в 1900 – 1506.

О мытарствах горцев, живущих на правах временнопроживающих в плоскостных селениях, жители гор знали. Поэтому, не желая испытывать горькую участь своих братьев, многие осетины хотели переселиться на плоскость только «законным порядком» – по разрешению начальства.

В 1867 г. группа жителей Даргавского ущелья обратилась в областное управление с просьбой «о дозволении им переселиться на жительство в разные плоскостные селения или на дачу Чернореченскую Владикавказского лесничества под названием «Рухс дзуар», расположенную на берегу реки Гизельдон, против участка «Салбегата», площадью 200–300 дес.»³. Разумеется, ответ был категоричный – земли Владикавказского лесничества принадлежат казне, и заселение казенных земель «туземцами совершенно невозможно».

Через четыре года даргавцы опять возобновили свою просьбу. На этот раз в декабре 1871 г. 45 дворов подали прошение начальнику Владикавказского округа о разрешении «переселиться на жительство в Кубанскую область»⁴. В течение года ждали даргавцы ответа на свое прошение, но так и

¹ Тедтоев А. А. Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии. Дзауджикау, 1952. С. 29.

² «Новое обозрение». 1897. № 4677.

³ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 79, л. 9.

⁴ Материалы по истории Осетии. Т. III. Дзауджикау, 1950. С. 21.

не получили. В марте 1872 г. они опять обратились с этой же просьбой к начальнику области. В 1873 г. пришел долгожданный ответ. «Просьбу эту е. п. начальник Терской области находит не заслуживающей уважения, так как она истекает не из действительных нужд в поземельном довольствии...»¹

Тогда даргавцы решили собрать последние копейки и общими силами купить землю на плоскости. Так и сделали. В начале 1879 г. доверенные даргавцев во главе с Темром Фидаровым² купили у кабардинских князей – поручика Ислама и юнкера Ельмурзы Анзоровых 612 дес. земли на левой стороне р. Урух по 25 руб. за дес.³

Переселение на купленные земли совершалось в августе 1880 г.⁴

Купленная земля оказалась вовсе не такой, какой рисовалась она в воображении горцев. Анзоровы продали осетинам из Даргавса самые плохие земли. Весь купленный участок был засорен бурьяном и кустарником. Князья никогда не пользовались им ни под пахоту, ни под покос. Дикая земля, веками не знавшая человеческих рук.

Не теряя времени, горцы стали строить свои шалаши. За короткое время на левом берегу р. Урух, в том самом месте, где соединились две маленькие родниковые речушки, появилось более 40 плетеных домиков, накрытых сеном или соломой.

Так на самой северной окраине плоскостной Осетии, в 1880 г. появилось еще одно селение, основателями которого были 45 дворов осетин из горного Даргавса. Даргавцы назвали свое селение Быдыры Дæргъæвс (Степной Даргавс), на карту же Осетии оно было нанесено под названием Средний Урух.

Среди даргавских переселенцев были: Кудзэг и Дзыкуз Сасиевы, Темир, Тота, Каурбек, Мацко, Темболат, Дрис, Дола, Инус, Хазимат Байматовы; Леван, Ахберди, Дзибо, Адлгирей, Габоца, Галау Кантемировы; Афако, Дзабо, Дзли, Мосе, Дрис, Каурбек Рамоновы; Дзабо, Садула, Магомет, Илас, Михаил, Темир, Темболат, Алимурза, Ельзаруко, Александр, Бдзи, Бицко Фидаровы; Бибо, Дзабо, Кудзиса, Дотти Дреевы; Камбол, Темиркан, Ибрагим Дзарасовы; Кудаберт, Ибрагим Теджиевы; Тотык, Темиркан Алборовы; Андрей, Тепсарико, Элдарио Джигиловы; Габац, Бцела, Гадо Блиевы; Темир, Дзидзо, Хакьяс Кодзаевы; Кавдын, Габо, Гаити Бадтиевы; Садула, Магомет Тменовы; Темиркан, Касполат, Камболат Кумалаговы; Будзи, Темир, Сандро, Додто, Беслан Мамсуровы; Азамат Бердиев; Григорий, Бобоц Цихиловы; Маир, Какус, Крымсолтан, Ахмат, Дзахот Дзуццевы; Кылцыко, Габла, Дзодза, Бекза, Ельбздыко Сугаровы; Мока, Дзиу, Темир Кудасовы; Галау Хабаев; Камбол, Асхмат Токаевы; Крым Цирихов и другие⁵.

В последующие годы в Кабарде купили землю более 400 осетинских семейств. 90 дворов поселились в слободе Нальчик; 40 – в с. Коголкино; 100 – в с. Хату Анзорова; 16 – в хуторе Бзарова; 6 – в хуторе Кадиева и 56 дворов – в хуторе Ходова⁶.

¹ Материалы по истории Осетии. Т. III. Дзауджикау, 1950. С. 21.

² Темр Фидаров был участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вернувшись, он стал инициатором покупки земли и переселения на плоскость.

³ Материалы по истории Осетии. Т. III. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, д. 12, лл. 1–58.

⁶ Там же, ф. 224, оп. 1, д. 95, лл. 1–7.

Через несколько лет после сел. Средний Урух жителями Тагаурского ущелья на земле Гизельской казенной дачи было основано еще одно плоскостное осетинское селение – Новая Саниба.

Обстоятельства, которые заставили царскую администрацию выделить горцам участок казенной земли, были следующие. В 1889 г. по всей горной Осетии прошли сильные ливни и град, причем главная сила грозы разразилась над Санибанским приходом. Жители Санибанского ущелья вообще отличались своей исключительной бедностью. «Хлеба у них не хватает, – констатировала администрация. – Земли их расположены на страшных уклонах и требуют значительного удобрения и каторжного труда. Близость (соседство) с одним из величайших ледников Кавказа – Казбекским, является причиной более сурового климата этого ущелья, что очень неблагоприятствует для хлебных полей. Ранние морозы и ливни уничтожают все живое. Из 17 горных приходов, бедствующих от малоземелья и суровости природы, санибанцы занимают первое место»¹.

После ливней и града 1889 г. жить здесь стало вообще невозможно. Все хлебные поля вместе с готовой жатвой были размыты и уничтожены, мельницы и мосты унесены водой, дома залиты, дорога снесена до основания, сообщение с плоскостью было прервано или осуществлялось пешим путем по выучным тропинкам. Стихийное бедствие, обрушившееся на голову жителей Санибанского ущелья, вызвало сочувствие всего осетинского населения. Общества многих плоскостных селений решили принять в ряды коренных жителей несколько десятков семейств из Санибанского прихода.

Сами же санибанцы умоляли власти выделить им участок земли в Гизельской лесной даче. Высшая кавказская администрация сжалилась и обратилась с ходатайством в Министерство государственных имуществ.

Министерство положительно решило ходатайство, разрешив в 1890 г. отвести в северной части Гизельской лесной дачи Терской области «надел 242 дворам Санибанского прихода 726 дес., то есть по 3 дес. на двор»².

Когда власти объявили санибанцам это решение, радости не было конца. «Малоземельные санибанцы, – доносил начальник участка в областное управление, – с великой радостью прочитали на сходе весть о наделении их... участком земли 726 дес. при самом выходе из их сурового ущелья на плоскость». Весной 1891 г. началось выселение санибанцев. В том же году на новом участке уже заняли усадьбы более 20 домов, которые положили начало основанию сел. Новая Саниба (Салбегат).

Но радость санибанцев была недолгой. Вскоре по вине «доброго» начальства начались такие мытарства, о которых санибанцы даже и не догадывались.

Не принимая во внимание страшную эпидемию холеры 1892–1893 гг. в горах, не обращая внимания на то, что невозможно в 1–2 года переселить 242 семейства, построить столько же домов, что невозможно осуществить без затраты десятков тысяч рублей, которых у горцев, кстати, не было; не принимая, наконец, в соображение и природные условия переселения (с мая по август из ущелья не было дороги), начальство категорически требовало немедленного переселения всех санибанцев.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 95, лл. 1–7.

² Там же, д. 50, л. 5.

А в марте 1893 г. управляющий государственными имуществами области приказал начальнику Владикавказского округа запретить дальнейшее переселение санибанцев на этот участок. «Ныне такое переселение не может быть уже допущено, – говорилось в приказе, – так как участок этот предназначен для других целей». В том же 1893 г. чины Владикавказского лесничества «начали употреблять открытую силу» против беззащитных горцев. Из жалобы самих жителей видно, что зимой 1893 г. лесная стража «повыгоняла из помещений на стужу недавно переселившихся с малолетками, а помощник лесничего, неизвестно с чьего разрешения, опечатал двери при постройках вышеозначенных семейств и дворов, 10 принуждено было бросить свои постройки и переселиться обратно в горы»¹.

Санибанцы заволновались. Возмущенные такими издевательствами, они собрались на общий сход и написали жалобу в центральное правительство. Нарушение прав санибанцев было настолько очевидным, а произвол властей настолько неприглядным, что царское правительство, всегда и во всем поддерживающее местные власти, на этот раз вынуждено было одернуть терскую администрацию и выступить в поддержку санибанцев. Правда, ответ из Петербурга пришел только... через три года, в 1897 г. В этом году на участке «Салбегат» уже было 50 дворов санибанцев, а еще через год – 90. Среди первых поселенцев в Н. Санибе можно назвать: Бодзи Дзугаева, Эльберда Амбалова, Александра Кундухова; Эльберда Гадзиева, Илонка, Тепсаруко Пухова, Ельбуздуко Айларова; Цпу Берозова; Казихана Кадзиева; Ивана Дзугаева; Габо Сидакова; Бекза Царахова; Татаркана Кокаева; Тебо Губиева; Пси Бугулова; Хатахцико Фидарова; Дзабо Таутиева и др.²

Не меньшей силы были стихийные бедствия в 1889 г. в Алагирском ущелье, в районе Наро-Мамисонского прихода и в Душетском уезде Южной Осетии. Здесь сильные ливни и град сопровождались землетрясением, в результате чего разрушились дома, а посевы были полностью уничтожены. Горцы вышеупомянутых районов Осетии оказались в страшном бедственном положении. Потоки голодных беженцев из Наро-Мамисона хлынули на плоскость. Никакими полицейско-административными мерами их нельзя было остановить. В поисках куска хлеба и пристанища они скитались по плоскостным селам. В одном только Владикавказе осело более 79 семейств.

О стихийных бедствиях в Наро-Мамисонском приходе и Душетском уезде кавказская администрация также сообщила в центральное русское правительство. В марте 1890 г. по специальному указу царя осетинам Наро-Мамисонского прихода и Душетского уезда (69 дворов), оказавшимся в наиболее бедственном положении, был отведен на постоянное поселение участок казенной земли под названием «Архиерейский» вблизи г. Моздока, в 575,5 дес.³.

Ответственным за поселение осетин на отведенном участке в феврале 1891 г. был назначен атаман Пятигорского отдела полковник Чиков.

Он заставил наро-мамисонцев дать расписки, что к весне 1892 г. они переселятся. Горцы данное в расписках обещание не выполнили. Тогда их

¹ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 50, л. 6.

² Там же, лл. 7–8.

³ ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, д. 46; ф. 11, оп. 62, д. 1671, лл. 17–18.

предупредили, что если они не переселятся к 1 мая 1893 г., то потеряют право на эту землю и «вместо них будут поселены другие семейства осетин горных селений».

Как ни категоричны были требования властей, наро-мамисонцы никак не могли совершить быстрое переселение на Архиерейский участок, отдаленный от их горных жилищ более чем на 150–200 км.

К 1893 г. переселилось всего 20 семейств и 4 семейства безземельных осетин, не вошедших в первоначальное число 69 дворов, но получивших право на переселение на этот участок позднее. Это семьи: Джена и Хатах-цико Гусовых, Давида и Василия Дзидаевых.

В 1895 г. областное начальство официально разрешило селиться на «Архиерейском» участке и другим горцам. К 1896 г. на этом участке, как доносил полк. Чиков, проживало 28 семейств: Сандро Кокаева; Афанасия Касаева; Георгия Читаева; Сослана Караева из Душетского уезда; Сандро Хубецова; Наркау Дзанаева; Николая Хубецова; Парнаса Дзиеова; Георгия Шавлохова; Давида Хетагурова; Николая Баллаева; Козьмы Цуциева; Степана Хубецова; Тотерзан Гаджиева из Хидикусского прихода; Урузбека и Кавдына Дулаевых; Тимофея, Дмитрия, Андрея, Харитона, Гаврила Гусовых; Гаеза и Каурбека Тебиевых; Андрея, Бориса и Федора Дзокаевых; Захи Калоева из Хидикусского прихода; Даурмистхана Джезалова; Инуса Дибаева из Ламар-дона; Темирко и Георгия Дзибаевых; Зарахмата, Ельзарко, Гасия и Росе Калоевых из Закинского прихода¹.

Семейства эти поселились на косогоре, образовав недалеко от казенного леса хутор. Хутор находился от г. Моздока в 6 верстах и граничил с востока с 141 участком, заселенным моздокскими хуторянами, с юга – с казенным лесом Сафонова, а с запада и севера – с моздокским городским выгоном. Поселенцы дали своему хутору название «Веселый».

При поселении в хуторе Веселом осетины наделялись землею на каждый двор не более 300 кв. саж. под усадебные места, 600 кв. саж. под огороды и не более 2 дес. под распашку.

В последующие годы сюда же переселились: Мзюковы, Аладжиковы, Тотиевы, Дзасоховы, Туаевы, Гаджиевы, Ахполовы, Каргиевы, Джидзаловы.

Официальной датой основания Веселого принято считать 1893 г.², хотя, как мы знаем, осетины здесь уже жили с 1891 г. В 1901 г. хутор Веселый был преобразован в село того же названия и в нем уже проживало 80 дворов³.

Образование новых плоскостных сел в Дигории в пореформенный период проходило несколько иначе. После отдельного от баделят поселения вольных дигорцев-адамихатов христиан в В. Христиановском и магометан в В. Магометановском в личной и поземельной зависимости баделят оставалось 635 дворов дигорских крестьян, в том числе: у Тугановых – 149 дворов, у Кубатиевых – 205; у Абисаловых – 158; у Караджаевых – 47; у Чегемовых – 7; у Кабановых – 20; у Битуевых – 43 двора⁴.

Они должны были отбывать в пользу баделят крайне тяжелые как личные, так и поземельные повинности. Но царская администрация скоро убедилась, что «черный» народ долго не будет терпеть. В 1853 г. 30 дворов

¹ ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, д. 46.

² Там же, ф. 11, оп. 62, д. 1671, л. 18.

³ Там же, оп. 5, д. 4219, л. 63.

⁴ Там же, ф. 29, оп. 1, д. 10, л. 7.

хехесов в прошении к наместнику Кавказа просили разрешить им переселиться от своих владельцев Тугановых и Кубатиевых в В. Христиановское. «Так как просители не дигорского племени, а алагирского, то е. п. главнокомандующий не дозволил им поселиться в отведенной земле дигорских христиан»¹.

В том же году другие 38 дворов просили разрешения переселиться на муртазовские земли «или на плоскость Алагира». В декабре 1859 г. они опять просили главнокомандующего переселить их «на какое-либо место», если же нет, то «разрешить переселиться в Турцию».

Как упорно ни игнорировали царские администраторы просьбу «простых» дигорцев, хехес и лезгорцев, им все же пришлось заняться устройством поземельного быта указанных сословий. «Дигорские крестьяне сплошь вооружились, чтобы истребить без исключения всех баделят, и только скорые и строгие меры бывшего пристава есаула Теремца, – доносил пристав Масловский, – помешали исполнению замысла дигорцев»².

Власти начали искать место для 40 дворов лезгорцев на землях Большой Кабарды, а для хехесов – в Кубанской области. Хехесы отказались тогда от переселения в Кубанскую область, а лезгорцам в 1865 г. было выделено 150 десятин в муртазовских владениях.

Переселение лезгорцев на этот участок происходило постепенно. Первыми сюда перешли жить 12 семейств, из которых большинство были Хаевы, поэтому поселок, который они образовали на левом берегу р. Лескен, назывался Хаевским. Затем в 1866–1867 гг. здесь же обосновалось 24 семьи из бывшего аула Кабанова: Муссы Гегиева; Ильяс Комехова; Кабола Царикаева; Аслануко, Гамата, Тугана; Анзора, Кубади Кабалоевых; Дату Кебекова; Какая Чехтисова; Кабола Сехинаева; Кучука Галадиева и др. В 1882 г. в Хаевский поселок переселились семьи Хаджимета Надгиреева, Тотырбека Тотоева, Хаджумара Дзагурова, а несколько позднее еще 42 двора, предварительно купившие у кабардинских землевладельцев Тембота и Хату Анзоровых участки земли в количестве 500 десятин, а затем в 1889 году еще 152,5 дес. – у Умара Коголкина³. Тогда же сюда переселились Асановы, Макоевы, Имлахановы, Караевы, Адаевы.

В декабре 1893 г. поселок Хаевский был преобразован в селение и получил название Лескен⁴.

Лескенцы были бедны. Вся имеющаяся земля использовалась ими под пахоту. Пастбищ и выгонов почти не было⁵. В своей просьбе разрешить им пользоваться поляной «Драгун марта» и «Караджаевской дачей» лескенцы писали о том, что испытывают «большой недостаток в пастбище, через что даже птицу держим на веревке»⁶.

В 1876 г. начальник Терской области генерал Свистунов утвердил проект наделения землей хехесов и «простых» дигорцев. В этом проекте говорилось: «55 дворов христиан поселить в Христиановском ауле, 15 дворов магометан водворить в Магометановский аул, остальные 42 двора христиан

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 18, л. 10.

² Там же, д. 30, л. 3.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1657, л. 56.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 57.

⁶ Там же.

и 77 дворов мусульман и ренегатов поселить за Урухом на участках лит. В. Д. Е., в одном или двух отдельных селениях»¹.

Во исполнение этого проекта в том же году областным управлением был командирован землемер Иванов, который и отмежевал хехесам указанный участок из земельных излишков баделят.

На этом участке предполагалось водворить 158 дворов. Переселилось же в 1876 г. только 112 семейств, в том числе 72 двора (Гогкунаевы, Дзалаевы, Кардановы, Секинаевы, Хамицаевы, Гергиевы, Иналовы, Макоевы, Екаевы, Абаевы, Муриевы, Тедеевы, Цалиевы, Цебоевы) из селения Дур-Дур; 10 дворов (Бесоловы, Гагиевы, Едзаевы, Зангиевы, Кайтуковы, Созаевы, Соховы) из селения Урсдон; 7 дворов (Таболовы, Хациевы, Хосроевы) из селения Синдзикау; 16 дворов (Басиевы, Темировы, Макеевы, Гамаевы, Салказановы, Тандуевы) из селения Кора и 6 дворов (Башилаевы, Гамозовы, Зантуевы) из селения Караджаева². Вновь образованное селение на левом берегу р. Урух было названо «Ново-Урухом»³.

Через год, в 1877 г., из горного селения Цагат Хынцаг сюда переселились семейства Касая, Бибо, Анзора, Хата, Муссы, Кавдына и Тасо Албеговых; в 1881 г. – 9 дворов Хаевых из Стур-Дигоры. В 1884 г. в Н. Урухе поселилось 15 дворов (Карацевы, Фарниевы, Тменовы, Мамсуровы, Токаевы, Тхостовы, Зокоевы, Варзиевы) из Даргавского и Даллагкауских приходов. В последующие годы сюда переселилось еще 65 семейств из Стур-Дигоры.

Так как и христиане и магометане были поселены в одном селении, то вскоре между ними «не стало миру». Христиане требовали от властей и владикавказского епископа удалить из селения всех магометан, а последние, в свою очередь, настаивали на изолировании их от христианских жителей. Обстановка в Новом Урухе к 1891 г. настолько накалилась, что областное начальство по настоянию владикавказского епископа в 1892 г. вывело все магометанские семейства из Нового Уруха и поселило их на правом берегу реки Урух, почти напротив Нового Уруха. Так возникло новое селение – Дзагелбарз или Теккаевское.

В 1903 г. в плоскостной Дигории возникло еще одно селение – Разбун. Основателями его были изгнанные Тугановыми жители селения Дур-Дур Дафа Татеев, Дзабе Зураев, Башино Секинаев, Царай Туаев, Бекмурза Дзаникосов, Гавдун Цебоев, Царай Икаев, Умар Сабанов, Навак Кодзасов, Хуасау Скаяев, Смаили Бериев, База Кабалоев, Габи Тедзоев, Бата Вазагов, Дафа З-коев, Харис Магомедов, Дзахо Малиев⁴.

Дело в том, что указанные крестьяне в Дур-Дуре пользовались поляной Кабанты будур, или Худзух. Чтобы прибрать богатые земли этой поляны к рукам, землевладельцы Тугановы при помощи «фальшивых данных и полицейскими мерами» в 1903 г. выселили этих жителей на поляну Разбун, «где они, употребив, по их словам, все имевшиеся материальные силы, купили у Кубатиевых 135 дес. 1200 кв. саж. почти неудобной земли»⁵ и основали на этой земле селение, получившее название «Разбун».

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 81, д. 103, л. 4.

² Там же.

³ Там же, лл. 5–15.

⁴ Там же, оп. 9, д. 5617, л. 18.

⁵ Там же.

Купленной земли для всех жителей села не хватало. Разбунцы жили в нищете. «Материальное наше положение с семействами находится в самом жалком, почти плачевном виде, – жаловались они в 1906 г. начальнику области. – Мы, предвидя свою неминуемую гибель, должны переносить голодные страдания и погибнуть. С приходом весны все готовятся к земледелию, мы же, 709 рабочих душ, в слезах оплакивая свою будущность, сложа руки должны сидеть. Крайность нашего положения, – заканчивали разбунцы свое печальное повествование, – вынуждает нас просить вашего заступничества»¹. Начальник области, в заступничество которого так верили несчастные разбунцы, не соизволил даже ответить.

Во второй половине XIX в. в равнинной части Алагиря и Куртата новых селений не появилось, хотя переселение горцев на плоскость из этих ущелий шло с такой же интенсивностью, как и раньше. Гонимые нуждой и голодом, жители указанных горных ущелий оседали не только в плоскостных селах на Осетинской равнине, но и переходили в Моздокский район, в Кабарду и Кубанскую область. Такое же положение наблюдалось и в других ущельях.

Таким образом, несмотря на то, что царское правительство и его кавказская администрация во второй половине XIX в. не считали больше нужным дальнейшее переселение осетин на равнину, а в 1876 г. вообще запретили подобное переселение, осетины-горцы продолжали переходить на жительство в Моздокский район, в Малую и Большую Кабарду, где образовалось до 33 осетинских поселений (сел, хуторов, выселков). Даже в Кубанской области в 1870 г. появилась колония из жителей горной Осетии.

В самой Осетии из безземельных горцев образовался новый класс временнопроживающих, защита интересов которого становится с конца XIX в. главной заботой революционно-демократической интеллигенции.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5617, л. 19.

ПРОЕКТЫ КАВКАЗСКОЙ И МЕСТНОЙ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ ЖИТЕЛЕЙ НАГОРНОЙ ПОЛОСЫ В НАЧАЛЕ XX в.

Деятельность Абрамовской землеустроительной комиссии

Земельная реформа, проведенная в 60-х гг., была половинчатой. Она коснулась лишь равнинной части области. Что же касается нагорной полосы, то по воле высшего кавказского начальства разбор земельных отношений здесь был оставлен до неопределенных времен. До начала первой русской буржуазно-демократической революции царизм и его кавказская администрация упорно игнорировали горский вопрос несмотря на то, что он составлял предмет самой обостренной общественной борьбы в продолжении всего пореформенного периода.

Робкие попытки местных властей поставить на очередь дня вопрос землеустройства жителей нагорья в 1871, в 1879–1883 и в 1887–1905 гг. только демонстрировали их неумение и нежелание решать серьезно вопросы, имеющие жизненно важное значение для огромного количества населения. Различные проекты, при этом составляемые, не удостоивались даже внимания со стороны кавказских наместников; сдавались в архивы и вскоре о них забывали.

В конце XIX в. в Осетии разворачивалось мощное аграрное движение, в основе которого лежало широкое недовольство горского крестьянства, требовавшего от властей положить конец «пустословным обещаниям» и наконец наделить его землей путем переселения на плоскость. Начальник Терской области в 1899 г. не без тревоги доносил кавказскому наместнику, что вопрос о земельном устройстве жителей нагорной полосы назрел настолько, что всякое промедление в разрешении его представляется более чем нежелательным. «Скорейшее окончание горского вопроса, – продолжал он, – имеет кроме того решающее значение в смысле поддержания порядка и спокойствия в крае»¹.

Следует отметить, что сама администрация не решалась отрицать факт исключительной нищеты и тяжелейшего экономического положения горского населения в Осетии. Она не отрицала также, что в основе всего лежало безземелье в горах. «Общее заявление жителей горных приходов в Осетии, – признавал помощник начальника области генерал Смекалов, – заключается в жалобе на недостаток земли, подкрепляемый просьбами о сокровенном желании переселиться. Нельзя не согласиться с основательностью приводимых горцами доводов»².

¹ Цит. по кн.: Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1968. С. 212.

² ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 53, д. 173, л. 45 об.

Граф Воронцов-Дашков, назначенный Николаем II в 1905 г. наместником на Кавказе, несмотря на свой махровый консерватизм, вынужден был считаться с реальной обстановкой в крае. Зная о крайнем недовольстве горского крестьянства малоземельем и боясь аграрных волнений, он несколько раз выступил с широковещательными заявлениями об упорядочении земельного быта. Чтобы отвлечь горцев от революции, он обещал, что правительство в недалеком будущем приступит к практическому решению земельного вопроса в нагорной полосе Терской области.

В своем секретном докладе правительству Воронцов-Дашков землеустройство горцев назвал одной из неотложных задач «в высочайше вверенном ему крае». Особо выделяя горную Осетию, «где тысячи дворов являются безземельными», он ходатайствовал о распространении на осетин действий Крестьянского поземельного банка.

Приведя данные о норме пахотной земли на душу по отдельным ущельям Осетии, Воронцов-Дашков вынужден был констатировать, что «наличное количество собственных пахотных земель у горных осетин далеко не удовлетворяет насущных потребностей их, хлеба со своих полей не хватает на прокормление во многих приходах даже на 1/2 года, а в некоторых селениях собственного хлеба не хватает даже на 1 месяц»¹.

Наместник не отрицал, что горцы кроме малоземелья страдают от чрезмерных расходов на аренду, на хлеб, пастбища и сено, а также от высоких, непосильных налогов. Вся сумма годовых затрат, свидетельствовал он, «на продовольственные нужды, на кормление скота и на денежные повинности у горцев достигает колоссальной цифры – 263 872 рублей».

Об «ужасающей нищете» в горных аулах Осетии писали и газеты. Так, официальный орган Терской областной администрации «Терские ведомости» накануне и в период первой русской революции печатали целые страницы, посвященные в той или иной степени аграрным неурядицам горского населения области. «В ущельях Осетии, – писала газета, – гнездятся точно в орлиных гнездах нищие горцы, поражающие случайного гостя своим умением существовать при наличии самых скудных средств... Жизнь их дала бы прекрасный материал читающей публике о возможных пределах сокращения потребностей человека и степени напряжения физических сил»².

В начале XX в. аграрное движение в Осетии создало довольно напряженную обстановку. Борьба за землю на почве острого малоземелья приняла крайние формы, о чем свидетельствовали восстания крестьян в Дур-Дуре и Гизели. В острейшей схватке столкнулись интересы горского крестьянства и местных эксплуататоров. Горцы захватывали лесные поляны, самовольно распахиwały частновладельческие участки, косили сено.

Такая обстановка была характерной и для других округов Терской области. В 1903 г. начальник области в своем циркуляре вынужден был констатировать наличие большого количества жалоб «частных лиц и представителей казны о самовольных захватах землевладений». При этом, указывая далее начальник области, «полиция не проявляет должной активности по защите прав владельцев и казны... Позволю себе надеяться, что умелым и твердым исполнением полицией своих обязанностей устранятся те

¹ ЦГА СО АССР, ф. 52, оп. 1, д. 7, л. 29.

² «Терские ведомости». 1906. 2 февр.

насильственные захваты и самоуправные завладения, которые составляют одно из самых больных мест здешнего землевладения»¹.

Однако напрасно уповал начальник области на полицейские меры. Революционная борьба горского крестьянства за землю в 1905–1907 гг. приняла невиданные масштабы. Участниками этой борьбы становились жители даже самых глухих, отдаленных от местных центров горских аулов. В основе ожесточенной классовой борьбы горских трудящихся в годы первой русской революции лежала вопиющая неустроенность их аграрной жизни.

Правительство и его кавказская администрация, чтобы разрядить недовольство горских народных масс, приступили к «практическому» решению земельного вопроса в обширных горных районах Терской и Кубанской областей. В административных кругах вынуждены были признать, что от разрешения земельного вопроса в нагорной полосе будет зависеть обеспечение безопасности во всем крае. В марте 1906 г. во Владикавказе была создана и начала свою деятельность специальная землеустроительная комиссия. Комиссия эта была составлена из числа ведущих кавказских чиновников – «специалистов аграрной жизни туземцев». Председателем ее Воронцов-Дашков назначил юрисконсульта Кавказского Военно-Окружного совета Абрамова, отсюда само название – «Абрамовская комиссия».

В приказе главнокомандующего возлагалось на комиссию множество задач, из которых главными были: исследовать экономическое положение населения нагорной полосы области и составить проекты с конкретными мерами по улучшению его быта путем обязательного землеустройства.

К практическим работам комиссия приступила в апреле 1906 г. Первоначально планировались одновременные работы в двух областях, но затем было признано целесообразным завершить работу прежде всего в Терской области, а затем в Кубанской. Забегая вперед, отметим, что Абрамовская комиссия проделала большую работу по детальному сбору на месте статистического и другого материала, обследовав сотни осетинских, балкарских, чеченских и ингушских селений. Эти данные комиссии являются до настоящего времени самым ценным и, пожалуй, единственным материалом по вопросу освещения земельных отношений жителей нагорной полосы Северного Кавказа накануне Октябрьской социалистической революции.

Открытие Абрамовской комиссии местным населением и его передовой общественностью было встречено положительно. Пока она собирала нужные ей сведения в нагорной полосе, горцы «воспрянули духом, они встретили учреждение комиссии с большим энтузиазмом, справедливо полагая, что наконец, после полувекового ожидания, правительство пришло к ним на помощь, приступило к окончательному устройству их земельного быта»².

Комиссия проработала в Терской области более двух лет и выпустила в 1908 г. свои «Труды» и землеустроительные проекты.

В первом проекте определялись права на землю сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежащих к этим обществам. Во втором проекте определялся порядок решения спорных поземельных дел между сельскими обществами, группами селений, частными лицами или казной. В третьем проекте были изложены правила о размежевании земель и земле-

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 62.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 9, лл. 150–151.

устройстве крестьян нагорной полосы. В этих проектах доминировало мнение большинства комиссии (в том числе и самого председателя). В них вся горная земля, как и плоскостная, признавалась государственной собственностью и администрации предлагалось отобрать ее у частных владельцев.

Таким образом, все 3 проекта были построены на отрицании за местным населением права собственности на земли, на стремлении обратить эти земли в казенные, а горное население – в государственных крестьян. По мнению Абрамова, основанием для такого разрешения земельного вопроса было якобы опасение, что с признанием права собственности на землю увеличится число малоземельных и безземельных.

Так грубо ломался весь освященный традициями и обычаями порядок землевладения и землепользования горцев. Отменялась всякая земельная собственность в нагорной полосе. Земля здесь, по существу, отчуждалась государством.

Все население области было возмущено результатами работы комиссии Абрамова. В Осетии она вызвала широкие протесты со стороны всех слоев осетинского общества. «К сожалению, – писал современник, – после окончания деятельности комиссии разочарование горцев было полное... Труды ее не только не внесли успокоения, но, наоборот, вызвали в народе крайне жгучее возбуждение»¹.

В адрес наместника Кавказа, начальника окружного штаба, начальника области и других посыпались протесты и жалобы. Посылались депутатии во Владикавказ и Тифлис с требованием отменить проекты комиссии. На имя самой комиссии в числе прочих поступили коллективные возражения и от 11 приходов горной Осетии: Садонского, Архонского, Дагомского, Мизурского, Донифарского, Салугарданского, Зарамагского, Нарского, Галиатского, Махческого и Стур-Дигорского. В этих заявлениях население соглашалось с комиссией в признании казенными земель, бывших во владении привилегированных лиц. Эти земли оно всегда считало насильственно захваченными у сельских обществ. Что же касается других земель, то горцы требовали оставить их в прежнем состоянии.

Откликнулись на труды Абрамовской комиссии и общественность, и официальная и либерально-буржуазная пресса. С протестом от имени 2939 дворов осетин-горцев в 1909 г. в печати выступил публицист и общественный деятель А. Гассиев². Появились специальные брошюры, статьи в центральной и местной печати, в которых проекты ее подвергались разбору и ожесточенной критике.

Итоги деятельности комиссии стали предметом довольно шумной дискуссии и в административных кругах. Одни хулили, другие защищали ее проекты. Такая разноречивость в оценке трудов комиссии проявилась и при обсуждении их в октябре 1909 года в Общем присутствии Терского областного правления. Этот орган областной администрации после долгих споров и дискуссий так и не решился утвердить их и решил вопрос в диаметрально противоположном смысле. Все земли нагорной полосы были признаны собственностью горского населения.

Такая же участь ждала проекты комиссии при обсуждении их на засе-

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 9, л. 150.

² «Кавказ». 1909. 29 янв.

даниях Особого совещания, образованного в Тифлисе под председательством генерала Н.П. Шатилова в 1910 году. И здесь участники совещания не были единодушны в оценке; большинство отвергло их. Особое совещание само выступило со своим проектом решения земельного вопроса в нагорной полосе Терской и Кубанской областей. Правда, этот проект не нашел поддержки в высших административных кругах Кавказа. Кавказского наместника, как заметила газета, больше «увлекал абрамовский способ решения проблемы».

Таким образом, с 1905 по 1910 г. было «выработано целых пять противоречащих друг другу проектов: проект Особого совещания, состоявшегося в Тифлисе в 1905 г., проекты комиссии Абрамова 1908 г., проект Общего присутствия Терского областного правления 1909 г. и проект Особого совещания, образованного в городе Тифлисе под председательством генерала от инфантерии Шатилова»¹. В следующие годы повторилось то же самое. Земельный вопрос обсуждался то на одном совещании, то на другом. В 1911 и 1912 г. в Тифлисе снова состоялись «особые» совещания по вопросам землеустройства горцев Северного Кавказа. Первое было созвано в марте самим наместником. На втором председательствовал член Государственного совета сенатор Никольский. По личному указанию Воронцова-Дашкова в Тифлис были вызваны представители от заинтересованных народностей, чтобы лично выслушать их мнение по поводу Абрамовского проекта землеустройства крестьян нагорной полосы. На совещание прибыли: от осетинского народа – Г. Баев, от балкарского – помощник присяжного поверенного Б. Шаханов, от чеченского – Т. Чермоев и другие. Разумеется, данное совещание в таком составе не могло и действительно не приняло ни одного решения в интересах горского крестьянства. «Вышеперечисленные лица, вызывавшиеся в Тифлис для решения жизненного вопроса о наделении горцев землей, слишком далеко стояли от интересов народа. Это были представители национальной буржуазии»².

Все материалы по данному вопросу вместе с протоколами тифлисских «особых» совещаний были представлены на рассмотрение вновь образованного межведомственного совещания в Петербурге под председательством А.А. Риттиха. Данное совещание высказалось за признание земель нагорной полосы казенными и подлежащими выкупу горцами.

Наконец, проект был направлен в 1913 г. в Государственную думу, но законодательной санкции не получил.

Таким образом, в период революции 1905–1907 гг., когда возникла прямая угроза самому существованию политического строя, правительство и его органы на Кавказе во главе с графом Воронцовым-Дашковым, стремясь усыпить бдительность народных масс, обмануть горцев, выступили с лицемерными обещаниями неуклонного их землеустройства.

За относительно короткое время были созданы землеустроительные комиссии, созывались без конца так называемые особые совещания на самых различных уровнях. Объединенные единой целью – создать в глазах населения видимость аграрных преобразований в области, комиссии и совеща-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 104, л. 26.

² Гриценко П.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 54.

ния, не сделав ничего полезного для народа, внесли еще больше путаницы в существующие земельные отношения.

После поражения Первой русской революции работа всех этих землеустроительных учреждений, как и следовало ожидать, стала сворачиваться. Горцы Терской области так и не были наделены долгожданной землей. Больше того, все горные общинные пастбища, сенокосы и другие угодья были объявлены собственностью казны.

Благие надежды, возлагаемые горцами на землеустроительные комиссии, не сбылись. После революции они все больше и больше убеждались в несоответствии между тем, что обещали правительственные органы в деле устройства их земельного быта, и аграрной программой правительства в послереволюционное время. Столыпинское аграрное законодательство, проводимое в жизнь исключительно в интересах кулачества, явилось новым бедствием для безземельных и малоземельных горцев. Стремление кавказской администрации предотвратить в крае новые революционные выступления со стороны местного крестьянства не достигло цели, ибо не были устранены причины, обостряющие земельный вопрос в Терской области, в том числе и в Осетии. В области и после революции 1905–1907 гг. имели место проявления открытого недовольства рабочих и крестьян. Начальник области в 1913 г. с тревогой констатировал, что «слишком большие оттяжки землеустройства... вселяют в горское население недоверие к русской власти»¹.

Попытка комиссии Г.А. Вертепова и князя Г.Н. Макаева разрешить проблему временнопроживающих. Образование новых осетинских равнинных селений в 1900–1917 гг.

Проблема временнопроживающих возникла чисто на осетинской почве и отражала одно из своеобразий аграрного вопроса в Осетии. Создала эту проблему сама же царская администрация, а точнее выражаясь, она явилась следствием антинародной аграрной политики царизма на Северном Кавказе.

Временнопроживающими назывались безземельные крестьяне, переселившиеся с гор на равнину без разрешения администрации и подселившиеся к разным плоскостным селениям без права пользования общественной аульной землей. К 1914 г. в Осетии насчитывалось около 15 тысяч таких крестьян.

Власти в разное время по-разному относились к ним. В 70-х гг. с начала их появления администрация просто-напросто не признавала их, не желала видеть в них людей. Да и сам вопрос о них стоял еще не так остро. Сами временнопроживающие тех времен кое-как находили выход из положения, в котором оказывались. С трудом, но все же добывали самостоятельно права коренных жителей.

В 80–90-х гг. количество временнопроживающих значительно увеличилось. Не было такого плоскостного селения в Осетии, где бы ни насчитывалось до двух-трех десятков, а то и больше таких семейств. Разумеется, плоскостное население не в состоянии было без значительного ущерба сво-

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 9, л. 150.

ему земельному довольствию обеспечить их имеющейся аульной землей. Послереформенные условия землепользования и землевладения рано или поздно должны были создать неразрешимый антагонизм между коренными жителями осетинских селений и самовольно подселившимися безземельными горцами, то есть временнопроживающими. Между ними стали возникать споры, земельные тяжбы, ссоры. Сельские сходы под нажимом сельских властей и сельской верхушки один за другим стали принимать решения об отказе таким подселенцам в земле и требовать от начальства изгнания их из села. Уже в 80-х гг. участились случаи избиения временнопроживающих, погромов их жилищ.

Одновременно и временнопроживающие стали беспокоить администрацию. В ее адрес все чаще и чаще стали поступать устные и письменные жалобы. На первых порах они просили защиты от произвола сельских властей, помочь им прописаться в том или ином селении. Местная власть всячески игнорировала их просьбы и жалобы. Она закрывала глаза, когда они подвергались многочисленным гонениям, когда сельские богатеи обращались «с ними как с существом низшего порядка и придерживались правила: гони, топчи, уничтожай сколько можно»¹.

С середины 80-х гг. администрация решила применить крутые меры. Только не в отношении гонителей временнопроживающих, а как раз против них самих. В 1884 г. начальник области генерал Юрковский издал циркуляр «О выселении всех временнопроживающих к местам коренного их жительства», то есть в горы. Вся окружная администрация была поднята на ноги.

Исполняя этот приказ, начальники участков обязали сельских старшин «в непродолжительный срок» составить посемейные списки всех временнопроживающих, после чего их по одному стали вызывать в сельские правления и принуждать давать расписки, что в течение полутора месяцев они выселятся обратно в горы². В противном случае хозяйство и жилище подвергались уничтожению и разграблению.

Насильственное изгнание временнопроживающих в горы, откуда они буквально бежали от голодной смерти, всколыхнуло всю Осетию. В адрес окружного и областного начальников посыпались жалобы и протесты. Наивно объясняя постигшее их несчастье очередными кознями местных приставов и сельских старшин, временнопроживающие требовали оградить их от подобного насилия. Сельский старшина, писали из Христиановского, «обязывает теперь нас подписками к обратному переселению на прежнее место в течение полуторамесячного срока, через что каждый из нас, в такое горячее время броса на произвол полевые работы, является по требованию старшины в сельское правление к даче требуемых подписок... Такое переселение наше к местам коренного жительства явно будет сопряжено с разорением и голодной смертью наших малолетних детей, так как в горах мы совершенно не имеем ничего»³.

Учитывая то обстоятельство, что многие временнопроживающие переселились с гор давно, 5–10 лет тому назад, потеряли с прежним местом

¹ «Терские ведомости». 1894. № 61.

² Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 39.

³ Там же, л. 38.

всякую экономическую связь и там не осталось у них ни хозяйственных, ни жилых построек, нетрудно себе представить, на какие новые страдания обрекали их власти, насильно выселяя обратно на прежние места жительства. Временнопроживающие Ольгинского с тревогой сообщали начальнику области: «...к выселению нас полицейскими мерами на места своих жилищ назначен недельный срок... Перед нами мучительный вопрос – где мы должны будем жить, когда в горных аулах помимо земельных наделов и никакой оседлости не имеем и жители горного населения не имеют излишних строений, где бы можно было нанять квартиры для семьи, имущественного скарба и скота»¹.

В своем прошении, они умоляли начальника области не переселять их обратно в горы. Они изъявляли готовность отбывать воинскую повинность «даже без вынуждения жребия», а если начальству будет угодно оставить их здесь на плоскости, даже жить «в казачьем сословии», «даже готовы подвергнуться ссылке, нежели терпеть крушение всех жизненных надежд».

В защиту временнопроживающих подала свой голос и тогдашняя передовая общественность. В местной и кавказской печати появился ряд корреспонденций. В них ставился вопрос: «За что?» Вместо того, чтобы облегчить положение этих многострадальцев, помочь найти наконец-то постоянное пристанище, администрация организовала настоящую травлю их. «Областная администрация, забронировав себя указом Сената 21 апреля 1889 г., неизвестно по какому случаю и при каких условиях изданному, но только издан он для крестьян внутренних губерний, ничего общего не имеющими с туземцами Терской области, отказывается даже от всякого нравственного воздействия на сельские общества»².

Кавказское начальство, по инициативе которого по существу началось насильственное выселение временнопроживающих, вынуждено было «одернуть» терскую администрацию. Из Тифлиса в 1893 г. поступило указание, что выселению отныне подлежат только те лица, которые «изъявят добровольное на то пожелание». Зато были приняты все надлежащие меры к тому, чтобы временнопроживающие больше не беспокоили административные учреждения своими письмами. Было сообщено, что отныне никакие прошения и жалобы с их стороны окружным начальством и выше приниматься во внимание не будут и будут оставаться «без последствий». Мало того, когда в 1897 г. временнопроживающие с. Тулатова обратились с жалобой к начальнику области генералу Каханову на сельские власти, прося его вернуть им имущество, отобранное у них старшиной за неуплату непосильных сборов и предназначенное к продаже с аукциона, им не только было отказано в просьбе, но «строго были проучены». Просителей «за неосновательные прошения, неоднократно подаваемые высшему начальству и во избежание траты времени и труда по рассмотрению, арестовать на трое суток каждого»³.

Областная администрация строго указала участковым начальникам, чтобы они предупредили осетин, временнопроживающих в плоскостных селениях, что «подаваемые от них прошения будут оставляемы без рассмотрения, а

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 19.

² ЦГА СО АССР, ф. 270, оп. 1, д. 23, л. 31.

³ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 58, л. 17.

сами просители будут арестовываемы каждый раз с увеличением срока ареста за вновь подаваемые прошения»¹.

Под давлением сельской верхушки во многих селениях сходы приняли решения, запрещающие детям временнопроживающих посещать школы. Социальные верхи села клеймили позором человека, который изъявлял желание жениться на дочери временнопроживающего. Без разрешения сельских властей последний не имел права даже накрыть черепицей свой уже построенный дом.

На стыке двух веков – XIX и XX, хозяйственно-экономическое и правовое положение временнопроживающих еще больше ухудшилось. Не добившись права пользования землями наравне с коренными жителями в уже существующих плоскостных селах, временнопроживающие стали просить, требовать наделить их на плоскости свободными казенными землями для образования на них новых поселений.

В указанное время различные административные учреждения округа, области и края были забиты подобными просьбами. В архивохранилищах отложились объемистые тома, составленные из жалоб, прошений и письменных заявлений. Временнопроживающих не останавливали ни официальные запреты, ни угрозы, ни преследования и аресты, ни прямые расправы. С просьбами обращались отдельные семьи, группы семейств. Накануне Первой русской революции в движении временнопроживающих появились известные признаки консолидации и сплоченности. Вошли в практику межсельские сходы временнопроживающих, на которых обсуждали общие и злободневные для всех вопросы, составлялись коллективные прошения. Среди временнопроживающих появились свои вожаки, которые чаще всего выступали в роли доверенных, посредников между администрацией и временнопроживающими. Обыденными стали случаи, когда временнопроживающие нескольких соседних селений оказывали моральную и материальную помощь той или иной семье в трудное время: при постройке жилья, во время похорон, и т. д. В селлах объявлялись сборы денежных средств в пользу многодетных семей и семей, потерявших кормильцев.

Хочется отметить, что борьба временнопроживающих за свободные казенные земли в пределах Осетинского округа была исключительно тяжелой. На первых порах местные и краевые власти и слушать не хотели о землеустройстве горцев. На их многочисленные просьбы следовал один и тот же ответ: в пределах округа нет ни одной десятины свободной земли. Власти продолжали упорно отрицать право за временнопроживающими требовать землю, беззастенчиво утверждая, что недовольство этой категории осетинского населения даже для нее самой «безотчетно и ни на чем не основано и никакого отношения к земельному вопросу» не имеет².

В условиях широкого аграрного движения в Осетии, накануне и в период Первой русской революции, временнопроживающие крестьяне приобрели значительную силу и влияние.

Начальник Владикавказского округа весной 1904 г. в специально составленной докладной записке с нескрываемой тревогой сообщал начальнику области, что «продолжительное игнорирование с нашей стороны вопроса

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 58, л. 17.

² ЦГА СО АССР, ф. 270, оп. 1, д. 23, л. 30.

о землеустройстве так называемых временнопроживающих во вверенном мне округе накопило в них горы злобы и неприязненности». Что все это «в наступившие тревожные времена может повлечь крупные беспорядки, последствия коих предвидеть невозможно»¹.

Начальник округа убедительно советовал выступить перед временнопроживающими с какими-то обещаниями, «скажем, о предстоящих землеустроительных работах». Вскоре на страницах газеты «Терские ведомости» такая идея действительно стала упорно муссироваться. «Циркулируют слухи о том, что в скором времени во Владикавказе откроет свои действия землеустроительная комиссия, которая обследует вопрос об устройстве земельного быта горцев, временнопроживающих в плоскостных осетинских селениях», – писала газета в июле 1905 г.

Сам же начальник области генерал Колюбякин обратился с «убедительным ходатайством» к вышестоящему начальству. Он просил кавказского наместника возложить на учреждаемую в скором времени землеустроительную комиссию для горной полосы Терской области и вопрос о временнопроживающих.

Для графа Воронцова-Дашкова, как и для всей его администрации, проблема временнопроживающих была не нова. За последние два-три года в Тифлисе получили до 87 различных жалоб, прошений и телеграмм от временнопроживающих, кроме того, к наместнику за это время приезжало из Осетии около 13 делегаций от них. Ему же, кавказскому наместнику, было переправлено для принятия мер из Петербурга 9 жалоб, которые писали осетины на имя Николая II и его правительства.

В сентябре 1905 г. в Тифлисе под председательством тайного советника Медведева состоялось особое совещание по вопросу землеустройства жителей нагорной полосы Терской и Кубанской областей. На него и было возложено рассмотрение и обсуждение вопроса об устройстве поземельного быта горцев, временнопроживающих в плоскостных осетинских селениях Владикавказского округа². Участники совещания ознакомились с содержанием всех ходатайств, поступивших в управление наместника по этому вопросу. Они пришли к выводу, что временнопроживающие в плоскостных селениях должны быть устроены на свободных казенных землях Терской области, и предложили возложить это землеустройство на особую комиссию. В декабре начальник области получил распоряжение из штаба Кавказской армии: образовать в самом непродолжительном времени такую особую комиссию.

Особая комиссия, призванная землеустроить временнопроживающих в Осетии, собралась на свое первое заседание 3 марта 1906 г. в составе советника областного правления Г.А. Вертепова (председатель), лесного ревизора С.И. Балкова, капитана М.Т. Сергеева, таксатора Е.И. Отченашенко и делопроизводителя Михайлова.

В существующей литературе деятельность этой комиссии до сих пор не нашла подробного освещения. Поэтому считаем нужным рассказать о комиссии Вертепова более подробно, проанализировать ее работу и указать на то значение, которое имела она на решение земельного вопроса в Осетии в начале нашего столетия.

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 75, л. 9.

² Там же, лл. 1–18.

Комиссия работала недолго. В июле 1906 г. она представила начальнику области свои проекты по землеустройству временнопроживающих в Осетии¹.

За сравнительно короткое время комиссия составила посемейные списки временнопроживающих по месту их жительства, обойдя все плоскостные селения одно за другим. Подробно были обследованы семь лесных дач, составлены планы и карты на них, намечены места образования новых селений.

Количество всех временнопроживающих в плоскостных осетинских селениях в 1905 г. достигло 12 196 человек (около 1980 дворов). Комиссия их разделила на несколько групп: водворившиеся в селениях на общественных наделенных землях; поселившиеся на владельческих участках; поселившиеся в г. Владикавказе и слободе Алагир выходцы из других губерний и областей и т. д.

Социально-экономическое положение каждой из перечисленных групп было неодинаковым. В самом критическом положении находились временнопроживающие, водворившиеся на сельских общественных землях и совершенно безземельные кавдасарды, кумаи и бывшие холопы, освобожденные от крепостной зависимости еще в 1867 г., но не наделенные до сих пор землей и проживающие в поселках, расположенных на участках помещиков Тугановых, Кубатиевых, Дударовых, Тулатовых.

Комиссия Вертепова с самого начала планировала землеустроить всех временнопроживающих, но когда был подсчитан размер свободных площадей, которыми она может распорядиться, то получилось значительное несоответствие между количеством временнопроживающих и наличной свободной казенной земель. Комиссия избрала принцип подушного распределения земли, причем размер душевой нормы был принят тот же, что у коренных жителей осетинских селений, то есть четыре с лишним десятины. Исходя из этого, комиссия вынуждена была заявить, что наделить землей возможно лишь 1/3 часть всех временнопроживающих, то есть наиболее нуждающуюся (482 семейства).

Одним из сложных был вопрос, где и как поселить временнопроживающих. Комиссия считала, что «бытовые условия и удобство административного управления требуют, чтобы они были устроены в пределах национальной территории осетин, то есть во Владикавказском округе»². Но обследование земель округа показало, что почти все земли Осетинской равнины, пригодные для земледельческой эксплуатации, уже отмежеваны давно в надел сельским обществам, частным собственникам и казачьим станицам. Лишь лесные опушенные поляны могут служить пахотными и сенокосными угодьями. Но эти поляны в предгорной лесной полосе, окаймляющие Осетинскую равнину, могут удовлетворить нужды безземельных осетин только после лесных расчисток.

Некоторые части этой предгорной полосы представляли собою как бы обособленные участки и по размерам своим и по топографическим условиям были пригодны для образования на них особых поселений с самостоятельным земельным наделом. Другие тянулись довольно узкой полосой вдоль предгорий и не имели удобных мест для расположения на них хуто-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5614 в, л. 215.

² Там же, л. 165 об.

ров и поселений, а потому могли быть отведены временнопроживающим только в качестве прирезков к прилегающим сельским наделам.

В частности, удобным для отвода под особые поселения комиссия признала часть Гизельской лесной дачи, включая урочища Тагузбарз, Уаллаг и Даллаг Саппыта, Скатцагат, Уолмардты кулдым, Сырх фаткью рагь, Майрамадаг, Дзанико, Хьараты кулдым, Базджинтаг площадью 1886 дес. и часть Бирагзангской лесной дачи площадью 500 дес., в том числе урочища Суадаг, Саудаджирабын, Хурджынком, Тапан. Из остальных дач по размерам своим оказалась более подходящей для отвода под особое поселение только часть Магометановской лесной дачи площадью около 1300 дес. с урочищами Цойтимара, Ахсарисар, Габаты Рахастан, Даргтаг, Хусараджиком, но обилие мочежинников и крутые, скалистые, почти недоступные берега р. Урух, на которой только и можно было бы расположить поселок, делали эту дачу более пригодной для отвода в дополнительный надел Магометановскому селению. Жители селения сами просили об этом, выражая готовность принять в качестве коренных жителей всех временнопроживающих¹.

В Алагирской лесной даче довольно значительное пространство, около 1000 дес., с урочищами Майрамыком, Хазыматы касан, Лагатырдуз, Марыардуз, Змисджынком, Фасалджин, Кабахуат как по рельефу местности, так и по качеству почвы могли бы составить хороший надел для отдельного поселения. «Здесь уже теперь без всяких расчисток имеются прекрасные пахотные и сенокосные поляны, – свидетельствовала комиссия, – а вся остальная площадь покрыта редколесьем и кустарниками, очень удобными для расчистки»².

Однако единственным местом для устройства здесь поселка могли служить только берега р. Црау, которая, к сожалению, текла по земле, принадлежащей Алагирскому серебро-свинцовому заводу. Земля эта, состоящая из нескольких смежных участков, занимающих в общей сложности 900 дес., осенью 1905 года как совершенно ненужная заводу была возвращена казне и теперь сдавалась местным жителям в аренду³.

Из других заводских угодий можно было бы отвести осетинам выгонную землю в размере 750 десятин. «Если эти два участка, – писал Вертепов, – изъять из ведения горного ведомства и присоединить к прилегающей части Алагирской лесной дачи, то получится свыше 2000 десятин, чрезвычайно удобных для отвода безземельным осетинам под особое поселение на р. Црау».

Член комиссии, обследовавший указанные места в мае месяце 1906 г., был буквально ошеломлен красотой црауской земли. «Это какой-то волшебный степной уголок, всецело охватывающий человека сладким очарованием... Весной и летом – это травяное море, усеянное бесчисленными цветами»⁴.

Что касается других лесных дач, то, как отмечала комиссия, Ардонская дача с урочищами Кодахджин, Хаталдон, Кумауырагь, Фарвком, Дурджинком, Дзигурты хоскарстыком площадью около 400 дес. и Заманкульская с урочищами Барзтаг, Уаладжирьтаг, Асако, Уалмардты рах площадью около 300 дес. могут помочь делу землеустройства временнопроживающих толь-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 270, оп. 1, д. 23, л. 33.

² Там же, л. 33 об.

³ Там же, ф. 11, оп. 8, д. 5614 в, л. 176 об.

⁴ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 84, л. 69.

ко в качестве дополнительных прирезков к прилегающим юртовым наделам плоскостных селений на условиях приписки к ним временнопроживающих с правом пользования земельным наделом наравне с коренными жителями¹.

Распределяя временнопроживающих, нуждающихся в немедленном землеустройстве, по вышеупомянутым участкам казенной земли, комиссия стремилась в каждом предполагаемом населенном пункте «соединить лиц по возможности близких между собою по происхождению, религии и родству, а также принимала во внимание близость и удобство переселения»².

Землеустройство временнопроживающих комиссия допускала только после того, как все дадут расписки, что отказываются от всяких прав на свои родовые и наделные земли в горах и от всяких вообще притязаний на достояние тех сельских обществ, членами которых они были до переселения³.

Таким образом, общим итогом работы особой комиссии Вертепова должно было стать землеустройство 31,9 процента общего количества временнопроживающих в Осетии за счет наделения их свободными казенными землями. Разумеется, это была полумера, потому что подавляющее большинство этой категории осетинского крестьянства, более 68 процентов, оставалось неустроенным, а значит, обрекалось на дальнейшее бесправное и нищенское существование.

И все же решение земельного вопроса для 1/3 части временнопроживающих несомненно было спасительным актом. «Работа комиссии г. Вертепова возродила в нас давно угасшие надежды»⁴, — писали временнопроживающие из с. Веселого.

Однако вскоре дело приняло неожиданный для временнопроживающих и самой комиссии Вертепова оборот, явно свидетельствующий об упорном нежелании кавказской администрации разрешить один из самых болезненных вопросов тогдашней Осетии. Высшая краевая администрация почему-то осталась недовольной деятельностью комиссии. Проекты комиссии по землеустройству временнопроживающих поступили к Воронцову-Дашкову, который вместо того, чтобы отозваться с похвалой и утвердить их, подверг деятельность комиссии «довольно обидному упреку, утверждая, что она работала впустую, занималась вовсе не тем, чем следовало бы, совершенно напрасно расширив программу своих действий»⁵, и приказал запросить мнение Абрамова, председателя комиссии по землеустройству жителей нагорной полосы области: не нарушают ли означенные проекты общего плана работ возглавляемой им комиссии и как он полагал бы устроить в земельном отношении названную категорию крестьян?

Абрамов выступил против этих проектов. Он в конце лета 1906 г. побывал в Тифлисе и убедил Воронцова-Дашкова в том, что указанные проекты существенно могут нарушить общий план работы горской комиссии, состоящей под его председательством и прежде всего потому, что предлагаемые казенные земли для устройства временнопроживающих служат земельным фондом не только для наделения последних, но и для всего

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5614 в, л. 174 об.

² Там же, ф. 280, оп. 1, д. 28, л. 34.

³ Там же, ф. 11, оп. 9, д. 5614 в, л. 178 об.

⁴ Там же, л. 180.

⁵ Там же, л. 212.

населения горной зоны Осетии. И, наконец, он считал, что со времени его комиссии как плоскостное, так и горное население, дескать, уже успокоилось, и вопрос о временнопроживающих якобы потерял свою злободневность. В силу этого он просил не проводить проекты Вертепова в жизнь, а вопрос о временнопроживающих передать его комиссии. «Ибо, – писал он в штаб войск округа, – приступив теперь же без всякой системы и какой-либо плановости к устройству временнопроживающих и отведя им весь имеющийся запасной фонд казенных земель, комиссия тем самым закроет путь к землеустройству остального населения осетин, проживающих в горах, где имеется масса совершенно безземельных горцев, и все предположения моей комиссии сведутся к нулю»¹.

Абрамов намеренно вводил в заблуждение наместника и его администрацию, беззастенчиво утверждая, что резкое обострение отношений между коренными и временнопроживающими жителями в Осетии «ни на чем не основано и никакого отношения к земельному вопросу не имеет. Земельный вопрос тут ни при чем»², – утверждал он.

И хотя Вертепов несколько позже составил наместнику довольно подробную объяснительную записку с целью «снять с комиссии упрек, совершенно незаслуженный ею», Воронцов-Дашков остался непреклонным. Более того, он приказал передать все материалы о временнопроживающих в распоряжение горской комиссии. Абрамов же, обсуждая их на одном из заседаний своей комиссии, сделал все, чтобы практическое претворение проектов комиссии Вертепова заморозить и отложить на неопределенные времена.

Материалы переходили из одного учреждения в другое, годы шли за годами, а дело о землеустройстве временнопроживающих не сдвигалось с мертвой точки.

К 1908 году вопрос о временнопроживающих настолько обострился, что мог вызвать новое широкое аграрное движение в Осетии. Временнопроживающие поняли, что царские чиновники «вместо серьезного решения вопроса играют в кошки-мышки». Почти каждый день отправлялись на имя начальника области и наместника Кавказа письма и телеграммы. Писали из Ногкау, Салугардана, Христиановского, Шанаева, Ольгинского, Хумалага, Дарг-Коха, Кадгарона, Тулатова. Временнопроживающие Ардона в 1908 г. давали шесть раз телеграммы в Тифлис. В одной из них они писали: «Умоляем вас об окончании нашего землеустройства... весна прошла, земли нет, детишки голодают, комиссия тянет, конца нет, услышьте голос вопиющих»³.

Летом временнопроживающие всех осетинских селений снарядили к главнокомандующему в Тифлис делегатов, которые вручили коллективную жалобу на Абрамова; доверенные просили наместника изъять вопрос о их землеустройстве из ведения Абрамовской комиссии.

В силу таких настойчивых требований Воронцов-Дашков телеграммой предписывал Абрамову «озаботиться скорейшим разрешением в комиссии вопроса о земельном устройстве осетин-временнопроживающих»⁴.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 270, оп. 1, д. 23, л. 31.

² Там же, л. 30.

³ Там же, д. 26, л. 37.

⁴ Там же, д. 23, л. 29 об.

Осенью 1908 г. Абрамовская комиссия закончила свои работы. Это вызвало новую бесплодную переписку о временнопроживающих между терской администрацией и правлением кавказского наместничества. За это время выдвигались различные варианты. Кавказский наместник то предлагал начальнику области «добиться добровольного согласия» плоскостных сельских обществ принять в свою среду означенные 482 семейства временнопроживающих, то передавал решение этого вопроса самой администрации.

Наконец, в 1909 г. во Владикавказе вновь открылась комиссия под председательством князя Макаева, старшего помощника начальника Владикавказского округа. Она должна была дополнить труды комиссии Вертепова, собрать новые данные о временнопроживающих, определить точные границы казенных лесных дач, предполагаемых к отводу для временнопроживающих и т. д. и т. п.

Макаевская комиссия работала до 1913 г. За это время ей удалось претворить в жизнь то, над чем работала комиссия Вертепова. В основу всей деятельности она положила все проекты по земельному устройству временнопроживающих, составленные комиссией Вертепова. Допущены были только незначительные отклонения. Во-первых, при наделении временнопроживающих землей был принят душевой надел, равный не 4,16 дес., а 3. Во-вторых, произошло отклонение в вопросе, кого из временнопроживающих куда поселить. Далее, в связи с тем, что все плоскостные селения отказались приписать к себе временнопроживающих, даже с условием прирезки к их земельному наделу дополнительных участков, комиссия Макаева решила создать не 3 новых селения, как планировал Вертепов, а 6. По существу, на всех казенных участках.

Образование этих поселений, переселение сюда жителей было долговременным. Временнопроживающие хотя и стремились поскорее обосноваться на новых местах и готовы были вынести любые мытарства, связанные с переселением, годами не могли осуществить свою мечту. Комиссия и администрация чинили всяческие препятствия, начиная от мелких придинок и кончая исключением временнопроживающих из списков.

Вообще-то само переселение на свободные лесные участки началось стихийно. Временнопроживающие ряда селений, уставшие от бесконечных обещаний властей и различных комиссий землеустроить их, сами, не дожидаясь официального разрешения, стали переселяться на Майрамадагский участок Гизельской лесной дачи. Первые домики здесь появились ранней весной 1911 г. Власти несколько раз пытались изгнать переселившихся, но кончилось это тем, что вскоре началось таким же путем заселение других участков.

Так в 1911–1912 гг. в различных районах лесопредгорной зоны Осетинской равнины, появились новые населенные пункты, в основном получившие названия тех урочищ, на которых они основались: Куртат (Нижний Суадаг), Майрамадаг, Ахсарисар, Воронцово-Дашково, Црау, Хаталдон.

В Майрамадаге поселились 16 семейств из с. Гизель (Бибо Калоева, Канимета Кцоева, Дзадзи Дзампаева, Дзантемира Томаева, Ахмета Гумецова, Бадзи Рамонова, Тепсарико Уртаева, Эльдарико Базырова); 8 семей из Ольгинского (Алексея Дзбоева, Бицо Гусова, Тебо Алборова, Темарико Дзуццева, Татаркана Газдаева); 24 семьи из Хумалага (Циу Дзгоева, Дзабо Рамонова, Саломона Бугулова, Тотыра Сикоева, Шамиля Хосроева, Дударико Майрамукаева, Ильяса Фидарова, Муссы Кцоева, Габо Агаева, Хатах-

цико Кудзиева); 34 семьи из Тулатова (Губа Колиева, Дзараха Амбалова, Ахмата Хадикова, Бабе Дзгоева, Дриса Тхостова, Хатахцико Кокоева, Тотыра Мисикова, Левана Тебиева, Ислама Хадарцева) и семьи Газе Мисикова, Мишка Албегова, Хаматкана Цомаева, Елкана Бекузарова из Зилги.

Временнопроживающие с. Шанаева Хатахцико Дзуццев, Джерихан Есенов, Бимболат Жантиев, Керим Кокоев, Исса Мамаев, Бизико Мисиков, Дзарахмат Кобаев, Зараби Царахов, Садулла Цахилов, Инарико Чшиев, Габли Шанаев, Мусса Шанаев (всего 39 дворов), которые по проекту Вертепова должны были переселиться в Моздокский район, также оказались в числе первых основателей сел. Майрамадаг¹.

В сел. Воронцово-Дашково (ныне Комсомольское) были поселены временнопроживающие из Заманкула: Карасе Токаев, Гаги Хадиков, Асланбек Хуцистов, Гетагаз Галаев, Аслангирей Дзиов, Доке Сидаков, Сосланбек Таутиев; из Эльхотова: Дзардак Купеев, Габацы Салбиев, Гетагаз Тохтиев, Боборц Урусов, Касай Чеджемов; из Карджина: Хела Мамиев, Гетагаз Фарниев².

В сел. Црау переселились из Ардона: Тотраз Дзуцев, Кавдин Черчесов, Кайтуко Икаев, Габа Зембагов, Аслануко Вазиев, Мисирико Урумов, Идарико Караев, Гагуз Бесаев, Гисо Акалаев, Иналико Бацоев, Мальсак Хоранов, Аду Цогоев, Сопро Джанаев, Савкуй Сосранов; из Салугардана: Угалук Сапоев, Ельза Челохсаев, Сапсыко Бутаев, Хусина Цопоев, Гадаци Амбалов, Камболат Зангиев, Мацци Джеранов. Переселились сюда и 45 дворов из Дарг-Коха: Тасо Бтемиров, Хату Бекузаров, Алексей Беликов, Тембол Гадзалов, Ельзарико Галабаев, Дахцико Гасиев, Таго Дзанагов, Дзика Дзбоев, Беки Дудиев, Алексей Калагов, Садула Саламов, Бытка Техов, Куда Табеков³.

Основателями сел. Хатаддон были 42 двора временнопроживающих Кадгарона: Ельберд Абаев, Асахмат Дзадзиев, Бизико Кадзиев, Бесагур Караев, Сосланбек Карацев, Афако Кесаев, Леван Тбоев, Мисирби Тотров, Кудзикус Хуцистов, Бибо Гутнов, Цинка Гутнов, Батчери Кцоев, Галау Кцоев, Гацако Цопанов, Газбе Цопанов⁴.

Первыми жителями сел. Куртат стали 24 двора временнопроживающих из Ногкау: Дола Бекузаров, Давка Бритаев, Долатмурза Гайтов, Кавдын Гуриев, Бимболат Елоев Агубе Икаев, Мурзакан Кулов, Бибо Фарниев, Тасо Гуриев, Асламурза Цопанов, Хусина Цопанов⁵.

Любопытно отметить, что, наслушавшись небылиц о землеустроительных комиссиях, жители нагорной полосы Осетии все в больших масштабах переселялись на равнину и пополняли ряды временнопроживающих. С 1905 по 1913 год в плоскостных селениях, по неполным данным, осело около 300 дворов горцев, которые вместе с другими оставшимися неустроенными в земельном отношении «ранними» временнопроживающими до победы Октябрьской революции наивно ожидали получить из рук царской администрации землю.

Несмотря на свою половинчатость и незавершенность, переселение осетин с гор на равнину несомненно было выдающимся явлением, положи-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5614 б, лл. 200–203.

² Там же, л. 204.

³ Там же, л. 206.

⁴ Там же, л. 209.

⁵ Там же, л. 211.

тельные социально-экономические, политические и культурные последствия которого сыграли большую роль в последующих исторических судьбах осетинского народа.

Следует отметить, что в условиях XVIII–XIX вв., в условиях, когда в России господствовал царизм, процесс переселения по вполне понятным причинам не мог быть завершён. Читатель имел возможность видеть, с какими трудностями сталкивались горцы при переселении на плоскость в конце XIX – начале XX в. Самодержавие и его местная администрация официально запретили горцам подобное переселение, создали такие условия на плоскости, которые обрекали переселившихся горцев на бесконечные мытарства. Царизм, его чиновники в течение долгого времени демонстрировали свое неумение и нежелание решить земельный вопрос в обширной нагорной зоне северокавказского края. Советская власть застала этот вопрос в состоянии крайней неразберихи и запутанности.

СОВЕТСКИЙ ЭТАП МАССОВОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ С ГОР НА РАВНИНУ

Победа Советской власти на Тереке и ее первые законодательные акты по аграрному вопросу

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. покончила с самодержавным строем, но не улучшила экономического положения многомиллионного крестьянства. Буржуазное Временное правительство и его органы на местах, по существу, проводили ту же социально-экономическую политику, что и царское правительство – всеми силами защищали неприкосновенность частной собственности на землю. Следовательно, не мог быть решен аграрный вопрос, хотя, как подчеркивал В.И. Ленин, он составлял сердцевину буржуазно-демократической революции в России. Более того, аграрные отношения в период от Февральской до Октябрьской социалистической революции в связи с общей разрухой из-за войны и антинародной аграрной политики Временного правительства еще больше обострялись. Положение крестьянства, в том числе и горского, еще больше ухудшилось. Жизненный уровень его упал еще ниже.

В Терской области органы Временного правительства, в полном соответствии с установками из центра, заявили трудящимся горцам, что не собираются ломать существующий порядок землепользования и землевладения, что окончательное разрешение земельного вопроса предоставляется Учредительному собранию.

Сама жизнь, каждодневная практика убеждала неграмотные, не имеющие опыта политической борьбы горские массы, что при буржуазных органах управления не видать им долгожданной земли. Горцы, что называется интуитивно, стали чувствовать силу большевистской правды. В плоскостных селах и станицах, в горных аулах большевики настойчиво разъясняли сущность антинародной политики буржуазного Временного правительства, его местных органов, а также идущих с ними рука об руку меньшевиков и эсеров. Они призывали крестьян к решительной борьбе против землевладельцев и стоявших на страже их интересов буржуазных органов власти.

Летом 1917 г. в Осетии была создана партия «Кермен», которая под руководством владикавказских большевиков решительно выступила на защиту осетинского крестьянства.

В октябре 1917 г. рабочий класс, возглавляемый партией большевиков, в союзе с крестьянской беднотой сверг буржуазную диктатуру в России и провозгласил Советскую власть. Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила экономическое положение крестьянства, осуществила социалистические преобразования. Был совершен «величайший земельный переворот». На второй день после победы социалистичес-

кой революции Советская власть выступила с историческим декретом «О земле». В нем прежде всего нашла свое осуществление большевистская программа конфискации помещичьих земель и национализации всей земли. Декрет положил начало глубочайшим аграрным преобразованиям.

Ленинским декретом вся земля в стране была объявлена всенародным достоянием и переходила в пользование тех, кто ее обрабатывал. В нем было провозглашено: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть им продаваема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждена»¹.

Помещичья собственность на землю отменялась немедленно и без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и неживым инвентарем, усадьбы, постройки и всеми принадлежностями переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Политика Советской власти в земельном вопросе была направлена на то, чтобы землю получили безземельные и малоземельные крестьяне. Она удовлетворяла требования широчайших крестьянских масс.

Следующим важнейшим актом Советской власти в области аграрной политики были закон «О социализации земли», изданный в феврале 1918 г., и декрет Советского правительства «О комитетах бедноты», принятый в июне 1918 г.

Если декрет «О земле» послужил началом социалистического преобразования всего сельского хозяйства, то вышеуказанные законодательные акты и особенно положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», утвержденное ВЦИК в феврале 1919 г., явились основополагающими партийно-государственными документами, на основе которых перестраивалось сельское хозяйство страны. В них Советская власть сформулировала основные принципы своей аграрной политики, указала необходимость организации крупного социалистического земледелия путем всемерного внедрения коллективных форм ведения сельского хозяйства.

Мероприятия большевистской партии и рабоче-крестьянского правительства по земельному вопросу нашли широчайшую поддержку на местах. Наглядным доказательством этого служила развернувшаяся упорная борьба народных масс за землю в национальных районах. Коренное революционное разрешение аграрного вопроса и постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства здесь также проходило на основе советских декретов и законов. Правда, пишет проф. М.И. Гиоев, «немедленное практическое претворение в жизнь идей декрета «О земле» в национальных районах Северного Кавказа оказалось невозможным. Здесь пришлось еще вести длительную и упорную борьбу с силами внешней и внутренней контрреволюции за установление Советской власти»².

Особенностью Северного Кавказа было наличие здесь наряду с сословно-классовыми и острыми национальными противоречиями, что создавало обстановку, крайне затруднявшую борьбу за победу социалистической револю-

¹ Ленин В. И. Т. 26. С. 286.

² Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе, 1969. С. 62.

ции. Кроме того, слабость большевистских организаций в крае накануне и в период Октябрьской революции привела к тому, что различные буржуазно-националистические и соглашательские партии приобрели сравнительно большое влияние на горские трудящиеся массы.

Окончательно в Терской области Советская власть установилась в марте 1920 г., но уже в ходе борьбы за нее местные партийные и создаваемые советские органы решали непосредственно земельный вопрос, претворяя в жизнь аграрные законы советского государства.

Земельный вопрос как один из главных вопросов был включен в повестку дня уже первого съезда народов Терека. Созвучно с местными национальными условиями и учитывая решающее значение разрешения земельного вопроса для победы и укрепления Советской власти на Тереке, съезд в своей декларации признал: «Земли помещичьи, казенные (а также бывшие удельные и кабинетские), церковные в монастырские с инвентарем живым и мертвым признать принадлежащими передаче в пользование и распоряжение трудового народа без выкупа»¹.

На втором съезде народов Терека в февралс–марте 1918 г. земельный вопрос также подвергался всестороннему обсуждению. И докладчики и выступающие предлагали решать его в полном соответствии с декретом «О земле», с законом «О социализации земли» и другими законодательными актами правительства РСФСР. Съезд отметил, что по размерам землеобеспеченности осетины и ингуши среди других народов области стоят на последнем месте.

Все земли, поступившие в распоряжение областного земельного совета, распределялись на справедливых принципах между всеми жителями области. Для этого была разработана специальная инструкция. Решением съезда на местах, в округах, отделах, районах, селах, станицах, аулах, хуторах создавались земельные отделы при народных советах, в обязанность которым вменялось проведение всех землеустроительных работ².

В решениях второго съезда народов Терека есть ясные указания о том, кто в первую очередь должен получить землю. Согласно утвержденным правилам земель прежде всего наделялись «безземельные горцы, поставленные в самые нечеловеческие условия существования, живущие на скалах и тяжким трудом спасающие себя от голодной смерти»³. По мнению делегатов, именно с гор слышен «громче всего вопль о необходимости коренного пересмотра земельных отношений».

Вместе с тем, в решениях съезда не указывалось, каким количеством земли, на какой срок и на каких условиях должны наделяться крестьяне в области. «Пока не было даже речи, – пишет проф. М.И. Гиоев, – о переселении безземельных горцев на фондовые земли, а это значит, что самые нуждающиеся слои населения получали только минимальное облегчение»⁴.

В соответствии с решениями второго съезда СНК Терской республики 13 марта 1918 г. принял декрет под номером 35 по земельному отделу. Декрет положил начало энергичной работе в республике по проведению в жизнь резолюции Пятигорского съезда и важнейших решений ВЦИК

¹ Съезды народов Терека. Т. I. Орджоникидзе, 1977. С. 50.

² Там же.

³ Там же. С. 187.

⁴ Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. С. 67.

РСФСР¹. Во главе всей Системы земельных органов стоял областной земельный совет, в состав которого входило по два представителя от каждой народности. Съезд поручил областному земельному совету немедленно приступить к выполнению плана справедливого и трудового распределения земли Терской области между трудящимися по принципу социализации. Земельные советы должны были немедленно распределять все поступающие в их распоряжение земли.

На очередном третьем съезде в мае 1918 года с отчетом о проделанной работе по разрешению земельного вопроса выступил народный комиссар земледелия. Съезд полностью одобрил усилия Комиссариата земледелия, направленные на практическое осуществление закона о социализации земли.

Съезд наметил также проведение мелиоративных и агрокультурных мероприятий, признал необходимым стимулирование коллективных форм ведения земледелия (коммун, артелей, сельскохозяйственных товариществ).

Земельный вопрос оказался предметом самого внимательного рассмотрения и на пятом съезде трудовых народов Терека в ноябре 1918 г.. Главное внимание на съезде было уделено всемерному удовлетворению нужд горского малоземельного и безземельного крестьянства. Для выполнения этой программы было выделено из областного земельного фонда свыше 200 тыс. дес., в том числе для удовлетворения нужд горцев-осетин Владикавказского округа – 30 тыс. Было принято также решение об оказании вновь организованным трудовым объединениям крестьян помощи как финансовой, так и посевным материалом и сельскохозяйственным инвентарем.

Все постановления пятого съезда по аграрному вопросу логически вытекали из тех коренных изменений, которые произошли в политической жизни края: укрепление Советской власти на местах, решительный переход горских народных масс на сторону советских органов. В то же время эти решения были прямым продолжением аграрной политики, выработанной на предыдущих съездах народов Терека².

Оценивая историческое значение пятого съезда в осуществлении ленинской аграрной политики, областная газета прямо писала: «Пятый съезд на деле осуществил аграрную реформу»³.

Таким образом, революционные мероприятия партийных и советских органов в Терской республике по проведению глубоких аграрных преобразований в интересах трудящихся горцев и казачества, помимо их значения с экономической точки зрения, имели важнейшее политическое значение. Крестьянство убеждалось в том, что Советская власть является подлинно народной властью, твердо стоящей на страже интересов и прав трудящихся.

Однако начавшиеся после пятого съезда народов Терека аграрные преобразования были приостановлены наступлением контрреволюции. В первой половине февраля 1919 г. Терская республика была занята войсками Деникина. Советская власть на всей территории была ликвидирована, сведены к нулю все революционные преобразования, восстановлены старые порядки. Режим террора и насилия, произвола военщины стали печальной реальностью дня. Земельные отношения оказались в хаотическом состоянии.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 35, оп. 1, д. 3, лл. 3–5.

² Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. С. 109.

³ «Народная власть». 1918. 11 дек.

Создание условий для практического решения земельного вопроса в Осетии. Массовое переселение осетин с гор на плоскость и образование здесь новых населенных пунктов

Более года продолжалась мужественная борьба горских народов с деникинской армией, с порядками, которые насадила контрреволюция.

Окончательно Советская власть в Осетии установилась в марте 1920 г.

В ходе борьбы горцев против врага во многих районах Северного Кавказа возникли революционные комитеты как органы вооруженного восстания. Ревкомы приобрели большую популярность среди трудящихся, которые верили им. Поэтому после освобождения края партия приняла решение придать революционным комитетам юридическую силу. В конце марта 1920 г. был создан Северо-Кавказский ревком. 8 апреля приказом Северо-Кавказского ревкома был создан Ревком Терской области как чрезвычайный орган власти. Несколько позже приказом областного ревкома были созданы окружные ревкомы, в том числе Осетинский окружной ревком во главе с Саханджери Мамсуровым¹.

В дни восстановления хозяйства республики земельный вопрос был предметом особой заботы ревкомов. Ревкомы Осетии приняли самые неотложные меры по обеспечению земель безземельных и малоземельных жителей гор.

В период строительства Советской власти в Терской республике (1917–1918 гг.), хотя и была проделана значительная работа по претворению в жизнь ленинской аграрной программы на местах, тем не менее земельный вопрос в Северной Осетии практически не потерял своей злободневности².

В отчете областного земельного отдела за 1920 г. указывалось, что «земельный вопрос для области является самым болезненным, жгучим, самым животрепещущим и неотложным, требующим немедленного изучения и срочного своего разрешения»³.

И особенно острым он был для нагорной полосы. По характеристике Наркомзема Горской республики к 1920 г. 3/4 всего населения горной Осетии являлись лишними ртами. Горная земля не в состоянии была прокормить эту часть населения, поэтому срочно нужно было ее землеустроить путем переселения на равнину.

В апреле 1920 г. Терский областной ревком издал приказ, согласно которому повсеместно на всей территории области распространялось действие ленинского декрета «О земле», отменялись все аграрные законоположения деникинцев. В соответствии с этим приказом Осетинский земельный отдел приступил непосредственно к распределению бывших частновладельческих земель между безземельными и малоземельными крестьянами горной полосы и равнинной части Осетии.

Землей наделялись в первую очередь временнопроживающие на плоскости. Что касается горцев, то в условиях 1920 г. было принято решение,

¹ Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. С. 128.

² Гиоев М. И. Борьба большевиков Терека за разрешение аграрного вопроса в период победы социалистической революции и установление Советской власти. Орджоникидзе, 1966. С. 174.

³ ЦГА СО АССР, ф. 39, оп. 1, д. 11, лл. 19–20.

не переселяя пока их на равнину, удовлетворить самые насущные потребности в земле на 1920/21 хозяйственный год. Был создан специальный земельный фонд за счет частновладельческих участков, излишков казачьих станиц и плоскостных селений. Отмечалось, что в первую очередь должны быть выделены участки семьям, вовсе не имеющим пахотной земли и проживающим в более отдаленных горных селениях.

Кроме того, проводилась работа по оказанию материальной и денежной помощи. Семьи, пострадавшие в период деникинщины, получили пособие в размере 22 тыс. руб. из местных ассигнований. Затем, лично по Указанию В.И. Ленина, Совнарком РСФСР отпустил пострадавшим от контрреволюции горцам Терской республики 200 млн. руб. и 14 вагонов мануфактуры. На 1920 г. горцы были освобождены от продразверстки.

В распоряжении Осетинского окружного ревкома для наделения безземельных горцев на период посевной кампании было 12 007 дес. земли. Однако вскоре стало ясно, что такого количества земли недостаточно для решения поставленной задачи. Поэтому приказом от 17 апреля 1920 г. ревком для этой цели выделил еще 1500 дес. из излишков Архонской и Ардонской станиц, а затем согласно приказу от 27 апреля еще 1500 дес. из надела станицы Николаевской¹.

Для достижения наиболее справедливого распределения выделенного земельного фонда между безземельными горцами Окружной ревком образовал четыре участка. Первый – в размере 2199 дес. в районе Гизель, Ногкау, Кадгарон – был отведен для жителей Даргавского и Санибанского ущелий. Вторым участком в количестве 1725 дес. в районе Заманкула и Батакоюрта был предназначен для горцев Даллагкауского и Хидикусского приходов Куртатинского ущелья. Безземельным горцам Алагирского ущелья был отведен участок размером 3083 десятины в районе Алагира и станицы Архонской. Самым большим участком был четвертый – около 5 тыс. дес. земель станиц Ардонской, Змейской и Александровской предназначалось горцам Дигорского ущелья².

Не менее трудной проблемой, стоявшей перед советскими органами в 1920 г., было землеустройство временнопроживающих. Более пяти тысяч семей этой категории приказом Окружного ревкома объявлялись коренными жителями тех плоскостных селений Осетии, где до сих пор проживали. Следует сказать, что это скорее было административное решение проблемы временнопроживающих. На практике эта категория осетинского крестьянства подвергалась различным мытарствам и обидам со стороны кулацкой части коренных жителей. Окружной ревком приказом от 26 апреля предупреждал, что все те, кто будет создавать для временнопроживающих какие бы то ни было трудности, ненормальные условия для их хозяйственно-экономического быта, будут отвечать перед революционными органами Советской власти и беспощадно караться по законам военно-революционного времени.

В том же 1920 г. летом по приказу Окружного ревкома был создан еще один специальный земельный фонд из земельных наделов станицы Змейской (200 десятин), Ардонской (200), Архонской (300), Николаевской (600)

¹ ЦГА СО АССР, ф. 39, оп. 1, д. 4, лл. 3–4.

² Там же, оп. 5, д. 5, лл. 12–24.

и селения Кадгарон (600), всего около 2 тыс. дес. Этот фонд был распределен между остроноуждающимися крестьянскими хозяйствами под сенокос на 1920 г.

Но все это были лишь полумеры. Выделенные на плоскости на один год земельные наделы не вывели жителей горной полосы из той острой земельной нужды, в железных тисках которой они пребывали веками. К тому же многие жители гор вообще не воспользовались ни в 1920, ни в 1921, ни тем более в 1922 г. этими временно отведенными пахотными и сенокосными наделами, так как у большинства не было ни тягловой силы, ни орудий труда, ни семян.

До конца 1920 г. в Осетии не было случаев планового переселения горцев на плоскость. Правда, были примеры стихийного перехода, когда отдельные группы в 10–15 дворов из одного и того же горного общества обстраивались временными жилищами в том или ином районе равнины, чаще на землях, отведенных под посев 1920 г. Но такое переселение, связанное с риском, было временным. Переселяемые окончательно не перевозили на плоскость ни семейства, ни домашние вещи.

Такое переселение не одобрялось и советскими органами.

В плоскостной части Осетии землеустроительные органы были заняты устройством жителей разгромленных контрреволюцией плоскостных селений Батакюрт и Дигоро-Алексеевское (Ахсарисар).

Жителям Батакюрта, жилища которых в 1918 г. были разрушены, весной 1920 г. решением Окружного ревкома была выделена земля недалеко от Беслана в местечке Джанхотов-Ларс. Образованное селение получило название Новый Батакюрт. Здесь поселились 280 дворов (1576 человек)¹. Вот список некоторых из основателей Н. Батакюрта: Николай Кудзаев; Габла, Гаппо, Ваню Тотровы; Александр, Мусса, Ельзарико, Хасако Ходовы; Садула, Батрбек, Шона Короевы; Дрис, Дибил, Ельзарико Дзугутовы; Аппе, Магомет, Николай Дзуццевы; Будто Дзитиев; Бадджер, Мурзабек, Науруз, Бекмурза, Казбек Кубаловы; Дукан, Камболат, Ельбиздико Фидаровы; Касполат, Абади, Ладе, Наурузбек Джибиловы; Хазмет Браев; Дзиу, Садула Хумаровы; Саса, Кудайнат, Агша Бигаевы; Бати Тараев; Бекмурза, Александр Джелиевы; Батал, Науруз Бзаровы; Тепсарико, Агубечир, Сандро, Дзипа, Гуза, Тебо, Гаппо, Малсаг, Ислам, Николай Кадиевы; Дадико, Сосланбек, Музир Аликовы; Сандро, Миша Андиевы; Япон, Хасако Чипировы; Ахмат, Кильцико, Джор Дамзовы; Алмахет, Гсо Арчиновы; Хаси Дзиов; Зибыл, Дрис, Асламбек Беркаевы; Хазбатур Караев; Угалык, Ладе Дзестеловы; Беги Ханаев и др.²

Большой проблемой для жителей села была питьевая вода. В 1924 г. был прорыт 4-километровый канал из Терека. «Открытие канала и пуск воды по нему носил очень торжественный характер»³.

Был решен вопрос и о жителях Ахсарисара. После долгих скитаний 52 семейства в количестве 318 человек получили 564 дес. из земель станицы Николаевской в Мостиздахском урочище. Новое селение было названо Мостиздах.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 64, лл. 1–20.

² Там же.

³ «Советский Юг». 1924. 18 июня.

Основателями этого нового населенного пункта были: Михаил, Галау Абаевы; Темир Тменов, Майрам Олисаев; Георгий, Майрам, Бездук Цаллаевы; Куцук, Сараби Базровы; Созрыко Дзилихов; Иван Коцоев; Михаил Районов; Цици Малиев; Асан Цоппов; Газмет Кусроев; Кермен Дзилихов; Дахцико Агузаров; Афсыдга Киргуев; Хадзи Золоев; Дзантемир Наскидаев; Хамаза Гобеев; Муха Дзагоев; Али, Карасе Каргиновы; Афай, Тазрет Кулаевы. Сюда же должны были переселиться в последующие годы около 100 дворов жителей Махчеса и Галиата¹.

В 1920 г. перед партийными и советскими органами возбудили такое же ходатайство жители сел. Разбун, основанного еще в 1903 г. Через несколько лет пребывания здесь разбунцы поняли, что выбор места под поселение оказался неудачным по климатическим условиям. Жители стали болеть малярией с частыми смертельными исходами. Уже тогда они несколько раз просили местные власти «избавить их от этой напасти», но всегда получали отказ.

В 1918–1919 гг. удовлетворить просьбу разбунцев о переселении на другое место не представилось возможным, а в 1920 г. Окружной ревком разрешил им переселиться в селение Дур-Дур².

Наконец-то восторжествовала справедливость. Изгнанные с помощью войск и полиции по требованию Тугановых дурдурские крестьяне вернулись в родные места. Все жители были наделены участками из бывших помещичьих земель. Кроме разбунцев в Дур-Дуре поселились жители из дигорских горных аулов, а также из Н. Уруха и Лескена. Среди этих поселенцев были семьи Дафа Тадеева, Лзабе Зураева, Босино Секинаева, Царая Туаева, Бекмурза Дзанкисова, Гавдына Цебоева, Царая Икаева, Умара Сабанова, Навака Кодзасова, Хуасау Скаяева, Смайли Берисва, Базе Кабалоева, Габи Тедзоева, Бата Вазагова, Дафа Зокоева, Харифа Магомедова, Дзахо Малиева³.

Окружной земельный отдел в 1920 г. положительно решил также судьбу поляны Зилахар и. ее жителей, которые вот уже несколько десятков лет безуспешно добивались оседлости.

Еще в 1887 г. жители горных аулов Суларта, Гусойта, Нижнего и Верхнего Мизура Мизурского прихода приняли на общем сходе решение переселиться на принадлежавшую им в Црауском ущелье лесную поляну Зилахар между реками Змастдон и Цраудон на северном склоне Алагирского ущелья. Перешли жить сюда сразу не все мизурцы. За два года здесь обособились 20 семейств. Построили капитальные дома, развели огороды и сады. К зилахарцам в скором времени должны были переселиться и другие безземельные горцы.

Однако с переходом осетинских лесов в казенное ведомство Терское управление земледелия и госимуществ, ставшее к этому времени хозяином всех лесных массивов в Осетии, возбудило перед областной администрацией ходатайство о немедленном удалении мизурцев с поляны, обвинив их в самовольном захвате казенной земли. После долгих споров и дискуссий между администрацией и указанным управлением, с одной стороны, и зи-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 64, лл. 69–73.

² Там же, лл. 88–90.

³ Там же.

лахарцами – с другой, в течение которых осетины непрерывно доказывали, что означенная поляна с незапамятных времен составляет бесспорную их собственность, а потому казна не имеет к ней никакого отношения, зилахарцы все же в 1895 г. были изгнаны. Изгнаны грубо, насильственно, с помощью военной силы, а их постройки частью разрушены, а частью проданы с аукциона¹.

В 1900–1905 гг. сюда снова переселились горцы Мизурского прихода: Асахмат и Куда Таболовы, Темирбулат Марзоев, Бсал Галаов, Сафар, Казбек Мециевы из аула Суларта; Савкуз, Сабаз Тамаевы, Сосе Хацаев, Хаматкан Знауров – из аула Гусойта; Габу Хохов, Дудар Савлаев, Нафи, Кака и Каур Сохиевы, Дудар, Сафонка Зангиевы, Тасо, Магомет, Александр Бутаевы – из Верхнего Мизура; Дудар Елоев, Дзабе Дзиов – из Нижнего Мизура².

В 1906 г. пристав участка прапорщик У. Кубатиев составил акт с описанием построек и хозяйства поселенцев. В акте отмечалось, что вновь переселившиеся зилахарцы устроили вокруг домов огороды, засеянные фасолью, картофелем, кукурузой и т. п. На угрозы пристава о новом их наказании жители Зилахара ответили, что поляна эта принадлежит мизурцам. С их согласия они и перешли сюда жить.

И опять началась долгая переписка и связанные с нею мытарства, которые закончились тем, что в 1909 г. начальник Терской области предписал начальнику Владикавказского округа «предпринять принудительные меры к немедленному выселению этих жителей с поляны Зилахар».

Зилахарцы были опять изгнаны, а жилища их разрушены и тем не менее в 1912 г. они вновь заняли поляну.

Царская администрация вплоть до Октябрьской революции юридически так и не признала факт образования селения Зилахар. Это означало, что зилахарцы рассматривались администрацией как временнопроживающие на поляне и не имели права требовать землю. В 1916 г. зилахарцы, которых к этому времени уже было 46 дворов, буквально умоляли начальника области наделить их участками пахотной земли и признать за ними право называться «сельским обществом». На новом месте, писали они, мы «обзавелись домами, мельницами, развели сады, огороды, образовали самостоятельное селение и, живя здесь, у нас появились общие между нами интересы и нужды, но мы официально не пользуемся названием самостоятельного селения, поэтому лишены тех прав и преимуществ, какие по закону предоставлены сельским обществам».

В 1920 г. жители Зилахара, к которым подселилось еще 24 двора безземельных горцев, впервые были землеустроены. Окружной земельный отдел закрепил за селением еще две лесные поляны (Хадзыматы касан и Мар ардуз)³.

Первых жителей сел. Кодахджин судьба также не баловала. После победы Февральской буржуазно-демократической революции горцы ожидали, что Временное правительство и его местные органы сразу приступят к решению насущных для них вопросов, и, конечно, прежде всего земельного. Однако, поняв, что органы Временного правительства ничего не собираются делать на Тереке, крестьяне занялись захватом казенных и частновладельческих земель.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 81, д. 105, лл. 1–11.

² Там же, оп. 9, д. 5653, лл. 1–32.

³ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 64, л. 99.

В сентябре 1917 г. жители горного отселка Джизи Даллагкауского прихода спустились в лесопредгорье Куртатинского ущелья и захватили участки казенной земли в урочище Кодахджин. Через несколько дней местный лесной кондуктор составил об этом акт и представил его в Терское управление земледелия и государственных имуществ. В акте сообщалось, что горцы не только захватили казенную землю, но и «разрушили дом лесной караулки, а лесных стражников изгнали». Сообщалось также, что горцы заявили о твердом намерении остаться жить здесь, о чем свидетельствует факт спешной стройки на захваченных участках жилищ. «Производят вокруг себя сплошные расчистки кустарников. Рубят строевой лес, образуя этим усадьбы места». Жители заявили, что к ним «в скором времени переселятся еще 18 домов, участки которых уже отмечены»¹.

Среди «захватчиков» казенной земли, которые первыми отстроили себе дома, указывались: Мурза Черекон, Дзибока Битаров, Батако Битаров, Бицагур Караев, Дзека Битаров, Иса, Садулла, Хазби и Габул Караевы.

Управление земледелия и госимуществ направило акт лесного кондуктора владикавказскому комиссару для «принятия самых энергичных мер с целью скорейшего выселения захватчиков с занятого ими участка казенной земли, дабы не создать опасного прецедента». 10 ноября 1917 г. комиссар Владикавказского округа С. Такоев ответил Управлению, что «ввиду того, что самовольно захватившими горцами уже возведены постройки... выселение их с захваченного участка административным порядком произведено быть не может»².

Так было положено начало еще одному из равнинных осетинских селений. В 1920 г. сел. Кодахджин, в котором уже проживало 40 дворов, было наделено землей, созданы сельские органы правления.

Осуществить массовое переселение горцев на равнину в условиях Осетии было крайне сложно. Прежде всего нужно было найти свободные земли. Далее, партийные и советские органы должны были изучить экономическое состояние переселяемых хозяйств, определить вообще количество людей, которые должны переселиться, и наметить последовательность самого переселения. Предметом заботы органов Советской власти должно было стать и изыскание средств для оказания помощи наиболее бедным горским хозяйствам.

И все же из всех проблем, вставших на пути осуществления массового переселения горцев, главной была проблема создания резерва свободных земель.

По данным народного комиссара земледелия Горской республики, в горах Осетии к 1921 г. проживало 47 тыс. человек. В горной полосе было 158038 дес. удобной земли, в том числе пахотной – 9744,5, покосной – 36269,8, пастбищной – 92899,7 и леса – 19124. Эта земля в состоянии была прокормить до 10 тысяч человек³. Следовательно, если взять во внимание данные Абрамовской комиссии и все материалы по земельному вопросу, полученные во время советского строительства, то выходило, что землеустроить на плоскости нужно было до 40 тыс. безземельных горцев. Сюда

¹ ЦГА СО АССР, ф. 168, оп. 1, д. 149, лл. 1–12.

² Там же, л. 12.

³ Дати́ев И. Земельный вопрос в Горской Социалистической Советской Республике. Владикавказ, 1921. С. 26.

нужно было прибавить еще 7 тысяч человек беженцев из Южной Осетии, прибывших в Северную Осетию в 1920 г.

Таким образом, для более или менее справедливого разрешения горского земельного вопроса в Осетии, по данным Окргземотдела, нужно было создать фонд из 100 тыс. дес., имея в виду по 2 дес. на душу.

В пределах самой Осетии такого количества свободной земли не было. Плоскостное население округа само испытывало земельный голод. По данным того же Окргземотдела, на одного человека здесь удобной земли к 1921 г. приходилось 1,1 дес. Поэтому в указанное время партийные и советские органы Осетии не допускали даже мысли, чтобы «хоть самая незначительная часть беженцев и горцев могла быть наделена землей на Осетинской равнине за счет земель здешних сельских наделов»¹.

Оставался один выход. Нужно было искать земли вне Осетинского округа. На этот счет в разные годы существовали разные предположения. До 1920 г. преобладала точка зрения, согласно которой безземельные горцы Чечни, Ингушетии и Осетии должны быть землеустроены путем переселения их на моздокские, кизлярские земли, а также в Хасавюртовский округ. Но с переходом последнего в Дагестан, а затем с образованием из бывших Пятигорского, Моздокского и Кизлярского отделов Терской губернии возможность наделения горцев землей здесь была по существу сведена к нулю².

Несколько позже, в условиях Горской Советской республики предполагалось создать необходимый резерв свободных земель для горцев путем раздела всей имеющейся в республике земли по принципу уравнительного распределения между всеми проживающими в ней народами. Такое предположение основывалось на том, что из всех областей Горской республики Кабарда считалась наиболее обеспеченной в земельном отношении. Здесь на одну душу приходилось почти в шесть раз больше земли, чем в Осетии и в пять раз больше, чем в Ингушетии³. Расчет строился на том, что по закону о социализации земли все земельные фонды здесь в виде огромных площадей бывших частновладельческих земель подлежали распределению между безземельными и малоземельными крестьянами Горской республики⁴.

В сентябре 1921 г. Кабарда выделилась в самостоятельную автономную область. Вместе с ней исчезла и надежда землеустроить горцев за счет национализированных помещичьих и других частновладельческих кабардинских земель.

Выход Кабарды из состава Горской республики еще больше осложнил решение земельного вопроса в Осетии. Вскоре, воспользовавшись тем, что местные партийные и советские органы Кабарды не приняли своевременных мер, различные кулацко-националистические элементы стали изгонять из пределов Кабарды некабардинское горское население. В Осетию в общей сложности вернулось более 17 тыс. (в некоторых документах указывается 30 тыс.) беженцев. Кроме того, осетинское крестьянство лишилось 40 тыс. дес. земли в пределах так называемой Малой Кабарды, приобретенной до Октябрьской революции путем покупки и аренды у частных владельцев⁵.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 71, л. 19.

² Гиоев М. И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. С. 230.

³ «Горская правда». 1922. 28 мая.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 71, л. 61.

В этих условиях земельные органы подняли вопрос о выселении из пределов Осетии казачьих станиц. Высвободившуюся после этого землю планировалось обратить в особый фонд для наделения безземельных горцев. В своем докладе на заседании специальной земельной комиссии ВЦИК в 1921 г. народный комиссар земледелия ГАССР И.М. Датиев говорил: «Невольно является вопрос, куда же выселить горцев и где их устраивать? Вопрос назрел давно и должен быть разрешен в недалеком будущем. Единственный выход – это выселение казачьих станиц: Архонской, хутора Ардонского, станиц Ардонской, Николаевской, Змейской и Александровской. Осуществление этого переселения признать как революционную необходимость и закончить его к маю 1921 г.»¹.

После выселения станиц освобождалось около 46 тыс. дес., если добавить к ним 10 тыс. дес. резерва из частновладельческих земель, то получался фонд в 56 тыс. дес. Но и этого было мало. Нужно было еще 50 тысяч десятин. Народный комиссариат земледелия предлагал использовать для этого земли в Малой Кабарде, которые принадлежали осетинам-хуторянам.

Однако против такого метода решения горского земельного вопроса решительно выступили партийные органы округа и Горской республики. Окружком и обком ВКП (б) указали тем, кто выдвигал такой метод решения земельного вопроса, на его аполитичность, отсутствие классового подхода. На это же было указано и в решениях правительственных органов РСФСР.

Оставался один выход – создать земельный фонд в пределах Осетинской равнины «за счет уплотнения плоскостного населения и урезывания... излишков земель плоскостных сел и станиц»².

Провести такую работу было делом трудным и чрезвычайно сложным. Трудности усугублялись еще и тем, что Осетия, как и вся страна, переживала переход к мирному хозяйственному строительству в условиях огромных хозяйственных разрушений и острой классовой борьбы. Чтобы представить себе всю сложность разрешения горского земельного вопроса в условиях Осетии 1921 г., достаточно указать, что число остроноуждающихся в земельных наделах достигало 50 тыс. человек. Кроме того, жители многих равнинных селений, особенно образованных из временнопроживающих, также не имели пахотной земли.

Плоскостное население встретило враждебно приказ № 14 Окружного исполкома об изъятии излишков земель равнинных сел и станиц. Оно, как свидетельствует документ, «категорически заявило, что землю не даст ни под каким видом, так как у него совершенно нет излишков, что, наоборот, сами вот уже в течение пяти лет ждут от Советской власти прирезок земли»³.

В докладной записке правительственной комиссии ВЦИК по установлению границ между Кабардой и Горской республикой, работавшей во Владикавказе, Наркомзем республики отмечал, что в земельном вопросе наступило кризисное состояние, «готовое в каждую минуту вылиться в самые уродливые формы в виде братоубийственной войны за землю... Население округа вместо того, чтобы взяться спокойно за плуг, взялось за

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 71, л. 61.

² Там же, л. 33.

³ Там же, л. 34.

оружие и стоит на границах своих юртовых наделов, чтобы не пустить на свои земли безземельных горцев, спускавшихся сюда за куском хлеба»¹.

Вопрос о переселении горцев и справедливом перераспределении всего земельного фонда округа поэтому требовал от партийных и советских органов большой, кропотливой подготовительной работы. Причем, создававшаяся напряженная обстановка настоятельно требовала, чтобы работа была проведена в самые сжатые сроки.

Эта подготовительная работа шла по двум направлениям в течение 1921 и 1922 г. Прежде всего нужно было образовать фонд свободной земли. Его можно было создать путем проведения уравнительного землевладения и землепользования в плоскостных селах и казачьих станицах, в ходе которого и нужно было отчуждать все излишки юртовых земель.

Начало таким работам положили решения четвертой окружной партийной конференции в июне 1921 г. На конференции было подвергнуто все-стороннему обсуждению напряженное состояние земельного вопроса, намечены конкретные пути его ослабления. В частности, партконференция постановила «произвести отвод излишков земель из наиболее обеспеченных населенных пунктов и, в первую очередь, из земель казачьих станиц для постоянного наделения безземельных горцев с правом заселения их»². Исходя из решений четвертой партийной конференции, Окружной исполком издал приказ № 14, о котором уже говорилось.

Конкретную практическую помощь в проведении указанных работ партийным и советским органам Осетии оказала специальная комиссия ВЦИК РСФСР.

В течение 1921 г. Окружной земельный отдел выделил в земельный фонд для горцев более 10 тыс. дес. из земель станиц Ардонской, Архонской, Змейской и Николаевской (из Архонской дачи было отрезано 5515 десятин, Ардонской – 4000, Николаевской – 1431)³. Кроме того, в переселенческий фонд отошли из земель селения Гизель 1555 дес., Тулатово – 132, Ольгинское – 512, Эльхотово – 400, Шанаево – 600, Батакоюрт – 700, Христиановское – 200, Магометановское – 100, Урсдон – 60, Дур-Дур – 60. Из частновладельческих земель, в основном распределенных между малоземельными плоскостными селениями еще в 1917–1918 гг., также отошло в переселенческий фонд около 3615 дес. К концу 1922 г. этот фонд насчитывал уже 19385 дес.⁴.

Параллельно в горных аулах проводилась большая работа по составлению списков лиц, подлежащих переселению. Для этого при Окружном отделе была создана особая комиссия по переселению. Такие же комиссии были созданы в каждом ущелье. На помощь им в каждом из 17 горских приходов были образованы инициативные группы.

Жители горной Осетии делились на две категории. Лица, включенные в списки первой группы, получили право переселиться на плоскость и получить земельный надел в первую очередь. В эти списки категорически запрещалось включать горцев, «замешанных в разбоях и грабежах, недоброжелательно относящихся к Советской власти кулаков и крупных овцево-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 71, л. 30.

² СООПА, ф. 4, оп. 1, д. 8, л. 490.

³ ЦГА СО АССР, ф. 41, оп. 1, д. 5, л. 3.

⁴ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 67, л. 3–9.

дов»¹. В списки второй группы включались более состоятельные семьи, имеющие в горах свои пахотные и сенокосные участки, а также содержащие определенное количество скота. Объективность составления списков часто проверялась. Члены Окружной переселенческой комиссии выезжали в горные аулы и на месте, с помощью общественности, проверяли путем опроса жителей составленные уже списки. Кроме того, списки обсуждались и утверждались на заседаниях ущельских комиссий.

Любопытно, что утвержденные списки через некоторое время обрастали новыми фамилиями, так как в комиссии поступила масса заявлений с просьбой включить в список первой группы. Как правило, абсолютное большинство заявлений комиссиями было уважено. Поэтому к началу 1922 г. число первоочередных намного превысило плановую цифру, а заявления продолжали поступать. Особенно много поступило их от жителей Алагирского ущелья. 13 февраля 1922 г. в списках первой группы этого ущелья числилось 802 двора, поэтому в марте того же года, утверждая эти списки, особая комиссия округа «признала невозможным вносить в списки кого бы то ни было»².

Поскольку в 1921 г. работы эти не были закончены, землеустроительные органы прибегли опять к временному отводу земли горцам на текущий хозяйственный год. Такое решение органов власти вызвало недовольство определенной части жителей нагорной полосы. Следствием этого явилось несанкционированное органами власти стихийное переселение некоторого количества жителей Алагирского и Куртатинского ущелий и самовольный захват земельных участков на равнине. Стихийно переселившиеся горцы, как правило, осели на тех самых землях, которые выделили им землеустроительные органы на 1921/22 хозяйственный год. Уже в 1921 г. на землях, отрезанных от наделов Ардонской станицы, образовалось три безымянных поселка³.

В этих условиях Окрземотдел принял постановление о распределении между горцами различных ущелий всего имеющегося переселенческого земельного фонда. Управлению землеустройства было дано задание командировать специалистов-землемеров для практического претворения в жизнь этого постановления, а также для выделения участков под будущие селения. Состав и количество жителей каждого планируемого селения должны были определить ущельские переселенческие комиссии.

Планомерное переселение горцев первой категории было намечено осуществить осенью 1922 г. Об этом горцам всех осетинских ущелий было объявлено через местные органы власти.

Переселяемые встретили новость с великой радостью. Наступило время, когда, наконец, должна была сбыться их вековая мечта. К переселению готовились тщательно. «Надо было продумать, где найти средства для приобретения инвентаря и строительного материала. Из гор они могли взять с собой только скот, примитивную домашнюю утварь, а новая жизнь на плоскости требовала коренной перестройки веками сложившихся форм и методов ведения хозяйства»⁴.

¹ Гиоев М. И. Селение Коста. Орджоникидзе, 1968. С. 25.

² ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 871, л. 58.

³ Там же, д. 64, л. 37.

⁴ Гиоев М. И. Селение Коста. С. 27–28.

Желание переселиться на равнину было так велико, что горцы не стали ожидать осени и с наступлением весны 1922 г. бурным потоком хлынули на плоскость. Особенно много переселилось из Куртатинского ущелья.

Переселение, частично начавшееся в 1921 г., принимало все убыстряющийся характер. В результате на Осетинской равнине возникло 10 новых селений¹

Что представляли из себя эти селения, в каком районе равнины они возникли, каков был состав жителей, их хозяйственно-экономическое состояние? Ответы на все эти вопросы мы нашли в докладе Особой окружной комиссии по обследованию вновь образовавшихся поселений.

Селение Ногир (Новая Осетия) основалось в 1921 г. на левом берегу Терека в трех верстах от Владикавказа. Его образовали беженцы из Южной Осетии. Заселение шло быстро, почти молниеносно. Как только летом 1921 г., говорится в документе, южноосетинским беженцам стало известно постановление Окружного исполкома и его земельного отдела о том, что им отводится земля бывшего артполигона, «со всех сел Осетии стали стекаться беженцы на этот участок, устраиваясь в деревянных помещениях и отдаваясь целиком работе после всех пережитых ужасов. За два месяца (август–сентябрь) образовалось село в 476 дворов на берегу Терека, на месте, занимаемом прежде лагерем войск»².

Селение Фарн (Изобилие) было образовано в 1922 г. выходцами из Даргавского, Санибанского и Кобанского ущелий. Среди его первых жителей комиссия указала Цахиловых, Кабоевых, Дзуцевых, Берозовых, Бутаевых, Токаевых, Дзанаговых, Цораевых, Кокоевых, Фидаровых, Губиевых, Таболовых, Калаговых, Алаговых, Амбаловых, Бигаевых, Албеговых, Плаевых, Пуховых, Цириховых, Джимиевых, Байматовых, Кастуевых, Дудиевых, Блиевых, Арчеговых, Дауровых, Сасиевых, Татраевых, Дзахсоровых, Худиевых, Дегоевых, Цараховых, Сидаковых.

Земля фарновцам была выделена из Архонской станичной дачи еще в сентябре 1921 г. Но против такого решения выступили жители станицы. Архонцы обратились с жалобой в Наркомзем Горской республики, который отменил приказ Окргзмотдела об отводе части Архонской земли жителям Тагаурского ущелья. Дело это затем в декабре обсуждалось в Совнарком республике, где было принято решение, по существу восстанавливающее приказ Окргзмотдела. Проведен в жизнь названный приказ был только весной 1922 г.

В мае месяце началась разбивка усадебных мест для выселяющихся в селение Фарн. Однако летом горцы не смогли приступить к переселению, так как, по свидетельству документов, была сильная жара. Переселение началось лишь в сентябре 1922 г.³ Из воспоминаний Дзуцева Ханджери и Доева Темира явствует, что переселение в Фарн шло медленно из-за больших трудностей доставки строительных материалов. Должно было переселиться более 300 дворов, но поскольку к моменту работы комиссии по учету, проверке и чистке поселений здесь обосновалось только 196 дворов, то она отметила в своем отчете, что «Фарн обстраивается очень слабо и неохотно. Нужны сильные меры».

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 56, л. 43.

² Там же, д. 87, лл. 1–46.

³ Там же, л. 164.

Селение Хетаг (несколько позже – Коста) образовалось выселенцами из Тибского, Нарского и Закинского приходов Алагирского ущелья. Сюда же должны были переселиться горцы Мизурского, Дагкомского, Згидского и Ходского приходов, но до начала 1923 г. они не перешли сюда жить, ожидая землю в другом месте. Среди тех, кто первыми обосновались в с. Хетаг, комиссия указала Соломона Тедеева, Николая Тотиева, Федора Кесаева, Христофора Дзапарова, Садуллу Кучиева, Георгия Багаева, Михаила, Бибо и Николая Боциевых, Сергея Кучиева, Михаила Бериева, Еста Цуциева, Тиго Тотиева, Ераби Тотиева, Георгия, Ивана и Леона Хетагуровых, Александра Цуциева, Александра Сикоева, Заурбека Калоева, Муссу Багаева, Габо Бурнацева, Степана и Владимира Гиоевых, Дафола Хасиева. Кроме того, здесь обосновались по несколько семейств Дзидахановых, Абаевых, Беслекоевых, Саутиевых, Гагиевых, Дзапаровых, Бадаевых, Хубецовых, Джанаевых, Асаевых, Рубаевых, Епхиевых, Губеевых, всего 187 дворов. Селение росло быстро, застраивалось сравнительно красиво, что, по мнению комиссии, объяснялось выселением сюда зажиточного элемента из Нарского прихода¹.

Селение Бухарино (несколько позже – Кирово) основали 242 двора, переселившиеся в 1921–1922 гг. безземельные горцы Мамисонского, Зарамагского и Зругского приходов Алагирского ущелья. Сюда должны были переселиться также 60 дворов из Цейского прихода, но до весны 1923 года они не решились переезжать. Цейцы заявили, что желают переселиться в другое место. Тем не менее комиссия отказала им в этом и предложила в кратчайший срок занять свои усадебные участки, выделенные им в сел. Кирово. Учитывая исключительную бедность и тяжелое материальное положение цейцев, комиссия в то же время ходатайствовала перед Окргземотделом продлить им срок переселения. Цейцы переселились осенью 1923 г. Члены комиссии отметили в отчете, что Кирово «строится хорошо, видно желание прочно обосноваться». Селения Хетаг и Кирово основались также на землях, вырезанных из юрта станиц Архонской и Ардонской в количестве 3570 дес.².

Селение Нарт стало заселяться еще в 1921 г., но юридическое признание в качестве самостоятельного селения получило осенью следующего года. Его основали выселенцы из Куртатинского ущелья. Вот так описывал переселение куртатинцев в с. Нарт корреспондент «Крестьянской газеты» М. Пантюхов: «Осенью 1922 г. в Куртатинском ущелье в селениях Даллагкау, Барзикау, Лац и Хидикус происходило какое-то необычное оживление. По дороге из ущелья попадаются груженные арбы, много людей на улицах. Вот пустая сакля без окон и дверей, а ведь недавно там жили люди, и я знал этих людей. Все селения ущелья пришли в движение. А уже через два дня во всех селениях по дороге видел множество пустых домов, зияющих пустыми окнами, усадьбы со снятыми воротами и калитками. По дороге все еще тянулись груженные арбы»³.

Нартовцам была отведена земля частью из Ардонской, а частью из Архонской станичных дач – всего 1350 дес. В начале 1923 г. здесь насчиты-

¹ Более подробно об этом чит. в кн.: Гиоев М. И. Селение Коста.

² ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 87, л. 12.

³ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 4.

валось 163 двора. Трудно привыкали нартовцы к новому месту, к непривычному для горца климату. «В конце февраля 1923 г., – свидетельствовал тот же современник, – я побывал у Новосельцев... Трудно было назвать селением россыпь землянок на голом месте. В одной из землянок вокруг небольшого костра собрались старики. Завязался трудный и невеселый разговор.

– Что делать. Видно, нам здесь пропадать. Дети сильно болеют и много умерло. Старикам тоже очень плохо – гор жалко им, женщины плачут – им тоже трудно и непривычно здесь»⁵³⁵.

Селение Рассвет основано выселенцами Закинского прихода в 1922 г. Закинцы еще в 1920 г. основали товарищество «Хур» и обрабатывали землю, которую дала им Советская власть, совместно. Сначала горцы здесь не строили себе жилищ и после уборки уходили обратно в горы. Лишь осенью 1922 г. было построено около 20 полужемельных домов. Поселок был маленький, поэтому комиссия вошла с ходатайством – подселить к рассветовцам еще жителей или ликвидировать поселок, подселив его жителей к близлежащим селам.

Селение Красногор основали горцы из Унальского, Архонского, Бадского, Нузальского приходов Алагирского ущелья в августе – октябре 1922 г. на бывших землях станицы Николаевской и недалеко от нее. До образования единого села здесь располагались кутаны мизурцев. К началу 1923 г. здесь насчитывалось 253 двора (1365 человек). Для этого количества жителей землеустроительные органы выделили 1431 дес. Однако, по свидетельству комиссии, одна четвертая часть этого массива представляла неудобную для обработки землю (болота и кустарники). В связи с этим комиссия предложила Окргземотделу, не увеличивая количества населения, дополнительно прирезать к селению часть урочища Барагун (96 дес).

Следует отметить, что место под сел. Красногор было избрано не совсем удачно. Оно было сильно заболочено, отчего жители не знали покоя от малярии. Видимо поэтому первые поселенцы Красногора считали свое пребывание здесь временным: обстраивались медленно. Осенью 1923 г. красногорцы переселились в местечко Барагун и объединились с жителями одноименного поселка. Количество населения в Красногоре-Барагуне достигло 532 двора (3123 человека).

В 1922 г. было положено начало еще одному селению – Цмити. Образовали его 33 семейства горцев Куртатинского ущелья из местечка Цмити. Сюда же переселились нузальцы из Алагирского ущелья, составившие еще в 1920 г. артель «Свет».

Цмитинцам отвели частновладельческий земельный участок Черкасово. Место для этого селения также было не очень удачным. Оно находилось в стороне от больших дорог и селений, а хлебные поля селений Кирова и Коста подходили почти к жилищам цмитинцев; их скот постоянно травил поля соседей. Поэтому комиссия предложила перенести Цмити в другое место или присоединить жителей к какому-либо селению.

Обследовав все вновь образованные селения, комиссия пришла к выводу, что из некоторых горских приходов выселение шло медленно. По ее мнению, причиной тому являлась маломощность горских хозяйств, неуро-

¹ Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 5.

жаи 1921 и 1922 г., болезни, связанные с переменой климата, и особенно свирепствовавшая в 1923 г. малярия. Большим тормозом являлось отсутствие самого необходимого для возведения построек и неуверенность в своей личной безопасности. Отсюда наличие у определенной части горцев желания только пользоваться землей на плоскости, не связывая это с переселением. Земли, выделенные под поселения, за редким исключением, были высокого качества, но «сравнительно малы в своих размерах, почти все села будут страдать от отсутствия выгона»¹.

В последние три года темпы переселения не уменьшились. На плоскость переходили горцы из всех ущелий, по тем или иным причинам не сумевшие выселиться в 1922 г., но числившиеся в списках первой группы. С 1924 г. на плоскость стали спускаться и горцы второй группы. За три года этими выселенцами на Осетинской равнине основано еще одиннадцать новых селений: Чермен, Ирикау, Новая Дигора, Ставд-Дурта, Толдзгун, Даргом, Ахсарисар, Кухомайхо, Ход, Фиагдон и Иран.

Говоря об особенностях переселения горцев в указанные годы, видимо, следует отметить, во-первых, что переселяемые не создавали крупных селений. Из 11 вновь созданных населенных пунктов только в двух – Ставд-Дурте и Фиагдоне количество жителей перевалило за 100 дворов, остальные имели вид хуторов и отселков. Объяснялось это отсутствием больших земельных площадей на плоскости. Во-вторых, переселяемые оседали в основном в окраинных районах плоскости. За исключением сел. Фиагдон все названные населенные пункты возникли в лесопредгорной зоне, а также на границах Чечено-Ингушетии и Кабарды.

Условно можно выделить три участка Осетинской равнины, принявшие наибольшее количество переселяемых.

Первый – северо-западная часть равнинной Дигории. Здесь в указанное время жителями четырех горных приходов – Галиатского, Махческого, Донифарского и Стур-Дигорского основано четыре селения: Толдзгун – 41 двор, Даргом – 49, Ахсарисар – 60 и Кухомайхо – 28. В своем большинстве эти селения основаны на лесных полянах.

Второй участок находился на восточных окраинах равнины. Здесь, на левом берегу Камбилеевки, на бывших монастырских землях горцы различных ущелий, в основном из Трусовского и Дарьяльского, проживавшие до этого в г. Владикавказе, в 1925 г. основали сел. Чермен (31 двор). Они еще в 1920 г. создали артель «Чермен». Проживавшими во Владикавказе горцами в том же году был основан еще один поселок – хутор Ирикау – 16 дворов. Он располагался между немецкой колонией Михайловское и сел. Тулатово.

Третий участок находился в районе станицы Змейской. В 1923 г. здесь было основано крупное селение Ставд-Дурта. Окружной земельный отдел планировал поселить в нем до 600 дворов. Первыми здесь поселились горцы Алагирского ущелья: из Садона переселились Икаевы, Цидаевы, Габисовы, Каиловы – всего 18 дворов; из Луара – Цгоевы, Бесаевы – 17 дворов. Больше всего в Ставд-Дурте было горцев из Цея: Басиевы, Диамбеги, Абаевы, Дзалаевы, Закаевы, Гогаевы – всего 34 двора. Из Дагкомского прихода переселились Бицасвы, Касабиевы, Кайтовы, Ватаевы, Чер-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 87, л. 10.

чесовы, Царукаевы, Хестановы, Дзбоевы, Бизиковы, Урумовы, Амбаловы, Челохсаевы, Цабиевы – 32 двора. Згидцев в Ставд-Дурте представляли Агузаровы, Таболовы, Томаевы – 18 дворов. Из горного аула Ход сюда переселились Дзукоевы, Гатиевы, Созаевы и Едзиевы, всего 15 дворов¹.

В Ставд-Дурте поселились не только горцы, но и жители многих плоскостных селений. Так, из Нового Уруха сюда перешло более 50 дворов, из Среднего Уруха – 15, из Владикавказа – 9. В 1924 г. Ставд-Дурту была прирезана часть земли Ср. Урухского юрта, и теперь земельная площадь его составляла 1581 дес.

Весной 1924 г. в Ставд-Дурта были переселены многие жители из Карца и Тамиска, пострадавшие от стихийного бедствия. Они образовали отдельный квартал.

В 1924 г. на Змейском участке возникло селение Новая Дигора. Основателями его были изгнанные из Кабарды жители дигорских селений. Селение это просуществовало недолго. К 1928 г. его жители расселились по разным плоскостным селениям, большая их часть подселилась к сел. Озрек, основанному в 1926 г. на землях Кабарды жителями сел. Лескен, Старый Лескен и пос. Хаевского.

В 1928 г. недалеко от Ставд-Дурта было образовано селение Иран. Основателями его были выходцы из Алагирского ущелья.

Иран был последним селением, возникшим в эти годы на плоскости², хотя процесс переселения на этом не прекратился. Выселяемые горцы продолжали подселяться к уже существующим равнинным селам и станицам, увеличивая количество жителей в них. По неполным данным, число таких подселенцев с 1917 по 1928 г. составило более 1060 дворов, в том числе в станице Змейской – 600 дворов, в хут. Ардонском – 122, в Христиановском – 40, в Кора-Урсдоне – 30, в Магометановском – 20, в Дур-Дуре – 87, в Хаталдоне – 10, в Лескене – 51, в Кадгароне – 40, в Гизели – 33, в Хумалаге из подселенцев Куртатинского ущелья (из Хидикуса) был образован специальный квартал из 44 дворов³.

С 1923 г. исчезла такая категория крестьян, как временнопроживающие. Все временнопроживающие и подселившиеся в советское время горцы были зачислены в число коренных жителей тех плоскостных селений, в которых они проживали, и наряду с коренными жителями наделены землей в процессе землеустройства.

В 1925 г. в плоскостной части Осетии почти закончилось междуселенное землеустройство, и осевшие здесь переселенческие села стали юридическими земельными обществами, получив земельные записи, точно определившие их угодия.

Таким образом, последний решающий этап массового переселения осетин с гор на плоскость стал возможным только в результате победы Октябрьской революции. Хронологически он охватывает 1917–1925 гг., то есть период наиболее активного проведения в жизнь ленинской аграрной политики. Одним из важнейших аспектов советской аграрной программы,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 87, лл. 140–143.

² Исключение составляло сел. Сурх-Дигора, основанное в 1932 г.

³ Баев А. Устройство горцев-переселенцев Северной Осетии. «Известия» СОНИИ. Т. 2. 1926. С. 278.

составной ее частью на Северном Кавказе, и в Осетии в особенности, была проблема переселения массы безземельных и малоземельных горцев на равнинные места и наделение их землей.

Помимо трудностей, общих для всей страны, в Осетии были дополнительные, обусловленные прежде всего проблемой переселения горцев. Само переселение, быть может, для Советской власти не представляло сложной задачи, если бы оно не было связано с наделением выселяемых горцев землей на плоскости, где буквально не было ни одной десятины свободной земли, где само плоскостное население находилось в тисках земельного голода. И тем более должна вызывать у нас гордость и восхищение проделанная партий и Советской властью гигантская работа, в результате которой за немислимо короткое время был решен сложнейший и труднейший земельный вопрос в Осетии.

В период советского этапа переселения горцев на плоскости осело 3179 семей (17 469 чел.)¹. В 1925 г. население Осетии составило 151 880 чел. Из них 86 процентов, или 130 тысяч проживало на плоскости в 69 селениях. В горах оставалось 14 процентов, или 21 тысяча человек, проживающих в 181 ауле. Средний размер поселения на равнине составлял 1825 человек, в горах – 120².

С переселением значительных масс горского населения перед партийными и советскими органами, перед советским государством встала задача дальнейшего устройства горцев-переселенцев на плоскости. Переселить горцев и наделить их на плоскости землей, бесспорно, было подвигом местных партийных и советских органов, всего Советского государства. Но это еще не означало окончательного разрешения горского земельного вопроса. Сделанное было лишь частью вопроса. Самое главное начиналось теперь. Нужно было поднять хозяйства горцев на плоскости. Помочь им встать на ноги. А чтобы горцы могли жить и трудиться на новом месте, нужна была помощь Советского государства инвентарем, тягловой силой, семенами, строительными материалами.

В целях выяснения потребностей новоселов каждый год учреждались специальные комиссии по обследованию экономического и хозяйственного их положения. Следует отметить, что первые годы пребывания на плоскости были самыми тяжелыми. У абсолютного большинства переселенцев не было средств, чтобы построить более или менее сносное жилье, поэтому, как правило, уделом их становились сырые и холодные землянки.

По данным одной из комиссий 1925 г., в семи селениях (Ногир, Коста, Фарн, Кирово, Нарт, Красного, Ставд-Дурта) семьи, нуждающимся в жилищах, составляли 86 процентов.

Особенно страдало население от отсутствия необходимого сельскохозяйственного инвентаря. Рабочий скот, коровы, пахотные орудия и перевозочные средства были у новоселов очень скудными. Согласно данным «Бюллетеня» Северо-Осетинского статбюро, на 1925/26 год процент безлошадных у переселенцев составлял 31 процент, однолошадных – 5.

Очень тяжелым по своим последствиям оказался для переселенцев про-

¹ Баев А. Указ. соч. С. 279.

² Рклицкий М. В. Северо-Осетинская Автономная область. «Известия» СОНИИ. Т. I. 1926. С. 2.

цесс приспособления к новым климатическим условиям. Комиссия, обследовавшая быт новоселов в 1924 г., констатировала на каждую тысячу человек 18 случаев смертности только от малярии. Широкое распространение среди населения получили и другие болезни, особенно туберкулез легких, что являлось, по мнению медиков, следствием резкого сокращения потребления чистого горного воздуха.

Но более всего население страдало все же от малоземелья. В стране, пожалуй, не было другого такого района, где народ был так беден в смысле земельной устроенности. Если, по данным ученых, продовольственный душевой надел в 1925 г. в стране составлял 3,08 дес., то в Осетии он опускался до 0,77.

Таким образом, перед Советским государством в Осетии, как впрочем и в других районах Северного Кавказа, предстало хозяйство переселенцев с острым малоземельем, высоким процентом безлошадности, без пахотных орудий, перевозочных средств и примитивными жилищами. Нужна была помощь, и помощь пришла. Рабоче-крестьянское государство не оставило осетинское крестьянство в беде.

Еще в 1921 г. в Горскую республику было завезено 46 тыс. пудов пшеницы, 25 тыс. пудов овощей, 5500 плугов, 700 борон, 175 сеялок, 40 тыс. кос, 120 сенокосилок. Весь этот сельскохозяйственный инвентарь частью был продан крестьянам, а частью передан в ведение 47 прокатных пунктов. В том же году правительство республики отпустило беднякам и батрацким хозяйствам (почти все горцы-переселенцы относились к этим категориям) на проведение посевой кампании 526 пудов семенной ссуды¹. А непосредственно горцам-переселенцам отпущен 150-миллионный кредит на жилищное строительство и обзаведение хозяйством².

В мае и июле 1922 г. Совнарком РСФСР опять предоставил Горской республике кредит в 10 млн. рублей. В следующем, 1923 г. ВЦИК выделил 28 301 рубль золотом в качестве помощи жителям Осетии, пострадавшим от землетрясения.

Вопрос о переселенцах рассматривался в Совнаркоме РСФСР и в 1925 г. В феврале срочно ассигновано 200 тыс. руб. кредита и 50 тыс. руб. пособия. Кредит был долгосрочным и малопроцентным. Осенью 1925 г. весь кредит был распределен между 2160 дворами³.

Кроме финансовой и семенной помощи летом 1922 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли специальное постановление, согласно которому переселенцы освобождались от натурального налога и трудгужевой повинности на 5 лет. Из вновь образованных селений в течение 3 лет молодежь не призывалась в армию.

Но как бороться с малоземельем?! Перед местными органами было два пути избавления населения от этого недуга: вширь и вглубь. Вширь – путем осушения, орошения, выкорчевывания и берегоукрепительных работ, а также путем увеличения территории области за счет Моздокского района, где можно было создать земельный фонд до 31 тыс. дес. И вглубь – путем рационализации и интенсификации сельского хозяйства. Большие

¹ ЦГА СО АССР, ф. 41, оп. 1, д. 4, л. 24.

² ЦГА СО АССР, ф. 21, оп. 1, д. 44, л. 11.

³ Баев А. Указ. соч. С. 284.

надежды возлагались и на развитие промышленности в области. Промышленность должна была дать работу множеству рабочих рук, не находящих себе применения в сельском хозяйстве.

Уже в 1922 г. были начаты мелиоративные и берегоукрепительные работы. Разливы Терека, Ардона, Гизельдона, Урсдона и других горных рек причиняли в летний период большой ущерб посевам, уничтожали многие десятины удобной земли.

В 1923 г. началось строительство Цалыкского оросительного канала в засушливых степях Правобережной Осетии. Канал вступил в строй в 1925 г. В том же году начато строительство Дигорского обводнительного канала длиной 75 километров, который должен был снабдить водой 36-тысячное население и оросить плоскогорья.

Для поднятия урожайности в Осетии в указанное время создавалась и с каждым годом расширялась сеть агробаз, опытных участков и показательных хозяйств. Внедрялись лучшие сорта зерновых культур и наиболее продуктивные породы скота, в целом механизировалось сельское хозяйство.

Благодаря принятым мерам, значительной финансовой и материальной помощи, оказываемой Советским государством, горцы-переселенцы в Осетии постепенно налаживали жизнь на новом месте. Корреспонденты «Крестьянской газеты» и «Советского Юга», ставшие свидетелями переселения горцев на равнину в 1924 г., писали об одном из вновь образованных в Осетии селении: «Там примитивные землянки, крысы и лихорадка, иссушавшая большинство новопоселенцев. Условия жизни мучительные, первобытные, если не считать помощи хинином, оказываемой здравотделом»¹.

Но эти же корреспонденты побывали в том же селении через десять лет и увидели совершенно другую картину. «Слева от дороги большое село в зелени садов. Множество высоких пирамидальных тополей стрелами вонзились в голубой простор неба. Въехали в село по длинной широкой, с бульваром посредине, улице. Глазам своим не верим, разглядывая по улице веселые белянькие, с черепичными крышами дома, один лучше другого. И это Нарт! Прошло всего 10 лет! У каждого хозяина большой двор с курами, индейками, гусями, сад. В кунацкой ковры, хорошая мебель, чувствуется везде достаток. Всего за 10 лет целое огромное село поднялось из нужды. Не один, не два, не пять хозяйств, а сотни хозяйств, да и не в одном этом селе. Таково положение и в Фарне, Коста, Кирове»².

¹ «Советский Юг». 1924. 7 июня.

² Архив СОНИИИЭЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный в данной работе материал по переселению осетин с гор на плоскость бесспорно убеждает нас в том, что оно в истории осетинского народа было значительным событием. Переселение осетинского населения с гор на плоскость, продолжавшееся в продолжении последних трех столетий, имело важные социально-экономические, политические и культурные последствия.

Одним из ближайших последствий этого процесса было то, что он дал значительный толчок экономическому развитию края. Переселение улучшило хозяйственно-экономический быт как осевшего на плоскости, так и оставшегося в нагорном районе населения Осетии. С переходом на равнину произошло и перемещение сюда основной хозяйственной базы осетин горного района, которая на плоскости значительно расширилась, претерпела заметные качественные и количественные изменения и во многом определила перспективу исторического развития осетинского народа. Происшедшее расширение и улучшение хозяйственно-экономической базы осетинского населения избавило его от хронического сокращения. Являясь прямым следствием присоединения Северной Осетии к России, процесс переселения на плоскость для осетин был спасительным актом. Равнинная земля во многом расширила их хозяйственные возможности. «Почувствовав себя на просторе, земля которого веками не знала плуга, – писал известный экономист XIX в. А. Ардасенов, – осетины тотчас же воспользовались теми выгодами, которые могли извлечь из этой земли»¹. Сообразуясь с новыми условиями жизни, они прежде всего занялись земледелием, сделав его главной отраслью своего хозяйства.

Несомненно, что земледелие на плоскости сравнительно с нагорной полосой сделало значительные шаги. Оно здесь не нуждалось в той изнурительно тяжелой и тщательной обработке и уходе за пашней, в которых только и было спасение горца. Степная пашня не требовала навоза для своего удобрения и сложных ирригационных сооружений для орошения, а следовательно, обходилась без больших материальных и физических затрат. Плоскостной хлебороб вел свое хозяйство на богатых целинных землях, и они сторицей оплачивали его труд.

Таким образом, переселившееся с гор население оказалось в более благоприятных условиях для развития своего земледельческого хозяйства. Из зерновых культур осетины-переселенцы стали сеять выведенные более уро-

¹ В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С. 8.

жайные сорта пшеницы, проса, ячменя, ржи. Завели новые культуры – кукурузу и картофель. Сравнительно с горной полосой урожайность их значительно возросла.

Совершенствовались также формы и методы ведения земледельческого хозяйства. Господствующей на плоскости стала залежная система обработки земли. Географические условия на равнине определили и соответствующие им улучшенные типы земледельческих орудий, повысилась их производительность. Вместо легкой горной сохи на плоскости стали применять тяжелый деревянный, а позднее железный плуг. Улучшился и другой земледельческий инвентарь – бороны, косы, серпы, тяпки.

С занятием плоскости начинается меняться и характер скотоводческого хозяйства в сторону улучшения и повышения его продуктивности. Вначале состав стада на плоскости был тот же, что и в горах – с малым процентом лошадей, молочного скота. Доминировало овцеводство. Однако население скоро поняло невыгодность такого направления животноводства. Количество овец начинает заметно сокращаться, а количество крупного рогатого скота расти. Мелкая черная корова заменяется более крупной мясной и молочной породой.

С переселением осетин на плоскость было положено начало почти не культивируемым в горах отраслям хозяйства – садоводству и огородничеству, заимствованным у русских после поселения здесь казачьих станиц.

Развитие хозяйственной жизни в Осетии в связи со значительным расширением земледельческой базы его населения явилось материальной основой для дальнейшего развития в Осетии феодальных и капиталистических отношений. Переселение осетин на плоскость усилило эксплуататорские устремления феодалов, их попытки к полному закреплению основной массы земледельческого населения – холопов, кумаягов, адамихатов, кавдасардов и фарсаглагов. Увеличивается барщина и поземельные повинности, чего не знали крестьяне в горах. Плоскостная земля становится предметом бесконтрольного захвата со стороны осетинских феодальных фамилий. Концентрация земли в руках крупных землевладельцев и обезземеливание крестьян и связанная с этим процессом жестокая эксплуатация обостряли классовую борьбу в Осетии, что в свою очередь расшатывало устои феодальной, а затем и капиталистической системы.

Характеризуя социально-экономическую жизнь осетин после переселения, следует отметить весьма существенный факт проникновения промышленного капитала и в связи с этим, начиная с 40-х гг. XIX в., появление в Осетии промышленных предприятий.

Переселение осетин на равнину имело не только экономические, но и серьезные политические и культурные последствия. Безусловно, выход значительной части осетинского народа на равнину способствовал этнической его консолидации. Известно, что в горах осетины жили замкнуто. Сами условия жизни способствовали сохранению и консервации родоплеменной обособленности. Народ, расселенный по труднопроходимым и изолированным друг от друга ущельям, лишился регулярных экономических и политических связей не только с соседними народами, но и со своими единоплеменниками. Происходившая в этих условиях почти непрерывная межфеодальная, межродовая борьба в осетинских обществах мешала преодолению этих распрей. На плоскости сами условия жизни сближали жителей –

тагаурцев, куртатинцев, алагирцев, туалыцев, дигорцев. Осетинская равнина, образно говоря, явилась как бы огромной площадкой встречи горцев различных обществ и ущелий.

Жизнь на плоскости сближала осетин и с русским населением. Общась с русскими в городах Владикавказе, Моздоке, Алагире, а также в соседних станицах, осетины знакомились с их бытом, материальной и духовной культурой и усваивали их лучшие стороны. Между осетинами и казаками происходило частое общение на основе торговли, широко развивалось куначество.

Создавались более благоприятные условия и для развития мирных и дружественных отношений осетин с соседними народами: кабардинцами, ингушами, чеченцами, грузинами, армянами и другими. Документы довольно часто свидетельствуют о совместных антиправительственных и антифеодальных выступлениях осетинского, кабардинского, ингушского крестьянства. Многие осетины нашли приют и жили мирно в Кабарде, а ингуши – в Осетии и наоборот.

Оживление политической и экономической жизни осетин после их переселения на равнину вызвало и культурный рост населения Осетии. Зародилась письменность, появились очаги просвещения. В 1764 г. в Моздоке была открыта первая осетинская школа, а во Владикавказе в 1836 г. – осетинское духовное училище. В этих школах, а также в различных военных, гражданских и духовных учебных заведениях России и Грузии были подготовлены первые кадры осетинской интеллигенции, тем самым появилась возможность открыть в 50–60-х гг. XIX в. начальные церковноприходские школы в селах Осетии. В 1848 г. во Владикавказе открылась первая женская школа, а вслед за ней в 1864 г. и вторая.

Таким образом, переселение осетин с гор на равнину, явившееся результатом присоединения Осетии к России, объективно привело к значительным социально-экономическим и культурно-политическим сдвигам в общественной жизни Осетии. Оно стало одним из факторов оживления производительных сил в осетинских обществах. С выходом осетин на плоскость и получением ими здесь земли, с одновременным образованием здесь большого числа селений создались более благоприятные условия для развития земледелия, отгонно-пастбищного скотоводства, для торгово-экономических и культурных связей Осетии с Россией и соседними народами, способствовали дальнейшему приобщению осетин к более прогрессивным формам русской общественной жизни.

После победы Октябрьской социалистической революции процесс переселения осетин на плоскость получил качественно новое продолжение. Переселение это совпало с периодом наиболее активного проведения в жизнь ленинской аграрной политики.

Советское государство не только наделяло землей горцев-переселенцев, но, что особенно важно, оказывало им разностороннюю материальную помощь и моральную поддержку.

Переселение на плоскость положительно сказалось на жизни горцев уже в конце 20-х годов. С переходом же к коллективным формам ведения сельского хозяйства образованные в годы Советской власти селения, естественно, создали экономически более мощные коллективные хозяйства.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА возникновения плоскостных селений в Северной Осетии и динамика движения населения с гор на плоскость

№ п/п	Селения	Год основания	Количество дворов							
			1771 ¹	1826 ²	1866 ³	1886 ⁴	1900 ⁵	1917	1921 ⁶	1927 ⁷
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	Алагир	1850	–	–	63	?	428	671	607	857
2.	Андиатакау ^{**}		?	23	16	4	4	9	9	2
3.	Ардонская, ст.	1837	–	–	96	198	283	394	418	698
4.	Ардон	1824	–	113	295	403	456	845	961	1086
5.	Архонская, ст.	1837	–	–	167	398	546	719	601	1125
6.	Ахсаргин		?	28	15	7	7	5	5	7
7.	Архон		108	86	55	57	43	37	74	24
8.	Ахсарисар	1912	–	–	–	–	–	?	?	80
9.	Ацонага		10	9	3	10	13	6	3	0 ^{***}
10.	Абайтикау		?	35	23	29	34	35	36	22
11.	Бад		43	39	37	43	55	50	61	31
12.	Балта		27	46	32	57	68	89	91	?
13.	Беслан (Тулатово)	1847	–	–	62	168	249	430	432	1160
14.	Борзикау		62	57	26	42	50	45	45	22
15.	Батакоюрт, Старый	1844	–	–	170	304	392	575	235	477
16.	Батакоюрт, Новый	1920	–	–	–	–	–	–	250	320
17.	Бирагтикау		70	49	18	18	23	28	26	22
18.	Беритикау		9	7	2	5	4	2	2	2
19.	Биз		20	16	18	23	29	23	41	11
20.	Бирагзанг XVIII в.		?	11	20	32	45	94	104	139
21.	Брут (Шанаево)	1830	–	–	92	132	147	242	242	245
22.	Бугултикау		12	18	5	9	7	7	6	0
23.	Вакац		64	44	28	64	84	52	–	50
24.	Веселое	1892	–	–	–	–	67	208	275	991

* – данные не обнаружены.

** – даты образования горных селений автором не установлены.

*** – все жители переселились на плоскость.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
25.	Галиат		28	?	49	92	93	84	73	72
26.	Генал		50	21	5	?	7	8	7	0
27.	Гинат		10	7	4	16	23	12	11	26
28.	Гизель	1858	—	—	188	228	269	625	692	836
29.	Гулар		?	19	8	26	31	31	30	18
30.	Гули		26	?	16	26	27	23	11	3
31.	Гуркумта		10	14	6	9	7	8	6	5
32.	Гусыра		?	28	22	11	3	10	13	7
33.	Гусатикау		16	13	4	7	6	5	22	16
34.	Гутиатикау		18	17	?	9	9	10	7	1
35.	Дагом		40	27	17	21	22	21	24	20
36.	Даллагкау		85	109	36	47	49	55	30	7
37.	Даргавс		140	164	106	148	118	117	87	51
38.	Дарг-Кох	1842	—	—	140	291	322	449	539	552
39.	Деп		44	43	33	47	49	47	47	14
40.	Дзуарикау	1909						?	95	216
41.	Джимара		60	48	33	45	52	38	39	29
42.	Дзивгис		60	62	21	26	28	22	18	18
43.	Дзинага		120	169	73	28	27	36	46	48
44.	Дзуарикау		105	?	39	58	60	68	16	15
45.	Дигора (Христиановское)	1852	—	—	367	468	887	1576	1739	1742
46.	Донифарс		109	?	45	63	55	85	68	65
47.	Донисар		21	41	12	18	19	16	13	15
48.	Дур-Дур	18 в.	204	223	252	378	141	50	188	201
49.	Задалеск		187	?	23	?	40	44	42	40
50.	Заманкул	1835	—	—	138	227	368	658	696	710
51.	Зарамаг, Верхний		120	?	21	63	70	76	76	41
52.	Зарамаг, Нижний		140	?	42	26	28	36	42	16
53.	Зака		60	93	20	28	24	19	21	?
54.	Змейская	1849	—	—	224	403	619	686	702	1346
55.	Згид		25	30	39	86	80	78	77	75
56.	Зилга	1814	—	16	119	153	198	420	470	510
57.	Зриса		18	?	8	8	7	2	0	2
58.	Кодахджин	1917	—	—	—	—	—	?	46	44
59.	Кадат		35	52	18	20	23	12	19	18

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
60.	Коста	1922							251	265
61.	Какадур		69	63	47	68	74	40	40	33
62.	Калнахта		45	?	39	13	14	15	15	8
63.	Кирово	1922							322	316
64.	Камах		16	28	?	23	20	11	12	8
65.	Калака		28	?	12	23	29	34	35	?
66.	Карца		120	?	4	9	8	14	?	0
67.	Комсомольское	1912						50	68	49
68.	Камбулта		76	?	18	24	27	23	20	18
69.	Кани, Верхний		48	72	38	61	55	47	20	11
70.	Кани, Нижний		80	?	11	19	16	20	41	26
71.	Карагач	18 в.	?	234	?	173	45	59	60	?
72.	Красногор	1922								240
73.	Карджин	1830	–	–	73	158	186	307	307	495
74.	Карца, Верхняя		100	64	22	21	8	16	14	1!
75.	Карца, Нижняя		?	48	11	12	10	9	16	15
76.	Касатикау		23	?	48	33	26	40	40	28
77.	Кобан, Верхний		100	143	17	23	21	68	68	68
78.	Кобан, Нижний		80	108	4	13	19	36	36	45
79.	Кадгарон	1824	–	42	130	396	498	784	790	801
80.	Калотикау		–	?	?	?	4	3	3	0
81.	Кора		23	32	19	31	66	21	16	10
82.	Куртат (Ниж. Суадаг)	1911	–	–	–	–	–	82	23	83
83.	Кусурта		31	38	21	23	21	11	11	10
84.	Ларс		19	0	2	5	16	26	28	35
85.	Лац		50	60	37	53	60	69	69	25
86.	Лезгор		86	90	31	43	61	40	38	29
87.	Лескен	1866	–	–	9	98	145	392	409	504
88.	Ламардон, Верхний		50	68	30	56	52	52	51	12
89.	Ламардон, Нижний		13	19	9	18	24	11	10	8
90.	Лисри		60	57	32	64	61	79	80	39
91.	Луар		30	69	21	26	25	18	18	14
92.	Мостиног		?	32	21	?	32	25	25	17
93.	Мостиздах	1920	–	–	–	–	–	–	?	78
94.	Махческ		83	58	12	22	23	28	29	28
95.	Майрамадаг	1911	–	–	–	–	–	165	166	101

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
96.	Мизур		80	?	45	42	40	28	28	108
97.	Мизур, Нижний		?	?	?	?	19	10	10	3
98.	Мичурино (Ардонский х.)	1900	–	–	–	–	50	74	154	173
99.	Нар, Махчешский		?	16	5	?	28	29	26	26
100.	Нарт	1922	–	–	–	–	–	–	200	192
101.	Нар		12	17	88	13	30	18	18	9
102.	Ногир	1921	–	–	–	–	–	–	548	579
103.	Николаевская	1842	–	–	195	233	253	401	493	504
104.	Ногкау, Мизурский		56	56	18	21	39	10	9	30
105.	Новоосетинская	1810	43	71	127	187	290	390	484	?
106.	Новый Урух	1876	–	–	–	138	140	327	404	195
107.	Ногкау	1867	–	–	19	74	77	171	276	227
108.	Ногкау		?	18	10	16	17	45	45	28
109.	Ногкау		8	22	7	11	14	11	11	2
110.	Нузал		45	80	16	22	21	29	29	20
111.	Одола		31	39	15	9	8	11	12	11
112.	Ольгинское	1864	–	–	98	218	320	484	484	546
113.	Пуриат		15	?	14	21	13	15	15	15
114.	Разбун	1903	–	–	–	–	86	202	203	308
115.	Регах		8	29	9	19	24	15	15	12
116.	Садон		50	82	41	42	28	67	70	320
117.	Салугардан	17 в.	?	80	132	296	336	493	509	578
118.	Саниба	1892	–	–	–	–	45	189	190	186
119.	Саниба, Верхняя		26	60	38	53	45	51	50	31
120.	Саниба, Нижняя		24	34	34	49	51	50	49	38
121.	Сатат		60	?	42	56	57	42	42	21
122.	Ставд-Дурга	1923	–	–	–	–	–	–	?	310
123.	Синдзикау	17 в.	?	86	128	912	58	241	241	595
124.	Суадаг	1823	–	70	210	303	399	90	397	96
125.	Скасан		12	19	6	16	17	16	16	9
126.	Скат		16	28	?	4	3	0.	9	0
127.	Слас		13	?	8	8	10	11	11	6
128.	Средний Урух	1882	–	–	–	43	45	190	193	276
129.	Стур-Дигора		82	?	56	72	83	95	96	101
130.	Суларта		?	43	?	39	40	29	29	19

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
131.	Тамиск	17 в.	–	?	16	27	36	40	34	17
132.	Тапанкау		20	?	11	15	13	13	13	14
133.	Тменикау		88	93	43	40	28	32	30	18
134.	Тоборза		30	59	17	23	21	17	17	12
135.	Толдзгун	1903	–	–	–	–	–	48	34	60
136.	Тиб		210	183	97	86	47	45	43	35
137.	Тли		60	73	32	36	30	40	40	40
138.	Унал, Верхний		22	43	19	25	23	23	23	3
139.	Унал, Нижний		20	36	16	23	26	37	37	35
140.	Урсдон	18 в.	200	249	164	178	167	206	206	274
141.	Урсдон, Дагомский		25	?	17	23	24	15	15	4
142.	Фараскат		?	?	13	21	29	43	43	34
143.	Фарн	1922	–	–	–	–	–	–	–	327
144.	Фаснал		?	?	21	27	29	25	21	14
145.	Фиагдон	1923	–	–	–	–	–	–	136	157
146.	Хазнидон	17 в.	93	?	73	?	48	66	68	135
147.	Ханаз		?	?	38	52	55	59	56	47
148.	Харисджин		34	47	17	14	13	12	12	6
149.	Хаталдон	1911	–	–	–	–	–	80	98	97
150.	Хидикус		25	42	43	66	70	70	70	38
151.	Ход		150	38	56	72	91	103	103	90
152.	Хилак		53	67	24	25	27	24	23	20
153.	Холст		21	?	13	23	21	25	25	3
154.	Хумалаг	1810	–	54	152	268	288	591	685	728
155.	Хунсар		?	?	61	27	20	24	29	5
156.	Хинцаг, Верхний		19	30	7	16	12	5	5	0
157.	Хинцаг, Нижний		22	33	19	14	15	10	7	8
158.	Цамад		60	81	50	66	67	51	51	31
159.	Цасем		12	18	8	4	2	0	2	2
160.	Цей		78	06	48	86	105	150	153	78
161.	Цмити		90	88	48	63	60	68	59	48
162.	Црау	1911	–	–	–	–	–	102	102	216
163.	Цми		28	34	13	23	24	18	18	15
164.	Цус		15	19	13	17	18	13	13	4
165.	Черноярская	1804		76	116	189	256	377	390	?

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
166.	Чикола (Магометановское)	1852	–	–	150	239	455	691	693	1013
167.	Чми		22	32	21	22	20	30	30	32
168.	Чермен	1925	–	–	–	–	–	–	–	13
169.	Эльгона		16	?	10	9	9	8	9	8
170.	Эльхотово	1838	–	–	160	303	379	667	669	960
171.	Эммаус	1839	–	–	25	9	25	79	82	117
172.	Эспе		10	?	8	11	7	7	9	4

¹ ЦГАДИ, ф. 22, оп. 1, д. 11; ЦГАДА, ф. Госархив, разрез 23, № 9; Материалы по истории Осетии. Т. I. С. 161–166 и др.

² ЦГВИА, ф. Коллекция 414, дд. 300, 301; ф. ВУА, д. 6164 и др.

³ Кавказский календарь за 1866; ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 209, 210 и др.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 30 (Посемейные списки селений Владикавказского военного округа).

⁵ Терские календари за 1901 и за 1917 гг.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 50, оп. 1, д. 64.

⁷ Там же, ф. 42, оп. 1, д. 3.

Путь, равный столетию

(Очерк истории
аграрного развития
Северной Осетии XIXв.)

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли можно было найти во всей дореволюционной России район, где аграрно-земельные отношения приобрели бы такой острый и напряженный характер в общественной жизни населения, как в Осетии.

Все жизненно важные проблемы непременно были связаны с земельным вопросом, вытекали из него. Объяснялось это спецификой исторических, экономических и природно-географических условий, присущих именно Осетии. Взять хотя бы переселение горского населения на равнину или проблему временнопроживающих крестьян, которые характерны только для ее аграрного строя.

Северная Осетия в XIX в. принадлежала к тем окраинам России, где сельское хозяйство составляло сердцевину всей экономической жизни народа. До середины прошлого столетия почти все население Осетии было занято в сельскохозяйственном производстве, а к концу XIX в. – около 92 его процентов. Поэтому глубокое изучение названной темы позволит более полно определить общий характер и специфические особенности аграрного строя и уровень развития производительных сил Осетии и северокавказского региона в целом, направление капиталистической эволюции главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства, своеобразие проникновения капиталистических отношений в замкнутую горскую общину и их разлагающее влияние на сословно-феодальные пережитки в пореформенной горской деревне.

В начале прошлого столетия в Северной Осетии произошли значительные демографические изменения. Началось массовое переселение осетинского населения с гор на равнинные земли. Территориально Осетия значительно расширилась, она разделилась на две части – горную и степную. Сам процесс переселения имел важные социально-экономические, политические и культурные последствия. Переход большей части населения на плодородные земли Северо-Кавказской низменности дал сильнейший толчок экономическому развитию края. С переселением переместилась и хозяйственная база населения. Земледелие стало доминирующим, на плоскости оно значительно расширилось, претерпело и заметные качественные изменения. По существу, сельское хозяйство Осетии вступило в новый, сравнительно более благоприятный, этап своего развития. Оказавшись в орбите непосредственного влияния аграрной политики царизма, оно все настойчивее втягивалось в единый организм России. В Осетии стали складываться относительно прочные внутренние экономические связи. Наряду с этим, аграрная

жизнь приобрела определенную специфику, существенно отличавшую ее от других районов и даже региона в целом.

Экономика Осетии к концу XIX в. совершила переход от феодализма к капитализму, и буржуазные отношения в сельском хозяйстве стали господствующими. По существу, закончился период реализации положений крестьянской реформы 60-х годов, период вызревания предпосылок и условий к восприятию горским крестьянством революционных идей, к осознанию им своей роли в первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.

Основным и наиболее надежным источником по нашей работе служил архивный материал, извлеченный из различных архивохранилищ страны: в Орджоникидзе, Грозном, Нальчике, Ставрополе, Тбилиси, Ленинграде, Москве.

Значительная масса документов, на базе которых написана настоящая работа, сосредоточена в Центральном государственном архиве Северо-Осетинской АССР (ЦГА СО АССР). Характеризовать содержание всех фондов этого архива, содержащих материал по нашей теме, не представляется возможным. Скажем лишь о главных из них, заметно выделяющихся богатством фактического материала, Это, прежде всего, фонд № 25 «Управления Военно-Осетинского округа», фонд № 28 «Владикавказского комендантского управления»; фонд № 24 «Управления Владикавказского Военного округа»; фонд № 290 «Управления военного начальника Владикавказского округа». В руках комендантов Владикавказской крепости, начальников Владикавказского, а затем Военно-Осетинского округа сосредоточивалась вся полнота власти царизма в Осетии. Естественно, что военно-политические и социально экономические мероприятия, события, происходившие во внутренней жизни осетинских обществ, исходили от них, направлялись ими или согласовывались с ними. Они же являлись непосредственными проводниками всех идей, планов и предначертаний царского правительства и высшей кавказской администрации среди осетин. Разумеется, что все вопросы, связанные с землей, с аграрным устройством населения, возникновением новых населенных пунктов и наделением их жителей землей, санкционировались ими. Здесь же произносилось последнее слово в решении многочисленных земельных споров и тяжб, отсюда отдавались приказы по подавлению крестьянских выступлений в том или ином районе округа. Подобными документами положительно выделяется фонд № 233 «Комиссия по разбору прав туземцев Владикавказского округа»; фонд № 291 «Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа»; фонд № 254 «Комитета, учрежденного для разбора личных поземельных прав туземцев Левого крыла Кавказской линии» и фонд № 256 «Комиссии по правам личным и поземельным горского населения Терской области». Кроме всего, в этих фондах имеется ценный и интересный материал по работе правительственных поземельных комитетов и комиссий по Осетии – протоколы заседаний, докладные записки, инструкции, проекты, планы, постановления.

Весьма ценны также данные, содержащиеся в делах фонда № 242 «Управления межевой частью в Терской области». Эти данные дают возможность судить о размерах землевладения различных слоев осетинского общества, о беззакониях, творимых чиновниками этого управления, а также местного управления Министерства Госимущества в изъятии земли у мес-

тного населения и проведении поземельно-податных работ. Этот фонд является продолжением весьма крупного фонда № 32 «Управления межевой частью Терской области Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР (ЦГА ЧИ АССР). Кроме того, в указанном архиве нами найдены документы, содержащие обширный материал, знакомящий с методами межевой деятельности областной администрации. Имеются в них также данные по раннему переселению осетин-тагаурцев на равнинные земли. Большой популярностью у советских историков пользуется Центральный Государственный Военно-Исторический архив СССР (ЦГВИА). Здесь сохранились почти все материалы, связанные с военными действиями русских войск на Кавказе, с административно-управленческим устройством края и т. д. Нас особенно интересовали фонды, в делах которых отражены мероприятия царского правительства и его кавказской администрации по внедрению на Северном Кавказе своей земельно-аграрной политики. В различных фондах ЦГВИА хранится также обширный круг документов, характеризующих внутреннюю жизнь Осетии, ее общественно-политический и социально-экономический строй в первой половине XIX в. Эти материалы богаты различными статистическими данными, относящимися к вопросу о землевладении и землепользовании осетинских селений и казачьих станиц. В них имеется множество документов, проливающих свет на многие аспекты правительственной политики в крае, в частности, в них хорошо показана казачья колонизация. Это, в первую очередь, в фонде «Коллекции 414» дела № 300; в фонде ВУА дело № 6164 «Описание народов, обитающих на Кавказских горах, племен по правую и левую стороны Военно-Грузинской дороги, принадлежащих к Владикавказскому округу и зависящих от управления Владикавказского коменданта». В ЦГВИА были изучены также дела Управления начальника левого фланга Кавказской линии, Штаба войск Кавказской линии, Штаба войск левого крыла Кавказской линии, Штаба Кавказского Военного округа, Канцелярии Военного министерства, Департамента Генерального Штаба по делам кавказским и ряда других ведомств.

В ЦГВИА СССР в Ленинграде изучены дела фонда № 1268 «Кавказского Комитета», просуществовавшего с 1840 по 1882 г. В материалах фонда имеется «Доклад по Главному Управлению иррегулярных войск от 25 апреля 1872 г.», имеется материал, связанный с празднованием 25-летнего юбилея Кавказского общества сельского хозяйства в 1875 г. В них отложились также другие официальные донесения, циркулярные письма, отчеты, решения судов по поземельным вопросам, сведения о пожаловании земель знати и офицерам. Из этого фонда извлекли данные о состоянии полеводства, развития торговых отраслей земледелия, сведения о применении наемного труда в предпринимательских хозяйствах. Изучены также дела фондов № 391 «Переселенческого управления»; № 1290 «Центрального статистического комитета», № 381 «Канцелярии министерства земледелия», № 932 «А. М. Дондукова-Корсакова». В делах последнего есть материалы по введению на Северном Кавказе закона о всеобщей воинской повинности.

Высшая власть на Кавказе в продолжение всего XIX в. находилась в Тифлисе, поэтому, естественно, сюда должны были стекаться различные донесения, отчеты, рапорты, докладные записки и другая переписка. Из Тифлиса велась широкая переписка как с центральными и правительствен-

ными учреждениями Петербурга, так и со всеми губерниями и областями Кавказа. Ввиду этого в Центральном Государственном Архиве Грузинской ССР (ЦГА Груз. ССР), являющемся одним из крупнейших архивов страны, отложились важнейшие документы, имеющие первостепенное значение при изучении социально-экономической истории Осетии в продолжение всего XIX в. В поисках нужных документов нами просмотрены дела фондов: № 2 «Канцелярии главноуправляющего Закавказским краем»; № 4 «Канцелярии наместника Кавказского»; № 5 «Канцелярии начальника главного управления гражданской частью на Кавказе», № 219 «Временного отделения по делам гражданского устройства Кавказского и Закавказского края»; № 221 «Пореформенных центральных учреждений для устройства крестьян»; № 237 «Сословно-поземельных комиссий», № 545 «Кавказского горского управления», № 242 «Заведующего переселенческой частью на Кавказе»; № 416 «Кавказской археологической комиссии (раздел V – «Туземцы и инородцы», VI – «Колонизация края», VII – «Крестьянское дело», XX – «Сословно-поземельные отношения»); № 488 «Канцелярии экзарха Грузии»; № 492 «Осетинской духовной комиссии»; № 493 «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», фонды № 1013 и 1007 «Управления коменданта Владикавказской и Моздокской крепостей».

Давая краткий анализ документов, хранящихся в ЦГВИА, ЦГАЛ и в ЦГА Груз. ССР по истории Осетии, следует отметить, что большинство из них дублируются документами ЦГА СО АССР. Мы в таких случаях предпочтительно отдавали документам местного архива, так как в ЦГА СО АССР они большей частью находятся в черновых вариантах, что как раз наиболее ценно для исследователя.

Важным хранилищем по нашей теме является Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института (Архив СОНИИ). В работе использованы фонды 1-6, 9-10, 16-19, 22-23. Здесь хранятся копийные материалы, извлеченные в разное время работниками этого института, учеными вузов Осетии, краеведами республики в центральных и местных архивохранилищах страны.

Важным источником для нас служил полевой материал, позволяющий в ретроспективе подойти к характеристике хозяйства, социальной структуры, быта осетин в разные эпохи XIX в. В большом количестве этот материал собран в архиве СОНИИ в виде полевых дневников, экспедиционных журналов и отчетов. Их ценность как источника определяется, в частности, свежестью непосредственного восприятия рассказов старожилов, передающих из уст в уста родословные, старинные предания и различные исторические сюжеты. Материал этот нами использовался как по рукописным оригиналам, так и по публикациям.

Для изучения многих вопросов аграрной истории Осетии большую ценность как источник представляет материал различных сборников и периодической печати, таких как: «Сборник сведений о Терской области», «Терский календарь», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Терский сборник», газеты – «Кавказ», «Новое обозрение», «Северный Кавказ», «Терек», «Терские ведомости» и др.

Таковы основные группы источников, использованных автором в настоящей работе. В совокупности они составляют основу для раскрытия подня-

той темы. Однако при комплексном подходе к решению проблемы особенно четко выявляется неполнота и фрагментарность источников по отдельным вопросам. В этом случае, чтобы представить цельную картину истории аграрного вопроса и крестьянского движения в Осетии в XIX в. и дать ей с марксистско-ленинских позиций научную оценку, нам приходилось дополнять источники гипотетическими реконструкциями.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить самую искреннюю благодарность за помощь, оказанную ему при написании данной книги, а также за добрые советы и внимание профессорам Гриценко Н.П., Крикунову В.П. (г. Грозный), Невской В.П. (г. Ставрополь), Блиеву М.М. (г. Орджоникидзе), Кумыкову Т.Х. (г. Нальчик), Рамазанову Х.Х. (г. Махачкала), Тогошвили Г.Д. (г. Тбилиси), доценту Ратушняк В.Н. (г. Краснодар).

С неизменной благодарностью автор вспоминает добрые советы, поддержку в трудные моменты ныне покойного профессора М.С. Тотоева.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА ОСЕТИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XIX в.

Изменения в географии расселения осетин после присоединения Осетии к России

До конца XVIII в., в силу исторических обстоятельств, территория Осетии ограничивалась четырьмя горными ущельями на северном склоне Главного Кавказского хребта и несколькими ущельями в южной его части. Здесь осетинское население разделилось на ряд горных обществ по занимаемым ими ущельям. На северном склоне жители восточных ущелий, образуемых Терекон, Геналдоном, Гизельдоном, составили Тагаурское общество; жители ущелий по реке Фиагдон образовали Куртатинское общество; жители Алагирского ущелья по реке Ардон – Алагирское общество и по Уруху и его притокам – Дигорское общество. В свою очередь они делились на множество мелких патриархально-феодалных обществ. Тагаурское, например, распадалось на Даргавское, Кобанское, Санибанское, Дарьяльское, Какадурское. Во второй половине XVIII в. в них насчитывалось более 20 селений: Ларс, Чми, Балта, Бабатыкох, Кобан, Хынцаг, Даргавс, Ламардон, Какадур, Джимара, Тменикау, Кани, Генал, Саниба и др.¹

Куртатинское общество заключало Хидикуское, Цмитинское и собственно Куртатинское общества, население которого проживало, по данным 1780 г., в 21 селе: Карца, Джизи, Дзвгис, Гули, Ацонага, Даллагкау, Дзуарикау, Борзикау, Фардыгдон, Цмити, Кадат, Лац, Хидикус, Кора, Хилаг, Гусатыкау, Гутиатыкау, Харисджин, Андиатыкау, Бугултыкау, Калотыкау².

Более других распадалось Алагирское общество: Уаллагирское, Архонское, Мизурское, Садонское, Нузальское, Цейское, Нарское, Мамисонское, Закинское, Зругское. Здесь, по данным начала XIX в., насчитывалось более 83 мелких и крупных селений: Мизур, Суларта, Ногкау, Ход, Эгид, Садон, Назгин, Нузал, Цей, Бад, Цус, Архон, Луар, Холст, Джими, Унал, Цамад, Дагом, Зарамаг, Скасан, Гуркумта, Эриса, Слас, Цасем, Ечна, Еспе, Тобарза, Пуриат, Кесатикау, Хусмасиг, Абайтикау, Садат, Тип, Тли, Лисри, Камах, Эгид, Кадисар, Инджинта, Урсдон и др.³

Дигорское общество делилось на Донифарское, Стур-Дигорское, Тапан-Дигорское, Уаллагкомское. Каждое из них состояло из нескольких селений и располагало определенной территорией с общими пастбищами и лесами. В 1812 г. во всей горной Дигории насчитывалось 28 аулов: Дони-

¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 202, л. 110.

² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 202, лл. 112–115; ЦГАДА, ф. Госархив, раз. 23, д. 11, л. 6 об.

³ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 203, лл. 124–125 об.

фарс, Лезгор, Кумбулта – в Донифарском обществе; Задалеск, Ханаз, Нар, Фараскат, Мастинока, Калнахта, Махческ, Камата, Вакац и другие – в Тапан-Дигорском обществе; Камунта, Галиат, Дунта, Хунсар – в Уаллагкомском обществе и Дзинага, Гулар, Ногкау, Стыр-Дигора, КуССу, Одола, Моска – в Стыр-Дигорском обществе.¹

На северном склоне Главного Кавказского хребта крайними пределами расселения осетин были предгорные равнины, на востоке граница территории, занятой осетинами, проходила по р. Терек, на западе – по Уруху. Вот на этой территории после многократных монголо-татарских нашествий в XIII–XIV вв. нашли себе убежище и спасение осетины. Убежище это оказалось суровым. Население было обречено на тяжелую борьбу с природой. Испытывая в течение всей исторической эпохи острейший земельный голод, осетинское население постоянно находилось в железных тисках голодной смерти. Численность народа в последующие времена катастрофически сокращалась. Губительные эпидемии холеры и чумы превращали горную Осетию в край «черной смерти» и «мертвых городов».

В этих условиях выход значительной части населения на предгорную равнину был единственным средством спасения целого народа. Однако для политически разобщенных и экономически изолированных осетинских обществ этот жизненно важный вопрос не мог быть решен без содействия и покровительства извне². Такого покровительства осетины ожидали со стороны России. Достоверно известно, что уже в середине XVII в. осетины о подобном покровительстве и «оберегании» просили возвращающихся из Грузии московских послов³.

С начала XVIII в. просьбы осетин к Русскому государству о содействии в переселении на плоскость принимают систематический характер. Так, в 1747 г.,⁴ а затем в 1748 г. доверенные осетинских обществ побывали у кизлярского коменданта и вручили ему челобитную с подобной просьбой.⁵ По существу с такой же просьбой обратились к правительству Елизаветы Петровны члены Осетинского посольства в Петербурге в 1749–1752 гг.⁶ Спустя три года осетины вновь поставили перед правительством вопрос о переселении на равнину. В своей челобитной от 5 марта 1755 г. четыре тагаурских старшины с «общего согласия многих осетинских старшин» изложили свое бедственное положение. В ней говорилось: «Живем внутри гор весьма тесно и неисправно, во всем же имеем великую нужду и недостаток, не имея ни малой пахотной земли..., где бы могли для своего удовольствия сеять хлеба, а также скот довольный содержать».⁷ В третьем пункте челобитной осетины даже предложили точно места, куда они могли бы переселиться, если бы им было оказано содействие в этом. «А ныне мы отыскиали себе для поселения место близ тех же гор, где мы жительствоуем,

¹ См. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. С. 42.

² Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954. С. 9.

³ Полиектов М. Посольство стольника Толочанова и Дьяк-Иевлева в Имерети в 1650–1652 гг. Тифлис, 1926. С. 117–122.

⁴ ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1575, лл. 29–30.

⁵ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярского коменданта, д. 3309, л. 109.

⁶ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961. С. 42.

⁷ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1933. Т. 1. С. 43.

лежащую впусе, ни под чьим владением, а именно между двумя реками едучи из Кизляра через Татартуп в Осетию, в левой стороне. А расстояние имеет от того Татартупа более 50 верст».¹ В последующие годы XVIII в. подобные прошения от осетин русскому правительству неоднократно повторялись. Однако до 1774 г., ввиду известных внешнеполитических обстоятельств, русское правительство воздерживалось от активной военной помощи осетинам. Только с присоединением Осетии к России появились условия для оказания такой поддержки.

Частичное переселение на плоскость началось несколько раньше, еще в 60-е гг. XVIII в. В 1763 г. правительство основало в непосредственной близости к Осетии крепость Моздок. Моздоку отводилась роль не только военно-опорного пункта России на Северном Кавказе, но и центра развития производительных сил и экономического освоения края. В силу этого заселению Моздока горцами придавалось с самого начала его основания исключительное значение. Сенат предписывал первому коменданту Моздока подполковнику Петру Гаку, чтобы он приложил «душевное старание о склонении к переселению на оную же крепость осетинцев и киштинцев, живущих там же в Кавказских горах».² Коменданту давалось право отводить горцам «земли для пашни и садов сколько потребно». Помимо этого, переселенцам оказывалась помощь деньгами, отпускалось «заимообразно семян на посев, хлеба на питание».³ Первыми из Осетии в Моздок переселились 6 дворов в 1764 г. В последующие годы XVIII в. число переселенцев из разных ущелий Осетии непрерывно росло. Так возникли в моздокских степях хутора-поселки: Ос-Багатр, Кадиев, Медведев (1764 г.), Туманов, Калантарев (1765 г.), Бугулов, Дзодзиев, Каргаев, Кизилов (1768 г.) и др.⁴ В начале XIX в. недалеко от Моздока, на правом берегу Терека, возникло два больших осетинских селения – Черноярское (1804 г.) и Ново-Осетинское (1810 г.).⁵

До присоединения к России на Осетинской равнине было мало осетинских поселений, располагавшихся на хорошо защищенных, «крепких» местах предгорий, у самых выходов из ущелий: аул Тугановых (Дур-Дур), аул Кубатиевых (Урсдон), аул Караджаевых (Хазнидон), аул Кабановых, Кет, Фадау, Карагач – в Дигории; аул Мадзаевых (Салугардан) – в Алагирском; аул Батиевых (Карца) – в Куртатинском ущельях и аул Дударовых (нижний Чми) – в Тагаурии.⁶ Только в последней трети XVIII в., в связи с постройкой на территории Осетинской равнины целого ряда русских военных укреплений – Камбилеевского, Потемкинского, Елизаветинского, Григориополисского (1783 г.) и Владикавказского (1784 г.), горцы получили

¹ ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 1575, лл. 164–165.

² ЦГА ДАССР, ф. Кизлярского коменданта, д. 2310, л. 16 об.

³ Калоев Б. Из истории Моздока и моздокских осетин. – «Известия СОНИИ». Т. 25. С. 234.

⁴ Калоев Б. Указ. соч. С. 234.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис. Т. 7 С. 250 (в дальнейшем – АКАК). Время появления этих поселений в предгорье в исторической литературе ошибочно восходит ко второй половине XVIII в. Вероятнее всего, эту дату следует относить к более раннему периоду – к XVII в., хотя бы уже потому, что некоторые из них упоминаются в документах этого времени.

⁶ ЦГИАЛ, ф. Дело Синода за 1787 г., оп. 5, д. 147, л. 81 об.

возможность, под защитой гарнизонов этих укреплений, переселяться на плоскость. Однако такое переселение скорее носило случайный характер, а потому не было устойчивым. Оно не привело к образованию здесь долговременных самостоятельных населенных пунктов. К тому же, ввиду складывающихся тогда для России на Северном Кавказе неблагоприятных военно-политических обстоятельств, царское правительство часто оставляло на произвол судьбы эти укрепления, переводя их гарнизоны на север. Разумеется, осетины, оказавшись без защиты, также «принуждены бывали ретироваться обратно в горы».¹

Массовое переселение осетин на плоскость началось лишь в начале XIX в. На рубеже XVIII-XIX вв. влияние кабардинских феодалов в районе Осетинской равнины заметно ослабло. В результате ряда ударов, нанесенных русскими войсками движениям протурецки настроенной части кабардинских князей и усилению борьбы самих осетинских обществ за равнинную землю, кабардинские «кабаки» были перенесены на север, за Кабардино-Сунженский хребет. Жить на плоскости для осетин стало безопаснее. Русское правительство, позиции которого значительно упрочились здесь, объявило равнинные земли казенными и пользовалось ими в соответствии со своими целями. Правительство и его местные военные власти не только поддерживали, но и поощряли поселение осетин на них, оказывая им помощь при переселении. Военные начальники защищали появившиеся здесь осетинские селения всеми имеющимися силами от частых нападений внешних недругов.

Первые аулы на Осетинской равнине основали поселенцы из Тагаурского общества. В первые годы XIX в. здесь возникло свыше 9 тагаурских аулов. Первый из них – аул Джанхотов-Ларс был основан ларскими Дударовыми и их подвластными крестьянами в 1805 г., согласно грамоте Александра I от 31 декабря 1804 г. на имя тагаурского старшины Махамата Дударова.² Вторым аулом, по времени, был Хумалаг, или, как раньше его называли, – аул Инала Дударова, по имени своего основателя, богатого и влиятельного владельца из горного аула Чми. В 1810 г. за «усердие и преданность в службе» он получил обширные земли на левом берегу Камбилеевки и со своими подвластными переселился сюда.³

Аналогична история основания таких феодальных аулов, как Тасолтана Дударова – балтийского владельца (1814 г.), Габиса Дударова из Чми (1815 г.), Эльмурзы Дударова, Наурза Дударова, Османа Мамсурова, Мурзабека Тулатова (1818 г.).⁴ Нетрудно заметить, что почти все эти аулы были основаны жителями Дарьяльского ущелья, представителями феодальной фамилии Дударовых. Фамилия эта владела всей левобережной территорией Дарьяльского ущелья от Владикавказа до Казбеги. Чтобы лишить Дударовых влияния в Дарьяльском ущелье, по которому проходила Военно-Грузинская дорога, связывающая Россию с Закавказьем, правительство и его местные власти поощряли отдельных представителей Дударовых, «имеющих старание перейти на жительство в окрестности Владикавказа».⁵

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. Орджоникидзе, 1942. С. 109.

² Подробно об этом: Березов Б. П. Когда и как возникло сел. Хумалаг. «Мах дуг», 1970, № 11.

³ «Мах дуг», 1971 г., № 2; 1971, № 10.

⁴ АКАК. Т. 3. С. 215.

⁵ Там же. Т. 2. С. 685.

По данным документов и картографических источников начала XIX в., нетрудно усмотреть, что заселение равнины осетинами приняло более смелый и устойчивый характер. Из самого расположения осетинских аулов на плоскости видно, что их жители рассматривали свое пребывание здесь не как временное. Аулы приблизились к центру Осетинской равнины, к среднему течению р. Камбилеевки. Примечательно еще и то, что осетинами была освоена уже правобережная часть равнины, ранее считавшаяся недосягаемой для горцев. Здесь, в непосредственной близости от Елизаветинского военного укрепления, осетинами было основано 7 аулов.

Начало второго этапа массового переселения осетинского населения с гор и расширение в целом территории расселения осетин связано с именем генерала Ермолова, его деятельностью в должности командующего Отдельным Кавказским корпусом. Ермолов проявил исключительную заинтересованность в укреплении Кавказской военной линии и Военно-Грузинской дороги. Им был разработан план переноса Военно-Грузинской дороги с правого берега Терека на левый. Но до тех пор, пока левый берег не будет заселен «мирными горцами», как называл Ермолов осетин, осуществление этого он считал опасным. Привлечению осетин к охране дороги Ермолов придавал большое значение. Уже в 1816 г. он писал командующему войсками Кавказской линии генералу Дельпоццо: «Прошу не упустить из виду приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторые ополчения, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона».¹ Разумеется, эта задача могла быть успешно выполнена после их переселения на Осетинскую равнину, по самой середине которой проходила указанная дорога. «Поселение осетинских аулов между двумя хребтами, – не раз говорил он, – было бы чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношении для укрепления всего края... Поблизости к кордону весьма полезно иметь казенные аулы осетин, ибо за ними может быть учрежден удобнейший присмотр».²

Ермолов решительно потребовал от кабардинских феодалов не делать на плоскости «обид и притеснений осетинам», запретил им взимать с осетин, живущих здесь, повинности, ибо «землю они получили от правительства». По его приказу оставшиеся на Осетинской равнине кабардинские феодальные поселения были окончательно перенесены на север, и Кабардино-Сунженский хребет был объявлен границей между Кабардой и Осетией.

Очистив таким образом равнину от поселений кабардинских феодалов, Ермолов 8 июня 1822 г. предписал коменданту Владикавказа полковнику Сквиорцову: «Обозреть равнину от Владикавказа до Белой речки и назначить места каждому из них (алагирцам, куртатинцам, дигорцам, тагаурцам. – Б.Б.), сообразно количеству народа, могущего выселиться».³ Этим же летом владикавказский комендант исполнил волю наместника. Он представил на утверждение Ермолова план расселения осетин на плоскости с закреплением за ними определенных земельных участков, который тотчас же получил одобрение последнего.⁴ Полковник Сквиорцов немедленно приступил к реализации этого плана.

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 125.

² ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, л. 23 об.

³ Там же, ф. 52, оп. 1, д. 2089, лл. 23–26.

⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 126.

Осетины получили официальный доступ к равнине, заручившись объявлением наместника, что «выселяющиеся с гор осетины должны быть, как подданные российские, ограждены от всяких утеснений со стороны прочих народов под защитою нашею»,¹ осетины-горцы быстро стали заполнять плоскость. Как и раньше, поселения их располагались поблизости от русских военных укреплений, на берегах рек Гизельдона, Фиагдона, Ардона, Урсдона, Терека, Камбилеевки. Переселенцы из Тагаурии стали уже оседать и на левобережной части Терека. Здесь, в бассейне рек Гизельдона и Терека, с 1820 по 1825 г. ими было основано более 15 малолюдных аулов.

На берегу Терека, вдоль всей восточной окраины Военно-Грузинской дороги от Ардонского военного укрепления до самого Владикавказа, поселились: аул Есенова в 1823 г., аул Кардиусар в 1824 г., отселок Балтийский в 1824 г. и в 1825 г. аул Беслана Тулатова расположился у западных стен Владикавказской крепости.²

Переселение на равнину жителей Куртатинского ущелья носило несколько более компактный характер. Правда, и здесь представителями отдельных знатных фамилий (Борсиевых, Тезиевых, Есиевых, Цаликовых и др.) удалось прибрать к своим рукам значительные земельные массивы. Заметнее всего здесь образование отдельных фамильных поселений (отселков) в составе одного аула.³

Первоначальным местом поселения для жителей Алагирского ущелья являлось предгорное сел. Салугардан.⁴ Часть горцев оседала также в селениях Бирагзанг и Тамиск. Следует отметить, что эти алагирские селения, как и куртатинские, имели тенденцию неустанныго перекочевывания с места на место в сторону плоскости. Со строительством же Ардонского военного укрепления алагирцы стали пользоваться более отдаленными от гор равнинными землями, поэтому рядом с этим укреплением в 1825 г. было основано одно из крупных осетинских селений – Ардон.⁵

Земли западной части Осетинской равнины Ермолов отдал западным соседям алагирцев – дигорцам. В первой трети XIX в. сюда переместилась с гор значительная масса населения, хотя в указанное время здесь не возникло ни одного нового поселения. Быстрый рост численности таких дигорских селений, как Дур-Дур, Караджаево, Урсдон, Кора свидетельствует как раз об этом переходе. Отсутствие же в 20-е–30-е гг. на плоскости новых селений, по-видимому, объясняется тем, что земли здесь были закреплены за теми дигорскими феодальными фамилиями, которые уже до этого жили в предгорье.

В последующие годы процесс заселения горцами Осетинской равнины и района Моздока и образование здесь новых селений продолжает оставаться главным событием всей аграрной жизни Осетии. Правда, процесс этот на разных этапах имел различный характер и черты. Так, до 30-х гг. XIX в. в движении осетин на равнину преобладал принцип добровольности. Он был нарушен генералом Абхазовым в 1830 г. С этого времени имело место насильственное переселение жителей ряда горных осетинских аулов

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 368, л. 83.

² Приход Кадгаронский. — «Владикавказские епархиальные ведомости», 1900, № 18.

³ АКАК. Т. VI, ч. 1. С. 686.

⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 153.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 209, оп. 1, д. 109, л. 20.

на плоскость. Например, жители сел. Чми за участие в антиправительственном восстании в Тагаурии, все до единого, были согнаны на равнину и поселены на берегу реки Карджин, образовав на севере равнины аул Карджин. Такова же история возникновения плоскостных аулов Шанасва, Нижнего Кобана и Исса Дударова.

Был нарушен также принцип свободного поселения. До сих пор горцы поселялись на плоскости по своему усмотрению. Разумеется, среди осетин не было желающих поселяться на «далеких от их горных мест и поэтому опасных землях». Вот потому эти места равнины до некоторого времени оставались незаселенными. С конца 30-х гг. XIX в. военные власти ускоренными темпами стали заселять эти места. Осетинские селения здесь должны были сыграть, по мнению военных властей, роль «клина» между Чечней и Кабардой. Кабардино-Сунженский хребет приобретал большое стратегическое значение как для военных властей, так и для Шамиля. Покрытый лесом, он служил для последнего кратчайшим и весьма надежным сообщением с Западным Предкавказьем – с Кабардой и Карачаево-Черкесией. Поэтому, по замыслу местных властей, христианские аулы осетин должны были стать препятствием для Шамиля и отвечать тем же целям, каким отвечали казачьи станицы, усиленно насаждаемые царизмом на Северном Кавказе с этого времени. «Обратить переселение осетинских аулов на общую пользу для успокоения края от хищнических горских шаек»,¹ – такова была новая установка в этом вопросе. Осетинам здесь вменялось в обязанность охранять «свои земли», «расставлять на опасных для прорыва местах пикеты и ночные секретеры». Земля же, занимаемая осетинами, станет их «вечною и потомственною», если они сумеют ее защищать.² На таких началах были основаны: Заманкул в 1835 г., Скут-Кох в 1839 г., Эльхотово в 1838 г., Дарг-Кох в 1842 г. и Батакоюрт в 1844 г. Это самые отдаленные от Владикавказа осетинские селения на равнине.

Таким образом, в первой трети XIX в. в жизни осетинского народа произошло важнейшее событие – его переселение на территорию Северо-Кавказской равнины, что, естественно, внесло значительные изменения в географию расселения осетин. По существу, образовалась «Новая Осетия». Появились также целые «осетинские колонии» в районе Моздока, а позже и в Кубанской области. На этих территориях в течение первой половины XIX в. осетинами основано около 45 новых населенных пунктов. Территория Осетии значительно расширилась. Переселение осетин на равнинные земли Северного Кавказа и образование здесь новых селений продолжалось в течение всего XIX в. Однако все это уже не привело к изменениям в географии расселения осетин.

Классовая структура осетинского общества

В исторической литературе накопилось множество данных по истории Северного Кавказа, позволяющих вполне уверенно судить о классовой структуре в различных его регионах.

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 253, л. 11.

² Кокисов Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 19.

К началу XIX в. осетинское общество в целом разделялось на два противоположных класса: класс господствующий и класс феодально-зависимого сельского населения. Такая классовая организация не во всех районах Северной Осетии была одинаково четко выражена.

В Дигорском обществе давно стал выделяться класс крупных землевладельцев. Они назывались баделятами в Тапандигорском и Уаллагкомском обществах, царгасатами – в Стырдигорском и гагуатами – в Донифарсе. К баделятам относилось 7 фамилий: Тугановы, Кубатиевы, Караджаевы, Абисаловы, Кабановы, Битуевы, Чегемовы. Они и составляли высшее сословие в Дигории, державшее в зависимости крестьянские массы. Последние по степени личной, земельной и имущественной зависимости от баделей также подразделялись на разные категории. Существует множество довольно противоречивых преданий о происхождении семи дигорских феодальных баделей. Сами баделята, доказывая перед царской администрацией свои феодальные права на дигорских крестьян и на их земли, возводили свое происхождение к жившему якобы в XI – XII вв. Баделу, бывшему родом из Маджарии. Бадел, согласно этому преданию, по прибытии в Дигорию женился на девице из фамилии Крым-Шамхаловых из карачаевского племени. От этого брака родились семь сыновей: Туган, Кубат, Караджай, Абисал, Кабан, Чегем, Биту. От них и пошли семь вышеуказанных фамилий.

Влияние социальной силы баделей на дигорский «черный народ» во многом определялось союзом с более сильными соседями, кабардинскими князьями, и имело большое значение в смысле укрепления их классовых позиций. Такое классовое сближение было достигнуто баделятами ценой признания над собой вассальной зависимости от кабардинских феодалов. Случилось это, очевидно, после того, как феодальная Кабарда заняла равнину, и вся плоскостная земля была объявлена кабардинскими князьями своей вотчиной. Свои «права» и «достоинства» баделята передавали по наследству. Браки заключали в пределах своей социальной среды или с лицами соответствующего звания и происхождения – с феодалами других осетинских ущелий, с кабардинскими и балкарскими феодалами. Все население в Тапан-Дигории и Уаллагкомском обществе баделята считали подвластным себе. При этом, как отмечалось выше, степень зависимости различных крестьянских фамилий была неодинаковой. В этом отношении следует охарактеризовать положение самой массовой категории – адамихатов. Буквальный перевод названия этого слова – «подобие людей». «Уже самое название крестьян этой категории, – отмечал профессор Г. А. Кокиев, – как будто указывает на то, что баделята не считали адамихатов за настоящих людей, а считали их всего лишь «подобием людей».¹ Зависимость адамихата от баделей выражалась в том, что он наследственно считался подвластным одной из семи баделятских фамилий, положение его не менялось даже в случае переселения в другой аул. Феодальная власть распространилась, в конечном итоге, на движимое и недвижимое имущество адамихата. По прекращению рода по мужской линии все состояние адамихата переходило к баделяту, а жена покойного поступала к барину служанкой. Такая же участь ждала и его незамужних дочерей. Адамихат имел право переселиться к другому баделяту, но это не освобождало его от обязанностей выпол-

¹ Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956. С. 72.

нять всю жизнь натуральные и отработочные повинности тому или иному господину. При выдаче дочери замуж адамихат давал феодалу быка; при разделе имущества между братьями – также одного быка; во время годовых поминок – одного барана. Ему же поступала шкура убитого на охоте зверя и т. д.

Вообще, размеры феодальных повинностей и поборов устанавливались, как правило, самим феодалом, и поэтому в нормах повинностей у всех баделят не было единообразия. Баделята, живущие в предгорье, например, установили наряду с натуральной рентой (сверх обычных повинностей личного характера) и отработочную, т. е. поземельную повинность. Адамихатам, переселившимся с баделятами на земли предгорья в XVII–XVIII вв., пришлось испытать новый вид повинности – барщину, какой они не знали в горах. Так, у Тугановых «все пользующиеся на участках тугановской земли пахотой, сенокосом, разведением баранов, скота, лошадей, пчел, обязаны были ежегодно, сколько было в ауле плугов, произвести однодневную распашку для озимых хлебов, а для жатвы давали со двора одного жнеца».¹ Почти так же было у Караджаевых, Кубатиевых, Абисаловых. Каждый двор, кроме того, должен был давать феодалу известное количество мер хлеба, сена, меда, живности. «Поземельная зависимость, – отмечал знаток дигорского феодализма Б.В. Скитский, – стала для адамихатов крепостной петлей».²

Второй разряд зависимых от баделят крестьян – кумаяги. Кумаяги – дети баделят от так называемых «именных жен», купленных ими за калым из среды нижестоящих сословий. Такие жены и их дети жили в доме феодала, но, как правило, в помещениях для слуг или на конюшнях. Фактически положение кумаягов было рабским, хотя по обычному праву они стояли выше рабов и считались «младшими братьями» по отношению к законным детям баделяты. Они выполняли те же работы, что и рабы, по дому и в поле, но их нельзя было продавать. «Именная жена» со своим потомством обязана была жить в доме господина до самой смерти последнего. После же смерти баделяты она могла отделиться, если имела сына. Если же она была бездетна или имела только дочерей, она оставалась в доме господина. При разделе кумаяги оставались жить в том же ауле, что и феодал, но имели право переселиться и в другой аул. В XVIII в., например, в предгорной части Дигории образовалось два специальных аула – Вачила и Тума, которые «принадлежали незаконнорожденным детям баделятов».³ Зависимое положение кумаягов от баделят особенно усилилось с переселением в предгорье. «В новые времена, – свидетельствовал Штедер, – они (кумаяги. – Б.Б.) не только сделались вассалами, но баделяты смотрели на них и на их имущество как на свою собственность».⁴

На самой низкой ступени феодальной лестницы Дигории находилась категория косагов. Косаг в буквальном переводе означает «работающий». Это были рабы. Косаг в хозяйстве феодала выполнял самые разнообразные

¹ Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 18.

² Там же. С. 56.

³ Осетины во второй половине XVIII в. По наблюдениям путешественника Штеффера. Орджоникидзе, 1940. С. 47.

⁴ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 16.

виды работ без какого-либо ограничения во времени и объеме выполняемой работы. Источником рабства в Осетии были плен или покупка на невольничьем рынке. Как правило, рабы-косаги были иноземного происхождения и, как и везде, не имели никаких прав. Их можно было продать, подарить, наказать и даже убить.

В разряд зависимых в Дигории входили еще так называемые хехесы, от слова «хехезун», что означает «себя оберегающий». Это были переселенцы из соседних ущелий, покидавшие родные места по тем или иным причинам. Г.А. Кокиев считал, что причинами были кровная месть, борьба с феодалами, а главное, горское малоземелье.¹ Переселялись сюда в основном из Алагирского общества, Донифарса и Лезгора. Хехесы были лично свободными, но в новых местах жительства они оседали на землях баделятов, за пользование которыми несли поземельные повинности (натуральную ренту). Личная свобода хехесов заключалась в том, что они могли в любое время по своему усмотрению переселиться в другое селение или общество, уйти к другому феодалу. При этом, однако, лишались недвижимого имущества. Поэтому случаи подобного перехода были редки, хехесы почти никогда не пользовались этим «правом».

Несколько иная картина общественного развития наблюдалась в Стыр-Дигории и Донифарсе. В первом к феодалам-царгасатам относились фамилии Карабугаевых, Таймазовых, Кантемировых, а в Донифарском обществе и Лезгоре к гагуатам относились Кобекаевы, Кануковы, Найфоновы, Бериевы, Дзоблаевы и другие. По преданиям, эти феодалы считались более древними, но их власть в силу исторически сложившихся обстоятельств была сильно подорвана во второй половине XVIII в. Поэтому крестьянство здесь находилось в полузависимом положении. И тем не менее к началу XIX в. здесь, как и в остальных обществах Осетии, существовали частная собственность, социальное неравенство и феодальная эксплуатация низов.²

Такая же, как в Дигории, картина развития феодальных отношений была характерна и для восточной части Осетии – Тагаурии. Это общество, так же, как дигорское, резко делилось на два класса: класс феодалов (тагиата) и класс зависимого от них крестьянства (фарсаглаги, кавдасарды и рабы). К тагиатам относилось 11 феодальных фамилий: Дударовы, Тулатовы, Кундуховы, Алдатовы, Мамсуровы, Тугановы, Кануковы, Шанаевы, Тхостовы, Есеновы, Дзантиевы. Как и горские баделята, тагиата свое фамильное имя возводят к родоначальнику – Тага, тоже пришедшему в Тагаурское общество со стороны. Предание гласит, что Тага был бежавшим с родины армянским царевичем.

С конца XVIII в. тагаурские феодалы, подвергая зависимых крестьян бесчеловечной эксплуатации на строительстве мостов, переправ, стали обогащаться за счет доходов, получаемых с Военно-Грузинской дороги. Ежегодный доход от пошлин, взимаемых тагиатами с проезжих, составлял более 15 тыс. руб. Брачные союзы тагиата заключали только с высшими сословиями соседних обществ и, в редких случаях, с богатыми фарсаглагами. Плата за кровь тагиата была выше, чем за кровь простого тагаурца.

Земля в Тагаурии считалась феодальной собственностью тагиатов. Од-

¹ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. С. 45.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 106, л. 259 об.

нако впоследствии восемь фамилий: Тулатовых, Кундуховых, Алдатовых, Тугановых, Тхостовых, Мамсуровых, Есеновых, Шанасвых продали фарсаглагам в полное потомственное владение свои участки земли, удержав за собой только те, которые занимали они сами или их кавдасарды. По мнению Б. В. Скитского, такая «сделка» была совершена не по доброй воле тагиатов, а в результате обостренной классовой борьбы.

Наиболее массовой категорией крестьянства в Тагаурии были фарсаглаги. Фарсаглаг означает «сторонний человек». О социальном положении фарсаглагов, о степени их зависимости от феодалов в литературе нет единого мнения. По мнению Г.А. Кокиева, фарсаглаги ближе всего стояли к дигорским хехесам. Скитский и другие отождествляют фарсаглагов с адамихатами. Нам кажется, что об истинном положении лучше судить по документам: «Сословие фарсаглагов в Тагаурии то же самое, что в Дигории адамихат. Разница между ними в том, что степень личной подчиненности фарсаглагов алдарам не была столь значительна, как подчиненность адамихатов. Но если фарсаглаги сравнительно с адамихатами пользовались большею личной свободой, то сии последние не были столь зависимы от своих господ в поземельном отношении, как фарсаглаги от алдар».¹

За фарсаглагами по степени своей зависимости, да и по своей численности стояли в Тагаурии кавдасарды. Это те же дети «именных жен», как кумаяги в Дигории. По своему положению и обязанностям в отношении к феодалам между ними не было никакой разницы.

В восточной Осетии, в том числе и в Тагаурии, рабов называли по-разному: уацайраг, гурзиаг. Рабы в Тагаурии, не имели никакого собственного хозяйства. Вся тяжесть работ по хозяйству феодала ложилась на плечи уацайрага, подвергавшегося самой жестокой и бесчеловечной эксплуатации.

Классовая дифференциация в Куртатинском ущелье не была так резко выражена, как в двух других осетинских обществах. Здесь еще не было «сильных» феодальных фамилий. Тем не менее, и в нем появился растущий класс феодалов – куртатов (от родоначальника Куртата) или таубиев, и класс зависимых от них крестьян: фарсаглагов, кавдасардов, рабов. Как у тагаурцев, куртатинский фарсаглаг мог быть вольным или зависимым, смотря по тому, жил ли он на земле феодала. Последнему он давал ягненка весной, барана осенью, мешок хлеба, копну сена в конце каждого года и во время праздников – пироги, пиво, подарки.

Феодальные отношения в обществах Алагирского ущелья были развиты слабее всех. Но и здесь наблюдались феодальная эксплуатация и гнет основной массы населения со стороны «сильных фамилий», владевших лучшими угодьями и пастбищами.

В таком виде сохранились феодальный общественный строй и классовая структура в Осетии к началу XIX в. «Условием такой системы хозяйства, – писал В.И. Ленин, – является личная зависимость крестьян от помещиков... Формы, степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьян».²

¹ ЦГА Груз. ССР. Ф.12, оп.1, д.106, л.160.

² Ленин В. И. Полн.собр.соч. Т.15. С.131.

Земледелие. Формы землевладения и землепользования

Земледелие относится к наиболее древним занятиям осетин и их предков. Правда, в XIII–XV вв. земледелию в Осетии был нанесен большой урон. По существу, население вынуждено было начинать его на иных началах, применительно к неблагоприятно изменившейся обстановке.¹ Горное земледелие требовало создания фактически новой системы обработки земли и необходимых орудий труда.

Осетины в горах вынуждены были в буквальном смысле «делать» для себя пашню, занимая сначала более ровные площади, затем и самые склоны гор. Нагорная полоса, состоявшая из глубоких и труднодоступных ущелий, имела множество всевозможных препятствий для обработки земли. Там, где природа давала человеку малейшую возможность для поселения, горцы устраивали себе жилища и создавали, в зависимости от условий местности, большие и малые аулы. Они боролись за каждый вершок земли, расчищали речные долины, засоренные обломочным материалом гигантских скал. Птицу не разводили, боясь, что она причинит вред посевам. Ограничивали площади под пастбища, отводя для них самые плохие земельные участки. «В стремлении сэкономить место для пашни население вынуждено было не только строиться самым скученным образом, вести свои постройки вверх, в несколько этажей, но даже и своих покойников погребать в пещерах, складывая один на другого, а не то ставить их даже стоймя, оправдывая подобные способы погребения боязнью осквернить человеческим трупом землю».² Из остатков сел, сохранившихся в горах Осетии, видно, что люди в поисках новых мест поселения занимали самые высокогорные и труднодоступные места, хоть сколько-нибудь обеспечивающие их пахотными землями и сенокосами. «Мы житьствуем внутри гор весьма тесно и несправно, в земле же имеем великую нужду и недостаток»,³ – писали в 1755 г. русскому правительству осетины.

Земля в горах, удобная для хлебопашества, имела неслыханную цену – туджы аргъ («цена крови»). Так ценилась она даже в начале XIX в. «Если кто-нибудь владеет кусочком земли, – констатировал в 1807 г. Ю. Клапрот, – то он продает его другому по очень высокой цене. За несколько квадратных саженьей уплачивают одним рабом или 100–160 овцами».⁴ Нужно было самому видеть горное хозяйство, чтобы представить себе колоссальность труда, какой употребляли горцы для добывания хлеба насущного. Проезжая по горной полосе, и сейчас невольно обращаешь внимание на целые горы камней (цэндзет), наваленных посередине или в нескольких местах незначительного куска пахотной земли. Камни эти подобраны с участка и сложены здесь как будто для того, чтобы показать потомству, каких трудов стоило на голых скалах создавать почву. Этот гигантский труд не пугал

¹ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. С.130.

² Рклицкий В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области. «Известия СОНИИ», 1926. Т.2. С.170.

³ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1933. Т.1. С.43.

⁴ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. «Известия СОНИИ». Т. 12. С. 240.

горца, потому что, очищая землю и поливая ее своим потом, он смотрел на нее как на единственное средство спасения от голодной смерти. Неудивительно поэтому, что вся семья от мала до велика, целые дни проводила на своем поле, чтобы только извлечь из него все, что оно может дать.

На очищенный от камней кусок земли, еще с зимы, горец начинал перевозить на вьюках, или чаще на себе, перегной. Навоз складывался в небольшие кучки и в таком виде оставался до весны. Весной, после таяния снега, он тщательно разбрасывался по участку, и только тогда приступали к распахке земли. Пахали землю деревянной сохой местного изготовления. Это был небольшой деревянный крючок, к концу которого прикреплялся лемех. В соху запрягали горских быков. Труда, затраченного на создание искусственных участков, хватало только на один год – для получения одного урожая. На вторую весну почву приходилось обновлять. Урожай, получаемый с такого участка земли, не обеспечивал даже семьи. Собственного хлеба горцу-осетину хватало только на незначительную часть его скромных потребностей на 2 – 3 месяца в году.

Таким образом, имевшиеся в распоряжении горцев посевные участки доставались им исключительно путем искусственного создания пашен.

Все это сделало пашню в горах исключительной собственностью двора. Так возник в горах институт частной подворной собственности на пахотные участки. Кроме пахотной земли, к подворной собственности относились сенокосные участки (уыгæрдæнтæ). Их местоположение и размеры были самые разнообразные. Большинство из них располагалось на скатах гор, крутизна которых, по свидетельству М. З. Кипиани, С. Н. Тукмаева и других исследователей горного земледелия, достигала 40–50°. Покосные земли тянулись узкими полосками – по ущельям, окаймленным осыпями и обвалами. Наконец, располагались на карнизах скал. Для сенокосения использовались мельчайшие клочки по уступам гор, среди пашен, а также в местах, покрытых мелкорастущим кустарником и даже лесом. Условия обработки сенокосов, заготовка сена и доставка его на место также были довольно тяжелым занятием, однако это не пугало горцев, так как без этого бессмысленно было развитие скотоводства.

Наряду с подворной формой земледелия в горах Осетии существовала общинная. Она относится к пастбищным, луговым, лесным участкам. Как правило, такие земельные угодья находились в общем пользовании селения (аульская форма землевладения), фамилии (родовая форма), ущелья (племенная форма). Имела место и такая форма горного землевладения, когда только несколько сельских обществ в ущелье имели общие пастбищные, лесные и выгонные земли. Разумеется, главным средством жизни для горцев являлись не собственные мелкие подворные участки, а общественные покосы и пастбища, обслуживающие главную отрасль горского сельского хозяйства – скотоводство. «Пользование общественной землей было главным источником существования горца».¹

Процесс образования этих двух форм землевладения и землепользования в нагорной Осетии шел, как и у большинства горцев Северного Кавказа, двумя путями: заимки и захвата. Заимка осуществлялась так: первые поселенцы, осевшие на какой-либо местности, занимали нужное им коли-

¹ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 29.

чество земли. Чтобы обратить в горах такую бесплодную и малопригодную для земледелия почву в пахотную или сенокосную, требовались, как уже было сказано выше, невероятные усилия человеческих рук. Поэтому такие земли становились неотъемлемой собственностью тех, кто их обрабатывал, санкционированной народными обычаями. Другие же земли, не поддававшиеся обработке, обращались в пастбищные и поступали в общее пользование целого коллектива.

Со временем, с увеличением горского населения пахотные и покосные земли подверглись еще большему дроблению путем разделов наследственных прав и других обычных отчуждений. В конце XVIII – начале XIX в. в горах Осетии насчитывалось множество пахотных и отчасти покосных участков «в самых микроскопических дозах». Пастбищные, лесные, выгонные и другие угодья оставались неприкосновенными и строго сохранялись почти во всех ущельях горной Осетии и в более позднее время. Все члены рода, переселенные в другие ущелья, на плоскость или рассеянные по другим местам, сохраняли за собой право пользования родовыми пастбищными землями. Наоборот, все подселенцы, хотя бы и жившие здесь с «незапамятных времен», но не принадлежавшие к известному роду, лишались права пользования пастбищами.

Основателями захватного права являлись люди, составившие впоследствии сословие осетинских феодалов: баделята, царгасата, гагуата в Дигории, алдары в Тагаурии и «сильные фамилии» в Куртатинском и Алагирском обществах.

В условиях развития частного землевладения очень рано из основной массы свободных крестьян стал выделяться класс богатых землевладельцев. Как сам процесс возникновения феодальной знати, так и вопрос о ее местном или чужестранном происхождении не имеет документального освещения.

Присвоению подлежали не подворные владения, которые были ничтожны, а «главная продовольственная база горцев, – общинные земли, пастбища, леса, владение которыми давало власть над крестьянской массой, высылавшей свои стада на эти пастбища».¹

Присвоение этих земель было актом насилия по праву сильного, противным обычному праву освоения земель путем приложения труда. Народное правосознание никогда не мирилось с этой властью феодалов, считая незаконным захват общественных земель. Народ никогда не переставал считать эти земли своими. С установлением царской власти здесь в адрес местной и кавказской администрации посылались жалобы, просьбы, протесты со стороны целых обществ, появились статьи, восставшие против приписывания привилегированной части осетин феодальных прав и, в особенности, прав земельной собственности. Простой народ утверждал, что алдары, баделята, куртатинские таубии и алагирские «сильные фамилии» играли в Осетии только политическую роль, что привилегированность их происходила не от того, что они являлись владельцами земли и «душ», а потому, что они осуществляли военные и управленческие, «старшинские функции». Трудовой народ в горных краях отрицал право знати на землю.

¹ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. С. 130.

Вся многовековая история феодализма в Осетии, писал профессор Б.В. Скитский, была, «в сущности, то скрытой, то явной борьбой народа за захваченные земли, за возвращение их в свободное общинное пользование».¹

Включение Осетии в систему административного управления царизма и обострение социально-политической обстановки

Процесс создания административно-управленческого аппарата в Осетии – многосложный процесс. Он создавался и утверждался постепенно и поэтапно. С присоединением Осетии к России в 1774 г. она вошла в состав Астраханской губернии, а с разделением ее на две области – Астраханскую и Кавказскую, Северная Осетия осталась в составе последней, а затем, с 1786 г., в составе Кавказского наместничества. Административно-судебные и другие вопросы, касавшиеся осетин, решались Моздокским верховным судом и уездным управлением. С 1802 г. Осетия в военно-административном отношении непосредственно вошла в подчинение власти главноначальствующего в Грузии.²

Первые десятилетия XIX в. в деле вовлечения Осетии в систему управления царизма являются тем временем, когда правительство и его местные власти особенно стали форсировать этот процесс. Объяснялось это тем, что в 1801 г. к России присоединилась Грузия, и Россия нуждалась в беспрепятственном сообщении с ней по Военно-Грузинской дороге. А между тем в Осетии, а именно в Тагаурии, в это время была весьма беспокойная обстановка. Здесь часть реакционно-настроенных тагаурских феодалов во главе с Ахметом Дударовым и другими феодалами, подстрекаемые извне, со стороны Турции и Ирана, развернули широкую антирусскую деятельность, создавая значительные перебои в сообщении с Закавказьем. Поэтому от прочности власти в Осетии, Ингушетии и в Кабарде во многом зависело безопасное движение по Военно-Грузинской дороге. С этой целью военные власти Кавказа, выполняя прямую директиву правительства, проводят целый комплекс мероприятий по укреплению военного и административного могущества царизма в Предкавказье. Восстанавливается крепость Владикавказ, составляется в 1803 г. проект строительства Военно-Грузинской дороги («Александрова пути»), который включал ремонтно-строительные работы и строительство военно-опорных пунктов вдоль всей дороги в Дарьяльском ущелье.

Для осуществления этих мероприятий военные власти вместе с местными феодалами заставляли крестьян из окрестных селений выполнять тяжелые, изнурительные работы, подвергая их безжалостной эксплуатации.

Следует отметить, что местная феодальная знать в период строительства Военно-Грузинской дороги значительно активизировала свои эксплуататорские притязания на простой народ. Обладание Дарьяльским ущельем давало ей возможность получать с низших сословий различного рода повинности, всевозможные виды барщины. Феодалы заключили накануне до-

¹ Рклицкий В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области. «Известия СОНИИ», 1926. Т. 2. С. 170.

² Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1933. Т. 1. С. 43.

говоры с военными властями о постройке дороги на протяжении всего ущелья.

История классовой борьбы горского крестьянства в первой трети XIX в. знает немало примеров народных выступлений против произвола и беззакония военных чинов и феодально-крепостнического гнета местных эксплуататоров. Об этом свидетельствуют не только многочисленные, почти каждодневные стычки горцев, их протесты, жалобы, но и широкие антиколониальные и антифеодальные восстания в Осетии в 1802, 1804, 1812 годах, нашедшие свое подробное освещение в работах ряда авторов.¹ Уже в начале XIX в. в Осетии начинают складываться «новые порядки», заложившие основание административно-управленческой политике царизма здесь. Носительницей этих порядков была царская военная администрация, и внедрялись эти порядки в жизнь горцев в полном соответствии с планами царизма на Кавказе.

Новая власть сразу же вступила в противоречие с бытом и жизнью населения и была встречена им враждебно. Горское крестьянство связывало с актом присоединения Осетии к России свое социальное освобождение от феодальной знати. Но этого не случилось. Более того, оно вскоре убедилось, что создаваемая новая власть отдает крестьян на произвол феодалам, чиновникам.²

В деле утверждения этой власти на Кавказе генералу А. П. Ермолову, бесспорно, принадлежит особое место. Кавказская деятельность его имеет непосредственное отношение и к истории Осетии. И это не только потому, что с его именем ассоциируется процесс массового переселения осетин с гор на плоскость. С «ермоловской эпохой» органически связаны активные мероприятия по «внутреннему устройству» общественно-политической жизни осетин. Уже в 1916 г., во время первого своего инспектирования войск Кавказской линии, он с комендантом Владикавказа генералом Дельпоццо в общих чертах обговаривал план этого «внутреннего устройства» в Осетии. «Нахожу нужным, – сообщил он Дельпоццо в следующем году, – учредить между осетинами род волостного правления». Суть этого правления состояла в том, что Северную Осетию он разделил на административные районы – волости. При этом каждое осетинское общество избирало себе «правителями старейших и более уважаемых», на которых возлагалась обязанность разбора различного рода жалоб и наблюдение за выполнением указаний властей.³

Не случайно, что ермоловское волостное управление допускало известное самоуправление. «Самостоятельность» для горцев в решении многих вопросов, касающихся внутренней жизни Осетии, Ермолов допускал намеренно, ибо, считал он, «доселе не было между ними никакого порядка и они не разумеют необходимости власти». Поэтому «учреждение волостного правления нечувствительно к тому их приготовит». К тому же, такое

¹ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. «Известия СОНИИ». Т. 12. С. 240.

² Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972, С. 29.

³ Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. – «Известия СОНИИ». Т. V. С. 138.

административное управление ничего крамольного для правительства не таило, так как «главным начальником над осетинами» должен быть военный – офицер. «Через него должно быть требуемо удовлетворение обид, наносимых окрестным жителям, и он входить должен в разбирательство их. Без военного начальника и самое гражданское правительство не может приступать к следствию даже по делам уголовным».¹ Такой проект административного управления в Осетии был доведен Ермоловым до сведения соответствующих органов кавказской власти. Функции этого главного военного начальника он возложил на полковника Скворцова, вскоре заменившего генерала Дельпоццо в должности коменданта Владикавказа.

Вторым этапом ермоловского «внутреннего устройства» Осетии было его намерение «оказачить» осетин. Однако все старания лично самого Ермолова приохотить осетин к военно-казачьему быту не имели успеха. Зато в деле обложения осетин повинностями Ермолов был непреклонен. Он исходил из того, что Северная Осетия район, который полностью входит в состав России, а потому считал вполне резонным постепенно внедрить здесь систему государственных повинностей. Осетин обязывали доставлять на своих подводах дрова в военные укрепления, а для ремонта дорог – лес. Они несли также дорожную повинность, заключающуюся в охране Военно-Грузинской дороги от Моздока до Казбеги. Сами военные чиновники констатировали, что «повинности сии так обременяют народ, что не дают даже времени убирать с поля хлеб. Почти все мужчины и скот заняты ими исключительно». «Я видел сам у них хлеб, – писал очевидец, – гниющий на стебле и в снопах, в поле, под дождем, за отвлечением поселян от своих домов».² Феодалы от этих повинностей были полностью освобождены.

Важно отметить, что все нововведения ермоловского наместничества в Осетии, как впрочем, и в других районах Кавказа, насаждались суровыми мерами. Ермолов утверждал, что по отношению к простому населению «нужно действовать не убеждением, не кротостью и снисходительностью, а силою оружия и мерами суровости».³ Разорительные постои войск, разрушения жилища и потравы полей, реквизиция скота и скудных запасов хлеба, аресты были повседневным явлением в жизни крестьянства. Ермолов, будучи, безусловно, крупным деятелем и администратором, полководцем кутузовской школы, омрачил свое имя изобретением особенно жестокой системы борьбы с горцами Кавказа.

В наместничество Ермолова был сделан значительный шаг в военно-политическом «освоении» Кавказа царизмом и подчинении его отдельных районов административному управлению. Вернее сказать, все это было, лишь началом того массивованного, с широким применением военной силы, наступления царизма на Кавказе, которое началось сразу же после русско-иранских и русско-турецких войн. Оно имело своей целью перейти от политического присоединения народов Кавказа к полному их подчинению своей власти путем установления среди них царского режима со всеми его институтами.

¹ Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. — «Известия СОНИИ». Т. V. С. 139.

² Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. С. 90.

³ Тотоев М. С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 20–41; Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. С. 275–310.

Выполнив «военную часть своей миссии», власти сразу же приступили к новому административному разделу края. Так, Осетия и Ингушетия объявлялись в рамках одного приставства под начальством главного пристава – хорунжего Нижегородского драгунского полка Константинова. Главному приставу придавалось четыре помощника, назначенных исключительно из осетинских феодалов, успевших в это время получить офицерские чины русской армии. Подпоручик Эльмурза Дударов, весьма влиятельный и богатый тагаурский землевладелец, стал заведовать обществами в Куртагинском ущелье. В горной Тагаурии – прапорщик Сахуг Тулатов, представитель кобанских землевладельцев. Другой же кобанский старшина, прапорщик Уари Тулатов, в должности помощника Константинова стал управлять всей плоскостной частью Осетии. Помощником главного пристава по Ингушетии был назначен богатый тагаурский алдар поручик Тасолтан Дударов. Главному приставу был придан также целый штат переводчиков и письмоводителей. В аулах и селах также ломались старые учреждения. Они должны были замениться сельскими правлениями по образцу центральных губерний России. Во главе администрации назначались сельские старшины, непосредственно подчинявшиеся помощникам главного пристава Осетии и Ингушетии. Далее, для Осетии и Ингушетии Паскевич учредил окружной суд под председательством владикавказского коменданта в составе гражданских чиновников и двух народных депутатов с совещательным голосом. Местом пребывания окружного суда был избран Владикавказ. Пристав и его помощники руководствовались составленной в Управлении наместника инструкцией. Что касается окружного суда, то было признано необходимым, чтобы он свою работу строил на принципах, зафиксированных в общем положении судопроизводства в метрополии. «Насчет окружного суда, – доносил Паскевич правительству, – предписано, дабы оный в производстве дел и решений оных руководствовался правилами и порядком, начертанным в Учреждении о губерниях».¹ Весь штат управления в Осетии и Ингушетии оплачивался из суммы, выручаемой после продажи собранной с местных народов подати. Размеры этой подати стали значительными. Так, генерал Абхазов сам объявил жителям Осетии и Ингушетии, что «налагает на всех фарсаглагов и кавдасардов подать, состоящую отныне впредь из одного барана, 2-х кур и восьми фунтов сыру с каждого двора в год. Вышеназначенную подать должно будет вносить через посредство поставляемого над вами начальника российскому правительству в сентябре месяце».² Осетинские и ингушские феодалы от подати освобождались. Правда, «за возмущение простого народа против правительства» Абхазов лишил их права собирать пошлыны на Военно-Грузинской дороге.

Наконец, следует сказать и о том, что деятельность осетинской духовной комиссии в конце первой трети XIX в. снова становится предметом особой заботы всей краевой администрации. Созданная еще в первой половине XVIII в. и проделавшая значительную работу по внедрению православия в осетинском народе, в условиях усиленного насаждения административного управления в Осетии эта комиссия должна была сыграть не менее

¹ АКАК. Т. 7. С. 360.

² Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 271.

важную роль в соответствующей идеологической обработке ее населения. Между тем, комиссия едва ли была готова выполнить эту весьма важную для правительства миссию. В своем донесении Николаю I от 12 декабря 1830 г. Паскевич с сожалением констатировал, что работа осетинской духовной комиссии в настоящее время сведена к нулю, что осетины «лишь только в памяти своей сохраняют, что они были христиане. Хотя, — писал он далее, — у них бывают наши проповедники из грузинского духовенства, но они не имеют ни ловкости, ни даже дара, отчего турецкие муллы более их успевают».¹ Чтобы оживить работу православного духовенства, наместник считал необходимым «Учреждение в собственной их земле местного духовного управления и назначение в Осетию таких проповедников, которые могли бы оправдать выбор и исполнить свое теперешнее назначение». Местным военным начальникам Паскевич строго предписал «избрать из аманатов, данных знатными осетинами, несколько молодых людей из лучших фамилий и с хорошими способностями и прислать их в Тифлис... для образования в Семинарии и приготовления их к духовному званию».² В Осетии началась настоящая чистка рядов служителей церкви, замена негодных, не оправдавших «выбор» правительства, более энергичными и деятельными. Упор был сделан на «вызванных из России» священников. В Тифлис на учебу в духовную семинарию была отправлена группа молодых осетин. В будущем на них возлагались большие надежды.

Итак, введение среди осетин военно-административного и полицейского аппарата — приставства, суда и налоговой системы, а также значительное обложение и усиление деятельности православной церкви было основным итогом деятельности царизма и его кавказской администрации в Осетии в первой трети XIX в.

На первых порах местная власть торжествовала победу. Пока население не пришло в себя после карательных действий войск Абхазова, здесь как будто было тихо. Обрадованный этим генерал Абхазов 30 ноября 1830 г. доносил Паскевичу: «Желая устроить на прочном основании порядок между вновь покоренными горскими народами и водворить спокойствие между ними, я предписал приставу и помощникам его заняться разбирательством дел их и удовлетворением их претензий. Повиновение горцев и готовность удовлетворять претензии как частные (претензии феодалов к своим крестьянам — Б.Б.), так и казенные (сбор подати, контрибуции — Б.Б.) превзошли мое ожидание. Даже самые отдаленные деревни, — сообщал он, — оказывают примерное повиновение воле правительства».³

Однако это было стремление выдать желаемое за действительное. Осетинские и ингушские аулы не покорились насаждаемым царизмом порядкам. Кстати, в скором времени об этом же доносили из Осетии и Ингушетии представители местной власти. Поэтому через три месяца Абхазов снова настоял на организации новой экспедиции. Паскевич приказал ограничиться разгромом крестьян одного аула, ибо «пример этот без сомнения подействует на прочих».⁴

¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. 2. С. 271.

² АКАК. Т.7. С. 349.

³ Там же. С.372.

⁴ Там же.

Объектом для новой экспедиции был избран, по настоянию феодалов Тулатовых, горный аул Кобан. Ведь в Кобане хозяйничали Сахуг, Уари Тулатовы – помощники хорунжего Константинова, «с большим усердием исполняющие свои обязанности». По свидетельству документа, «Сахуг сам был главным проводником войск Абхазова для уничтожения Кобана».

Кобан с его 130 домами и 10 оборонительными башнями был razорен.¹ Позже генерал Абхазов цинично доносил, что рыдающие от горя женщины и дети «без всякой обиды выведены с имуществом из домов» и препровождены на плоскость. Здесь же, в окрестностях Владикавказа, в лагере, наспех организованном военными властями, провели они зиму 1830–1831 гг. А когда пришла весна, их поселили отдельным аулом недалеко от Ардонского военного укрепления. Кобан же и его земля были «объявлены казенным имуществом».

Однако такое «примерное наказание» кобанцев не заглушило разворачивающуюся среди горного населения антиколониальную и антифеодальную борьбу. В продолжение 1831 г. из различных районов приставаства опять стали поступать во Владикавказ тревожные рапорты. В них представители сельской власти сообщали, что жители отказываются нести «двойные повинности» – казне и феодалам. Народ повсеместно стал требовать освобождения его от обязательных повинностей в пользу феодалов.

Особенно тревожной была обстановка в аулах Тагаурского и Галгаевского обществ. Здесь крестьяне выступали не только против произвола властей и жестокой эксплуатации. Они протестовали и против насильственной христианизации. Осенью 1831 г. в центральный аул кистинцев Хули прибыли в сопровождении солдат пристав Константинов с двумя помощниками. Отряд по приказу хорунжего стал разорять дома жителей аулов. Недовольство вылилось в крестьянский бунт. Кончилось тем, что дом, где спали пристав, его помощники и сопровождавшие его духовные персоны, кистинцы подожгли.² На следующий день воинский отряд был перебит, во Владикавказ вернулось лишь 11 человек.

Гибель главного пристава горских народов, двух его помощников и группы православных миссионеров послужила сигналом к новым массовым репрессиям против горцев. Сменивший Паскевича в должности главнокомандующего барон Розен решил сам возглавить карательную экспедицию в Галгаевское общество. В июле 1832 г. Розен прибыл в горы с войском в 1025 человек с несколькими горными орудиями.

Итог его экспедиции был аналогичным предыдущей – «селения сожжены, пашни потравлены... башни, служившие для жителей лучшим убежищем, взорваны порохом».³

Поход барона Розена в горские аулы не был последним. Аналогичные меры употреблялись кавказской и местной администрацией и в последующие годы.

Таким образом, местное население не мирилось с новыми порядками, выступало против них. Режим, установленный царизмом в Осетии, «с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, л. 27, лл. 26. об. 27.

² АКАК. Т. 7. С. 372.

³ Там же. Т. 8. С. 677.

туземцев, во всех его разнообразных проявлениях – до самых пустых мелочей включительно».¹ Военно-административные нормы, вводимые царизмом среди горцев, не соответствовали ни нравственно-бытовому, ни, тем более, правовым понятиям последних. К тому же режим весь был проникнут духом произвола и стяжательства. Назначенные в Осетию и Ингушетию приставы, их помощники, все местное чиновничество отличались теми качествами, которые были свойственны царской администрации вообще. Злоупотребления были обычным явлением. Давая характеристику этой администрации, сотрудник секретной службы полковник Викторов так писал шефу III Отделения: «Страшное взяточничество, произвол и насилие чиновников над населением – явление на Кавказе повсеместное..., порядочных людей достать почти негде».²

Насадив в Осетии военно-административное управление, царизм тотчас же приступил к его упрочению. С этой целью в 1831 г. здесь было устроено 5 военных поселений. В этих поселениях, которые расположились в основном вдоль Военно-Грузинской дороги, уже с 1832 г. военные власти поселяли женатых солдат и ушедших со службы нижних военных чинов. За счет казны им были построены дома, отведены земли.³ Заселение их происходило быстро. Уже через год в пяти поселениях насчитывалось до двух тысяч женатых солдат. В 1842 г. эти военные поселения были преобразованы в казачьи станицы, в которых проживало уже 2500 человек.

Итак, в начале прошлого столетия в Осетии произошли важные демографические изменения в расселении ее населения, непосредственно связанные с процессом переселения осетин с гор на земли Северо-Кавказской низменности. Образовался новый район – равнинная Осетия. Значительно расширилась земледельческая база осетинского народа, в связи с чем земледелие стало главной отраслью сельского хозяйства.

Более быстрое, по сравнению с предшествующим периодом, развитие земледелия на плоскости и скотоводства в горах после хозяйственного освоения земель Владикавказской равнины вызвало в осетинском обществе качественные социально-экономические изменения.

В начале XIX в. общественный строй Осетии переживал стадию усиления феодальных отношений, для которых плоскостное земледелие явилось хорошим базисом дальнейшего интенсивного роста.

Осетинское общество разделялось на два противоположных класса: господствующий и класс феодально-зависимого сельского населения. Такая организация не во всех районах Северной Осетии была одинаково четко выражена.

После присоединения Северной Осетии к России влияние на общественную жизнь осетинских обществ феодальной Грузии и Кабарды постепенно было сведено на нет. Уже в начале XIX в. они оказались в орбите аграрной политики царизма, и отныне дальнейшее социально-экономическое развитие Северной Осетии определялось непосредственно этой политикой.

¹ Хетагуров К. Л. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 4. С. 189.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6477, л. 1 об.

³ Там же, д. 6258, л. 2 об.

ОБОСТРЕНИЕ СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОСЕТИИ. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ И КОМИТЕТОВ в 40—50-е гг.

Усиление феодального гнета и рост антифеодальных выступлений крестьянства

Северная Осетия к половине XIX столетия разделилась на горную и степную. В ней произошли заметные демографические изменения. Значительная часть населения переселилась с гор на равнину. Возможность пользоваться плодородными землями Осетинской равнины было для населения событием поистине историческим. Оно имело важное социально-экономическое, политическое и культурное значение. Освоение плоскости дало толчок экономическому развитию края. С переходом на равнину произошло перемещение сюда основной хозяйственной базы осетин горных районов, которая на плоскости значительно расширилась, претерпела заметные качественные и количественные изменения, во многом определив перспективу исторического развития осетинского народа.

Прежде всего, осетинское население было избавлено от хронического сокращения его численности, ибо расширение и улучшение хозяйственно-экономической базы положило конец таким губительным явлениям, как массовые голодовки или систематическое недоедание. Как известно, суровая горная природа и малоземелье были уделом горцев. «Удивительную неустроенность поземельного быта в горной Осетии», «умопомрачительную крайнюю бедность», и «потрясающее нищенство ее обитателей» отмечали в один голос посещавшие ее путешественники еще в начале XIX в. «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе»,¹ — отмечал даже А.С. Пушкин. Систематические голодовки, эпидемические болезни превращали горную Осетию в край «черной смерти» и «мертвых городов».

Документально доказано, что если численность ее жителей в средние века исчислялась «сотнями тысяч душ»,² то к 1783 г. ее население составляло около тридцати тысяч человек, к 1800 г. — двадцать пять тысяч человек, к 1826 г. — чуть больше двадцати тысяч человек,³ то есть за 70 — 100 лет ее население сократилось почти в пять раз. Другая картина наблюдалась после переселения на плоскость. Кривая роста численности населения Северной Осетии пошла вверх. В 1833 г. осетин уже насчитывалось тридцать пять тысяч человек, в 1860 г. — шестьдесят шесть тысяч человек, в 1880 г. — сто одиннадцать тысяч человек и в 1900 г. — сто шестьдесят тысяч человек, то есть за 70—80 лет население увеличилось более чем в 8 раз.⁴

¹ Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. Спб., 1869. С. 102.

² Материалы по истории Осетии. Т. 1. С. 156.

³ Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. С. 13.

⁴ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидз. 1968. С. 39.

Переселение на плоскость, таким образом, было для осетин спасительным. Плоскостная земля значительно расширила их хозяйственные возможности. Хотя пребывание первых поселенцев на равнине было беспокойным и опасным, тем не менее, оно было предпочтительнее, чем в горах. По свидетельству З.Н. Сосиева, жизнь первых переселенцев складывалась в условиях, тяжелых для экономического развития. «Вечно тревожное положение населения, подвергавшегося набегам со стороны. Систематическое уничтожение посевов и загонов, кражи имущества и детей были обычными явлениями. Отлучки из аулов далеко в поле на работы были небезопасны; выходя на работы, несколько семейств соединялись вместе и, на случай нападения, мужчины работали, вооруженные огнестрельным оружием».¹ Террору князей и феодалов, нападениям их вооруженных отрядов горцы противопоставляли коллективную защиту и взаимовыручку.

Считая равнинную землю своей собственностью, кабардинские, кумыкские феодалы рассматривали поселения осетинских аулов на территории Владикавказской равнины не иначе как посягательство на свои права. Поселенцев они считали своими подданными и ежегодно облагали феодальными повинностями или требовали от них при поселении денежное вознаграждение. Известно, например, что крупные кабардинские землевладельцы Мударовы, Бекович-Черкасские, Ахловы, Анзоровы до конца 30-х гг. XIX в. взимали с жителей плоскостных осетинских и ингушских аулов на правом берегу Терека поземельные повинности. Лишь широкие антифеодальные волнения, прокатившиеся во всех девяти аулах в конце первой трети XIX в., принудили феодалов отказаться от этих повинностей. К тому же русская администрация в этом вопросе отказалась поддержать землевладельцев. «Осетины поселены на плоскости по воле е. и. в., и они не должны вносить повинностей кабардинским владельцам за землю»,² – таково было категоричное разъяснение наместника Кавказа барона Розена.

С аналогичными трудностями была связана жизнь на равнинной земле и для жителей других осетинских плоскостных селений, расположившихся в отдалении от русских военных укреплений. Жители горного аула Ниж. Карца в количестве 16 дворов еще в 1810 г. переселились в предгорье, в местечко Суадаг. Но переселенцам недолго пришлось наслаждаться богатой местностью. По свидетельству современников, их мирную жизнь часто нарушали набегами вооруженные отряды кабардинских, ингушских и тагаурских феодалов, из-за чего суадагцы принуждены были возвратиться обратно в Ниж. Карца.³ Через год с лишним их поселение было полностью сожжено. Но в 1825 г. они снова переселились в урочище Суадаг (на этот раз горцев было более 100 дворов), дав накануне, как сообщает источник, клятву друг другу, что на новом месте будут жить дружно и защищать себя коллективно. «Вторые переселенцы водворились в Суадаге между двумя оврагами, а с других двух сторон выкопали большие рвы, устроив в них ворота, к которым были приставлены стражники».⁴ И суадагцы «полевые

¹ Сосиев З. Станица Чернаярская. «Терский сборник», вып. 5. Владикавказ. 1903. С. 65.

² ЦГВИА, ф. 13454, оп. 15, д. 609, л. 19.

³ «Владикавказские епархиальные» ведомости, 1900, № 18. С. 316.

⁴ Там же. С. 318.

работы, как весенние, так и осенние, выполняли не иначе как... при вооруженных верховых для защиты рабочих от внезапных нападений».¹

Жизнь поселенцев на плоскости тем не менее входила в нормальное русло. Она становилась обеспеченнее во всех отношениях. Площади земли, занятые первыми поселенцами, составляющие громадные пространства выпасов и степных сенокосов, богатые сочными травами, были пригодны для земледелия и скотоводства. И осетины, обосновавшиеся на плоскости, в полной мере воспользовались этим. «Они хорошо обрабатывают поля, — писал очевидец. — Их урожай обычно так обилен, что они могут продавать большую часть своего хлеба как излишки. У них имеются большие стада, по сравнению с горцами они зажиточны, в чем им помогли плодородная почва и хорошее месторасположение». Владикавказская равнина действительно имела исключительно благоприятные почвенно-климатические условия: умеренный и здоровый климат, масса родников и рек, плодородный почвенный покров. Атмосферных осадков выпадало достаточно. Богатые луга равнины с разнообразными сочными травами, по словам путешественника XVIII в. Штедера, напоминали «ландшафт богатой Швейцарии».

На первых порах поселенцев никто не ограничивал в земле, поэтому они обрабатывали ее столько, насколько хватало сил и средств. Сообразуясь с условиями своей жизни, они обзавелись личным хозяйством, устроили прекрасные сады, развели пчел. «Почувствовав себя на просторе, земля которого веками не знала плуга, — писал известный экономист XIX в. А.Г. Ардасенов, — осетины тотчас же воспользовались теми выгодами, которые могли извлечь из этой земли. Они, прежде всего, переменили свою соху — «дзывыр» на тяжелый передковый плуг, напоминающий малороссийский».²

Статистические органы, обязанные следить за ходом развития хозяйства, были учреждены лишь в 1872 г., так что нам неизвестна даже величина посевной площади до середины XIX в., но несомненно то, что земледелие на плоскости не нуждалось в изнурительно тяжелой и тщательной обработке и уходе за пашней, в которых только и было спасение горца. Плоскостная пашня не требовала навоза для своего удобрения и ирригационных сооружений для орошения, а следовательно, обходилась без больших затрат. Хлебороб вел свое хозяйство на богатых целинных землях, и они сторицей оплачивали его труд.

Бесспорно, переселившееся с гор осетинское население оказалось в более благоприятных условиях для развития своего земледельческого хозяйства, чем оставшиеся в горах. Из зерновых культур осетины-переселенцы сеяли пшеницу, просо, ячмень, рожь, а с 30-х гг. — кукурузу, считавшуюся до этого огородной культурой. Разумеется, осетины разводили все это и в горах, но на гораздо меньших площадях, значительно возросла и урожайность этих культур. Были выведены новые сорта пшеницы, проса, ячменя. До начала 30-х гг. XIX в. торговля хлебом у жителей равнинных сел Осетии находилась в меновой стадии. Она в основном велась с жителями горной зоны. В последующие десятилетия товарность земледелия медленно, но неуклонно возрастала. Совершенствовались также формы и методы ведения земледельческого хозяйства. Господствующей на плоскости стала

¹ «Владикавказские епархиальные» ведомости, 1900, № 18. С. 318.

² В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С. 8.

залежная система обработки почвы. Земля сельских обществ делилась на несколько участков, использовавшихся по очереди. Пока один участок возделывали под пашню, на другом пасли скот, на третьем косили сено и т. д. Затем пахотный участок становился выгоном, выпас – сенокосом, третий распахивался.

Географические и климатические условия равнины определили и соответствующие им улучшенные типы земледельческих орудий. Вместо легкого горного на плоскости стали применять тяжелый деревянный плуг («гутон»). Впрягали в него от 4 до 6 пар волов. Такой плуг входил на глубину 5–7 вершков и вспахивал в день до одной десятины.¹ Позже, в пореформенный период, деревянные плуги стали вытесняться железными. Улучшился и другой земледельческий инвентарь – бороны, косы, серпы, тяпки. Развитие земледельческого хозяйства предполагало и более успешное развитие овцеводства. «Если абсолютное большинство жителей плоскости, – писал современник, – поселились здесь, имея всего одну-двух-трех овец, в лучшем случае заношенного бычка, корову, то в скором будущем редко какой плоскостной житель не займет десяток-два овец, а то и больше, пару коров, быков и лошадей».² «В первое время переселения осетин на плоскость, – указывал А.Г. Ардасенов, – скотоводство и овцеводство процветали. Народ понимал ясно выгоду и легкость занятия этим делом в новых условиях».³

В начале XIX в. равнина представляла собою малозаселенную местность с богатой растительностью – девственные луга в северной половине и нетронутый лес в южной. Луга, богатые сочными травами, были созданы самой природой для развития скотоводства и овцеводства в широких масштабах. «Долина, – писал в 1871 г. Штедер, – могла бы принести все продукты, которыми богата Швейцария, если бы только она подверглась правильной обработке. Зима здесь сносная, как и в соседних низменных местах, где в течение всей зимы могут пастись стада. Корма для больших стад было бы вполне достаточно, если бы отдаление от жилищ не было опасно вследствие грабежей».⁴

С началом использования плоскости как хозяйственной базы начинает улучшаться скотоводческое хозяйство, повышается его продуктивность. В начале состав стада на плоскости был тот же, что и в горах – с малым процентом лошадей и молочного скота. Доминировало овцеводство. Однако население скоро поняло невыгодность такого направления животноводства. Овцеводство на плоскости начинает заметно сокращаться, крупный рогатый скот, лошади становятся все более и более нужными в хозяйстве, и количество их возрастает. К тому же, прежняя мелкая горная корова заменяется более крупной мясной и молочной породой, начинает развиваться и свиноводство.

О значительном развитии скотоводческого хозяйства в равнинной Осетии в 20-е–50-е гг. свидетельствуют документы. Просматривая картографический материал того времени, невольно обращаешь внимание на обилие

¹ Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. С. 77.

² История города Дигоры (Макет). Орджоникидзе, 1972. С. 52.

³ В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С. 9.

⁴ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 42.

кошей или, как их тогда называли, кутанов. Как правило, в округе каждого плоскостного селения их значилось от 5 до 10¹. По словам чиновников, сама околица осетинского селения в те времена свидетельствовала, что животноводству в хозяйстве здешних жителей придается большое значение. «Недалеко от сел, – писал современник, – тянулись гумна со скирдами, соломой, мякиной, сеном на зиму для крупного рогатого скота и базы, где поздней осенью и зимою содержался крупный рогатый скот, невыпускаемый на подножный корм. А там, далеко, далеко у опушки леса или по склону гор, у ручья, по балкам раскинуты зимовья или кутаны для мелкого скота, который выпускался на всю зиму на подножный корм».²

С переселением осетин на плоскость было положено также начало почти не культивируемым в горах отраслям хозяйства – садоводству и огородничеству, хотя следует заметить, что с овощеводством и бахчеводством осетинское крестьянство было знакомо в XVIII в.³ Тот же Штедер отмечал, например, что жители «долины разводят бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и зеленый табак».⁴ И все же массовое распространение огородничества и садоводства в плоскостной Осетии получили с 30-х–50-х гг. XIX в. На товарную же основу эти отрасли были поставлены в пореформенный период.

Развитие хозяйственной жизни в Осетии явилось материальной основой для дальнейшего развития феодальных отношений. Усиливается классовая дифференциация, происходит обезземеливание основной массы земледельческого населения – кумаягов, адамихатов, кавдасардов и фарсаглагов. Земля все больше сосредоточивается в руках небольшой кучки знатных фамилий. Переселение осетин на плоскость усилило эксплуататорские устремления феодалов, их попытки полного закрепощения крестьян и увеличения барщины и поземельных повинностей, чего не знали или мало знали горцы. С переселением на плоскость рост помещичьего землевладения в Осетии получил значительный импульс. Плоскостная земля становится предметом бесконтрольного захвата в широких масштабах такими феодальными фамилиями, как Тугановы, Кубатиевы – в Дигории; Дударовы, Кануковы, Тулатовы, Мамсуровы – в Тагаурии; Мадзаевы, Есиевы, Датиевы – в Алагирском и Куртатинском обществах. Концентрация земли в руках крупных землевладельцев и связанная с нею жестокая эксплуатация крестьянских масс как никогда раньше обострили классовую борьбу в Осетии, что, в свою очередь, расшатывало устои феодально-крепостнической системы.

Характеризуя социально-экономическую жизнь Осетии после переселения, следует отметить проникновение промышленного капитала, и, в связи с этим, появление промышленных предприятий, органически связанных с ее хозяйственными условиями. В 40-е гг. началась разработка месторождений цветных металлов, что привело к тому, что в 1850 г. правительство построило в предгорной Осетии крупный по тем временам серебросвинцовый завод. Работали здесь переселенные с уральских и алтайских заводов

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 2, л. 15.

² Гарданов М. Селение Христиановское в фактах жизни. – «Известия СОНИИ», 1925. Т. 1. С. 180.

³ Цагарели А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Спб., 1902. Т. II. С. 65.

⁴ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 50.

крепостные мастеровые, а также местное осетинское население. Уже в 1851 г. кавказский наместник М.С. Воронцов в довольно категоричной форме предписывал местным военным властям и заводской администрации «иметь старание приохочивать осетин к заводу».¹ Алагирский завод и Садонские рудники, по существу, явились местом зарождения рабочего класса Осетии.

Наконец, выселение значительного числа горского населения на равнину и образование здесь населенных пунктов имело значение и для самих осетин-горцев. Переход же почти 2/3 населения² на плоскость был поистине извлекательным актом для горцев. Значительно ослаб земельный голод, хотя в силу естественного роста населения он еще оставался довольно сильным. Переселенцы продавали в горах или сдавали в аренду свои земельные участки оставшимся здесь жителям. Нередки были случаи, когда пахотные участки и сенокосы передавались родственникам или соседям безвозмездно.

Разрежение нагорной полосы путем переселения части населения на равнину имело исключительное значение для горцев. Заметное облегчение испытали хозяйства горцев прежде всего в восточной части нагорья – Санибанском, Кобанском, Дарьяльском и Куртатинском ущельях, откуда выселилась основная масса населения. В наиболее стесненных условиях остались Дигорское и, в особенности, Алагирское общества.³

Кроме того, горцы получили возможность аренды земли на плоскости. Такая форма экономической связи с равниной также была значительным подспорьем в хозяйстве горцев, особенно если учесть, что собственная земля давала хлеба всего на 3–4 месяца в году.

Наконец, образование осетинских селений на равнине было выгодно и горскому населению. В неурожайные годы (а «неурожаи в горах, – свидетельствовала официальная власть, – обыкновенное явление») горцы спускались на плоскость («быдырмаэ») и здесь с помощью своих собратьев запасались хлебом на зиму.

Переселение осетин на равнину имело не только экономические, но и серьезные политические и культурные последствия. Безусловно, выход значительной части осетинского народа на равнину способствовал этнической консолидации, в горах осетины жили замкнутой жизнью. Сами условия способствовали сохранению и консервации племенной обособленности. Народ, расселенный по труднопроходимым и изолированным друг от друга ущельям, лишался регулярных экономических и политических связей не только с соседними народами, но и со своими единоплеменниками. Происходившая в этих условиях почти непрерывная межфеодалная, межродовая борьба в осетинских обществах мешала преодолению разобщенности. На плоскости же сама жизнь, ее новые условия сближали жителей. Осетинская равнина, говоря образно, явилась как бы огромной площадкой, встречи горцев различных обществ и ущелий равнины проходили строго по племенному правилу, так как плоскость властями была разделена согласно этому принципу.⁴ Тем не менее, начиная с 40-х гг. сами жители

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 4, оп. 2, д. 1370, л. 4.

² Население Северной Осетии к началу пореформенного периода составляло 78 тыс., в т. ч. в нагорной ее части 29 тыс. душ. обоего пола и на плоскости – 49 тыс. «Известия СОНИИ», вып. II. Владикавказ, 1926. С. 179.

³ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, лл. 21–26.

⁴ Там же, ф. 256, оп. 1, д. 8, лл. 1, 3, 4 об.

стали нарушать его. Алагирцы оседали в дигорских, куртатинских и тагаурских плоскостных селах, куртатинцы – в тагаурских, алагирских, дигорских.¹ Если раньше межплеменные брачные союзы в Осетии были редчайшим явлением, то теперь они становились обыденными.

Жизнь на плоскости сближала и с русским населением. Общаясь с русскими в городах Владикавказе, Моздоке, Алагире, а также в соседних станицах, осетины знакомились с их бытом, материальной и духовной культурой. Между осетинами и казаками происходило частое общение на основе обменной торговли, развивались куначеские отношения.² Осетины «лицом обернулись к русским».³

В быту не только переселившихся на равнину осетин, но и горского населения происходят положительные изменения. Уже в 40–50-х гг. стал меняться тип жилища: дома стали строить со светлыми окнами и даже с черепичной крышей. Внутри жилых строений стала устанавливаться печь по русскому образцу. «Если вы теперь пройдете по аулам плоскостной Осетии, – писал очевидец, – вы удивитесь происшедшей перемене. В любом ауле вы уже найдете довольно много пирамидальных домов, крытых черепицей, имеющих вместо крошечных отверстий большие светлые окна, закрывающиеся филенчатыми ставнями. Если вы войдете в один из этих домов, вас введут в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шилевками; вместо камина увидите печку... Если вы гость, русский, или долго жили в России и усвоили русские обычаи, вам могут подать тщеславные горцы обед с претензиями на русский вкус и бычай».⁴ Эти прогрессивные изменения в экономической и бытовой жизни сказывались и в лексиконе осетин. Осетинский язык уже в те годы обогатился большим количеством русских слов.⁵

В связи с заселением равнины создались более благоприятные условия для развития мирных и дружественных отношений осетин с соседними народами: кабардинцами, ингушами, чеченцами, грузинами и другими. Документы довольно часто свидетельствуют о совместных антиколониальных и антифеодальных выступлениях осетинского, кабардинского, ингушского крестьянства. Многие осетины на плоскости жили мирно в кабардинских селениях, а ингуши – в осетинских, и наоборот.⁶ Например, в 1861 г. осетины на территории Малой Кабарды занимали 20 092 дес. земли.⁷

Оживление политической и экономической жизни осетин после их переселения на плоскость вызвало и культурный рост населения Осетии. Зародилась письменность, появились очаги просвещения. В 1764 г. в Моздоке была открыта первая осетинская школа, а в 1836 году во Владикавказе – осетинское духовное училище. В этих школах, а также в различных учебных заведениях России и Грузии были подготовлены первые кадры осетинской

¹ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 2089, лл. 21–26.

² Там же, ф. 256, оп. 1, д. 8, лл. 1, 3, 4 об.

³ Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954. С. 52.

⁴ В.-Н.-Л. Указ. соч. С. 20.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ Тотоев М. С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 50.

⁷ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 16, л. 1.

интеллигенции. Позже, в 50–60-е гг. XIX в., в селах Осетии появились начальные церковноприходские школы. В 1869 г. их насчитывалось более двадцати. Благодаря деятельности передовой интеллигенции Осетия стала единственным уголком Северного Кавказа, где вопрос женского образования в 40–60-х годах был практически решен. В 1848 г. во Владикавказе открылась первая женская школа, а вслед за ней в 1864 г. и вторая.

К середине XIX в. был завершен процесс включения Осетии в единый хозяйственный организм России. Втягивание Осетии в орбиту русского торгового капитала разрушало замкнуто-натуральное хозяйство горцев. Осетины, как и другие горцы Северного Кавказа, все больше приобщались к торговле. Меновая торговля постепенно уступала место денежной. Осетины, в особенности социальная верхушка, стали покупать, кроме предметов первой необходимости, и предметы роскоши. Они и сами все в больших количествах стали сбывать продукты сельского хозяйства.¹

«Осетины особенно старались воспринимать все наиболее полезное из нахлынувшей на них с севера культурной волны, – писал современник, – так что в настоящее время вы уже редко где встретите в поселках курные сакли, а напротив, вместо них увидите дома, построенные на русский лад, даже с претензиями на городскую архитектуру. При каждом дворе или усадьбе найдете садик или огород».²

С развитием торговли растет заинтересованность феодальной верхушки в сбыте продуктов своего хозяйства. Почувствовав сравнительно большие для себя выгоды от торговли, осетинская знать стала еще сильнее закрепощать и эксплуатировать крестьян. Представители привилегированных сословий (старшины), получившие первыми земли на равнине, приглашали с гор население, обещая совместное владение землей и предлагая коллективную ее обработку. По истечении некоторого времени, когда феодалы обживались на новом месте, они объявляли землю собственной, а одноаульцев рассматривали как подвластно-зависимых, облагая их новыми повинностями за пользование землей.

Зная ненасытный нрав старшин-феодалов еще по совместной жизни в горах, крестьяне не особенно охотно переселялись с ними, не соглашались на совместное пребывание в одном ауле. Прежде чем переселиться в тот или иной старшинский аул, крестьяне, начиная с 30-х гг., стали требовать от них письменных обязательств-расписок, что на новом месте их не будут притеснять и накладывать подати, что земля в ауле будет в общем владении. Это было неперемennым условием совместного проживания. Нам удалось обнаружить не одну сотню таких расписок, содержание которых для нас представляло чрезвычайный интерес. «1836 года марта 20 дня, – говорится в одной из них, – дал сие условие Самилу Хосонову в том, что по разрешению мне высшего начальства переселяюсь я с ним и со всею его фамилиею в назначенное правительством место, где мы должны жить согласно и мирно, не делая друг другу обиды, защищать вместе свою землю усердно... так то обязуюсь: не отягощать их ничем, как они есть вольные люди, не брать с них подати и налогов, не признавать их своими подвла-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 16, л. 4.

² АКАК. Т. 7. С. 864.

стными. В чем и подписываюсь».¹ Расписка засвидетельствована в Управлении владикавказского коменданта и скреплена его печатью.

На новом месте феодалы стремились расширить свою запашку, ввели новый вид феодальной повинности – поземельную, какой не знали осетинские крестьяне в горах. Новым видом повинности для крестьян стал и денежный оброк в пользу феодалов. С первых переселенцев в старшинских аулах собирали по 1 руб. со двора, якобы за охрану аула.² Позже сборы эти значительно возросли и вошли в систему, стали обязательными даже после того, как отпала необходимость нанимать караульщиков. В 1846 г. жители нескольких плоскостных аулов в своей жалобе наместнику так объясняли предысторию этой повинности: «Впоследствии же, – писали они, – когда часть из нас целыми аулами вышла на плоскость на настоящие места жительства, то находящиеся между нами старшины получали от нас некоторую плату за охранение аула и от набегов хищнических шаек во время полевых работ, за то, что, будто бы, земли, на которых поселились выходцы с гор, ими приобретены покупкою у кабардинских князей или даны им правительством. В таком случае народ нашего поколения по недоразумению своему не делая о том исследований и не считая это за убыток, положил старшинам, в аулах которых жили в течение года, самую ничтожную подать. Ныне же подать эта под разными предложениями время от времени набавляется более и увеличивают налог до совершенного отягощения». Крестьяне просили наместника, как уполномоченного верховной власти, войти «в рассмотрение описанных обстоятельств» и «сделать на плоскости живущим отряду в ограничении подати».

Кроме барщины и денежного оброка поселившиеся на плоскости горцы облагались значительным натуральным оброком. При этом размеры крестьянских повинностей были не одинаковы в разных районах плоскостной Осетии. Как правило, наиболее изнурительными и тяжелыми они были в аулах Дигории и Тагаурии. Именно здесь в XVIII в. в самом начале XIX в. были основаны наиболее ранние плоскостные села. Привилегированные сословия этих аулов сравнительно раньше других приспособили хозяйство к изменившимся условиям: расширили барскую запашку, усилив эксплуататорское наступление на своих подвластных и полузависимых крестьян, осознали выгоду приспособления хозяйства к рынкам Владикавказа, Моздока, Георгиевска, других городов Северного Кавказа и Тифлиса. Вот как характеризовал барщину и натуральный оброк в Осетии 40-х гг. чиновник местной власти тех лет: «Мужчины исполняют все полевые и домашние работы у феодала, возят и рубят дрова, косят, убирают и свозят сено и хлеб, присматривают за пчелами и баранами, вывозят лес для построек, строят дома... Жены их по очереди носят воду в дом владельца, доят коров и приносят с кутанов молоко на дом хозяина... Моют мебель и утварь, мажут и белят сакли, сеют, полют и присматривают огород. Во время болезни и родов жены владельца они по очереди помогают исполнять обязанности сиделок.

Каждый феодал, чувствуя абсолютную бесконтрольность, волен был взимать с подвластных крестьян столько податей и в таком количестве, в каком считал необходимым.

¹ «Терские ведомости», 1870, № 132.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 1.

Так, запашка на пшеницу облагалась у Тугановых «оброком в три меры, у Дударовых, Тулатовых и Кундуховых в Тагаурии – в четыре меры, а у Кубатиевых и Караджаевых в Дигории – в пять мер. За посев проса у Есиевых, Датиевых в Куртате, Мадзаевых в Алагире, Дзантиевых в Тагаурии – в две с половиной меры, а у Тугановых, Кубатиевых и Кабановых в пять мер, за посев кукурузы – большую корзину кукурузы. Даже за занятие огородничеством крестьяне платили тарелку фасоли.

Точно так же облагалось и крестьянское скотоводческое хозяйство. Так, у Тугановых имеющий овец сдавал двух ягнят, независимо от того, пасется его скот на тугановской земле или нет.¹ Кубатиевы, Кабановы, Караджаевы брали по одному ягненку, а те, у кого не было овец, платили один рубль серебром.² Почти такую же картину рисуют документы и в аулах восточной Осетии с некоторыми изменениями в куртатинских селениях.³

В связи с новыми экономическими условиями на плоскости осетинская знать усилила крепостнический нажим, стремясь не только к полному закреплению подвластных крестьян, но и к распространению своих феодально-крепостнических прав на новые крестьянские души. То обстоятельство, что военные власти первоначально отводили землю только старшинам с непременным условием заселения ее, со временем давало последним возможность объявлять аул своим, землю в округе – вотчинным владением, а жителей одного с ними аула – своими подвластными.⁴ Чаше всего в таком положении оказывались фарсаглаги. Если учесть, что из 41 аула, образовавшегося на равнине до 40-х гг. XIX в., 36 были старшинскими и назывались именем своего феодала-основателя, то станет вполне понятным, что основная масса «вольных осетин», как называли фарсаглагов, в силу этих обстоятельств фактически оказалась в положении более зависимых кавдасардов. «Живя в ауле старшины, осетины, хотя бы они были вольными, должны отбывать все повинности наравне с подвластными»,⁵ – таково было непременное условие осетинских феодалов. По данным самого генерала П.П. Нестерова, коменданта Владикавказа, «приблизительно 2/3 фарсаглагского сословия оказалось под старшинским гнетом».⁶

Особым рвением в закабалении вольных сословий отличались Дударовы, Тулатовы, Кундуховы, Шанаевы, Кануковы в Тагаурии⁷; Есиевы, Тезиевы, Борсиевы, Цаликовы в куртатинских аулах;⁸ Мадзаевы, Датиевы в Салугардане;⁹ Тугановы, Кубатиевы в Дигории. При этом обращает на себя внимание тот факт, что феодальная знать таких «демократических обществ, какими считались Куртатинское и Алагирское, в стремлении умножить свое хозяйство за счет закабаления вольных крестьянских сословий и захвата их земель, не только не отставала от тагаурских алдаров и дигорских баделят, но в некоторых районах даже превзошла их. Наиболее богатые и

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 27 об.

² Там же, ф. 291, оп. 1, д. 10, лл. 4–10.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же, ф. 283, оп. 1, д. 5, л. 22.

⁵ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 28 об.

⁶ Там же, л. 16.

⁷ Там же, д. 3, л. 81 об.

⁸ Там же, лл. 19–26.

⁹ Там же, л. 128.

влиятельные представители феодальных фамилий Мадзаевых и Датиевых сами не без гордости заявляли: «В аулах на плоскости жители платили нам подать за право пользования землями. Обстоятельства, время и умение отцов и дедов наших поставили нас в такое положение, что мы стали пользоваться правами и привилегиями наравне с соседними тагаурцами и дигорцами».¹ 16 апреля 1849 г. жители куртатинских аулов писали начальнику округа генералу Ильинскому, что в 1823 г. переселились в Суадаг и Кадгарон и «ласкали себя надеждой, что никто против другого не будет иметь преимуществ». «Но между тем имеем в виду ныне, что выселившись фамилии: Цаликовой в Кадгаронскую деревню, Есиевой, Тезиевой и Борсиевой в нашу Суадагскую деревню, из которых некоторым счастье поблагоприятствовало достигнуть офицерских чинов, почему фамилии эти берут перед нами перевес и преимущества, в поземельных и лесных довольствиях и начинают угнетать нас».²

Мы уже писали, что равнинная земля военной администрацией отдавалась переселяющимся с гор без всякой системы. Хаос и произвол царили в этом деле. Единственное, что было сделано, это то, что по указанию генерала Ермолова равнина была разделена Скворцовым на четыре больших района («части»), по числу основных осетинских обществ: тагаурского, куртатинского, алагирского и дигорского. До 30-х гг. горцы были вольны в выборе местожительства. «Аулы занимали пространство земли, какое хотели, — говорится в документах 1846 г., — ибо не были стеснены ни правительством, ни соседями».³ По существу, военные чиновники не занимались землеустройством населения и пустили его на самотек. Лица, вершившие поземельное дело на Северном Кавказе, не имели никакой подготовки к исполнению «этой трудной обязанности». Мало того, «обремененные многочисленными занятиями, полицейскими, военными, судебными, хозяйственными и т. д., местные военные администраторы не имели ни времени, ни возможности отдаваться каким-либо предварительным работам, которые могли дать им точку опоры при решении земельного вопроса».⁴

Этим обстоятельством умело пользовалась местная знать для захвата плоскостной земли в больших масштабах. Военные власти не только не чинили препятствий присвоению земельных площадей, но поощряли его. «Дело было поставлено так, что всякий влиятельный туземец, принятый местными властями, мог свободно закреплять за собою землю, заявив лишь, что она составляет собственность его или его фамилии».⁵ По-видимому, вначале это не вызывало широкого протеста со стороны зависимых сословий, ибо земельные участки крестьян еще не становились объектом феодального захвата. В первое время, пока равнина была мало заселена, знать присваивала так называемые свободные, «гуляющие» участки. Только этим можно объяснить, почему поземельные споры в Северной Осетии в то время не были столь острыми, какими они стали в последующие годы. Касаясь предыстории аграрного движения в Осетии, комендант Владикав-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 4, лл. 1—2.

² Там же.

³ Там же, д. 3, л. 128 об.

⁴ Там же, л. 81.

⁵ Новое образование, 1884, № 124.

каза генерал Нестеров доносил в Тифлис в 1847 г., что «при переселении из гор крестьяне до 1836 г. жили со старшинами весьма спокойно и в совершенном согласии».¹

У нас нет оснований верить этому, но в то же время нельзя не отметить чрезвычайную бедность документов первой трети XIX в. данными о напряженности аграрных отношений в Осетии на почве феодальных захватов плоскостной земли. И наоборот, большой фактический материал, имеющийся в нашем распоряжении, убеждает в том, что активнее антифеодальные выступления жителей плоскостных осетинских селений становятся именно с конца 30-х гг. Именно «с того времени начались несогласия и раздоры между сословиями»,² – доносил тот же генерал Нестеров. «Сильные фамилии» захватывали земли и старались закрепить их за собой. В ход пускались «сила и влияние», «обман», «хитрость», «пронырство», «лихоимство и даже вероломство». К концу 40-х гг. почти весь земельный фонд плоскостной Осетии за небольшим исключением был объявлен ими феодальной собственностью. Доверенные фарсаглагского и кавдасардского сословий всего округа жаловались в 1847 г. наместнику, что «старшины присваивают себе почти всю землю во Владикавказском округе».³ В кругах привилегированных сословий Осетии царила настоящая земельная лихорадка. Каждая феодальная фамилия «лезла из кожи, чтобы побольше урвать из общественных земель. Ради этой цели все средства были хороши».⁴ Такая обстановка резко обострила классовую борьбу в Осетии.

Ярким свидетельством тому может служить многолетняя борьба жителей алагирских селений Ход, Садон с Кубатиевыми из-за пастбища «Кивон», жителей Згида с Абисаловыми, Мизура и Салугардана с теми же Кубатиевыми за земли урочища «Црау». Борьба эта имела большой общественный резонанс, приобрела общекавказские масштабы. Ею занимались не только местная администрация, но и высшие кавказские чиновники. Наместник края князь Воронцов несколько раз вызывал в Тифлис для личного доклада начальника Центра Кавказской линии полковника Беклемышева, а после его отставки – генерала Эристова, комендантов Владикавказа генералов Нестерова и Ильинского. За этой борьбой жителей алагирских селений с дигорскими баделятами пристально следило все население Осетии.

Крупная феодальная фамилия Кубатиевых, получившая в 1822 г. значительные земельные массивы в равнинной Дигории и сохранившая в горах огромные наследственные пастбищные угодья, в конце 30-х гг., стала простирает свои права и на соседние крестьянские земли, якобы также «издревле» принадлежавшие ей. В горах орудовали прапорщик Мисост и подпоручик Мимбулат Кубатиевы. Жители соседних деревень не знали от них покоя. Безнаказанно захватывали Кубатиевы их земли, забирали скот. Наконец, в 1838 г. они объявили жителям селения Ход, что и их единственное пастбище под названием «Кивон» также отныне принадлежит им, Кубатиевым, так как когда-то, по преданию, она принадлежала их предкам.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 81. об.

² Там же, д. 4, л. 13.

³ Там же, д. 3, л. 75.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 53 об.

Такое объявление для жителей Хода и Садона было как гром среди ясного неба. Отвергнув домогательства Кубатиевых на их землю, они решительно заявили, что «не щадя себя не перестанут ее охранять».¹

После долгих споров Кубатиевы перешли к делу. В июле 1840 г. Мисост Кубатиев с вооруженной охраной пригнал свой табун из 460 лошадей на вышеупомянутое пастбище. Узнав об этом, ходцы всей деревней собрались и начали просить Кубатиева, чтобы оставил «вытравливать места покосные, уговаривая его под разными предлогами, но сей старшина Кубатиев, несмотря на все наши просьбы и уговоры, не приняв это в резон, даже и не обратил вниманис».² Тогда крестьяне взяли и силой прогнали Кубатиева с его людьми и табуном со своей земли. На второй день он опять пригнал своих лошадей на «Кивон». Горцы опять прогнали их, «на третий раз, когда опять стали прогонять его из означенной границы нашей, то произошла между нами драка».³ Драка переросла в вооруженное столкновение, «в результате чего пролилась кровь». Несколько дружинников феодала и сам старшина М. Кубатиев были убиты. Было убито и несколько жителей Хода. «Когда же дали знать табунщики о сем в Дигорию, то Кубатиевы, равно и другие старшины, имеющие чины, догнали нас близ деревни нашей Ход, и опять произошла между нами большая перестрелка, которая продолжалась несколько дней».⁴ Но дело на этом не кончилось. Кубатиевы с помощью своих многочисленных дружинников и в союзе с другими баделятами организовали настоящую вооруженную осаду вокруг Садона и Хода, «ища день ото дня мщения». В конфликт включилось все близлежащее население.

В адрес местной и кавказской администрации стали поступать прошения, жалобы с обеих сторон. Зимой 1845 г. все жители соседствующих с Ходом селений обратились к коменданту Владикавказа с просьбой: «Дабы не произошли дурные последствия, назначить следствие и поскорее окончить спор с Кубатиевыми». В знак солидарности с ходцами крестьяне алагирских селений требовали от генерала Нестерова вообще оградить их от несправедливых требований старшин Кубатиевых, ибо, «если до таковой несправедливости отойдет наш аул Ход, заключающийся из 43 семейств с землею «Кивон», Кубатиевым, то вероятно и другие, подобные Кубатиевым, готовы будут обратиться с таковым требованием к нам, как Абисаловы, Битуевы на деревню Згид, Садон и др., имеющие тоже границу с Абисаловой и Битуевой землями. И тогда, вероятно, алагирский народ поневоле вынужден будет восстать на Кубатиевых, Абисаловых, Битуевых и пр.».⁵

Власти, вместо того, чтобы пресечь захватнические действия старшин и оградить крестьян от бадельского террора, занялись демагогией, заигрывая то с Кубатиевыми, то с народом. В течение всего времени, пока шла эта тяжба (а она длилась более четверти века), было, создано множество посреднических комиссий. В начале 1845 г. этим делом занималась комиссия во главе с помощником командира Владикавказского казачьего полка штабс-ротмистром Бекманом, в 1846 и 1847 г. работала комиссия в составе при-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 56, оп. 1, д. 2089, л. 8 об.

² Там же, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 12.

³ Там же, лл. 12—12 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 2089, л. 37.

ставов алагирского, куртатинского и дигорского народов. В 1848 г. делом о поземельном споре между алагирцами и дигорскими баделятами занялась комиссия под руководством майора Вруббеля, в 1849 г. – комиссия под председательством поручика Калмыкова – офицера Навагинского полка, затем в земельный спор включился комитет генерала Навицкого, а в 60-е гг. он стал предметом жарких дискуссий в комиссии Кодзокова.

Большинство этих комиссий вынуждены были констатировать, что спорная земля, в том числе пастбище «Кивон», бесспорно принадлежит ходцам. «Честь имею объяснить, – говорилось в рапорте округа генералу Ильинскому, – что спорная земля несомненно принадлежит алагирцам, которые имеют на нее полное право».¹ На стороне крестьян были и симпатии прапорщика Спицына, специально посланного Ильинским осмотреть спорную землю. Положение жителей алагирских деревень он считал «тяжелым и чрезвычайно стесненным», так как они «много терпят от своих невольников – дигорских старшин Кубатиевых и Абисаловых». «Мало того, что они пользуются пастбищным местом в их, алагирцев, земле и делают часто беспорядки, но и вытаптывают еще табунами сенокосные места, выжигают скошенное сено, рубят лес поблизости от границ, требуют за кровь 18 душ холопов, 180 быков и 1 барана со двора. Эти беспорядки влекут за собой непримиримую вражду крестьян с старшинами и оканчиваются всегда убийством с той или другой стороны».² Чиновник этот советовал начальнику округа: «Запретить Кубатиевым и Абисаловым переходить границу с табунами и делать беспорядки алагирцам. Только строгие меры начальства могут прекратить этот наследственный спор».³

Однако окружное начальство не хотело принимать в отношении феодалов строгих мер. Напротив, оно в течение этого времени не раз защищало «наследственные права» Кубатиевых на «Кивон» и другие алагирские земли, строго предписывало крестьянам «не враждовать с старшинами», т. е. смириться со своей участью, угрожая в противном случае «арестом лукавых зачинщиков». Оно передало земельный спор даже медиаторскому суду, состоящему из депутатов, предложенных баделятами, против чего энергично протестовали ходцы. «Согласиться на медиаторский суд, – писали ходцы, – равносильно проиграть свои земли и самого себя, потому что Кубатиевы сильная фамилия – и по чинам, и по богатству многоизвестна, и сверх того, между означенными депутатами имеют узы родства... По сему немудрено, что каждый выставленный ими свидетель может держать их сторону».⁴

Медиаторский суд действительно признал неотъемлемые права Кубатиевых на «Кивон» и постановил, что жители Хода и Садона могут пасти свой скот на пастбище «Кивон» наряду с Кубатиевыми, но они в таком случае за это вносят подать в пользу последних. Алагирцы не признали такого решения, их доверенные покинули заседание суда и на общем сходе у себя поклялись, что лучше «умрут за свою землю».⁵

¹ ЦГА СО АССР, ф. 56, оп. 1, д. 2089, л. 16.

² Там же, л. 16 об.

³ Там же, л. 19.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 53, д. 2089, л. 19.

⁵ Там же, л. 22.

С борьбой ходцев и садонцев за свои земли тесно были связаны выступления жителей других алагирских селений – Мизура, Тамиска и Салугардана – против тех же дигорских землевладельцев Кубатиевых. Если в горах орудовали Мисост и Мимбулат, то на плоскости хозяйничали подполковник Иналук, корнеты Вахта, Хатахичико и Айдарук Кубатиевы. В конце 30-х гг. они навязали алагирцам тяжбу за урочище «Црау» и другие земли Салугардана общей площадью около 7 тыс. дес. Особенно усердствовал Вахта Кубатиев.

В 1838 г. Кубатиевы объявили мизурцам, что с будущего года уже не позволят им производить запашку в местечке «Црау», так как оно якобы с незапамятных времен принадлежало предкам корнета Б. Кубатиева и, следовательно, является его наследственной собственностью. Больше того, вскоре сам корнет уничтожил старые межевые знаки на границе с землей салугарданцев и продвинул их далеко в глубь земель сел. Салугардан. «Если старая граница, – жаловались салугарданцы, – отстояла от селения на 6 – 10 верст, то теперь она приблизилась на расстояние 1,5 верст».¹ Кубатиев объявил крестьянам, что они живут на земле, отведенной его отцу в 1822 г. генералом Ермоловым, а потому обязаны платить ему, как наследнику отца, поземельные повинности. Споры шли несколько лет. Весной 1841 г. произошли вооруженные столкновения между алагирцами и кубатиевской стражей. Было убито 6 человек и «ранено множество людей».²

Вахта Кубатиев, встретив решительный отпор со стороны крестьян, обратился за помощью к военной администрации: сперва принес жалобу начальнику Центра Кавказской линии полковнику Хлюпину,³ а затем, в мае 1842 г., специально ездил в Тифлис, где был принят командиром Отдельного кавказского корпуса генерал-адъютантом Нейдгартом.⁴ Через несколько дней комендант Нестеров получил предписание из Тифлиса: «Строго воспретить алагирцам своеволие и вообще наблюдать, чтобы все осетинские общества отнюдь не переходили земли, определенные им 1822 г.».⁵

Генерал Нестеров через пристава алагиро-куртатинских народов войскового старшину Гайтова запретил мизурцам «делать распашку земель, называемых урочище «Црау», до разрешения высшего начальства».⁶

Местность «Црау», заключавшая в себе 1480 дес. пашенной земли и почти столько же сенокоса, была расположена в самом предгорье. Земля здесь была сказочно богата. Крестьяне выращивали здесь хлеб, готовили на зиму сено, держали свои кутаны. Лишение их црауской земли означало для них неминуемый голод. Они заявили приставу Гайтову, что «Црау» – их земля, и если Кубатиевы оспаривают у них землю, то это потому только, что Кубатиевы сильны, что мизурцы, «не щадя самих себя, не перестанут ее защищать и готовы на любую ссору и драку с Кубатиевыми».⁷ «После невыполнения двукратного моего приказания, – доносил Гайтов

¹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 13.

² Там же, л. 28.

³ Дигория до 1858 г. в военно-административном отношении подчинялась начальнику Центра Кавказской линии.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, лл. 3–5.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 1 об.

⁷ Там же, л. 4.

генералу Нестерову в апреле 1847 г., – мизурцы, вооружившись кто чем попало, выехали в большом количестве для хлебопашества на означенную землю». Владикавказский комендант в срочном порядке снарядил в этот район роту казаков с предписанием Гайтову: «Мизурских жителей, осмелившихся ослушаться приказания вашего о непахании земли им не принадлежащей, немедленно заарестовать и доставить ко мне»...¹ Десять почетных мизурцев в сопровождении казаков были доставлены во Владикавказ и водворены на 15 суток на гауптвахту.

Однако и это не сломило решимости мизурских крестьян защищать свои права на землю «Црау». Они написали коллективный протест коменданту Владикавказа, подали жалобу командующему войсками Кавказской линии и Черномории, послали 26 марта 1846 г. прошение его сиятельству князю Воронцову. «Местечко «Црау», – писали они наместнику в Тифлис, – действительно принадлежит нам. Оно досталось во владение нам от предков и прадедов наших... Ныне же мы лишаемся его, чрез что теперь не можем иметь хлебопашества, сенокоса и пастьбы скота. Хотя же корнет Вахта Кубатиев показывает, что та земля будто бы принадлежит ему, то это во всем несправедливо».² Мизурцы просили Воронцова назначить следствие и определить, кому действительно принадлежит эта земля.

Однако эти обращения мизурцев в различные инстанции царской администрации остались «без последствий». Чувствуя безнаказанность и даже поддержку со стороны официальной административной власти, Б. Кубатиев в своих притязаниях пошел еще дальше. В начале 1846 г. он запретил жителям селений Салугардан и Тамиск весенние работы на значительной пограничной с его владениями территории, объявив эту землю своей. В письме на имя начальника Центра Кавказской линии он, вопреки здравому смыслу, объявил себя потерпевшей стороной, а салугарданцев – «захватчиками». «Салугарданские жители, – беззастенчиво лгал он, – вновь самовольно пашут мою землю, топчут сенокосные места, сжигают мои хутора и угрожают убить моих людей и самого меня. Кроме того, за два года не вносят мне положенную плату за землю».³ Далее он просил оградить его от «такого самовольства и притеснения салугарданских жителей» и «приказать им внести за два года условленную плату».

Грабеж Кубатиевыми алагирских жителей был настолько грубым и открытым, что новый пристав алагиро-куртатинских народов есаул Гокинаев, которому было приказано наказать «захватчиков», категорически отказался сделать это, за что был снят с должности.⁴ В своем рапорте на имя Нестерова он так объяснил свой отказ: «С салугарданцами Кубатиев никогда никаких условий не заключал, а потому никакими условленными податями они не обязаны Кубатиеву. Речь идет об алагирских землях, на которые почему-то землевладельцы претендуют».⁵

Новый пристав прапорщик Кучук Дударов в конце июля 1846 г. явился в Салугардан, чтобы собрать жителей на сход и «объявить им предписа-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 2.

² Там же, л. 19.

³ Там же.

⁴ Кстати, за подобное ослушание были сняты с этой должности предшественники Гокинаева – Тасо Гайтов и Нафи Шанаев.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 18 об.

ние начальства о незаконных их действиях против Кубатиева». Однако приставу не пришлось созывать салугарданцев, они к его приезду уже собрались. Причем вместе с салугарданцами на сходе присутствовали «целыми обществами жители и из других деревень Алагирского ущелья». Донос об этом начальству, Дударов отмечал, что «лица собравшихся были злыми, беспокойными и решительными», что в ответ ему все общество объявило, что земля, которая ими вспахана и засеяна, вся принадлежит им, и они готовы умереть за нее сейчас же».¹

Была создана комиссия для разрешения земельного спора со «всевозможным вниманием и без всякого пристрастия, стараясь прекратить по этому делу всякую вражду».² Владикавказский комендант доводил также до сведения нового пристава, что он предписал командиру Владикавказского казачьего полка подполковнику Шостаку «неослабно зреть за спорным делом в алагиро-дигорском районе» и в случае необходимости «быть готовым к выступлению».

Пока шло следствие (а оно длилось до 1850 г.), спорная земля объявлялась «неприкосновенной», на ней запрещалось производить работы как алагирцам, так и землевладельцам.³ Однако Кубатиевы «не брали в резон приказ начальства» и продолжали пользоваться спорной землей. Узнав об этом, салугарданцы «до 200 человек тоже выехали с плугами в поле и стали пахать, вследствие чего между ними происходят весьма великие ссоры и драки».⁴ В конце концов крестьяне прогнали с поля Кубатиевых, избили «людей, производивших им хлебопашество». На следующий день Кубатиевы вызвали на это поле пристава с казаками и «множество прочих кубатиевских старшин». Пристав, по его признанию, побоялся вести разговор с салугарданцами языком угроз и стал «убеждать алагирцев в несправедливом их поступке». «Тем не менее, – с досадой доносил пристав, – я не смог укротить их свирепства».⁵

И все же поземельный спор жителей Салугардана с дигорскими землевладельцами закончился в 1850 г. в пользу помещиков. Всю спорную землю правительство купило за 1962 руб. 50 коп. для строящегося Алагирского серебросвинцового завода.⁶ При этом в роли хозяина этой земли выступали не салугарданцы, а Кубатиевы, деньги же получил... корнет Вахта Кубатиев.

Анализ этих событий подтверждает тот факт, что уже в 30-40-е гг. XIX в. на почве усиления феодально-крепостнического гнета, безудержного захвата осетинскими землевладельцами крестьянских и общинных земель, стремления закабалить новые крестьянские души из числа так называемых «вольных сословий» и заведения для них новых видов повинностей, в Северной Осетии резко обострилась классовая борьба. Попытки дигорских баделят прибрать к рукам земли соседних алагирских селений и распространить на их жителей свою власть натолкнулись на решительное и массовое сопротивление со стороны последних.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 28, оп. 1, д. 37, л. 26.

² Там же, л. 32.

³ Там же, л. 30.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Там же, л. 37 об.

⁶ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 963 и д. 1140.

Бесспорно, больше всех от баделятского засилия страдал сам дигорский «черный народ». Едва ли был другой такой район в равнинной Осетии, где трудовой человек был так обездолен, обманут, как в Дигории. Народ стоял в железных тисках совершенного безземелья.

Как нам представляется, подобное общенародное обезземеливание в этом районе Осетии можно объяснить тремя причинами. Во-первых, переселение из Дигорского ущелья на плоскость произошло еще до присоединения Осетии к России, в условиях господства на равнине кабардинских феодалов. Дигорские баделята, признав вассальную зависимость от князей Кабарды, обеспечили себе тесный классовый союз с ними. Этот союз позволил дигорским феодалам переселиться на плоскость и захватить здесь значительные земельные массивы. Что касается зависимого от баделят крестьянства, то часть его хотя и переселилась на плоскость вместе со своими феодалами, но без всякого права на земельную собственность. Зависимые сословия могли поселиться только в баделятских аулах и то с разрешения их владельцев. Во-вторых, ранее созданные формы феодального землепользования и землевладения в плоскостной Дигории окончательно упрочились в 1822 г., когда с легкой руки генерала Ермолова вся равнинная земля в данном районе Осетии была отдана в исключительную собственность тем же дигорским феодалам и документально закреплена за ними. Зависимые же сословия опять остались без равнинной земли. В-третьих, в 1836 г. произошло роковое для дигорского крестьянства событие. Командир собственного его императорского величества конвоя полковник А. Туганов – дигорский баделят, через шефа III Отделения императорской канцелярии генерала Бенкендорфа обратился к Николаю I с ходатайством пожаловать ему на родине в потомственную собственность земельный участок. Просьба была удовлетворена. В начале 1837 г. Бенкендорф сообщал командиру Отдельного Кавказского корпуса барону Розену, что согласно высочайшему манифесту от 24 июня 1836 г. в местечке Дигория нужно отвести полковнику А. Туганову с правом отчуждения земельный участок в размере 19 000 дес.¹ С отводом полковнику Туганову в вечное и потомственное владение около одной трети плоскостной земли в Дигории крестьянство окончательно лишилось земли на плоскости.

Все это вместе взятое, плюс стремительный рост феодальных повинностей, породили здесь к началу 40-х гг. напряженную обстановку. Социально-политическая атмосфера в этом районе была так накалена, что, по признанию официальных чиновников, напоминала ситуацию последней четверти XVIII в., когда в течение продолжительного времени по всей Дигории бушевал пожар всеобщего крестьянского восстания против баделят.² Дигория снова становилась центром антифеодального движения в Осетии. В авангарде дигорского крестьянства шли адамихаты. Они повели решительную борьбу за освобождение от баделят, отдельное от феодалов поселение и наделение их землей. При этом любопытно заметить, чтобы в борьбе с баделятами обезопасить себя со стороны русской администрации и, более того, заручиться ее поддержкой, адамихаты умышленно придали

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 875, л. 17.

² См. об этом: Скитский Б. В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. – «Известия СОНИИ». Т. 17. С. 12–32.

своему движению религиозный характер. Изображали его как борьбу христиан с магометанами.

Заметное ослабление позиций православной церкви в Осетии беспокоило правительство и его местную администрацию. В усилении позиций мусульманства царизм усматривал ослабление своей собственной власти в крае. Выступая против мусульманства в Дигории, «черный народ» (прежде всего «вольные» адамихаты) как бы негласно ставил перед администрацией вопрос: за кого она? За народ, выступающий против баделят – врагов православия, или за баделят – «распространителей мухаметанской заразы»?

В 1835 г. адамихаты всех плоскостных дигорских селений избрали из своей среды депутатов и отправили их в Нальчик к начальнику Центра Кавказской линии с просьбой «разрешить им отделиться от баделят, переселиться из их аулов на берег реки Урсдон». Жить «с мухаметанами в одном ауле нет больше мочи...», – аргументировали они свою просьбу. – Они совращают нас и наших детей в их веру».¹ В 1838 г. снаряжается в Нальчик вторая депутация из доверенных уже всех зависимых сословий. «Весь дигорский народ, живущий на плоскости, – просили депутаты у начальника Центра, – ходатайствует одной милости: дозволить ему переселиться от баделят на другое место, какое угодно будет русскому правительству назначить нам».² Но и эту делегацию постигла участь первой – она вернулась из Нальчика ни с чем.

Неудачные попытки с помощью местной власти получить землю и переселиться туда от своих феодалов не сломили решимости дигорских крестьян. Они стали стремиться, как выразился один из чиновников, к самоосвобождению от феодалов. Отказываясь вносить баделятам повинности, стали убегать обратно в горы, вступали «с владельцами в ссоры и драки», затевали с ними вооруженные столкновения. В Дигории началось «сплошное неповиновение владельцам».

Баделята были напуганы и стали осаждать пороги местных и краевых административных учреждений. Писались частные письма, докладные от «всего баделятского сословия», в рапортах феодалы изображали себя пострадавшей стороной, жертвами «крестьянского произвола», сваливали вину в народном неповиновении на народных вожakov, «лукавых людей». «С давних времен, – писали они, – жители наших деревень платили повинности, а в настоящее время ждут нашей гибели и оказывают во всех отношениях неповиновение нам».³ В довершение ко всему они в 1846 г. послали в Петербург депутатов, которые с помощью генерала Асланбека Туганова «поднесли государю императору свою просьбу: привести в подданство их подвластных, которым приказать платить все повинности, издревле ими платимые».⁴ В докладной записке Николаю I баделята жаловались, что «везде народ черный ищет всегдашнюю перемену. Точно так поступает теперь и черный дигорский народ, ищет совершенной вольности по внушению лукавых людей, желающих возмущения во всех народах».⁵ Объясняя недовольство народа агитацией «злонамеренных» людей, дигорские феодалы

¹ «Терские ведомости», 1899, № 222.

² Там же.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 35.

⁴ Там же, л. 26 и ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 23.

⁵ Там же, л. 25.

лы выражали уверенность, что правительство не станет на путь «лишения их прав над народом, что оно не нарушит порядка, на котором основано спокойствие», прикажет подвластным платить баделятам «повинности, издревле... платимые». Когда дигорским крестьянам стало известно о делегации генерала Туганова, то «смута среди них еще больше укоренилась». «Всепопданнейшая просьба» дигорских старшин, пересланная к кавказскому наместнику для принятия мер, вызвала переполох в Тифлисе. Весной 1847 г. сам Воронцов вызвал для доклада начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина, которому приказал лично заняться «улаживанием всех споров дигорских старшин с черным народом». Последний несколько раз ездил в Дигорию, поочередно вел переговоры с баделятами и простым народом. Осенью того же 1847 г. он доносил Воронцову, что по произведенному им разбирательству он «по возможности согласил простой народ к прежнему баделятам повиновению и прекращению прежних споров домашними сделками».¹ Он сообщал далее, что по требованию народа пришлось «назначить теперь же вместо прежнего пристава другого – войскового старшину Гайтова, а для разбирательства между собою тяжб, по их обрядам, кроме уголовных, назначил из среды их народный суд».²

Однако эти меры были временными и, разумеется, не могли принести успокоения Дигории. В 1848 г. новый начальник Центра Кавказской линии полковник князь Эристов после посещения этого района вынужден был донести, что «вражда простого дигорского народа противу баделей несколько не уменьшилась, а напротив, увеличилась до такой степени, что простой народ совершенно отказывается от всяких работ не только для старшин, но и для пропитания себя».³ «Сильное возбуждение умов» отмечалось также и в других районах плоскостной Осетии. Главными причинами обострения классовой борьбы и здесь служили массовые захваты общинной земли и стремление тагаурских и куртатинских старшин расширить свои права на крестьян.

Так, широкий резонанс имела в Осетии долголетняя борьба жителей селения Хумалаг с его владельцем – Иналом Дударовым. Основав аул на плоскости в 1810 г., Дударов приглашал к себе охотников-горцев, обещая им совместное владение землей. В течение нескольких лет, пока жизнь в ауле была тревожной и опасной, он действительно не «обижал» одноульцев, ограничивался сбором по 1 руб. со двора. Но со временем феодальные поборы возросли. Позже жители Хумалага жаловались, что Дударов «начал утверждать между ними власть свою»,⁴ требуя, чтобы они в виде подати производили ему работы в качестве подвластных людей, так как занимаемая ими земля принадлежит якобы ему.

В 1825 г. 78 дворов хумалагцев уже отбывали в пользу Дударова следующие повинности: «в год одного барана со двора, один воз сена, один руб. серебром, весной один день пахать на Дударова, во время покоса выстав-лять по одному косарю со двора, кроме того, убирать все хлеба господина».⁵ Вначале на «причуды» феодала жители отвечали бегством из аула,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 26 и ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 29.

² Там же, л. 30.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 27.

⁴ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 19.

⁵ Там же, л. 22.

жалобами в административные органы. Сохранившиеся документы свидетельствуют о многократных обращениях хумалагцев к местным властям, но, как правило, эти жалобы оставались гласом вопиющего в пустыне. В 1833 г. вся деревня отказалась платить подати. По просьбе Дударова в село прибыл комендант Владикавказа генерал Оранский с отрядом солдат. По его приказу солдаты учинили расправу над жителями, избив их плетью. Наиболее же активные, в количестве 16-ти человек, были арестованы и «взяты на гауптвахту», где они содержались около 5 месяцев, «пока не согласились и не дали подписку, что не будут делать подобныхслушаний».¹ Однако в 1839 г. жители Хумалага снова отказывались нести повинности и платить налоги. Лишь в 1848 г. сыновья Инала Карасе и Магомет (уже офицеры русской армии), призвав на помощь солдат и казаков, наказали «бунтующих» как своих крепостных и заставили заплатить налоги за 10 лет в сумме 1080 руб.²

В сходном положении с хумалагцами оказались и жители селения Карджин, основанного в 1830 г. жителями горного аула Чми. Переселяясь в Карджин, фарсаглаго и кавдасарды дали друг другу клятву, принудив к тому же и переселившихся с ними Дударовых: «Жить мирно один с другим и не делать никаких дурных поступков, а если кто не исполнит клятву, то подвергнуть его строгому взысканию и сослать с одного аула в другой».³ Землю на новом месте и лес также разделили поровну. Однако через несколько лет Дударовы переименовали Карджин в Дударовский, аульную землю объявили своей, а на жителей наложили подать. «Ныне, – жаловались карджинцы наместнику Воронцову, – нам неизвестно, по какому поводу живущий с нами в одном ауле Ильяс Дударов утверждает всем нам, что как земля, так и лес, на коих до настоящего времени мы имеем жительство, собственные его, подаренные ему начальством. Притом делает всем нам разные тяжкие истязания и обиды. Не допускает пользоваться на оной земле сенокосом, хлебопашеством и лесом, сильным образом отнимает у нас сено, лес и другие материалы, чрез что ныне совершенно пришли по домашним нашим обстоятельствам в расстройство».⁴ В отличие от жителей других селений, карджинцы не просили переселять их в другое место, а требовали удаления из их селения ненавистных всем им феодалов Дударовых.

Антифеодальная борьба особенно острые формы приняла в селениях Скут-Кохе и Батакоюрте между жителями и землевладельцами Кундуховыми, бесцеремонно грабившими не только одноаульцев, но и жителей близлежащих селений. В 1839 г. одному из богатых и влиятельных тагаурских феодалов Алхасту Кундухову на южном склоне Кабардино-Сунженского хребта, в урочище «Скут-Кох», власти отвели 4800 дес. пахотной и сенокосной земли.⁵ Земля эта была отведена А. Кундухову за преданную службу в кавказской армии всех его сыновей – Каспулата, Муссы и Ибрагима. Из них Мусса Кундухов был особенно чтим среди кавказских генералов. Сам командир Отдельного кавказского корпуса генерал Розен в 1839 г. даже писал владикавказскому коменданту полковнику Широкову, что

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 22 об.

² Там же, л. 48.

³ Там же, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 48.

⁴ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 5, л. 48 об.

⁵ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 121, л. 11.

«штабс-ротмистр Кундухов настоящею службою заслуживает особенного внимания начальства, и я прошу сделать распоряжение об отмежевании ему просимого количества земли на 80 дворов и допустить к переселению к нему вольных фарсаглагов».¹ Хотя, как сказано выше, земля отведена Кундухову совместно с 80 крестьянскими семействами, это не помешало ему впоследствии объявить ее своей феодальной собственностью. Жить на ней и пользоваться этой землей Кундуховы разрешали только тем, кто безропотно признавал над собой их полную феодальную власть. Больше того, время от времени Кундуховы стали захватывать и земли жителей соседних селений, что вызвало множество пограничных стычек крестьян с феодалами. Уже в апреле 1840 г. произошло первое вооруженное столкновение с жителями Батакоюрта, во время которого последние сделали попытку убить прапорщика Каспулата Кундухова.² В 1842 г. владикавказский комендант вынужден был направить сюда целую посредническую комиссию во главе с приставом, которая в конечном итоге должна была принудить крестьян отбывать поземельную повинность в пользу Кундуховых. Причем, жители Скут-Коха и Батакоюрта свое согласие должны были подтвердить расписками.

Однако летом 1886 г. произошла новая стычка, на этот раз между батакоюртовцами и майором Муссой Кундуховым. Последний прибыл вместе со стражниками прямо в поле, когда крестьяне убирали хлеб, и потребовал половинную часть урожая, якобы за то, что весной во время сева они дали на это согласие. Получив категорический отказ, Кундухов стал оскорблять их и угрожать, из-за чего и произошла драка, как объясняли батакоюртовцы прибывшему на место происшествия приставу.

Вражда крестьян с Кундуховыми приняла еще более крутой характер с 1847 г., когда, как объясняли сами крестьяне, «майор Мусса Кундухов явил еще новый пример в народе». «Пример этот выразился в том, – писали жители Скут-Коха, – что он в 1839 г., поселясь в Кабардинских горах, месте довольно опасном, пригласил нас выстроить общими силами среди аула каменный оборонительный замок для защиты всей деревни, при каковом держали по очереди денной и ночной караул по 4 человека. Впоследствии он в замке этом сделал собственный дом³ и лишил нас всякого права на этот замок, принял на себя вид владельца и наложил на нас подати за то, что будто бы мы пользуемся сего землею, от чего около 20 семейств принуждены были переселиться оттуда в разные места...⁴ О том мы неоднократно подавали просьбы, но Кундухов, будучи образованным чиновником, умел убедить местное начальство, так что право осталось на его стороне, а мы, не зная даже говорить на русском наречии, принуждены были замолчать».⁵

Аналогичным образом поступали тагаурские владельцы и в других аулах: Тулатовы в Тулатовском ауле, Шанаевы в Бруте, Жантиевы в Дарг-Кохе, Кусовы в Заманкуле, Дударовы в Зилге. К концу 40-х гг. они прибрали к рукам большие пространства пахотных и сенокосных земель, значительно стеснив в земельном довольствии жителей этих аулов.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 12.

² Там же, д. 18, л. 73.

³ В 1864 г. этот замок вместе с землей М. Кундухов продал казне за 48 000 руб.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 283, оп. 1, д. 3, лл. 76–77.

⁵ Там же.

Итак, на почве усиления феодальных захватов общинных земель в Северной Осетии в 30–40-х гг. резко обострились социальные противоречия. Все они сходились в чрезвычайно жгучем для осетинского народа земельном вопросе. В его решении столкнулись интересы двух противоборствующих классов феодального общества Осетии и интересы феодально-крепостнического русского правительства.

Напряженность социальных отношений была характерна для тогдашней Осетии, по которой прокатилась волна крестьянских выступлений. Правда, эти выступления не вылились в антифеодальное восстание, как это случилось в Южной Осетии, но были настолько упорными и решительными, что могли в любое время перерасти в вооруженное восстание. Как справедливо заметил современник, все чаще в Осетии «блистали зарницы общего крестьянского движения».

Первая попытка правительства и его кавказской администрации разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу казны и осетинских феодалов

Весной 1845 г. в Тифлис в качестве наместника Николая I на Кавказе и главнокомандующего Кавказской армией прибыл М.С. Воронцов. «С назначением графа Воронцова в преемники генералу Нейдгарту, – писал известный кавказский историк А.П. Берже, – в истории русского владычества на Кавказе начинается новая эпоха».¹ Положение в крае настоятельно требовало «военного таланта от главнокомандующего» в борьбе «с гениальным владыкою гор Шамилем» и исключительных способностей от наместника по управлению краем.

Остановив свой выбор на Воронцове, Николай I между прочим, писал ему в Одессу, где он служил губернатором Новороссийского края: «Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моим к вам доверием, не откажетесь исполнить мое ожидание».²

Прибыв из Одессы в Тифлис, будущий «вождь Кавказа» сразу выехал на Кавказскую линию. Был в северном Дагестане, в Грозном, осмотрел Сунженскую линию, побывал в Нальчике и в заключение прибыл во Владикавказ, где гостил без малого две недели.³ Такую же поездку он совершил и по районам Закавказья. Личное знакомство с обстановкой в крае и делами военно-гражданского управления ничего утешительного Воронцову не принесло. Шамиль был «в апогее своего величия», повсюду представители местной власти докладывали наместнику одно и то же – «об усилении стремления здешних помещичьих крестьян к отысканию свободы». «Не скрою от вас, все милостивейший государь, – писал он Николаю I, –

¹ АКАК. Т. 9. С. 31.

² Там же. Т. 10. С. 1.

³ Там же.

что ближайшее знакомство с делами более и более удостоверяет меня в многосложности занятий и трудности управления краем».¹

Во время поездки Воронцову было подано множество жалоб, прошений, докладных записок от различных обществ кавказского населения, в том числе и от осетин. Жалобы и прошения продолжали поступать отовсюду в канцелярию наместника и после возвращения графа Воронцова в Тифлис. «По вступлении моем в управление краем, — доносил он царю, — я обратил внимание на непрестанно получаемые мною жалобы помещиков на неповиновение им крестьян, а последних — на неправильное владение ими помещиками. Из собранных по сим жалобам сведений оказалось, что стремление здешних помещичьих крестьян к отысканию свободы до такой степени усилилось, что все присутственные места наполнены делами этого рода».²

Северная Осетия не составляла в этом отношении исключения. Приведенная самим кавказским наместником тревожная социальная обстановка характеризовала и осетинскую действительность 40-х гг.. Осетинские феодалы были до того встревожены обострившейся классовой борьбой, что стали буквально умолять правительство и его местные органы о помощи. Они просили поддержать силой оружия их привилегированное положение в своих обществах, закрепить за ними их сословно-поземельные права по «российскому образу». Так, в поданном Воронцову 27 апреля 1845 г. во Владикавказе прошении, тагаурские феодалы ходатайствовали утвердить личные права над крестьянами, а «на земли, занимаемые теперь, выдать акты с правом владения ими вечно и потомственно». Пожалуй, это первое коллективное обращение тагаурских старшин к правительству с подобной просьбой. Предшествующие их заявления к царским административным органам носили частный характер и не ставили целью защиту интересов всего господствующего класса в Тагаурии. Растущая изо дня в день борьба крестьян, массовое неповиновение зависимых сословий спланивали ряды тагаурской феодальной знати. Она искала защиты у феодально-крепостнического государства и его представителей на Кавказе. «Мы осмеливаемся просить справедливой и законной защиты, — писали тагаурцы Воронцову, — какой только мы можем ожидать от достойного наместника нашего государя на Кавказе и тем уничтожить в сердцах наших невольный страх за неизвестную нашу будущность».³ Они с тревогой сообщали, что не только фарсаглаги отказываются платить им подати, но даже кавдасарды «берут пример с фарсаглагов и выходят из повиновения». Еще больше тревожила их неопределенность поземельных прав, отсутствие у них законных документов на владение землей. Дело в том, что с переселением на плоскость ни местные, ни высшие кавказские власти не выдавали осетинским старшинам никаких документов, закрепляющих за ними земли. Это была специальная правительственная установка в решении аграрного вопроса на Северном Кавказе.

Тагаурцы были обеспокоены тем, что находятся в каком-то «фальшивом положении» в отношении своих земельных прав. Хотя «по милости великого монарха нашего, — писали они, — начали понимать все выгоды

¹ АКАК. Т. 10. С. 833.

² Там же. С. 880.

³ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 26 об.

жизни и имеем средства пользоваться оными, мы не решаемся приступить к производству прочных хозяйственных обзаведений и построек для жилищ, сомневаясь, что земли, нами занимаемые, не останутся за нами, и все издержки, которые мы будем иметь для такого устройства, будут напрасны, бесполезны и очень чувствительны для нас».¹

Второй раз тагаурские старшины обратились к наместнику 1 ноября 1846 г. В своем прошении они с тревогой сообщали: «Споры наши с подвластными черным народом за землю и прочие предметы еще больше усугубляются» и «права наши на собственность начали приходить в упадок... И это не только нас одних пугает, – писали осетинские феодалы, – но все те соседние племена, которые имеют подобные же права над народом. Они часто обращаются с вопросами к нам, от чего мы теряем прежние права, делая нам упреки в слабости нашей относительно к своим подвластным, повторяя еще, что их это пугает тем более, что подвластные их, видя живой пример, могут последовать за оным».² Тагаурские старшины в этом отношении подали Воронцову идею создания специальной правительственной комиссии из благонадежных чиновников и из грузинских и кабардинских князей, «знающих наш старинный быт, и передать ей рассмотрение законных прав наших».³ Главная же просьба старшин состояла в том, чтобы правительство удостоило их звания тагаурских алдаров, каковыми титулами пользовались предки... во всех горах Кавказа».⁴

Просьбы, содержащиеся в ходатайствах куртатинских и алагирских старшин, во многом перекликались с тагаурскими. Все 15 пунктов «народных просьб уважаемых фамилий» куртатинцев – это прежде всего забота о своих феодальных правах на землю и в то же время тревога старшин, «вызванная неповиновением холопов». Они ходатайствовали перед наместником «назначить благонадежного чиновника, который привел бы в известность их земли и выдал бы им от имени правительства акт». «Уважаемым фамилиям, называемым старшинами, – просили они, – вернуть уходящих от нас холопов, гурзигов, кавдасардов и утвердить их за старшинами, а наперед, если таковые будут отлучаться от своих господ, то их начальство бы возвращало к нам».⁵

Письменные акты на потомственное владение землей и «равные права и преимущества с тагаурцами и куртатинцами» просили у Воронцова и алагирские «сильные фамилии».⁶

Так, в 40-х гг., в условиях установления и упрочения военной административно-управленческой власти царизма на Кавказе, местная феодальная знать хотела не только сохранить, но еще больше развить свои привилегии с помощью новой власти. Осетинские старшины, например, просили именовать их официально алдарами, а не старшинами, чтобы сам термин, признанный правительством, подчеркивал их права на землю и на повинности с населения. Это требование законодательного закрепления прав феодалы мотивировали тем, что в противном случае, ввиду неопределенности прав на владения, у них не будет интереса вести свое хозяйство.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 16 об.

² Там же, л. 17 об.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, л. 27.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, лл. 8–10.

Но Воронцову одновременно подавали свои прошения и горские зависимые сословия. В Осетии ходатайство фарсаглагов включало семь пунктов, семь смелых и конкретных предложений. Просьбы в них – скорее требования к царской администрации. Наиболее массовая и непримиримая к феодальному произволу категория осетинского крестьянства – фарсаглаги – прежде всего настаивала на том, чтобы ей было отведено вне всякой зависимости от старшин, на общинном праве пользования, достаточное количество земли и чтобы утвердили «оную за ними письменным актом». Затем рассмотрели их права и признали бы «законом их независимое от старшин положение». Фарсаглаги требовали поселить их обособленно от феодалов, в северо-восточной части Владикавказской равнины и назначить к ним особого пристава.¹

Ясно и недвусмысленно заявили кавказскому наместнику о своих повседневных нуждах и другие крестьянские сословия. Кавдасарды 26 апреля 1845 г. писали князю Воронцову, что они солидарны с фарсаглагским обществом в главном для крестьян вопросе – земельном, и просили: «Когда будет общее разделение земли, то приказать уделить и нашему кавдасардскому обществу такой же отдельный участок земли по усмотрению числа дворов и тем дать нашему обществу твердую оборону к независимому жительству».² Кавдасардское сословие, находящееся в большей социальной зависимости, чем фарсаглаги, в 40-х гг. еще не ставило вопрос о получении личной от феодалов свободы, как об этом решительно заявили их братья по классу фарсаглаги. Получение в будущем земли кавдасардами не влияло на их правовое положение. По-прежнему «кавдасарды должны были жить там, где приказывали им владельцы, исполнять работы по их же произволу», даже при наличии у них собственной земли.

Таким образом, в начале 1845 г. различные социальные силы в Осетии довольно ясно и полно высказали новой власти свои взгляды на плоскостную землю и свои классовые претензии друг к другу. Из поданных прошений, жалоб и докладных записок представители высшей кавказской администрации вынесли определенное заключение – о «ненормальной» социальной обстановке в Осетии.

Упрочив свои позиции в Северной Осетии, царское правительство решило выяснить во всей конкретности эти социальные отношения в осетинских обществах. Исследование общественного строя осетин, обычного права горцев поручалось то местным начальникам, то специально посланным чиновникам, которые выполняли эту задачу посредством личных исследований, расспросов и показаний стариков, хорошо знавших общественный строй в стране.

Наставляя одну группу чиновников, которая отправлялась в Осетию с этой миссией, начальник штаба Кавказской армии генерал Коцебу говорил: «Я предлагаю теперь же отправиться в крепость Владикавказ и заняться собиранием из надлежащих источников, значащихся в прилагаемой программе сведений. Они могут быть истребованы вами от местного военного начальства и добыты личными вашими исследованиями». Более одного года длилась подобная «исследовательская» работа в Осетии. Присланные

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, лл. 33–35.

² Там же, л. 12.

из Тифлиса чиновники при активном содействии местных военных властей побывали во всех осетинских обществах, беседовали с видными представителями сословий и на основании своих наблюдений составили довольно пространную докладную записку, которая, несомненно, внесла ясность в вопрос о тогдашней социально-политической обстановке в Осетии. По итогам проведенного исследования летом 1846 г. здесь уже были проведены административные изменения, направленные, прежде всего, на значительное усиление власти местных начальников. Осетия была преобразована во Владикавказский военный округ с включением в него Ингушетии, Западной Чечни и Малой Кабарды. Комендант Владикавказской крепости генерал Нестеров, назначался начальником округа. В его руках концентрировалась вся военная, административная, полицейская и судебная власть в округе. Были образованы новые приставства, причем административно – полицейская власть приставов и их помощников расширилась, усиливалась и роль сельских властей, старшин в первую очередь.¹ Основная линия царизма в укреплении своих позиций в Северной Осетии была рассчитана на приближение к себе старшин.

Наконец, в ноябре 1846 г. генералу Нестерову было предписано от наместника: «Собрать во Владикавказе под председательством в. п. особую комиссию для разбора прав разных сословий, и определить оные сообразно с настоящим положением края».² В предписании перечислялись и имена членов комиссии: главный пристав горских народов полковник Авалов, командиры Горского и Владикавказского казачьих полков полковник Ильинский и подполковник князь Эристов, офицер главного штаба войск полковник Казбек и несколько кабардинских князей. Нестеров отдал распоряжение приставу горских народов ротмистру Есенову отобрать из осетин депутатов в комиссию. 19 марта через приставов было обнародовано «Торжественное обращение к осетинскому народу». В нем начальник округа сообщал, что в 1845 и 1846 гг. разные сословия подавали главнокомандующему прошения, в которых, излагая свое положение и взаимные отношения, ходатайствовали об утверждении за ними земель и определении своих сословных прав. «Ныне, – писал он, – наместник, постоянно пекущийся о благоустройстве вверенных правлению его народов, внимая такой просьбе осетин, приказал теперь составить под председательством моим особый комитет, и поручил ему рассмотреть во всей подробности как права сословий, так равно и то, что относится до их поземельных владений».³ Нестеров приглашал население Осетии содействовать работе комиссии предоставлением всех необходимых сведений.

20 марта 1847 г. открылось первое заседание комиссии, но некоторые ее члены отсутствовали: полковник Авалов, кабардинские князья Джамбот Докшухин и Мисост Наурузов. От осетин на заседании присутствовали: от старшин – ротмистр Мусса Кундухов и престарелый поручик Габис Дударов; от фарсаглагов – подпоручик Гака Кусов и прапорщик Цуки Козыров; от кавдасардов – прапорщик Хусина Баев и Одже Аликов.⁴ Заседание было

¹ АКАК, т. 10, с. 2.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 29.

³ Там же, л. 58.

⁴ Там же, л. 56.

посвящено организационным вопросам, в частности, было принято решение собираться по четным числам каждого месяца.

Однако вскоре после торжественного открытия работы комиссии произошли события, которые значительным образом повлияли на ее работу. Буквально на второй день – 21 марта, по всем войскам Кавказской линии была объявлена тревога. Шамиль с большим отрядом горцев в районе Тартупа, станицы Змейской и Ельхотова прорвался к Тереку и овладел на значительном расстоянии Военно-Грузинской дорогой. По дороге прервалось всякое сообщение. Шамиль далее намеревался занять Владикавказ, затем двинуться в Кабарду.¹ Члены комиссии полковник Ильинский и князь Эристов срочно вернулись в свои полки, сам генерал Нестеров с войском выступил на Сунжу, где безвыездно пробыл в течение всей весны и лета. Работа комиссии остановилась. Во Владикавказ Нестеров вернулся лишь в октябре, но и тогда не возобновил работу комиссии. Отвечая начальнику главного штаба на вопрос об этом, он писал: «Ныне, с роспуском действующих войск, я мог бы заняться разбором довольно сложных дел тагаурцев, но прежде приступил к окончанию не менее важного и не терпящего отлагательства дела об устройстве Владикавказского казачьего полка и вновь открыл действия составленного по этому случаю комитета под моим председательством, и как только это дело окончится, тотчас же приступлю к делу тагаурцев».²

Между тем, социальная атмосфера в осетинских селах была неустойчивой. Феодальная знать, поощренная объявлениями председателя комиссии и предвидя, в связи с этим, скорое исполнение своих вождений, усилила произвольные захваты равнинной земли и создала тяжелую обстановку для крестьян. Знать вообще объявила всю равнинную землю старшинской. Она распускала слухи, что в скором времени комиссия генерала Нестерова документально закрепит за ней эту землю. Слухи об этом привели в движение весь народ. 16 октября 1847 г. фарсаглаго и кавдасарды всех тагаурских, куртатинских и алагирских селений подали Воронцову коллективное прошение. «Хотя по нашим просьбам, – писали они, – и был назначен весной комитет, но он не приносит нам удовлетворения. А между тем споры наши за землю со старшинами усугубляются. Они нагло присвоили себе почти всю нашу землю во Владикавказском округе, в разных местах ими занятую, отчего в народе возникло всеобщее кровавое междоусобие».³

Октябрьское обращение крестьян к наместнику примечательно еще и тем, что в нем зависимые сословия сделали попытку вбить клин между правительством и тагаурскими старшинами, наивно надеясь вызвать недоверие к последним. «Если сказать правду, – писали крестьяне, – то они (*старшины*. – Б.Б.) сколько полезны для правительства, столько же вредны... Из них много есть таких неблагонадежных, которые имеют сношение с непокорными горцами, принимают к себе абреков партиями, скрывают у себя людей Шамиля».⁴

¹ Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 120–121.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 74 об.

³ Там же, л. 75.

⁴ Там же, л. 76.

В ноябре комиссия Нестерова возобновила свою работу, а в конце 1847 г., когда она собрала достаточно сведений, Нестеров адресовал наместнику пространный рапорт. Защищая политику царизма в сословном вопросе, он представил на заключение высшего начальства свой план решения этого вопроса в Осетии. В нем он предлагал уважить просьбу 11 старшинских фамилий и именовать их алдарами или тагаурскими дворянами со всеми вытекающими отсюда правами, «потому что, действительно, название старшин для них обидно, ибо вообще старшинами в крае называются люди иногда из самого низшего происхождения... Подобная милость, – заключал он, – весьма бы польстила тагаурским старшинам».¹

Председатель комиссии в своем рапорте отметил все свои сомнения относительно общественного строя в Осетии, ее классового состава. Признавая в Тагаурии феодальный строй, а тагаурских старшин равными дворянскому сословию, Нестеров настаивал на скорейшем законном оформлении их «прав над народом». Так комиссия и ее председатель в сословном вопросе шли навстречу сокровенному желанию осетинских старшин. Более сложным для Нестерова и его комиссии оказался земельный вопрос. Решая его, Нестеров прежде всего должен был руководствоваться интересами правительства, целями его аграрной политики на Кавказе. Наконец, «настоящим положением края». Первым долгом Нестеров предлагал высшей кавказской власти объявить равнинную землю в Осетии казенной. «Земля эта, – писал он, – по всем данным должна быть в полном распоряжении правительства», ибо «из собранных фактов видно, что собственности у тагаурцев на плоскости никогда не было».² Затем Нестеров советовал наместнику отказать старшинам в их просьбе относительно закрепления за ними просимых земель, не давая им никаких письменных документов на право владения ими. Решение земельного вопроса откладывалось на неопределенный срок. «Отложить решение этого вопроса впредь до наделения земель казачьих полков и до окончательного устройства Военно-Грузинской дороги и Сунженской линии»,³ то есть до наделения земель 24 казачьих станиц.

В своей докладной записке генерал Нестеров подтверждал факт значительной классовой вражды в Осетии. «Вражда эта, – доносил он, – с 1836 г. ознаменовывается кровавыми происшествиями». И «чтобы успокоить сословия, нет другого средства, как поселить фарсаглагов отдельно от старшин».⁴ Так, чтобы как-то притупить классовый антагонизм в осетинском обществе, начальник округа призывал краевую администрацию поступить в интересах господствующих сословий – признать фарсаглагов независимыми от них и содействовать их отдельному поселению.

13 декабря 1847 г. проект Нестерова был утвержден Воронцовым. Из него исключался разве только главный вопрос – об отдельном поселении фарсаглагов от старшин. По мнению наместника, вопрос этот нуждался в дополнительном обсуждении, в частности, необходимо было определить пространство, куда переселить фарсаглагов. Предложение Нестерова купить для этого земли у крупного кабардинского землевладельца Бековича-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 80.

² Там же, д. 12, л. 24 об.

³ Там же, д. 3, л. 28 об.

⁴ Там же, д. 4, л. 14.

Черкасского не нашло поддержки в кругах высших краевых властей. Нестерову было приказано изыскать для этого другие возможности. В целом утвержденный проект должен был стать основой всей последующей деятельности комиссии. В феврале 1848 г. решение наместника Воронцова об именовании старшин алдарами было обнародовано. Кавказская власть была довольна работой комиссии, зато реакция населения Осетии была весьма противоречивой. Тагаурские старшины рассматривали присвоение им алдарского звания как первый успех, начало юридического утверждения их в дворянском достоинстве. Хотя земельный вопрос еще не был решен комиссией в их пользу, они не без основания считали, что с получением алдарских титулов поземельные претензии их удовлетворятся сами по себе. Понятно поэтому, что старшины остались довольны работой комиссии Нестерова.

Совершенно по-другому реагировал простой народ. Крестьянские сословия были весьма обеспокоены введением в Осетии института алдарства. «Переименование тагаурских старшин в алдары сильно подействовало на умы черного народа»,¹ – писали 16 марта 1848 г. жители ряда тагаурских селений. Уже в самый момент объявления решения комиссии в Батакоюрте, во Владикавказском осетинском ауле, в Гизельских аулах и в Карджине «отмечалось брожение умов, приведшее к беспорядкам».

Борьбу против алдарства в Осетии возглавляло по-прежнему фарсаглагское общество. 28 марта 1848 г. по инициативе предводителей этого сословия в сел. Кардиусар состоялось «полное собрание» фарсаглагов всех селений плоскостной Тагаурии.² На нем был составлен коллективный протест. Собрание поручило Петру Жукаеву, Егору Тарханову, Бада Кадиеву, Хамурза Албегову, Габа Борукаеву³ от имени всех фарсаглагов вручить этот протест начальнику округа. «Из объявленного народу, – говорилось в нем, – стало известно, что просьба тагаурских старшин принята во внимание и они переименованы в алдары. Мы же правительством забыты». Фарсаглаги грозно требовали: «Почему наши просьбы, поданные его сиятельству в одно время с тагаурцами, остались без уважения?»⁴ Они потребовали от начальства скорейшего отделения их от алдаров и представили конкретный план образования чисто фарсагласких аулов. Предлагалось три района: Батакоюрт, Эльхотово и Заманкул.

Вслед за фарсаглагами свое недовольство выразило и кавдасардское общество. А в апреле Нестерову одновременно принесли свою жалобу доверенные 900 дворов алагирских и 600 дворов куртатинских жителей. В них также было выражено недовольство результатами работы комиссии, все крестьянство Осетии выступило против. Окружная администрация готова была беспощадно подавить эту крестьянскую оппозицию. Однако в условиях такого массового недовольства власти побоялись прибегнуть к крайним мерам. Была избрана тактика «кротких мер». Чтобы подорвать сплоченность крестьян, Нестеров пообещал нескольким влиятельным фарсаглагским фамилиям исходатайствовать у наместника узденского звания.

В апреле 1848 г. он писал начальнику штаба, что к нему поступила просьба от трех фамилий: Кусовых, Козровых и Дзгоевых – «о присвоении

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 110.

² Там же, д. 3, л. 80.

³ Вышеупомянутое собрание фарсаглагов было созвано по их инициативе.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 89 об.

нии им названия, более почетного от других горцев». ¹ Нестеров эти фамилии характеризовал как «сильнейшие в обществе фарсаглагов и более других преданные правительству и заслуживающие нашего уважения». ² Воронцов не только согласился с ходатайством Нестерова, но собственноручно довел список фамилий до семи (Козровы, Кусовы, Албеговы, Тархановы, Бзаровы, Жукаевы, Кадиевы). Представителям этих фамилий, имеющим офицерские чины, было присвоено звание горских узденей, «не называя степени». ³ Звание это было потомственным. Фарсаглагам давались и другие обещания: вскоре отделить их от алдаров, в походах и экспедициях не подчинять их милиционеров офицерам из алдаров, быстрее продвигать в службе и т. д.

В создании института узденства для фарсаглагов, отмечал кавказский наместник, «была и немаловажная политическая потребность». Дело в том, что в 50-е гг. резко усилились оппозиционно-сепаратистские настроения в реакционных кругах мусульманской горской знати, в том числе и в среде алдаро-бадеятской верхушки. Это вынуждало царизм и его краевую администрацию отказываться от традиционной политики поддержки горской феодальной знати. Возникла потребность создания и в осетинских обществах богатых крестьян. Правительство искало их в осетинском офицерстве, горской милиции и духовенстве, большинство которых в Осетии были выходцами из фарсаглагов. Эта социальная прослойка богатых крестьян и служивых людей должна была, по замыслам администрации, стать опорой царизма в горских обществах.

Комиссия Нестерова в своей работе не касалась сословно-поземельного вопроса в Дигории. Она в 1846 г. не вошла в состав Владикавказского округа и по-прежнему оставалась в ведении начальника Центра Кавказской линии. А между тем положение дел в этом районе Осетии больше всего беспокоило и тревожило администрацию. Дигорские старшины не ограничивались двухкратной подачей прошений князю Воронцову и в 1848 г. вновь снарядили специальную депутацию в Петербург во главе с тем же генералом Асланбеком Тугановым. Пользуясь связями последнего и довольно высоким его положением в столице, депутаты дигорских бадеят снова имели «счастье представиться е. и. в.» и поднести «покорнейшее прошение». «Находясь в безывестности о будущем своем, — писали дигорские старшины Николаю I, — мы пришли в какое-то колебательное состояние и даже не можем серьезно приступить к улучшению материального быта своего». Простение включало три пункта: именовать их вместо старшин узденями 1-й степени, привести в подданство их подвластных, «которым приказать платить все дани, издревле ими платимые», размежевать родовые участки их земель с выдачей им актов на потомственное владение. ⁴

Разобрать просьбы дигорских старшин и принять соответствующие по ним меры Николай I поручил Воронцову. Последний в сентябре 1848 г. предписал начальнику Центра Эривову срочно разобрать дело дигорцев и представить свои соображения. В своем докладе новый начальник Центра не без тревоги сообщал наместнику о чрезвычайно тяжелой социальной обстановке в Дигории. «Дигорский вопрос, — писал он, — представляет

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 38.

² Там же, д. 11, л. 3.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, лл. 23—25.

⁴ Там же, л. 81.

собой сложный лабиринт и вот уже несколько лет занимает умы здешних начальников, создавая для них множество запутанных хлопот».¹

Что же касается просьб дигорских бадеят к государю императору, то как все эти вопросы слишком сложны и требуют особенно внимательного рассмотрения, – писал он далее, – я мнением своим полагал бы учредить для этого особую комиссию».² Такая комиссия в составе командира Донского казачьего полка подполковника Попова, майора Наттера, секретаря Кабардинского суда Дадышева начала работу в марте 1849 г. в Нальчике. Председателем ее был назначен новый командир Горского казачьего полка полковник Э. С. Алехин. Комиссия Алехина должна была детально разобраться в сословных отношениях дигорцев, в степени и формах зависимости крестьянства от бадеят. Справедливости ради нужно отметить, что работа комиссии в этом отношении была довольно тщательной. В Нальчик вызывались представители как дигорского крестьянства, так и бадеят. В комиссии были заслушаны отдельно показания депутатов простого народа, жившего в горах, а также на плоскости, и представителей «дигорских первостепенных дворян и старшин». Так как показания крестьян и дигорских «дворян» расходились, то устраивались между ними очные ставки. В целях полного уточнения взаимоотношений между сословиями комиссия требовала письменных ответов на заранее составленный комиссией вопросник.

Комиссия закончила свою работу в декабре. На основе собранного материала председатель ее составил и представил начальнику Центра докладную записку с выводами и рекомендациями, которой остался весьма доволен генерал Эристов. Зато содержание докладной записки Алехина и рапорт самого начальника Центра получили резкое осуждение и вызвали недовольство наместника. Начальник главного штаба армии в частном письме сообщал командующему войсками Кавказской линии генералу Завадовскому, что «его сиятельство был весьма разгневан по неудовлетворительности предположений комиссии..., назвав их каким-то каламбуром». Комиссия, например, считала бесспорным, что 7 фамилий дигорских бадеят и все царгасатские фамилии составляют высший класс Дигории и достойны возведения в ранг «первостепенных дворян или, по местному обычаю, узденя первой степени». А так как это будет «обидно» другим сословиям и от этого «взаимная неприязнь не только не окончится, а возможно еще больше усугубится», то она предлагала присвоить звания узденя всем дигорским сословиям: бадеят – царгасатам – первой степени, гагуатам – второй степени, адамихатам – третьей, а кумаягам – узденя четвертой степени. В них не определялась степень личной и земельной зависимости черного народа. Не сказано ничего и о земельных отношениях и, самое главное, не разъясенен вопрос – имеют ли право дигорские адамихаты на отдельное от бадеят поселение.

Таким образом, работа нальчикской комиссии не привела к принятию каких-то законодательных актов ни по сословному, ни по земельному вопросам в Дигории. Выводы, сделанные комиссией, не воплотились в жизнь, ибо, как выразился один местный чиновник, не «отвечали видам правительства». Поэтому «дигорский вопрос», как увидим ниже, еще долго будет «занимать умы здешних начальников».

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3294, л. 26.

² Там же, л. 68.

Роль комиссии И. А. Вревского в формировании и утверждении аграрно-поземельной политики царизма в Осетии

В начале 1848 г. работу комиссии Нестерова снова стало лихорадить. Собиралась она редко, от случая к случаю. С большим трудом удавалось председателю комиссии собрать всех ее членов, даже когда это диктовалось необходимостью подписать принятые уже решения. Член комиссии князь Эристов с назначением его начальником Центра Кавказской линии вообще переехал из Владикавказа в Нальчик, а полковник Авалов только летом мог принять участие в работе комиссии, так как в остальное время года дорога через перевал была закрыта. Поэтому Нестерову все чаще приходилось самому принимать решения за комиссию. К тому же главным предметом своей работы комиссия избрала мелкие, второстепенные вопросы, что же касается решения главных, таких, как земельный и отдельное поселение фарсаглагов, то они намеренно обходились стороной. Возникли разногласия по некоторым аспектам работы комиссии между Нестеровым и командующим войсками Кавказской линии генерал-лейтенантом Н. П. Завадовским. Поводом для конфликта послужили разногласия в вопросе о присвоении фарсаглагам узденского звания. Последний считал «по крайней мере легкомысленным давать пачками это звание целым группам горцев». Фактически же, как вспоминали современники, отношения между умеренным либералом по натуре Нестеровым и «крутонравным воякой» Завадовским стали портиться раньше, с того времени, когда генерал Нестеров стал начальником Владикавказского округа и «в вопросах гражданского устройства горцев» обходил своего непосредственного начальника, командующего войсками генерала Завадовского.

Последний стал внушать Воронцову, что по существу никакой сословно-поземельной комиссии во Владикавказе уже нет, что она существует только на бумаге. Он убеждал Воронцова, «что лучше назначить во Владикавказе вместо уже не существующей тагаурской комиссии новый комитет для всех горцев».¹

В ноябре 1848 г. по указанию Воронцова комиссия Нестерова была закрыта. Сам генерал Нестеров назначался начальником Левого фланга Кавказской линии.

На посту начальника Владикавказского округа его сменил командир Владикавказского казачьего полка полковник С.Б. Ильинский. Под его же председательством должен был открыться новый комитет «по разбору личных и поземельных прав туземцев всего Владикавказского округа». Однако Ильинский ответил отказом на предложение Завадовского возглавить новый комитет. Комитету предстояло обсудить земельный вопрос в Осетии и представить свои соображения главнокомандующему об отдельном поселении фарсаглагов, находящиеся на территории округа земли, где можно было бы разместить фарсаглагские селения. Чтобы выполнить «эти многосложные задачи, – писал Ильинский генералу Завадовскому, – необходимо дать комитету такой состав, чтобы председатель и его члены имели достаточные сведения к цели их назначения и довольно времени к тем соображениям, по которым утвержденное заключение комитета войдет уже в силу закон-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 38 об.

ного акта».¹ Новый начальник округа считал, что так как он по специальности военный, то едва ли сможет возглавить комитет, призванный решить земельный вопрос. «Нет у меня ни времени, ни необходимых данных для этого», – убеждал он Завадовского. «Я, – писал он в апреле 1849 г., – в лучшем случае могу быть только членом в комитете».²

Началась долгая и никому не нужная переписка, продлившаяся почти два года. Выдвигались кандидатуры различных военных деятелей Кавказской армии, среди которых были полковник Эристов, командир ставропольского егерского полка генерал Навицкий, генерал Хлюпин и другие. Закончилась эта бюрократическая канитель тем, что в июне 1850 г. Ильинский был снят с должности начальника округа и переведен в действующую армию, а на его место начальником Владикавказского военного округа был назначен командир Навагинского полка генерал барон И. А. Вревский, «человек необычайной энергичности», давно служивший на Кавказе и знакомый с бытом горцев. Ему и было поручено под своим председательством открыть новый комитет во Владикавказе с 15 июня 1850 г. в составе начальника округа, начальника Центра, нескольких чиновников и депутатов осетинских сословий.

В качестве первоочередной задачи комитету предлагалось заняться делами переселения фарсаглагов из алдарских аулов. Комитет Вревского отказался от плана размещения фарсаглагских селений в Малой Кабарде на землях кабардинского помещика Бековича-Черкасского. Правительство действительно купило часть дачи этого помещика, то есть 32 779 дес. из 98 513 дес. с целью поселения на этой земле казаков Сунженского полка. Генерал Нестеров рассчитывал часть этой земли употребить и для наделения земель фарсаглагов. Но по подсчетам комитета Вревского оказалось, «что 32779 дес. едва ли достаточны для наделения одного Сунженского полка и, следовательно, из этой земли нет возможности и клочка предоставить для поселения осетин».³

Таким образом, у комитета оставался один выход: «изыскать возможности для поселения тагаурских фарсаглагов внутри самой осетинской территории, на землях, лежащих между рекою Тереком, Кабардинскими горами и рекою Камбилеевскою», т. е. в районе правого берега Терека, где к тому времени уже было 15 осетинских и два ингушских аула. Поэтому комитету предстояла большая работа.

Попытки Вревского добыть данные об этих землях в управлении Владикавказского округа и тем самым облегчить и ускорить работу вверенного ему комитета ни к чему не привели. Окружное управление не располагало такими данными. Вревскому пришлось доставать эти сведения силами членов комитета, который не мог проделать такую сложную и трудоемкую работу. Нужны были специалисты. В августе 1850 г. Вревский вошел со специальным рапортом в штаб Кавказской армии, в котором просил прислать в его распоряжение «опытного офицера с группой топографов, который бы привел в положительную известность земли вообще Владикавказского округа, а вместе с тем и народонаселение и рассчитывал бы: достаточно ли будет сих земель для наделения всех фарсаглагских жителей и

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 4, л. 64 об.

² Там же, л. 40.

³ Там же, д. 9, л. 7.

кавдасардов округа».¹ Таким опытным офицером оказался поручик Ф.В. Герасимов из Корпуса топографов штаба армии. Вместе с 12 другими топографами он прибыл во Владикавказ в сентябре 1850 г. Получив инструкцию о предстоящей работе, отряд топографов в сопровождении пристава, переводчика и конвоя из осетинских милиционеров и казаков 3 сентября отправился на правый берег Терека и немедленно приступил к работам, прежде всего, к вычислению количества земли каждого аула в этом районе. 7 октября вся работа здесь была закончена. Обрадованный «столь усердными действиями сего топографа» и в целом его отряда, председатель комиссии решил сразу же, не упуская удобной возможности, провести такие же работы и на остальной территории Осетии. «Я имею честь, – писал он Воронцову, – покорнейше просить в. с. разрешить мне привести в ясность и земли на левом берегу Терека, начиная от Владикавказа, до границ дигорских земель по подножью хребта, а если позволительно, то и земли в самих горах, которыми владеют аулы осетин – общества алагирских, куртатинских и тагаурских. Я нахожусь в совершенной неизвестности на счет количества земли, владеемой ими».² Вревский просил разрешения поручить и эту работу отряду топографов во главе с поручиком Герасимовым.

Такое разрешение было получено, но «с осторожностью, – предупреждал Воронцов, – дабы не возбудить какие-либо толки в народе. Что же касается до земель в горах алагирских, куртатинских и тагаурских осетин, то их только обозреть, ибо эти земли составляют родовые участки и их нельзя иметь в виду для вознаграждения других».³

О проведенных работах Герасимов представил на имя председателя комитета обстоятельные отчеты. В них впервые приводятся цифровые данные о количестве земли и населения в Осетии, в отдельных ее районах и обществах. Не верить этим ценным для нас данным нет никаких оснований. Герасимов был опытным топографом, к тому же одним из добросовестных землемеров, какие только были на Кавказе в прошлом столетии. Самые важные и ответственные задания военной и гражданской топографии поручались только ему. Дослужив до чина генерала и командира Корпуса топографов, Герасимов в 1881 г. ушел в отставку.

По данным Герасимова, весь земельный фонд Осетии (исключая Дигорию и части Алагирского ущелья), состоящий из 130 252 дес. плоскостной и 128 100 дес. горной земли, к 1850 г. распределялся следующим образом. Тагаурское общество занимало земли 100 115 дес. Из них на плоскости 51 615 дес., в горах у тагаурцев земли удобной под пастбище, сенокосы, хлебопашество и под лесом было 47 800 дес. и 8500 дес. под голыми скалами и вечными снегами.⁴ Куртатинское общество занимало на плоскости 14 900 дес. (в числе которых 6 500 дес. под лесом и болотами), а в горах у куртатинцев удобной земли 33 000 дес., в том числе 14 300 дес. под лесом. Алагирское общество, без Наро-Мамисонского, Закинского и Зругского об-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 8, л. 38.

² Там же, л. 48.

³ По словам самого Герасимова, данные о количестве земли в нагорной Осетии «надо считать приблизительными, они вычислены по карте, так как наступившие холода сделали мою поездку в горы опасной».

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 8, лл. 57–61.

ицеств, имело равнинной земли 8 620 дес. и в горах удобной земли занимало 46 600 дес., в том числе 18 000 дес. под лесом.

Казачьи станицы, насчитывавшие в 1850 г. 6800 душ мужского пола, занимали на плоскости 50 957 дес., в том числе 5460 дес., на правой стороне Терека и 45 452 дес. на левой. Постанично этой земельной площадью владели: Владикавказская – 6386 дес., Архонская – 6914 дес., Ардонская – 8460 дес., Николаевская – 11 975 дес., Змейская – 10345 дес. и Горная станица – 6000 дес. Войско Владикавказского гарнизона занимало 4160 дес.¹

На основе данных о количестве земли и сословном строе в трех осетинских обществах комиссия Вревского составила проект размежевания плоскостной земли в Осетии, и в марте 1851 г. председатель представил его на утверждение Воронцову. Вревский исходил из тех же положений, что и Нестеров. Прежде всего, равнинная земля в Осетии Вревским объявлялась казенной. «Положить началом, – советовал он, – что вся земля принадлежит правительству, и по распоряжению оно все аулы и сословия будут наделены участками земли». Вревский считал, что «раз тагаурские алдары правительством признаны высшим сословием, то дать им на душу большее количество земли против других в виде особого внимания и милости к ним». «Отведенную им землю, – заключал он, – считать их собственностью, которую они могут отчуждать».²

Комитету Вревского отлично было известно, какую бурную реакцию вызвали со стороны простого народа попытки прежних комиссий разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу алдаро-баделят. Желая избежать этого и «восстановить к себе народное доверие», Вревский пошел на некоторое ущемление прав осетинской знати. Хотя, писал он, алдары имеют сословные права над простым народом, но эти права, по мнению Вревского, «уже обветшали и в новых условиях жизни они лишены своего прежнего смысла». Их можно и должно было нарушить правительством, чтобы ослабить остроту классовой борьбы. С этой целью фарсаглагам и кавдасардам, по проекту Вревского, разрешалось поселяться отдельно от алдаров. «В выгодах правительства, писал он, – по возможности содействовать этому отдельному поселению сословий. Фарсаглаги – класс самый многочисленный и самый преданный правительству и всего ожидающий от правительства. Этою мерою призналась бы независимость фарсаглагов и кавдасардов, что, в сущности, действительно есть, но чего не признают алдары, опираясь на старинные права, изменившиеся с давних времен». Вревский предлагал оставить без внимания желание алдаров взимать с фарсаглагов поземельные повинности, «ибо на плоскости алдары поземельной собственности не имеют, а только пользуются землею по указанию правительства». Но «для возмещения убытков их за потерю прав над простым народом», можно алдарам дать вознаграждение «соразмерно с личными заслугами правительству». Для прекращения споров осетинских алдаров с казной по поводу наследственных прав своих на равнинную землю комитет настаивал на том, чтобы переименовать аулы и называть их только по урочищам, а не по имени алдаров, так как это давало последним повод объявлять землю наследственной.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 20.

² Там же, лл. 27, 28.

Вревский спрашивал кавказского наместника, какого принципа придерживаться комитету при земельном разделе вообще: «взять ли количество земли во Владикавказском округе и целое поселение округа, или, оставив настоящие границы обществ, населить в них жителей по числу душ?» В последнем случае, сообщает он, не во всех обществах будет одинаковым среднедушевой надел земли: в Тагаурском – 11,5 дес., в Куртатинском – 14 дес., а в Алагирском – 9 дес.

В заключение Вревский оставлял за комитетом право «сообразить, из каких аулов удобнее выселить алдаров и оставить фарсаглагов, или наоборот – выселить сих последних, а оставить алдаров на месте».

Главнокомандующий «изволил в общих видах одобрить заключения» Вревского, что же касается окончательного его мнения, то Воронцов обещал это высказать Вревскому лично, когда прибудут во Владикавказ. Они признали полезным поселение фарсаглагов отдельными аулами от алдаров, но кавдасарды, «как холопы их (*алдаров.*—Б. Б.) не могут быть поселены с фарсаглагами, ибо если это случится, то кто останется у старшин для обработки земли и прочих работ?!»¹ Комитету было дано указание: производить размежевание не по целому округу, а по племенам, причем, границы между обществами обозначать, где можно, «замечательностями»: горами, реками, ручьями и тому подобным.

В июне 1851 г. князь Воронцов снова посещает Владикавказ. Перед предстоящим летним наступлением против Шамиля главнокомандующий должен был лично проинспектировать войска Кавказской линии. Была у 72-летнего «вождя Кавказа» и другая, почетная, миссия: заложить первый камень строящегося у входа в Алагирское ущелье серебросвинцового завода. По прибытии во Владикавказ он, в окружении «здешнего начальства, в подробности обсуживал разные дела, порученные комитету», и остался доволен его работой.

Следующим этапом работы комитета должно было стать межаульное размежевание плоскостной земли. Практическую часть этой работы Воронцов лично возложил на Герасимова «как офицера вполне уже знакомого с этим краем и с начальными вопросами его поземельной собственности». К топографическим работам Герасимов со своей группой приступил весной 1882 г. «Объяви от меня тагаурцам, – повелевал кавказский наместник Вревскому, – что правительство начинает с них это благодетельное для них дело во внимание их верной службы и преданности государю императору».²

Пока топографы выполняли эту работу, комитет вплотную занялся обсуждением сословного вопроса и накопившихся в комитете земельных споров. Сословный вопрос к тому времени оставался весьма жгучим и широко дискутировался в общественной жизни. Присвоение узденского звания некоторым фарсаглагским фамилиям не оставило равнодушным никого, породило в фарсаглагском обществе беспокойство и тревогу. Народ справедливо увидел в этом акте попытку администрации внести раскол, подорвать классовую сплоченность фарсаглагского сословия в борьбе против феодальной знати. Социальные верхи многих фарсаглагских фамилий, имевшие к этому времени офицерские чины, «увлеклись вымогательством у

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 12, л. 32.

² Там же, л. 68 об.

комитета узденства». Они буквально стали умолять комитет присвоить и их фамилиям «узденя хоть какой-нибудь степени».¹ Описывали свои «заслуги» перед правительством, всячески убеждали членов комитета, что они имеют больше прав на узденство, чем те, которым уже его присвоили. Дело дошло до сбора «дорожных денег» с населения для поездки в столицу «с всеподданнейшим прошением к государю императору об узденском звании всем фарсаглагам».² Затеяли это дело помощник пристава горских народов поручик Гака Кусов и прапорщик Цуки Козров. Они собрали с жителей более тысячи рублей (по 40 коп. со двора), действительно ездили в Пестербург, но вернулись ни с чем.

И все же большинство фарсаглагского сословия было возмущено решением комиссии Нестерова. За 1850 и 1851 г. в комитет Вревского было подано 17 жалоб по этому вопросу, три раза фарсаглаги посылали своих депутатов в Тифлис. Однако все это осталось без последствий.

Мало того, в конце 1852 г. комитет Вревского вошел с ходатайством перед наместником о присвоении еще четырем фарсаглагским фамилиям в количестве 28 дворов узденского звания. Решив эту просьбу комитета, Воронцов «вместе с тем дозволял генерал-майору барону Вревскому и впредь входить с подобными представлениями о тех лицах вольных сословий, кто по заслугам своим перед правительством будет достоин такого внимания».³

Это решение еще больше обострило напряженную обстановку в Осетии. В феврале 1853 г. Вревский получил жалобу от всего фарсаглагского сословия, которую подписали 95 человек. Оспаривая правомочность этого шага властей, авторы недвусмысленно заявили, что «они тем самым возвели непроницаемую стену между ними». Жалоба кончалась категорическим требованием – «настоящее звание узденя распространить на целое общество, или в противном случае... звание это вовсе уничтожить».⁴ Крестьяне справедливо связывали сословный вопрос с земельным. Собственно, их меньше всего тревожило само узденское звание. Главное другое: с этим званием отдельные фарсаглаги автоматически приобретали больше прав на землю при общем размежевании. Кстати, и сам комитет не отрицал, «что впоследствии лица должны будут пользоваться некоторыми преимуществами в поземельном довольствии». «Ваша светлость, – писали Воронцову в декабре 1852 г. фарсаглаги ряда селений, – мы слышаны, что в скором времени будет размежевание плоскостной земли на участки и чтобы не лишиться занимаемой нами фарсаглаговыми фамилиями земли и чтобы не произошло со стороны начальства межевания на примере, кому более и кому менее (больше всех алдарам, затем узденям, а меньше всего фарсаглагам), убедительнейше просим предписать кому следует, чтобы при размежевании земли, на которой мы поселены, разделено было по равной части».⁵

16 октября 1852 г. Герасимов доложил в комитет об окончании съёмочных работ на правом берегу Терека и представил об этом отчет. Вся плоскостная земля, занятая тагаурскими аулами, в которых проживало 55

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 4, л. 1.

² Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 105.

³ Там же, л. 100.

⁴ Там же, д. 11, л. 3.

⁵ Там же, д. 4, л. 79 об.

дворов алдаров, 508 дворов фарсаглагов и 152 кавдасардских двора, подробно была снята на карту в масштабе 250 сажен на дюйм. Нанесены также на эту карту существующие границы аульных дач, феодальных владений, исчислено количество удобной и неудобной земли. Так, в 1852 г. в распоряжении тагаурцев на правом берегу Терека было 49 385 дес., из которых 1 000 дес. было неудобной земли – под болотами, осыпями, обрывами, песками и водой.¹ Вся эта площадь распределялась между 15 аулами следующим образом (см. табл. 1).

№ п/п	Название аулов	Кол-во дворов	Кол-во дес. земли	Кол-во спорной земли	Кол-во дес. на муж. душу
1.	Беслан	34	4693	162	28
2.	Тхостов	19	1165	190	26
3.	Скут-Кох (аул Муссы Кундухова)	42	5617	1090	26
4.	Ларс	44	5101	–	23,5
5.	Карджин	71	8608	1424	15,5
6.	Дарг-Кох	44	3622	1442	10
7.	Исаево (аул Исса Дударова)	23	1377	129	13
8.	Батакоюрт	77	5071	743	10
9.	Иналова (аул Инала Дударова)	74	4368	1453	8
10.	Габисова и Султанова (Дударовых)	57	4271	499	8
11.	Брут (аул Шанаевых)	22	972	138	7,5
12.	Бапинова (аул Бапина Алдатова)	23	1172	861	5
13.	Заманкул	81	2257	35	5
14.	Ельхотово	123	8634	388	26
15.	Владикавказский аул	155	5805	180	28

«Аулы эти, – писал Герасимов, – размещены по берегам рек Камбилевки, Терека, Карджина и при родниках по южному скату Кабардинских гор. В поземельном довольствии аулы эти не были разграничены, занимают произвольные участки, несоответственные их народонаселению: в одних аулах приходится больше десятины на душу, в других меньше, чрез что и возникают споры и беспорядки между жителями».² Кроме того, тагаурцы в 1852 г. занимали земли на левой стороне Терека. 30 ноября Герасимов представил комитету «подробную съемку земли гизельдонских тагаурских аулов». Их всего было 5 аулов: Алдатова, Мамсурова, Адльгирея Кундухова, Османа Мамсурова и Кундухова, – в которых насчитывалось 266 дворов – 22 алдарских, 203 фарсаглагских и 41 кавдасардских, и занимали они 5725 дес.³ В конце 1852 г. комитет получил точные данные и о количестве плоскостной земли в Куртатинском и Алагирском обществах, о численности народонаселения.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 84.

² Там же, л. 95.

³ Там же, л. 92.

Таким образом, представилась возможность приступить к практическому наделению земель плоскостного населения уже в 1853 г. «Ныне, – писал генерал Вревский наместнику, – по сообщению необходимых сведений имеется возможность приступить к распределению помянутой плоскостной земли».¹ Советуя начать эту работу опять с Тагаурии, Вревский представил на утверждение два варианта одного и того же проекта размежевания тагаурской земли. Причем оба варианта исходили из тех «главных данных», что, во-первых, из всей земли на правом берегу Терека осетинам отдается только 44 385 дес., во-вторых, землю необходимо наделить три сословия: алдаров, фарсаглагов и кавдасардов, «коих по правую сторону оказалось: алдаров – 54 двора, фарсаглагов – 598 дворов, кавдасардов – 175 дворов, в том числе фарсаглагов и кавдасардов с. Балта, Редант, Баботыкох, Крайкау, Максимкина, у которых нет земли и которых оною нужно наделить». В-третьих, алдаров наделить большим количеством земли, фарсаглагов поселить отдельно от алдаров и христиан от магометан. В-четвертых, во всех аулах прирезать по 60 десятин аульным старшинам, «чтобы этою мерою привлечь к должности старшинской людей с весом в народе, что необходимо для правительства». Кроме того, в каждом ауле отводится по 40 десятин для нужд церкви или мечети.

В первом варианте предлагалось наделить алдарские дворы по 160 дес., а фарсаглагские и кавдасардские по 42 дес. Кусовым в Заманкуле кроме 42 дес. на двор отделить особый участок 320 дес. В этом случае нераспределенными останутся 500 дес. Эту «сэкономленную» землю председатель комитета предлагал присоединить к землям Владикавказского гарнизона. Второй вариант предполагал наделение алдарских дворов по 225 дес., а фарсаглагских и кавдасардских по 36 дес. Кусовым не отделяется особый участок из дачи аула Заманкул, «но из фамилии Кусовых составляется на р. Заманкул особый аул и аулу сему отделяется по 43 дес. на двор, как «фамилии, заслуживающей особенного внимания правительства».² В этом случае 500 дес. войдут в алдарский надел.

Наместник утвердил второй вариант комитета с единственной поправкой – кавдасардов землей не наделять. На основе этого генерал Вревский весной 1853 г. предписал Герасимову приступить к практическому разделению тагаурской земли по утвержденному Воронцовым плану.

Этот план межевания вносил существенные изменения в географическую карту Осетии. Навсегда исчезали многие существующие населенные пункты, и наоборот, возникали новые, с новыми названиями. Большие массы населения должны были подвергнуться передвижению с одного места на другое. «Крайне необходимо, – писал Вревский Герасимову, – при отдельном поселении фарсаглагов и кавдасардов от алдаров и христиан от магометан, некоторую часть аулов расселить по другим аулам, а в некоторых местах, более важных в военном отношении, возвести новые аулы».³ По мнению комитета, «при размежевании плоскости по краям тагаурской земли должны быть поселены вольные селения и преимущественно христианские, как более надежные».⁴ Создавалось шесть христианских селений: Кар-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 33.

² Там же, лл. 35–40.

³ Там же, л. 34 об.

⁴ Там же, л. 42.

джин – из 120 дворов, Дарг-Кох – из 78 дворов, Батакоюрт – из 140 дворов, аул у кургана Эльберт (Зилга) – из 70 дворов, Владикавказский – из 90 дворов, Иналовский (Хумалаг) – из 120 дворов и семь чисто магометанских: Заманкул – из 152 дворов, Скут-Кох – из 11 дворов, аул у кургана Челемет (Брут) из 31 двора, Ельхот – из 123 дворов, Беслан с аулом Тхостова – из 26 дворов, Джанхотов-Ларс – из 23 дворов и аул у кургана Герменчика. Если христианские селения все без исключения были фарсаглагскими, то из магометанских лишь только два – Заманкул и Ельхот, заселялись фарсаглагами. Что касается алдаров, то они должны были быть поселены: Кундуховы в Скут-Кохе, Дударовы в ауле Габиса, Тулатовы и Тхостовы в Беслане, все остальные алдары – Шанаевы, Мамсуровы, Алдатовы, Тугановы, Кануковы – в Бруте.

На этом основании ликвидировались аулы Габиса Дударова, Тасултана Дударова, Бапина Алдатова, Исса Дударова, Гадо Тхостова, аул Шанаевых, жители которых, согласно их верс, размещались по другим селениям. Жители первых двух аулов составили основу нового селения Зилга, сюда же были переселены жители-магометане из Иналова аула. Жители аулов Бапина Алдатова, Исса Дударова и Шанаевых были объединены в одно селение Брут, а аул Гадо Тхостова слился с аулом Беслана Тулатова. Иналов аул, куда переселились все христиане из аула Тулатова, получил теперь новое название – селение Хумалаг.

Особенным вниманием Вревского и его комитета пользовались пять аулов: Ельхот, Карджин, Заманкул, Батакоюрт и Владикавказский аул. Эти селения, расположенные на самых окраинах и «горячих» точках вдоль всей восточной границы Владикавказской (Осетинской равнины), должны были, по мнению комитета, играть роль кордонной линии и «охранять дорогу от прорывов хищнических партий». Поэтому их нужно было укрепить большим числом жителей. Так, «аул Батакоюрт, расположенный близ назрановской границы на скате Кабардинских гор, – читаем в предписании Вревского, – необходимо для безопасности усилить еще 70 дворами против настоящего его населения...», а аул Карджин заселить исключительно христианами и число дворов довести до 120, так как аул этот находится ближе к нашей линии и Военно-Грузинской дороге, расположен близ Терека, где имеется множество бродов и местность представляет все удобства для укрывательства хищнических партий».¹ В каждом из них возводились оборонительные сооружения, проектировалось строительство церквей и помещений для сельских властей. Отныне аулы эти стали именоваться селами.

Земля фарсаглагам отдавалась, а точнее, «указывалась» поаульно с последующим разделением ее на кварталы и дворы без права отчуждения. А для «поддержания алдаров как класса высшего по происхождению и по весу своему в народе» земля им давалась пофамильно, по 225 дес. на двор, «частное же разделение этой земли предоставлялось им самим». Причем считалось, что «земли сей они будут уже полными владельцами, то есть с правом передавать по наследству, закладывать, продавать ее по своему усмотрению».² Только им давались письменные документы на право владения землей.

Но все же алдары являлись лишь условными владельцами пожалован-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, лл. 38–38 об.

² Там же, лл. 38–38 об.

ной земли. Так, осетинский алдар не имел права продать свою землю «без ведома и разрешения местного начальства». «Полезно также поставить правилом, – предписывал Воронцов, – что в случае побега к непокорным... виновный лишается своей поземельной собственности, которая обращается в пользу казны».¹ Алдары обязывались нести кордонную повинность для охраны границ отводимой им земли.

Комитету понадобилось три года, чтобы проделать всю землеустроительную работу. 10 ноября 1856 г. Вревский докладывал новому наместнику генерал-адъютанту А.И. Барятинскому: «Можно считать окончательно решенными все поземельные вопросы тагаурцев на правой стороне Терека».² К докладной записке прилагалось 13 планов участков, отведенных во владение алдарам и фарсаглагским аулам. Всего было отмежевано 44 885 дес. земли, в том числе:

1. Майору А. Дударову с братьями за уступленную правительством ларскую землю 1 500 дес.

2. Подполковнику М. Кундухову с братьями 2800 дес; 800 дес. леса.

3. Алдарам Дударовым на 19 дв. по 225 дес. На двор – 4275 дес.

4. Алдарам Тулатовым на 6 дв. 1350 дес.

5. Алдарам Тхостовым на 5 дв. 1125 дес.

6. Алдарам всех других фамилий, всего 29 дворов 6380 дес.³

Таким образом, 61 алдарский двор, или около 8% тагаурского населения получил 17 430 дес., то есть более 1/3 всей распределяемой земельной площади. Оставшаяся земля – 27 455 дес. – отдана фарсаглагам, которые были собраны в 9 аулах.

1. Христианскому аулу Дарг-Кох на 110 дворов – 4047 дес., в том числе 140 дес. церкви и старшине.

2. Христианскому аулу Батакоюрт на 155 дв. – 5585 дес., в том числе 200 дес. церкви и аульному старшине.

3. Владикавказскому аулу на 100 дв. – 3380 дес., из которых 140 дес. церкви и старшине.

4. Христианскому аулу Хумалаг на 135 дв. – 4868 дес. и соответственно 140 дес. церкви и сельской администрации.

5. Магометанскому аулу Заманкул на 123 дв. – 4200 дес., и для мечети и старшине 140 дес.

6. Магометанскому аулу Кусовых на 41 дв. – 1860 дес., в том числе 140 дес. мечети и старшине.

7. Магометанскому аулу Зилга на 98 дв. – 3375 дес., в том числе 140 дес. мечети и старшине.

8. Магометанскому аулу Ельхот на 123 дв. – около 8000 дес.⁴

Из оставшегося для наделения вольных аулов количества земли 1 240 дес. составили фонд сельского духовенства и администрации.

В своем донесении Барятинскому Вревский сообщал, что во время раздела тагаурской земли комитету пришлось несколько отклониться от плана межевания, утвержденного наместником еще 6 января 1853 г. «Эти

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 39 об.

² Там же, л. 11 об.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 7.

отклонения, — писал он, — я признал необходимым допустить как по тревожному положению Владикавказского округа, в котором находился он за выводом войск в Закавказский край, вследствие минувшей войны (*Крымская война*. — Б.Б.), так и по другим обстоятельствам». ¹ Так, по плану Дударовым был отведен участок возле Елизаветинского укрепления, куда должны были переселиться все члены этой фамилии, в том числе из Карджина. Однако владельцы селения Карджин Инус и Ильяс Дударовы «неотступно просили комитет об оставлении их на прежнем месте жительства в Карджине». В этом их поддерживали и другие Дударовы, изъявляя готовность переселиться в Карджин, но не в урочище Зилга. Вревский удовлетворил просьбу Дударовых, и они поселились здесь, в Зилге же поселились фарсаглаги — магометане в 1855 г. Далее Вревский, в виде исключения, ходатайствовал перед новым наместником о выдаче письменных актов на землю и фарсаглагской фамилии Кусовых. «Последним ходатайствую сию милость во внимание постоянной примерной преданности их правительству, отличных заслуг, разновременно оказываемых членами этой фамилии, из которой в настоящее время многие с похвалой служат в различных должностях в управлении округа и я надеюсь, что чрез таковое милостивое внимание начальства Кусовы усугубят усердие и ревность свою к пользам правительства и к службе, всегда полезной в здешнем крае, по значительному весу этой фамилии в народе». ²

Межевые работы в Гизельдоне включали в себя следующее. Население пяти аулов разбивалось также по-принципу раздельного поселения фарсаглагов от алдаров и христиан от магометан. При этом 22 алдарских двора собирались в ауле Кануково, все фарсаглаги «магометанского закона» переселялись в аул Зилга, христианское же население всех гизельских аулов должно было составить два новых аула. Землей в 2540 дес. они наделялись здесь же — между реками Гизельдон и Майрамадаг, начиная от границ земли Архонской станицы и до подошвы Черных гор. Оставшаяся затем гизельдонская земля в количестве 3389 дес. отдавалась алдарам Кануковым, Алдатовым, Кундуховым, Мамсуровым по 155 десятин на двор. Христианскому же аулу в горах отдавалась конфискованная когда-то у Ниж. Кобани казенная земля.

На территории Куртатинского общества комитет с самого начала не был склонен подвергать жителей крупным переселениям, если не считать решение комитета об объединении двух близлежащих аулов — Верхнего и Нижнего Фиага в один, под названием Кадгарон. Аулы здесь должны были остаться на тех же самых землях, которые до этого занимали, то есть им должны были «отвести земли, находящиеся в их фактическом пользовании». Правда, по примеру других христианских аулов в Кадгароне и Суадаге также назначались особые участки земли для церквей по 80 десятин и для сельских старшин — по 30 десятин, полагая по 2 старшины на аул.

Что же касается межевания земли алагирских плоскостных аулов Ардона и Салугардана, то комитет сохранил их на прежних местах, оставив в их распоряжении то количество земли, которым они до сих пор пользовались.

Земли Назрановского общества должны были подвергнуться значитель-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 8.

² Там же, л. 9 об.

ным перераспределениям. Комитет Вревского нашел «справедливым» отдать этому обществу всю землю, начиная от подошвы Качдох до Эльдархановского поста. Это пространство с севера ограничивалось землями Сунженского казачьего полка и Бековича-Черкасского, а с запада – землею Тагаурского общества, то есть хребтом Кабардинских гор. Вся эта территория делилась на 8 участков по числу 8 главных назрановских старшинских фамилий. Карабулаков же, поселенных с назрановцами на р. Яндырка, комитет полагал выселить на свободные земли по рекам Ассе, Фортанге и Нетхоу, которые, кстати, и прежде были заселены карабулаками. При этом, говорилось в проекте Вревского, «чтобы иметь это племя в своих руках и обеспечить с этой стороны Военно-Грузинскую дорогу, необходимо... устроить башни на Фортанге против Бумута, в Гандыл-басе и Датыхе и в трех местах по Ассе с промежутками между ними и постами из милиционеров».¹

Однако комитету Вревского уже не суждено было заниматься практическими работами в этом районе округа. В связи с предстоящими крупными военными действиями против Шамиля, планируемыми правительством, главнокомандующий генерал Барятинский вынужден был произвести многочисленные перемещения в высшем командном составе Кавказской армии. В конце 1856 г. получил новое назначение и вынужден был покинуть Владикавказ и Вревский. С отъездом этого генерала из Владикавказа прекратилась работа и сословно-поземельного комитета, председателем которого он был почти 8 лет.

Сословно-поземельный вопрос в Дигории, хотя и был передан в конце 1849 г. в комитет Вревского, но оставался совершенно без движения. Это породило недовольство и жалобы со стороны дигорских баделят. Беспокоило это и местные военные власти, так как классовая борьба в этом районе Осетии принимала угрожающие формы. Начальник Центра Кавказской линии полковник Эристов вторично доносил в Тифлис, что «в Дигории несогласие между сословиями не стало иметь границ». «Ненависть друг к другу так велика, что каждый из них употребляет все меры погубить другого».²

О тревожной обстановке в Дигории докладывало и духовенство. Его очень беспокоило участвовавшее в Осетии массовое «отступничество» от православия. В одной только Дигории число ренегатов достигло 800 душ мужского пола.³ Это был своеобразный протест дигорского крестьянства против феодально-крепостнической политики царизма и его администрации. Число прихожан в аульных церквях резко упало. Жители открыто заявляли местным священникам, что если власти будут продолжать поддерживать баделят, то все перейдут в магометанство. Сам экзарх Грузии был встревожен таким положением в Осетии и несколько раз, как свидетельствуют документы, обращал внимание Воронцова «на этот священный предмет».⁴

Летом 1850 г. Воронцов потребовал (уже который раз!) от представителей местной власти «теперь же представить все подробности о жалобах дигорцев, имеющих связь с распространением там православия». Подробный доклад о

¹ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 13 об.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 454, оп. 1, д. 3294, л. 33.

³ Там же, л. 109.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 3.

положении в Дигории был представлен начальником центра. По существу в нем генерал Эрстов не только характеризовал критическое положение православной церкви, но и составил проект решения сословно-поземельного вопроса в Дигории. Сделав экскурс в историю сословно-поземельных отношений в этом районе Осетии, Эрстов пришел к выводу, что «старшины дигорские на землю, лежащую вне гор, право собственности не могут иметь, следовательно и повинность, платимая черным народом за эту землю, ничем не оправдана...»¹ Отстаивая интересы правительства в этом вопросе, Эрстов взял «под защиту народ, исповедующий христианство». «Народ, — писал он, — поставлен в зависимость от всех старшин — фанатиков, исповедующих религию магометанскую, и всех христиан, живущих между ними, стесняются. Эта явная причина медленного развития христианства в Дигории».²

Однако, подробно описав состояние аграрных отношений между знатью и народом, Эрстов советовал наместнику при окончательном решении сословно-земельного вопроса не ущемлять интересы старшин, заслуживших «наше внимание своей долголетней преданностью и многоразличной полезной службой правительству»,³ закрепить за ними земли, ныне ими занимаемые. Генерал Эрстов считал, что если таким образом утолить земельные претензии баделят, то на территории дигорской равнины, в бассейнах рек Уруха и Урсдона, останется свободная земля, на которую до сих пор имели виды помещики из фамилии Тугановых, Кубатиевых и Абисаловых. Вот эту-то землю Эрстов советовал «передать в пользование простого класса, преимущественно христианского вероисповедания, которого, собрав вместе, поселить отдельным аулом».⁴ Чтобы как-то ослабить остроту религиозной борьбы в Дигории, укрепить позиции православия, планируемый христианский аул он предлагал сделать не только административным центром Дигории, то есть местом пребывания пристава, но и центральным пунктом православной религии. Эрстов писал, что для этого нужно здесь, в этом ауле, «за счет казны построить порядочную церковь, куда определить способных священников».⁵

Вышеописанный проект разрешения сословно-поземельного вопроса и меры укрепления позиций христианской церкви в Дигории по существу ничем не отличались от проектов комитетов Нестерова и Вревского для Тагаурии. Это и понятно. Князь Эрстов был одним из активных деятелей этих комиссий. Хорошо был знаком со всеми основополагающими указаниями высшей краевой власти и самого Воронцова по этим вопросам.

Воронцов, лично заинтересованный в быстрейшем решении «дигорского вопроса» (об этом, как известно, дважды просили баделятские депутаты самого Николая I), на этот раз остался доволен и одобрил все положения, содержащиеся в проекте генерала Эрстова. В феврале 1851 г. он наказывал Эрстову, «что вопрос о наделении дигорских владельцев землями потомственно и меры по охране интересов православной церкви в Дигории должны быть приведены в исполнение в возможно скором времени».⁶ Со-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 10, л. 3.

² Там же.

³ Там же, д. 29, л. 28 об.

⁴ Там же, л. 29.

⁵ Там же, л. 30.

⁶ Там же, д. 29, л. 32.

гласившись с мнением князя Эристова об отдельном от баделят поселении дигорских адамихатов, Воронцов в то же время не упустил из своей опеки интересы дигорских феодалов. Вместо поземельной дани, взимаемой с адамихатов, баделятам было обещано денежное вознаграждение из казны. Оно должно было соответствовать количеству поземельных повинностей, в денежном выражении, собираемых с дигорских крестьян.

Для определения этих повинностей и соответственно им размеров казенного вознаграждения каждому феодалу была учреждена «особая комиссия» во главе с командиром Владикавказского казачьего полка полковником В.Е. Шостаком. Свои действия эта комиссия открыла по указанию Воронцова в начале осени 1851 г. в Ардоне. Комиссия собрала значительный материал о личных и поземельных повинностях, платимых адамихатским сословием баделятам, и о количестве дворов зависимых крестьян не только в общей форме, но и по отдельным владельцам и фамилиям. Следует однако заметить, что к данным комиссии Шостака нужно подходить критически. Очень многое в них преувеличено. Комиссия записывала их со слов самих владельцев. Они же, чтобы получить от казны побольше обещанного вознаграждения, давали комиссии, как выразился один чиновник, просто «фантастические сведения».

Для практического осуществления в жизнь проекта генерала Эристова нужно было провести большие межевые и топографические работы. Работы эти поручались группе топографов во главе с капитаном Ильященко. За три месяца, с мая по июль 1852 г., группа Ильященко составила подробную карту плоскостной Дигории. Кроме того, в натуре были определены границы участков с указанием владельцев и аулов. Фамилии Кубатиевых был отведен участок в 3 000 дес. пахотной земли, Караджаевым – участок в 800 дес., Абисаловым – в 200 дес., Тугановым, как известно, земля в размере 19 790 дес. была пожалована еще в 1837 г. самим императором. Ко времени межевания дигорской земли у Тугановых осталось 13 504 дес., так как часть тугановской дачи в количестве 6 288 дес. была вновь скуплена правительством за 43 тыс. руб. для станицы Николаевской. Оставались свободными 7 564 дес. Это пространство и отводилось на общинных началах дигорским фарсаглагам и адамихатам, выделялись «особые участки для христиан и особые для мусульман с поселением их отдельными новыми аулами». Так, христианскому аулу отводился участок в 5 000 дес., а магометанскому – 4 333 дес.

На карте плоскостной Осетии появилось еще два аула: Вольно-Христиановский с 263 дворами и Вольно-Магометановский с 109 дворами. Кроме того, в частную собственность всех остальных «заслуженных баделятских фамилий» было отрезано 5 125 дес. – Чегемовым, Битуевым и Кабановым. В 1853 г. всем владельцам были выданы документы на право потомственного го владения этими землями.

Таким образом, в результате раздела плоскостной земли Дигории высшая кавказская администрация фактически удовлетворила требования баделят – размежевала их земли и выдала им акты на потомственное владение ими. Дигорское крестьянство осталось без плоскостной земли, так как две трети, или 28 915 дес. этой земли были закреплены за феодалами и лишь 9 564 дес. отведены «черному» дигорскому народу.

Попытка генерала М.А. Кундухова и его комиссии разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу алдаро-баделятской фронды

Комитет Вревского провел значительную работу. В высших административных кругах его деятельность считалась успешной. И тем не менее работа комитета не притупила остроту двух главных для Осетии вопросов – сословного и, в особенности, земельного. Не были претворены в жизнь разработанные комитетом проекты по разрешению земельного вопроса в Дигории, Алагирском, Назрановском и Куртатинском обществах. Деятельность комитета вызвала переполох среди тагаурских алдаров. Феодальная знать Тагаурии осталась «обиженной и оскорбленной». Уже в начале мая 1857 г. группа наиболее влиятельных алдаров: Беслан Тулатов, Крымсултан Дударов, Паци, Аслангирей и Касбулат Кануковы, Осман Мамсуров и другие подали в довольно резком тоне жалобу новому командующему войсками Левого фланга Кавказской линии генералу Н.И. Евдокимову.¹ «Гнев и возмущение снедают наши сердца», – писали они. Авторы жалобы протестовали против итогов работы комитета прежде всего потому, что его председатель Вревский якобы не принимал во внимание интересы алдаров. «Одним словом, мы смело можем заявить, – писали алдары, – что мы знаем только по частным слухам, что существовал комитет под председательством генерала барона Вревского».² Результатом «такой фиктивной деятельности комитета, по мнению алдаров, было включение в алдарское сословие лиц, которые «до назначения комитета не были в числе нас, имена которых, при малочисленном нашем сословии, не были нам известны... и которые, живя в наших аулах, платили нам подать».³ «Комитет барона Вревского, – жаловались они, – насорил наше благородное сословие мнимыми алдарами».

Пользуясь отъездом генерала Вревского из Осетии, алдарская верхушка в жалобе своей компрометировала итоги работы комитета в глазах нового местного и краевого начальства. Она настаивала на учреждении нового, более приемлемого для нее комитета. Осетинские феодалы, считавшие себя основателями аулов на плоскости и владевшие на этом основании всеми аульными дачами,⁴ больше всего были недовольны тем, что комитет Вревского не утвердил за ними эти аульные дачи, а наделил их участками всего в 225 дес., то есть гораздо меньшим количеством земли. Алдарская верхушка требовала «разобрать ее права снова и не так, как разобрал барон Вревский, а достоверно, со всею строгостью, и тем дать цену благам, изливаемым на нас монархом».

¹ В 1857 г. Левое крыло Кавказской линии было разделено на правый и левый фланги. Северная Осетия в военно-административном отношении была подчинена командующему войсками левого фланга. Сам ген. Евдокимов одновременно с 1856 по 1858 г. исполнял и обязанности начальника Владикавказского военного округа.

Штаб-квартира командующего находилась во Владикавказе.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 148.

³ Там же, л. 147 об.

⁴ Беслан Тулатов – основатель аула Беслан – считал себя владельцем земли в количестве 4560 дес, Крымсултан Дударов – 6050 дес. Осман Мамсуров – 5980 дес. Аслангирей Кануков – 4790 дес. и т. д.

Наконец, работа комитета Вревского вызвала отрицательную реакцию и со стороны фарсаглагов и кавдасардов. Комитет вовсе не наделил землей 334 крестьянских двора в Тагаурии и 190 дворов в Куртатинском обществе.

В ноябре 1857 г. во Владикавказе был учрежден новый комитет в составе 9 человек. Было высказано мнение, что действия нового комитета следует территориально расширить. Он официально получил название «Комитета для разбора личных и поземельных прав туземцев левого фланга Кавказской линии». Председателем его наместник Барятинский назначил бывшего начальника Центра, а «ныне состоящего при главнокомандующем» генерала А. П. Грамотина. Как явствует из названия, новый комитет должен был решить окончательно сословно-поземельный вопрос не только в Осетии, но и в Кабарде, Чечне, Ингушетии и в Кумыкском округе.

На расширении действий нового комитета настаивал сам генерал Евдокимов. В рапортах на имя главнокомандующего он убедительно доказывал необходимость общего комитета для всех туземцев. «Хотя в отношении личных и поземельных прав более всего запутанности встречаются в Осетинском округе, – писал он, – тем не менее и другие окружные начальники обращаются ко мне непрерывно с жалобами, что ссоры и споры туземцев за поземельную собственность постоянно увеличиваются и разбор этих споров при полной невозможности окончательно их решить поглощает всю деятельность окружных начальников».¹ Соглашаясь в принципе с Евдокимовым, главнокомандующий в то же время сам определил круг основных задач комитета. Прежде всего он должен был рассмотреть и окончательно решить поземельные споры в Осетии, наделить жителей землями и выдать им документы на владение участками, которые будут за ними утверждены, окончательно отделить христиан от магометан и поселить их отдельными аулами. «Все предположения комитета, – наставлял Барятинский, – должны быть представляемы на усмотрение вашему превосходительству и восходить на окончательное мое утверждение».²

На основе этих указаний главнокомандующего Евдокимов составил подробную программу работы комитета в Осетии. Первым долгом Грамотин и его комитет должны были «проверить посредством расспроса жителей, действительно ли не все фамилии, признанные бывшим комитетом алдарами, принадлежат к этому сословию», на что жаловалась алдарская аристократия. Затем комитету надлежало осуществить подробный разбор дела о наделении землею гизельских аулов, «остающихся по сие время ненаделенными ею». Евдокимов требовал от председателя комитета скорейшего решения этого вопроса, так как христианская часть гизельских жителей неоднократно уже обращалась к экзарху Грузии с просьбой ходатайствовать о немедленном удалении от них магометан, и прежде всего, алдарских семей. Поэтому экзарх входил с ходатайством к главнокомандующему «возможно скорее поддержать упадающее в гизельских аулах христианство». В дальнейшем комитету предстояло претворить в жизнь проекты Вревского по Алагирскому району и Дигории. Окончательный срок реализации этого плана по Владикавказскому округу Евдокимов определил в два года, а затем комитет должен был заняться делами в Большой и

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 16.

² Там же, л. 44.

Малой Кабарде, в Кумыкском округе и последним решить земельный вопрос в Чечне и в Ингушетии. Словом, от комитета Грамотина администрация ожидала быстрых и оперативных решений по стоящим перед ним вопросам.

Между тем комитет и его председатель не проявляли особого рвения. Работа шла медленно, на заседания члены комитета собирались от случая к случаю. Многие свои обязанности комитет возложил на приставов.

Наконец, в октябре 1858 г. начальник Левого фланга в докладной на имя главнокомандующего официально обвинил Грамотина в «своевольстве, беспечности и нерадивости». Анализируя работу комитета, Евдокимов писал, что, хотя он уже существует около двух лет, но «к сожалению, до настоящего времени плоды деятельности этого комитета, заключающегося ныне в особе одного председателя, не обнаруживаются...» «Думаю, – писал он, – что при самой усиленной деятельности комитет этот в настоящем его виде по множеству и разнообразию занятий едва ли в состоянии будет в скором времени сделать что-нибудь ощутимо полезное. Так как вопрос о поземельной собственности должен быть поставлен во главе всех мер, принимаемых к благоустройству туземных обществ и введению в них гражданственности, то осмеливаюсь покорнейше просить в. с. упразднить нынешний комитет и создать новый, значительно укрепив его штатами».¹

В ноябре 1858 г. комитет Грамотина был упразднен. Вместо него учреждались 4 комитета в каждом из 4 округов.² Председателями комитетов должны были быть начальники округов. И если в трех округах состав комитетов был подобран быстро, то во Владикавказском округе с назначением председателя и членов комитета появились трения. Дело в том, что начальник округа полковник С.К. Мищенко, назначенный на эту должность в июле 1858 г., не устраивал генерала Евдокимова как председатель комитета. Командующий Левым флангом считал Мищенко человеком «либерального ума». «Я не всегда уверен, – писал он в одном частном письме, – оправдает ли сей офицер в должной степени ожиданий командования». Евдокимов обвинил Мищенко в том, что в его бытность начальником округа в Осетии крайне обострился сословный вопрос. Документы подтверждают, что в 1858 г. возникло большое количество спорных дел между алдарами Кундуховыми и их подвластными Сокаевыми, между Кундуховыми и Кочисовыми; между Абисаловыми и Атаевыми, между Кануковыми и Аппаевыми и Худиевыми и др. Документы также свидетельствуют о том, что разбирательства этих споров в окружном управлении не всегда заканчивались в пользу алдаров.

Мищенко был снят с должности 13 декабря 1858 г. Одновременно Милютин сообщал Евдокимову, что Владикавказский округ преобразуется в Военно-Осетинский и на место Мищенко начальником округа назначается полковник Мусса Кундухов, который рекомендовался и председателем комитета. Назначение «туземца» на столь высокую и ответственную должность начальника округа и председателя комитета было само по себе беспрецедентным. Сын одного из богатых и влиятельных тагаурских феодалов, Мусса Кундухов заслужил это исключительное доверие высшего кавказского командования своей преданной службой. Окончив одним из первых

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 16.

² Там же, л. 17.

среди горцев кадетский корпус, М. Кундухов, по словам современников, продвигался по службе с «головокружительной быстротой», получив вторым¹ среди осетин в 1860 г. генеральский чин. Кроме официальной военной службы, Кундухов уже с начала 40-х гг. стал тайным агентом ведомства Бенкендорфа на Кавказе. В этой роли Кундухову не раз поручались исключительно важные задания. В 1842 г. генерал Нейдгард с санкции самого Николая I и шефа III отделения Бенкендорфа посылал ротмистра Кундухова несколько раз в с. Дарго на переговоры с Шамилем с целью «склонить его покориться» или «постараться хотя бы получить сведения о теперешнем состоянии Чечни и расположении умов в оной».²

Еще более активной была деятельность Кундухова в качестве тайного сотрудника политического ведомства в 50-х – первой половине 60-х гг., о чем мы будем говорить ниже.

В этой связи неубедительной выглядит попытка некоторой части дореволюционных историков объяснить быстрое продвижение Кундухова по служебной лестнице «огромным военным талантом», представить его чуть ли не «борцом за интересы горцев». Больше того, с его именем связывали легенду о каком-то «антицарском заговоре», раскрытом, якобы, в начале 60-х гг.³ Не должно вызывать сомнений, что «головокружительную карьеру» М. Кундухову обеспечила прежде всего его «многополезная» служба в качестве сотрудника III отделения, царского агента в среде горцев.

Хотя Кундухову и оказали высокое доверие, назначив его начальником Военно-Осетинского округа и председателем комитета, генерал Евдокимов все же счел нужным «прикомандировать к нему в качестве его помощника чиновника для особых поручений майора Карягина». Одним из постоянных членов комитета назначался капитан Корнеев, поэтому комитет Кундухова в шутку называли иногда «комитетом трех К». Работа комитета с самого начала была подчинена особому регламенту, разработанному самим Кундуховым и утвержденному Евдокимовым. «Комитет, – говорилось в этой программе, – желая ускорить исполнение возложенной на него высокой обязанности и достигнуть цели правительства, полагает открыть свои действия разборкам личных прав народа по обществам».⁴

С самого начала комитету в сословном вопросе была навязана точка зрения его председателя. Кундухов стремился создать в Осетии такую же сословную структуру, как и в Кабарде. С этой целью комитет через некоторое время представил на утверждение проект, по которому, по примеру феодальной Кабарды, правящий в Северной Осетии алдаро-бадеятский класс был разделен на три разряда. Земельный вопрос комитетом ставился в зависимость от решения сословного вопроса. «В первый разряд, – говорилось в этом проекте, – поместить всех бадеят, царгасат и алдаров, которые службою приобрели офицерские чины и юнкерские звания, дети которых при определении на службу должны поступать на двухлетний термин. Во второй разряд причислить всех остальных членов поименованных со-

¹ Первым из осетин генеральского чина был удостоен в 1858 году А. Туганов.

² Там же, л. 20.

³ См.: Загуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов-на-Дону. 1925. С. 198.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, л. 12, л. 59.

словий, не имеющих офицерских чинов, сюда же присоединить офицеров-гагуатов. Детей их принимать на службу на четырехлетний термин».¹ В третий разряд отнести тех алдаров и баделят, а также гагуат и царгасат, «кто не имеет своей земли, или имеет немного, да и сам ее обрабатывает. Кто ленив, редко бывает на коне, не одевается прилично, обижен от природы, или же не отличается удалством, кто много ест, или не может переносить в походе холод и голод. Все подобные люди не только не уважаются, но находятся в пренебрежении у народа как люди бесполезные и ни на что не способные».² Комитет предлагал наделить осетинских феодалов землей согласно этому принципу: алдарам первого разряда дать больше, второго разряда – меньше, а третьего – еще меньше. При этом, говорилось в проекте, желательно наделить землей не подворно, а по числу душ мужского пола, назначив на каждую душу по 12 дес. При этом прибавить сверх нормы алдарам первого разряда по 100 дес., а второго – по 50 дес. на двор. Получалась следующая картина. В Тагаурии комитет в 1859 г. причислил к алдарскому сословию 164 двора. Из этого числа к первому разряду отнесены 52 двора, ко второму – 83 двора и к третьему – остальные 29 дворов. В Дигории все 43 двора баделят причислены к первому разряду, зато 28 дворов царгасат и 11 дворов гагуат отнесены ко второму. Кундухов и его комитет сделали новый расчет земли алдарам и баделятам, гагуатам и царгасатам на плоскости. В Дигории феодальный фонд оставался без изменения. Земля здесь оставалась за теми владельцами, за которыми она была закреплена Воронцовым в 1832 г., и в тех же размерах. Иначе обстояло дело в Тагаурии. По новому расчету свыше 70% земли попадало именно к той алдарской верхушке, которая осталась недовольна результатами работы предшествующих правительственных комитетов и комиссий.³ Выражая интересы этой феодальной оппозиции, Кундухов всеми силами старался решить земельный вопрос в Осетии в ее пользу.

Однако проект Кундухова был по существу отклонен наместником. «Делить алдаров и баделят на 3 разряда нахожу неуместным. Это было бы отступлением от прямой цели назначения комитета, – заключил генерал-фельдмаршал Барятинский. Подразделение, предполагаемое комитетом, будет, конечно, безобидно только для тех, которых комитет ставит в число достойных, а все прочие... без сомнения будут считать себя обиженными, и это неизбежно породит между ними ропот и неудовольствие».⁴

Нельзя забывать и того, что с 1839 г. стали действовать новые правительственные установки в сословном и поземельном вопросе в крае и, в частности, в Осетии. До 1859 г. правительство не могло игнорировать интересы алдаров, не могло не проявлять заботу о них, ибо вся политика царизма в утверждении его власти в Осетии строилась на заигрывании с алдарами. «Раздражать их было нерационально и опасно».⁵ Лишь с 1859 г., после поражения Шамиля, у правительства были окончательно развязаны руки, и оно перестало считаться с историческими правами привилегированных горских сословий и оказывать им особое внимание и милость.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 30, л. 2 об.

² Там же, л. 74 об.

³ Там же, лл. 18–42.

⁴ Там же, лл. 80–81.

⁵ Там же, д. 8, лл. 66 об., 67.

С 1859 г., в новой военно-политической обстановке, с новыми установками по вопросам социального и аграрного устройства горцев, местные и кавказские власти признали, что комитеты Нестерова, Вревского и Кундухова «ошибочно придавали крайне преувеличенное значение алдарскому словию». Администрация считала, что притязания алдаров на владельческие права не подтверждаются ни письменными доказательствами, ни народными преданиями, и поэтому «не было причин вознаградить их лишней землей за потерю едва ли существовавших когда-либо прав над народом».

Руководствуясь этим, а «также ввиду недостатка земли на плоскости», Барятинский предписал комитету разделить алдаров только на два разряда, «но с тем, однако, чтобы алдарский земельный надел был уменьшен до 40 десятин на двор, допуская возможность дать первому разряду земли несколько больше».¹ Провалилась фактически и попытка Кундухова и его комитета разрешить сословный вопрос в Дигории в пользу дигорских баделят. Дело в том, что к концу 50-х гг. социальная обстановка в этом районе Осетии еще больше обострилась «вследствие неуплаты черным народом повинностей баделатам». Как известно, спор этот имел давнюю историю. Но особенно острый характер он принял с 1852 г., когда значительная часть дигорского крестьянства с разрешения наместника Воронцова переселилась из баделятских аулов и образовала на плоскости так называемые вольные селения. Тогда же решением наместника переселившиеся крестьяне были освобождены от земельных повинностей в пользу баделят. Что же касается личных повинностей, то народ по-прежнему был обязан вносить их в пользу своих помещиков. Однако жители вольных аулов Христиановского и Магометановского истолковали это решение наместника по-своему. «В течение пяти лет, — доносил своему начальству в 1857 г. пристав дигорских народов штабс-капитан Маловский, — в черном народе вкоренилась уверенность, что он совершенно волен и никому никаких повинностей платить не обязан.. В Дигории поклялись не давать баделятам отныне ничего... Из этой неуплаты родилась невероятная ненависть между двумя сословиями, следствием которой весьма легко могут произойти война и убийства».²

Как известно, по этому делу в Ардоне была создана: «следственная комиссия» полковника Шостака и капитана Радича. Однако ни эта комиссия, ни комитеты Вревского и Грамотина во Владикавказе, куда было передано дело, не смогли урегулировать этот спор, откладывая его разрешение «на неопределенный срок».

С образованием же комитета Кундухова дигорские баделята воспрянули духом. Они снова решили, как говорится, испытать свое счастье.³ Вошли в комитет с ходатайством «примирить их с простым народом», что на деле означало принудить крестьян к отбыванию повинностей. Просьба была поддержана в комитете. Во Владикавказ были вызваны депутаты с обеих сторон, якобы для принятия «важного решения». Кундухов предложил им

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 8/257, оп. 1, д. 670, л. 83.

² Там же, ф. 545, оп. 1, д. 12, л. 105 об.

³ М. Кундухова роднило с дигорскими баделятами не только его классовое происхождение. Связан он был с последними и узами родства: он и два его брата были женаты на Тугановой и на сестрах Кубатиевых — дочерях подполковника Иналука Кубатиева.

«полюбовно» договориться об уплате повинностей баделятам. Однако поверенные народа решительно отказывались от какой-либо сделки с феодалами, «утверждая, что дигорский черный народ никогда не считал себя подвластным, потому что земля издревле принадлежала народу, а баделята есть только пришельцы». Наконец, заявили они, «во время переселения дигорских жителей от баделят в вольные аулы князь Эристов от имени его сиятельства Воронцова всенародно нам объявил, что с тех пор мы можем считать себя свободными и независимыми от баделят и отныне избавлены от всех податей и повинностей».¹

В течение месяца на заседаниях комитета шли нелегкие дебаты по этому вопросу. Однако кроме взаимных обвинений и оскорблений они ни к чему не привели. Депутаты от баделят настаивали на исполнении дигорским крестьянством своих обязанностей перед помещиками, посланцы же народа все это отвергали и доказывали, что они независимы от баделят. Кундухов вынужден был констатировать, что ему, к сожалению, «не удалось склонить депутатов ни на какие уступки». Наконец, председатель комитета выдвинул компромиссное, по его мнению, решение. Он предложил народным депутатам «выкупиться от баделят». Условия выкупа, предложенные баделятами, были очень тяжелыми – 300 руб. со двора или 50 руб. с души. И эту сумму крестьяне обязаны были уплатить помещикам в течение трех лет.² При этом Тугановы, которых к 1859 г. было 8 дворов, получали от 149 дворов своих подвластных крестьян 44 700 руб.; 17 дв. Кубатиевых за 205 дворов подвластных – 61 500 руб.; 9 дворов Абисаловых за 158 дворов – 49 400 руб.; 1 двор Караджаевых за 47 дворов – 14 100 руб., 3 двора Чегемовых за 7 дворов – 2100 руб.; 2 двора Кабановых за 26 дворов – 7800 руб. и 2 двора Битуевых за 43 подвластных крестьян – 12 900 руб. В общей сложности баделята, которых всего в Дигории было 42 двора, должны были получить 192 500 рублей.³

Крестьянские депутаты заявили председателю комитета, что «без народного соглашения они никакого ответа дать не могут по этому столь важному для них вопросу». В августе 1859 г. в Вольно-Христиановском ауле дважды собирались общекрестьянские сходы (« всенародные собрания») всей Дигории. На этих « всенародных собраниях» была выработана общая установка, которой должны были руководствоваться их депутаты в комитете. «Народ дигорский никогда больше не согласится снова подчинить себя бадилатам и платить им повинности. Тем более не собирается откупаться от них».⁴ Таков был ответ народа феодалам.

Заявление народных представителей в комитете «крайне расстроило» Кундухова. 25 августа он обратился с рапортом к генералу Евдокимову, где писал, что «жители дигорского общества, хотя отказываются от платежа податей баделят согласно решению покойного князя Воронцова, хотя они не верят в существование подобного решения, это только один предлог их, которым они стараются прикрыть преступное упорство свое, явно изобличающее в них дух неповиновения и недоверия к начальству».⁵ Он просил

¹ ЦГА СО АССР, ф. 53, оп. 1, д. 1846, л. 2 об.

² Там же, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 58 об.

³ Там же, д. 10, л. 7; ф. 291, оп. 1, д. 34, . 72.

⁴ Там же, л. 58.

⁵ Там же, л. 58 об.

санкции «употребить в Дигории самые строгие меры к понуждению дигорцев откупиться». Иными словами, Кундухов настаивал на посылке в Дигорию военной силы. Однако Евдокимов решил действовать «благоразумными мерами». Он понимал, что применение военной силы против крестьян, несомненно, явится началом общего крестьянского выступления, ибо, признавал он, «дело приняло такой опасный оборот, когда у дигорцев небывалое единодушие и упорство в задуманном деле». В своем ответе Кундухову он довольно резко отчитал его как председателя комитета. «Для разрешения несогласий, возникших в Дигории между бадилятами и простым народом относительно повинностей, — писал он, — комитету не должно было ограничиваться одними объяснениями с депутатами, а если он видел, что дело принимает такой серьезный оборот, то обязан был отправиться на место и говорить лично с народом, тогда многие недоразумения устранились бы легче».¹ Став в позу защитника дигорского крестьянства, Евдокимов поучал своего подчиненного, что «нет ничего удивительного в том, что при убеждениях, вкоренившихся в понятиях жителей о свободном их происхождении, они были поставлены в крайнее недоумение, когда комитет объявил депутатам совершенно противное, и даже изъявили недоверчивость и непослушание власти».²

В марте 1860 г. Кундухов, выполняя предписание генерала Евдокимова, сделал еще одну попытку принудить дигорцев решить свой спор с баделятами «полюбовным образом и выкупиться от них деньгами». С этой целью он откомандировал в Дигорию своего помощника Карягина и члена комитета Корнеева. Они должны были собрать народ на месте и «убедить оный не отказываться от упомянутой сделки». Однако и на этот раз миссия Кундухова и его комитета провалилась. Прибывшие в Вольно-Христиановский аул чиновники долго убеждали собравшихся здесь жителей горных и плоско-стных аулов, однако все 800 человек, присутствовавшие на собрании, решительно отказались от предложенной сделки, «объявив при том окончательно, что они готовы лучше подвергнуть себя самому строгому наказанию, чем согласиться на какую-либо добровольную сделку с бадилатами».³

Комитет потерпел полное фиаско, его председатель Кундухов, уже в чине генерал-майора, летом 1860 г. подал рапорт об отставке, и, хотя ему и было отказано, он с этого времени фактически перестал руководить комитетом. Его перевели на должность начальника Чеченского округа. Председательские функции были возложены на подполковника Карягина. Комитет постепенно терял свое значение как в глазах народа, так и самой административной власти. Председателю все труднее становилось собирать депутатов; окружное начальство, приставы на местах больше не считали нужным оказывать комитету содействие.

И все же, подавая Евдокимову итоговый отчет о своей деятельности, комитет счел нужным еще раз вернуться к дигорскому вопросу. Был предложен еще один проект решения спора между феодалами и народом. «Дабы выйти из этого затруднительного положения и решить спор так, чтобы и те и другие остались довольными», комитет предлагал баделятам, якобы «за

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 67 об.

² Там же, л. 68.

³ Там же, д. 23, л. 8.

уступку прав над простым народом», сделать от казны денежное вознаграждение 25 руб. за крестьянский двор. Крестьян же обложить податью по усмотрению правительства – навсегда, или по крайней мере до того времени, пока казна не вернет свои расходы, и затем освободить крестьян вовсе из-под зависимости баделят.¹

Однако и это предложение комитета не было претворено в жизнь. Так что непримиримая классовая вражда между дигорской знатью и народом, существовавшая уже десятилетиями, не была прекращена. Попытка Кундухова разрешить сословно-поземельный вопрос в Осетии в пользу алдаробаделятской верхушки еще больше обострила классовые противоречия в Осетии.

Дальнейшее ухудшение аграрно-поземельного устройства населения и резкое усиление антифеодальной и антиадминистративной борьбы осетинского крестьянства в 50-е – начале 60-х гг.

Безусловно, все правительственные комитеты и комиссии, работавшие в Осетии, оставили определенный след в истории осетинского крестьянства. Был сделан первый шаг в ликвидации феодально-крепостнических отношений. Отдельное от феодалов поселение фарсаглагов и адамихатов фактически привело к прекращению вносимых до сих пор крестьянами поземельных повинностей. Феодалы жаловались, что с прекращением поземельных повинностей со стороны фарсаглагов и адамихатов они лишались важнейшего источника существования. По их подсчетам, в одной только плоскостной Дигории баделята лишились ежегодного дохода в размере 192 500 руб.,² а в Тагаурии того больше – 286 800 руб.³ И все же главный в то время для жителей Северной Осетии сословно-поземельный вопрос не был разрешен. Это означало, что не были устранены причины, приведшие в 40-е гг. к социально-классовым противоречиям в осетинском обществе. В сословно-поземельных отношениях, как признавали сами правительственные чиновники, продолжала существовать «вопиющая несправедливость». Непримирымый классовый антагонизм, составляющий основное содержание всей общественной жизни Осетии, не только не притупился, но породил еще и весьма сложную и опасную для местной царской администрации политическую обстановку. Антифеодальная борьба осетинского крестьянства в конце 50-х гг. снова стала дополняться массовыми антиколониальными выступлениями. Центром этих выступлений, как свидетельствует множество документов, по-прежнему оставались Дигория и Тагаурия. Здесь к середине XIX в. феодально-крепостнические отношения получили наибольшее свое развитие, поэтому социально-классовый антагонизм здесь был наиболее взрывоопасным.⁴

В этом отношении начало 50-х гг. занимает особое место. Феодальная знать Тагаурии и Дигории повсеместно усилила крепостной гнет. Алдары и

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 23, л. 49.

² Там же, д. 10, л. 7.

³ Там же, д. 34, л. 72.

⁴ С к и т с к и й Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 45.

баделята с этого времени стали ограничивать крестьян в пользовании лесом, а позже вовсе запретили им это, что особенно больно ударило по той части плоскостного населения, которая только что переселилась с гор и на новом месте переживала период хозяйственного строительства. Все леса в Осетии частью были захвачены помещиками, частью объявлены казенной собственностью. Крестьянам же лес отпускался за слишком высокую цену. Так, помещики Тугановы уже в 1849 г. объявили жителям близлежащих аулов, что все лесные дачи, отстоящие от их аула Дур-Дур на расстоянии до 10 верст, составляют их собственность и, следовательно, отныне «за каждое порубленное дерево в этих лесах» они должны расплачиваться только с ними, Тугановыми.¹ При этом вводились такие цены на лес, которые недоступны были нищим по существу переселенцам с гор. В 1850 г. все жители аула Дур-Дур (Туганов аул) жаловались, что «несут от помещика (*полковника А. Туганова.*— Б.Б.) большие отягощения, в особенности в отношении леса, которым он не позволяет пользоваться, заявляет, что этот лес его собственность и подарен ему государем императором... Берет с нас за каждый каюк или арбу по 1 руб. серебром».² Жаловались и жители аула Караджаева на своего «барина майора Караджаева, который по примеру Туганова тоже не позволяет жителям пользоваться лесом и устанавливает на него такую стоимость, которая вовсе не по нашему состоянию».³ Аналогичным образом поступали в Дигории и владельцы Кубатиевы, Абисаловы и Кабановы.

В Алагирском же ущелье все лесные массивы были объявлены в ведении управления Алагирского серебросвинцового завода, а в Куртатинском ущелье и леса, расположенные вблизи Владикавказа, переданы в распоряжение комендатуры крепости.

Хочется еще раз отметить, что в то время в Осетии вопрос о лесе являлся чрезвычайно острым. По свидетельству современников, в плоскостной Осетии в 50-х гг. шло интенсивное строительство, чуть ли «не каждая семья вынуждена строиться». Многие из них в течение 10–15 лет не могли приобрести лес и построить себе жилище. Естественно, уделом таких крестьянских семей становились сырые и холодные землянки. Тяжелые хозяйственно-бытовые условия порождали среди плоскостного населения различные болезни. По словам тех же современников, смертность среди жителей равнинных сел Осетии была очень высокой, поэтому «аульные кладбища здесь в размерах своих иногда не уступают самим аулам».⁴

Происходит дальнейшее ухудшение материального и правового положения кавдасардов и кумаягов. Не имея собственной земли и собственного хозяйства, они по своему положению приблизились к совершенно бесправным холопам. Многие повинности и обязанности, которые несли фарсаглаги и адамихаты, феодалы переложили на них.

Стонали от непосильного гнета и дигорские хехесы, бывшие свободные крестьяне, переселившиеся, как известно, в Дигорию из других осетинских обществ. Хехесы поселялись на баделятских землях на условиях аренды из доли урожая, напоминавших «испольщину». За арендованную землю хехе-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 454, оп. 1, д. 3294, л. 19.

² Там же, л. 33.

³ Там же, л. 49.

⁴ «Пантеон», Тифлис, 1872, № 3.

сы отдавали дигорским землевладельцам половину и даже большую часть урожая. Условия аренды фиксировались документально, в расписках, которые давали помещики поселившимся на их землях крестьянам. В них определялись как общие условия поселения, так и аренды земли. В 50-х годах участились случаи потерь хехесами этих расписок. Помещики обманным путем (спайвали крестьян) или хитростью (обещали крестьянам новые расписки) отбирали эти расписки и уничтожали (теряли их), а затем предъявляли к крестьянам новые, более тяжелые условия, фактически ставившие хехесов в полную зависимость от них. Летом 1853 г. 48 дворов хехесов из тугановских аулов сообщали начальнику Центра Кавказской линии, что «лет 10-15 тому назад они переселились по просьбе помещика Туганова из Алагирского ущелья с условием, чтобы платить только за пахотную землю Тугановым хлебом и сеном». «При переселении в означенное место, – писали крестьяне, – была дана подписка господином Тугановым за подписью пристава дигорских народов войскового старшины Гайтова и двух дигорских старшин в том, что мы должны оплачивать Туганову собранным урожаем и в том, что если кто-либо из нас пожелает переселиться в какую-либо деревню, или на свою родину, то в том случае он нам не должен делать никакого препятствия, т. к. мы ни под каким условием не подвластны баделятам».¹ Крестьяне обращались к генералу Грамотину за помощью: «Умоляем приказать господину Туганову вернуть нам расписки и... пусть он не смеет брать с нас больше положенного, от чего мы пришли в крайнее расстройство, и, чтобы он не смел запрещать нам переселяться в свою родину».²

Наконец, классовая борьба фарсаглагов и адамихатов против алдаров и баделят не только не утихла после их переселения в вольные аулы и освобождения их от поземельных повинностей, а еще больше обострилась, приняла новые формы. Об этом свидетельствует долголетняя борьба жителей вольных аулов Магометановского и Христиановского с баделятами Кубатиевыми и Тугановыми. Крестьяне здесь не ограничивались одними жалобами, к которым, как правило, администрация проявляла только равнодушие. Документы рисуют картины более острой борьбы адамихатов с баделятами. Жители самовольно рубили господский лес, совершали потравы и запашки барской земли, оказывали открытое сопротивление помещичьим стражникам и властям. «Так, – свидетельствует документ, – по неоднократным жалобам генерал-майора Туганова на жителей В.- Христиановского и В.-Магометановского аулов о том, что они самовольно производят порубку строевого леса и дров, занимают пахотные и сенокосные места и пасут табуны свои на земле, дарованной ему государем императором..., производились окружными начальниками неоднократно «дознания», которые в конечном итоге заканчивались наказанием жителей, арестом крестьянских вожаков».³

В основе вражды лежала чрезвычайная натянутость земельных отношений между крестьянами, собранными в двух вольных аулах, и помещиками. Последние из года в год расширяли свои владения за счет земель

¹ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 114, л. 10.

² Там же, л. 10 об.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 268, л. 9.

магометановцев и христиановцев, произвольно перенося мсжевые знаки в глубину крестьянских земель. Жители двух аулов, Вольно-Христиановского и Вольно-Магометановского, несколько раз подавали жалобы властям о «наглых притеснениях и захватах генерала Туганова и его родственников». Однако власти оставались глухи к этим жалобам. Вот тогда и занялись крестьяне этих двух аулов вышеописанными «самовольствиями против помещиков Тугановых». Уже в 1853 г. произошло крупное столкновение между ними и целым отрядом стражников, которым на помощь пристав вызвал казаков. Выехал туда и сам начальник округа. Закончилась эта стычка тем, что всех жителей Вольно-Магометановского и Вольно-Христиановского заставили дать «подписку» Туганову, согласно которой они обязывались «под страхом строгого наказания не производить в дачах его порубки леса, распашки земель под посевы, сенокосов и пастьбы скота, без дозволения на то самого помещика».¹ Кроме того, 40 человек было арестовано и водворено во Владикавказскую тюрьму. Однако ни расписки, ни аресты, ни угрозы властей не удержали крестьян от «самовольств» против помещиков, продолжавшихся в течение нескольких лет. В 1859 г., когда начальником округа стал Кундухов, по поводу этих «жалоб» помещика снова состоялось «беспристрастное следствие», которое закончилось тем, что по приказу начальника округа жители двух вольных аулов были оштрафованы на 4000 руб., а пристав должен был взыскать их с крестьян в течение одного года. Такой неожиданный оборот дела еще больше озлобил крестьян против Тугановых. Жители аулов на общем сходе поклялись не давать помещикам ни одного рубля.

Не менее тяжелой была земельная тяжба христиановцев с Кубатиевыми, длившаяся с 1853 г.² Она получила широкий общественный резонанс, ею занимались кавказские власти, а также высшее духовенство. В конце концов она в 1856 г. переросла в массовое вооруженное выступление жителей ряда дигорских селений против помещиков Кубатиевых, грозившее полным истреблением последних.³ Непосредственным поводом к вооруженному выступлению крестьян послужило убийство одним из Кубатиевых жителя Христиановского селения. Оно вызвало наружу давно сдерживаемую ненависть крестьян к Кубатиевым. По свидетельству очевидцев, почти все взрослое мужское население по сигналу аульного глашатая собралось на краю селения и принесло клятву, что будет бороться сообща и до конца. После клятвы возмущенные христиановцы, «вооружившись ружьями, длинными палками, вилами и кто чем попало, направились в аул Кубатиевых». Прибыв в селение Синдикау, «толпа окружила имения Кубатиевых, намереваясь истребить всех мужчин этой фамилии».⁴ Кубатиевы, до смерти напугавшиеся, заперлись в своих укреплениях. Не имея достаточных средств для взятия этих укреплений, по существу безоружные крестьяне стали поджигать кубатиевские дома и имения. Крестьяне ушли, «угнав с собою всю баранту Кубатиевых, их рогатый скот и лошадей».⁵

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 268, л. 10.

² Там же, д. 350.

³ «Терские ведомости», 1899, № 92.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Само собою разумеется, когда опасность миновала, Кубатиевы поспешили за помощью. Отряды казаков и солдат, спешно прибывшие на место, восстановили «спокойствие», наказали христиановцев, заставили их возместить нанесенный Кубатиевым убыток, вернули им скот, а несколько человек было сослано в Сибирь.¹

Власти были встревожены обстановкой в Дигории. Пристав дигорских народов штабс-капитан Масловский в июле 1856 г. был вызван в штаб войск Левого фланга Кавказской линии, где получил приказ срочно составить обстоятельную докладную о положении дел в Дигории – «о главнейших делах и нуждах к управлению пристаством».

«По приезде своем в Дигорию, – доносил пристав, – я нашел неоконченным одно весьма важное дело на плоскости, а именно – неуплату черным народом повинностей баделятам».² По мнению автора докладной, это дело и явилось главной причиной неурядиц в Дигории, ибо «из этой неуплаты неприязнь между сословиями неминуемо увеличивается во вред общему в Дигории спокойствию». «Глубокая ненависть» между народом и баделятами, по мнению Масловского, началась сразу же после переселения черного народа на казенные земли. Жители селений Христиановского и Магометановского, «считая себя вольными в полном смысле этого слова, от платежа повинностей отказались». Пристав доносил, что поведение христиановцев и магометановцев служит примером для окружающих жителей. «Особенный вред неповиновения вольных дигорских жителей воле начальства заключается в том, что примеру их намерены последовать горцы, которым от правительства не даровано никаких льгот и подобные же идеи распространились между черным народом, живущим в ущельях Алагирском, Куртатинском, Тагаурском, а также Хуламе, Безенгах, Чегеме и Баксане».³

Штабс-капитан Масловский не ограничивался только констатацией положения в Дигории. Для стабилизации положения здесь он предлагал свои средства. Во-первых, принудить силой «дигорских вольнодумцев» откупиться от своих феодалов раз и навсегда, положив цену выкупа от 100 до 150 рублей за двор. «Второе средство состоит в твердом настоянии начальства, чтобы воля его жителями двух вольных аулов была бы исполнена немедленно и впредь исполняема неуклонно. А в случае неповиновения четыре или шесть семейств, лишив всех прав, сослать во внутрь империи. Возможность подобного распоряжения начальства мною объявлена вольноаульцам и имела значительный успех».⁴

После докладов Масловского местные власти передали спорное дело черного народа с баделятами в комитет Грамотина, а затем, в 1859 г. в комитет Кундухова. Приставу же было приказано «убедить баделят и чернйй народ, чтобы они прекратили всякие новые по этому делу друг к другу претензии и мирно ожидали по их спору решения комитета».⁵

На почве земельных неурядиц в 50-е гг. появилось множество сложных и запутанных земельных споров в Алагирском и Куртатинском обществах. И

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, л. 359, лл. 24 -38.

² Там же, ф. 53, оп. 1, д. 5, л. 47.

³ Там же, ф. 254, оп. 1, д. 5, л. 47.

⁴ Там же, л. 47 об.

⁵ Там же, л. 4 об.

все же главной среди них, бесспорно, была долголетняя земельная тяжба алагирских и куртатинских жителей с казной», о которой будет сказано ниже. В Тагаурии трудовое население отстаивало свои права на землю в борьбе с алдарами и казной. Стремясь упрочить свою власть на Северном Кавказе, царизм, начиная с 1838 г., стал заселять плоскость казачьими станицами. Шесть из них: Архонская, Ардонская (1833 г.), Николаевская, Владикавказская (1842 г.), Змейская (1849 г.) и Горская (1850 г.) расположились на землях левого берега Владикавказской равнины. Осетины вначале с одобрением встретили постройку на их территории казачьих станиц. Они всегда ожидали от русских защиты и полагали, что с поселением рядом с ними казаков получат ее. Но вскоре начались «недоразумения». Объяснялось это прежде всего самым военным характером казачьих поселений. Это определяло настроение поселенцев — отнюдь не миролюбивое по отношению к горцам.¹ Политика царизма заключалась в натравливании казачества на горцев.

Появление казачьих станиц в Осетии привело к тому, что все плоскостные осетины, за исключением алдаро-баделятских дворов, были обложены обязательной подворной повинностью сроком на 10 лет.² Эту повинность должно было отбывать казачье население, однако по положению о военных поселениях на Кавказе, утвержденному Николаем I еще в 1833 г., жители казачьих станиц были «избавлены до времени» от нее «как первоначально заводящиеся в поселениях». Повинность состояла в том, что на всем протяжении Военно-Грузинской дороги осетины обязаны были «обеспечивать подводами движение проходящих по дороге военных команд, полков, партий и даже почтовых обозов».³ Эта повинность изматывала осетинское крестьянство, расстраивала его хозяйство. Жители аулов в любое время года обязаны были по требованию военных властей выступить на своих подводах и в течение долгого времени «обслуживать» проходящие по дороге военные части. Особенно страдали крестьянские хозяйства в разгар полевых работ. Кроме того, постройка станиц и поселение в них «воинов-землевладельцев», естественно, уменьшали земельные наделы крестьян. По специальному царскому манифесту «О наделении землями казаков на Кавказской линии» душевой надел в казачьих станицах был определен в размере 30 дес.⁴ Исходя из этой нормы, всем станицам 1-го Владикавказского казачьего полка в 1842 г. было отмежевано 81 184 дес. на территории Осетии и Кабарды. Из земель Владикавказской равнины шести казачьим станицам в 1850 г. было прирезано более 52 тыс. дес.⁵

При отмежевании этой земли станицам было признано необходимым переселить 15 осетинских плоскостных аулов, в которых насчитывалось 1078 дворов.⁶

Власти понимали, что это вызовет сильное недовольство осетинских крестьян, поэтому не решались выселить в один прием все аулы. Переселе-

¹ Пономарев Ф. Материалы по истории Терского казачества. Владикавказ, 1906, с. 28.

² ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 3, л. 5.

³ Там же, л. 9.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 3, оп. 1, д. 18, лл. 3—15.

⁵ Дзюккаев К. Экономическое развитие осетинского крестьянства. — «Известия СОНИИ», т. 11. вып. 1, с. 4.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 1, д. 8, л. 7.

ние происходило в несколько этапов. В первую очередь должны были освободить землю аулы, расположенные на Гизельдоне, так как «земля здесь богаче и ближе других расположена к станицам». Затем должны были покинуть свои места жители более отдаленных от станиц и Военно-Грузинской дороги селений.

По распоряжению наместника в 1852 г. был создан специальный комитет в составе начальников: Левого фланга Кавказской линии генерала Нестерова, Владикавказского военного округа генерала Ильинского и Центра Кавказской линии генерала Эристов. «Комитет трех генералов», как его называли, должен был собрать полные сведения о всех жителях Владикавказского округа, которых нужно было переселить на другое место, подыскать землю, куда их переселить, словом, устроить их на новых местах.¹

На первых порах, в 40-е гг., местная власть старалась осуществить выселение мирно, «постепенно и добровольно, чтобы избежать неудовольствия и ропота». Для этого был пущен в ход испытанный метод – метод подкупа отдельных феодальных верхов. Выражался он в том, что отдельным влиятельным алдарам администрация предлагала взамен старых земель новые, непременно в больших размерах, и обязательно в пределах Осетии – на правом берегу Терека. Кроме того, отпускалось «каждому из старшин добровольно переселившихся аулов постоянное денежное содержание, чтобы показать пример щедрости и милостей, коими государь император награждает их за постоянную преданность».² Это «старшинское содержание» доходило иногда до 200–400 руб.³ На этих условиях в конце 30-40-х гг. были переселены на правый берег Терека аулы Алхаста Кундухова, Хатахчуко Жантиева, Базыра Мамсурова, Хатахчуко Канукова, Бапына Алдатова, Бада Кадиева, Беслана Тулатова и других.

Но территория Правобережья не могла вместить все население, так как здесь уже не осталось свободных земель. «Во всем этом пространстве, – доносил Ильинский, – не осталось решительно нисколько свободной земли и сами здешние жители ежегодно между собой имеют ссоры по недостатку ее». Между тем, нужно было еще подыскать место для 670 семейств. «Комитет трех» разработал план переселения осетин в Малую Кабарду. Летом 1852 г. Воронцов предписал князю Эристову донести рапортом: «Не представится ли возможность отделить участок земли в Малой Кабарде для вознаграждения и удовлетворения осетин за взятые у них земли под Владикавказский казачий полк и если возможно, то где именно?».⁴ Эристов не заставил себя долго ждать. Вскоре на имя главнокомандующего поступило донесение. «По осмотре моем земли в Малой Кабарде, – сообщалось в нем, – я нашел возможным поселить там жителей осетинских аулов, которым весною будущего года будет мной указано, где селиться». Эристов имел намерение основать здесь два больших осетинских селения, «поселить их в близком одно от другого расстоянии».

Оставалось узнать точное количество «осетинских дворов, долженствующих перейти сюда и сколько дворов из них христиан и сколько магоме-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 233, оп. 3, д. 8, л. 65 об.

² Там же, оп. 1, д. 4, л. 55.

³ Там же, д. 109, л. 21.

⁴ Там же, д. 109, л. 56.

тан». Он писал начальнику Владикавказского округа, чтобы тот поспешил с высылкой ему посемейных списков. Кроме того, он просил генерала Ильинского выслать к нему от осетин депутатов для осмотра местности, на которой им предстояло поселиться. Когда местные власти через пристава Гокинаева и его помощника Дударова приступили к составлению списков жителей аулов и объявили, что следует им отправить депутатов в М. Кабарду, то жители Кардиусарского аула, «взбунтовавшись, прогнали пристава и его помощника». Жители нескольких аулов 27 февраля 1853 г. собрались в Кардиусаре и отправили своих доверенных во Владикавказ, чтобы, по их словам, «заявить начальнику округа общую нашу волю». «Пристав, войсковой старшина Гокинаев, – говорилось в принятом приговоре, – объявил нам предписание вашего превосходительства, чтобы мы выбрали из среды себя депутатов и отправили оных к начальнику Центра Кавказской линии к 10 числу марта месяца для указания нам места в Кабарде. Не имеем мы намерения к переселению! И никогда об таком переселении не просили начальство и ныне не желаем переселиться из наших аулов и отправить депутатов не имеем согласия, поэтому и в составлении списка нашим семействам мы нашему приставу отказали».¹ Через несколько дней к кардиусарцам прибыл помощник начальника округа в сопровождении пристава и отряда казаков, чтобы «добровольно склонить их к отправке депутатов». Однако на жителей Кардиусара не действовали угрозы и они ответили решительным отказом, после чего отряд казаков «произвел аресты некоторых из жителей». Арестованных отправили на Владикавказскую гауптвахту, а одноаульцам заявили, что их товарищи останутся там до тех пор, пока не будет отправлена депутация в Кабарду.

Напряженная обстановка создавалась и в других местах. Жители шести гизельских аулов «решительно заявили, что в Кабарду не переселятся, кроме как расселятся по аулам тагаурских народов, а некоторые вернутся в горы». Одновременно протестовали против переселения в Кабарду и алдары гизельских аулов. Они призвали на помощь все алдарское сословие. 24 марта 1853 г. все алдарское общество подало Воронцову коллективную жалобу. Взяв под защиту тех алдаров, которые должны подвергнуться переселению в Малую Кабарду со своими подвластными, тагаурские феодалы заявили наместнику, что «общество наше находит таковое переселение этих алдаров в Кабарду весьма для него обидным. Во-первых, потому, что выселяющиеся могут отвыкнуть от природного их обычая, а, во-вторых, от ближайших своих единомышленников, с которыми имеют неразлучные в обществе узы и связи родства. Таковое выселение вообще горцы почитают как отлучение от общества».² Воронцов разрешил гизельским алдарам переселиться на правую сторону Терека, «в места, где не имеется препятствий».

Более трагичной была участь простого населения. Как упорно ни отказывалось оно посылать своих представителей в Кабарду, но все же пришлось подчиниться приказу окружного начальства. В апреле Гокинаев и Дударов доносили, что выборные от осетин для осмотра земли выехали в Кабарду. Вскоре, однако, начальник округа получил донесение от генерала Эристова, что выборным осетинских аулов указано место для поселения,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 242, оп. 1, д. 81, л. 16.

² Там же, л. 90.

но они не пожелали даже осмотреть его. «С первых же слов люди эти высказали, что приехали сюда по принуждению и считая меня виновником тому, всячески старались высказать ко мне неудовольствие свое..., а один из них, Гадзыко Козыров, говоря за всех и основываясь только на упрямстве, сказал, что это место им не нравится, и что они не хотят переселяться и жить здесь. Потом вышел из себя, наговорил дерзостей и показывая на горло, говорил: пускай режут нам головы, мы не перейдем сюда. Потом заговорил по-осетински и часто упоминал Сибирь. Взволновал всех остальных осетин и уговорил их уехать от меня».

Местность, которую власти предназначали для осетин в М. Кабарде, находилась на правом берегу Терека и представляла собой «совершенно безжизненное, забытое людьми место». По признанию самих правительственных чиновников, земля в этих краях «не имела никаких удобств к жизни» — ни воды, ни леса, ни сенокоса, одни только камни и пески, да постоянные ветры. «От дурного климата здесь, — писал один очевидец, — на людей и скот распространяются разные болезни, от чего они вскоре вымирают».¹

По возвращении из местности Куян осетинские депутаты рассказали жителям об увиденном. В адрес местной и кавказской администрации посыпались просьбы, жалобы от осетин. Решимость крестьян отстоять свое право жить на родине значительно окрепла, ибо, писали они начальнику округа, «известие депутатов наших до такой степени расстроило и поразило нас, что даже каждый из нас с трудом мог перенести». За несколько месяцев от жителей различных аулов в адрес начальства поступило свыше ста письменных обращений, которые, как правило, содержали одну и ту же просьбу: не переселять их в Кабарду. Царский наместник не только не «уважил» просьбу осетин, но в конце 1853 г. в самой категоричной форме предписал окружному начальнику «лично самому заняться исполнением воли правительства», чтобы он «не ограничивался одной перепиской по этому весьма важному делу, ибо чем более оно отлагается, тем решение его становится затруднительнее».²

Тем временем отдельные жители, чтобы избежать «ссылки в Куян», стали самовольно переселяться на правый берег Терека и подселяться здесь к различным селениям. Жители этих осетинских селений сперва не отказывали им в приеме, да и власти не противились этому. Когда же переселение приняло массовый характер и в окружное управление посыпались жалобы от коренных жителей тех аулов, которые приняли новопоселенцев, то администрация приняла ряд ограничительных мер. В частности, подобное переселение разрешалось, если желающий имел расписку от старшины того аула, куда предполагалось поселиться. Сельским же старшинам было строго предписано отказывать всем в приеме в свой аул. Оставался один выход — переселяться обратно в горы. Горные аулы Кобанского, Санибанского и Даргавского ущелий по далеко не полным официальным цифрам в то время приняли 130 семейств с равнины. «Неустроенными» в общей сложности оставались 250 дворов. Для них в Малой Кабарде власти выделили все пространство урочища Куян — 11458 дес.³ Для 250 семейств такое

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 111, лл. 29—30.

² Там же, ф. 12, оп. 6, д. 810, л. 3.

³ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 8, л. 2 об.

количество земли было более чем достаточно, и хотя такой «щедрый» жест не соблазнял осетин, им пришлось покориться воле правительства.

В урочище Куян из осетинских переселенцев было образовано четыре поселения: Вольно-Магометановское, Вольно-Христиановское и аулы Индриса Козрова и Магомета Есенова.¹

Когда с этим было покончено, власти взялись за удаление жителей алагирского и куртатинских аулов Ардона и Суадага, всего 300 дворов. Вопрос этот был поднят атаманом казачьих войск на Кавказской линии и был поддержан Вревским. По атаманскому плану земли этих аулов также должны были отойти казачьим станицам, «и тем самым земля Владикавказского казачьего полка подвинется ближе к Черным горам».² Предлагалось два района для переселения алагирских и куртатинских жителей: район ниже Эльхотова и опять-таки урочище Куян. По мнению Вревского, последнее место должно больше «прельстить осетин», так как много земли, «а для осетин, писал он, – земля означает все... кроме того, в Куяне уже живут осетины», «да и в кордонном отношении поселение это было бы чрезвычайно полезно». Кавказский наместник, однако, не утвердил этот план. Высшие краевые власти возражали против этого плана еще и потому, что в 1850 г. на алагирской земле была основала Горская станица, для которой уже нарежали из алагирских земель 4 115 дес., а в 1852 г. за Алагирским серебросвинцовым заводом были закреплены почти все алагирские и куртатинские леса в количестве почти 30 тыс. десятин.

Поселение Горской станицы сильно стеснило в земельном отношении жителей соседних осетинских аулов: Салугардана, Ардона, Хода, Мизура, Урсдона, Суадага и Кадгарона. Чтобы как-то сгладить недовольство алагирцев и куртатинцев, власти сделали вид, будто правительство покупает эти земли. В 1853 г. в Алагир был командирован чиновник особых поручений при наместнике полковник Марк. Он должен был с помощью местных властей сделать точный подсчет отводимой станице и заводу земли, узнать, какое количество из этой земли принадлежит алагирцам, дигорцам и куртатинцам, и определить сумму вознаграждения им. Администрация после рапорта полковника Марка на самом деле заплатила 1 962 руб. дигорскому феодалу Вахта Кубатиеву. Относительно же алагирцев и простых дигорских жителей полковник Марк докладывал, что они «на полное право владения землею этою никаких положительных фактов не имеют».³ Поэтому сумму 5080 руб. (1 руб. 50 коп. за дес.), которую должны были получить алагирцы, власти отправили в Московский опекунский банк, якобы «для приращения процентами, кои выдавать осетинам, которые по совершенной бедноте и при большом семействе не имеют никаких средств к пропитанию, семействам убитых в сражении с горцами и умерших от ран или болезней, бедного состояния и на непредвиденные общественные надобности как-то: на украшение церквей, при неурожае хлеба, на общественные постройки и проч».⁴

Однако, как показали последующие годы, в алагирских селениях было очень много «семейств, не имеющих никаких средств к пропитанию», а

¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 6, д. 1178, л. 65.

² Там же, д. 114, л. 125.

³ ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 8, л. 23.

⁴ Архив СОНИИ, ф. 1, д. 72, л. 24.

также «убитых в сражениях и умерших от голода и болезней», а также случались «неурожаи хлеба», но тем не менее алагирцы и дигорцы так ничего и не увидели ни от принадлежащих им 5080 руб., ни «приращенных процентов».

Судьба же осетин в Малой Кабарде действительно была печальной. Первые месяцы пребывания в Куяне подтвердили самые худшие ожидания переселенцев. Оказавшись по существу на чужбине, людям пришлось испытать множество трудностей и лишений. Годами они жили в наспех вырытых землянках. Поблизости не было леса, а потому негде было достать строительный материал. Совсем скудными были и запасы продуктов, дров и одежды. В довершение ко всему начал падать скот, особенно рабочий. Сказались трудности дороги, резкие изменения климатических условий и отсутствие корма.

По словам очевидцев, «выбор этой местности оказался крайне неудачным. Вредный климат, совершенное отсутствие здоровой воды, песчаная, совершенно неплодородная почва не замедлили отразиться и на переселенцах: лихорадка, горячки и постоянные неурожаи в скором времени произвели страшное опустошение как между переселенцами, так и между их рабочим скотом».¹

Земля в местах поселения оказалась настолько непригодной, что уже весной следующего года вконец разоренные переселенцы вынуждены были буквально умолять начальство о переселении их в другие места. Жалобы, наполненные стонами обреченных, шли в адрес властей в первые годы без конца. «Живем так скудно, — писали Вревскому в марте 1855 г. жители аула Козрова, — что не имеем не только домашнего скота, пропитания, но даже пахотной земли, чрез что мы не в состоянии с семействами нашими прокормиться».² В этих письмах — суровое обвинение царизму и его местной администрации. «Когда мы были нужны императору и помогали во всякий опасный для него час, — говорилось в одном из них, — то нас не выгоняли и были нами довольны, а теперь, когда стало на линии смирно, нас прогнали без всякой побудительной причины в несчастную землю и привели в такое бедственное состояние, что не можем больше жить... Государь император за эти наши убытки и самопожертвования ничем не поощрил, даже не утешил. Глух и слеп он к народной печали...»³

Тревога их была вовсе не напрасной. В 1864 г. из куянских аулов был составлен особый приход и назначен в него священник. Когда он прибыл к месту назначения, перед его глазами предстали ужасные картины бедности. Аулы остались, но дома в них стояли без признаков жизни. Увиденное произвело на служителя церкви такое впечатление, что он вскоре бежал оттуда и поспешил с рапортом к начальнику Терской области генералу М.Т. Лорис-Меликову. Автор рапорта с тревогой доносил, что «население в квианских аулах находится в неопишимо бедственном положении, люди и скот мрут на глазах».⁴

Известия куянского священника были настолько потрясающими, что

¹ Архив СОНИИ, ф. 1, д. 72, л. 24.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 810, л. 15 об.

³ Там же, ф. 254, оп. 1, д. 7, л. 1 об.

⁴ Там же, л. 27.

духовное начальство Осетии настояло на командировке в Куян специальной административной комиссии. Комиссия эта не только подтвердила показания священника, но привезла еще больше фактов несчастной судьбы куянских жителей. «Еще два-три года настоящей жизни и квианское население или совсем вымрет или совершенно обнищает», – таков был окончательный вывод комиссии.¹

Областная администрация забеспокоилась. В декабре 1864 г. начальник области обратился в «Общество восстановления христианства на Кавказе». Кратко описав историю куянских осетин, Лорис-Меликов вынужден был признать, что «переселение это по невыгодному положению выбранной местности состоялось с большими трудностями и после понудительных только мер». Он сообщал, что в настоящее время куянцы, «претерпевающая крайний недостаток в земле и страдая постоянно разными болезнями от влияния дурного климата, находятся в самом жалком положении».² Начальник области просил «Общество», «не изыщет ли оно средств помочь несчастным квианцам».

Через месяц он снова обратился уже к самому главнокомандующему, почетному председателю этого общества. Лорис-Меликов предлагал два вида помощи куянкам: проведение канавы из Терека, «которая могла бы оросить квианские земли и дать жителям здоровую воду», или переселение оставшихся жителей на лучшие земли. «Без этих мер, – заключал он, – квианское население существовать не может, ибо положение их выше всякого понятия бедности и несчастия, и нужны самые энергические меры, чтобы спасти их».³

Началась, как всегда в таких случаях, длительная переписка между местной властью и высшей кавказской администрацией, которая закончилась тем, что наместник в 1867 г. разрешил христианской части куянских жителей переселиться обратно в Осетию. В 1868 г. 47 оставшихся дворов были подселены к жителям сел. Суадаг.⁴

Итак, рассмотрение сословно-поземельных отношений в Осетии, создание и деятельность правительственных землеустроительных комиссий и комитетов в 40-50-х гг. приводит к следующим выводам.

Переселение осетин с гор на равнину явилось одним из факторов оживления производительных сил в осетинских обществах. С выходом осетин на плоскость и получением ими здесь земли, с одновременным образованием здесь же большого числа селений создавались более благоприятные условия для развития сельского хозяйства – земледелия, отгонно-пастбищного скотоводства и других отраслей экономики, а также для торгово-экономических связей Осетии с Россией, которые стали постепенно подрывать устои патриархального, замкнуто-натурального хозяйства и, вместе с тем, способствовали дальнейшему приобщению осетин к более прогрессивным формам русской общественной жизни.

Плоскостное земледелие и скотоводство дали значительный толчок развитию в Осетии феодального хозяйства, в частности, феодальной запашки. В новых условиях осетинские феодалы повели широкое наступление на

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, л. 810, л. 2.

² Там же, л. 3 об.

³ Там же, л. 993, л. 63 об.

⁴ Там же, л. 810, л. 3.

права зависимых крестьян: стали захватывать общинные земли, усилили эксплуатацию своих одноаульцев, ввели новые поземельные повинности, запрещали крестьянам переселяться в другие аулы.

С ростом крепостнических тенденций классовая вражда в 30-50-е гг. в Осетии достигла высшего предела. По Осетии прокатилась волна крестьянских выступлений. Они не вылились в широкое антифеодальное восстание, но создали весьма накаленную обстановку, называемую администрацией «движением всех угнетенных масс».

Существующие в Осетии классовые противоречия в конце концов сошлись в чрезвычайно жгучем для всех социальных сил осетинского общества земельном вопросе. В его решении столкнулись интересы двух противоборствующих классов феодальной Осетии и интересы феодально-крепостнического русского правительства.

В этих условиях осетинские феодалы и крестьянские массы все настойчивее просили правительство разобрать их сословные и поземельные права, высказывая классовые претензии друг к другу.

В силу этих причин в 40–50-е гг. в Осетии по разрешению правительства было создано и работало несколько сословно-поземельных комиссий. Деятельность этих аграрных учреждений преследовала, кроме частных задач, общую правительственную цель – создать в Осетии сословно-поземельный строй по образу и подобию всей Российской империи. В работе этих комиссий выразилось также стремление царской администрации разрешить сословно-земельный вопрос в пользу казны и осетинских феодальных верхов.

Правительственные комитеты и комиссии, работавшие в первой половине XIX в. в Осетии, бесспорно, оставили определенный след в ее аграрной истории. По существу, был сделан первый шаг в ликвидации феодально-крепостнических отношений. Отдельное от феодалов поселение фарсаглагов и адамихатов привело к прекращению вносимых до сих пор крестьянами поземельных повинностей владельцам.

В целом же, главный в то время для жителей Северной Осетии сословно-поземельный вопрос не был разрешен. Это означало, что не были устранены причины, приводившие в 40-х гг. к сложным и запутанным классовым отношениям в осетинском обществе. Непримиимый классовый антагонизм, составляющий главное содержание аграрных отношений в Осетии, не только не притутился, но получил новый заряд.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ в 60-х гг.

Причины крестьянской реформы

Северная Осетия, как и весь северокавказский регион, к 60-м гг. XIX в. уже являлась органически неотделимой частью Русского государства. Поэтому вопрос о предпосылках, подготовке и проведении крестьянской реформы на Северном Кавказе и в Осетии, в частности, находился в тесной связи с общим ходом политического и социально-экономического развития России. Историческое и экономическое развитие аграрных отношений в осетинской деревне в указанный период в основном происходило по тем же объективным законам, что и в центральной России. Правда, по своему уровню развития Осетия далеко отставала от центра.

Здесь накануне крестьянской реформы отсутствовали ярко выраженные капиталистические отношения. Производительные силы не достигли еще той степени развития, когда они неизбежно приходят в противоречие со старыми феодальными производственными отношениями. Существенной особенностью общественного развития дореформенной Осетии было то, что здесь, в отличие от России, не наблюдался кризис феодальных отношений. Напротив, осетинский феодализм в середине XIX в. в целом даже не достиг своего зенита и продолжал усиленно развиваться. Поэтому нельзя объяснить причины проведения крестьянской реформы в Осетии фактом капиталистического развития страны. Больше того, в Осетии, в особенности в нагорной ее части, наряду с господствующими феодальными порядками большую роль играли еще патриархально-родовые пережитки. Горное хозяйство в основном было замкнутым, натуральным. «Осетин ел все свое, непокупное; все количество молока, сыра, масла, хлеба шло целиком на него и на его детей. Его потребности все были налицо, известны заранее, и он удовлетворял их трудами рук своих».¹

Тем не менее, вышесказанное отнюдь не исключает экономический фактор как один из необходимых предпосылок эмансипации зависимых сословий среди горских народов Северного Кавказа и проведения здесь земельной реформы. Пореформенная Россия, твердо ставшая на путь капиталистического развития «вширь», действительно требовала приспособления экономики отсталых колониальных окраин к нуждам буржуазного развития России. Конец Кавказской войны, означавший военно-политическое подчинение горцев Северного Кавказа и развитие России после 1861 г., сделали возможным экономическое освоение Кавказа сравнительно более быстрым

¹ В.-И.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис. 1896, с. 14.

ми темпами. Утверждение капитализма в России имело важные последствия и для горцев, так как развитие русского капитализма вширь толкало правительство на проведение ряда социальных преобразований среди народов Кавказа. В противном случае, натуральное хозяйство и феодальные отношения в горских обществах сужали возможность широкого использования края в качестве рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья для промышленности. По словам В. И. Ленина, «русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение... создавал себе рынок для своих фабрик».¹

По существу, это определило социально-экономическую необходимость «освободительной миссии» царизма в 50–60-х гг. в Осетии, и именно в этом заключались экономические предпосылки отмены здесь крепостного права. Нужно было создать условия для развития покупательной способности местного населения. Таким образом, по выражению проф. Г.А. Кокиева, «реформа была навязана осетинскому обществу извне центром, ставившим основной своей задачей преобразование социально-экономического строя завоеванных и присоединенных к России народов по типу метрополий».²

После проведения крестьянской реформы горцы еще больше втягивались в орбиту российского капитала, получили возможность покупать российские фабrikаты и продавать продукты своего сельского хозяйства. Началась товаризация их земледельческого и животноводческого хозяйства. С ростом товарного хозяйства стала расширяться запашка, рос и земельный голод.

Если в дореформенной Осетии капитализм был слишком ничтожен, чтобы падение крепостного права непосредственно выводить из его развития, то другая основная причина, заставившая русских помещиков и царское правительство освободить крестьян, в дореформенной осетинской действительности была налицо, играла исключительную роль. Это обострение классовой борьбы угнетенного крестьянства Осетии против колониального и феодально-крепостнического гнета. Особенно широкие масштабы приняли крестьянские выступления в Северной Осетии в 40–60-х гг. Объяснялось это, прежде всего, усилившейся феодальной эксплуатацией крестьян.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов то огромное влияние, которое имела в 50–60-е годы на рост антикрепостнического движения в крае мощная волна классовой борьбы внутри самой России. «Дух времени произвел свое действие, — доносил наместник Кавказа Александру II, — и случаи столкновения горских холопов с владельцами и взаимные жалобы их становятся все чаще и чаще, делая отношения между ними все более натянутыми».³

Состояние классовой борьбы в осетинских обществах в 50 – начале 60-х гг. мы уже характеризовали выше. В основе этой борьбы лежало глубокое недовольство бесправного и задавленного нуждой осетинского крестьянства. Борьба крестьян хотя и была стихийной, раздробленной и неорганизованной, тем не менее представляла реальную угрозу существующим феодальным порядкам в Осетии. Эта борьба особенно усилилась после того,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 521.

² Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 57.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, д. 45, л. 5.

как среди крестьян пошли упорные слухи о скором освобождении всех сословий от алдаро-бадеятской зависимости. Осетинские крестьяне «стали оказывать явное неповиновение владельцам, не желали больше исполнять свои прежние повинности».¹ Иначе говоря, крестьяне стали «самоосвобождаться». По признанию самих феодалов, «владение холопьями, при настоящем настроении их, стало не только не выгодно, но даже опасно».² Само освобождение зависимых масс создало довольно натянутую обстановку в Осетии, били тревогу не только осетинские феодалы, но сама царская администрация. Местные власти «едва ли не исключительно занялись разбором взаимных между владельцами и холопьями распрей».

Движение крестьян к самоосвобождению в Осетии началось уже в 1858 г. При этом они искусно воспользовались постановлением высшей военной и духовной кавказской администрации, гласившим, что «все зависимые крестьяне, холопы, рабы, изъявившие готовность принять православную веру, начиная с 1858 г. освобождаются от крепостной неволи».³ Разумеется, этой мерой краевая администрация стремилась как-то ослабить влияние на народ сепаратистско-настроенной мусульманской феодальной знати. Тем не менее, в различных районах Северного Кавказа были отмечены случаи «множественного обращения к православному духовенству принять их в христианство с одной лишь целью получить свободу из холопства».⁴ В своих жалобах владельцы указывали, что «холопы не с убеждением крестятся, потому как не имеют к тому душевных призваний, а дабы избавиться от нашей власти».⁵

Во Владикавказе окружное управление и Штаб войск Левого крыла Кавказской линии были буквально завалены подобными жалобами. В них горская знать просила администрацию «отменить прежнее свое распоряжение», «приказать духовным лицам не допускать холопов тайно, без соглашения с владельцами, к православию», так как они «теряют всякую надежду на сохранение своей собственности, ибо одни холопы получают свободу бегством к непокорным горцам (ее дарует им Шамиль), а другие – принятием христианства, что ставит нас в крайнее недоразумение..., рождает в сердцах наших невольный страх за неизвестную нашу будущность».⁶

В конце 1859 г. по указанию кавказского наместника были обнародованы новые условия для «горцев, изъявивших желание принять российскую веру», по которым распоряжение 1858 г. по существу отменялось.

Особенно безудержной стала тяга горского крестьянства к освобождению после 1861 г. Корреспондент газеты «Кавказ» в своем репортаже из Осетии в то время писал: «Огонь вспыхнул, а потушить его некому. Приставы не знают, что делать: то одна сторона едет к ним жаловаться, то другая... Взаимная ненависть осетинских сословий дошла до крайней точки кипения...»⁷ О весьма обостренной обстановке в горских обществах говорил и тот факт, что на время пребывания на Кавказе в 1861 г. «царю-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 65, л. 6.

² ЦГИАЛ, ф. 522, оп. 1, д. 39, л. 3.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1236, лл. 1–4.

⁴ Там же, л. 8.

⁵ Там же, д. 20, л. 1 об.

⁶ Там же, д. 1254, л. 7.

⁷ «Кавказ», 1865, № 31.

освободителю.» было подано 405 жалоб от различных сословий.¹ Дело дошло до того, что из управления наместника в 1862 г. пришло на имя начальника Терской области категоричное требование «объявить всенародно, чтобы холопы, находящиеся во владении здешних владельцев, не смели более беспокоить начальство о несбыточном освобождении их».

В сентябре 1862 г. начальник Терской области генерал Святополк-Мирский сообщил начальнику Военно-Осетинского округа, что в областном управлении по его указанию составлено обращение к осетинскому народу по поводу частных жалоб, поступающих к начальству от населения. Обращение это было отпечатано в 400 экземплярах, и окружающему начальству вменялось «незамедлительно» объявить его во всех осетинских аулах. Предписывалось оставлять в каждом ауле по одному экземпляру, «приказав хранить таковые для всегдашнего сведения в церквях».

«От здешних владельцев, – говорилось в этом обращении начальника области, – часто поступают ко мне жалобы, что принадлежавшие им холопы и другие подвластные лица оказывают им неповиновение и без всякого основания ищут свободу, увлекаясь примером русских крестьян, которым дарована свобода от помещичьей зависимости... Объявляю всем здешним холопам и другим подвластным людям, что на них вовсе не распространяется свобода, дарованная русским помещичьим крестьянам». Далее сообщалось, что здешние зависимые крестьяне остаются в холопстве и в подчинении своих владельцев точно так же, как были они прежде. «Правительство русское вовсе не нарушает и не отменяет тех прав, которые владельцы, по обычаям края, имели над своими холопами и другими подвластными людьми».²

Однако такое всенародное объявление начальника области о неизменности существующих феодальных порядков в Осетии не внесло успокоения в осетинские общества. «Наоборот, – доносили приставы, – оно сильно возбудило умы народа» и не только в Осетии, но в соседних округах. В областное управление стали поступать сообщения из Кабарды, Чечни и Ингушетии о том, что в некоторых аулах жители организуют какие-то «тайные сходы, и приставы никак не поймут, что там обсуждают». Бесполезность подобных обращений вынужден был признать и сам начальник области. В 1863 г. он доносил наместнику, что «в Осетии нужны особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения».

Такие тревожные донесения наместник получал в то время не только из Терской области. Из его всеподданнейшего отчета в 1863 г. видно, что случаи столкновений горских холопов с их владельцами и административными чиновниками стали «повсеместными». Именно заметное усиление классовой борьбы в крае накануне проведения здесь реформы заставило наместника писать царю, что «вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоприятно и неосторожно откладывать его решение».

Таким образом, хотя царское правительство и его администрация на Кавказе стремились своей реакционной политикой консервировать здесь патриархально-феодальные отношения, однако сам ход экономического развития и обострение классовой борьбы как в России, так и на окраинах

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 268, л. 2.

² Там же, д. 1258, л. 5, 6.

вынуждали их пойти на отмену крепостного права и проведение ряда других буржуазных реформ. Прав был профессор Г.А. Кокиев, когда писал, что несмотря на многочисленные и настойчивые просьбы горских феодалов, находившихся пока в основном вне сферы влияния внутреннего капиталистического развития, о сохранении существующих феодально-крепостнических отношений, «крестьянская реформа должна была быть проведена царской Россией, ставившей одной из основных своих задач социально-экономическое преобразование присоединенных районов по образу и подобию своему».

Земельная реформа и ее цель

Освобождение горского крестьянства от феодально-крепостнической зависимости на первых порах проходило в форме земельной реформы потому, что, по признанию самих кавказских властей, состояние поземельной собственности находилось «в самых неблагоприятных условиях». «С окончанием войны на Кавказе, — доносил в Петербург фельдмаршал А.И. Барятинский, — когда при наступившей возможности отдаться земледельческому труду и при последовавшем затем развитии отраслей сельского хозяйства, для каждого горца стало главным жизненным интересом определить свои права на владение и пользование сельскими угодиями».¹

Понятно, правителя Кавказа меньше всего при этом беспокоила неустроенность «главного жизненного интереса» горцев. Дело состояло совершенно в другом. Кавказская администрация должна была приступить после пленения Шамиля к реализации так называемой «мирной» программы правительства «по экономическому устройству быта кавказского края». Правительство указывало наместнику, что «в финансовом отношении Кавказ, кроме ущерба государственному казначейству, ничего не приносит», что «расходы по наместничеству из года в год увеличиваются».² Между тем, говорилось в правительственной директиве, «по своему географическому положению и климатическим условиям Кавказский край принадлежит к числу богатейших областей нашего отечества».³ По мнению министра финансов, после долголетней Кавказской войны, стоившей для государства «огромных издержек», «можно и должна быть основана новая эра финансовых оборотов здешнего края, столь изобилующего источниками богатства».⁴

Кавказский наместник считал, что нужно начинать эту миссию с определения аграрных отношений и прежде всего провести в крае земельную реформу. «В противном случае, — писал он, — не зная, что кому в действительности принадлежит и будучи постоянно под страхом неизвестности и в ожидании споров, столь легко возникающих и столь трудно получающих окончание, владельцы земель не могут свободно располагать своим именем и не решаются посвятить на его устройство ни исключительных трудов, ни значительных издержек. Капиталисты не осмеливаются доверить поземель-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 7.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 106, л. 302.

³ Там же, л. 301 об.

⁴ Там же, ф. 42, оп. 1, д. 1334, л. 86.

ной собственности своих капиталов, вследствие этого имения остаются в первобытном неустройстве... Ценность поземельной собственности незначительна, доверия к ней и поземельного кредита вовсе не существует».¹

В 1862 г. новый наместник князь И.Г. Орбелиани в этом вопросе проявил еще большую настойчивость перед центральным правительством. Вопрос об устройстве земельного быта горского населения, категорично утверждал он, – «не терпит более отлагательства». По его мнению, освобождение первоначально нужно осуществить здесь в виде земельной реформы. В специально составленной для правительства докладной записке главноначальствующий на Кавказе подверг критическому анализу аграрную деятельность предшествующих администраций края. Хотя в жизни народа «первостепенное значение имеет вопрос о поземельных правах, – писал он, – в течение десятков лет ничего не сделано в этом отношении. Общества, отдельные аулы и даже отдельные семейства, приносившие покорность, или оставляемые были на старых местах их жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новые указанные им места. Но как в том, так и в другом случае им указывались земли только примерно. Затем, по требованию военных обстоятельств, из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах, по требованию тех же обстоятельств, снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место. Но и при этом новом переселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования».² Такая «анархия в земельном вопросе», констатировал Орбелиани, заставляла каждого горца быть в постоянном опасении за будущее и явно вела к тому, что «никто не хотел развивать свое хозяйство и употреблять на возделывание земли особенный труд, и тем более – расходовать на этот предмет капитал».³ Наконец, обращал он внимание правительства, «вопрос о земле – есть корень всех раздоров. За землю дерутся целые аулы, общества, народы; происходит нескончаемая вражда между сословиями».⁴

Князь Орбелиани довольно четко подметил все те неурядицы и полную неразбериху в земельном вопросе, которые породила в первой половине XIX в. аграрная политика царизма на Северном Кавказе. На свое хозяйственно-земельное неустройство, на неопределенное положение в землепользовании постоянно обращали внимание местных и центральных властей почти все осетинские общества и сословия. «Все наши нужды и недостатки в нашем житейском быту, – писали доверенные всех жителей плоскостных куртатинских аулов, – происходят от неимения собственной земли».⁵

Особенно «раздражала» существующая в Осетии неразбериха и анархия в земельных отношениях тех, кто «в подражание русским спешил использовать в хозяйстве европейский плуг и вкладывать в хозяйство капитал». Любопытно отметить, что в Осетии эта категория землевладельцев к 60-м гг. была уже довольно многочисленной. Здесь были отдельные представители алдаро-бадеятского сословия, зажиточного крестьянства – фар-

¹ АКАК. Т.12. с. 69.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 23, лл. 19–20.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, л. 29 об.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 21, л. 67.

саглаги и адамихаты, здесь были также представители осетинского офицерства. Именно их имел в виду начальник Терской области, когда в 1864 г. доносил в Тифлис, что в Осетии «объявились такие люди, которые осознали, что развитие благосостояния основано на усилении производительности главного источника богатства – земли. Таких людей надо отличать, поддерживать и поощрять...»¹ Один из ярких представителей этой категории майор Крымсултан Дударов² не без гордости писал начальнику области в 1860 г., что он предпочитает вести свое хозяйство «по-капиталистически». «Я подвергаю осмеянию тех наших твердолобых алдаров, которые остаются верным и своей праздной лениности... Для себя же считаю непростительным, если какой-либо участок земли, хоть самый крохотный, мне принадлежащий, остается без употребления с пользой для себя».³

Таких же взглядов придерживалась группа осетинских офицеров, прошивших в 1862 г. у начальника области особого земельного участка в размере 1,5-2 тыс. дес. между Архонской и Ардонской станицами, чтобы «показать соседним жителям, что может давать земля при любовном к ней отношении».

Определение поземельных прав и скорейшее проведение земельной реформы в Осетии было общим желанием и требованием. Почти все прошения, поступающие в правительственные учреждения от осетин в первой половине 60-х гг., были пронизаны одной и той же мыслью: положить конец «неопределенности в земельном довольствии». При этом каждое сословие вкладывало в это понятие свое сокровенное классовое желание: феодалы просили юридического закрепления (с выдачей письменных актов) за ними земельных массивов, на которые простирали свои права, крестьяне же стремились положить конец поземельной зависимости от алдаров и баделят, окончательно отделиться от них и получить «законным порядком в собственность» земельные участки. Кроме того, доверенные 670 дворов куртатинских жителей просили Александра II, чтобы переселениям их больше не подвергали. «Из-за частых переселений с места на место не имеем никакой фундаментальной оседлости, как-то: к разведению садоводства, устройству мельниц и каменных строений».⁴

Начиная с 1861 г. областным начальником Северного Кавказа из Тифлиса все чаще давались указания «приготовить туземцев к предстоящим преобразованиям их поземельного быта». По этому вопросу у начальства Терской области не было единого мнения. Хотя гласно всеми и была признана необходимость коренных аграрных преобразований в Терской области, но на методы и формы проведения этой реформы взгляды расходились. Группа правых чиновников во главе с первым начальником Терской и Кубанской областей генералом графом Н.И. Евдокимовым считала, что земельную реформу нужно провести административной властью, «силою власти навязать ее туземному населению». Деятельность земельных комитетов и комиссий по этому вопросу она считала пустой тратой времени и напрасными издержками для казны. Евдокимов убеждал наместника, что в

¹ АКАК, т. 12, с. 128.

² В 1866 г. Крымсултан Дударов, по указанию начальника области, был избран предводителем местного алдарства.

³ ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 21, л. 4.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 6, д. 268, л. 14 об.

этом вопросе нельзя доверять тем данным, которые собирают комитеты «путем расспросов народных депутатов». Группа Евдокимова предлагала «сейчас же, пусть даже произволом», разделить осетин на два разряда. Баделят, алдаров и царгасат отнести к первому разряду и дать им по 140 дес. на двор. Сюда же «причислить лиц, отличившихся перед правительством», то есть тех 358 осетин, которые к этому времени успели получить офицерские чины. Ко второму разряду отнести все остальное осетинское население, исключая разве только рабов, и наделить его по 40 дес. на двор.¹

Иной точки зрения придерживались Святополк-Мирский и поддерживающие его либерально настроенные молодые офицеры из областного управления. Генерал Святополк-Мирский, помощник Евдокимова по Терской области, настаивал перед наместником на немедленном открытии в Осетинском и в других округах области новых поземельных комиссий, на детальном изучении «как-то на основании исторических сведений, народных преданий и обычаев», форм землевладения и землепользования и только таким образом подготовить «основания будущих аграрных преобразований». «Я, — писал он, — вполне надеюсь, что комиссия, составленная во Владикавказе из способных и благонадежных людей, под моим наблюдением в скором времени достигнет ожидаемой цели».² По его мнению, в проведении аграрных преобразований в Терской области «необходимо прежде всего определить и уяснить нам права туземцев, как личные, так и поземельные». Святополк-Мирский выступил против Евдокимова. В начале 1862 г. он писал главнокомандующему: «Согласиться с мнением графа Евдокимова, что поземельные вопросы, требующие скорейшей развязки, следует решить силою власти и даже произволом, я никак не могу. Мне кажется, что борьба наша в этом крае состоит именно в том, чтобы заменить правом произвол и завести порядок, основанный па законном праве, вместо беспорядка, происходившего от злоупотребления силою».³ Спор начальника области и его помощника вылился в открытый конфликт. «Его сиятельство главнокомандующий не одобрил моих представлений, — писал в дневнике С.-Мирский, — и предписал действовать по указаниям графа Евдокимова. Поставленный таким образом в невозможное положение, я должен был просить об увольнении от занимаемой мной должности».⁴

Тем не менее дело не дошло до отставки. Во время своего пребывания на Кавказе Александр II сам разбирал этот конфликт и поддержал молодого генерала. «Предложения мои были вполне одобрены государем», — вспоминал позже Святополк-Мирский. Больше того, вскоре он назначается начальником Терской области и «значит, пришла независимость от Евдокимова и возможность действовать самостоятельно».⁵

Оставил в 1862 г. Кавказское наместничество и фельдмаршал А.И. Бярутинский, всегда и во всем подерживающий мнение своего любимца Евдокимова. В управление наместничества на место старых «боевых генералов», искавших по отношению к горцам «в одной только силе опору», пришли более умеренные генералы, которые «хотели достичь цели прави-

¹ АКАК. Т. 12. С. 1245.

² Там же. С. 1256.

³ Там же.

⁴ Архив СОНИИ, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 7.

⁵ Там же, л. 1, 8.

тельства другими сообразными с духом времени и христианской цивилизации методами».¹

Уже осенью 1862 г. во Владикавказе, а несколько позже и в других округах Терской области – в Кабардинском, Чеченском и Кумыкском – были поземельные комиссии. Председателем осетинской комиссии начальник области генерал Святополк-Мирский назначил своего сподвижника майора Н.К. Красницкого, являвшегося к тому времени начальником канцелярии по управлению горцами Терской области. По своим взглядам майор Краспицкий был убежденным сторонником крестьянской реформы среди горцев Северного Кавказа. В 60-х гг. он опубликовал на страницах ряда газет и журналов Кавказа свои статьи по социально-аграрным вопросам. В них он выступил как опытный публицист и тонкий знаток жизни и быта местного населения. Больше всего Красницкого увлекала история аграрного вопроса в Осетии. Он искренно радовался, когда в России пало крепостное право, был уверен, что в скором времени это произойдет и в Осетии. «На счастье осетин, – писал он, – подоспело новое время с новыми взглядами на вещи. Крепостное право исчезло и теперь положительно нельзя допускать мысли о постановлении их (*осетин.* – Б.Б.) в подобное положение... Нельзя не поздравить народ осетинский с этим счастливым исходом».² Своим помощником в комиссии Красницкий пригласил местного кавдасарда Хусину Баева, которого он называл одним из самых «интеллигентных чиновников из среды горцев». Уже один этот факт говорил о его симпатиях к простым сословиям.

Комиссия Красницкого горячо взялась за дело. Наметила даже уникальный по своему содержанию проект земельной реформы в Осетинском округе. И все же она не довела дело до конца. Через год в краевом управлении произошла новая перемена декораций. В должности наместника на Кавказ прибыл брат Александра II великий князь Михаил Николаевич Романов. Получил новую должность и Святополк-Мирский – он стал губернатором Кутаисской губернии. Новым начальником Терской области стал граф М.Т. Лорис-Меликов – будущий «великий реформатор» жизни горцев. Был назначен также новый начальник Владикавказского округа. Им стал полковник А.Ф. Эглау, вместо переведенного в Одессу генерала А.А. Иодлинского.

В 1863 г. все существующие и разрозненно действующие в округах области комиссии были объединены в одну. Председателем ее наместник назначил своего чиновника особых поручений коллежского советника Л.С. Кодзокова.³ Комиссия Кодзокова начала работу в августе. В качестве старших членов в комиссию вошли председатели бывших окружных комитетов, младшими членами были назначены капитан Масловский, Баев и Михайловский. В нее с правом совещательного голоса было приглашено до двух десятков «народных депутатов от каждого общества и сословия». Современники сразу отметили, что «новая комиссия есть исключительная, досель небывавая в Осетии».⁴ Комиссия отчитывалась о своей работе пе-

¹ Архив СОНИИ, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 9.

² «Кавказ», 1865, № 33.

³ Подробно о нем чит.: Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Д. С. Кодзокова. Нальчик, 1962.

⁴ «Кавказ», 1865, № 31.

ред начальником области генералом Лорис-Меликовым. В целом же она подчинялась непосредственно кавказскому наместнику, финансировалась управлением наместничества, представляя «как бы отдельное в области государственное временное учреждение».¹

Комиссия Кодзокова сразу же заявила, что общим итогом ее деятельности должно стать «введение новых принципов в землевладение и землепользование», что перед ней стоит задача проведения земельной реформы в Терской области. Для этого она прежде всего приступила к решению частных вопросов, как то: определение количества населения по округам, аулам, сословиям, вычисление точного размера их земельных площадей и нанесение этих площадей на карты, планы, упорядочение всей документации и правительственных распоряжений относительно горских земель и, наконец, упрочение собственности на землю с выдачей актов на право владения. И в этих работах она заимствовала у прежних комиссий и комитетов их опыт, умение создавать видимость совместной работы с народными представителями. Она опиралась на результаты их работы, ибо, по признанию самого Кодзокова, ими был «собран большой материал для решения поземельных вопросов и выяснены, насколько было в то время возможно, поземельные отношения в некоторых обществах».

Однако комиссия Кодзокова начала работать в иное время, в принципиально новых политических условиях. Окончилась война на Кавказе, в России была проведена крестьянская реформа. В самом крае росло массовое недовольство крестьян, усиливалась классовая борьба. Зародилось и с каждым годом крепло на Кавказе новое общественное движение — либерально-демократическое. Оно выступило в роли защитника национальных и социально-экономических интересов горского крестьянства. В целом вся система колониально-административного управления царизма на Кавказе переживала глубокий кризис. И все это не могло не сказаться на образе поведения царского правительства и его администрации на Кавказе.

В обстановке начала 60-х гг. и, разумеется, с новыми правительственными установками по вопросу всего социального и аграрного устройства горцев, и приступила к работе комиссия Кодзокова. Она решительно заявила, что ее работа будет строиться на иных, принципиально новых началах. В Осетии она отмежевывалась от проектов старых комитетов и комиссий, в особенности от планов земельного устройства Вревского и Кундухова, мотивируя это недостатком земли на плоскости и иной оценкой привилегированного положения осетинских феодалов и, следовательно, отсутствием основания для повышения доли наделения земель.² Прежние комитеты «ошибочно придавали крайне преувеличенное значение алдарскому и бадеятскому сословиям», — неоднократно подчеркивал Кодзоков. Кроме того, комиссия учитывала и пестроту земельных отношений в плоскостной Осетии. «Постоянный наплыв из гор на плоскость населения, — говорится в отчете комиссии за первый, 1863 г., — разнообразие условий, на которых выходцы из гор были водворяемы на плоскости и крайняя недостаточность земель, представляемых в пользование некоторых аулов — представляли полную невозможность привести в исполнение большую часть прежних

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3220, л. 4.

² Там же, лл. 9—13.

распоряжений кавказского начальства по распределению земель в этой части края».¹

В своей деятельности комиссия периодически составляла отчеты на имя Лорис-Меликова. В 1864 г. Кодзоков писал, что за первый год работы его комиссия полностью была занята разбором земельных отношений в Кабарде и в Осетии, а также «ближайшим ознакомлением с туземным населением области, его хозяйством и нуждами и изысканием средств, способных по удовлетворению первым и насущным его потребностям дать ему свободный выход в новую жизнь».² В результате были составлены проекты о поземельных правах населения в Большой и Малой Кабарде о приобретении казною земельных дач помещиков Бскович-Черкасских и Малой Кабарде, о поземельных правах жителей Тагаурского общества и Дигории. До мая месяца 1864 г. комиссия составила подобные же проекты и Алагирскому и Куртатинскому обществам.

В этих проектах, в составлении которых, кстати, принимал непосредственное участие сам начальник области, красной нитью проходила идея «обобществления земли». Отказываясь от прежних установок в сословном вопросе, в проектах комиссия решила не делать никаких исключений для привилегированных сословий. Комиссия и областная администрация приняли все меры, чтобы побудить горских феодалов самим проявить в этом деле «инициативу», как это было в России. Для этого депутатов от горских феодалов на заседаниях комиссии принуждали «под присягою добровольно показать, что горские владельцы никогда никакими особенными перед народом правами на землю не обладали», что они, «для единства народа и для прекращения между ними сословной вражды согласны считать землю общим достоянием всех сословий и владеть ею на общем праве».³

Под давлением комиссии и самого начальника области такое «признание» сделали депутаты от кабардинских и кумыкских феодалов, поверенные от тагаурских алдаров. Дигорские баделята от этого отказались. По свидетельству очевидцев, «тексты подобных показаний были составлены тогдашним начальником области М.Т. Лорис-Меликовым, при ближайшем содействии и воздействии на депутатов председателя комиссии».⁴ По свидетельству кабардинских феодалов, Кодзоков, «сделавшись правой рукой умного и хитрого администратора Лорис-Меликова, подчинился полностью его влиянию», «сделался слепым орудием его воли, исполняя поручения, казалось, не вполне соответствующие взглядам и направлению самого Кодзокова».⁵

В своих проектах комиссия признала наиболее целесообразным раздел земли на началах общинного пользования. Общинное землевладение, по мысли администрации, непременно найдет поддержку со стороны горского крестьянства, стремившегося к освобождению. В Осетии предпочтение общинному пользованию землей отдавалось, по мнению комиссии, прежде всего потому, что оно служит «лучшим средством преодоления недостатка земли для удовлетворения плоскостного населения и избавления его от

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3220, л. 14 об.

² Там же, л. 84 об.

³ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 5, л. 105.

⁴ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 194.

⁵ «Мусульманин», 1911, № 16.

совершенной нищеты в будущем». Комиссия также указывала, что общинный надел, при неизбежном росте населения, избавлял правительство от необходимости прибегать к новым распределениям земли. Более того, общинный надел давал возможность народу «избегнуть нищенства». Комиссия считала необходимым признать землевладение в Осетии на основе общины еще и потому, что «подобная форма владения землей издревле существовала между осетинами и освещена местными обычаями».

Проекты комиссии по Осетии были одобрены Лорис-Меликовым и для окончательного утверждения в июне 1864 г. препровождены кавказскому наместнику. В сопроводительной докладной записке начальник области писал, что из всех округов области в Осетии «самая бездна самых запутанных поземельных споров».¹ «Разнообразные условия, при которых осетины были выселяемы с гор, полная неопределенность, а очень часто даже противоречащие распоряжения различных властей касательно прав на землю, стали причиной того, что местность эта не приносит народному хозяйству и 1/10 части той пользы, которую она могла бы дать».² Начальник области просил великого князя после утверждения проектов разрешить комиссии первой приступить к их реализации в Осетии.

Кавказский наместник сделал только одно существенное замечание к проектам комиссии. Утверждая мнение комиссии относительно введения в Осетии общинного землепользования, он предписал, «чтобы земля была представляема не в общинное владение каждого отдельного племени: тагаурского, дигорского, алагирского и куртатинского, а чтобы из общего количества земли, предоставляемого каждому из выше именованных обществ, каждому аулу был бы приурочен известный аульный надел, соразмерный числу семейств».³ Причем, подворный надел в разных обществах может быть разным, а в разных аулах внутри одного и того же общества «надел должен быть уравнен». Так, вместо племенной общины, на которой настаивала комиссия, в плоскостной части Осетии вводилась сельская (аульная) община.

По настоянию Лорис-Меликова комиссия приступила к земельной реформе сначала в Тагаурском обществе. Комиссии предстояло разделить 64 897 дес. земли, которые находились в пользовании этого общества, между 2100 дворами, из которых 100 дворов были алдарскими.⁴ Землю эту нужно было разделить поаульно, включая в состав сельских обществ и алдаров. Последние наделялись землей на общих основаниях, в таком же количестве, как и все общинники.

Прежде чем приступить к практическим работам, комиссии предстояло урегулировать вопрос с алдарским сословием. Она хотя и заручилась накануне «добровольным» согласием тагаурских алдаров на обобществление плоскостной земли, понимала, что рано или поздно они выскажут недовольство и выступят против ее решения.

Председатель комиссии Кодзоков сообщал Лорис-Меликову, что алдарское сословие, «основываясь на надеждах, возбужденных в нем ошибочными распоряжениями прежних властей, и опираясь на фактическое пользо-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 1 об.

² Там же.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1000, л. 3.

⁴ Материалы по истории Осетии. Дзауджикау, 1950. Т. 3. С. 9.

вание отведенными уже им землями, весьма неохотно, если не сказать больше, согласится на равноправность на землю с прочими сословиями и, без сомнения, не вполне останется довольным настоящим наделом».¹ В связи с этим Кодзоков спрашивал начальника области, не считает ли он необходимым ввести в Осетии общинное владение землей «действиями административной власти»

Начальник области не разделял опасений комиссии. Введение общинного землевладения, писал Лорис-Меликов, конечно же, создаст «некоторые неудобства для осетинских феодалов», но «считаться с этим отнюдь не следует, потому что удовлетворить их претензии нет никакой возможности». «Впрочем, — наставлял он комиссию, — число алдаров относительно невелико, так что особенного вреда от их неудовольствия я не предвижу, тем более, что простой осетинский народ, получив обеспечение землею за счет алдаров, сочувствовать им не будет».²

21 марта 1865 г. по требованию начальника области во Владикавказе были собраны все тагаурские алдары. Лорис-Меликов ознакомил присутствующих в подробностях с содержанием предстоящих земельных работ. Тут же осетинским феодалам обещали, что те из них, которые не пожелают быть на родине рядовыми сельскими общинниками, могут получить в Кубанской области по 300 дес. земли на двор, «с тем однако ж, чтобы принявшие это условие переселились туда совершенно и отказались затем от всех прав на землю в Терской области».³

«Положение алдаров, в которое они были поставлены вышеуказанным объявлением, — писал один из присутствующих на собрании чиновников, — требовало от них зрелого и неторопливого обсуждения создавшейся обстановки». Поэтому начальник области и не торопил их. Для окончательного ответа им было дано два месяца. Однако уже через месяц на имя Лорис-Меликова поступила от всех тагаурских алдаров «челобитная». В ней алдары писали: «Сообразив из предоставляемого нам права на раздел настоящего нашего положения с Кубанской областью, мы нашли, что правом этим мы не можем воспользоваться, потому что, любя родину, будучи привязанными к ней и прахам своих отцов, нам кажется страшным грехом отказаться от них. Да и кроме того, воспользовавшись правом тем, мы бы потеряли свое имя, которым дорожили и которое в таком случае, без сомнения, должно было бы сделаться достоянием двух наших зависимых сословий».⁴ Алдары «нижайше» просили начальника области, чтобы он ходатайствовал перед наместником не ставить непременно условием получения земли в Кубанской области обязательное переселение туда. И еще, из 300-десятиного надела 40 дес. дать в Тагаурии, а 260 — в Кубанской области.⁵

На свои просьбы алдары получили категорический отказ. «Так как, — говорилось в ответе из Тифлиса, — по вопросу о том, на каких основаниях алдары могут быть наделены землею уже состоялось окончательное решение, то и настоящая их просьба исполнена быть не может».⁶ Больше того,

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 5.

² ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 5, л. 114.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 8.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 818, лл. 7 и 7 об.

⁵ Там же, л. 7 об.

⁶ Там же, л. 8.

из управления наместника вскоре потребовали, что если до февраля 1866 г. не будет получено заявлений от алдаров о желании переселиться за Кубань, то «они потеряют навсегда право получить землю здесь».¹

Как ни тяжело было осетинским алдарам потерять свои привилегии, они все же остались непреклонными в своем выборе — категорически отказались от переселения из Осетии. Тогда местные власти потребовали от каждой алдарской фамилии расписку о своем отказе. «Желающих воспользоваться правом переселиться в Кубанскую область из членов фамилии моей нет», — гласила, например, расписка полковника Магомета Дударова, которую он дал от имени всех Дударовых.²

Взяв у всех 11 алдарских фамилий такие расписки, генерал Лорис-Меликов в апреле 1866 г. предписал Кодзокову, чтобы его комиссия «немедля приступила к наделению землею тагаурских аулов в натуре». Однако из-за весенних полевых работ комиссия занялась другой работой — формированием тагаурских аулов, составляла именные списки их будущих жителей. Причем, комиссия имела указание начальника области укрупнить по возможности существующие аулы. Поэтому массы людей подверглись новому переселению с одного места на другое. Так, комиссия указала новые места под аулы Дарг-Кох, Ольгинское и Брут. Объединила аулы Кусова и Заманкул, Тулатова и Тхостова, занялась водворением переселенцев на новые места жительства. Так, в плоскостной Тагаурии жители 16 существующих аулов были собраны в 10 аулах. Каждому новому алдару была указана земля согласно количеству дворов. Во всех десяти аулах Тагаурии на двор приходилось 39 дес. земли. Затем комиссия составила специальные межевые планы на всю тагаурскую землю с обозначением границ аульских наделов. К концу 1866 г. все работы в Тагаурии были окончены. Алдары вошли в списки жителей 6 сельских обществ: Тулатова, Джанхотов-Ларса, Брута, Карджина и Гизели.

Проведение земельной реформы в Куртатинском обществе, по мнению комиссии, не должно было составить большого труда. Она считала, что жители этого общества находились в «наилучших» условиях перед другими обществами Осетинского округа. Из отведенной еще в 1824 г. куртатинцам на плоскости земли (около 29 тыс. дес.) к моменту реформы у них оставалось вполне достаточное количество — 19 тыс. дес. Легкость разрешения куртатинского земельного вопроса объяснялась еще и тем, что оставшаяся у куртатинских жителей земля находилась в общественном и нераздельном пользовании всех трех плоскостных аулов: Суадага, Верхнего и Нижнего Фиага. Поэтому, считала комиссия, «из здешних жителей едва ли кто останется в претензии относительно обобществления их земли».³

Проект земельной реформы для этого района, составленный комиссией в начале 1864 г., предусматривал, прежде всего, разделить межевым порядком земли между аулами Суадаг, Верхний и Нижний Фиаг «соразмерно числу водворенных в них дворов», а затем положить конец земельной тяжбе бирагангцев с жителями этих трех куртатинских аулов путем отвода первым из поляны «Дарг-Ардуз» 593 дес., а куртатинцам — 1007 дес.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 818, л. 9.

² Там же, л. 10.

³ ЦГА ЧИАССР, ф. 32, оп. 1, д. 1010, л. 2.

Однако летом 1864 г. местное православное духовенство вмешалось в работу комиссии, что в значительной степени осложнило ее. Управляющий осетинскими приходами архимандрит Иосиф обратился к начальнику области с просьбой поселить отдельными аулами куртатинских христиан от магометан, как это сделано в Тагаурии. Архимандрит писал, что совместное проживание христиан с магометанами в пределах одного аула «оскорбляет закон, покровительствующий господствующему исповеданию в империи».¹ Подобное отделение, по мнению духовенства, «в настоящее время, в период землеустроительных работ, становится не только возможным, но и удобоисполнимым».

Для обсуждения поднятой православным духовенством просьбы Лорис-Меликов создал специальную подкомиссию в составе архимандрита Иосифа, благочинных Алексея Колиева, Михаила Сухиева и приходских священников — гизельского, фиагского и суадагского. На всех ее заседаниях председательствовал сам Кодзоков и неизменно присутствовал начальник Осетинского округа полковник Эглау.

В начале 1865 г. подкомиссия выдвинула следующие свои рекомендации.² На плоскости Куртатинского общества вместо трех существующих аулов образовать два. Один на р. Ардон, и поселить там исключительно мусульманских жителей и ренегатов, второй, чисто христианский, и поселить его на р. Фиагдон, писалось в рекомендациях духовенства. При переселении аулов на новые места оказать «беднейшим христианским семействам денежное пособие в размере 15 руб. «с целью показать христианам Осетинского округа, что православная церковь в случае нужды не оставляет чад своих без материальной помощи».³ Отделение христиан от магометан непременно окончить к осени 1865 г. Переселить куянских жителей к христианскому аулу.

Комиссия Кодзокова специальным предписанием начальника области обязывалась принять эти рекомендации к руководству. Но в августе 1865 г. управляющий осетинскими приходами снова обратился к Лорис-Меликову с просьбой: «в виде опыта» дозволить совместное жительство христиан и мусульман в продолжении одного года (с 1 августа 1865 по 1 августа 1866 г.). «И если окажется, что христианская паства в продолжение этого времени не только не уменьшится, но увеличится за счет мусульман, то для спокойствия и торжества православной церкви вовсе оставить мысль об отделении христиан от мусульман».⁴

Однако «проделанный опыт» дал совершенно противоположные результаты. Надежды православного духовенства во главе с «апостолом Осетии» Иосифом не оправдались. Через год дела христианской религии здесь не только не поправились, но значительно ухудшились. Число отступников, или как официально их тогда называли, ренегатов, продолжало расти. Поэтому комиссия тогда же, в августе 1866 г., приступила к предполагаемому отделению христианских жителей от мусульман.

При новом осмотре куртатинской плоскости комиссия Кодзокова по-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 810, л. 9.

² Там же; лл. 10–12.

³ Там же, л. 11 об.

⁴ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1010, л. 3 об.

чему-то отказалась от первоначального плана поселить новые аулы на реках Ардон и Фиагдон. Были намечены новые места. Для мусульманского аула была избрана местность недалеко от поляны Дарг-Ардуз, на краю ложбины, по которой оказалось возможным пропустить из Ардона воду. Для христиан и ренегатов под будущий аул указано пространство между старым Верхним и Нижним Фиагом.

По свидетельству документа, общее переселение куртатинцев состоялось раннее весною 1867 г. По желанию христиан, аул их назван Кадгароном, а магометанский, по желанию его жителей, назван Ногкау (Новый аул).¹ Землемеры, посланные комиссией, обмежевали всю куртатинскую землю, а затем 16 971 дес. разделили на два участка — Кадгарону и Ногкау. Распланировали аулы, жителям указали приусадебные места. Кадгаронской сельской общине, число которой составило 289 дворов, были отмежеваны 12 603 дес., то есть по 43 дес. на двор. Ногкауской общине в числе 104 дворов отмежеваны 4368 дес., или по 42 дес. на двор.² Как явствует из того же документа, «посев ярового хлеба здесь уже в 1867 г. произведен в пределах аульных дач, показанных в проектной карте, а в натуре означенных временными признаками».

После всех землеустроительных работ в Куртатинском обществе комиссия обратилась к его жителям со специальным предложением. «Дело в том, что куртатинская земля, — писала комиссия, — за исключением небольшого количества (850 дес., из которой болотистой 261 дес.) отличного качества». Между тем, почти половина ее покрыта мелким кустарником, а «уничтожить его при существующем неразвитом хозяйстве не находится охотников, то остается невозделанною, от чего теряется значительная сумма общественной пользы». В виде поощрения «развитого земледелия в крае» комиссия соглашалась отдавать куртатинцам любые очищенные от кустарника участки в частный их надел в продолжение 10–15 лет, сверх общинного надела.

К моменту земельной реформы плоскостное алагирское население проживало в двух аулах — в Ардоне 242 двора и в Салугардане 160 дворов. Земля, отведенная алагирцам на плоскости полковником Скворцовым в 1824 г., также была значительно урезана. Примерно 38 тыс. в 1843–1846 гг. было отобрано трем казачьим станицам — Архонской, Ардонской и Николасвской. В 1848–1849 гг. алагирцы снова лишились 14 тыс. дес. из этой земли в пользу серебросвинцового завода и жителей Алагирской станицы. По мнению комиссии, изложенному в проекте 1864 г., оставшаяся в пользовании Ардонского и Салугарданского аулов земля в размере 10 820 дес. «слишком мала для удовлетворения хозяйственных нужд их жителей». Поэтому она должна была найти возможность увеличить земельный надел алагирцев. Для этого она предложила областной администрации использовать землю Алагирского серебросвинцового завода.

Для обсуждения поднятого комиссией вопроса кавказский наместник в июне 1864 г., по ходатайству Лорис-Меликова, учредил «особую комиссию» под председательством чиновника Министерства государственных имуществ Шумлянского. На основании ее решений в конце того же года к

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, л. 1010, л. 3.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, л. 1002, л. 7 об.

земельному наделу алагирских аулов было прирезано из заводской земли 715 дес.

Таким образом, в 1866 г. жителям Ардонской сельской общины было отмежевано 7176 дес., а жителям Салугардана – 4480 дес. Считалось, что в обоих аулах на двор приходилось по 28–29 дес.

Труднее всего земельная реформа проводилась в Дигории. «Невообразимый произвол в поземельных отношениях, царивший здесь с давних времен», отмечала комиссия, привел к концентрации значительной части плоскостной земли в руках небольшой группы дигорских помещиков и к обезземеливанию народных масс. Плоскостная дигорская земля уже в ранний период переселения «на низменные места» стала ареной крупных захватов в частную феодальную собственность со стороны отдельных бадеятских фамилий. Эти захваты специальными актами правительства и кавказской администрации в 1824, 1837 и 1853 г. были закреплены за бадеятами. Вот почему в Дигории больше всего оказалось ярких противников земельной реформы.

Дигорские феодалы, хозяева земли, открыто встретили в штыки идею ее обобществления. Уже летом 1863 г. во время пребывания царского наместника во Владикавказе бадеяты снарядили к нему своих самых авторитетных и влиятельных представителей. Они били челом «не уравнивать землю в Дигорской стране», оставить за ними поземельные участки в том размере, в каком они были указаны им последний раз князем Воронцовым».¹

Документ передал некоторые подробности приема кавказским наместником бадеятских депутатов. После изложения генералом Тугановым своей просьбы «его императорское высочество Михаил Николаевич предложил сидящему тут же рядом генерал-адъютанту Лорис-Меликову «изыскать какой-либо способ к вознаграждению просителей»».²

И такой «способ» был найден. Проект земельной реформы в Дигории, составленный комиссией Кодзокова в 1864 г., ни с какой стороны не нарушал существующее помещичье землевладение, утвердившееся здесь еще в XVIII в. В проекте комиссии констатировалось, что в равнинной Дигории кроме бадеят, «считающих себя владельцами дигорской земли, обитают 683 семейства из черного народа». Из них 263 двора в Вольно-Христиановском ауле и 109 дворов — в Вольно-Магометановском, а 311 семейств простых дигорцев, лезгорцев и хехесов, не имеющих собственной земли, продолжали проживать на землях бадеят.

Проект признавал в качестве главной задачи поземельного устройства в Дигории наделение землей последних и увеличение земельного надела В. Христиановского аула, «воспользовавшегося слишком недостаточным наделом в 1853 г.». Но сколько для всего этого потребуется земли и откуда ее взять, комиссия понятия не имела. Она заметила только, что обеспечить простых дигорцев землей не «представляется никакой возможности по неимению не только в Дигории, но и поблизости ее свободных земель». Такое утверждение было более чем странным потому, что дигорская плоскость в то время сравнительно с другими районами считалась малонаселенной. Если бы комиссия при решении здесь земельного вопроса приняла за

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 615, л. 25.

² Там же, л. 26 об.

основу уравнильное наделение и ввела бы во всех существующих плоскостных аулах общинную форму землевладения, то на каждый двор здесь приходилось бы около 57 дес. Но комиссия Кодзокова, выражая волю административной власти, не посмела в своем проекте вынести приговор феодальному землевладению в Дигории. Земля оставалась в нераздельном владении дигорских баделят. Общинная форма владения землей провозглашалась только в двух вольных дигорских аулах.

Правда, в 1864 г. комиссия и областная администрация опять сделали робкие попытки «убедить» баделят «ради единства дигорского народа» согласиться владеть землей «на общем праве». Дигорские феодалы снова заявили категорическое несогласие. Парадокс состоял в том, что в Тагаурии и даже «в княжеской Кабарде» устроители земельной реформы действовали в отношении местной феодальной знати «силой неудержимого давления на них», продемонстрировали завидную твердость и принципиальность в разрушении здесь феодального землепользования. В Дигории же в отношении землевладельцев была проявлена «не только непонятная мягкотелость, но и полная солидарность с феодальными установками в земельных отношениях.

Единственное, в чем комиссия и администрация края и области пошли против воли дигорских баделят, это то, что отменили «навсегда», начиная с 1865 г., всякие личные повинности, вносимые как жителями двух вольных аулов, так и оставшимися на баделятских землях. Кодзокову было также предписано произвести межевые действия в Дигории, «с целью ревизии отведенных в 1853 г. баделятам земель». И если окажутся «излишки», прирезать их к дачам двух крестьянских аулов. «Ревизия» действительно выявила «излишки» — более 3 тыс. дес.

Наличие такого количества земли в распоряжении комиссии позволило надслить ею не только жителей В.-Христиановского аула, но и части совершенно безземельных крестьян. 55 дворов из них, по решению комиссии, подсеялись к Христиановскому аулу. Теперь этот аул становился самым многочисленным в Осетии. Количество дворов в нем перевалило за 310. Одновременно к земельному наделу В.-Христиановского аула прирезывались дополнительно 975 дес. из кубатиевских и абисаловских «излишков». К Магометановскому аулу с 138 дворами коренных жителей подсеялось 47 дворов безземельных дигорцев, зато к аульной даче добавлялась площадь в размере 778 дес. за рекой Урух.

В распоряжении комиссии оставались из баделятских «излишков» еще 1367 дес. Комиссия предложила наделить ею оставшиеся неустроенными 126 дворов безземельных дигорцев, хехесов и образовать из них новый плоскостной аул — Новый Урух.¹ Проект этот, одобренный начальником области и утвержденный кавказским наместником, был претворен в жизнь Областным межевым отделом в 70–80 гг. Подворные наделы здесь были крохотными.

40 семейств безземельных лезгорцев, проживающих до сих пор в ауле Кабановых, в 1866 г. по решению комиссии переселили в Кабарду, и здесь, в трех аулах кабардинских феодалов Анзоровых, не имея ни клочка собственной земли, они оказались в новой феодальной кабале. На этот раз у Анзоровых.²

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 242, л. 8.

² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, л. 39, лл. 1–46.

Так завершился многолетний труд правительственных земельных комитетов и комиссий в Осетии. Это был первый, аграрный этап крестьянской реформы, окончательным итогом которого стала земельная реформа в Осетии и в целом в Терской области. В крас была введена общинная форма землевладения и землепользования. Был создан институт сельской общины, который стал опорой царской власти на местах. Сама эта идея возникла у правительства уже тогда, когда оно стало вынашивать планы распространения на горцев Северного Кавказа системы государственных повинностей. Главной целью создания горской аульной общины первоначально было обложение ее членов государственной поземельной податью, что должно было заложить основу «новой эры финансовых оборотов здешнего края».

Все мероприятия, связанные с земельной реформой в Терской области, и главные ее итоги через кавказского наместника были доложены правительству Александра II, и оно санкционировало их 23 декабря 1869 г. Земельная реформа должна была подготовить население ко второму этапу крестьянской реформы — к освобождению горских зависимых сословий.

Эмансипация зависимых сословий и проблема их земельного устройства

Лишь спустя семь лет после известного манифеста Александра II на Северном Кавказе была отменена крепостная зависимость крестьянства. Это было связано с социально-экономическими и военно-политическими особенностями развития края. Весной 1861 г. Александр II писал кавказскому наместнику, «что крепостное состояние останется в Кавказском крае», что «с освобождением крепостных здесь нужно действовать постепенно, с надлежащею осторожностью».¹ Приступить к этому делу лишь только тогда, «когда улягутся волнения умов и страстей побежденных и бывших с ними в тесной связи так называемых мирных горцев».²

Конечно же, имелось в виду проведение на Северном Кавказе крестьянской реформы среди горских народов, которые, по мнению правительства, «к восприятию идеи освобождения крепостных сословий еще не были подготовлены». Что же касается Закавказского края, то здесь администрация уже в 1861 г. приступила к необходимым предварительным работам, связанным с предстоящей отменой крепостного права. На местах были созданы уездные комитеты, а в Тифлисе был учрежден Центральный комитет. Уездные комитеты должны были «привести все ныне существующие отношения между помещиками и их крестьянами в известность и обсудить способы устройства их сообразно новому времени и местным особенностям».³ Центральный же комитет должен был направлять и руководить деятельностью уездных комитетов, а затем рассмотреть окончательно все те предложения, которые будут ими представлены.

На Северном Кавказе администрация вплотную занялась крестьянской реформой в 1863 г. Правда, высшая кавказская власть сразу же отказалась

¹ АКАК. Т. 12. С. 196.

² Там же.

³ Там же. С. 197.

от создания здесь уездных или подобных им комитетов, от предварительных исследований сословных отношений. Наместник предписал начальникам северокавказских областей — Дагестанской, Кубанской и Терской — представить свои соображения «о порядке, в котором можно было бы приступить к освобождению сословий в здешнем крае».

Начальник Дагестанской области высказывал мысль, что до окончательной отмены крепостного права «нужны переходные меры». Начальники Терской и Кубанской областей в своих докладных записках, выражая общую тревогу создавшейся в горских обществах обстановкой, предлагали разные методы проведения реформы. «Я остановился на той мысли, — писал начальник Кубанской области, — что при настоящем положении дел в целой России, где крепостное право уже уничтожено, следовало бы, независимо от ограничения крепостного права туземцев, как меры переходной, изыскать средства к немедленному освобождению холопов и рабов во вверенной мне области и в этом отношении сравнить с другими подданными государства». ¹ Генерал Лорис-Меликов также настаивал на скорейшем проведении реформы, «ибо, — писал он, — между туземными холопами уже брошена идея о предстоящем их освобождении, которая в случае неудовлетворения ее поведет к неприятным и даже кровавым столкновениям владельцев с крепостными их людьми». ² Однако он предложил провести крестьянскую реформу поэтапно — сперва земельную, а затем отменить крепостное состояние. «Нет сомнения, — заключал он, — что весьма трудно решить этот вопрос подобно тому, как он решен в целой империи и на чем настаивает начальник Кубанской области. Здесь придется действовать осторожно, дабы не возбудить неудовольствие высшего сословия, коснеющего в невежестве и не понимающего благих мер правительства». ³

Как известно, кавказское начальство приняло к руководству соображения начальника Терской области. Первоначально оно приступило к проведению среди горцев, земельной реформы и лишь с окончанием ее в 1866 г. занялось практическим освобождением крепостных крестьян. Для этого при управлении кавказского наместника в 1866 г. был уничтожен Особый комитет по освобождению зависимых сословий у северокавказских горских народов, председателем которого наместник назначил своего помощника генерала Карцова. В комитет входили на правах его постоянных членов помощник начальника штаба Кавказской армии, управляющий канцелярией наместника, начальник горного управления, чиновник особых поручений при наместнике и другие. На первых же заседаниях, которые состоялись в июне-июле 1866 г., кавказский наместник великий князь Михаил Романов поставил перед членами комитета задачу — отмену крепостного права провести «без потрясений общественного порядка и без расстройств хозяйственных интересов владельческих классов». ⁴ Комитету были представлены все материалы, касающиеся сословного и крестьянского вопросов, собранные до него. По Осетии главным источником таких сведений служили труды комиссии Козокова и других комитетов, работавших до нее во Владикавказе.

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 242, л. 8.

² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 39, лл. 1—46.

³ АКАК. Т. 12. С. 196.

⁴ Там же.

Комитет признал, что в трех областях количество зависимых сословий разное и довольно внушительно, причем, по его мнению, наиболее многочисленны они в Кабарде и Осетии. Здесь существовало три формы зависимости: административная, поземельная и личная. Было принято решение о проведении здесь реформы в первую очередь. Позже, в феврале 1867 г., в Терской области были созданы посреднические суды. Таких судов в Осетии было четыре, по числу осетинских обществ. Об их функциях Лорис-Меликов писал, что они создаются «для содействия обеим сторонам к успеху соглашений и для преподания им нужных разъяснений при составлении самих условий освобождения».¹ Мировые посреднические суды являлись самым низшим, но в то же время весьма важным звеном в административной системе, специально созданным для проведения крестьянской реформы. Они должны были содействовать проведению реформы путем посредничества между феодалами и освобождаемыми сословиями, добиваясь от них взаимных уступок, то есть являлись, так сказать, в качестве примирителя двух совершенно противоположных полюсов».²

Председателем всех четырех посреднических судов в Осетинском округе начальник области назначил старшего своего адъютанта капитана Кавтарадзе. Постоянным членом суда был депутат от окружного народного суда и по два депутата от всех заинтересованных сословий, которые поочередно менялись в каждом из четырех осетинских обществ. Для мировых посреднических судов областная администрация разработала инструкцию, составленную с учетом конкретных местных условий.

Активное участие в подготовке и проведении реформы принимала и сама администрация, начиная от самого начальника области генерала Лорис-Меликова и кончая участковыми начальниками. Особенно большую роль в этом деле сыграл полковник Эглау – начальник Осетинского округа.

Весь этот механизм работал довольно четко. Материалы о существовавших в Осетии зависимых сословиях, видах, формах и степени зависимости крестьян от владельцев, цифровые данные о сословиях, подлежащих освобождению, проекты освобождения – все это, собираемое на местах комиссией Кодзокова, посредническим судом, начальником округа и участков, поступало в комиссию, откуда потом передавалось начальнику области. Последний обобщал весь материал и со своими замечаниями и заключением передавал в комитет генерала Карпова. И еще, весь этот аппарат по «освобождению», руководствуясь классовым подходом к отмене крепостного права, должен был соблюсти прежде всего высшие интересы правительства и господствующих классов. Иначе и не могло быть, ибо весь этот аппарат носил классовый характер, личный состав всех звеньев, как говорят, «с головы до ног» был подобран из местных владельцев и лиц, стоявших во главе местной царской администрации.

Осетинские феодалы, в особенности дигорские, в целом отнеслись к реформе резко отрицательно. Они любыми путями стремились отсрочить предстоящее освобождение крепостных крестьян. «В своем классовом ослеплении они не хотели понимать невозможности дальнейшего существова-

¹ АКАК. Т. 12. С. 197.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1252, л. 3.

ния зависимых сословий и настойчиво и упорно просили правительство о сохранении их даже «на вечные времена»¹.

И все же в своем упорном отрицании предстоящей реформы осетинский правящий класс не был до конца последователен. Под давлением административных органов некоторая часть алдаро-баделят «изъявила готовность показать пример в досрочном и бесплатном» освобождении своих крепостных.² Лорис-Меликов сообщал наместнику «приятнейшую новость»: «здесьние владельцы выразили мне безусловную готовность на жертву, требующуюся временем».³ Таких феодалов главнокомандующий лично благодарил в особых именных письмах, а начальник области «всенародно благословлял» их.

Во время реформы в Осетии разгорелись жаркие споры между различными сословиями об условиях освобождения крепостных крестьян. Начальник области предложил представителям этих сословий составить свои проекты. В областное управление поступило три таких проекта: от алдарского сословия, от баделят и царгасат и от «простого дигорского народа». Кавдасардское сословие отказалось от составления письменного проекта. В проектах был определен круг крепостных сословий, которые следует освободить: кавдасарды, кумаяги, холопы, кусаги и рабы. Проект дигорских баделят выдвигал следующие основы «освобождения»: лица мужского пола в возрасте от 15 до 45 лет получали свободу за выкуп в 250 руб. Лица женского пола от 15 до 45 лет — в 200 руб. И от 1 года до 15 лет обоего пола — в 150 руб. Старше 45 лет и больные — по усмотрению мирового посреднического суда.⁴ По проекту тагаурских алдаров выкупная сумма была меньше. Так, лица обоего пола от 15 до 50 лет освобождались за выкуп в 180 руб., а от 1 года до 15 лет — за 8 руб. в год. Крепостные крестьяне старше 50 лет освобождались бесплатно.⁵ Проект освобождения простого дигорского народа предлагал еще меньшую сумму выкупа: лица женского пола в возраста свыше 40 лет, мужского — свыше 50 лет и больные освобождались бесплатно, женщины от 15 до 40 лет и мужчины до 50 лет за выкуп в 180 руб., от 1 года до 15 лет — по 8 руб., а дети женского пола освобождались бесплатно. Движимое имущество целиком оставалось за холопом.⁶

На основе этих трех проектов администрация составила свою программу освобождения зависимых сословий в Осетии, в основу которой легли принципы проекта тагаурских алдаров, как средние между баделятскими и простого народа. На основе этой программы и строили мировые посреднические суды свою практическую деятельность.

Освобождение зависимых сословий в Осетии закончилось осенью 1867 г. 18 ноября было объявлено «Положение» об освобождении зависимых сословий. Оно включало условия освобождения кусагов, холопов и рабов отдельно, а также отдельные условия освобождения кавдасардов и кумаягов. Так, кусаги, равно как и холопы и рабы от 1 года до 15 лет, получали

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1252, л. 6 об.

² Там же, л. 8.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1239, л. 26 об.

⁴ Там же, д. 192, л. 2.

⁵ «Кавказ», 1892, № 2910.

⁶ Там же, № 179.

волю за выкуп в размере 8 руб. за год, от 15 до 50 освобождались за выкуп в 180 руб. или должны были служить своему владельцу еще в течение 6 лет. Мужчины старше 50 лет и женщины 45 лет освобождались бесплатно. Все взрослые кавдасарды и кумаяги со своими семьями оставались в течение 3 лет в прежних отношениях к своим владельцам, после чего получали свободу. В том числе, если кавдасард или кумаяг захотел выйти на свободу раньше этого срока, то за каждый год должен был уплатить 25 руб. Дети от 1 до 15 лет, мужчины старше 50 лет, женщины — 40 лет свободу обретали безвозмездно. Наконец, всем осетинам запрещалось отдавать дочерей своих в номы-лус (в именные жены).¹ «Освобождение» крестьян проходило «путем добровольных между осетинскими владельцами и холопами соглашений».

Особенность плана отмены крепостного права в Осетии была в том, что «малолетние рабы» освобождались бесплатно. Но «во имя интересов владельцев» правительство отпустило 12 тыс. из средств податных сборов, ибо, как гласило постановление кавказского наместника, «освобождением холопов, лишаясь и последних скудных средств и удобств своей жизни, владельцы по необходимости будут подвергнуты заметным лишениям».² Из «освобожденных» в наиболее тяжелом положении оказались холопы. Начальник округа признавал, что «откупиться холопам в Осетии несравненно труднее, чем в других округах, ибо холопы в Осетии оседлости собственной не имеют, а живут в домах владельцев, движимого имущества имеют весьма немного и живут на землях собственников».³ Отсюда — решение правительства дать единовременное пособие и «беднейшим из освобождаемых», предназначив для этого 5 тыс. рублей.⁴

В результате реформы в Осетии было освобождено от крепостной зависимости: холопов обоего пола 627 человек, кавдасардов и кумаягов — 822 души обоего пола, а всего — 1449 человек.⁵

В целом отмена крепостного права в Осетии была проведена царским правительством в строгом соответствии с интересами осетинских феодалов, которые сами разработали и представили царизму свои условия освобождения крестьян. По подсчетам проф. Г.А. Кокиева, из числа всех «освобожденных» без выкупа, но и без земли получило волю 28,2%. За установленный самими осетинскими владельцами и царской администрацией выкуп в размере 180 руб. за человека было освобождено 71,8%. «Причем, — заключает Г.А. Кокиев, — последние делились на три категории: а) безобрядные или совершенно бесправные холопы, оставленные в обязательных к прежним хозяйством отношениях сроком на 6 лет; б) обрядные крестьяне, оставленные в обязательных отношениях к феодалам на 3 года; в) кавдасарды или кумаяги, перешедшие по наследству к потомкам первого владельца, оставленные в прежних обязательных отношениях в продолжении полутора лет».⁶ Все «освобожденные» осетинские крестьяне перешли в новую зависимую категорию

¹ Как правило, к таким лицам относились те, кто меньше всего пострадал во время земельной реформы, служил в армии или являлся заметной фигурой в местной администрации.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1252, л. 108.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3327, лл. 2—4.

⁴ Там же, лл. 6—7.

⁵ Там же, лл. 10—11 об.

⁶ Там же, л. 23.

временнообязанных, а по истечении срока исполнения временных обязанностей пополняли ряды «временнопроживающих».

После реформы горское крестьянство оказалось в весьма затруднительном положении. О безотрадном будущем кавдасардов, кумаягов и холопов, «понесших с освобождением большие потери в своих хозяйствах», свидетельствовали и сами административные чиновники. «Положение освобождаемых в Осетии, — доносил начальник округа, — весьма тяжелое, так как они оказались в положении человека, не имеющего ни кола, ни двора. Они должны начинать жизнь вновь, без всяких средств и притом еще уплачивать владельцам выкупную плату».¹ Полковник Эглау возбудил перед областной администрацией вопрос об освобождении последних «от всех государственных повинностей» на 12 лет. Кстати, такие же ходатайства поступили в управление начальника области и от начальников округов Кабарды, Чечни, Кумыкии. Ходатайства эти были удовлетворены.

Правительство, поставленное в Осетии перед фактом нищенского положения зависимых сословий после реформы, проявило об «обобранных до ниточки» кусагах, холопах, кумаягах и кавдасардах «великодушную заботу». 25 апреля кавказский наместник писал начальнику области, что после его доклада правительству оно санкционировало «даровать всем вновь освободившимся от своих владельцев горцам Терской области льготы от государственных податей сроком на 8 лет, считая со дня начала освобождения — с 18 ноября 1866 года».²

Однако такое благородство со стороны правительства мало что изменило в перспективах жизни по существу бездомных и нищих «освобожденных». Ничего не изменили в их положении и дальнейшие попытки царизма устроить экономический быт крестьянских сословий. Во-первых, оставленные в состоянии временнообязанных к своим владельцам крестьяне обязаны были «отбывать в их пользу все работы, какие они выполняли во время состояния зависимости».³ Во-вторых, еще более тяжелым было их земельное положение. По условиям земельной реформы эти сословия не вошли в число аульных общинников, следовательно, не были наделены земельными участками. После отмены крепостного права «освобожденные» кавдасарды, кумаяги и холопы также не были наделены землей. Правда, областной администрацией было издано распоряжение, согласно которому получившие независимость плоскостные осетинские крестьяне после истечения временнообязанного срока приписывались к аульным обществам.

Но это было, как писали сами крестьяне, «совершенно неудобноисполнимое и безответственное» распоряжение. И прежде всего потому, что администрация не учитывала введенный ею же порядок землевладения и землепользования как на плоскости, так и в нагорной Осетии во время реформы. На плоскости аульным обществам давалась земля согласно количеству дворов в них. Эти аульные наделы, как увидим ниже, остались неизменными вплоть до 1917 г. Поэтому любое увеличение количества дворов аула, за счет естественного прироста или новых поселений, уменьшало и без того крохотный размер подворного надела в ауле. Разумеется, такое условие

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3327, л. 38.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 138.

³ Там же, д. 192, л. 39.

рано или поздно должно было заставить сельские общины осетинских плоскостных аулов регламентировать рост населения и безжалостно отказывать пришельцам подселаться к ним. Такое право за сельскими обществами было санкционировано самой властью. В положении об аульных обществах, разработанном и утвержденном вскоре после земельной реформы, указывалось, что «отведенные в надел аульных обществ земли составляют теперь их собственность», поэтому «всякое лицо, желающее приписаться на жительство к сельскому обществу, обязано испросить на это согласие у того общества, в среду которого просится», то есть получить «приемный лист» за подписью не менее 3/4 членов аульного общества.¹ На практике такие приемные листы, за исключением единичных случаев, никому не выдавались. Коренные жители всех плоскостных осетинских аулов особенно зорко следили за выполнением этого правила. Даже администрация, до начальника области включительно, не имела права преступить этот порядок.

Естественно, не делалось исключения и для «освобожденных» кавдасардов, кумаягов и холопов. Землеустройство их было возложено на комиссию Кодзокова, однако в январе 1870 г. эта комиссия была переименована в «комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей».² Земельный вопрос был снят с ее ведения. Землеустройством бывших крепостных крестьян должна была заняться сама администрация.

В августе 1870 г. полковник Эглау с тревогой сообщал начальнику области, что сельские общества повсеместно отказываются принимать в свою среду представителей зависимых сословий, которые окончили обязательные свои отношения к бывшим владельцам. Он писал, что от бывших зависимых сословий в окружное управление поступают «в массовом порядке» прошения «о дозволении им приписаться на постоянное жительство к сельским обществам без испрошения от этих обществ согласия на принятие их в свою среду с наделом землею наравне с коренными жителями тех обществ».³ По существу, оправдывая действия коренных жителей в отношении «освобожденных», начальник округа в то же время признавался в своем полном бессилии что-либо предпринять, так как не имел «никакого особого распоряжения вышестоящих инстанций относительно порядка приписки к сельским обществам освобожденных лиц, в тех случаях, когда общества не будут изъявлять на принятие этих лиц своего согласия».⁴

Из областного управления так и не последовало «особых» распоряжений, которые бы вносили ясность в проблему землеустройства «освобожденных» сословий. На рапорте начальника округа Лорис-Меликов сделал ничего не означающую надпись: «Просить полк. Эглау: не отказывать, насколько будет возможным, в просьбе лиц, желающих приписаться к плоскостным сельским обществам, если лица, освобожденные от зависимости, представят общественные приговоры тех обществ, в среду коих они желают приписаться». Рукой самого начальника области эта надпись была зачеркнута и заменена следующей: «Просить полк. Эглау принять со своей стороны все меры к тому, чтобы сельские общества плоскостных аулов не отка-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3327, лл. 33–35.

² К о к и е в Г. А. Указ. соч. С. 88.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 133.

⁴ Архив СОНИИ, ф. 12, оп. 1, д. 128, л. 212.

зывались в принятии в свою среду освобожденных от зависимости своих владельцев».¹ Забегая вперед, скажем, что «наделенные одинаковыми с прочими сословиями поземельными правами освобожденные» сословия так и не были наделены землей вплоть до революции 1905–1907 гг. Кавдасарды, кумаяги и холопы влились в ряды самой обездоленной в пореформенный период крестьянской категории Осетии — в ряды временнопроживающих. «Целое сословие действительно несчастных кавдасардов, — писал в 1897 г. из Осетии корреспондент газеты, — очутилось в положении совершенно безземельных крестьян».² В еще худшем положении оказались «освобожденные» сословия нагорной полосы Осетии. Кавдасарды, кумаяги и холопы, хотя и были «освобождены» от крепостной зависимости горных феодалов, но не получили земли. И вплоть до 1917 г. продолжали оставаться на прежних местах и в прежнем зависимом положении от своих владельцев.

Таким образом, слова В.И. Ленина о том, что крестьянская реформа, буржуазная по характеру, была «крепостнической реформой», ибо ее проводили крепостники, в полной мере применимы к фактическому положению осетинского крестьянства после его «освобождения».

Феодальная знать и реформа

Крестьянскую реформу совершенно по-разному восприняли и оценили русские помещики и горские феодалы. В России реформа была проведена в классовых интересах помещиков, потому что, по словам В.И. Ленина, проводниками ее были помещики и самодержавное правительство. Часть помещиков «без всякого насилия прочувствовали и душой и сердцем» необходимость проведения реформы. Они «не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»³, ибо крестьянская реформа в России с логической неизбежностью вытекала из факта развития капитализма на русской почве. Это вполне понятно и естественно, если принять во внимание то важное обстоятельство, о котором далее говорил В.И. Ленин, что русские помещики под влиянием развивающегося отечественного капитализма, уступая в 1861 г. 1/1000 своих политических привилегий буржуазии..., экономически сами начинали превращаться в буржуазию, заводя винокуренные, свеклосахарные заводы, входя в правления акционерных обществ и т. д.»⁴.

В России это было обусловлено всем ходом социально-экономического и политического развития страны, осознанием правящими классами и самодержавным правительством абсолютной неизбежности отмены крепостного права. Реформа рассматривалась как «национальная», «государственная» задача, скорейшее решение которой должно было предотвратить массовое недовольство крестьян, «революционный взрыв» в стране. Крестьянская реформа обезвредила «пороховой погреб», заложенный под феодально-крепостническое государство.

По-другому поняли крестьянскую реформу горские феодалы. С самого

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 146, оп. 3, д. 1051, л. 98.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 165 об.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 7, оп. 8, д. 50, лл. 9–11.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 145.

начала реформы они несколько раз в самой категоричной форме ставили перед правительством требование «не распространять предстоящее освобождение холопьев на горских владельцев» и «холопьев, находящихся у некоторых лиц наших племен и состоящих единственно для услуг — не отбирать, ибо их в малом количестве и те совершенно обеспечены с нашей стороны»¹. Реформу осетинские феодалы встретили враждебно и остались после нее глубоко обиженными. Они расценили ее как «катастрофу», как угрозу их социальному существованию. Именно это обстоятельство после Кавказской войны окончательно привело к оформлению горской феодальной оппозиции царизму. В Осетии во всей полноте проявилась двойственность поведения осетинских феодалов по отношению к царскому правительству. Они, с одной стороны, шли навстречу царизму, чтобы получить от него землю, деньги, чины, упрочить свое привилегированное положение над народом. Но вместе с тем, они всегда были враждебны по отношению к царскому правительству, когда оно по тактическим соображениям ограничивало их монопольное положение в своих обществах, стесняло их. Недовольство особенно усилилось после крестьянской реформы. Дело дошло до того, что горские феодалы поставили перед правительством ультиматум. Или оно сохранит за ними холопов, вернет им землю и власть над ней, или они уйдут в Турцию и уведут с собой народ. Так ставила вопрос и часть осетинских феодалов.

Были ли у осетинских феодалов основания к недовольству, к проявлению с их стороны сепаратизма, существовали ли в Осетии объективные причины к оформлению алдаро-баделятской оппозиции по отношению к правительству, если принять во внимание, что царизм ориентировался на Кавказе на местную феодальную знать, считал ее всегда своей опорой и не упускал возможности «приласкать» ее? Да, были. Как и на всем Северном Кавказе, первые признаки отчужденности между правительством, его администрацией и горскими социальными верхами стали зримо проявляться после Кавказской войны. «После падения Шамиля, — читаем в дневниковой записи генерала Святополк-Мирского, — владельцы Терской области не могли не заметить разительной перемены в обращении с ними русских начальников. Вместо прежнего внимания и ласк оказались частая грубость, пренебрежение и неуместная строгость»². Это свидетельство одного из активных проводников правительственной политики — начальника Терской области, а затем помощника кавказского наместника. Теперь послушаем мнение представителей местных феодалов о настроениях горского населения и обстановке 60-х гг. «Со взятием в плен Шамиля, — писал И. Кануков, хорошо знавший настроения осетинского алдарства, — все горцы Кавказа почувствовали словно тесноту на родине... Между горским населением появилось какое-то беспокойное настроение. Еще больше встревожились, когда между ними пронесся слух, что правительство собирается отнимать земли, «освобождать рабов» и «лишить владельцев даровых рабочих рук»³.

Происшедшие изменения во всей военно-административной политике царизма ввергли одних в уныние и покорность, других в замешательство, а

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 145.

² Там же, л. 144.

³ «Кавказ», 1896, № 4170.

у третьих, по словам современника, «температура горской крови повысилась». Вступление в открытое противоборство с властью против этой новой политики не сулило горским феодалам никаких шансов на успех. Новая административно-полицейская власть поставила перед горским населением вопрос открыто: «полная покорность или неминуемая гибель ваша». Страх перед таким исходом не позволил протесту горских феодальных верхов перерасти в открытое выступление.

В Осетии, как во всей Терской области, недовольство мусульманской феодальной знати проявилось в попытке переселиться в «единоверную» Турцию. Движение в пользу такого переселения началось в 1859 г., и возглавили его дигорские бадеята из фамилии Тугановых и Абисаловых. В Тагаурии это переселение возглавили: алдары бывших гизельских аулов. Гизельским алдарам удалось вовлечь в переселение часть жителей аула Кардиусар — Кусовых и Козровых, у которых накануне восстания власти отняли аульную землю в пользу казачьих станиц. Изъявили желание переселиться в Турцию и жители аула Вольно-Магометановского, находившиеся под влиянием Абисаловых и Тугановых и страдавшие от малоземелья. Переселение в Турцию из Осетии повторилось в 1860 и 1861 г. В эти годы в Турцию стремилась наиболее консервативная, фанатически настроенная часть горских феодалов, то есть те, которые были наиболее рьяными противниками прогрессивных преобразований в экономике, идеологии и быту горцев¹.

«Отступничество» горских феодалов особенно ярко проявилось во время крестьянской реформы и после нее. Глубокие изменения, которые несла с собой реформа во всей аграрно-правовой жизни горцев, горскими крепостниками бойкотировались, отвергались. Уже во время проведения земельной реформы в Осетии поземельные права осетинских феодалов были сильно урезаны. Новая администрация по существу стала на путь отрицания их привилегированного положения. При этом она признавала, что уравнение алдаров и бадеят с фарсаглами и адамихатами в поземельных правах будет «явным нарушением многократных обещаний нашего правительства, даваемых алдарам» и неминуемо вызовет «законное недовольство с их стороны, в результате чего алдары окажутся не в нашей стороне». Алдарская оппозиция сама по себе не вызывала у представителей власти особых опасений, тем не менее Лорис-Меликов обратился к наместнику с ходатайством компенсировать алдарам их земельные потери в Осетии участками в Кубанской области. «В случае, если алдары не пожелают переселиться в Кубанскую область, — рассуждал Лорис-Меликов, — то они непременно, считая себя обиженными, останутся недовольными правительством, и быть может, некоторые из них, как это уже было, изъявят намерение переселиться в Турцию. Я полагаю, что препятствовать им в исполнении этого намерения отнюдь не следует»².

Земельная реформа в Осетии, несмотря на ее ограниченный характер, имела принципиальное значение, т. к. подрывала феодальные отношения на плоскости. Антифеодальный характер реформы проявился в том, что ею остались недовольны, главным образом, феодалы. «Объявление осетинам, — докладывал наместнику Лорис-Меликов, — решения их поземельного воп-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 143.

² Там же. Т. 22. С. 52.

роса имело на все население, за исключением 100 семейств алдаров и весьма немногих из их приближенных, самое благотворное влияние... Что же касается собственно алдаров, — продолжал начальник области, — то часть их, проникнутая более других духом исламизма, вероятно, уйдет в Турцию, чему я препятствовать не собираюсь»¹.

В 1865 г. алдары от предлагаемых в Кубанской области земель отказались. Алдары «тогда же окончательно разделились на две партии». Первая, под предводительством майора Крымсултана Дударова, твердо стояла на том, что нужно воздержаться от крайних мер. «Набраться терпения — правительство не оставит нас в беде», — таков был главный лозунг, которым руководствовалась эта группа. В нее входили редантские и балтийские Дударовы, Тулатовы из аула Беслан, Шанаевы и Алдатовы из Брута. На собраниях алдаров, созываемых в то время очень часто, члены этой группы убеждали всех, что пора бы положить конец разговорам в пользу переселения в Турцию. Особенно яростными противниками переселения были Крымсултан Дударов, братья Дзантемир и Гацыр Шанаевы.

Сторонниками ухода в Турцию были алдары, составившие вторую партию во главе с генералом Муссой Кундуховым. Группа Кундухова развернула «пламенную» агитацию среди осетин в пользу переселения в Турцию. Представители ее разъезжали по селам Осетии и вербовали охотников ухода в Турцию. Они подстрекали легковверных разного рода обещаниями, вроде того, что в Турции для них «отведены хорошие места для поселения, с готовыми домами, с казенными волами для работы, и что желающие поступить на турецкую службу будут приняты с хорошим жалованием»². Писатель Инал Кануков вспоминал: «К числу таких фанатиков присоединился и мой дядя. Ему вздумалось поднять охотников к переселению в Турцию и, как лицу влиятельному, ему удалось действительно завербовать многих, причем он побуждал их, говоря: «Нам теперь нечего делать здесь. Будут нас здесь притеснять, а в Стамбуле — нет». Отец отнекивался и не решался покинуть свою родину. «Что будешь делать, когда лучшие наши фамилии собираются в Стамбул? А разве ты не из лучших?»³

Общепризнанным лидером движения был Мусса Кундухов. Он олицетворял двойственную позицию осетинских феодалов. Пока правительство было к нему милостиво, жаловало его чинами, землей и деньгами, он был верным слугой царизма. Убежденный феодал-крепостник, горячий борец за феодальные привилегии алдаров и баделят — таков был генерал Мусса Кундухов. Недаром в последующие годы с его именем связывалось все, что было в Осетии реакционного, антинародного, говорилось, что все феодальные права — «выдумка Кундухова».

Когда Кундухов убедился, что крестьянская реформа в Осетии неизбежна и владельцы скоро лишатся своей земли и крепостных работников, он предпочел порвать связи с царским правительством и бежать в Турцию, увлекая туда и своих единомышленников. Земельная реформа непосредственно коснулась М. Кундухова и двух его братьев. Когда встал вопрос о введении в Осетии общинного землепользования, то комиссия Кодзокова

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 268, л. 16.

² Архив СОНИИ, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 6.

³ Кануков И. Горцы-переселенцы. — «Сборник сведений о Кавказских горцах». Тифлис. 1876, вып. IX. С. 84.

включила в число общинных земель 2800 дес. пахотной и сенокосной земли и более 400 дес. леса М. Кундухова. Однако ему удалось тогда отстоять их. Выручали высокое положение и генеральский чин. В одном доверительном письме генералу Евдокимову Кундухов писал: «Милостивый государь Николай Иванович! Имея счастье начать службу на военном поприще под лестным начальством вашего превосходительства и пользоваться милостивым расположением вашим в продолжение многих лет, я привык к мысли считать вас своим благодетелем. Я в полной уверенности, что настоящим положением в обществе и дарованными мне отличиями я обязан единственно отеческой заботливости обо мне»¹. Далее автор письма убеждал начальника области в законности своих прав на вечное и потомственное владение вышеуказанными землями. Он просил своего «благодетеля»: «Примите во мне еще раз участие и прикажите кому следует не уравнивать меня в правах на земельную собственность с прочими владельцами». «Права мои так сильны и справедливы, что в удовлетворении просьбы моей не может предостоять ни малейшего затруднения»².

Какой ответ получил Кундухов — нам неизвестно. Зато мы обнаружили секретное письмо Евдокимова Лорис-Меликову: «Хотя права господина Кундухова на землю Скут-Кох и могут быть оспариваемы, — говорилось в нем, — но я со своей стороны теперь считал бы справедливым при отчуждении этих земель вознаградить владельца их соответственным количеством земли в Ставропольской губернии»³. Муссу Кундухова не устраивало и такое решение вопроса. Прибыв в Тифлис осенью 1864 г., он лично обратился с просьбой к великому князю о заступничестве. Вскоре начальник Терской области получил предписание, в котором кавказский наместник предлагал ему оставить за генералом Кундуховым его поместья с выдачей ему законного акта. «Как бы ни были шатки права генерала Кундухова на земли, — говорилось в этом предписании, — но с лишком 20-летнее владение им этою землею, в силу того ошибочного распоряжения, которым земли отведены ему в полное потомственное владение, затраченный им на постройку на ней замка и дома и на разные хозяйственные обзаведения капитал, и наконец, самое служебное положение генерал-майора Кундухова дают ему право на особенное в этом отношении внимание»⁴.

Хотя Кундухову и удалось отстоять свои земли, он не мог не заметить те перемены, которые произошли в отношении к нему в высших административных кругах. Именно тогда, по свидетельству самого Лорис-Меликова, он заявил, что «остаться здесь после пережитого значило бы обречь себя на пожизненную пытку»⁵. «Сильнее, чем другие алдары, Кундухов решил искать убежище в Турции. Кто знает крайне самолюбивый и щекотливый его нрав, тот не может не согласиться в основательности приведенного выше довода»⁶, — писал Лорис-Меликов. Переоценка руководящими кругами личности Кундухова объяснялась прежде всего «той внушительной популярно-

¹ Тотоев М. С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 82.

² ЦГА СО АССР, ф. 255, оп. 1, д. 5, л. 113 об.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1319, л. 88.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 5, д. 29, л. 47 об.

⁵ Кануков И. Указ. соч., с. 86.

⁶ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 7, д. 5177, л. 118.

стью среди оппозиционных партий», которую он приобрел в 60-е гг. В своих секретных донесениях в Тифлис Лорис-Меликов высказывал опасение, что «этот переходный период в жизни горцев заставляет меня особенно зорко следить за каждым и быть готовым во всякое время предупредить или истребить беспорядок, тем более возможный, что в виду поднятых и разрешаемых в Кабарде, Осетии, Чечне, Ингушетии и Кумыкском округе земельных вопросов, клонящихся к полному обновлению народной жизни, должны были в этих частях области образоваться партии недовольных, теряющих при означенном перевороте часть прав своих»¹. Мусса Кундухов «при всех его способностях, при знании края, связях и той внушительной популярности, которой он пользуется в туземном населении, имеет возможности, ежели и не существенные, вредить нашим интересам, то, во всяком случае, подать повод к серьезным опасениям за сохранение внутреннего спокойствия Терской области»².

Опасения местных органов власти были не беспочвенными. Правительственные агенты, зорко следившие за деятельностью Кундухова, доносили, что прямых фактов, уличающих его в антиправительственных действиях, нет, хотя достоверно известно, что его дом в Скут-Кохе, на стыке четырех главных округов области, был тогда превращен в его постоянную резиденцию, где «в любое время суток были принимаемы хозяином и его братом Афако неизвестные люди под видом родственников»³. По свидетельству тех же агентов, генерал Кундухов стал общепризнанным «лидером всего иждовленного элемента».

Больше всего областная администрация опасалась, как бы Кундухов, занимая должность начальника «самого беспокойного» Чеченского округа, не водил «нас за нос». По словам самого Лорис-Меликова, население этого округа «сохраняло возможность к сильному сопротивлению, и в умах этого народа зрел всеобщий бунт».

В известном донесении Лорис-Меликова в штаб Кавказской армии от 15 апреля 1865 г. относительно Кундухова говорится, что он «или находится сам в полном заблуждении относительно настроения туземцев, что допустить трудно при его близком знакомстве с духом и наклонностями здешнего населения, или же он, умышленно обманывая нас, намерен произвести общее на Восточном Кавказе восстание, чтобы самому стать во главе его. Но предположить последнее я нахожу совершенно невозможным, так как рассчитывать держаться во главе восстания, даже при самых благоприятных обстоятельствах, более двух лет против тех сил, которыми мы можем в настоящее время располагать, было бы верхом безумия. Но генерала Кундухова в недостатке ума упрекнуть нельзя, точно так же нельзя отвергать, что и со стороны честолюбия ему гораздо выгоднее стать главой переселенцев в Турцию, чем кратковременным вождем восстания на Кавказе»⁴. Таким образом, присутствие генерала Кундухова в пределах Терской области для царской администрации становилось более чем нежела-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 7, д. 5177, л. 119.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 15.

³ Там же, л. 2.

⁴ Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. (Материалы по истории горских народов). Ростов-Дон. 1925, с. 67.

тельным. Предполагалось перевести его по службе в Россию, а сам он намеревался переселиться с семьей в Одессу.

Само собою разумеется, что в этих условиях обращение Кундухова к начальнику области с просьбой разрешить ему уволиться со службы и переселиться с семьей и родственниками в Турцию было встречено с радостью. Кундухов обещал при этом, что вызовет и непосредственно возглавит переселение от 3 до 5 тыс. семейств горцев и в их числе до 3 тыс. семейств чеченцев и караулаков. «Предложение генерала Кундухова, – сообщал он в штаб армии, – по личному моему мнению, имеет для нас особую важность, и, если ему удастся привести его в исполнение, то он бесспорно окажет нам огромную услугу, даже в том случае, если переселение состоится в меньших гораздо размерах, чем он предполагает. При настоящем недостатке земель в области и тех заботах, которые вызываются положением туземного населения в крае, выход всяких ста семей, к какому бы племени они не принадлежали..., будут уже для нас облегчением»¹.

Переселение горцев Северного Кавказа в Турцию – явление сложное. В нем прежде всего переплетались интересы как царского правительства, так и Турции, Англии и Франции. Правящие круги султанской Турции, Англии и Франции в 50–60-е гг. наводнили своими агентами различные районы Северного Кавказа, которые развернули среди горцев широкую антироссийскую пропаганду. После Кавказской войны деятельность англотурецких агентов здесь была в основном направлена на то, чтобы «возбуждать» массы горского населения к переселению в Турцию. «Горцы-мусульмане, – говорилось в одном из многочисленных фирманов турецкого султана, – берите ваши семейства и все необходимые вещи и переходите под мое покровительство..., мое правительство заботится о постройке для вас дома и весь народ принимает в этом деятельное участие денежными пожертвованиями... Встретим и устроим вас. Я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность»². Турецкое правительство хотело использовать горцев как военную силу в борьбе против России, поэтому оно стремилось расселить переселенцев на территории азиатской Турции, вдоль всей границы с Россией. Оно мечтало образовать из них военную колонию для турецкой армии. И действительно, турецкое правительство в сентябре 1865 г. издало приказ о сформировании из горцев-переселенцев воинских частей³.

Царизм же преследовал этим переселением две принципиально важные для него цели: избавиться на Северном Кавказе от «недовольного» и «враждебного» элемента и, наконец, облегчить себе разрешение земельного вопроса, особенно обострившегося в крае в конце 50–60-х годов.

Сепаратистские стремления горских феодалов особенно ярко проявились после того, как царская администрация объявила им о намерении правительства освободить от крепостной зависимости крестьян. По мере приближения этого «освобождения» среди них усиливалось стремление покинуть Россию и переселением в Турцию со своими холопами сохранить свое феодальное существование. Чтобы увлечь за собой подвластные ей массы населения, реакционная мусульманская знать развернула в народе

¹ Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. (Материалы по истории горских народов). Ростов-Дон. 1925. С. 67.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 49.

бурную агитацию за переселение в Турцию под флагом сохранения «религии отцов». При этом «протестующие феодальные верхи» умело использовали недовольство населения порядками в политике царизма после Кавказской войны. Нельзя не согласиться с профессором Б.В. Скитским, писавшим, что «тут была использована и боязнь солдатчины, налогов, ссылки в Сибирь, насильственное обращение в православие, тут было и легковерие — вера в счастливую жизнь в единой верной Турции»¹.

1866 и 1867 г. считаются апогеем переселенческого движения в Турцию. Это годы, когда проходила практическая отмена крепостного права на Северном Кавказе. Основной контингент переселенцев дал Восточный Кавказ и, в особенности, Чечня, Кабарда, Ингушетия и Осетия. Переселение возглавили генерал Мусса Кудухов и вся недовольная крестьянской реформой реакционная мусульманская знать. Им был занят целый ряд министерств и других правительственных ведомств.

Не останавливаясь на деталях подготовки и проведения самого переселения, считаем необходимым отметить, что движение в Турцию не нашло сколько-нибудь широкого отклика в простом народе. Даже те крестьяне, которые невольно были вовлечены в поток этого переселения, никак не хотели «навсегда» покинуть родину и решились на этот шаг действительно лишь под «сильным давлением владельцев или влиятельных родственников». Кудухов жаловался, что «бедный люд не желает переселяться, заявляя, что в Турции ждет его смерть». «Это были не только одни слова, — вторил ему Лорис-Меликов. — Народ действительно не желает переселиться, понимая хорошо, что его ждет там... И вообще, он слишком беден, чтобы решиться на это»².

Таким образом, бегство в Турцию, получившее среди недовольной горской феодальной знати широкое распространение, как своеобразная форма протеста против результатов крестьянской реформы, не нашло поддержки в народе. Горское крестьянство, действительно оставшееся глубоко недовольным реформой, предпочло другие формы протеста и борьбы. Это недовольство горцев социально-экономической политикой царизма на Северном Кавказе выразилось не в бегстве из России, а, напротив, в еще большем сближении с ней, с ее народом и усилением вместе с ним антиколониальной и антифеодальной борьбы.

В продолжение всей реформы неукоснительно выполнялось указание кавказского наместника: «Улучшить быт одного сословия с наименьшими, по возможности, потерями для другого». Чиновники, проводившие реформы на Северном Кавказе, что называется, лезли из кожи вон, чтобы строго соблюсти интересы горских феодалов. И тем не менее, реформа вызвала их резкое недовольство. В различных обществах возникли оппозиционные правительству феодальные группировки.

На первых порах краевые власти не хотели признавать в этой оппозиции потенциальной опасности, ибо этот «недовольный и возбужденный элемент в туземной среде, — писал в 1866 г. Лорис-Меликов, — после того, как простой народ получает обеспечение землею и повсеместно высказывает признательность правительству, не составляет угрозу нашим успехам в

¹ Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. (Материалы по истории горских народов). Ростов-Дон. 1925. С. 64.

² Там же. С. 49.

окончательном умиротворении страны»¹. По убеждению правительственных чиновников, недовольными реформой остались лишь только отдельные «фанатично настроенные элементы». Сепаратизм же горских феодалов, «волнения их умов и страстей» они рассматривали не более как проявление в новых условиях «прежних их шалостей».

Однако такое пренебрежительное отношение к горской феодальной аристократии было недальновидным.

Дело в том, что в конце 60-х гг. в горских обществах развернулось с новой силой мощное антифеодальное и антиколонияльное движение. Правительственные чиновники глубоко заблуждалась, утверждая, что горский трудовой народ остался «весьма признательным за реформу». Народ вышел из крестьянской реформы забитым, обобранным, приниженным. Значительная часть его была посажена на «голодный земельный надел», а другая часть была «освобождена» вовсе без земли. Особенно ухудшилось экономическое и правовое положение народа после обложения его тяжелыми государственными податями и значительного усиления карательно-полицейских функций местной власти.

В условиях нового, действительно небывалого роста классовой борьбы горского крестьянства царская администрация, как говорится, оказалась между молотом и наковальней. Для нее возникла опасность объединения крестьянской борьбы под знаменем феодальной оппозиции. Чиновники с мест все чаще доносили, например, начальнику Терской области, что «отдельные бывшие влиятельные в народе люди распускают вздорные слухи, подбивая его на антиправительственные выступления»². Такой блок двух враждебных сил в горских обществах, по мнению кавказских властей, действительно мог «значительно осложнить положение» в крае, а потому нужно было срочно отвести опасность создания такого союза. Из Тифлиса поступил циркуляр, в котором, в частности, предписывалось: «Утверждать в крае нашу волю не отделением, а приближением к себе туземных владельцев, покровительством их прав»³. Кавказский наместник указывал начальникам северокавказских областей, чтобы они «всемерно оказывали внимание и заботу местным владельцам»⁴.

Начальник Терской области в 1869 г., собрав к себе всех начальников округов, объяснил им «твердую волю правительства». Он наставлял их «всенародно объявить владельцам, что между ними существует неосновательное убеждение, будто правительство даровало свободу крепостным в ущерб их владельцам... Внушите также им, что правительство отнюдь не собирается отказываться от милостей им на будущее время»⁵.

Администрацию беспокоило и то обстоятельство, что класс феодалов, оказавшись совершенно в новых хозяйственно-бытовых условиях после крестьянской реформы, неумело и очень медленно приспособлялся к этим условиям. Многие из феодальных владельцев разорялись, хозяйства их пришли в упадок.

¹ Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. (Материалы по истории горских народов). Ростов-Дон. 1925. С. 64.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 69—70.

⁵ Там же. С. 83.

В октябре 1869 г. Лорис-Меликов потребовал от начальников Осетинского и Кабардинского округов составить обстоятельный доклад о современном экономическом и правовом положении осетинских и кабардинских привилегированных классов. «Одним словом, – заключал начальник области, – сообщить свои соображения, каким образом отстранить невыгодные последствия, происходящие от неудовольствия владельцев при освобождении их крепостных»¹. Начальник области не скрывал, что его больше всего занимает судьба тагаурских алдаров, «понесших особенно большие потери за последние годы».

Вскоре в управление начальника области действительно поступила докладная записка от полковника Эглау и председателя комиссии Кодзокова. Авторы докладной призывали высшие власти принять безотлагательные меры по спасению привилегированных сословий от неминуемой деградации. «Привилегированные классы, – говорилось в ней, – потеряли свои преимущества с прекращением сословной зависимости. И это поставило их в самое жалкое положение среди своих односельчан, которые своею численностью и вновь приобретенными правами, материальной личной свободой и умением добывать себе средства к жизни собственным трудом не замедлят выказать свои преимущества над прежними господствующими классами, если только последние вскоре поддержаны не будут теми немногими отличиями, которые могут им представить приравнение их к привилегированным сословиям государства... Если же такая мера, – предупреждали авторы записки, – не получит в скором времени осуществления, или она замедлится, лица высшего сословия Осетии и в целом Северного Кавказа силою обстоятельств низойдут весьма быстро к упадку и нищете»².

Срочно был разработан целый комплекс мероприятий по оздоровлению и развитию хозяйственной жизни горских феодалов. В частности, по ходатайству окружного и областного начальства некоторым из них казна должна была отпустить ссуду. Им обещали также, что в ближайшее время будет учреждена особая правительственная комиссия, которая завершит разбор их сословных прав и достойных возведет в ранг русского дворянства. По существу, речь шла не о возрождении горского феодализма в прежнем его виде, а о создании «нового-класса частных землевладельцев, которые бы изъявили готовность сотрудничать с правительством в хозяйственном освоении богатого края». Как заявлял Лорис-Меликов, он «сам был исключительно занят этим вопросом».

Одним из первых, кто испытал заботу правительства на себе, были действительно тагаурские алдары. Уже в 1869 г. администрация снова решила вернуться к вопросу о награждении алдаров землей в Кубанской области, не связывая это ни с какими условиями для последних. Идею эту выдвинул сам начальник области. По его ходатайству кавказский наместник решил выделить в Кубанской области 9 тыс. дес. «для улучшения поземельного быта осетинских алдаров». Наместник при этом напомнил Лорис-Меликову, что такого же внимания правительства следует удостоить и некоторых кабардинских владельцев: полк. Тамбиева, подполк. Атажукина и Анзорова, майора Астемира. В надел этих последних было выделено 6 тыс. дес.

¹ ГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1115, л. 1.

² «Кавказ», 1866, 21 июня, № 47.

Тагаурские алдары были собраны во Владикавказе, и «сам начальник области объявил им об этой монаршей милости», «не обуславливая этот надел в Кубанском области переселением в те края¹. Одновременно Лорис-Меликов сделал запрос в комиссию Кодзокова: как она думает распределить между алдарами вышеозначенную землю. В Кубанскую область была отправлена группа землемеров, которая должна была обозначить границы выделяемой алдарам земли и снять ее на карту.

По проекту Кодзокова 9 тыс. дес. должны были быть разделены между алдарами поровну. В специальном приложении к проекту комиссия представила список тагаурских алдаров, между которыми должна была быть разделена эта земля. В нем 133 семейства – 67 дес. на семью. Кодзоков настаивал на том, чтобы алдаров не делить на группы или категории – все в одинаковой степени нуждаются в помощи. «Нет алдара, – писал он, – который по каким бы то ни было обстоятельствам не нуждался и не ожидал милости от правительства»².

Проект комиссии был отклонен начальником области. Отвечая Кодзокову, Лорис-Меликов в ноябре 1870 г. писал, что когда он испрашивал у наместника земли в Кубанской области, то имел в виду вовсе не всех тагаурских алдаров, «а только некоторых из них, наиболее почетных и заслуженных». Да и в приказе главнокомандующего, продолжал Лорис-Меликов, этот принцип особенно указан: «Земля в Зеленчукском округе предназначается для надела некоторых из наиболее почетных тагаурских алдаров». По мнению начальника области, к таким лицам можно было бы отнести, во-первых, получивших раны и увечья в делах против неприятеля, и тех, отцы которых были убиты или умерли от ран, полученных в сражениях, во-вторых, служивших с отличием по народным управлениям: пребывание несколько сроков в качестве депутатов народного и участкового судов или в должности участковых начальников и, в-третьих, пользующихся уважением у правительства»³.

Составление новых списков затянулось надолго. Оно целиком заняло окружное управление и комиссию Кодзокова. В продолжение нескольких месяцев в 1870 и 1871 г. шли бесконечные заседания комиссии, причем, на многих из них председательствовал сам Лорис-Меликов. Комиссия составляла списки и тут же отклоняла их. Так, было составлено, по крайней мере, 11 вариантов этих списков. Собирала и уточняла заслуги каждого алдара и его предков (до третьего поколения) перед правительством. Дело осложнялось тем, что в комиссии без конца подавались от алдаров свидетельства (устные и письменные) о заслугах того или иного алдарского рода. Очень много подавалось также анонимных писем, в которых сообщались факты, порочащие в глазах администрации тех или иных алдаров. По свидетельству современника, «каждый алдар лез на стенку, чтобы показать перед комиссией свои особые права».

Наконец, окончательный вариант списков был принят комиссией и утвержден начальником области. В них значилось 88 человек, исключительно

¹ Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1946, с. 171.

² Дзагуров Г. А. Указ. соч. С. 60.

³ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 5, л. 109.

из 10 алдарских фамилий. Против каждого из них указывался размер участка в Кубанской области, давалась краткая запись, в которой перечислялись его заслуги перед правительством. Все лица, включенные в эти списки, получали одинаковые участки – 92 дес. Лишь девять из них удостоивались участков в размере 200 дес. Пофамильно эти земельные наделы выразились: Алдатовым отводилось 1043 дес., Дударовым – 1687 дес., Есеповым – 184 дес., Жантиевым – 275 дес., Кануковым – 1119 дес., Кундуховым – 367 дес., Мамсуровым – 475 дес., Тхостовым – 859 дес., Тугановым – 1379 дес. и Шанаевым – 1487 дес.¹

Осенью 1871 г. комиссия предложила алдарам выслать из своей среды трех депутатов в Кубанскую область, которые должны были получить вышеозначенную землю и до официального распределения ее на 88 участков управлять ею и получать от нее доход. Алдары уполномочили отставного подполковника Знаура Тхостова, Елбуздуко Жантиева и Татаркана Шанаева, однако дело с посылкой их в Зеленчукский округ, по неизвестным причинам, затянулось. Летом 1872 г. тагаурские алдары подали коллективное прошение помощнику начальника области генералу Стрекалову. Они просили его ускорить разрешение данного вопроса. «Неизвестность, — писали они, — давит душу, ставит нас в безвыходное положение, потому что различного рода разговоры об этой земле приводят наше общество к ложным и вместе с тем весьма неприятным толкам и столкновениям».² Однако, как свидетельствуют документы, только в 1874 г. алдары получили эту землю. Именно в этом году состоялось «высочайшее государя императора соизволение о пожаловании некоторым тагаурским алдарам участков земли в Кубанской области»³.

Никто из алдаров Тулатовых не был награжден землей на Кубани. Так распорядился Лорис-Меликов, да таково было желание и самих Тулатовых. Вместо этой земли начальник области обещал исходатайствовать Тулатовым у главнокомандующего их родовые земли в горах и аул Нижний Кобан, конфискованные у них в 1830 г. Тулатовы, начиная с 1838 г., более семи раз ставили перед правительством этот вопрос.

Последнюю попытку вернуть аул Н. Кобан и земли Тулатовы сделали в 1864 г. Просьба была подана начальнику области через комиссию Кодзокова⁴. Председатель комиссии поддержал ходатайство алдаров, но начальник области «не нашел справедливым» ни просьбу Тулатовых, ни ходатайство Кодзокова за них, «ибо взамен земель в горах жителям бывшего аула Кобан в числе 81 двора было предоставлен надел на плоскости 3 200 дес., что совершенно должно было вознаградить их за отнятые земли в горах»⁵. Через пять лет Лорис-Меликов вновь вернулся к этому вопросу. В 1871 г. он предписал начальнику Осетинского округа и председателю комиссии привести земли в Н. Кобане в известность и затем представить ему соображения о том, считают ли они нужным до землеустройства нагорной полосы предоставить кобанские земли Тулатовым. Полковник Эглау с Ко-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3310, л. 98.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1254, л. 5.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 154.

⁵ Там же, л. 158 об.

дзоковым донесли, что аул Нижний Кобан составляет горную местность, перерезанную глубокими и крутыми оврагами. Она окружена с трех сторон старыми пахотными землями. Покосные места и пастбища находятся от аула на севере за крутою и скалистою возвышенностью, недоступной для колесного сообщения. Лесу много, но для постройки его мало. До 1830 г. аул Н. Кобан выглядел так: на западной границе располагались дома Тулатовых-Бтаевых, ниже, через балку – усадьбы Тулатовых-Аспиевых, еще ниже, через балку же – жилища Тулатовых-Аликовых. Всего в ауле до 1830 г. проживало до 130 семейств – Тулатовы и их подвластные. Размер аульной земли 2880 дес. и столько же леса.

Начальник округа и председатель комиссии доносили, что алдарская фамилия Тулатовых, «некогда весьма сильная и влиятельная, ныне пришла в крайний упадок». И тем не менее они считали, что возвращать «тулатовским владельцам эту землю как родовую их собственность» не стоит, а лишь «принимая во внимание заслуги, оказанные некоторыми уже умершими Тулатовыми в боевое время Кавказа, личные заслуги некоторых членов этой фамилии, находящихся теперь в живых, а равно и то, что есть такие Тулатовы, которые до сих пор еще не наделены от правительства землей, полагали бы справедливым нижекобанскую землю отдать Тулатовым в награду за заслуги отдельных членов-этой фамилии»¹. Эглау и Коздзов советовали начальнику области при наделении Тулатовых землей Н. Кобана разделить алдаров на три раздела: к первому отнести тех Тулатовых, которые имеют личные заслуги перед правительством, ко второму – по происхождению и заслугам предков и к третьему – не имеющих вовсе заслуг, но совсем не имеющих земельного надела.

Лорис-Меликов хотя и согласился с этим, но предписал начальнику округа собрать всех Тулатовых и предложить им два варианта раздела между ними вышеназначенной земли – отдать им всю нижекобанскую землю в одно усадьбенное пользование, или разделить ее между ними по принципу, «кому больше, а кому меньше». На собрании алдары не пришли к единому мнению. Усадьбенное пользование землей всеми Тулатовыми было отвергнуто, «вследствие неуживчивости алдар». Аликовы-Тулатовы² и Бтаевы-Тулатовы настаивали на разделении кобанской земли по заслугам их отцов, Аспиевы-Тулатовы же считали кобанскую землю исключительным владением одного их рода – Аспиевых. По их мнению, Аликовы и Бтаевы давно потеряли всякое право на эту землю, так как переселились на плоскость еще до 1830 г. и взамен получили здесь землю в размере 6200 дес., на которой основали свой, Бесланов аул еще в 1825 г.

Однако, какими бы решительными ни были заявления Аспиевых, кобанскую землю местная администрация возвратила всем Тулатовым не как родовую их собственность, а как «особый дар во внимание постоянной примерной преданности их правительству, отличных заслуг, одновременно оказанных членами этой фамилии, из которой и в настоящее время многие с похвалою служат в различных должностях»³. В 1873 г. кобанская земля была разделена на три участка: 700 дес. – Бтаевым, 500 дес. – Аспиевым и 1680 дес. – Аликовым. Говоря о кобанской земле, следует отметить, что

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 4, д. 108, лл. 66–66 об.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 615, л. 143.

³ Там же, л. 89

при разделе ее между алдарами правительство совершенно не брало в расчет интересы других жителей аула Н. Кобан. Бывшие жители этого аула, изгнанные генералом Абхазовым в 1830 г., неоднократно указывали администрации, что кобанская земля принадлежала не только Тулатовым, что после выселения их генералом Абхазовым и они оставили там принадлежащие им родовые земли. Они просили поэтому при возвращении этой земли прежним владельцам соблюсти и их интересы. За семь лет бывшими подвластными Тулатовых было подано более двух десятков прошений. В последнем из них в 1873 г. потомки бывших кобанцев писали начальнику области: «Мы, хотя люди темные, не имеющие никаких ходатаев из числа цивилизованных господ, во всяком случае, полагаем, что не должны лишиться издревле принадлежавшей нашим предкам отцовской наследственности наравне с Тулатовыми»¹. Однако все их справедливые претензии на кобанскую землю «как бездоказательные оставлены без последствий».

В начале 70-х гг. такой же правительственной милости, как Тулатовы, были удостоены и алдары Дударовы. По ходатайству Лорис-Меликова, Дударовым были возвращены чмийские, балтинские и редантские земли в размере 3600 дес. пахоты, сенокоса и пастбищ, а также 2000 дес. леса². Спор за эти земли между правительством и Дударовыми имел давнишнюю историю. Возник он еще в начале XIX в. Дударовы доказывали, что означенные земли — суть исконно родовые их владения и они имеют на них наследственные права. «До утверждения русского правительства на Кавказе, — неоднократно доказывали они различным правительственным комиссиям, — с незапамятных времен фамилия Дударовых как древняя дворянская и первенствующая между другими алдарскими фамилиями владела землями, лежащими на нынешней Военно-Грузинской дороге, от Дарьяла до Владикавказа... Владея этими землями, Дударовы пользовались с излишеством всеми выгодами от поземельной собственности: они содержали стада, имели хлебопашество и, дозволяя поселяться на своих землях посторонним людям, обязывали возделывать землю, производить разные работы и платить подати. Выгоды эти Дударовы не разделяли ни с одною фамилиею, так что без разрешения Дударовых никто не мог производить на землях их ни малейшей работы для своей пользы»³.

Местные правительственные органы объявляли эти земли казенными. Основанием для этого являлось то обстоятельство, что вся плоскостная земля Осетии, в том числе редантская и балтинская, принадлежавшие раньше кабардинским князьям, завоевана правительством силою оружия, а потому по законам войны она перешла в собственность правительства. Что же касается чмийской земли, то, хотя она и составляла родовую собственность дударовских владельцев, но за участие жителей аула Чми в восстании 1830 г. правительство конфисковало ее у Дударовых, а жителей переселило на плоскость. «Дударовы же, — утверждали местные начальники, — как и все горские фамилии, доказательства на владение землею основывают собственнно на одних словесных показаниях старожилов, не имея никаких письменных на то фактов»⁴. Дударовы об этих своих правах на озна-

¹ Там же, л. 98.

² Там же, лл. 139—143.

³ Там же, л. 144.

⁴ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 314, л. 3.

ченные земли заявляли почти во всех комиссиях и комитетах, работавших во Владикавказе в 40—70-е гг. Комитет Нестерова эти права признал, комиссия Вревского, наоборот, их отрицала; зато комитет Кундухова полностью встал на сторону Дударовых и просил администрацию выдать Дударовым акт на владение этими землями. Кундухов обвинял Вревского за то, что он якобы «о дударовских землях делал голословные утверждения по доносам фарсаглагов, имевших ссору с Дударовыми». Комиссия Кодзокова, также обсуждавшая судьбу Дарьяльских земель, вначале категорически отвергла домогательства Дударовых, «ибо факты, на которых основывают свои представления Дударовы,— писал в 1886 г. Кодзоков, — не могут быть приняты не только за достоверные, но совершенно лишены смысла». Его комиссия предложила закрепить редантские, балтинские, чмийские и ларские земли за Владикавказом, чтобы взамен комиссия получила землю в таком же количестве на правом берегу Терека для наделения осетин, не имеющих земли совсем. Однако в 1869 г. комиссия Кодзокова вновь вернулась к обсуждению этого предмета. Учитывая новую установку административных властей по вопросу об оказании необходимой материальной и моральной помощи тагаурским алдарам, она согласилась вернуть Дударовым вышеупомянутые земли, исключая только из них участок в размере 700 дес. городу Владикавказу. И опять развернулась дискуссия — кому из Дударовых сколько прирезать из этих земель. Дударовы, так же, как Тулатовы, разделились на четыре большие группы: ларские Дударовы, чмийские, балтинские и редантские. Лидером ларской группы был полковник Александр Дударов, чмийской — генерал-майор Магомет Дударов, балтинских и редантских возглавлял подполковник Крымсултан Дударов. Вопрос об этих землях крайне обострил отношения между алдарями. По свидетельству начальника округа, «Дударовы стали между собой объясняться языком оружия».

Земля была разделена в 1875 г. на три части. Больше других досталось земли Дударовым из Балты и Реданта. Чтобы отклонить недовольство других Дударовых, областное начальство обещало возбудить ходатайство перед наместником и о возвращении им земли Ларской крепости в размере 6045 дес. удобной и неудобной земли, а генералу М. Дударову еще накануне, в 1874 г, был отмежеван на плоскости в частное его владение участок в 750 дес. между сел. Хумалагом и Бесланом. Была проявлена забота и о дигорских баделятах. Осенью 1870 г. Кодзоков доносил Лорис-Меликову, что в бытность его в Дигории ему «несколько раз тамошние баделята высказывали свою обиду». В то время, говорили ему дигорские феодалы, когда областное начальство «ласкает тагаурцев и заботится о них, мы остаемся в стороне и о нас забыли». Председатель сословно-поземельной комиссии советовал Лорис-Меликову поддержать и дигорских землевладельцев.

Забота администрации о дигорских баделятах проявилась, во-первых, в том, что она не стала принуждать к обязательному выселению из баделятских аулов тех безземельных крестьян, которые после реформы вышли из зависимости. Крестьяне эти, хотя и стали лично свободными, но в силу их совершенного безземелья продолжали оставаться в полной экономической зависимости у баделят. Дигорские землевладельцы по своему произволу грабили и эксплуатировали их. Кубатиевы, например, в 70—80-е гг. взыскивали со всех проживавших на их землях безземельных жителей Кора, Синдзикау и Урсдона в числе 98 дворов 3 руб. со двора за усадьбное место, за

надел 1 дес. под посев пшеницы – 5 руб., под посев кукурузы – тоже 5 руб., под сенокос – 3 руб. За выпас на земле Кубатиевых – за 100 овец по 4 руб. Кубатиевские помещики запрещали крестьянам строить на р. Урсдон мельницы, объявляя и ее своей собственностью, поэтому жители вынуждены были молотить зерно в господских мельницах за дорогую цену – с 1 меры помещики взыскивали 1/5 часть. До конца XIX в. эти безземельные крестьяне не были наделены землей, поэтому «принуждены были сидеть на бадейлятских землях». Во-вторых, плоскостные Кубатиевы и Тугановы просили начальство поддержать их претензии на предгорные пастбищные и лесные поляны «Сопр», «Фадау», «Кет» и «Секер». Они навязали тяжелый спор за эти поляны жителям горных аулов. В 1883 г. три из этих полян высшая краевая администрация, по ходатайству местных властей, признала за Кубатиевыми и Тугановыми. Так, к имеющимся у них на плоскости большим земельным массивам было прирезано еще около 3 тыс. предгорной земли.

Признание правительством предгорных полян за плоскостными землевладельцами породило сильное недовольство со стороны горных феодалов. В горах они за высокие цены продали свои земли и в конце 60-х гг. переселились на плоскость. Живя здесь у своих родственников, бывшие горные владельцы стали требовать у окружной и областной администрации земельные наделы «наравне с тагаурскими алдарами»¹. Во время «инспекционной поездки» помощника начальника области генерала Свистунова по Владикавказскому округу в 1874 г. ему было подано от горных феодалов коллективное прошение. Обсуждая это прошение, комиссия Кодзокова предложила областной администрации два варианта: или наделить просителей земель на общинных началах в тех аулах, где они временно проживают, или отвести им земельные наделы за р. Урух в урочище «Секер» с безземельными хехесами. Комиссия решительно возражала против наделения 26 дворов горных феодалов земель в частную собственность, так как «свои горные земли, будучи дорого ценимы, ими проданы подвластным кумаягам и разного наименования прежним крепостным»². По мнению председателя комиссии, у них нет никакого основания получить на плоскости участки. Конечно, писал он, «освобождение рабов составило для горных рабовладельцев большую имущественную утрату и изменило совершенно их быт, потребовав от праздных дотоле людей прямого личного труда, но и в этом случае правительство сделало все, что могло, и многим из беднейших рабовладельцев назначило денежное вспомоществование»³. Начальник области, хотя и признавал доводы комиссии «основательными», но тем не менее решил «изыскать возможности для оказания необходимой помощи просителям». Через три года 22 двора дигорских горных бадейлят, царгасат и гагуат получили земельные наделы от 100 до 150 дес. на двор в Кубанской области⁴.

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1217, л. 45.

² Там же, л. 35.

³ Там же, л. 51.

⁴ Предстоящий раздел ниже-кобанской земли резко обострил отношения между Тулатовыми, вследствие чего эта фамилия распалась на три колена (рода): на Аликовых – потомки Алика Тулатова, Бтаевых – потомки Бта Тулатова и Аспиевых – потомки Аспи Тулатова. Каждый род выставлял начальству свои «особые» перед другими заслуги.

Помощь правительства и его местной власти горскому феодальному классу после крестьянской реформы не ограничивалась раздачей последнему земельных участков и крупных денежных ссуд. Наряду с этими мерами значительная работа проводилась кавказской администрацией по уравниванию их в сословных правах с русскими помещиками. Бывшие владельцы жаждали известных сословных вознаграждений. Для этого с января 1870 г. комиссия Кодзокова была преобразована в чисто сословную комиссию Кубанской и Терской областей. Она и должна была решить эту задачу.

В 1872 г. сословная комиссия представила начальнику Терской области результаты своей деятельности по области, а в 1874 г. начальнику Кубанской области. Начальники областей со своими замечаниями представили материалы в Главное управление наместника Кавказа. Комиссия внесла предложение утвердить в потомственном дворянском достоинстве ряд сословий. По Осетии в русское дворянство возводились баделята, царгасата, гагуата и алдары. Однако выводы и рекомендации комиссии вызвали широкие дискуссии как в правительственных кругах, так и в среде местной администрации. Одни поддерживали сословную комиссию и настаивали, чтобы правительство по возможности скорее воплотило ее предложения в юридический закон. Другие же, наоборот, возражали комиссии в ее стремлении приравнять высшие горские сословия к российскому дворянству. Вопреки мнению комиссии, они не находили исторических оправданий в прошлом горцев для этого и считали такое приравнение «весьма обидным для русских дворян». Дебаты по сословному вопросу в правительственных кругах приняли настолько затяжной характер, что до 1917 г. не сходили с повестки дня различных правительственных и административных учреждений. И тем не менее, этот вопрос не получил законодательного разрешения.

И все же осетинские привилегированные сословия, начиная с конца 60-х гг., стали пользоваться целым рядом преимуществ. Тагагурские алдары, дигорские баделята, куртатинские таубии, например, были освобождены от исполнения подводной повинности и от уплаты поземельных податей. При поступлении на военную или гражданскую службу им также предоставлялись привилегии. Детям их снова разрешили поступать в кадетские корпуса и высшие учебные заведения.

Так, возникшая в Осетии после Кавказской войны и крестьянской реформы феодальная оппозиция вскоре распалась. «Недовольство» осетинских феодалов политикой царизма и результатами крестьянской реформы рассеялось как легкий дым. Горские, и в их числе осетинские, феодалы рука об руку с царским правительством и после отмены крепостного права нещадно эксплуатировали простой горский народ.

Недовольство осетинского крестьянства результатами землеустроительных работ правительства и его выступления против них

Земельная реформа в Осетии, как и в целом вся крестьянская реформа, была незавершенной и крайне тяжелой для осетинского крестьянства. Слова В. И. Ленина о том, что крестьянство вышло «из рук реформатора таким забытым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу,

что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину», — в полной мере характеризуют фактическое положение осетинского крестьянства после реформы с той только оговоркой, что большинство «освобожденных» в Осетии оставлены были вовсе без земли. Уже в момент проведения земельной реформы крестьяне были наделены землей крайне недостаточно. Особенно ничтожны были душевые земельные наделы у жителей таких селений, как Хумалаг, Зилга, Заманкул, Ногкау, Салугардан, Бираганг, Тамиск и др. Антикрестьянский характер земельной реформы особенно зримо выступал в Дигории. Как уже было отмечено, здесь значительная часть (две третьих) плоскостной земли была закреплена за 19 дигорскими помещиками. Жителям же крестьянских аулов досталась всего одна треть этой земли. Факт вопиющей земельной нищеты среди дигорских жителей после реформы признавался и представителями власти.

Именно такая аграрная неустроенность лежала в основе недовольства жителей плоскостных селений Осетии результатами землеустроительной политики царского правительства. Неудовлетворенность эта преломлялась прежде всего в многочисленных крестьянских прошениях, донесениях, жалобах, протестах как частных, так и целых сельских обществ в адрес властей. Она находила свое выражение, наконец, в бесконечных земельных спорах между членами одной и той же сельской общины¹, между жителями соседних селений²; между сельскими обществами и частными землевладельцами³, между жителями осетинских аулов и казачьим населением станций⁴, между казной и сельскими обществами⁵.

Тяжелую земельную тяжбу в 60-х гг. вели жители В.-Христиановского и В.-Магометановского селений с дигорскими землевладельцами Кубатиевыми и Тугановыми. Здесь захваты общинных земель помещиками по-прежнему были настоящим бичом для крестьян. Аппетиты дигорских помещиков поистине не знали пределов. Имея общие границы с наделами Христиановского и Магометановского сельских обществ и пользуясь тем, что эти границы топографии в момент земельной реформы указывались примерно и большей частью произвольно, Кубатиевы и Тугановы из года в год отодвигали их в глубь крестьянских земель. Христиановцы несколько раз просили Вахта Кубатиева — одного из самых алчных дигорских помещиков, прославившегося захватами крестьянских земель еще в 40—50 гг., чтобы он перестал нарушать границы аульных земель, предупреждали его, что если он не положит конец «своим хищничествам», то они, «чтобы отстоять свои права, найдут другие средства». Убедившись в том, что их просьбы и предупреждения «помещиком не берутся в резон», христиановцы весной 1865 г. разломали межевые знаки и сожгли их; прибывшего же на место события Вахта Кубатиева со стражниками крестьяне так избили, что «у помещика от падения с коня и от ударов кровь на лице и на туловище выступила».

В Дигорию по жалобе помещика прибыла из города группа чиновников во главе с членом поземельной комиссии майором Михайловским, которая

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1217, л. 74.

² Там же, л. 97.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 17, д. 1001, лл. 16—39.

⁴ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 118.

⁵ Там же, д. 6, л. 6.

должна была на месте определить меру наказания жителям Вольно-Христиановского. Расследовав инцидент, узнав его истинные причины, чиновники встали на сторону крестьян. Объясняя причины случившегося, майор Михайловский нашел, что «вольно-христиановцы не только не пользуются землею Кубатиева, как он поясняет в своей жалобе, но не имеют, чрез утрату знаков, пользоваться вблизи и собственною землею, так что посевы их на всем протяжении между реками Гизильдоном и Белою не доходят еще до границы, где на 100, где на 300 саженой, а где того более, и все это не занятое ими пространство он же Кубатиев занимает своим покосом»¹. В возникшем конфликте, говорилось далее в его донесении, повинны и землемеры, производившие формальную межу между землями Кубатиевых и В.-Христиановского. «Из межевого устава ясно видно, что законодательство наше, сознавая важность бесспорного землевладения и имея в виду охрану лиц и общин, владеющих землями, от всякого стороннего хищничества, обставило межевую часть многими формальностями, строгое выполнение которых межевыми чинами не допускает впоследствии никаких по-земельных споров. Малейшее же уклонение их от поставленных правил производит обратное действие, ярким примером чему служит разбираемый нами дигорский инцидент»².

Однако «дигорский инцидент» не был исключительным и не представлял из себя единичный случай. Документы свидетельствуют, что столкновения из-за границ между жителями сельских общин и землевладельцами уже в ходе земельной реформы возникали везде, где соседствовали помещичьи и крестьянско-общинные земли. Осетинские алдары и баделята считали, что общинная земля есть вчерашняя их собственность, которую местные власти отобрали у них против их воли. В 1864 г. Касполат Кундухов (брат Муссы Кундухова) из Скут-Коха писал начальнику округа, что жители соседних аулов «захватывают его земли, самовольно производят на его землях полевые работы». А при попытке Кундухова воспрепятствовать им он «чуть не был убит из ружья жителем Батакоюрта Зугутовым». Когда же на место происшествия приехали поднятые чуть ли не по тревоге представители власти, то выяснили, что не крестьяне захватывают земли Кундухова, а он сам, «неизвестно по какому праву», притесняет в пользовании землей жителей соседних аулов³.

Документы проливают свет и на другие аналогичные «неурядицы» между помещиками и живущими по соседству общинниками. Генерал-майор Туганов конфликтовал в течение 10 лет с жителями В.-Магометановского аула⁴. Большой интерес представляет борьба жителей Хумалага с бывшим владельцем этого аула Магометом Дударовым. Получилось так, что в момент последних землеустроительных работ в Осетии с 1863 по 1865 г. полковник Дударов находился в длительной служебной командировке в Петербурге. В его отсутствие всю землю комиссия Кодзокова отвела в надел жителям Хумалагской сельской общины, а его самого исключила из списков этого села. С прибытием Дударов стал требовать от хумалагцев,

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 264, лл. 1 — 169.

² Там же, л. 28 об.

³ Там же, л. 29.

⁴ Там же, л. 160 об.

чтобы они «без промедления» освободили его, как он выражался, «отцовские земли — родное мое пепелище». Так началась долголетняя земельная тяжба между сельской общиной и бывшим владельцем. Спор этот то шел мирно, что принимал форму открытой классовой борьбы. Сама администрация заняла беспринципную позицию: она то защищала интересы полковника Дударова, уговаривая жителей Хумалага «проявить благоразумие», то «указывала» Дударову на «беспочвенность его претензий» на хумалагские земли, «после того, как по ним состоялось окончательное решение»¹. Областное начальство предлагало М. Дударову переселиться в сел. Карджин, где проживали все Дударовы, или в другое место, с условием отвести ему там значительный надел. Дударов упорно отказывался от предложенных районов. «Всякое переселение, — отвечал помещик, — сопряжено со значительными потерями, а для меня настоящее тем более, что на ныне владеемой мною земле покоится прах моих родителей. Дорога мне эта (*хумалагская*. — Б.Б.) земля по своим драгоценным воспоминаниям. На ней я родился, на ней я желаю умереть... Мне неизвестно, в каких видах делает это распоряжение кавказское начальство, во всяком случае оно лишает меня вотчинной моей собственности, лишает тех прав собственности, которые законами всех государств, и в особенности русскими, признаются неприкосновенными»². В конце концов этот долголетний спор закончился тем, что администрация в 1874 г. выделила полковнику Дударову в частное его владение 750 дес. отличной пахотной земли рядом с аульной дачей Хумалага.

Большое количество спорных дел возникло в конце 60-х гг. из-за границ и между жителями осетинских селений и управлением Владикавказского казачьего полка, что привело к созданию специальной посреднической комиссии в 1868 г. Полк к указанному времени стал крупным земельным собственником в области. К 1865 г. вся земельная площадь, принадлежащая ему, составила 88 559 дес., в том числе около 54 тыс. дес. в Осетии³. Комиссия эта под председательством командира Кавказского корпуса топографов полк. Герасимова должна была урегулировать поземельные споры, возникшие между правлением казачьего полка и жителями двух округов — Осетинского и Кабардинского, ослабить напряженность аграрных отношений между конфликтующими сторонами⁴. Однако посредническая комиссия с самого начала отклонилась от прямого назначения, занявшись обсуждением рапортов полкового правления, в которых оно, основываясь на «Положении», утвержденном Николаем I в 1845 г. о кавказском линейном казачьем войске, требовало прирезки к существующему у него уже наделу новых, «недостающих», земель. В частности, командование полка ходатайствовало о добавлении полковому наделу земли Ардонского селения, располагавшегося между станицами Архонскою и Николаевскою в количестве 3004 дес.⁵ Комиссия Герасимова удовлетворила эту претензию полкового начальства, однако власти не решились на это, ибо, как указывал начальник округа, «такой неоправданный акт мог взбудоражить и без того тревожное состояние целого округа».

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 273, лл. 1 — 10; д. 710, лл. 1—6.

² Там же, д. 803, лл. 2—16.

³ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 21, лл. 1—13.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 6, д. 820, лл. 8—50.

⁵ Там же, д. 833, лл. 1—483.

Земельный вопрос в Осетии осложнился еще тем исключительно важным обстоятельством, что на протяжении всего XIX в. с гор на плоскость шло безудержное переселение безземельного населения. Во время землеустроительных работ движение горского населения значительно усилилось. Такой массовый приток горского населения на равнину не отвечал планам администрации. По ее мнению, горцы-переселенцы создавали лишние «хлопоты» и вносили «путаницу» в работу сословно-поземельной комиссии. Поэтому еще 18 июня 1864 г. начальник области Лорис-Меликов просил главнокомандующего не распространять землеустроительную деятельность комиссии на горцев. Вскоре последовал приказ августейшего наместника. «Вопрос о разборе поземельных отношений в нагорной части Осетинского округа отложить до времени, с тем, однако, чтобы были приняты надлежащие строгие меры к прекращению переселения из гор на плоскость»¹. Однако запреты и строгие меры властей не могли и не остановили процесс перехода горского населения на плоскость. Горцев на равнину гнали беспросветная нужда, безземелье, социально-экономический гнет, суровые природные условия.

Положение горского крестьянства еще больше ухудшилось во время крестьянской реформы и после нее. Что касается поземельного вопроса в нагорной части, то, как известно, наместник Кавказа отложил его разрешение на неопределенный срок. Земельная реформа здесь не была проведена, земли не были размежеваны. Феодалное землевладение, таким образом, в горах оставалось нетронутым. Фактически здесь не было покончено и с феодалной зависимостью крестьян. Кавдасарды, кумаяги, косаги и рабы, хотя и были «освобождены» от крестьянской зависимости, но не были наделены землей, не были выселены из аулов горных феодалов, оставаясь, таким образом, в прежнем положении по отношению к владельцам. Последние продолжали требовать от них выполнения прежних феодалных повинностей. «Зависимые сословия вверенного мне округа, — писал в 1870 г. начальник округа полк. Эглау, — окончив обязательные свои отношения к бывшим их владельцам, живущим в горной полосе, без конца обращаются с просьбами о дозволении им приписаться на постоянное жительство к сельским обществам, находящимся на плоскости»². Однако всем им было отказано. Как правило, свой отказ власти мотивировали отсутствием на плоскости свободных земель.

Таким образом, для горной полосы и после крестьянской реформы были характерны феодалные захваты крупных пастбищных участков, сохранение по-прежнему исключительного права алдаров и баделят на личность зависимых крестьян, на их землю. Продолжение выполнения феодалных повинностей со стороны зависимых масс. Разумеется, это усиливало гневное чувство несправедливости у горских крестьян: пробуждало у них чувство бесправия и придавало в целом аграрному вопросу здесь особую жгучесть. Без учета этих пережитков феодализма в пореформенное время, справедливо отмечал проф. Б.В. Скитский, нельзя понять всей тягости аграрного вопроса, остроты недовольства и борьбы осетинского крестьянства за землю³. Осетинское крестьянство в целом осталось недовольным реформой, что в конечном счете

¹ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 8, л. 31 об.

² Там же, ф. 12, оп. 6, д. 1244, л. 166.

³ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов, Орджоникидзе. 1976. С. 188.

питало его антифеодалные и антиправительственные выступления в продолжение всего пореформенного периода.

Итак, вся землеустроительная деятельность царизма и его местной администрации в 60-е гг. XIX в. мало что принесла осетинскому народу. Земельная неустроенность его после реформы не утратила свою остроту. Земельная реформа вообще не коснулась нагорной части Осетии, поэтому феодальное землевладение и землепользование здесь остались нетронутыми. Жители нагорья продолжали коснеть в нищете и в страшном безземелье.

Изучение крестьянской реформы в Северной Осетии приводит к следующим обобщениям.

Вопрос о предпосылках, подготовке и проведении крестьянской реформы в Осетии следует рассматривать в тесной связи с общим ходом общественно-экономического развития России, ибо Осетия в продолжение многих десятилетий находилась в составе Русского государства, являлась неразрывной его частью.

Как известно, основной причиной, вынудившей царское правительство и помещиков «освободить» крестьян в России, была сила экономического развития, кризис всей крепостнической системы. Что же касается Северной Осетии, то она в своем политическом и общественно-экономическом развитии далеко отставала от центральной России. В Осетии накануне крестьянской реформы отсутствовали признаки, характеризующие кризис феодальных отношений. Более того, осетинский феодализм продолжал развиваться по восходящей линии. В предреформенной Осетии капиталистические отношения были слишком ничтожными, чтобы крестьянскую реформу непосредственно выводить из них.

Тем не менее вышесказанное отнюдь не исключает экономический фактор как один из необходимых мотивов проведения реформы в Осетии. Пореформенная Россия, твердо ставшая на путь капиталистического развития «вширь», властно диктовала приспособление экономики окраин к нуждам буржуазного развития метрополии, толкала правительство на проведение ряда социальных преобразований среди горцев Северного Кавказа, так как натуральное хозяйство и феодальные отношения в горских обществах сужали возможность для широкого использования края в качестве рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья для русской промышленности. Это и определило экономическую необходимость отмены крепостного права в Осетии.

Другой важной предпосылкой реформы явилось обострение классовой борьбы в Северной Осетии. Рост крестьянского движения в предреформенный период объясняется прежде всего катастрофическим ухудшением социально-экономического и политического положения осетинского крестьянства. Нельзя сбрасывать со счетов и то влияние, которое имело на него крестьянское движение в России.

Освобождение осетинского крестьянства от феодальной зависимости проходило прежде всего в форме земельной реформы. Окончательный итог этой реформы – раздел плоскостной земли Осетии между аулами на общинных началах. В Тагаурии, Куртате и в Алагирском обществе феодальное сословие было включено в число аульных жителей и наделялось землей на общих основаниях. В Дигории феодальное землевладение не претерпело заметных изменений после реформы.

Разработка и проведение земельной реформы в Осетии повлекли за собой и разрешение другого вопроса — эмансипации зависимых сословий.

Крестьянская реформа в Осетии, так же как и реформа 1861 г. в России, носила ярко выраженный классовый характер и была проведена под девизом «без потрясения и без расстройства хозяйственных интересов местных владельческих классов». Но в отличие от реформы в России, она имела свои особенности, из которых главными были: получение крестьянами земельных наделов без выкупа, раздел земли не по душам, а по дворам, получение крестьянами гораздо меньших наделов земли, нежели в России и т. д.

Следует отметить, что, несмотря на половинчатость крестьянской реформы, на сохранение феодального землевладения, на свой классовый характер, на все свои отрицательные стороны, она имела прогрессивное значение, способствовала проникновению и развитию здесь более высоких капиталистических производственных отношений.

Крестьянскую реформу совершенно по-разному восприняли и оценили русский помещик и горский феодал. И это вполне понятно. Различное отношение помещиков в России и горских феодалов к реформе обуславливалось различным уровнем социально-экономического развития России и народов Северного Кавказа накануне реформы. Для горских феодалов вообще и осетинских, в частности, крестьянская реформа была более суровым и насильственным актом, чем для русских помещиков. Именно этим объясняется резко враждебное отношение алдаров и баделят к реформе и образование в Осетии феодальной оппозиции к ней.

Земельная реформа в Осетии, как и в целом вся крестьянская реформа, была незавершенной, хотя на плоскости и были определены земельные права крестьян и отмежеваны их земли от помещичьей, но экономическая зависимость крестьян и эксплуатация их феодалами продолжали существовать. Слова В.И. Ленина о том, что крестьянство вышло «из рук реформатора таким забытым, обобраным, униженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на «барщину», — в полной мере характеризуют фактическое положение осетинского крестьянства после реформы с той только оговоркой, что большинство «освобожденных» в Осетии оставлены были вовсе без земли.

АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В НАЧАЛЕ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Дальнейшее совершенствование административно-управленческого аппарата края

До конца первой половины XIX в. в крае не было единой и твердо установившейся системы административного деления и гражданского управления. Многочисленные попытки ввести ее оказались тщетны. Мешали военные действия на Кавказе. Все помыслы и усилия властей были подчинены одной цели — скорейшему окончанию войны. Отсюда вытекал состав краевого административного персонала и характер его деятельности — он состоял исключительно из чиновников военного ведомства. Все должности — от начальника участка до главнокомандующего — занимали кадровые военные, которые соединяли в своем лице всю военную, административную, судебную и хозяйственную власть на местах. Руководство краем и его районами им было совершенно не под силу. Лица, ведавшие сложными делами управления горским населением и обремененные многочисленными военными и полицейскими обязанностями, не имели возможности отдаваться каким-либо предварительным работам, которые могли бы дать им точку опоры при решении административных вопросов¹.

После кавказской войны и крестьянской реформы перед царизмом и его администрацией на Кавказе в качестве главной проблемы дня встала задача совершенствования и дальнейшего развития всей системы колониально-административного управления. «Управление горцами, — наставлял в 1860 г. своего кавказского наместника Александр II, — должно теперь стать главной задачей текущего момента»².

Власти, упорно работая над вопросами усовершенствования системы управления, исходили не только из самого факта военной победы, но и из учета того положительного опыта, который накапливался военно-управленческой школой в отдельных районах кавказского края. При этом высшая кавказская администрация не закрывала глаза на то, что ей предстоит решить нелегкую задачу. Дело осложнялось тем, что давала о себе знать старая проблема административных кадров. «Очевидно, — с горечью признавал сам наместник, — предстоит труд огромный и головоломный, но где найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главе отдельных управлений и самостоятельно вести свод народных учреждений... Чрезвычайно трудно, — продолжал он, — находить людей для подобного дела. Причина — несуществование в России каких бы то ни было заведений для

¹ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 5, л. 98.

² АКАК. Т. 5. С. 1287.

юношей, каких бы то ни было пособий для взрослых, для того, чтобы приготовить офицеров, специально знакомых с кавказским населением и вообще с ориентальной частью»¹.

Для проведения в жизнь новых учреждений нужны были по-новому подготовленные люди. «Туземные должностные лица, – считали кавказские власти, – были, разумеется, для этого непригодны, а других кандидатов на месте не было»². Нужно было их выписывать, как тогда говорили, из России. «Выписанные», конечно, составляли не лучшую часть русского общества. «Гражданская судьба в 60-х годах минувшего столетия, – писали современники, – была вообще в России не в почете и на Кавказ соглашались ехать лишь те, которые были совсем плохи, и у себя устроиться не могли... И вот в рядах кавказского чиновничества первого призыва (60-х гг. – Б.Б.) мы видим почти сплошь неудачников и мелких карьеристов, соблазненных преимуществами службы на далекой окраине»³.

Собственно, управленческая горячка у кавказского начальства началась еще в конце 50-х гг. и усиливалась по мере окончания войны с горцами. Наряду с переименованием в 1858 г. Отдельного Кавказского корпуса в Кавказскую армию⁴, значительные изменения претерпела и Кавказская военная линия. Ее начальник, или командующий войсками, был облечен высшей военной и гражданской властью на всем Северном Кавказе. Он фактически занял вторую после главнокомандующего ступеньку краевой военной иерархической лестницы. Начало новому административному устройству на Северном Кавказе, в том числе и в Осетии, положил февральский рескрипт 1800 г. Александра II о переименовании Правого крыла Кавказской линии в Кубанскую область, а Левого – в Терскую область. Все пространство к северу от Главного Кавказского хребта, согласно этому указу, отныне получало название Северный Кавказ.⁵ Одновременно образовалась и Дагестанская область, которая была отнесена к Закавказью.

Таким образом, кавказское наместничество разделилось на два больших района – на Закавказье и Северный Кавказ. На Северном Кавказе, кроме двух вышеназванных областей, несколько раньше (1847 г.) была образована Ставропольская губерния. Площадь Кубанской области составляла 84 590 кв. верст, Ставропольской губернии – 60 614 кв. верст и Терской области – 52 954 кв. верст.⁶

В мае 1860 г. было обнародовано «Положение об управлении Терской и Кубанской областями». В состав Терской области вошли 6 округов: Владикавказский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский, Кабардинский и Кумыкский. Каждый из этих округов распадался на участки. Во Владикавказском их было пять: Тагауро-Куртатинский, Алагиро-Наро-Мамисонский, Дигорский, Мало-Кабардинский и Назрановский. Вышеназванным рескриптом практически начиналась перестройка всего общественного, экономического и политического строя населения края на гражданский лад. Нужно было «озаботиться принятием таких мер, – говорилось в одной

¹ АКАК. Т. 5. С. 1287.

² Евангулов Г. Г. Местная реформа на Кавказе, Спб., 1914. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ АКАК. Т. 5. С. 1276.

⁵ Там же. Т. 12. С. 58.

⁶ «Новос обозрение», 1884, № 124.

правительственной инструкции, – которые, окончательно умиротворяя страну, могли жителей ее вести по пути гражданского развития».¹ Во главе области, по «Положению», был поставлен начальник из кавказских генералов, приравненный к генерал-губернатору центральных губерний. В его руках концентрировалась вся власть. Он же был командующим войсками на правах командира корпуса. Ему предоставлялось право по своему усмотрению применять оружие «против возмущившихся и упорствующих в неповиновении», предавать военному суду за выступления против правительства, за неповиновение начальству, возбуждать ходатайства о высылке в административном порядке, утверждать или отменять приговоры судов и т.д.

С образованием областей и введением должности начальника области права начальников округов на Северном Кавказе были сужены. Тем не менее начальники округов оставались теми административными лицами, от которых во многом зависела судьба подведомственного местного населения. Вся окружная администрация: окружной суд, участковые начальники, полицейские силы, исключая только войска, находились в его подчинении.

Из среды военных назначали и начальников участков. Следует отметить, что к этой должности допускались представители местных народностей, причем подбирались они не по степени подготовленности к административной работе, а исключительно по признакам классового происхождения.

В начале 60-х гг. Терская область являлась самой пестрой не только по своему этническому составу (в пределах области проживало множество народностей: осетины, чеченцы, ингуши, кабардинцы, кумыки, ногайцы, русские и другие), но и по «степени покорности» этих народов.

По признанию начальника области, из всех районов Кавказа Терская область по количеству населения, общественному устройству своему, а еще более по топографическим свойствам занимаемой местности, долее прочих сохранила возможность к сильному сопротивлению и, «действительно, более всего оказывала его против нас самым упорным образом»². Именно поэтому царское правительство держало на территории области значительный контингент войск даже после войны – 60 тыс. человек, при 50 тыс. дворов местного населения. В 1862 г. в области были расквартированы 49 батальонов пехоты, 9 полков Терского казачьего войска, 1 драгунский, 10 донских полков и др.³

В силу этого Терская область составляла предмет особой заботы высшей кавказской администрации и вообще центрального правительства. Управленческий аппарат здесь поэтому должен был быть «умелым, тактичным, динамичным». На деле же получалось обратное. Первый начальник Терской области генерал-адъютант граф Н.И. Евдокимов был одним из главных покорителей Кавказа, исполнителем военных предначертаний фельдмаршала Барятинского. По свидетельству современников, он был ярким противником «огражданствования» управления и принадлежал к числу тех николаевских генералов, которые продолжали считать в отношении горского населения наиболее верными крутые и суровые меры. Реакционно-консервативная часть кавказского командования, лидером которой, кстати, был

¹ ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. 1, д. 5, л. 107.

² Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 9.

³ Архив СОНИИ, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 13.

Евдокимов, была убеждена, что владычество над горцами может быть удержано не посредством нравственной, а путем военной и материальной силы и что спокойствие края тогда только будет возможным, «когда туземцы каждодневно будут видеть перед собой полки»¹. Евдокимов продолжал заселять территории области казачьими станицами, отнимая у местных жителей их земли. Малейшее антиадминистративное действие с их стороны каралось самыми жестокими мерами: репрессии и военные экспедиции против горских аулов стали горькой правдой каждого дня. «Идея права была совершенно откинута, в одной силе искали опоры»². Правление Евдокимова (с 1856 по 1861 г.) сильно осложнило обстановку в области. Нарастало всеобщее недовольство. «Постоянно носились слухи об общем восстании. Донесения местных начальников были одно тревожнее другого. Войска, не зная отдыха в течение нескольких лет, дошли до крайней степени изнурения»³. Положение в Терской области стало серьезно беспокоить высшую кавказскую власть, о чем было доложено Александру II. Специальным царским указом Евдокимов был освобожден от должности в Терской области и оставлен начальником Кубанской области.

Место Евдокимова занял его бывший помощник генерал Святополк-Мирский, отличавшийся от своего предшественника тем, что проявлял понимание необходимости предстоящих в стране и в Кавказском крае политических и социально-экономических перемен. Генерал Святополк-Мирский в вопросе «гражданского управления горцами в наступивших условиях» придерживался иных, по сути либеральных взглядов и методов. Это видно из программы деятельности областной администрации, которую он составил и о которой доложил императору во время его путешествия по Кавказу осенью 1861 г. «Предложения мои о средствах водворения в области прочного спокойствия были вполне одобрены государем»,⁴ – писал позже в своем дневнике Святополк-Мирский. Новая областная администрация прежде всего занялась «приобретением нравственного влияния и доверия туземцев». Чиновники области, беря пример со своего начальника, организовывали выезды в различные районы, во время которых внушали жителям, что они являются верноподданными гражданами, поэтому администрация считает себя обязанной заботиться об их благе, как о благе русских, что новое начальство торжественно обещает свято уважать их религию, обычаи, право земельной собственности и т. п.

Программа Святополка-Мирского предусматривала и новое военно-административное разделение Терской области.⁵ Весной 1862 г. она была разделена на три военных отдела: западный, средний и восточный. В свою очередь каждый отдел распадался на округа. В основу окружного деления был взят принцип «племенного различия ее жителей», Новое управление официально получило название «военно-гражданского». Перед ним стояла задача «достичь цели другими, лучшими, сообразными с духом христианской цивилизации, мерами».⁶ По существу, в 1862 г. началась и реформа

¹ Архив СОНИИ, ф. 2, оп. 1, л. 16, л. 6.

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 17.

⁵ Там же, л. 22.

⁶ Там же, л. 18.

судопроизводства. Известно, что первые попытки ввести в жизнь горского населения судопроизводство сделал еще Ермолов. Однако эти попытки, как показало время, окончились полным провалом. Генерал Ермолов и продолжатели его дела полностью игнорировали исторически сложившиеся социально-общественные, религиозные и семейные особенности жизни горцев, хотели перестроить их жизнь на тех же началах, на которых она покоилась в России.¹ Ошибки их на этот раз в известной мере были учтены новой администрацией. Основаниями для суда и расправы «стали служить право, предоставленное покорным племенам, и условия, заключенные с горцами».² Народности, сохранившие у себя суды и расправу по народным обычаям, принимали некоторые обязанности перед правительством. Эти обязанности вводили у них новые понятия о преступлениях, которые, по существующим уже русским законам, назывались государственною изменою, мятежом, неповиновением властям.³

При разработке новой системы судопроизводства в крае власть старалась сделать ее созвучной понятиям горцев о собственности и, вместе с тем, согласовать с потребностями царского правительства. Администрация широко афишировала правовую основу нового судопроизводства, его несложность, доступность «простому уму горца», возможность участия в судебной процедуре представителей самого населения, сохранение элементов адата при разборе дел и т. п. Разумеется, на деле «народность» суда была фикцией. Достаточно отметить, что делами горских судебных учреждений ведали непосредственно начальники областей и их административный аппарат. Ими же рассматривался и утверждался состав суда и его решения. В высочайше утвержденном положении об управлении Терскою областью 1862 г. говорилось, что для разбора гражданских и уголовных дел, возникавших между туземцами, во Владикавказе учреждался главный (областной) народный суд как высшая и окончательная инстанция. Но в этом же положении объяснялось, что суд этот работает под руководством начальника области, ему же и председательствовать на нем. Решение суда принимало силу закона лишь после утверждения его начальником области.⁴

В плане преобразования области на новых началах важное место отводилось также созданию иррегулярных войск из среды местных народов. Впервые подобные силы из горцев были созданы в 40-х гг. Назывались они тогда горской милицией. Она использовалась администрацией в подавлении национально-освободительной и антифеодальной борьбы горцев, в особенности, в борьбе против Шамиля. Следует отметить, что горская милиция не была постоянной, отряды ее формировались в случае необходимости. В 1860 г. горская милиция была переименована в постоянное иррегулярное войско. Служба в рядах этих войск, по договору с военным командованием, стала для горцев постоянной. За службу горцы получали жалованье. Служащие представляли весьма «многочисленный класс людей, привыкших добывать себе средства к жизни исключительно оружием». Количественно иррегулярные войска уступали горской милиции. Во всей

¹ Евангулов Г. Г. Указ. соч. С. 67.

² Там же, с. 68.

³ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. С. 172.

⁴ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 5, д. 8, л. 2.

области было создано 12 сотен. Власть делала все, чтобы эти вновь созданные военно-полицейские силы полностью отвечали ее замыслам. По убеждению кавказского начальства, с помощью вооруженных сил из среды самих горцев «будет легче и вернее удержать горы в повиновении, чем с многочисленными русскими полками». Использование этих сил при подавлении массовых выступлений горцев в 60–70-х гг. лучшим образом оправдывало надежды правительства и его администрации.

Процесс унифицирования областного управления, начатого в начале 60-х гг., был длительным. В продолжение 60–70-х гг. шла лихорадочная работа по совершенствованию всех административно-управленческих и судебно-полицейских органов. Одни учреждения оправдывали себя и получали дальнейшее развитие, дополнялись новыми в последующие годы, другие административные институты, не достигнув поставленной цели, прекращали свое существование. По существу, так отработывалась вся управленческая система царизма на Кавказе.

И все же правительство Александра II выражало недовольство состоянием дел краевой администрации и, в целом, существующим на Кавказе положением. Кавказский край, его управленческий аппарат продолжали тревожить правительство, поглощали значительную часть государственного бюджета.¹

В этом же 1863 г. была произведена новая крупная реорганизация краевой администрации. Наместником Кавказа и главнокомандующим армией был назначен великий князь Михаил Николаевич. Такое назначение само по себе свидетельствовало о том, какое важное значение придавали Александр II и его правительство вопросам административного устройства кавказского края и экономического его освоения. Оно вызвало и значительные изменения в управлении областями, губерниями, округами, участками и, наконец, в командном составе армии. Начальником Терской области наместник назначил способного и энергичного генерала Лорис-Меликова, будущего «бархатного диктатора» России. Весь 12-летний период управления Лорис-Меликова Терской областью – сплошная полоса социально-экономических, административно-политических, культурно-просветительных преобразований. «Все мощное развитие горских племен Терской области – кабардинцев, осетин, ингушей, чеченцев и кумыков, – заключали его соратники, – покоится на деятельности этого неутомимого реформатора».²

Бесспорно, в лице М. Т. Лорис-Меликова царское правительство имело талантливого администратора. Пожалуй, в этом отношении он не может быть сравним ни с одним из начальников Терской области... Все важнейшие мероприятия по новому устройству быта горцев, все буржуазные преобразования и реформы были проведены в его правление и по непосредственной его инициативе. Но бесспорно и то, что вся деятельность этого реформатора от начала и до конца была пронизана заботой об упрочении самодержавной власти на Кавказе.

В поисках средств и методов укрепления своего господства на Северном Кавказе в новые времена, царизм и его администрация на Кавказе далеко не последнюю роль отводили церкви. В условиях 60-х гг., когда царизм приступил к так называемому «мирному» наступлению на горцев,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 38, л. 10.

² Там же.

деятельности православной церкви стало отводиться особое место. «Поддержание христианства и распространение его, – наставлял наместник свою администрацию, – составляет для нас на Кавказе не только священный долг, но и весьма важную политическую потребность».¹

В 1860 г. Александр II утвердил проект «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Возглавлял новое «Общество» сам кавказский наместник, практическое же руководство возлагалось на экзарха Грузии. Общество располагало довольно мощной материальной базой – в приходной статье его на 1 января 1862 г. числилось свыше 400 тыс. руб. Деятельность «Общества восстановления христианства на Кавказе» включала такие работы, как перевод богослужебных книг на языки кавказских народов, восстановление старых церквей и строительство новых, открытие при Тифлисской и Ставропольской духовных семинариях особых классов для горцев, открытие школ при сельских церквях.

Вполне естественно, что миссионерская деятельность могла быть успешной в том случае, если она тесно переплеталась с практической работой администрации и пользовалась поддержкой с ее стороны. Все просьбы духовенства, его советы и пожелания неизменно учитывались в планах краевой и местной администрации. Духовному персоналу оказывалось внимание, забота, материальная помощь. В Осетии, например, это проявилось прежде всего в создании церковного земельного фонда. По документам 60-х гг., церковные причты, которым в общей сложности было отрезано 3360 дес. земли, были созданы в 28 аулах Осетии. Согласно предписанию кавказского наместника от 13 апреля 1866 г., порядок пользования причтовой землей был таков: священнику предоставлялся в пользование участок в 1,5 подворных надела, дьякону – 1 надел, а причетникам – по 0,5 надела.² Кроме того, отдельным духовным чиновникам по персональному представлению начальника области наместником отводились участки в частное владение. Размеры этих участков колебались от 200 до 700 дес. Таких вознаграждений, например, удостоились священники А. Колиев, М. Сухиев, архимандрит Иосиф и др.

Забота администрации о духовенстве проявилась еще и в том, что персоналам церквей значительно повысили жалование. Теперь даже рядовой дьякон получал 300 руб.³ Сельский священник в обязательном порядке должен был входить в руководящий круг сельского общества.

Сотрудничество православного духовенства и местной администрации особенно ярко проявилось в борьбе с так называемыми ренегатами – отступниками от православной веры. Ренегатство в 50-х гг. приняло в Осетии особенно широкие размеры. На его примере можно проследить, как борьба царизма с отступниками от православия вылилась практически в одну из форм и методов управления горскими народами. Против них власти применили различные формы наказания: предавали общественному презрению, переселяли из одного аула в другой, штрафовали, сажали под арест, ссылали в арестантские роты и даже в Сибирь.⁴

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3310, л. 103.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1000, л. 1.

³ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 81 об.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 266, 3376.

30 декабря 1869 г. было издано еще одно положение о новом преобразовании Кубанской и Терской областей, упразднявшее в них отдельное управление для казачьего и горского населения. Теперь все население формально подчинялось общим административным, судебным и полицейским органам. Области получали более четкое административное деление. Кубанская область разделилась на 5 уездов, Терская — на 8 округов.¹ Управление в этих областях, по царскому указу, передавалось на основе «общего губернского учреждения». В каждой области вводилось единоначалие: должности наказного казачьего атамана и начальника области объединялись в лице начальника области.

Эта реформа вносила большую стройность и в систему сельского управления в областях. Основная цель реформы заключалась в организации надежной системы низовых звеньев царской администрации. В 1870 г. было издано «Положение о сельских обществах, составленное кавказским наместником на основе царского указа от 30 декабря 1869 г., где местным начальникам указывалось, чтобы они настойчивее внедряли в сельские общества и в их управление правила общего Положения 19 февраля 1861 г., то есть вводили общероссийские правила.²

Согласно этому «Положению», сельское общество состояло из крестьян одного или нескольких селений, имеющих в них постоянную оседлость. Сельское управление составляли сельский сход, старшина, священник или мулла и сельский писарь. Сельский сход состоял из всех совершеннолетних домохозяев и сельских должностных лиц. Участвовали в сходе по одному члену от двора. Старшины и их помощники назначались начальником округа на определенный срок. В течение 60–70 гг. на эти должности, как правило, назначались жители данного села. Старшина должен был следить за сохранением порядка и спокойствия в пределах села, доносить начальству о преступлениях, беспорядках и «распространителях между жителями вредных для общественного спокойствия слухов», следить за отбыванием жителями казенных и общественных повинностей, объявлять распоряжения властей и исполнять все требования начальства.

Сельское управление выполняло в основном административно-полицейские функции. Что же касается вопросов улучшения крестьянского хозяйства и быта, то они были отодвинуты на задний план. Таким образом в начале пореформенного периода происходила реорганизация всей административно-управленческой системы царизма на Северном Кавказе применительно к изменившимся военно-политическим и социально-экономическим условиям страны и края. Были сделаны определенные сдвиги военных форм правления в сторону гражданских, даже с некоторым привлечением к управленческому аппарату людей «с деловым задором». Несмотря на ограниченность и уродливые формы, сдвиги эти имели положительное значение в деле экономического освоения края и развития его по капиталистическому пути.

Вместе с тем, все административные усилия царизма в 60–70 гг. на Северном Кавказе по устройству гражданского быта населения по существу были направлены на усиление царского режима. Новое управление, как отмечали, было названо «военно-народным» или «военно-гражданским».

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 38, л. 1 об.

² Архив СОННИ, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 18.

На самом деле народного в нем было одно только название. В новой системе управления власть осталась в руках военных, которые бесконтрольно хозяйничали в крае, творили беззаконие и произвол, осуществляли открыто классовую политику царизма в интересах самодержавного строя и местной знати. Для нее было характерно самоуправство, жестокая административная опека, военно-полицейско-бюрократический дух и в целом открытая враждебность к трудящимся массам.

Включение Осетии в налогово-податную систему царизма

Завершение крестьянской реформы на Северном Кавказе и устройство «гражданского быта» его населения явились основанием для включения горского крестьянства в государственную податную систему.

Еще в 1830 г., когда было подавлено антиправительственное движение в Осетии, на ее население была наложена повинность в виде контрибуции. Эту повинность, состоявшую из 1 руб. 50 коп. со двора деньгами и продуктами (мясо, яйца, сыр) осетины и ингуши платили до 1844 г., а с этого года стали отбывать подворную подать вместо водворяемого в крае казачьего населения. Повинность и подать, хотя и были крайне обременительными, все же не шли ни в какое сравнение с той системой государственных повинностей, которая стала вводиться в крае с конца 60-х гг. и стала настоящим бичом для горского крестьянства.

Еще в самом начале, когда земельная реформа в Терской области только-только набирала темпы, за кулисами высшей краевой и областной администрации стал вынашиваться план будущей поземельной подати. Наделение горцев частью экспроприированной у них же плоскостной земли на общинных началах служило для кавказской администрации основанием считать полное земельное устройство жителей области законченным. За такие хлопоты со стороны правительства, как считала кавказская администрация, горское население не может и не должно оставаться без прямых обязательств по отношению к правительству, и после наделения аулов земель «на него должны пасть хотя бы те расходы, которые ныне несет правительство на административное, судебное и полицейское их управление».¹ Таким образом, в тогдашних руководящих кругах считали, что основанием поземельной подати будут служить потребности управления и право пользования землей.²

Администрация сознавала, что обложение горцев податями представляло трудную задачу, требующую наибольшей осторожности как в самом исполнении, так и в подготовке к нему населения. И, тем не менее, она была уверена в полном успехе этого нового для администрации и чрезвычайно важного для правительства мероприятия. Гарантией этому, по мнению Лорис-Меликова, одного из главных зачинателей, явились: «Успешные действия комиссии по вопросу наделения землею, переселение части беспокойного населения в Турцию, а главное, присутствие значительного числа войск в области и полная готовность их подавить вооруженною силою малейшее сопротивление. Все это, — заключал он, — приведя населе-

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 2, оп. 1, д. 739, л. 5.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 35.

ние к сознанию о нашей силе, в то же время должно породить в нем уверенность в необратимости наших намерений».¹ Всю черновую, подготовительную работу проделал сам начальник области. «Я, – писал Лорис-Меликов, – принимая во внимание и нравственное значение факта объявления подати, предписал начальникам округов отнюдь не увлекаться разработкой мелочных подробностей, которые со временем, по разрешении главного вопроса – взноса подати, сами собою сделаются предметом заботливости местного начальства».² Начальник области встречался с представителями населения, выезжал в округа, беседовал с влиятельными людьми, многократно инструктировал окружных и участковых начальников. Наконец, летом 1865 г. он с радостью доносил в Тифлис, что население области, «в особенности же кабардинское, осетинское и кумыкское, почти уже приготовлено к обложению его податями, и я, особенно в последнее время, не раз имел случай убедиться в полном понимании народом неизбежности этой меры».³

Лорис-Меликов, пользуясь пребыванием осенью 1865 г. в Терской области главнокомандующего, предложил ему лично обратиться к жителям всех округов со специальным «объявлением». Срочно были составлены тексты обращения к жителям Осетии, Ингушетии, Кабарды и Кумыкского округа. В обращении, например, к населению Осетии говорилось: «Жители Осетинского округа! В настоящее время каждому из вас известны уже права на землю, которою оказалось возможным наделить вас. Поэтому теперь, когда вы можете устроить свое хозяйство прочно и навсегда, вы, как и все другие племена области, должны нести расходы на содержание управления. Мне известно, что по достатку вашему сравнительно с другими обществами, вы могли бы вносить большую против них сумму, но мне доложено также о том, как велика у нас подворная повинность, поэтому я счел возможным уменьшить сумму сбора».⁴ Далее августейший наместник извещал осетин, что податная система войдет в силу с 1 января 1866 г. «Всем племенам области говорил я, – заканчивал свое «торжественное» объявление великий князь Михаил Романов, – что в случае беспорядков и мятежа они потеряют право на отведенную им теперь землю. Вас, осетины, я считаю лишним предупредить об этом... Затем мне остается только поздравить вас, так как со времени внесения объявленного мною сейчас сбора вы приобретаете все права, коим пользуются все остальные подданные русского государя».⁵ С такими же объявлениями наместник обратился к кабардинцам, ингушам и жителям Кумыкского округа.

Этим актом в области официально была введена подымная подать. В плоскостных селениях Тагаурии и Куртатии подать эта устанавливалась в размере 3 руб. с дыма, а горные жители этих обществ должны были вносить 1 руб. 50 коп. С дигорцев и алагирцев, живших на плоскости, взыскивалось поземельной подати по 2 руб., а с жителей нагорной полосы – по 75 коп.⁶

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 35.

² Там же, л. 35 об.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 12.

⁴ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 32.

⁵ Там же, л. 32.

⁶ Там же.

Примерно таков был размер этой подати и у чеченцев, ингушей и жителей Кумыского округа. В Кабарде подымная подать устанавливалась в размере 5 руб. со двора. Всего государственного подымного сбора в 1866 г. население области уплатило 135 205 руб.¹ Для каждого сельского общества податная сумма была разделена на две половины – первую половину жители обязаны были внести до 1 мая, а вторую – осенью, после сбора урожая.

Уже в марте 1866 г. Лорис-Меликов поспешил с рапортом в Горское управление об окончании сбора государственной подати за первую половину года. В нем сообщалось, что всего уже собрано 83 852 руб., в том числе по округам: с жителей Кабардинского округа – 18 056 руб., Ингушского – 13065 руб., Чеченского – 22 906 руб., Аргунского – 2003 руб., Ичкерийского – 2742 руб., Кумыкского – 11794 руб., Нагорного – 3450 руб., с Осетинского – 9744 руб.² За вторую половину 1866 г. должно было еще поступить 51 353 руб.

В Осетин раскладка и сбор поземельной подати составили следующую картину: Тагауро-Куртатинское общество на плоскости составляло 1909 дворов, которые за первую половину года внесли 2863 руб. и должны были внести еще 2659 руб., 407 дворов равнинной Дигории – соответственно 450 руб. и 364 руб. Плоскостные алагирцы в числе 426 дворов – 426 руб. и 426 руб. Горные жители Тагауро-Куртатинского участка в числе 820 дворов уплатили 615 руб. и должны были еще внести 588 руб., 592 двора горных дигорцев – 222 руб. и 183 руб. наро-мамисонцы, которых было 1593 двора, за весь 1866 г. должны были внести 1194 руб.³ На горских помещиков государственная поземельная подать не распространялась, они должны были платить только налог с земли... 2 коп. с десятины.⁴ Так, с осетинских землевладельцев, которые владели 29 836 дес., было взыскано в 1866 г. 304 руб. 50 коп.

Областное начальство признавало, что собранная с жителей в 1866 г. сумма перекроет расходы казны на содержание военно-народного управления Терской области. Тем не менее, она была только началом, на основании которого, по его мнению, в ближайшем будущем должна развиваться вся податно-налоговая система царизма. «Уже в самой этой системе,— писал Лорис-Меликов,— заключается возможность постепенного развития податей».⁵ Начальник области был прав. Безудержный рост податного бремени в последующие годы пореформенной эпохи — красноречивое тому подтверждение. Размер поземельной подати из года в год увеличивался. Если в 1866 г. он по области составил 135 тыс. руб., в 1870 г. — 139 тыс. руб., в 1880 г. — 170 тыс. руб., то в 1890 г. вырос до 194 608 руб., а в 1895 г. перевалил за 200 тыс. руб.⁶

Правительственные власти на Кавказе распространили на горцев целую податно-налоговую систему: «Основания, полагаемые ныне для взимания поземельной подати с туземцев Терской области,— писал в 1870 г. Лорис-Меликов,— дают не только возможность развить налоги до надлежащих

¹ Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 129.

² Там же.

³ Там же, л. 119.

⁴ Там же, л. 122.

⁵ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 35 об.

⁶ «Новое обозрение», 8 мая 1898 г.

размеров, но неминуемо влекут за собой это развитие».¹ При этом, каждый раз, когда в последующие годы администрация планировала обложение местного населения новым налогом, она уже не проявляла былой робости, а делала это с чувством безусловной уверенности в успехе. Распоряжения властей о введении новых повинностей не заставили долго ждать. Уже в 1870 г. в области получило окончательное оформление сельское «общественное управление». Вслед за этим население было обложено на 1871 г. новыми, так называемыми, мирскими повинностями. Сумма этих повинностей значительно превосходила сумму поземельной подати. В Осетии, например, в первый год она составила свыше 22 тыс. руб., в 1889 г. – 26 тыс. рублей, а в 1895 г. – 46 тыс. рублей.²

Раскладку этих и других повинностей осуществляли местные власти, причем на крайне несправедливых началах. Маленькие осетинские селения Ногкау, Новый Урух, Брут, Зилга и другие с населением до 100 дворов платили на содержание сельских должностных лиц столько же, сколько соседние села в 300–500 дворов. Кроме того, из-за подымного сбора все дворы у осетин платили одинаковую раскладку. «Сельский богач, имевший 1000 баранов, 400 ульев пчел, много рабочего скота, несколько человек работников, – писала в 1887 г. газета, – платил столько же, сколько и малосильный двор с одним работником в семье и одной лошадью».³

В 1882 г. в Терской области был введен еще один вид повинностей – земские. Это ежегодные денежные сборы с населения на содержание земской почты, на медицинскую и ветеринарную помощь, на содержание школ, на оплату учителям, на книги, тетради и канцелярские принадлежности для школ, на содержание церквей, мечетей и духовенства, на призрение престарелых, на уплату госпитальных недоимок, на содержание в исправности проселочных дорог, мостов, плотин, на ремонт милицейских постов, на содержание кухни в Ларсе для проходящих частей войск и т. п.⁴ По своим размерам земские повинности хотя и уступали мирским сборам, но в то же время значительно превосходили поземельную подать. В 1883 г. в Осетии они составили 24 тыс. руб., а по области общий налог на мирские и земские повинности исчислялся в 400 тыс. рублей.⁵

Налоговый пресс из года и год все сильнее давил на горское население. В середине 80-х гг. годовая сумма всех налогов с населения Терской области составила 650 тыс. рублей.⁶

Налоги устанавливались и увеличивались по произволу властей. Многочисленные власти колониальной администрации на Кавказе так часто отменяли по своему усмотрению одни и назначали другие сборы, что горец, не успев еще рассчитаться с одним налогом, оказывался в тисках другого. Причем размер последующего налога всегда превышал размер предыдущего.

Говоря о включении горского населения в податную систему царского правительства, нельзя не отметить тот факт, что налоговое бремя целиком и полностью ложилось на плечи крестьянского дыма. От уплаты налогов,

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 72, л. 36.

² «Новое обозрение», 8 мая 1898.

³ «Терские ведомости», 1887, 10 ноября.

⁴ Материалы по истории Осетии. Т. 3. С. 155.

⁵ «Казбек», 1903, 2 мая.

⁶ «Новое обозрение», 1898, 8 мая.

как уже было сказано, освобождались горские привилегированные сословия. В Осетии, например, алдарские, бадеятские семьи и частично куртатинские таубии, офицеры царской армии, чиновники царской администрации, все сельские должностные лица, священники, муллы и их семейства, жители, состоявшие на службе в горской милиции, лесные и полевые сторожа и другие не подлежали обложению налогами.¹

В податном деле важно отметить не только чудовищный рост налогов, большое значение имело также само время их взимания. Сбор налогов администрацией приурочивался в основном к осени, когда на рынке крестьянский хлеб падал в цене. Хлебороб вынужден был отдавать, свой скот, зерно по заниженным ценам. Такое обстоятельство еще больше подрывало крестьянские хозяйства. Многие сельские жители брали в долг, а затем, чтобы выплатить его, лишались домашних вещей, рабочего скота, наделенной земли. В результате этого, признавали сами чиновники, «мы получили в Терской области, богатой природой, обнищавшие племена».

В 1886 г. был обнародован закон, по которому среди кавказского населения с 1887 г. вводилась всеобщая воинская повинность. Причем, в специальном разъяснении Сената горцам по усмотрению краевой администрации разрешалось отбывать эту повинность натурой или денежным налогом. По этому поводу в начале 1887 г. в Тифлисе состоялась серия совещаний Совета главнокомандующего при участии всех губернаторов и начальников областей края.² На этих совещаниях были определены формы воинской повинности; всему кавказскому населению православного вероисповедания отбывать воинскую повинность натурой, а горцам-мусульманам взносы денежного налога — ежегодно 60 коп. с каждого двора на равнине и 20 коп. в горах.³ Абсолютное большинство населения Терской области считалось мусульманским, поэтому ежегодный сбор с него воинской повинности составил 38 тыс. рублей.⁴

Что же касается осетин, то среди горцев Терской области высшее кавказское начальство их одних «удостоило чести» отбывать повинность натурой. На совещаниях Совета главнокомандующего в апреле 1887 г. было принято решение: «Не делать между осетинами различия по вероисповеданиям в отношении порядка отбывания ими повинности, установив обязательно для всех отбывание повинности натурой, о чем и возбудить ходатайство перед государем императором».⁵ С таким ходатайством лично обратился к царю наместник Кавказа князь Голицын в июле. Причем, в Петербурге полностью была одобрена эта идея, но правительство выразило мнение, что лучшим подтверждением состоявшегося заключения кавказского начальства могло бы служить, если бы подобное ходатайство возбуждено было и из среды самого осетинского населения.⁶ Во Владикавказ на имя начальника области была послана срочная телеграмма Голицына с подобным требованием. Когда об этом было объявлено осетинскому населе-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 37, д. 45, лл. 8—13.

² Там же, ф. 12, оп. 3, д. 327, л. 38.

³ Там же, л. 41.

⁴ Там же, л. 37.

⁵ Там же, л. 38 об.

⁶ Там же.

нию, то, как свидетельствует документ, с его стороны «не было проявлено ни малейшего желания отбывать воинскую повинность натурою». О том, что население Осетии было против воинской повинности, красноречиво свидетельствуют последующие события.

В августе 1887 г., возвращаясь из Петербурга через Осетию, князь Голицын велел собрать во Владикавказ по 10 депутатов от всех осетинских селений, чтобы лично объявить им «Именной указ государя императора правительственному Сенату от 28 дня июля месяца 1887 г.», в котором император «соизволил даровать осетинам-магометанам право отбывать воинскую повинность на льготных основаниях натурою». Едва наместник объявил собравшимся об этом и поздравил осетинский народ с «дарованным правом», как среди присутствующих «обнаружилось недовольство». Депутаты один за другим стали обращаться к его сиятельству с заявлением, что осетины вовсе не выражали подобного желания и что прошение о том подала самовольно небольшая группа привилегированных осетин, а потому требовали заменить эту повинность установленным вообще для всех горцев денежным налогом.¹ Наместник в самой категоричной форме ответил им: «Высочайшего повеления изменить нельзя... поэтому выбросьте из головы нелепую мысль и беспрекословно подчиняйтесь состоявшемуся уже распоряжению, направленному ко всеобщей пользе».²

Спустя недели две после этого события во Владикавказе «собралась партия под предводительством алдаров Тугановых, Кубатиевых, Дударовых, Кануковых, Мамсуровых, действовавших из личной корысти, и по наущению их тогда же сочинено было прошение на имя начальника области, в котором было заявление, что они не против отбывание воинской повинности натурою».³

Одновременно с этим жители разных селений Осетии в числе около 1000 человек собрались на сход близ селения Зилга и «порешили целою толпою идти к начальнику области с протестом против отбывания воинской повинности натурою, утверждая, что осетины никого не уполномочивали подавать прошение о желании служить в армии его величества».⁴ Однако приехавшим в город не удалось увидеться с начальником области. На северной окраине Владикавказа толпе преградили путь войска во главе с начальником округа полковником Голубовым. Он обратился к приехавшим с угрозами, напомнив им о последствиях, которые могут постигнуть их за незаконное домогательство по вопросу уже решенному бесповоротно.⁵ Собравшиеся не расходились и по-прежнему требовали допустить их к начальнику области. Через несколько часов к месту событий приехал помощник начальника области, который передал полковнику Голубову приказ генерала Юрковского – «рассеять толпу», что и было сделано. Руководители выступления в числе 17 человек были тут же арестованы и водворены во Владикавказскую тюрьму.⁶

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 327, л. 40.

² Там же.

³ Там же, л. 44.

⁴ Там же, л. 41.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В декабре депутация из 9 человек была отправлена в Тифлис с жалобой на действия местных властей. Однако и их постигла участь первых — все 9 человек были арестованы в Тифлисе и отправлены на Георгиевскую гауптвахту 21 декабря 1887 г. на 2 месяца с конфискацией имущества.¹

Тем временем областное и окружное начальство делали все, чтобы первый призыв в армию из Осетии прошел успешно. Официально он начался в октябре 1887 г. В каждом участке Владикавказского округа работала специальная комиссия «для проверки посемейных списков сел посредством определения числа лет мужского населения по наружному осмотру». Население встретило работу комиссии враждебно, бойкотировало ее, а молодежь призывного возраста пряталась, не являлась на осмотр. Набор в армию молодежи в Осетии проходил, как и повсюду, методом жеребьевки.² Призыву подлежали юноши 21 года. Срок службы устанавливался 15 лет, из них действительной службы — 4 года и в запасе 11 лет.³

В результате призыва 1887 г. в армию из Осетии уехало служить 350 человек. Следующие затем три призыва в 1888, 1889 и 1890 г. также дали почти по столько же новобранцев. Следует однако еще раз отметить, что все призывы осетинской молодежи на военную службу проходили в условиях все нарастающего недовольства населения воинской повинностью. Об этом свидетельствуют такие факты. В 1888 г. от военной службы уклонилось, сбежав, 5 человек; в 1889 г. — 14 человек; в 1890 г. — 47; в 1892 г. — 74, а в 1894 г. — 79 человек.⁴

Освещение характера административно-управленческой политики царизма в начале пореформенного периода в Осетии приводит к следующим итогам.

Окончание Кавказской войны и крестьянской реформы вызвали необходимость проведения на Северном Кавказе и других буржуазных реформ, из которых главной была реорганизация местного административного управления применительно к изменившимся военно-политическим и социально-экономическим условиям страны и края. Новое управление получило название «военно-народного» или «военно-гражданского». Оно, по мысли правительства, должно максимально приблизиться к административно-управленческой системе центральных губерний России.

Были сделаны определенные сдвиги военных форм правления к гражданским с некоторым привлечением к местному управлению гражданских лиц в основном из среды нарождающейся русской и местной буржуазии. Несмотря на ограниченность и уродливые формы, сдвиги эти имели положительное значение в деле форсированного экономического освоения края и развития его по капиталистическому пути. Главная цель реформы — укрепить аппарат управления, приспособить его к новым условиям капиталистического развития.

В целом так называемая «военно-народная» система управления ничего нового, кроме названия, не содержала и была направлена, прежде всего, против народа. Власть, в основном, осталась в руках военных, которые

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 327, л. 41 об.

² Номер очереди призыва разыгрывался по жребию.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 327, л. 41 об.

⁴ Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 58.

проводили открыто классовую политику царизма в интересах самодержавного строя и местной знати. Для нового военно-народного управления было характерно самоуправство, жестокая административная опека, военно-полицейско-бюрократический дух и в целом открытая враждебность к трудящимся массам.

Одним из важнейших аспектов экономического освоения Северного Кавказа в пореформенный период являлось включение его населения в податно-налоговую систему царизма. Вовлечение осетин в орбиту этой системы началось сразу же после проведения земельной реформы и введения в крае нового колониально-административного управления, и процесс этот продолжался до конца XIX в. Налоговое бремя, как и всюду в стране, ложилось своей тяжестью на плечи горского крестьянства. Обложение государственными налогами и повинностями являлось одной из многочисленных форм экономического ограбления горцев царизмом. Это еще больше активизировало их антиправительственную и антиадминистративную борьбу.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА

Деятельность администрации по созданию и насаждению в Осетии «нового класса земельных собственников»

С начала пореформенного периода царское правительство считало, а его местная администрация настойчиво внедряла в сознание горского населения мысль о том, что все равнинные земли Северного Кавказа «приобретены правительством оружием и ценою крови, а потому считаются исключительным его достоянием».¹ Объявив, таким образом, всю территорию казенной, правительство находило «непременным применять к ней общие законы, относящиеся к государственным землям». В первой половине 60-х гг. здесь была проведена земельная реформа, окончательно закрепившая земли за казной, со второй половины правительство стало облагать горское население, проживающее на этих землях, оброчной податью, ввело в крае новый административно-управленческий аппарат, максимально приспособив его ко всей российской феодально-бюрократической государственной системе. Верховная власть рождала и высшее право. Сделавшись первым собственником горских земель, царизм через кавказскую администрацию развернул массовую раздачу этих земель частным лицам: офицерам, отставным генералам и их семьям, классным чиновникам, представителям местной знати, духовенству.

Уже в 1863 г. по Кавказской армии был издан приказ № 418, где главнокомандующий извещал: «Государь император, вследствие представления моего и согласно положению Кавказского комитета в 24 день августа с. г. высочайше повелеть соизволил: предоставить мне, по званию командующего кавказскою армиею, право раздачи лицам – русским и туземным офицерам, а также лицам гражданских ведомств, участков свободных казенных земель в Терской, Кубанской, Дагестанской областях и в Ставропольской губернии на тех же правилах и основаниях, как это представлено наместнику кавказскому в Закавказском крае от 1857 г.»² Кавказский наместник получил также право разрешать войсковым штабам на Северном Кавказе продавать частным лицам, военным чинам и остальным офицерам войсковые земли. По существу, этот приказ положил начало гражданской колонизации края, явился прологом насаждения на Северном Кавказе новой формы частного землевладения с пришлым военно-чиновничьим элементом.

Когда возникла идея наделения земельными участками военных и гражданских чиновников Кавказа, в доказательство ее целесообразности приво-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 290, оп. 1, д. 114, л. 34 об.

² Там же, ф. 12, оп. 6, д. 734, л. 1.

дилось множество разнообразных доводов. Говорилось, что кавказские чиновники, «понесшие на пользу отечества особенные лишения и опасности, заслуживают чрезвычайного вознаграждения». Выставлялось далее на вид и то, что землевладельческий класс, образованный из лиц, долго служивших на Кавказе и потому близко знающих особенности края, будет «представлять собою особого рода столп, на который в разных случаях может опираться правительство. Наконец, предполагалось, что чиновники — земледельцы, как лица интеллигентные, насадят на полученных землях высшую культуру.

Наделение совершалось из так называемых «свободных» земель, а где таковых не было, там освобождали землю от населения. Сколько именно земель было отведено гражданским и военным чинам на Северном Кавказе, сказать трудно, нет точных цифровых данных. Но рассматривая картографический материал тех времен (различные виды землевладения обозначены различными красками), поражаешься обилию пожалованных земель в Терской, Кубанской областях и в Ставропольской губернии. Царизм и его кавказская администрация всемерно содействовали расхищению огромных массивов земли титулованной и нетитулованной знатью.

Так, в 60-е гг. в Ставропольской губернии свободной казенной земли было 540 тыс. дес. Из этой массы земель в течение 15 лет отчуждено по высочайшему повелению 113 707 дес., роздано в награду разным лицам — 208 745 дес. и предполагалось еще раздать более 74 тыс., так что весь размер розданных и предполагаемых к раздаче земель собственно в Ставропольской губернии, писала газета «Ставропольские губернские ведомости», составляет 93 процента всего количества свободной земли.¹ Особенно много земель было пожаловано в Кубанской области. «Здесь,— писал известный публицист-аграрник Я.В. Абрамов,— встречаются настоящие частновладельческие королевства. Здесь нередко получали земли лица, которым они совершенно не нужны.²

Возможности Терской области были более скромными, так как само население, осетины, чеченцы, ингуши, кабардинцы и другие, находились в тисках малоземелья. Тем не менее и здесь в течение всего пореформенного периода шел интенсивный отвод земельных участков местному и пришло-му военно-чиновничьему элементу. Правда, отводимые здесь участки по своим размерам уступали участкам в Ставрополе и на Кубани. Как правило, они колебались от 100 до 2000 дес.³

Особенно усиленно шла раздача земельных участков в частное владение в 70-х гг. За первые пять лет, с 1871 по 1875 г., в одном Владикавказском округе и в районе Малой Кабарды было роздано и продано разным лицам 19 109 дес.⁴ Вот список некоторых из этих лиц: полковникам Смекалову и Нуриду — по 1600 дес., полковнику Морозову — 750 дес., генерал-майору Павлову, Свистунову и Волконскому вместе — 13 734 дес., полковнику Золотареву — 1200 дес., генералу Эглау — 800 дес., подполковнику

¹ «Ставропольские губернские ведомости», 1881, №58.

² «Новое обозрение», 1884, № 124.

³ Долгушин А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. С. 7—8.

⁴ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1, л. 172.

князю Эристову – 246 дес., майору Соковнину – 207 дес., вдове сотника Феодосии Баратовой – 200 дес., вдове Деревянченко – 150 дес., коллежскому регистратору Иванову – 150 дес., войсковому старшине Караулову – 200 дес.¹ и т. д.

Такова была картина и в других округах области – р. Грозненском, Георгиевском, Пятигорском, Кабардинском. В одних только фондах межевой части Терского областного управления отложилось более 380 дел «о наделении земель в Терской области. Раздача земель здесь не прекращалась и в последующие годы. С 1876 по 1880 г. в пределах области, в основном в Малой Кабарде, было отмежевано: полковнику Эристову – 700 дес., генерал-лейтенанту Туманову – 1500 дес., полковнику Циклаурову – 450 дес., подполковнику Голубову – 70 дес., полковнику Гроссману – 700 дес., сотнику Кулешу – 150 дес. Всего 240 участков, из них 102 в количестве 27 546 дес. – казачьим офицерам.

Заметим, что военно-чиновничье землевладение, которое с таким завидным упорством внедрялось на Северном Кавказе, не оправдало себя. Начиная с 90-х гг. происходит переход высочайше пожалованных военным чинам земельных участков в другие руки. Это явление стало весьма типичным на всей территории края, когда сюда хлынули потоки переселенцев из внутренних губерний России.² К концу 90-х гг. от «культурного» военно-чиновничьего землевладения в пределах Терской области не осталось и следа. Вся эта земля полностью была скуплена частью разными буржуазными дельцами, а частью немецкими колонистами.

Вторым способом насаждения крупного частного землевладения на Северном Кавказе являлась раздача земли царским правительством и его кавказской администрацией местной знати. Такую раздачу горской земли, как известно, царизм стал практиковать в крае давно. Заняв какую-нибудь местность и приступая к ее внутреннему устройству, царские генералы искали прежде всего помощников и находили таковых в лице князей, узденей, алдаров, баделят, таубиев и прочих. Стремясь привлечь на свою сторону представителей влиятельной горской знати, царизм одаривал их землями. Эта экспроприация народной земельной собственности в пользу привилегированных сословий в первой половине XIX в. сначала практиковалась лишь в виде единичных фактов. Затем, когда была проведена земельная реформа в крае, раздача земель частным лицам не только не прекратилась, но само разбазаривание горских земель правительством было положено в основу новой системы поземельных отношений. «В настоящее время, — гласила специальная правительственная установка, — главная цель горского управления должна состоять в том, чтобы восстановить высшие сословия там, где сохраняются еще следы их, и создать таковые вновь в тех местах, где они не существуют».³

В новых условиях в центре внимания правительства и кавказских властей продолжала оставаться горская феодальная знать, чьи интересы царизм ставил превыше всего. Забота о ее благе оставалась одним из главных аспектов всей аграрной политики царского правительства на Кавказе. Был разра-

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1, л. 172.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595.

³ АКАК. Т. 5. С. 1287.

ботан целый комплекс мероприятий, среди которых наиболее важным считался отвод земельных наделов в частное потомственное владение представителям привилегированных сословий. Особенная забота о горских феодалах была проявлена после «реформенных потрясений». Так, в 1868 г. в Терской области для них был выделен особый земельный фонд в Кубанской области. Из 25 тыс. десятин осетинским алдарам и баделятам, по распоряжению кавказского наместника, было отведено 14 000 дес., кабардинским феодалам — 6000 дес., ингушским и чеченским социальным верхам — 5000 дес.

Но следует учитывать и то обстоятельство, что в пореформенное время произошли существенные сдвиги в оценке роли старой горской аристократической верхушки. Часть горских феодалов во время Кавказской войны скомпрометировала себя в глазах правительства. Не нашло оно себе в них союзников и в момент проведения крестьянской реформы, мало того, создав оппозицию, горские феодалы выступили со своей антиправительственной платформой. Начальник Терской области вынужден был в 1864 г. публично заявить, что «среди привилегированных сословий администрация в настоящее время не только не находит себе посредников в умиротворении края, но нередко встречает их как подстрекателей неисполнения законных требований правительства и совершения преступных действий».¹ Не у дел оказалась горская феодальная аристократия и во время коренной перестройки всей хозяйственно-экономической жизни края. Она не оправдала тех надежд, которые возлагала на нее власть. Феодальная знать обнаружила свою полную экономическую несостоятельность в новых исторических условиях, неприспособленность к этой новой жизни и продолжала вести свое хозяйственное существование по старинке праздно, беспечно.

В этих условиях, когда «феодалы оказались ленивыми хозяйственниками, консерваторами в земледелии и не оправдали надежд новой России»,² перед областной администрацией была выдвинута задача образования нового класса частных земельных собственников. «Новый класс помещиков и владельцев,— говорилось в предписании кавказского наместника,— полезно образовать и в обществах, имеющих демократическое устройство, для того, чтобы выдвинуть из среды народа в пример прочим и дать в обществе вес всем тем личностям, которые своей полезной службой и преданностью заслужили особенное внимание правительства. Эти люди, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, конечно, будут получать в народе постепенно большее и большее значение и в случае какого-нибудь брожения умов в народе будут первыми деятелями в нашу пользу. Наконец,— заключал наместник,— и в обществах аристократических есть лица, которые, несмотря на происхождение из высших слоев общества, своим усердием и преданностью принесли нам огромную пользу и в службе достигли тех чинов и наград, которые по законам империи дают права дворянства. Эти лица полезно было бы также отличать назначением им в собственность поземельных участков, с целью поселить в народе убеждение, что верная и полезная служба в глазах правительства стоит не ниже прав рождения».³ Созданием такого нового класса землевладельцев, как позже писал Лорис-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 74, д. 45, л. 98.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 615, л. 1.

³ Там же, л. 38.

Меликов, исключительно были заняты кавказское Горское управление, весь персонал областного управления и лично он сам с 1868 г.

С этого же времени начинается массовая раздача земельных участков лицам, отличившимся на службе. В 1869 г. был издан указ Сената об отводе «некоторым туземным лицам в вечное и потомственное владение государем императором пожалованных участков свободной казенной земли в Терской области».¹ Легкость, с которой царизм и его кавказская администрация стали закреплять земли в собственность горцев в офицерских мундирах и гражданских чиновников, оказала своеобразное влияние на умы последних. Многие стали смотреть на получение в собственность земельных участков как на явление самое заурядное, а иногда даже просто как на промысел. Среди этой «новой землевладельческой когорты» развилась настоящая земельная лихорадка. Дело, свидетельствовали современники, было поставлено так, что всякий, кто только считал, что имеет перед правительством мало-мальские заслуги, непременно спешил заявить о своих особых правах на получение земельного надела.² В делах областного управления отложилось более четырехсот таких ходатайств от различных сословий.³ Уже в 1868 г. начальник Владикавказского округа представил аттестацию об «усердно-полезной службе» целой группы осетин. «В настоящее время,— говорилось в ней,— когда начальство обратило внимание на заслуги тех из туземцев, которые своею преданностью правительству и отличною службою вышли из общего ряда служащих туземцев, и награждает таковых наделом земли, полезным считаю представить...» И далее перечислялись лица с весьма лестной характеристикой заслуг каждого из них.⁴

В 1869 г. начальник округа ходатайствовал о наделении участками земли еще 19 осетинских офицеров — урядников и юнкеров горской милиции. В 1870 г. к награждению землей было представлено 23 осетина, а в 1871–1873 гг. — 38 человек. В июне 1876 г. на имя начальника области пришло сообщение из кавказского Горского управления, о том, что, согласно ходатайству наместника, «государь император соизволил повелеть: отвести в потомственную собственность 155 уроженцам Терской области участки земли».⁵ Среди награжденных было 52 осетина. Земельные участки награжденным отводились: в пределах округа — 17 участков или 1186 дес., области — 68 участков или 5788 дес., и за пределами области (на Кубани) — 70 участков или 7012 дес. Отведенные участки были отмежеваны награжденным в 1877 г. Подобные отводы земельных участков частным лицам совершались и в последующие годы. Всего в Осетии было награждено землей 82 человека, площадь владений которых, вместе с осетинскими алдарами и бадедятами, в 90-е гг. составила 31 250 дес.⁶

Наконец, раздача горских земель частным лицам совершалась на Северном Кавказе в так называемых «культурных целях». В течение всего пореформенного периода насаждение «высшей земледельческой культуры» путем даровой раздачи или льготной продажи земель стало явлением весьма

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 1600, л. 2.

² «Новое обозрение», 1884, № 124.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 49, д. 42, лл. 1–309.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 4, д. 105, л. 11.

⁵ Там же, ф. 11, оп. 8, д. 9 (часть 1), лл. 1–10.

⁶ Там же, д. 892, лл. 46–64.

распространенным по всему северокавказскому краю. Громадное количество лучших земель ушло в цепкие руки разных предприимчивых людей, преимущественно из иностранцев, которые нередко у себя на родине были «просто сапожниками или колбасниками, а явившись к нам на Кавказ, сделались специалистами — техниками, агрономами, учеными-садоводами и т. п.».¹ Подобные господа, насадив в отведенных им землях деревца и кусты или же построив какой-нибудь сарай к будущему воображаемому заводу, выжидали положенные по контракту 10 лет, а затем спешили продать отведенные им земли и убраться восвояси с приличным капиталцем в кармане.

Немало таких деятелей оказалось и на территории Терской области. В 1868 г., например, некий австрийский подданный Фердинанд Бушек обратился к наместнику Кавказа с просьбой выделить ему в Осетии, недалеко от Владикавказа, 500 дес. земли для организации на ней «образцовой» сельскохозяйственной школы. Через год, по воле высшего кавказского начальства, из земель осетинского сел. Ольгинского и ингушского — Базоркино Ф. Бушеку было выделено 501 дес.²

Под эти же «благотворительные» цели в 1871 г. было отведено огромное земельное пространство—1500 дес., в 4-х верстах южнее Владикавказа, в урочище «Длинная долина».³ Недалеко от Алагира в 1888 г., по решению начальника области, отвели 200 дес. некоей подполковнице Софии Есаковой «с целью основания на просимой ею земле пчеловодства, скотоводства и тутовой плантации».⁴ Но ровно через год эта госпожа ухитрилась продать полученную ею землю, а жители Алагира и близлежащих сел остались без образца «высшей культуры».

С подобной же культурной земледельческой миссией явились в край и немецкие колонисты. В большинстве случаев они приехали сюда по вызову кавказских властей и при пособии казны. Здесь они получали в значительном количестве даровые земли.

Всего на территории Северного Кавказа в 60-х гг. было образовано 23 немецких колонии. В Кубанской области было 8 немецких поселений, имеющих особое управление, в Ставропольской губернии — 9, а на Тереке — 6.⁵ Одна из них была основана на территории Осетии еще в 1861 г. Около 70 семейств немецких колонистов обосновались на северной окраине Владикавказа, где и получили в свой надел 2305 дес. из бывших войсковых земель. Колонисты должны были на этой земле создать «образцовые хозяйства» и показать «тем самым окружающему туземному населению улучшенные способы земледелия».⁶ В последующие годы на территории Владикавказского округа было основано еще три колонии.

Таким образом, одним из важнейших аспектов аграрной политики царизма на Северном Кавказе в пореформенный период было массовое от-

¹ «Новое обозрение», 1884, № 124.

² Подробно об этом: Березов Б. П. Первая сельскохозяйственная школа на Северном Кавказе — «Растдзинад», 1970, 12 мая.

³ «Длинная долина» являлась казенной оброчной землей.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3352.

⁵ «Новое обозрение», 1885, № 407.

⁶ Подробно об этом: «Мах дуг», 1977, № 2.

чуждение земель в пользу горской знати, военных и гражданских чинов, различного рода буржуазных предпринимателей, действовавших в крае под видом носителей «земледельческой культуры». Царское правительство и его местные административные круги в 60–90-е гг. усиленно создавали здесь «новый класс частных земельных владельцев» из русского чиновничества, казачьего офицерства, местного служивого населения, пришедших буржуазных предпринимателей, иностранных колонистов. Такой класс должен был стать «особого рода столпом, на который в разных случаях должно было опираться правительство».¹

Рост товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве

Крестьянскую реформу В.И. Ленин назвал «перевалом» в русской истории. Такая исключительно меткая характеристика значения эпохи буржуазных реформ в полной мере применима и к истории Северного Кавказа. Крестьянская и другие буржуазные реформы лежали на грани двух исторических эпох—патриархально-феодальной и буржуазно-капиталистической и знаменовали собою начало новой истории края. После реформы под влиянием новых социально-экономических отношений в общественной, бытовой и духовной жизни горского крестьянства стали происходить глубокие изменения: рушились основы феодальной замкнутости, натуральной основе хозяйства наступал конец, и оно, начиная с 60–70-х гг., приспособлялось к условиям товарно-денежных отношений.

В Осетию товарно-денежные отношения стали проникать еще в дореформенный период, чему способствовали присоединение Осетии к России и, в особенности, перенесение осетинским населением основы своей хозяйственно-экономической базы с нагорной полосы на плоскость. Некоторая часть плоскостных осетин уже тогда применяла в земледелии усовершенствованные приемы обработки, перешла к производству более урожайных культур, вкладывала появившиеся капиталы в строительство мельниц, винных заводов и торговых лавок, разводила сады, виноградники и даже плантации марены.²

И тем не менее эти явления для дореформенной Осетии не являлись характерными. Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственно-экономическую жизнь жителей осетинских селений было еще зачаточным. Хотя жажда наживы и возросла, но все же купля и продажа протекали в самой примитивной форме. И кустарь, и пахарь, и пастух, и пчеловод в абсолютном большинстве обходились продуктами своего собственного труда, редко прибегая к содействию денег. В «дверь осетинской дымной сакли русский капитал властно постучал» лишь в начале пореформенного периода, когда жители Осетии постепенно и все настойчивее стали попадать в условия товарного производства. Развитие русского капитализма вглубь и вширь ускоряло создание общероссийской экономической системы и втягивало окраины, в том числе и Осетию, в хозяйственную жизнь России. «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расши-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 49, д. 1. л. 1.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 693, л. 109.

рения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»,¹ — писал Ленин. Он отмечал, что это свойство капитализма с громадной силой проявлялось в пореформенной России.

Воздействие российского торгового капитализма на осетинское население вносило изменения прежде всего в крестьянские хозяйства, так как сама Осетия в целом была страной крестьянской. Если раньше крестьянин довольствовался продукцией собственного хозяйства, то теперь у него возникли новые потребности вследствие соприкосновения с товарами капиталистической промышленности. Чтобы приобрести эти товары, нужны были деньги, а потому он должен был сдавать на рынок продукты своего крестьянского хозяйства.

В.И. Ленин указывал, что «развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого».²

Деньги нужны были еще и потому, что крестьянин должен был платить налоги. С этой целью он продавал даже за счет собственного недоедания продукты, изделия домашнего производства. «Горец должен был по необходимости, в ущерб питанию семьи, детей, значительную часть молока, мяса, сыра и пшеницы сносить на рынок, превращать их в деньги».³ Нужны были они и для более важных дел. Посаженный реформой на крохотный надел, он, чтобы прокормить семью, вынужден был покупать землю на стороне — у помещиков, у казаков или у казны. Однако в условиях острого безземелья в Осетии цены на землю достигали баснословных цифр и были недоступны даже среднему крестьянину. Существовал и другой, не менее тяжелый для крестьянина путь к земле — аренда ее у землевладельцев. Например, к концу 80-х гг. жители только двух селений — Христиановского и Магометановского — уплачивали ежегодно 64 тыс. руб. арендной платы.

Таким образом, в условиях развивающихся капиталистических отношений сама окружающая осетина обстановка вынуждала его обращаться к рынку. Имевший раньше весьма слабое понятие о деньгах, он не только познакомился с ними, но они сделались для него жизненной необходимостью. «Теперь новый строй хозяйства требует на каждом шагу денег, денег, денег!»,⁴ — восклицал современник.

В приобщении горцев к рынку и распространении среди них товарно-денежных отношений большую роль играли города: Моздок, Нальчик, Грозный, Георгиевск, Тифлис, Владикавказ. В дореформенный период развитие северокавказского города определялось главным образом военно-политическими условиями. Города имели прежде всего военные функции со значительным солдатским и казачьим элементом. Они были слабо связаны с общероссийским рынком, и их торговые связи ограничивались местными рынками. Главная функция их — обслуживать войско, в этом прежде всего сказывались черты военно-феодалного города. Переключение капиталов из сферы торговли в сферу производства в этот период еще только начина-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 522.

² Там же. С. 219.

³ В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. С. 176.

⁴ Гарданов М. Указ. соч. С. 176.

лось (в 40–70 гг.). Промышленность в городах была развита слабо и носила ярко выраженный потребительский характер.

В пореформенные годы все более увеличивалась торговая роль городов как связующего звена в рыночных отношениях между городской промышленностью и сельским хозяйством, а также между отдельными районами края и внутренними рынками страны. Изменялись размеры и формы торговли, более широким стал ассортимент товаров, все чаще стали появляться на рынках изделия как местного производства, так и привозимые из нейтральных районов России. Рост городского населения и изменение его социального состава, отразившие характерный для капитализма процесс, во многом обуславливали состояние хлебного рынка в Терской области. В пореформенные годы в городах быстро развивалась торговля, кустарная промышленность, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: зерна, технических культур, продуктов животноводства. Для осетин центральным торговым пунктом оставался Владикавказ, расположенный в самом центре Осетии. Переименование его из крепости в город в самом начале 60-х годов еще больше подняло его торгово-экономический вес в глазах окружающего его горского и русского населения. Уже в 70-х годах на трех владикавказских ярмарках ассортимент горских товаров значительно разнообразился в первую очередь за счет земледельческих культур и продуктов животноводства. Торговля в городе постепенно была перенесена за городские стены. «Торговля владикавказских торговцев, – свидетельствует документ 60-х гг., – сосредоточивается уже не только в самом Владикавказе, но и в аулах, военных укреплениях и станицах. Товар закупается на нижненовгородской ярмарке и заключается преимущественно в бумажных и шелковых материях, сукнах, металлических изделиях, галантерейных и мелочных вещах, сахаре, чае, кофе и заграничных напитках».¹ Годовой торговый оборот владикавказских купцов в 80–90-е гг. достиг почти пятимиллионного рубежа. Особенно возрос удельный вес Владикавказа как торгово-промышленного центра Терской области с вводом в 1875 г. Ростово-Владикавказской железной дороги и затем, в период развертывания в широких масштабах земледельческой (гражданской) колонизации Северного Кавказа.

Таким образом, роль городов и крупных населенных пунктов, особенно расположенных в районе Владикавказской железной дороги, в развитии торговли в пореформенный период трудно переоценить. Они все больше объединяли вокруг себя сельские районы на основе товарных связей, которые принимали двоякую форму: от села к городу и от города к сельской периферии.

В пореформенный период в Осетии сильное развитие получили товарное земледелие и скотоводство. Причем, если в дореформенный период главными предметами торговли у осетин служили продукты животноводства и отчасти горской кустарной промышленности (в торговом балансе земледельческий продукт играл незаметную роль), то в новое время картина изменилась. В торговых операциях осетинского населения роль хлебобудовых продуктов в торговле стала доминирующей. Объяснялось это тем, что в пореформенной Осетии капитализм раньше и сильнее всего пустил корни в земледельческом хозяйстве.

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 7, оп. 1, д. 107, л. 91 об.

Хотя по-прежнему сохранялись старые феодальные формы земледелия, тем не менее «экономическая эволюция оказалась сильнее и наполняла эту феодальную оболочку капиталистическим содержанием»¹.

Земледельческое хозяйство стало более подвижным. Система земледелия, созданная осетинским крестьянством в пореформенный период, базировалась на эмпирически познанных веками законах природы, учитывались естественное плодородие, живучесть растений и т. д. Господствующей стала паровая система полеводства и форма трехполья. Залежная система встречалась очень редко. На равнине преобладали озимые, в горах — яровые культуры. Причем, такие старинные традиционные зерновые культуры, как просо, ячмень, рожь и даже пшеница, производимые осетинами с древнейших времен для личного потребления, после реформы постепенно стали уступать свое место другим культурам, с большим товарным значением — картофелю и кукурузе. Некоторые состоятельные хозяйства даже пытались (хотя и без успеха) заняться разведением в Осетии марены.

Источниковедческая база не даст возможности всесторонне охарактеризовать хлебопашество в Осетии в 60-х гг. Встречаются лишь отрывочные сведения, которые не позволяют показать динамику этой отрасли сельского хозяйства. Не подлежит однако сомнению, что в первое десятилетие после крестьянской реформы земледелие развивалось очень слабо. Осетинские помещики — алдары и баделята, лишенные даровых крепостных рук, не сумели быстро перестроить свои хозяйства, а процесс расслоения осетинского крестьянства только что начинался. Неприспособленность осетинских землевладельцев к условиям нового времени, их хозяйственный консерватизм отмечали и представители местной власти, неоднократно подчеркивая их «ленность, невежество, расточительство, легкомыслие, неспособность к труду», непонимание «главной отличительной черты нашего времени», и то что они «не обременяют свои интересы вопросами рационального ведения сельского хозяйства». Характеризуя состояние осетинских помещичьих хозяйств в конце 60-х гг., Кодзоков, между прочим, отмечал, что «хозяйств как таковых ни у баделят, ни у алдаров нет... Генерал Туганов только и думает о том, чтобы завести процесс с соседями и администрацией. Другие баделята отличаются замечательным упрямством во всех случающихся реформах и составляют одну из самых малосимпатичных корпораций». Главный его вывод — хозяйство алдаров и баделят «не продвинулось ни на шаг вперед».²

Не в лучшем состоянии находились и крестьянские хозяйства. Начальник области Лорис-Меликов отмечал, что и они перестраиваются очень медленно и переживают период спада. «Туземцы очень мало сеют хлеба и можно сказать только для своего обихода, вследствие отсутствия в крае возможности сбыта главной производительности их — хлеба»,³ — с тревогой доносил он вышестоящей власти. Администрацию тем сильнее беспокоила эта проблема, что она была связана с обеспечением войск местным продовольствием, так как доставка его из России обходилась для казны очень дорого. За один только 1869 г. для 70 тысячного войска в Терской области эти затраты составили 154 750 руб.⁴ Областным начальством был

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 421.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1292, л. 9.

³ Там же, л. 12.

⁴ Там же, л. 15.

разработан целый комплекс мероприятий, которые, по его мнению, должны были поднять у местного населения заинтересованность в широком развитии сельскохозяйственных промыслов, «возбудить в туземцах области соревнование к распространению земледелия».

Во-первых, «чтобы занять народные силы в сельском хозяйстве, следует дать туземцам исключительное право сбывать избыток хлеба в местные провиантские магазины». Предполагалось для этого открыть по три таких магазина в каждом округе. Для покупки зерна у населения к каждому провиантскому магазину назначались «опытные и знакомые с хлебной промышленностью комиссионеры, которых нужно было обязать лично и через туземных подрядчиков ознакомиться со всеми хлебобродными местностями области и земледельцами, дав последним наставления к приготовлению для сдачи в магазины пшеницы, пшена, ячменя и овса, обнадеживая их постоянно закупкою и внушая мысль о пользе распространения и улучшения хлебопашества».¹

Во-вторых, «было бы весьма полезно подарить туземцам для образца несколько экземпляров усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Обработка земли трудна при тех тяжелых сельскохозяйственных орудиях, которыми производится у них пахота. Обессиливаясь в тяжелой работе, туземцы поэтому очень мало сеют хлеба».² Для каждого округа централизованно предполагалось закупить в России по две молотилки, веялку, по пять сакковских железных плугов, по несколько десятков железных лопат, кос, а также пилчатых серпов русского производства. Инвентарь этот в дальнейшем должен был перепродаться двум-трем сельским или станичным обществам. Наблюдая «в действии за этими усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями,— подчеркивал начальник области,— горцы без сомнения поймут происходящую от того выгоду и постепенно станут увеличивать и улучшать земледелие».³

В-третьих, чтобы развить в хозяйствах области лучшие сорта зерновых культур, предполагалось организовать продажу в магазинах по несколько мер сортового зерна каждому сельскому обществу. Среди этих культур первой указывалась кукуруза. Ценность кукурузы, по мнению областной администрации, заключалась не только в ее высокоурожайности и легкодоступности, но, главное, в ее большой товарности. Отмечалось, что из кукурузы можно приготовить весьма здоровую для пищи людей крупу, по вкусу не уступающую пшеничной и ячменной. «В экспедициях против горцев,— писал генерал Лорис-Меликов,— часто случалось видеть кавказского солдата, с удовольствием приготавлившего для себя на бивуачном костре из добытой в разоренном ауле кукурузной муки лепешки или густую кашу. По этому опыту и привычке солдата можно полагать, что кукурузная мука... могла бы с большою пользою заменить для солдата толченые сухари из ржаного хлеба».⁴

В-четвертых, в области, начиная с 1871 г., организовывались ежегодные выставки сельскохозяйственных товаров. Местом этих выставок был избран Владикавказ, «как столица всех горцев». Выставки должны были развить «состояние» у местных жителей в «разведении лучших родов хлеба»,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1292, л. 16.

² Там же, л. 11 об.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 12 об.

потому что администрация ежегодно учреждала «приличные призы и премии». «Это много заинтересует восприимчивых горцев и покажет им ясно, что само правительство... дает им видимые знаки попечения о их сельском хозяйстве».¹

В-пятых, планировалось «в центральных пунктах хлебопашества» области построить 3–4 казенных паровых мельницы, в которых устанавливалась сравнительно умеренная плата за перемол.

Предусматривались и проводились в жизнь более долгосрочные мероприятия: создание в области «нового класса частных землевладельцев», насаждение среди населения «культурного и рационального земледелия путем организации в различных районах области «образцовых» хозяйств, участков, ферм.

Подъем земледельческого хозяйства округа наметился уже в 70-х гг. Таблицы 2 и 3, составленные на основе документальных источников, показывают наглядно динамику роста посевов и собираемого урожая во Владикавказском округе в разное время пореформенного периода.

Годы	Снято четвертей							
	Пшеницы	Ржи	Овса	Ячменя	Гречихи	Проса	Кукурузы	картофеля
1871	52428	21629	14768	32593	5119	13341	26910	19634
1873	70162	22925	13218	39130	7615	14114	29863	22821
1885	77028	15917	10282	41969	3782	45471	31836	26540
1887	144345	28815	33340	47493	8561	49836	218382	32465
1898	40646	982	5216	25125	792	4961	365358	54913

Годы	Снято четвертей							
	Пшеницы	Ржи	Овса	Ячменя	Гречихи	Проса	Кукурузы	картофеля
1871	14155	5689	3330	7288	1548	4281	5500	4751
1873	20839	5259	2970	6774	1463	4030	6530	6305
1875	15862	4373	2864	7721	1151	5651	7010	1799
1887	27398	5016	4805	8203	1303	4300	12595	5249
1898	8609	171	972	3060	162	328	19452	7790

Характеризуя количественные показатели этих таблиц, прежде всего следует иметь в виду, что эти сведения, как о посевах, так и о собранном урожае, хотя и являлись официальными (они взяты из отчетов начальника округа), абсолютно точными их назвать нельзя хотя бы потому, что в

¹ Материалы по истории Осетии. Т. 3. С. 61 –103.

документах встречаются и другие данные. Так, по данным таблицы, годовой урожай всех культур в 1871 г. составил 186 413 четвертей, а по сведениям другого документа—132 973 чт., за 1873 г. по таблице собрано 220 248 чт., а по другому документу — 257 989 чт. и т. д.

Развитие товарности земледелия внесло значительные изменения в структуру посевных площадей. Население преимущественно занялось возделыванием кукурузы. О посевной площади и сельскохозяйственных культурах, выращиваемых в округе в последней четверти XIX в., дает представление таблица 4, составленная также на основании годовых отчетов начальника Владикавказского округа.¹

Годы	Десятин посева без казацких станций	Ржи	Озимой пшеницы	Яровой пшеницы	Ячменя	Проса	Овса	Кукурузы	Всего посев с казацкими станциями (в тыс. дес.)
1886- 1890	31,4	0,3	11,2	1,6	4,6	2,5	1,5	9,6	40,8
1896- 1900	39,4	0,2	6,5	0,5	2,7	1,1	0,7	25,2	51,2
1901- 1905	41,2	0,2	8,2	0,6	2,2	0,6	0,7	26,0	62,5

Из таблицы явствует, что за 20 лет (с 1886 по 1905 г.) посевная площадь увеличилась в осетинских селениях на 9,8 тыс. дес. (с 31,4 тыс. до 41,2 тыс. дес.), то есть на 31,2 процентов, а при учете и казацких станций — на 12,7 тыс. дес., или на 31,3 процентов. В удельном весе посевов земледельческих культур произошли следующие изменения: удельный вес озимой и яровой пшеницы уменьшился с 40,8 до 21,5 процентов, то есть почти вдвое; по ржи, ячменю, просу и овсу также получилось уменьшение, по картофелю и прочим культурам — небольшое увеличение. Зато удельный вес посевов кукурузы, поднялся с 30,6 до 64 процентов, то есть увеличился больше чем вдвое. В абсолютных числах посевы кукурузы дали рост с 9,6 тыс. до 26 тыс. дес., то есть в 2,7 раза.

В результате такого положения количество производимой ежегодно пшеницы, ржи, овса и ячменя в округе и области в целом не стало покрывать спроса даже на продовольствие. Причем, этот разрыв между производством и продовольственным спросом на эти культуры увеличивался, что породило весьма тревожное состояние в области. Во Владикавказе выпечка хлеба сократилась, усилилась спекуляция хлебом. Весной 1888 г. начальник области строго предписал окружающим начальникам систематически разъяснять населению ту «осозательную пользу, какую может принести ему в материальном отношении, если оно снова займется посевом пшеницы, ржи, ячменя, проса и гречихи».² В одном Христиановском площадь, засеваемая пшеницей и просом, сократилась с 2038 дес. в 1880 г. до 102 дес. в 1893 г.

¹ Материалы по истории Осетии. Т. 3. С. 61—103.

² Гарданов М. Селение Христиановское в фактах жизни.—«Известия СОНИИ». Т. 1. С. 167.

В свою очередь, посевная площадь под кукурузу составила соответственно 94 дес. в 1880 г. и 4153 дес. в 1893 г.¹

В условиях все более и более развивавшихся товарно-денежных и рыночных отношений, кукуруза к концу XIX в. сделалась главной товарной культурой в Осетии, ежегодный вывоз которой через железнодорожные станции Беслан, Дарг-Кох, Эльхотово и Владикавказ в 90-х гг. составлял около 2 млн. пудов. «Петербург, Рига, Новороссийск потребовали кукурузу из Осетии для вывоза за границу, потребовали ее и в глубь России на винокуренные заводы».² Кукуруза занимала первое место по урожайности. Если в 80-х гг. средний урожай пшеницы, ячменя, овса, проса и ржи колебался от 25 до 40 пудов с десятины, то средний урожай кукурузы достигал от 90 до 95, а иногда и 100 пудов. Кукуруза, таким образом, давала при одних и тех же затратах и климатических условиях гораздо больше устойчивого дохода. Ее уборка не требовала той срочности, какая необходима для других культур. Кроме этого, на кукурузных полях можно было после уборки урожая производить выпас скота и заготавливать корм в виде стебля, а это тоже было важно при постоянном сокращении сенокосных угодий на плоскости.

Относительно техники сельскохозяйственного производства пореформенное время в Осетии может быть разделено на два периода. Первый охватывает 60–70-е гг., когда земледелие продолжало базироваться в основном на примитивных орудиях труда. Второй период начинается с середины 80-х гг., когда земледельческая техника претерпела известную эволюцию.

По данным конца XIX в., Терская область среди 12 областей и губерний Кавказа занимала первое место по удельному весу усовершенствованных орудий и машин в сельском хозяйстве, а среди 8 округов области по этому показателю и по применению конных и паровых молотилок на первом месте был Владикавказский округ.³ Конечно, нет никаких оснований для преувеличения технического прогресса в земледелии, но нельзя говорить и о чрезвычайной отсталости сельскохозяйственной техники, как это делают некоторые авторы.

В пореформенный период в трудовой деятельности осетинского крестьянства заметную роль стало играть садоводство. Эта отрасль земледельческого хозяйства, известная осетинам с древнейших времен, получила большой толчок в своем развитии с переселением осетин на равнину. Начало этому было положено в Алагире закладкой казенного питомника и большого фруктового сада при Алагирском сереброросвинцовом заводе. Для этой цели было отпущено 10 тыс. руб. Начальник завода Иваницкий выписывал из Франции, Италии, Крыма и Грузии лучшие сорта плодовых деревьев, саженцы которых успешно привились здесь.⁴ Тогда же был заложен фруктовый сад и при алагирской церкви. Сады в Алагире состояли в основном из яблонь и груш.

На рубеже 60–70 гг. среди населения зародилось довольно сильное движение в пользу развития садоводства в Осетии. В 1870 гг. по инициативе начальника округа полковника Эглау во всех плоскостных селениях

¹ Гарданов М. Указ. соч. С. 163.

² ЦГА СО АССР, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 61 об.

³ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России. СПб., 1913. С. 32–36.

⁴ «Терские ведомости», 1877, №38.

жители на общих сходах обсудили специальные рекомендации окружного начальства по вопросу о развитии в округе садоводства и огородничества. Сельские власти должны были выявить желающих заняться разведением садов. Охотникам администрация оказывала не только моральное содействие, но и материальную помощь. Она выражалась в том, что начальство обязало сельских старшин выделять таким людям из аульных дач земельные участки до 2 дес. под сады и огороды. Будущим садоводам администрация обещала также отпускать по заниженным ценам фруктовые саженцы из Алагирского казенного сада и из хозяйства агронома Ф. Бушека.¹ Начальник округа, по словам документа, «сам проявил большую заботу и личную заинтересованность». В тех аулах, где жители не изъявили желания заниматься садоводством и огородничеством, по его распоряжению «насиленно заставляли садить деревья».

Так, в начале 70-х гг. в Осетии появилось множество мелких частных садов. Когда же «посаженные первоначально деревья стали приносить такие плоды, за которые скупщики охотно платили хорошие деньги, — писала в 1877 г. областная газета, — то с этого времени охота к садоводству сама собою постепенно стала до такой степени увеличиваться, что в настоящее время на него бросаются с какою-то лихорадочною горячностью и конечно об этом не будут сожалеть впоследствии».² Сады были заложены во всех селениях, но особенной известностью пользовались они в Ольгинском, Батакоюрте, Заманкуле, Бруте, Карджине, Гизели, Кадгароне, Вольно-Христиановском, Вольно-Магометановском, Ардоне, в станицах Архонской, Ардонской, Николаевской, Змейской. В Ардонской станице славился сад братьев Яковлевых. Вначале они посадили в своей усадьбе фруктовые деревья, пользуясь прививками из казенного Алагирского сада. Дело пошло хорошо. Большую роль в распространении садоводства в Осетии сыграли выпускники сельскохозяйственной школы Ф. Бушека, явившиеся, по сути, первыми специалистами по садоводству в Терской области.

Садоводство увлекло и часть осетинских помещиков. В 70-х гг. Кубатиевы развели сады в Кора-Урсдоне, Тугановы — в Дур-Дуре, Абисаловы — в Карагаче, Караджаевы — в Хазнидоне, Шанаевы — в Бруте, Дударовы — в Карджине, а Тулатовы и Кануковы — даже в горном Кобане.

Однако центром садоводства в Осетии по-прежнему оставался Алагир. Алагирские фрукты очень скоро зарекомендовали себя лучшими как по урожайности, так и по вкусовым качествам, и получили известность далеко за пределами Осетии; они стали вывозиться даже на экспорт. В самом Алагире каждый домохозяин имел при домах и огородах от 5 до 40 фруктовых деревьев. Особенно хорошие, по свидетельству современников, сады были в 70–80-х гг. у управляющего заводом Щастливцева (6 дес.), у отставного генерала Трейтера (4 дес.), у коллежского советника Ольшевского (до 3 дес.) и др. У Щастливцева и Трейтера при садах были созданы питомники, из которых продавались саженцы.³ Расположенные по соседству осетинские селения Салугардан, Бираганг вскоре тоже стали утопать в садах. Садоводство здесь стало «страстью» жителей. «В Салугардане, например, — писал местный чиновник, — нет дома, при котором бы не был

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 52, д. 185, лл. 53–54.

² «Терские ведомости», 1877, № 38.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 53, д. 173, л. 60.

разведен небольшой фруктовый сад, хотя бы с несколькими деревьями. Большинство же владеет садами с насаждениями до 40, а то и до 300 и более деревьев.¹

Со второй половины 70-х гг. садоводство в Алагирском районе было поставлено исключительно на товарную основу. Здесь к этому времени, наряду с существующими старыми сортами груш бергамот, бон-крестьен, сен-жермен, люшесс, местными садоводами-селекционерами Майрамом Габолаевым и Фадеем Бараковым² были выведены новые высокоурожайные сорта — «алагирская черная груша» и «майрамка». Причем, «если первый из них был садоводом-любителем, то Ф. Бараков был настоящим ученым. Он окончил училище при императорском Никитском саду в 1872 г. и показывал «блестящие знания в разведении новых фруктовых садов».³ Особенно ценным был зимний сорт «алагирская черная», составлявшая славу Алагира. Она заслужила широкую известность далеко за пределами края. Особенностью этой груши являлось то, что она давала обильный урожай (до 15 пудов), была морозостойкой, долго сохраняла свои вкусовые качества, при транспортировке не портилась. Ежегодно осенью Алагир становился местом паломничества разного рода скупщиков. Причем, многие скупщики являлись к алагирцам с запросом задолго до уборки плодов. На месте пуд летних сортов груш продавался за 3 руб., а зимних — за 4–5 рублей. На владикавказских рынках цены эти соответственно повышались до 7 рублей. В 1877 г. в газетах сообщалось, что на петербургском рынке черные алагирские груши охотно покупались по 18 руб. за пуд.⁴

Повышенный интерес к садоводству поднял цены на земли в Алагире. Каждый, кто имел сколько-нибудь капитала, старался приобрести в Алагире земельный участок и завести на нем сад. В 60-е гг. многие из алагирских поселян, продавали земельные участки в 120 квадратных саж. по 1–2 руб., «но по мере того, как занятие садоводством стало расширяться и цены на фрукты стали» подниматься, подобные участки продаются алагирцами не дешевле 8–10 рублей».⁵

В 80–90-е гг. в Осетии появилось два новых района по развитию садоводства — Унальское ущелье и пригороды Владикавказа. Здесь, как и в Алагире, садоводство стало основным занятием жителей. Жители Унала в трудных условиях создали на горных склонах и в глубоком ущелье прекрасные сады. А в пригородах Владикавказа под сады было роздано разным лицам более 350 дес. Хорошие сады здесь создали Бушек, Шимановский, Сарычев, Прохазка, Орлова и др. Вся продукция садовладельцев или большая ее часть скупалась на месте скупщиками из Москвы, Харькова, Петербурга, Ростова, Новороссийска и перепродавалась в городах России. Всего в Осетии к началу XX в. насчитывалось до 1600 садов с общей площадью 800 дес.

Таким образом, садоводство в области, и во Владикавказском округе в особенности, наиболее сильное свое развитие получило в 80–90 гг. Здесь в

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 53, д. 173, л. 54.

² М а р к о в и ч В. В верховьях Ардона и Риона. — «Записки императорского географического общества». Т. 38, вып. 3. 1906. С. 5.

³ «Терские ведомости», 1877, № 38.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

это время были созданы питомники, сельскохозяйственная школа в Камбилеевском была переименована в специальную школу садоводства. За годы ее существования был подготовлен большой отряд садоводов средней квалификации. Из питомников этой школы, например, за один 1894 г. было продано населению области свыше 10 тыс., черенков, в том числе жителям осетинских селений – 6896.¹ С 1894 г. местные садоводы стали неизменными участниками традиционных выставок любителей садоводства России. В 1895 г., например, владикавказские садоводы, участники юбилейной выставки Российского общества любителей садоводства в Москве, демонстрировали 36 сортов груш и яблок, и им была присуждена высшая награда и золотая медаль.

К концу XIX в. в крае значительно развилось и огородничество, которое также подверглось сильному влиянию рынка. С 1894 по 1896 г. в области было продано овощей на 725 038 руб., в том числе в 1894 г. на 139 128 руб. в 1895 г. – на 133 111 руб. и в 1896 г. – на 452 799 руб.²

Таким образом, подъем земледельческого хозяйства в Осетии, рост его товарности наметился в 70 гг. Это обуславливалось развитием товарно-денежных отношений, быстрым увеличением городского населения, прекращением ввоза хлебопродуктов из внутренних губерний для продовольственных нужд войск и замена их местным хлебом. Товарное развитие осетинского сельского хозяйства ускоряло специализацию земледельческой деятельности населения, расширяло посевные площади, внедряло усовершенствованный инвентарь и сельскохозяйственные машины. Специализация земледельческого хозяйства в Осетии являлась ярким выражением его капиталистической эволюции: каждая новая отрасль, не успев еще как следует экономически окрепнуть, ввергалась в общий водоворот капиталистического производства, связывалась прочными путями не только с общероссийским, но порой и с мировым рынком.

На рост товарного хлебопашества в Осетии в значительной степени оказало влияние сооружение Владикавказской железной дороги. Ввод этой дороги содействовал коренному перелому в экономическом и общественном развитии Терской области, ее превращению в одну из житниц России.

Скотоводство в пореформенный период занимало следующее после земледелия место в сельскохозяйственном производстве Северной Осетии и тесно было связано с ним. С одной стороны, оно являлось дополнением к земледелию, обеспечивало его рабочим скотом и органическими удобрениями, с другой – представляло самостоятельную отрасль, производящую важные продукты питания. Доходы от него служили значительным подспорьем в бюджете каждой осетинской семьи. Структура скотоводства, общий уровень развития и степень его товарности в разное время в прошлом столетии были не одинаковыми. В нем, как и в земледелии за пореформенный период, произошли важные количественные и качественные изменения. Говоря о состоянии скотоводства в пореформенный период, следует подчеркнуть, что оно не одинаково было развито в двух основных районах Осетии – в плоскостном и нагорном. Если в последнем для его населения животноводство на протяжении всего XIX в. составляло главный или ос-

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 108, л. 91.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 869, лл. 26–32.

новой вид хозяйственной деятельности, то в хозяйственно-экономической жизни плоскостных осетин оно лишь дополняло возможности земледельческой промышленности.

В горах Осетии скотоводство имеет древние истоки. Оно имело важнейшее значение в быту и хозяйстве горцев. Веками создавалось горное скотоводческое хозяйство, где состав стада формировался под влиянием природных условий горной зоны. Занимались в основном овцеводством. Имелись в хозяйстве горцев и коровы, были лошади, ослы, удельный вес которых с установлением экономических связей с равниной и вообще с расширением контактов с окружающим миром, все больше и больше возрастал.

В целом же овцеводство всегда составляло главное направление горного скотоводческого хозяйства. В условиях гор наиболее рентабельно было разведение именно овец. Горная порода овец давала сравнительно много молока, масла и шерсти. Основной кормовой базой служили альпийские луга и пастбища. Большое место занимали и лесные поляны, до 60-х гг. использовались также пастбищные места на плоскости.

В пореформенный период горное скотоводство в Осетии, вопреки утверждениям официальных властей, не имело широких потенциальных возможностей. Объяснялось это, главным образом, ограниченностью кормовой базы. Особенно трудно стало горным скотоводам с проведением на плоскости земельной реформы. С закреплением плоскостных земель за аулами исчезла для горных овцеводов возможность использовать зимой равнинные земли. Ударил по развитию горного овцеводства и захват осетинских лесов и лесных полян казной. Изъятие лесов из народного пользования в 1882 г. почти наполовину сократило площадь пастбищных земель, население горной Осетии потеряло удобные места для зимних стоянок скота.

В равнинной части Северной Осетии скотоводство представляло несколько иную картину. В первое время после переселения осетин с гор на плоскость состав стада оставался таким же, как в горах: с преобладанием овцеводства и малым количеством крупного рогатого скота и лошадей. Следует отметить, что до 30-х гг. степное скотоводство не достигло успехов, хотя располагало оно здесь неограниченной, по существу, кормовой базой. Объяснялось это частым падежом скота. Процесс приспособления его к новым климатическим и равнинным условиям протекал с большими трудностями: скот болел, терял в весе, сокращался численно. Однако с годами процесс приспособления к новым условиям закончился, и наступили времена необычайно быстрого подъема овцеводства и поголовья крупного рогатого скота.

40-60-е, отчасти и 70-е гг. были периодом количественного роста животноводства, что находит единодушное подтверждение в источниках и документах.

В пореформенный период, начиная с конца 70-х гг., этот рост на равнине прекращается. Особенно заметно это было в овцеводстве, которое в последние два десятилетия даже сократилось. «Ныне на сто дворов,— писал Ардасенов в конце 80-х гг.,— не найдется и десяти, которые держали бы еще овец».¹ Объяснялось это тем, что плоскостное население, сосредоточившее главное свое внимание на полеводстве, из года в год увеличивало площади запашки. В результате роста посевов постепенно стали сокращать-

¹ В.-Н.-Л. Указ. соч. С. 20.

ся сенокосные и пастбищные угодья. Развитие капитализма в земледелии, рост его товарности привели к еще большему сокращению лугового и пастбищного хозяйства, что в свою очередь повлекло за собою сокращение овцеводства и скотоводства вообще. «В плоскостной Осетии, – писала газета в 1889 г., – неизбежный исторический ход развития сельского хозяйства уже сделал свое дело: обширные пастбища и луга превращены в пашни, и скот, который содержался здесь в большом количестве с промышленною целью, постепенно уничтожается».¹ Чем дороже становилась земля и чем больше чувствовался недостаток в ней, тем больше сокращались пастбищные участки и падало скотоводство.

Годы	Лошади (в тыс.)	Крупный рогатый скот (в тыс.)	Овцы и козы (в тыс.)	Всего
1883	25237	113897	297772	436706
1884	28860	114006	264642	407508
1885	297708	121771	269733	435014
1886	30144	118377	409304	477046
1887	30578	125596	285511	457953
1890	31050	159985	276780	467815

О состоянии скотоводства в Осетии в 80-х гг. можно судить по таблице 5

Из данных таблицы видно, что за пять лет общая численность скота в округе возросла всего лишь на 21 247 голов. Заметнее всего увеличение поголовья крупного рогатого скота и лошадей – на 17 040 голов. Что же касается численности овец и коз, то она не только не возросла за пять лет, а понизилась на 12 261 голову. Увеличение общего поголовья лошадей и крупного рогатого скота происходило по мере усиления потребности в них для полевых работ и транспорта. При этом под влиянием рынка мелкая, малопродуктивная горская порода мясомолочного скота заменялась более крупной мясной породой.

Таким образом, развитие товарного земледелия оказало непосредственное влияние и на скотоводство в Осетии. Дальнейшее развитие и этой отрасли сельского хозяйства полностью подчинялось потребностям рынка. Это сказалось прежде всего на увеличении числа коней и крупного рогатого скота. Если в дореформенное время в хозяйственной жизни осетин «конь являлся роскошью, служил прихотям обывателя», используясь для верховой езды в праздник или для соревнования на скачках, то с конна 70-х гг. он делается «экономической основой хозяйственной жизни» населения.

Развитие товарного скотоводства сказалось и на овцеводстве. Многие овцеводы, пользуясь сокращением на рынке мяса и мясомолочных продуктов, поднимали цены на них. Так, еще в 80-х гг. баран стоил 1,5 руб., в 1893 г. – 2 руб., а в 1900 г. – 3–4 рубля. Цена фунта говядины в 1880 г. была 4 коп., в 1893 г. – 5 коп., а в 1900 г. – 10 коп. «Психология овцеводов теперь иная, – писал современник, – изменилось и понятие об овцеводстве. Теперь овцевод не пастух, готовый угостить всякого гостя шашлыком из барашка, а крупный буржуа или спекулянт, который ведет свое хозяйство на капиталистических началах. Они смотрят на свое стадо, как на предмет мены, как

¹ «Терские ведомости», 1889, № 90.

на капитал, который дает им определенный процент дохода. Это крупные поставщики мяса во Владикавказ». ¹

Таким образом, в сельском хозяйстве Осетии, которое в начале пореформенного периода оставалось в основном все еще натуральным, в последующие годы стали развиваться товарные отрасли. Подчиняясь капиталистическому рынку, земледелие и скотоводство стали идти в направлении производства товарных продуктов — кукурузы, пшеницы, картофеля, фруктов, продуктов овцеводства.

Подведем итог. Характерной особенностью аграрной политики царизма на Северном Кавказе в пореформенные годы было массовое отчуждение горских земель в пользу местной знати, военных и гражданских чинов и различного рода буржуазных предпринимателей — носителей «земледельческой культуры». Царское правительство и его административные органы в 70–90-е гг. усиленно создавали здесь «новый класс частных земельных владельцев» из русского военного чиновничества, казачьего офицерства, местного служивого населения и иностранных колонистов. Такой класс должен был стать «особого рода столпом, на который в разных случаях должно было опираться правительство».

В пореформенные годы экономика Осетии постепенно приспосабливалась к товарно-денежным отношениям, внедрявшимся все больше и больше в хозяйственную жизнь населения. Буржуазные отношения первоначально проникли в сферу товарообмена. Товарно-денежные отношения, являющиеся одним из важнейших показателей разложения феодальных и развития капиталистических отношений, значительно развились в указанный период и охватили почти все отрасли экономики Северной Осетии. Воздействие товарного капитала на осетинское население вносило изменения прежде в крестьянские хозяйства, так как сама Осетия в целом была страной крестьянской.

Раньше всего и сильнее всего капитализм проник в земледелие. Одним из признаков этого в условиях осетинской действительности явилось усиленное движение земельной собственности, превращение земли в объект купли-продажи, в предмет широкой аренды. В пореформенный период в товарный оборот были пущены большие земельные фонды. Этот процесс сопровождался глубоким разложением сословного и образованием нового бессословного землевладения. Часть осетинских землевладельцев после реформы вынуждена была продавать свои земли, закладывать их в банки и сдавать в аренду. Проданные земли перешли в руки нарождавшегося класса сельской буржуазии, производившего хлеб на продажу. Но товарный хлеб вынуждены были производить и крестьяне. На это их толкала необходимость платить налоги, покупать или арендовать участки земли.

Наряду с хлебопашеством в пореформенные годы в Осетии зародились и получили заметное развитие огородничество и в особенности садоводство, которые так же, как зерновое хозяйство, стали отраслями товарного земледелия.

Вовлечение Северной Осетии в общероссийскую экономическую систему привело к ускоренному развитию другой отрасли сельского хозяйства — скотоводства. Как и земледелие, скотоводство вовлекалось в товарное производство, его развитие полностью подчинилось потребностям рынка.

¹ Гардапов М. К. Указ. соч. С. 163.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Гражданская колонизация края

Сразу же после окончания Кавказской войны высшее красное начальство поспешило обратиться к императору Александру II с рекомендациями, цель которых — широко открыть двери на Кавказ для колонистов из внутренних губерний России, «привлечь капитал, который бы силою своею оживлял сельское хозяйство, торговлю, рынки».

На самом деле, начало пореформенного периода ознаменовалось широким переселенческим движением русского крестьянства, искавшего спасения от малоземелья и притеснений крепостников — «последышей». По данным газеты «Северный Кавказ», население края в 90-х гг. увеличилось за счет одних переселенцев на полтора миллиона человек. «Страна,— отмечал В. И. Ленин,— слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)».¹

Власти составили хорошо спланированный проект колонизации края. Великий князь Михаил Романов 26 июля 1865 г. представил царю докладную записку, в которой не без основания подчеркивалось, что колонизация края в пореформенный период приобретает государственное значение. Автор записки предлагал после наделения казаков полными и достаточными нормами земли привлекать сюда как можно большие массы «мирных колонистов», дав тем самым простор развитию экономического быта как казаков, так и неказачьего населения.

Но нередко под видом экономического освоения Предкавказья огромные массивы земли расхищались титулованной и нетитулованной знатью. Царизм и его кавказская администрация во всю транжирили горские земли. Так, в 70-е гг. в Ставропольской губернии свободной казенной земли насчитывалось 540 тыс. дес. «Из этой массы земель в течение 15 лет отчуждено: по высочайшему повелению — 113 707 дес., было роздано в награду разным лицам — 208 745 дес. и предполагалось еще раздать... более 74 тыс., так что весь размер розданных и предполагаемых к раздаче в награду составляет 93 с третью процента всего количества свободной земли».²

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 3. С. 594—595.

² Известия СОНИИ. Т. 19. С. 110.

Хищнический характер распределения «свободных» земель Ставропольского края становится совершенно ясным из беглого ознакомления с именами и служебным положением награжденных. Так, прокурору Тифлисской судебной палаты Андрееву был нарезан участок земли в 3000 дес., князю Андроникову — 2000 дес., генералу Чамаривани — 1000 дес., барону фон Дерестансакену — 3000 дес., княгине Гагариной, вдове генерал-губернатора — 5400 дес. и т. д.¹

Огромные пространства Кубанской области, оставшиеся после массового переселения местного населения в Турцию, также стали свободным колониальным фондом государства и служили хорошей приманкой для спекулянтов и разного рода буржуазных дельцов, в чьих руках земля сделалась предметом безудержной купли-продажи и всевозможных махинаций. «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, — писал В.И. Ленин, — служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь».²

С начала 80-х гг. наряду с русским крестьянством наблюдается массовый приток на Северный Кавказ иностранных колонистов: немецких, австрийских, чешских, болгарских, сербских и других, положивших начало широкой распахке земель. Обилие пахотной земли, сенокосных угодий, пастбищ и относительная дешевизна их была прекрасной средой для образования здесь капиталистического сельскохозяйственного производства вообще и крупного капиталистического земледелия в особенности. Усиленно добиваясь разрешения на поселение здесь, немецкие колонисты буквально осаждали как кавказскую администрацию, так и центральные учреждения с просьбами об отводе им земли для образования «образцовых» сельскохозяйственных колоний.

Терская область по масштабам гражданской колонизации значительно уступала Ставрополю и Кубани. Ее население — осетины, ингуши, чеченцы, кабардинцы, балкарцы — само испытывало исключительное малоземелье. И все же, «одобрительно отнесясь к явлению переселения», власти умудрились и здесь отыскать пустопорожние участки для пришельцев.³ Даже во Владикавказском округе, где масса местного населения тяжело страдала от безземелья, было образовано несколько десятков русских хуторов и немецких колоний.

Больше всех колонистов принял Моздокский район. Здесь, по данным А. Долгушина, с 1867 по 1902 г. было образовано 70 новых русских, еврейских и немецких поселений.⁴ На одном только казенном участке № 141, под названием «Архиерейский», площадью 36 924 дес., принадлежащем Терскому казачьему войску, было основано 28 хуторов.⁵ Население этих хуторов по самым низким ценам скупило у казны и землевладельцев 22 423 дес. и арендовало 58 092 дес.⁶ «Огромные стада овец, — писал А. Долгушин, посвятивший немало времени изучению социально-экономического

¹ Известия СОНИИ. Т. 19. С. 110.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 86.

³ Долгушин Л. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ ЦГА ЧИ АССР, ф. 62, д. 619, л. 4 об.

⁶ Долгушин А. Указ. соч. С. 49.

быта моздокских колонистов,— принадлежащие частным скотопромышленникам, пасутся на моздокских степях, а сами овцеводы живут в небольших хуторках, население которых по большей части состоит из одной семьи промышленника».¹

Характерной чертой хозяйственной деятельности этих поселений было значительное преобладание арендованных земель над приобретенными в собственность. Земля, приобретаемая в аренду по низким ценам, давала возможность скотопромышленникам поставить скотоводство и овцеводство на широкую ногу. Количество овец, принадлежавших владельцам хуторов, обычно колебались от 1500 до 3000 штук. Так, хутор Бабича имел 5500 шт. овец, хуторам Рудометкина и Евреева, состоящим из двух дворов каждый, принадлежало по 11000 голов овец, хутору Никитенко — 12 000, хутору Нестеренко — 24 000.² Заканчивая описание переселенческого движения в Моздокском районе, следует отметить, что из 70 образованных хуторов только 18 принадлежали к типу крестьянских селений, а все остальные представляли собою кулацкие хозяйства.

В 1861 г. на северной окраине Владикавказа была основана первая немецкая колония: 66 немецких семейств по низкой цене и на выгодных условиях купили у правительства 2305 дес. казенной земли. Колонисты специально были приглашены тогдашними кавказскими властями для создания на этой земле «образцовых хозяйств», чтобы показать «тем самым окружающему туземному населению улучшенные способы земледелия».³ Сеяли они на этой земле исключительно пшеницу, гречиху и подсолнух. Создали также животноводческие фермы.

Следующее поселение из немецких колонистов в Осетии появилось в 1888 г. на бывших землях генерала М. Кундухова. В свое время указанная земля была куплена правительством, отдана в аренду Д. Кодзокову на 10 лет, а затем пожалована на «вечное и потомственное владение» начальнику Военно-Осетинского округа генерал-майору Эглау.⁴ Сей генерал пригласил из Кубанской области немецких колонистов в числе 34 семейств и поселил их на своих владениях на основе долгосрочной аренды. Так была основана немецкая колония Эммаус.⁵

На таких же началах приобрели землю жители другой немецкой колонии — Джанхотов-Ларс. В 1887 г. помещики Дударовы сдали в аренду 15 семействам из Бессарабии часть своей земли. На северной окраине равнинной Осетии была основана в 1882 г. еще одна немецкая колония Гнаденбург на бывших землях генералов Смекалова и Золотарева.⁶

Колонизационно-переселенческое движение в Осетию из внутренних губерний России наиболее интенсивно проходило в конце XIX и в начале XX вв. «Трудно проехать хотя бы один раз по Ростово-Владикавказской железной дороге,— писал в 1896 г. видный экономист и общественный деятель А. Ардасенов,— чтобы не встретить немых, но довольных молочков, с увлечением рассказывающих о прекрасных местах в Терской облас-

¹ Долгушин А. Указ. соч. С. 49.

² Там же. С. 45.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 49, д. 1, л. 1.

⁴ Там же, оп. 57, д. 2977, лл. 1—2.

⁵ Там же, оп. 5, д. 4490, лл. 4—7.

⁶ Там же, оп. 70, д. 33, лл. 43—46; ф. 11, оп. 52, д. 169, лл. 1—45.

ти, или запятых расспросами и расчетами о заветной мечте их за последнее время — об устройстве своем на Кавказе».¹ Как везде, переселенцы в Осетии покупали земли и собственность, но главным образом жили арендой. Арендовали земли у казаков или у местных помещиков — Тугановых, Дударовых, Кубатиевых, Тулатовых. С 1898 по 1903 г. на одних только тугановских землях поселилось 12 хуторов.²

С 1900 г. помещики Тугановы стали продавать свои земли через посредство крестьянско-поземельного банка. Банк этот долгое время не распространял свои действия на горцев, «поэтому многие их земли к 1905 г. уже были в руках хуторян».

Таблица 6 наглядно показывает число жителей в каждом из тугановских хуторов и количество земли, находившейся в их пользовании. Все 12 названных хуторов основаны в 1902—1903 гг. и исключительно на тугановских землях. Поселения хуторян по своим размерам были небольшие, в них, вместе взятых, проживало всего 259 семейств. Абсолютное большинство переселенцев было с Украины.

В 1905 г. областная администрация откомандировала специальную комиссию для обследования экономического состояния всех обосновавшихся во Владикавказском округе хуторов. Среди них хутора на тугановских землях, по общему мнению членов комиссии, считались наиболее зажиточными. Тем не менее на комиссию они произвели удручающее впечатление даже своим внешним видом. Хозяйства хуторян, жилища их также не радовали глаз. Комиссия с тревогой доносила начальнику области, что экономическое положение «хуторян далеко не свидетельствует о достатке: бедные, маленькие хаты, совершенно не огороженные дворы без всяких на них домашних построек и отсутствие насаждения фруктовых деревьев — производит впечатление, будто люди не предполагают здесь основаться».³

Анализируя распределение земли среди самих переселенцев, легко заметить, что оно крайне неравномерно. Если в хуторах Владикавказского, Харьковского, Полтавского товариществ на двор падало земли от 25 до 60 дес., то жители хуторов Черниговского, Киевского и других довольствовались 10—12 десятинами на семью. Более зажиточные хуторяне сами сдавали землю в аренду. Так, жители сел. Христиановского в 1907—1910 гг. арендовали 200 дес. у Владикавказского товарищества и 1050 дес. у Минковского хутора. Жители сел. Магометановского брали в аренду землю у жителей хуторов Каменец-Подольского и Киевского.

На землях плоскостной Осетии переселение не приняло крупных масштабов, ибо «потенциальные возможности» колонизационного фонда ее были крайне ограничены. И, тем не менее, образование здесь в 80—90-х гг. XIX и в начале XX в. нескольких десятков хуторов и немецких колоний имело отрицательные последствия для экономической жизни местного крестьянства.

Таким образом, несмотря на исключительное малоземелье и безземелье горского трудового населения, царизм усиленно продолжал политику «гражданской» колонизации Северного Кавказа. «Как в общественной жизни, так и в современной литературе, — говорилось в передовой газете «Терские

¹ В.-Н.-Л. Указ. соч. С. 21.

² Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 72, лл. 110—127.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 31, д. 3184-а, л. 12.

№ № п/п	Название хутора	Год образ.	Откуда пересе- лились	Число се- мейств	Число жите- лей	Сколь- ко куп- лено земли	У кого куплена	Занятия жителей
1	Харьковский (Минковского товарищества)	1902	Из Хер- сонской губернии	39	203	1055	Тугано- вых	Огород- ничест- во, хле- бопаше- ство, пчело- водство
2	Владикавказ- ского това- рищества	1903	Из Вла- дикавказа	20	117	600	-«-	-«-
3.	Поселок Пол- тавский (Бе- рестовского товарищества)	1902	Из Пол- тавской губернии	40	235	983	-«-	-«-
4.	Черниговский (Собичевско- го товарище- ства)	1902	Из Чер- нигова и Екатери- нославля	41	228	740	-«-	-«-
5.	Каменец- Подольский (Двениянского товарищест- ва)	1902	Каменец- Подольс- кой гу- бернии	14	96	220	-«-	-«-
6.	Бобринского товарищества	1902	-«-	5	23	150	-«-	-«-
7.	Коровинского товарищества	1902	Из Ека- терино- славля	8	40	202	-«-	-«-
8.	Амирханов- ского това- рищества	1902	Из Кры- ма	19	143	408	-«-	-«-
9.	Глинского товарищества	1902	Из Став- рополя	10	64	195	-«-	-«-
10	Екатерино- славский	1902	Из Ека- терино- славля	7	42	186	-«-	-«-
11	Кармантин- ского	1903	Из Бесса- рабии	10	63	270	-«-	-«-
12	Киевский (Ермоловско- го товарище- ства)	1903	Из Кры- ма	46	261	865	-«-	-«-
	Итого			259	1515	5584		

ведомости», – беспрерывно продолжает подниматься весьма важный и многообразно варьируемый вопрос о мирной колонизации..., в котором наш Кавказ, конечно, занимает первое, самое видное место».¹

В интересах своей антинародной аграрной политики правительство искусственно тормозило распространение действий крестьянского поземельного банка на горцев, в том числе и на осетин. Выражая эту точку зрения, начальник Терской области, отвечая на многочисленные просьбы осетин распространить действия упомянутого банка на них, заметил, что «такой акт был бы несвоевременным и нежелательным ввиду могущих быть от того вредных последствий общегосударственного значения... Для распространения на горцев действия крестьянского поземельного банка нет оснований, так как названный банк обслуживает нужды русских крестьян».²

Местные власти считали, что если бы названный банк стал давать осетинам и другим горцам ссуды, то это привело бы к появлению новых конкурентов и новому повышению цен на землю, что в данном случае не отвечало проводимой царским правительством политике. «В настоящее время, – писал кавказский наместник, – распространение действий крестьянского поземельного банка к выдаче ссуд на покупку земель осетинам, несомненно, вредно отразится и на заселении Кавказа пришлым элементом, имеющем общегосударственное значение».³ Лишь в 1906 г., когда правительство приступило к проведению в Терской области столыпинской аграрной реформы, крестьянский банк стал обслуживать осетин.

Итак, в целях скорейшего экономического освоения Северного Кавказа царское правительство в пореформенный период подвергает различные районы края интенсивной «гражданской» колонизации. В качестве колонизаторского элемента оно использовало «освобожденных» русских крестьян из внутренних районов России, а также переселенцев из Германии, Австро-Венгрии, Прибалтики и т. д. Переселенческая политика царизма, проводившаяся в условиях развивающихся в Осетии капиталистических отношений, сильно ухудшала и без того тяжелое экономическое состояние местного крестьянства. Ибо, как отмечал В.И. Ленин, – «переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев».

Безуспешные попытки разрешить земельный вопрос в нагорной Осетии

Приступая к проведению земельной реформы в Осетии, Ингушетии, Чечне, Кабарде, Балкарии и в Кумыкском округе высшая власть на Кавказе предложила начальнику Терской области оставить разбор земельных отношений в нагорье «до времени».⁴ Она считала, что в горах земельные отношения «складывались веками, земля здесь составляет не казенную принадлежность, а каждого лица, или употребляющего труд свой на расчистку земли, или приобретающего ее покупкою, или же, наконец, входящего во

¹ «Терские ведомости», 1896, № 71.

² ЦГА СО АССР, ф. II, оп. 9, д. 5688, л. 8 об.

³ Там же, д. 5663, л. 13.

⁴ Там же ф. 12, оп. 6. д. 1000, л. 2 об.

владение ею по наследству».¹ «Кроме того,— доносил правительству наместник,— право владения землей в нагорной части определено точно и положительно местными обычаями, выработанное временем право это несложно и ни между обществами, ни между частными лицами не возникло значительных в этом отношении недоразумений».²

Однако расчеты на устойчивое, самобытное развитие аграрных отношений в нагорных районах края вскоре стали опровергаться самой жизнью. Горцы уже в ходе проведения самой земельной реформы неоднократно обращались к различным административным органам с ходатайством не оставить и их «хозяйственно-поземельный быт в прежних состояниях», «продлить предстоящие землеустройства и на наш богом забытый край». Когда же была проведена реформа и на равнине основная масса крестьян не только была освобождена от феодальной зависимости, но и была наделена землей, жители гор, «с завистью смотревшие на своих плоскостных единоплеменников», еще настойчивее поставили этот вопрос перед начальством. Однако получали всегда один и тот же ответ: «Впредь до землеустройства нагорной полосы в законодательном порядке, никакие просьбы о разборе поземельных прав удовлетворены быть не могут».³ Из-за невыясненности и неустроенности земельных отношений в нагорной полосе разгоралась упорная борьба между местными феодалами и простым народом, между горцами и казной, возникла масса спорных поземельных дел.

Убедительно свидетельствовали об этом донесения из различных округов Терской области. В 1868, 1869 г. начальник Военно-Осетинского округа полковник Эглау несколько раз ездил в горные районы, в том числе в самые верхние горные ущелья Осетии. Позвала его сюда беспокойная социально-классовая обстановка в Дигорском, Даргавском, Кобанском, Зругском, Закинском и Наро-Мамисонском ущельях, довольно мощные выступления крестьян против дигорских баделят, тагаурских алдаров и грузинских помещиков Мачабели. Начальника округа и сопровождавших его чиновников «потрясло» почти голодное существование местного населения. «Я несколько раз докладывал уже о той крайности, которую терпят относительно земельного довольствия все горные жители Осетии,— писал начальник округа в 1870 г. в своем секретном донесении на имя начальника области. — В настоящее время горное население увеличилось противу прежнего, терпит крайности, со временем же, когда население еще более увеличится, крайности эти могут грозить бедствием, если теперь не будут приняты меры... В глубине гор, — предупреждал он, — тлеет горячий материал и время от времени вспыхивает в виде насильственного отбирания земель у частных владельцев».⁴

Горная полоса Осетии в пореформенные годы включала 17 самостоятельных территориально-административных единиц — приходов, в пределах которых насчитывалось 159 горных аулов. К концу XIX в. в них проживало более 41 тыс. человек.⁵ В чем заключалась суть земельного вопроса

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 3120, л. 24 об.

² Там же, л. 2.

³ ЦГА СО АССР, ф. 270, оп. 1, д. 2, л. 38.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 4, д. 1, л. 9.

⁵ Труды Абрамовской комиссии. Владикавказ, 1908. С. 79.

в нагорной полосе Северной Осетии в пореформенный период? В проведении здесь землеустроительных работ, основное содержание которых, по мнению самих горцев, должно было заключаться: в выяснении степени нуждаемости населения в земле; в обеспечении населения землей, которого можно было достигнуть только путем переселения значительной части горных жителей на плоскость; в освобождении от феодальной поземельной зависимости; в отмежевании всех земель и документальном закреплении их за горцами; в юридическом закреплении на общинном пользовании всех лесов, лесных полей и горных пастбищ за народом; в справедливом разборе и разрешении земельных споров и т. д.

Уже в 70-х гг. в горной Осетии заметно обострились земельные отношения. Прежний взгляд административных органов на горный район перестал оправдываться. Его население стало предъявлять иски на лесные и пастбищные земли. «В настоящее время, — с досадой отмечал полковник Эглау, — когда не рассмотрены еще права на лесные и пастбищные пространства нагорной полосы и отношения к земле остались вообще невыясненными, в среде населения этой полосы под влиянием лиц, занимающихся адвокатурой, начало являться весьма много поземельных споров, в особенности, в горной части Осетинского округа».¹ Горцы поняли, что нужно добиваться официального закрепления за ними их земель. Упорная борьба шла между феодалами и простым народом, столкнулись и интересы казны и горцев.

Освобожденные в 1867 г. кавдасарды и кумаяги не были наделены землей, поэтому фактически оставались в прежнем положении по отношению к своим владельцам. Это накаляло обстановку, усиливало классовую борьбу в горах. По существу, в пореформенные годы борьба эта шла за право на землю и за свободу. Первую попытку приступить к разрешению аграрного вопроса в нагорной Осетии администрация сделала, как известно, в 1871 г. По ходатайству начальника Терской области кавказский наместник возложил на сословную комиссию Терской и Кубанской областей земельное устройство нагорной полосы. Лорис-Меликов торопил Кодзокова, чтобы его комиссия скорее приступила к делу. Но все его старания были напрасными. Через три месяца из Тифлиса пришло новое категоричное указание главнокомандующего: «С временной комиссии для разбора сословных прав туземного населения Кубанской и Терской областей как учреждения, имеющего свое специальное назначение, сложить обязанности по ведению дел поземельных».²

Состояние горного землевладения и землепользования между тем еще больше осложнялось с переселением значительного количества жителей на плоскость, с продажей и куплей многих горных участков и с семейным дроблением горных паев. «Время давно уже выказало, — констатировал Лорис-Меликов, — что в горной полосе, непочатой по определению поземельного права, продолжают споры не только между обществами, селениями и частными владельцами, но и притязания частных лиц к владениям казны».³

Для того, чтобы покончить с такой «неразберихой» в вопросе горного землевладения, «обещающей еще более серьезные затруднения в будущем»,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 837, л. 12.

² Там же, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 16.

³ Там же, ф. 12, оп. 4, д. 115, л. 8.

исследование вопроса и выработку различных проектов по нему, по мнению Терского областного начальства, нужно передать комиссии Кодзокова.

Следует отметить, что тогдашняя администрация во главе с тем же Лорис-Меликовым слишком просто понимала предстоящие работы. Подучив согласие главнокомандующего на свою просьбу, Лорис-Меликов тут же поспешил определить суть всей работы комиссии в этой области. Он писал, что поземельное устройство нагорной полосы Осетии, а затем и области, должно включать только приведение в точную известность всех видов горного землевладения и «те из них, которые почему-либо не согласуются по сему предмету определениями действующего законоположения, устроить таким образом, чтобы они соответствовали разуму сего последнего и, кроме этого, спроектировать новые правила, удобные для принятия по оным новыми судебными учреждениями исковых и других гражданских дел, касающихся горного землевладения».¹ По распоряжению главнокомандующего вопрос аграрного устройства жителей гор формально был передан в 1875 г. межевому отделу областного правления, который, в свою очередь, из-за большой загруженности в эти годы межевыми работами на плоскости, отложил этот вопрос на неопределенный срок, от чего земельные отношения в горах еще больше обострились. Споры за землю стали повсеместными.

С развитием капитализма и проникновением в горское хозяйство товарно-денежных отношений и, в особенности, с упразднением в области народных судов и введением общих судебных установлений, появились новые виды земельных споров – так называемые «поясненные споры из-за земель, приобретенных продажей». Изменялись и взгляды на само право землевладения. Теперь устные предания, домашние расписки, показания свидетелей, фамильные башни или другие прежние доказательства принадлежности того или иного земельного участка не могли служить достаточным основанием на право владения землей. Обычное право землевладения не могло служить юридическим основанием для новых, по существу, буржуазных судебных органов.

В мировых и окружных судах, а также в различных административных инстанциях (в межевом отделе, в канцелярии областного управления) с каждым годом все больше и больше накапливались поземельные спорные дела, которые десятками лет не находили разрешения. «Учреждения мировые и суд окружной,— доносил в Тифлис начальник области, — при совершенном отсутствии юридических документов не могут приступать к рассмотрению подобного рода дел, а потому и оказывается по горным землям полнейшая бесправность и высший произвол при решении поземельных споров и вопросов».² Некоторые спорные дела тянулись по 10—20, а то и по 30 лет. Так, спор между жителями Бираганга и Кадгарона за поляну Дарг-Ардуз длился 28 лет, спор жителей Алагирского ущелья с Кубатиевыми за местность Кивон продолжался 33 года, за пастбища Хорес, как известно, вели борьбу жители Стыр-Дигории с горными феодалами более 20 лет. В 1882 г. одних только крупных земельных тяжб и споров по горной Осетии велось 49.³

Положение горцев значительно ухудшилось, когда в 1875 г. казна, якобы для лучшего надзора за лесами округа, учредила специальное лесное управ-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 12.

² Там же, ф. 12, оп. 4, д. 115, л. 8.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, л. 133 об.

ление со значительным штатом лесной стражи. Лесные стражи, активно поддерживаемые местной администрацией, на первых порах значительно стеснили горных жителей в пользовании лесом и лесополями, а затем категорически стали запрещать им пасти скот на лесопастбищах. Фактически этим насильственным актом правительство приступило к изъятию в свое распоряжение всех лесных массивов в нагорной Осетии, и это, в свою очередь, породило в дальнейшем множество сложных и тяжелых спорных дел между горцами и казной. До конца XIX в. таких споров возникло более 59.

Еще 70-х гг. казна стала прибирать горные земли к рукам. Правительство имело твердое намерение при первом же удобном случае объявить все горные земли казенными, как было сделано в отношении плоскостной земли. Первым исполнителем такого намерения правительства был Лорис-Меликов. С 1874 г. он стал разрабатывать секретный проект, по которому кавказская администрация должна была признать только обработанные земли (пахотные, сенокосные и приусадебные участки) в частном владении на праве собственности. Что же касается пастбищ и лесов, то администрация должна была видеть в них государственную собственность. Лорис-Меликов исходил из соображения, что горцы не имеют никаких документов на свои земли, и как покоренные силой оружия, могут быть признаны собственниками земель с высочайшего разрешения и утверждения. Уже в те годы Владикавказский окружной суд, занимавшийся разбором поземельных споров, принимал самые противоречивые решения: то его решение выносилось в пользу признания за горцами поземельной собственности, то за казной объявлялось исключительное право на горную землю.

Горцы, чувствуя опасность, стали требовать от местных и краевых властей скорейшего разбора их земельных прав, закрепления за ними всей земли с выдачей документальных актов. «Вопрос, какие права у горца-осетина на свой клочок земли, желание оформить эти права в законном порядке – вот что больше всего беспокоит в настоящее время каждого жителя горной полосы»,¹ – признавали представители власти.

В 1879 г. «временно отложенное устройство земель горского населения» было снова поставлено краевой администрацией на повестку дня. Причем, следует снова подчеркнуть, что вынося этот вопрос на повестку дня, она, как прежде, не четко уяснила себе, что следует подразумевать под горным земельным устройством. Существовали на этот счет различные точки зрения. Начальник области генерал-адъютант Свистунов, сменивший Лорис-Меликова, и несколько приближенных к нему людей считали, что в горах нужно всю землю обобщить, ввести на нее общинное пользование. Другая группа высокопоставленных чиновников предлагала объявить горные земли казенными, а затем распределить их между аулами на правах вечного пользования.²

Межевой отдел области во главе с его начальником И. З. Кипиани выступил с другим планом, бесспорно идущим навстречу пожеланиям горцев. Чины межевого отдела настаивали прежде всего на проведении в нагорной полосе межевых работ, то есть размежевании всех земельных участков, выдаче владельцам (частным лицам, аулам, целым обществам) планов

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 6, л. 3.

² Там же, д. 204, л. 68 об.

и межевых книг. Кишиани был убежден, что «юридическое закрепление горной земли за тем, кто ее возделывает, прилагая поистине гигантский труд, бесспорно возвысит дух горца, прибавит ему энергии, вызовет в нем неутомимое трудолюбие и жажду деятельности».¹

Тогда же управлением межевой частью в области был составлен «Проект» о предстоящем размежевании. Он включал в себя 126 параграфов, из которых главными были шесть. Самый первый из них гласил, что все земли нагорной полосы Терской области, состоящие в распоряжении правительства, распределить между аульными обществами; 2) все земли этой полосы, оказавшиеся при межевании в действительном и бесспорном владении частных лиц, без различия сословия, утверждаются за ними на праве вечной и потомственной собственности с выдачею им межевых планов и книг; 3) каждому отдельному аульному обществу отмежевывается то количество земли и угодий, какое при межевании окажется в его пользовании на общинном праве, снабдив их также межевыми актами; 4) надел малоземельных аулов с разрешения наместника увеличить в возможных размерах из степных свободных земель или из лесных полян для расчистки под пахоту и для образования нового аула; 5) все леса и земли, которые останутся после составления на них межевых планов, передаются в ведомство Управления государственными имуществами; 6) споры о земле должны разрешаться на месте межевыми чиновниками или передаваться в Общее присутствие Терского областного правления, и согласно окончательному решению, спорные земли утверждаются за теми, кому таковые будут присуждены с выдачей межевых планов.²

Проект нашел поддержку у начальника области и был представлен на утверждение в Главное управление наместника кавказского, но не встретил сочувствия в высших сферах. Он вызвал серьезные возражения со стороны начальника управления генерала Старосельского. Последний считал, что для правильного и справедливого решения этого вопроса нужно прежде всего иметь подробные сведения, основанные на специальном изучении всех существующих в горах формах землевладения, обусловливаемых племенными, сословными, топографическими и другими особенностями и определяющем их обычном праве. Смысл всех его возражений сводился к тому, что до межевания необходимо произвести исследование существующих в нагорной полосе земельных отношений. В противном случае, считал он, при производстве межевания по действительному владению, обширные пастбищные места и леса, которые он уже считал государственным имуществом, легко могут отойти в собственность частных лиц и сельских обществ. Так мнения областного и центрального кавказского начальства при рассмотрении мероприятий, которые предполагалось провести для разрешения поземельного вопроса в нагорной полосе, разошлись.

В свете этих возражений становятся понятными все последующие действия областного начальства, касающиеся изучения нагорного землевладения. Так, осенью 1879 г. помощник начальника области генерал Смекалов на продолжительное время был командирован в горную Осетию с целью

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, л. 70.

² Д а т и е в И. Земельный вопрос в Горской социалистической советской республике. Владикавказ, 1921. С. 9.

личного знакомства с аграрным бытом ее жителей. По возвращении из поездки, а продолжалась она месяц с лишним, он представил подробный отчет.¹ С незначительными сокращениями он был вскоре опубликован в печатном органе областного правления – газете «Терские ведомости».²

В отчетном докладе отсутствуют цифровые материалы о земледельческом, скотоводческом и других хозяйствах горцев, нет данных и о численности горного населения Осетии, словом, статистическая часть отчета не представляет интереса. Бесплезно искать в нем сведения о том глубоко социальном, экономическом, политическом неравноправии, которое царило в пореформенные годы в горной Осетии. Тем не менее в нем содержалась довольно объективная характеристика голодного и нищенского существования горского крестьянства. «Если до сих пор, – констатировал генерал, – мы не стали свидетелями повального голода между жителями горных приходов, то лишь благодаря замечательной выносливости и трудолюбию горцев-осетин».³ Помощник начальника области правильно подметил, что даже при хорошем урожае хлеба горцы обеспечиваются продовольствием только на 3 месяца в году и для прокормления своей семьи вынуждены отправляться в качестве батраков в плоскостные селения. Общее заявление жителей горных приходов, писал он, заключается в жалобе на недостаток земли, подкрепляемой просьбами о сокровенном желании переселиться. «Нельзя не согласиться, – заключал генерал Смекалов, – с основательностью приводимых горцами доводов и необходимо подумать об изыскании средств к удовлетворению их справедливых желаний».⁴ Вслед за этим для изучения поземельного положения жителей горной Осетии и пяти горских обществ Кабарды был командирован управляющий межевого отдела области. В предписании начальника области на имя М.З. Кипиани от 22 июня 1881 г., в частности, говорилось: «Ввиду множества просьб и жалоб, поступающих от жителей нагорной полосы области..., вам надлежит совершить поездку пока в нагорную часть Осетии и Кабарды для выяснения поземельного положения в этой местности и составления соображения о предстоящих там межевых действиях».⁵

Для выполнения этой миссии Кипиани понадобилось почти два месяца. Побывав во всех ущельях Осетии, а затем Кабарды, он собрал богатейший материал о хозяйственном положении горцев области. Он в течение года обрабатывал результаты своих исследований и написал обстоятельный доклад под названием «Описание нагорной полосы Владикавказского и Нальчикского округов».⁶ Доклад полностью лег в основу замечательной книги М.З. Кипиани «От Казбека до Эльбруса».⁷

Основной вывод, к которому пришел он во время своей поездки в нагорную полосу, – «как можно скорее оказать помощь многострадальному населению горной Осетии», устроить первым долгом его поземельный быт, ибо «для осетин, – заключал он, – горцев поземельный вопрос составляет предмет жизни или смерти».⁸ В книге даны рекомендации для администра-

¹ ЦГА СО АССР, ф. II, оп. 53, д. 173, лл. 43–74.

² «Терские ведомости». КН1, л. 29–30.

³ ЦГА СО АССР, ф. II, оп. 53, д. 173, л. 45 об.

⁴ Там же, л. 13 об.

⁵ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. I, д. 204, л. 1.

⁶ Там же, лл. 3–208.

⁷ Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884.

⁸ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. I, д. 204, л. 75.

ции, которые в основном восходят к идеям его проекта межевания. Главную задачу предстоящих работ в нагорной полосе Кипиани видит в том, чтобы «укрепить веками установленный порядок землевладения и в отвращение споров и недоразумений, могущих возникнуть в будущем, выдать землевладельцам и обществам межевые документы».¹ Достичь этого можно двумя путями: во-первых, издать особое общее положение о размежевании всей нагорной полосы, в котором подробно указать порядок укрепления права на владение земель через посредство межевых действий; во-вторых, путем постепенной предварительной разработки проектов на каждую отдельную местность утверждать право на земли.

Однако существующие разногласия замедлили ход дела, и оно до 1886 г. находилось без всякого движения. За это время между Терской и кавказской администрациями шла лишь бесполезная переписка по этому вопросу. Работы по составлению проекта положения о землеустройстве жителей нагорной полосы были снова возложены на Терско-Кубанскую сословную комиссию, а в следующем 1887 г. по приказанию главнокомандующего началась предварительная хозяйственная инструментальная съемка горских земель. Работы проводились исключительно силами чиновничье-технического персонала только межевого отдела, а потому закончились лишь в 1905 г.²

Таким образом, землеустройство горцев все откладывалось и откладывалось на неопределенное время. В 1899 г. начальник Терской области доносил, что вопрос о земельном устройстве жителей нагорной полосы назрел настолько, что «всякое промедление в разрешении этого дела представляется более чем нежелательным». Об этом же почти одновременно докладывал командующий войсками начальнику штаба округа: «Скорейшее окончание этого дела имеет, кроме решающего значения для самих жителей, существенное государственное значение для охраны земельных интересов плоскостного населения и для поддержания порядка и спокойствия в крае».³

И все же, лишь широкое революционное движение крестьянства на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. принудило правительство и его кавказскую администрацию приступить к практическому решению земельного вопроса в обширных горных районах Терской и Кубанской областей. Наконец, 18 апреля 1906 г. во Владикавказе была образована комиссия под председательством юрисконсульта при военно-окружном совете Абрамова. В том же году в марте во Владикавказе была открыта еще одна комиссия под председательством советника областного управления Вертепова по землеустройству «временнопребывающих» в Осетин.

Абрамовская комиссия проработала три года, но так и не решила поставленную перед ней задачу – разработать проекты по землеустройству горцев или, иначе говоря, наделению безземельных горцев землей. Все три проекта комиссии были построены на отрицании за местным населением права собственности на землю, на стремлении обратить эти земли в казенные, а горское население – в государственных крестьян.

Все население области было возмущено результатами работы комиссии Абрамова. В Осетии они вызвали широкие протесты со стороны всех слоев

¹ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, л. 138.

² ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 6, л. 3.

³ Цит. по: Скитский П. В. Очерки истории горских народов. С. 212.

осетинского общества. Труды и проекты ее были раскритикованы в периодической печати Владикавказа, Тифлиса и даже Петербурга и отвергнуты.

Итоги деятельности комиссии вызвали шумные дискуссии и среди административных кругов. Одни хвалили, другие одобряли, третьи критиковали. Они обсуждались в самых высоких правительственных и государственных инстанциях, включая заседания Государственной думы, но так и не получили законодательного разрешения.

Таким образом, в течение всего пореформенного периода правительственные органы на Кавказе, вместе с местной администрацией, не смогли решить земельный вопрос в нагорной полосе Терской области, демонстрируя свое неумение и нежелание облегчить социально-экономический быт горского крестьянства. Многочисленные попытки административных органов приступить к его разрешению уже на начальных этапах терпели неудачу, а потому оканчивались безрезультатно. Правительство и его местная администрация даже не хотели уяснить себе суть вопроса, и все усилия были подчинены одной цели – изъять горные земли, объявить их государственной собственностью.

Образование новых плоскостных селений

Характер и формы переселения горцев на плоскость на всех этапах зависели от отношения к нему правительства и его кавказской администрации. Если раньше кавказские власти активно содействовали горцам в переселении, поощряли их морально, помогали материально при переходе на равнину, то уже в 1864 году такое переселение осетинам официально было запрещено. В декабре того же 1864 года начальник Терской области получил довольно категоричное предписание кавказского наместника великого князя Михаила, чтобы им «были приняты надлежащие меры к прекращению самовольного пересечения туземцев из гор на плоскость».¹ Официальная причина – в пределах равнинной части округа не осталось свободных земель. К этому времени население Северной Осетии составляло 78 тыс. человек, из которых на плоскости проживало 49 тыс., остальные 29 тыс. оставались в горах.²

Напрашивается вопрос: в состоянии ли была Осетинская (Владикавказская) равнина вместить оставшееся в горах население? Да, отвечали в один голос все исследователи аграрного вопроса в Терской области. В Осетии «есть еще земли, – писал позже Г.М. Цаголов, – которые ждут приложения труда. Есть свободные казенные земли, мало используемые земли казачьих станиц. Есть, наконец, земли частных владельцев». Площадь этих земель составляла около 50% всего земельного фонда степной Осетии.

Таким образом, в зависимости от военно-политических и экономических целей, политика царизма, его администрации в вопросе переселения горцев с гор на равнинные земли претерпела ряд изменений. От словесной поддержки осетин в этом вопросе (XVIII в.) до активного содействия в

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, д. 1000, л. 2 об.

² Цаголов Г.М. Нагорная полоса Терской области. – «Кавказский вестник», 1902, № 4. С. 42.

переселении с гор (до 30-е гг. XIX в.) и от тактики нейтрального наблюдателя (40–60-е гг.) до политики категорического запрещения переходить на равнинные места — вот этапы, которые прошла эта политика.

В упомянутом уже предписании кавказского наместника в 1804 г., а затем в знаменитом циркуляре № 300 начальника Терской области в 1876 г. указывалось, «чтобы переселенцы из гор были водворяемы на плоскости не иначе, как с согласия тех аульных обществ, на чьих землях они будут водворяемы и обязательством обществ, принимающих переселенцев, не требовать уже впоследствии увеличения определяемого им ныне поземельного надела».¹

Для самого плоскостного осетинского населения правительственные органы создали такие условия в землепользовании, что оно от гостеприимно-сочувственного отношения к новым переселенцам с гор постепенно перешло к открыто враждебным действиям. Введение в плоскостных аулах в конце 60-х гг. общинного землепользования и наделение аулов определенным количеством земли, соразмерно числу дворов в них, вынуждало жителей безжалостно отказывать горцам в праве подселяться к их аулам. «Общества сих последних селений, — говорится в документе, — первоначально, в силу свойственного туземцам гостеприимства, относились к новым поселенцам дружелюбно, не препятствовали их водворению. С течением же времени, по случаю естественного увеличения коренного населения и формального отвода плоскостным селениям точно определенных земельных наделов, коренные жители сами начали стесняться в поземельном довольствии и потому просьбы лиц, самовольно водворившихся там, о выдаче им приемных приговоров, не только были отклонены обществами, но они стали просить содействия начальства для выселения горских пришельцев туда, откуда они родом».² Так этими и другими «основополагающими» указаниями кавказского наместника искусственно была внесена путаница в решение земельного вопроса не только нагорной Осетии, но еще больше в плоскостной ее части. Путаница эта сыграет в будущем печальную роль в аграрной жизни осетинского населения, и вплоть до Октябрьской революции целые поколения местных и кавказских чиновников напрасно будут ломать голову над ее исправлением.

Население горной Осетии в пореформенный период продолжало «жить в поразительной бедности в своем патриархально-родовом быту». Переселение значительной части (больше половины) осетин на равнину не принесло заметного улучшения для оставшегося здесь к концу 70-х гг. 3421 семейства горцев. То облегчение в земельном довольствии, которое наступило для горцев после указанного переселения, фактически в последней трети XIX в. было сведено на нет. Объяснялось это множеством причин, из которых назовем несколько. Немаловажную роль играл естественный рост населения. Если, по приблизительным данным, число жителей горной Осетии в 40-х гг. составляло 18–19 тыс. человек, в 50-х г. — 21–22 тыс., в 60-х гг. — 29–30 тыс., то в 80-х гг. оно составило 33 тыс., а к концу XIX в. в нагорной полосе проживало уже более 41 тыс. человек.³

В своем абсолютном большинстве переселившиеся на плоскость горцы сохранили за собою все родовые пахотные, сенокосные, а иногда и паст-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 6, д. 1000, л. 3.

² Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 5.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 204, л. 44.

бищные угодья. Эти земли, на которые оставшиеся в горах жители возлагали столько надежд, так или иначе оставались вне их пользования или стали средством их эксплуатации со стороны обуржуазившейся части плоскостных жителей. Правда, местные органы несколько раз делали робкие, не имеющие успеха попытки закрепить эти земли за горцами. В 1895 г. начальник округа просил главу областной администрации генерала Каханова поднять снова этот вопрос и объявить по Терской области, «что частные лица из туземцев, приписанные к сельским обществам на плоскости и формально получившие там наделы, не имеют никаких прав на земли в горной полосе, если таковые не предоставлены им в собственность по высочайшим повелениям».¹ Однако такое решение так и не было обнародовано, в виду того, что де «подобная мера немедленно вызовет массу жалоб, неудовольствий и судебных разбирательств».²

Если добавить к сказанному еще и то, что в пореформенный период земельный фонд жителей нагорной полосы Осетии значительно сократился в связи с экспроприацией правительством горных лесов и лесополян, станет понятным, почему среднедушевой надел удобной земли здесь не только не увеличился, но сильно сократился. В первой половине XIX в. этот душевой надел у представителей власти принято было называть «незначительным», в начале пореформенного периода — «весьма недостаточным», а в конце XIX в. душевой надел земли горного жителя Осетии статистики стали называть «голодным».

Анализируя данные таблицы 7, нетрудно заметить, что «горная Осетия была самой безземельной местностью Российской империи». Из 17 приходов 4 имели пахотной земли меньше 100 дес., 6 приходов — от 100 до 200 дес. и 7 приходов — от 200 до 300 дес. Факт «страшного безземелья» признавался самими представителями власти. В одной из правительственных комиссий конца 90-х гг. по исследованию горного края Осетии приводятся любопытные данные, проливающие свет на тяжелое экономическое положение его населения.

Таблица 8, составленная в основном по данным этой комиссии, показывает, насколько земля не обеспечивала горцев. В таблице приводятся данные о количестве хлеба, необходимого для годового продовольствия жителей каждого отдельного прихода, о количестве хлеба с собственных пашен и о количестве недостающего хлеба. Приведенные в таблице данные свидетельствуют с достаточной убедительностью, что имеющиеся у горцев пахотные земли не удовлетворяли их насущных потребностей. Хлеба со своих полей хватило населению многих приходов на 2/3, на 1/2 и на 3/4 года, а в некоторых селениях, как, например, в Тамиске и Бирагзанге, собственного хлеба хватило только на один месяц.

В каком же положении находилось скотоводство и овцеводство? Считалось, что эта отрасль хозяйства в горах являлась доходной и вполне удовлетворяла все нужды горцев. Такое мнение было не новым, оно существовало давно. Чтобы как-то смягчить вопрос о горцах, скрыть то исключительно тяжелое экономическое положение, в котором продолжало пребывать горское крестьянство, царская администрация стала придумывать

¹ ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, д. 45, л. 160 об.

² Там же, л. 162.

№№ п/п	Наименование приходов	Кол-во селений	Число дворов	Кол-во населения	Приходилось на мужскую душу населения пахотной земли
1.	Санибанский	8	226	2877	0,73
2	Даргавский	9	377	2421	0,54
3.	Даллагкауский	12	244	3199	0,63
4.	Хидикусский	12	276	3084	0,47
5.	Дагомский	9	262	2736	0,27
6.	Архонский	4	169	1520	1.1
7.	Мизурский	8	161	1773	0.33
8.	Садонский	4	206	1754	1.0
9.	Нузальский	6	189	1724	0.84
10	Зарамагский	10	254	1136	2,13
11	Тибский	11	295	2461	3.1
12	Нарский	30	353	2387	0.46
13	Закинский	12	162	1357	0.54
14	Галиатский	4	236	2486	0.30
15	Махческий	11	307	3249	0.44
16	Донифарский	3	250	3128	0.35
17	Стырдигорский	9	145	1547	0.33
	Итого	162	4118	38738	

№№ п/п	Наименование приходов по ушелям	Количество пудов хлеба			На какое время недостает хлеба
		Необходимо- го для продоволь- ствия	Получаемо- го с собственных пашен	Недостаю- щего для продоволь- ствия	
1.	Дагомский	47016	14038	32978	¾ года
2.	Архонский	24958	14389	11569	½ -«-
3.	Мизурский	31086	16945	14141	½ -«-
4.	Нузальский	34992	16082	18910	½ -«-
5.	Садонский	38520	10071	23449	¾ -«-
6.	Зарамагский	35406	37643	2218	½ -«-
7.	Тибский	46800	19196	27604	½ -«-
8.	Закинский	21546	8920	12617	2/3-«-
9.	Нарский	45028	22700	22312	½ -«-
10.	Галиатский	39889	24562	15326	½ -«-
11.	Махческий	62406	38100	24306	1/3 -«-
12.	Стырдигорский	44280	14737	29543	2/3-«-
13.	Донифарский	34758	17618	17140	½ -«-
14.	Санибанский	43524	23408	10116	½ -«-
15.	Даргавский	66132	34701	32431	½ -«-
16.	Хидикусский	54414	21144	33270	¾ года
17.	Даллагкауский	49968	23892	26076	½ -«-
	Итого	690722	368145	322577	

небылицы «о процветающем» животноводстве в горах. В действительности скотоводство вообще стояло в горной Осетии на очень низком уровне развития. Подробные сведения о численности скота у горцев в конце XIX в. приводятся в таблице 9, в которой, кроме того, даются данные о количестве сена, накашиваемого горцами с собственных пастбищ. Горцы накашивали ежегодно 1 752 243 пуда сена. Какое же количество скота можно было прокормить этим сеном, если предположить, что скот будет кормиться сеном лишь 6 месяцев в году, а остальное время будет находиться на летних пастбищах? «При рациональном содержании домашних животных на сухом корму, – говорится в документе, – на одну голову рогатого скота нужно от 20 до 25 фунтов сена в день. Следовательно, накашиваемым сеном можно удовлетворить лишь 9949 голов», а всего скота у горцев, было 52 239.

№№ п/п	Приходы	Количество скота				Кол-во накашиваемого сена в пудах
		Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец и коз	Ослов	
1.	Дагомский	382	1250	5462	159	71212
2.	Архонский	196	837	2649	167	49509
3.	Мизурский	196	1091	2965	145	38682
4.	Нузальский	233	990	3745	96	52206
5.	Садонский	269	1211	4004	256	111861
6.	Зарамагский	152	948	3060	16	52249
7.	Тибский	301	1325	5939	-	141751
8.	Нарский	157	1319	5747	-	295759
9.	Закинский	256	2231	8499	60	104856
10.	Галиатский	256	223	8479	116	67638
11.	Махческий	936	3906	11966	362	115620
12.	Стырдигорский	362	3263	10930	246	69372
13.	Донифарский	231	2460	7245	167	62358
14.	Санибанский	305	1959	5985	229	143950
15.	Даргавский	334	2512	7272	260	153060
16.	Хидикусский	248	1716	8017	152	159300
17.	Даллагкауский	206	1689	7040	151	56860
	Итого	5020	30938	109904	2582	1752243

Таким образом, значительное его количество не удовлетворялось собираемым сеном. Недостаток в сене получался огромный – 2 912 402 пуда, иначе говоря, сена хватало лишь на 2 месяца, а на 4 месяца сено приходилось добывать на стороне.

Недостаток в хлебе и сене население горной Осетии восполняло путем аренды земли под пахоту и покосы на плоскости, преимущественно у частных владельцев и казачьих станиц, а также путем покупки зерна и сена.

Из архивных данных видно, что население горной Осетии в 80–90-е гг. ежегодно расходовало на эти цели внушительные суммы – 235 819 руб., то есть в среднем 48,7 руб. на двор. «Таковые затраты горцев, – свидетельствовал исследователь горного края Б. Городецкий, – безусловно, очень

высоки и обременительны для всего населения, но обремененное тяжким трудом, пришибленное убожеством своих жизненных условий, горское население уплачивает не только указанные суммы, но несет еще целый ряд денежных государственных и общественных платежей и массу натуральных повинностей».¹ Общая сумма годовых затрат у горцев достигала колоссальной цифры – 268 872 руб., то есть в среднем 55,5 тыс. на двор.

Откуда же жители брали средства на уплату таких огромных сумм? «Этот вопрос возникает у всякого, кто хоть раз увидит в горах ту нищенски убогую обстановку горца, которую нельзя сравнивать ни с одним самым бедным русским крестьянином-земледельцем».² Горная Осетия становилась основным резервом дешевых батрацких рук. Безземельные и малоземельные горцы ранней весной покидали свои аулы и уходили на равнину, где батрачили до поздней осени на полях помещиков и кулаков. Глубокой осенью батрак возвращался к себе в горы с навьюченным на осле кукурузным зерном, полученным за свой изнурительный рабский труд. Чтобы избавить население в горах от голодной смерти, нужно было значительно уменьшить плотность народонаселения – переселить большую его часть на плоскость. Горская земля в силах была прокормить только 12% наличного количества жителей, а 88% составляли избыточное население.

Вообще переселение с гор на равнину не прекращалось ни на один год. Горцы переселялись, несмотря на запреты. Циркуляр № 300, изданный в 1876 г.,³ вводил в практику «Увольнительные и приемные приговоры» для горцев. Прежде чем обратиться к начальнику области с просьбой разрешить переселиться на равнину,⁴ горец должен был запастись увольнительным приговором от горских обществ и приемным приговором от общества, куда он собирается переселиться. Для горца получить первый документ – увольнительный приговор – не составляло большого труда, общества горных аулов с радостью выдавали их своим одноаульцам. Гораздо сложнее было добыть приемный приговор. Их, можно сказать, вообще никому не выдавали. За 30 лет (70–90-е гг.) таких случаев во всей Осетии было всего несколько десятков и то в большинстве случаев тогда, когда житель плоскостного селения соглашался принять на свой пай общественной земли брата, отца или другого близкого родственника. И тем не менее, в 70–90-е гг. переселение горцев на плоскость совершалось в довольно больших размерах. Переселялись осетины стихийно, не ожидая ничьих разрешений и без всяких приемных приговоров. По данным Кипиани, только в 80-е гг. выселилось из нагорной полосы 327 дворов: из Даргавского ущелья 130 дв., из Санибанского – 80, из Хидикуского – 83, из Махческого – 67 и из Дони-фарского – 17 дворов.⁵ Прибывших на таких началах на равнину, общества плоскостных селений естественно, не принимали в свои члены, а значит, они не имели права претендовать на земельные участки наряду с коренными жителями. Истратив свои последние гроши на покупку нескольких

¹ «Новое обозрение», 1898, № 4927.

² Там же.

³ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 71, д. 19, лл. 67–69.

⁴ По новому указу только начальник Терской области мог разрешить горцу переселиться со своей семьей на равнину.

⁵ Тедтоев А. А. Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии. Дзауджикау, 1952. С. 29.

квадратных сажен земли у местных землевладельцев и обзаведясь на ней жилищем самого простого типа, переселенцы нанимались к этим землевладельцам в качестве батраков.

Горцы, которых жители равнинных осетинских сел не приписывали в свои ряды, получили название «временнопроживающих». Эту категорию людей коренные жители имели право выгнать из села в любое время. О трудной доле временнопроживающих, об их мытарствах жители гор знали. Поэтому, не желая испытывать горькую участь своих братьев, многие из них хотели переселиться на равнину на иных началах, по разрешению самого начальства.

В 1867 г. группа жителей Даргавского ущелья первой сделала такую попытку. Даргавцы обратились в областное управление с просьбой дозволить им переселиться на жительство в разные плоскостные селения или на дачу Владикавказского лесничества под названием «Рухс Дзуар», расположенную на берегу р. Гизельдон, против участка «Салбегата», площадью 200–300 дес.¹ Разумеется, ответ был категоричный — земли Владикавказского лесничества составляют казенное достояние, а поэтому заселение их «туземцами совершенно невозможно». Через четыре года даргавцы опять возобновили свое ходатайство. На этот раз, в декабре 1871 г. 45 дворов подали прошение начальнику Владикавказского округа о разрешении «переселиться в Кубанскую область, вследствие недостатка земли, трудностей путей сообщения в горах, крайнего недостатка в продовольствии».² Только в 1873 г. пришел ответ из Владикавказа в Даргавс, из которого просители узнали, что его превосходительство начальник Терской области находит эту просьбу не заслуживающей уважения, так как она якобы истекает не из действительных нужд в поземельном довольствии. Поняли, наконец, даргавцы, что земли не выпросишь у администрации и порешили: собрать последние копейки и общими силами купить землю на плоскости. Так и сделали. Весной 1879 г. даргавцы купили 612 дес. у кабардинских помещиков Анзоровых на левой стороне р. Урух по 25 руб. за десятину. Переселение на купленную землю совершалось в августе 1880 г. Так на самой северной окраине степной Осетии появилось еще одно селение, основателями которого были 45 дворов осетин из горного Даргавса. Даргавцы называли его Быдыры Дæргъæвс (Степной Даргавс), на карту же Осетии это селение администрацией было занесено под названием Средний Урух.

Несколькими годами позже жителями Тагаурского общества было основано еще одно плоскостное селение — Новая Саниба, и расположилось оно на Гизельской казенной даче. Обстоятельства, принудившие администрацию выделить горцам участок из казенных земель, были следующие. В 1889 г. по всей горной Осетии прошли сильные ливни с градом, причем особенно ударила стихия по Санибанскому приходу, жители которого отличались исключительной бедностью. «Хлеба у них не хватает, — констатировал один чиновник, — земли их расположены на страшных уклонах и требуют значительного удобрения и каторжного труда. Близость с одним из величайших ледников Кавказа — Казбекским, является причиной болес сурового климата этого ущелья, что очень не благоприятствует для хлебных

¹ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 79, л. 9.

² Материалы по истории осетинского народа. Т. 3. С. 21.

полей. Ранние морозы и ливни уничтожают все живое. Из 17 горных приходов, бедствующих от малоземелья и суровости природы, санибанцы занимают первое место».¹ После ливней и града 1889 г. жить здесь стало вообще невозможно. Все хлебные поля вместе с готовою жатвою были совершенно смыты и уничтожены, мельницы и мосты унесло водой, дома затоплены. Дорога, ведущая в аул, смыта до основания, поэтому сообщение с равниной было прервано. Стихийное бедствие, обрушившееся на жителей Санибанского ущелья, разорило их окончательно. Это вызвало сочувствие всего осетинского населения к санибанцам. Общества многих плоскостных селений решили принять в ряды коренных жителей до нескольких десятков семейств. Сами же санибанцы просили власти выделить им участок земли на Гизельской лесной даче. Высшая кавказская администрация «сжалилась» над ними и обратилась с ходатайством в Министерство государственных имуществ. В 1890 г. правительство дало санкцию отвести из северной части Гизельской лесной дачи Терской области надел 242 дворам Санибанского прихода, пострадавшим от стихийного бедствия, 726 дес., го есть по 3 дес. на двор.² Выселение санибанцев на этот участок состоялось в 1891–1897 гг.

Не меньшими были стихийные бедствия в 1889 г. в Алагирском ущелье, в районе Наро-Мамисонского прихода, и в Душетском уезде Южной Осетии. Здесь ливни и град сопровождались сильным землетрясением, в результате чего разрушилась дома, посевы жителей были уничтожены. Горцы вышеупомянутых районов оказались в бедственном положении. Потоки голодных беженцев из Наро-Мамисона хлынули на плоскость. Никакими полицейско-административными мерами их нельзя было остановить. В поисках куска хлеба и пристанища они скитались по селам. В одном только Владикавказе было более 79 семейств. Об этой трагедии в Наро-Мамисонском приходе и в Душетском уезде кавказский наместник также доложил центральному правительству. В марте 1890 г. по специальному указу Александра III горцам указанных ущелий, оказавшимся в наиболее бедственном положении, был отведен на постоянное поселение участок казенной земли вблизи г. Моздока, под названием «Архиерейский», в количестве 576,5 дес.³ Переселение сюда происходило в 1891–1893 гг. Жители почему-то назвали свое село Веселым.⁴

Через несколько лет, в 1898 г., в Моздокском районе был основан еще один населенный пункт из выходцев из различных горных ущелий Осетии, а также из временнопроживающих равнинных селений. Селение было названо Осетинско-Николаевским.⁵

В пореформенный период переселение осетин-горцев не ограничивалось уже пределами Осетинской равнины, Малой Кабарды и Моздокского района, как это было в прежние годы. Еще в 1870 г. в Кубанской области на левом берегу р. Кубань 149 осетинских семейств основали село с названием Ново-Осетиновское.⁶ Главной причиной, послужившей для властей основанием выселить горцев сюда, была непрекращающаяся из года в год

¹ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 95, лл. 2–3.

² Там же, д. 50, л. 5.

³ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 46.

⁴ Там же, ф. 11, оп. 62, д. 1671, л. 18.

⁵ Там же, оп. 81, д. 123, лл. 6–8.

⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 13, оп. 1, д. 1622, лл. 1–208.

антифеодальная борьба горского крестьянства. Борьба эта имела давнюю историю, начало ее восходит к 30–40-м гг. XIX в.

Южные осетины, жившие в Джавском, Комском, Ванельском, Урсдзварском и Рокском ущельях, находились в феодальной зависимости от грузинских помещиков Мачабеловых. Известно, что эти осетины постановлением высших правительственных органов в 1852 г. были «освобождены» от земли. Их наделы царизм закрепил за грузинскими князьями Мачабеловыми, а «освобожденных» перевели в казенное ведомство с распространением на них новой налоговой системы, установленной царизмом в покоренных районах. Но так как южные осетины вынуждены были оставаться на помещичьих землях, то их заставляли платить за это тяжелые феодальные повинности. Аппетиты помещиков разыгрались настолько, что они, кроме перечисленных выше югоосетинских ущелий, в 1858 г. потребовали себе и Зругское ущелье, находившееся в Северной Осетии. Чтобы доказать свое право на это ущелье, Мачабеловы в своем письме наместнику Кавказа писали, «что еще в начале XV в. там жил князь Зураб Мачабели, прочие же Мачабели вышли оттуда около того же времени и поселились в разных своих деревнях». Притязания Мачабеловых были настолько необоснованны и неубедительны, что даже представители царской администрации, выступавшие во всем на стороне грузинских помещиков, находили претензии последних «темным» и «сомнительным» делом. «Имеют ли князья Мачабеловы право на землю Зругского и других ущелий, — доносил начальник Осетинского округа руководству, — дело темное и, во всяком случае, сомнительное, ибо осетины первый раз слышат о владычестве над ними князей».¹ Тем не менее, власти разрешили спор в пользу помещиков, за которыми было признано право взимания с крестьян Зругского и Закинского ущелий «1/10 части всей хозяйственной их деятельности».

Однако привести в исполнение признанное за Мачабеловыми право было не так-то легко. Для администрации было совершенно очевидно, что насильственное ограбление осетин грузинскими помещиками не могло не вызвать вооруженного сопротивления осетин, тем более, что на стороне зругцев выступили горцы других соседних ущелий. Ей было хорошо известно также, что вооруженные выступления горцев этих районов, повторяющиеся чуть ли не каждый год, происходили в основном на почве беспощадной эксплуатации князьями Мачабеловыми. Власти хотя и пошли на подчинение зругцев князьям Мачабеловым, однако ясно сознавали, что «принудить их к этому почти нет возможности».² Поэтому, чтобы положить конец беспрестанно возникающим при таком положении дела жалобам землевладельцев на осетин, а осетин на землевладельцев, кавказский наместник в 1868 г. решил назревавший конфликт «исчерпать» путем выселения зругцев на земли, освободившиеся в результате переселения горцев из Западного Кавказа в Турцию.

Местные власти Кубанской области отвели в 1869 г. будущим 149 дворам осетинских переселенцев земли в Эльбрусском округе, недалеко от военного укрепления Хумаринского на берегу Кубани. На новом месте осетины получили по 15 дес. на одну мужскую душу. Кроме того, каждой

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 95, оп. 1, д. 35, л. 5.

² Там же, л. 26.

семье выдавалось по 35 руб., были обещаны и другие льготы. В кругах кавказской и терской администрации имелось твердое намерение в 70–80-е гг. переселить в Кубанскую область еще несколько сот дворов из горной Осетии, чтобы образовать здесь специальную осетинскую колонию. Однако царское правительство вскоре дало новое указание своей кавказской администрации — заселять Кубанскую область главным образом русскими переселенцами, которые, по его мнению, превратившись в военно-казачье сословие, смогут стать надежным оплотом империи.

Тогда же в Терском областном правлении выдвинули новые районы, куда можно было бы переселить избыточное население горной полосы Осетии. Такими районами были названы восточный берег Черного моря, Сухумская область «и быть может, вновь приобретенные Карская и Батумская области могли бы с выгодой для себя вывести осетин-горцев из их безвыходного положения, — писал в 1879 г. помощник начальника области генерал Смекалов. — Я убежден, что поголовного выселения не будет, но оставшиеся на родине, при обязательстве продажи земель переселенцами, увеличат количество своих пахотных и сенокосных земель настолько, что в течение нескольких десятков лет будут существовать безбедно».¹ Но и эти предложения также остались на бумаге. Во-первых, они не получили санкции вышестоящих правительственных властей, во-вторых, само осетинское население ответило категоричным отказом покинуть пределы своей родины.

Таким образом, стремление осетин-горцев перейти на жительство на равнинные земли в течение 70–90-х гг. не только не ослабевало, а росло. Несмотря на чинимые царскими властями препятствия, осетины-горцы продолжали переходить на плоскость. Причем, география переселения значительно расширялась. Осетины в поисках земли переходили в 70–90-е гг. на жительство в Моздокский район. В Малой и Большой Кабарде образовалось до 33 малых осетинских поселений: сел, хуторов, выселков. Даже в далекой Кубанской области появилась в 1870 г. колония из жителей горной Осетии. В самой Осетии из безземельных горцев, переселившихся сюда без разрешения властей, образовался новый класс временнопроживающих, создавший множество аграрных проблем Осетии. Защита интересов этой самой обездоленной категории осетинского крестьянства становится с конца XIX в. предметом пристальной заботы революционно-демократической интеллигенции. В продолжавшемся переселении горцев на равнину в условиях официальных запретов выразилась одна из своеобразных форм аграрного движения в Осетии в пореформенный период.

Подведем итог. В целях скорейшего экономического освоения Северного Кавказа правительство в пореформенные годы подвергло различные районы края, в том числе Осетию, интенсивной «гражданской» колонизации. Переселенческая политика царизма, проводившаяся в условиях развивающегося в Осетии аграрного капитализма, сильно ухудшила и без того тяжелое экономическое состояние местного крестьянства, так как значительные земельные массивы оказались вне его пользования.

Аграрная неустроенность в нагорной полосе в пореформенный период заключалось прежде всего в отсутствии здесь землеустроительных работ, основное содержание которых, по мнению самих горцев, должно было вклю-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 53, д. 173, л. 46.

чать: выяснение степени нуждаемости населения в земле и наделение его земельными участками путем переселения жителей на плоскость; ликвидацию в горных обществах феодальной поземельной зависимости, отмежевание всех горных земель и документальное закрепление их за горцами; юридическое закрепление на общинном праве пользования всех лесов, лесных полян и горных пастбищ за народом; справедливый разбор и разрешение земельных споров.

Переселение осетин с гор на равнину в 70–90-е гг. следует рассматривать в двух аспектах — как продолжение самого процесса переселения, начатого еще в XVIII в., и, что особенно важно, как своеобразный для пореформенной Осетии вид крестьянского движения, ибо оно совершалось теперь в условиях административных распоряжений, запрещающих подобное переселение.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА в 70—90-х гг.

Известно, что капиталистический путь развития в пореформенные годы приобщал горцев к более передовым формам общественной жизни. В социально-экономической, бытовой и идеологической областях стали происходить глубинные изменения: рушились основы патриархальной замкнутости, натуральное хозяйство горцев приспособлялось к новым буржуазным отношениям; экономика края все сильнее и сильнее становилась неразрывной частью общероссийского организма.

Но, одновременно, аграрный капитализм представлял для горских масс новые испытания и страдания. Капитализм для горского крестьянства означал прежде всего дальнейшее хозяйственно-экономическое обнищание. К феодальному и административному гнету в новые времена прибавился еще и гнет капиталистический, гнет растущей городской и сельской буржуазии, кулаков-мироедов.

Как мы уже отмечали, процесс втягивания Осетии в сферу влияния русского капитализма шел неравномерно. Горная Осетия, вследствие территориальной разобщенности и слабых связей с равниной, бесспорно, отставала в своем развитии. Нерешенность земельного вопроса ставила перед ее населением множество сложных проблем. В этом районе в земельных отношениях оставались почти нетронутыми устои феодализма. Осетинские феодалы продолжали простираť свои права на значительные пространства пастбищных и сенокосных земель, на лесные массивы, требовать от народа «традиционных» повинностей. Это рождало у горского крестьянства чувство негодования, ощущение своего бесправия и придавало аграрному вопросу особую жгучесть. В нагорной полосе крупными землевладельцами оставались Дударовы. В Балте им принадлежало 2534 дес., в Верхнем и Нижнем Чми — 2725 дес., 6 дворов Кундуховых владели 701 дес. в Санбанском ущелье. Здесь же 4 двора Есеновых принадлежало несколько пастбищных мест площадью более 1189 дес. и 459 дес. леса. В Верхнем Кобане 5 дворов Кануковых простирали свои права на богатые пастбища в размере 1860 дес. В Дигории, в горной ее части, бадеята Кубатиевы, Тугановы, Абисаловы и др. лишили население права пользования полянами Сурх, Дидинаг, Турмон, Разбун, Бамата, Ханазон, общей площадью более 7 тыс. дес. В Куртатинском ущелье в бесспорном владении Есиевых оставалось 1140 дес. в Нижнем Карца, Датиевых — 1182 дес. в Верхнем Карца, Тезиевых — 467 дес., Ваниевых — 271 дес. в Даллагкау и др.¹

¹ Тотоев М. С. Положение крестьянства и классовая борьба в Северной Осетии в последней четверти XIX в. — «Ученые записки Северо-Осетинского госпединститута», вып. XX, 1956. С. 3.

В целом экономическое положение горной полосы Осетии в пореформенный период характеризовалось крайним безземельем, нищенством ее жителей, широкой арендой земель на плоскости, падением скотоводства, в особенности, после изъятия лесов из народного пользования, возрастанием недоимок, отсутствием дорог. «Повесть жизни горцев, — с горечью констатировал современник, — так же грустна и сурова, как грустны и суровы сами горы».¹ Если где царствует полный социальный гнет и административный произвол, в один голос свидетельствовали исследователи края, то это среди жителей гор Осетии.

Не лучшим образом обстояло дело и на плоскости. Благодаря естественному приросту населения и непрерывному притоку жителей с гор, население плоскостной Осетии к концу XIX в. почти утроилось. Земельная площадь 105 тыс. дес., находящаяся на общинном праве пользования плоскостных осетин, в основном к концу пореформенного периода так или иначе оказалась в руках сельской буржуазии. Сами представители власти уже в период земельной реформы признавали, что многие села наделены землей недостаточно, получили ее крайне мало. Так, наместник Кавказа в 1867 г. отмечал, что 263 семействам Вольно-Христиановского аула предоставлено крайне недостаточное количество земли. Кроме этого, наместник сам назвал еще четыре равнинных села — Магометановское, Гизель, Зилга и Кадгарон. В 90-е гг. число жителей в этих и других селах Осетии выросло в два, три, в четыре, а в некоторых — в пять раз. Так, в сел. Христиановском к концу XIX в. проживало 989 дворов, в Гизели — 269 дв., в Магометановском — 455 дв., в Кадгароне — 498 дв., в Батакоюрте — 322 дв., Заманкуле — 368 дв., Ольгинском — 320 дв., Салугардане — 336 дв., в Суадаге — 399 дв., в Тулатовском — 395 дворов. Число жителей в них выросло, а сельские наделы остались в прежних пределах.

По причине малоземелья в 80–90-е гг. в запашку была пущена почти вся общинная земля, которая без удобрений десятки лет подряд запахивалась, не получая отдыха. Естественно, в этих условиях равнинная земля быстро истощалась. Природные покосы и пастбища на плоскости сокращались, а у многих сел их вообще уже не стало. Общая площадь последних сократилась с 31 тыс. дес. в 70-х гг. до 9 тыс. дес. в 1897 г. Если высшая продовольственная норма в черноземной полосе, к которой принадлежали осетинские земли, составляла 11 дес. на человека, а низшая — 5 дес., то к 1900 г. средний душевой надел на плоскости достигал только 1–2 дес. Во многих селениях этот размер был еще ниже.² По свидетельству газеты «Новое обозрение», в 1897 г. совсем безземельных дворов было: в Гизели — 17, Ногкау — 29, Кадгароне — 8, Тулатовском — 35, Заманкуле — 14, Шанаевском — 12, Алагире — 135, Ардоне — 57, Кора — 48, Урсдоне — 44, Карагаче — 40, Синдзикау — 45, Христиановском — 46, Дур-Дуре — 104 и т. д. Всего безземельных дворов в указанное время в степной Осетии насчитывалось 834 двора, или более 6 тыс. человек.³ Из 26 наиболее крупных селений к концу XIX в. только 7 были с достаточным земельным наделом, а остальные являлись, исходя из средней необходимой нормы, малоземельными.

¹ «Кавказ», 1905, № 2365.

² ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 73, л. 44.

³ «Новое обозрение», 1897, № 4677.

Такие же села, как Тамиск, Алексеевское (Ахсарисар), Осетинско-Николаевское и другие, вообще не имели пахотной земли.

Администрация не обращала внимания на тяжелое положение безземельных осетин, а если и отмечала земельный голод в плоскостной Осетии, то выход из него находила опять-таки за счет самого населения. В 90-х гг. в кругах краевой администрации был даже разработан план переселения осетин в Сибирь и в Среднюю Азию. Составители этого плана всячески афишировали его. Появились даже списки добровольно желающих переселиться туда. Назывались Тургайский, Семипалатинский, Акмолинский районы, Амурская и Томская области.¹ Инициатором был сам кавказский наместник. «Таким путем,— считал он,— достигалась бы двоякая цель: устройство безземельных горцев и освобождение Кавказа от избытков беспокойного элемента».² Отныне на всех жалобах осетин на земельную их неустроенность и прошениях о расширении наделов начальники Терской области и округа зачастую ставили одну и ту же резолюцию: «Если просителям не хватает земли, то в Сибири ее — видимо-невидимо».³

Под влиянием такого малоземелья плоскостные осетины жили арендой на стороне. Для крестьян внеадельная аренда земли была необходимым паллиативом. Количество арендуемой осетинским крестьянством земли в 90-х гг. составляло более 50 тыс. дес. «Аренда,— писал В.И. Ленин,— более гибкая форма, при которой приспособление землепользования к рынку происходит всего проще, всего легче, всего быстрее».⁴ Но в условиях капиталистического развития арендные операции из года в год усложнялись. Между крупными землевладельцами и крестьянством появились так называемые посредники — субарендаторы. Арендуя у крупных землевладельцев землю большими участками, они затем дробили ее и сдавали мелкими участками тем, кто в ней нуждался. В результате таких операций цены на арендные земли ежегодно изменялись. За 30—40 лет цены увеличились почти в 10—15 раз. Разумеется, к концу XIX в. наиболее нуждавшаяся часть осетинского крестьянства была лишена возможности аренды. Нарождавшаяся буржуазия постепенно скупала земли и таким образом захватывала в свои руки все арендные операции, лишая безземельных и малоземельных крестьян всякой возможности поправить свое материальное положение.

По официальным данным, в конце XIX в. размер всей удобной для обработки земли на территории Владикавказского округа равнялся 322 956 дес., из которых 140 161 дес. — в нагорной полосе. Из этого фонда на долю осетинского народа, по подсчетам проф. К. Х. Дзокаева, приходилось немногим более половины — 54%. Остальная земля распределялась между казачьими станицами и казной. Если взять землю, которой владело осетинское население, то она распределялась между сословиями чрезвычайно непропорционально. Так, алдаро-баделятские семейства, составлявшие всего 0,29% общего количества хозяйств, владели 14% всего земельного фонда, малоземельные и безземельные крестьянские хозяйства, составлявшие 45%, владели 1,3% всей удобной земли, сельская буржуазия, насчитывавшая 0,35% общего количества хозяйств, владела около 4% земли.⁵

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5663. л. 45.

² Там же, д. 5688, л. 18 об.

³ ЦГА ЧИ АССР, ф. 32, оп. 1, д. 619, л. 300.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 128 (4 изд.).

⁵ Дзокаев К. Х. Указ. соч. С. 9.

На почве широкого развития товарно-денежных отношений в осетинской деревне наблюдалась интенсивная дифференциация населения. С одной стороны, росло и крепло кулачество, с другой — пролетаризировалась основная масса крестьянства. Непосредственно наблюдавший жизнь тогдашней осетинской деревни А. Ардасенов дал верную характеристику осетинскому кулачеству. Он писал, что новые социально-экономические отношения начали «создавать среди туземцев особое сословие хищников-кулаков, по своим приемам и проделкам представляющих подобие русских кулаков, только еще более грубых, жадных и жестоких».¹

Сельская буржуазия приобрела большую экономическую, социальную и политическую силу. Она все шире и чаще стала прибегать к использованию наемного труда, к эксплуатации деревенской бедноты, количество которой из года в год возрастало. Выдавая ссуду нуждающимся деньгами ли, семенами ли или товарами в кредит, кулаки тем самым получали право расправы над должником, преимуществ при решении общественных вопросов на сельских сходах и на поддержку со стороны администрации. В кулацких хозяйствах особенно широкой эксплуатации подвергалась беднота горной Осетии.

Социально-экономический гнет осетинского крестьянства сопровождался совершенным бесправием, административным произволом. Царизм, его местные органы подавляли всякую национальную самостоятельность. Вся власть, как в области, так и на местах, была сосредоточена в руках царских ставленников, назначаемых из привилегированной верхушки, выходцев из кулацко-зажиточных слоев осетин и казачества. Весь административный аппарат, за редким исключением, состоял из серьезно скомпрометированной части царского чиновничества, а порой из преступного элемента. Произвол, надругательство и почти полная безнаказанность действий представителей этой администрации служили постоянным источником недовольства, неурядиц и столкновений в пореформенной горской деревне.

Особенно усилился административно-управленческий гнет в 80–90-е гг. Именно тогда административный произвол на Северном Кавказе, в особенности в Терской области, принял, по меткому выражению современника, совершенно необузданный характер. Реакционные мероприятия правительства Александра III нашли свое прямое отражение и в действиях терской администрации. Ее решением от 15 марта 1891 г. было запрещено проживание горцев одной национальности в населенных пунктах другой национальности; тогда же была введена новая паспортная система, согласно которой сельские власти выдавали разрешение горцам только на кратковременные отлучки в соседние селения или в города на базар. На более продолжительные выезды паспорта стали выдавать атаманы отделов или начальники округов. Это привело к тому, что «власти стали гнать туземцев из городов и слобод на место приписки... В холодную осень, весеннюю распутицу, под душераздирающие вопли дряхлых стариков, плач женщин и детей местная полиция разрушала их хатенки, ломала и разбивала их убогую утварь, и, как зачумелых, гнала вон за околицы».²

В 1895 г. начальник области генерал Каханов издал циркуляр всем

¹ В.-Н.-Л. Указ. соч. С. 30.

² Хетагуров К. Л. Собр. соч.. М., 1960—1961. Т. 4. С. 1201.

станичным атаманам, прозванный в станицах «омерзительно диким». Каханов приказывал всем станичным правлениям в обязательном порядке принять приговоры, в которых станичникам запрещалось бы вступать в куначество с туземцами.¹ Казаки, нарушившие подобные приговоры и вопреки им продолжавшие дружить с местными жителями, подвергались крупным штрафам. Самим туземцам категорически запрещалось, посещать казачьи станицы «ни днем, ни, тем более, ночью». Борьбу осетинского народа и других горцев с этими поистине колониальными порядками власти подавляли жестокими мерами: штрафами, розгами, арестами, ссылками на остров Чечень в Каспийском море, в отдаленные губернии России, в Сибирь. Непосредственным проводником этой реакционной политики в аулах были старшины, в станицах — атаманы. Свои отношения с жителями аулов и станиц колониальная администрация регулировала через них. От сельского старшины зависела судьба всех аульных жителей. Особенно страдала от произвола сельского старшины беднота и наиболее передовая часть сельской интеллигенции. Вот почему непосредственным поводом всех без исключения крестьянских выступлений в Осетии в последней четверти XIX в. против существующего режима так или иначе служило старшинское засилие. На протяжении всей истории вопроса о сельских старшинах трудовой народ Осетии боролся за демократическое его решение. Он всегда требовал от властей соблюдения двух принципов: чтобы сельского старшину выбирало само сельское общество, он не назначался бы сверху. Далее, чтобы кандидатов на эту должность непременно подбирали в самих сельских обществах из лиц, пользующихся уважением и доверием сельских жителей. В 60–70-х гг. эти требования формально выполнялись. «Положение о сельском и аульном управлении», во всяком случае, учитывало эти принципы, они были в нем зафиксированы.

Однако в 1886 г. эти пункты в «Положении» были отменены. Отныне назначение и снятие сельских старшин входило исключительно в компетенцию областной администрации. Оправдывая подобное решение, начальник области генерал Смекалов писал, что сельские старшины из туземных жителей связаны родственными узами с жителями сел, поэтому «с послаблением относятся к жителям по служебным делам», скрывают от начальства виновных, вследствие чего жители привыкли видеть в лице старшины не сельскую власть, а обыкновенного равного себе поселянина. «Такое отношение туземных старшин к служебным обязанностям и к подведомственным им жителям, — писал далее он, — послужило причиною к водворению между жителями разлада, неурядиц, интриг, непослушания распоряжений начальства, своеволий, денежных недоимок за жителями. Признавая невозможным продолжение такого ненормального порядка управления и находя устранение онога немислимым при туземных старшинах, мы признали полезным заменить во всех селениях Владикавказского округа туземных старшин русскими».² В аульное положение был внесен пункт 109, где недвусмысленно было сказано: «По назначению начальства замещаются должности сельского старшины и их помощников».³

¹ ЦГА СО АССР, ф. 49, оп. 1, д. 107, лл. 1–10.

² Там же, ф. 12, оп. 3, д. 1288, лл. 4, 4 об.

³ Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 182.

В 1887 г. первыми были заменены старшины в Ольгинском и Вольно-Христиановском, а в следующем 1888 г. — во всех равнинных селах Осетии.¹ В подавляющем большинстве все вновь назначенные старшины были казачьими урядниками, а также уволенными со службы за разные преступления офицерами, были среди них и представители местных социальных верхов — сельские кулаки и ростовщики. Естественно, многие из них совершенно не знали ни местного языка, ни нравов, ни обычаев осетин. Грубое принуждение и насилие — вот их главный метод управления. «Легко себе представить, — писал К. Л. Хетагуров, — каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников, в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые в действиях и омерзительно непристойные в выражениях».²

Реакционная по существу реформа сельского правления 1886 г. вскоре до предела накалила политическую обстановку в Осетии. Общественность Осетии не раз поднимала вопрос о неблагонадежности правительственных старшин. Сельские общества буквально забросали областное правление просьбами не назначать старшин, их помощников и писарей, а избирать на сходах, причем только из местных жителей. Наконец, 21 марта 1890 г. доверенные жителей 7 плоскостных селений — Батакоюрта, Заманкула, Шалаева, Хумалага, Беслана, Ольгинского, Зилги подали коллективное прошение начальнику области генералу Каханову. В нем на основе четырехлетней практики доказывалась ошибочность и вредность произведенной областной администрацией реформы сельского правления. Доверенные сельских обществ называли пройденный после реформы период «вполне неудачным опытом четырехлетнего управления нами», который привел к «тяжелым последствиям в экономическом и административном отношениях для сельских обществ».³ «Чуждые нашей туземной сфере казачьи урядники — старшины, — говорилось в коллективном прошении крестьян, — являясь к нам без понимания наших нравов и обычаев, незнакомые с нашим языком, воспитанные сами при совершенно других условиях быта, не могли и не могут выполнять должным образом своего назначения — охранять порядок и спокойствие в обществе, ибо они лишены средств в каждом случае обнаруживать зло. Вот почему период их управления нами характеризуется большими расстройками, для сельских же обществ их деятельность совершенно бесполезна и безрезультатна, ибо они не обращают никакого внимания на частные интересы подчиненных им сельчан и, кроме того, в личных отношениях своих к подчиненным сельчанам постоянно переходят границы благопристойности грубою бранью, почему и возникает много дел по их оскорблению».⁴

Сельские общества протестовали и против введенных областной администрацией значительно завышенных жалований чиновникам сельского правления. В целом содержание каждого старшины жителям сел теперь обходилось более 900 рублей. «Такой расход, совершенно непроизводительный, ложится страшным бременем на общества, и без того несущие массу плате-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 1288. лл. 7—8.

² Хетагуров К. Л. Собр. соч., т. 4, с. 46.

³ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 1288, л. 1.

⁴ Там же, л. 2.

жей сверх повинностей земского и государственного характера по ежегодной раскладке»¹, – заканчивали крестьяне свое прошение. В июне–июле 1890 г. прошения с аналогичным содержанием поступили в адрес начальника области и от обществ 14 селений – Кадгарона, Салугардана, Дарг-Коха, Гизсли, Христиановского, Новоурухского и т. д.² На всех прошениях стоит одна и та же резолюция генерала Каханова: «Разрешить выбор старшины не могу, так как законом установлено назначение их властью. Что же касается до назначения старшин из местных жителей, то, как я уже не раз говорил, исполню эту просьбу тогда, когда осетины своим поведением заслужат мое доверие».³

В 1896 г. управление начальника Терской области удивило местное население еще одним распоряжением, согласно которому горцам запрещалось вступать в арендные операции в пределах другого племени, запрещалось ездить по полевым дорогам во владениях казачьих станиц, селиться и иметь недвижимую собственность в городах и слободах области⁴ Создавалась особая черта оседлости для осетин. В том же году Каханов подписал еще один приказ, в котором черным по белому было выведено: «Не выпускать во Владикавказе после солнечного заката туземцев из их жилищ»⁵. Полиция имела право арестовывать каждого горца, который появлялся ночью на улице города. Такие меры генерала Каханова и его администрации до глубины души оскорбляли население, унижали его достоинство.

Настоящим бичом для осетинского крестьянства в пореформенные годы стала налоговая политика царизма. Она в значительной степени усиливала его бедственное положение. Налоговый пресс всей своей тяжестью ложился только на трудовую часть осетинского народа, обременял податями и повинностями до такой степени, что местные власти могли взыскивать их только полицейскими мерами.

Приведенные данные, рисующие картину земельных отношений последней трети XIX в., тяжелое и бесправное положение трудящихся Осетии, объясняют ту социально-экономическую и политическую почву, которая в рассматриваемый период лежала в основе обостренных социально-политических противоречий и классовой борьбы осетинского крестьянства. Борьба эта принимала самые различные формы и проявления. То она протекала скрытно, то выражалась в открытых бунтах, в вооруженных выступлениях жителей осетинских селений.

Классовая борьба шла почти повсеместно в Осетии и по своему содержанию, методам и целям, разумеется, резко отличалась от крестьянской борьбы в первой половине XIX в. Она стала организованнее, мобильнее и целеустремленнее. Наступательную силу ее уже испытывали на себе не только алдары и баделята, но и сельская буржуазия и колониально-административный аппарат. И тем не менее, следует отметить, что в целом крестьянские выступления в 70–90-е гг. продолжали носить локальный и неорганизованный характер.

Особенностями классовой борьбы осетинского крестьянства в рассматриваемый период было, во-первых, то, что она принимала наиболее обо-

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 1288, л. 2 об.

² Там же, лл. 7–12.

³ Там же, лл. 7–12.

⁴ Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 62, л. 177.

⁵ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 9, л. 113.

стренные формы в тех селах, которые сильнее и глубже были подвержены капиталистическим отношениям и, во-вторых, идейно вдохновлялись и возглавлялись передовой интеллигенцией Осетии. Осетинское крестьянство в последней трети XIX в. уже не было одиноким. Оно выдвинуло из своей среды целую когорту поэтов, писателей, публицистов, учителей, юристов, борцов за лучшее будущее своего народа.

Уже в 70-х гг. все прогрессивные и демократические силы интеллигенции Осетии, вышедшей из сельской местности и хорошо знавшей положение осетинской деревни, скорбели о судьбе обездоленного народа и стремились облегчить его положение. Идейное оформление оппозиционным и революционным настроениям осетинской интеллигенции 70-х гг. давало русское революционное народничество, а социально-экономическая действительность осетинской деревни, страдания, чаяния и нужды ее жителей являлись источником, откуда черпались эти настроения. Демократическая интеллигенция Осетии, отражая чаяния и стремления современного ей крестьянства, твердо ориентировалась на передовую, борющуюся демократическую Россию, ибо в этом она видела единственный путь приобщения его к прогрессу и освобождению от социально-экономического, политического и национального гнета.

Из осетинских «семидесятников» прежде всего следует отметить А. Ардасенова, М. Кипиани, О. Кананову, Н. Кананова, Д. Сохиева, братьев Шанаевых – Джантемира и Ибрагима, Е. Газданова и жену его М. Бузылову, Х. Тускава, А. Айдарова, И. Атабегова, Дз. Голиева, братьев Поповых – Петра и Степана, братьев Вертеповых – Григория и Алексея, В. Кизер, Д. Лаврова, Л. Серебрякову, З. Охраменко, Е. Назарову, Г. Годжиева и др. Абсолютное большинство из них окончили к этому времени в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Одессе, Тифлисе, высшие и средние учебные заведения или продолжали учиться. К примеру, Атабегов окончил землемерное училище в Тифлисе, Айдаров учился в технологическом институте в Москве, Дж. Шанаев окончил Одесский университет, Годжиев учился в гимназии, Газданов, Ардасенов, Сохиев, И. Шанаев окончили лесной институт, Тускаев – Петербургскую академию, Голиев – духовную семинарию, Вертепов – землемерное училище и т. д.

Они еще во второй половине 70-х гг. создавали революционные кружки, делали попытки «хождения в народ», распространяли запрещенную нелегальную литературу, устраивали школы-«пансионы», овладевали какими-нибудь ремеслами для устройства на работу в деревне с целью ведения революционной пропаганды. «Вокруг этой молодежи, – пишет профессор Б.В. Скитский, – по большей части окончившей вуз и состоявшей уже на службе, группировалась молодежь средних школ Владикавказа. Она втягивалась в атмосферу революционных настроений, заражалась стремлением к самообразованию, брала книги в подпольной библиотеке и впитывала в себя революционную «заразу», готовя себя к будущей работе в деревне».

Но все же народники и их приверженцы в Осетии не сыграли заметной роли в революционном просвещении крестьянства. «Они полны были, – как писал К. Хетагуров, – незыблемых надежд исправить социальный строй», но эти стремления были обречены, не имели ни ясного плана, ни ясной программы действий.

В 80-90-х гг. в Осетии появилось повое поколение передовой интел-

лигенции во главе с великим поэтом и революционером. Как революционер, певец горской бедности, К. Хетагуров ясно видел, что современное ему общество — это два противоположных лагеря: богатые и бедные, из которых первые утопают в роскоши, вторые, создавая своим трудом все материальные блага, живут в нищете. И всю революционную деятельность, всю остроту борьбы и кипучую энергию он направлял против людей, живущих в роскоши, против царской администрации. Осетинскую действительность последней четверти XIX в. К. Хетагуров разоблачал страстно, гневно и в то же время убедительным и понятным для крестьян языком публицистики и поэзии.

Этой стороне его творчества посвящена довольно богатая литература, написаны солидные работы, что освобождает нас от подробной характеристики роли К. Хетагурова в революционном воспитании горского крестьянства. Лишь еще раз отметим, что в творчестве великого поэта, в жизни общепризнанного лидера и вождя современной ему демократической интеллигенции исключительно большое место занимала борьба против реакционной аграрной политики царизма, против сельских богатеев. Он особенно много писал о земельном неустройстве горского и «иногороднего» (русского) крестьянства.

Рядом с К. Хетагуровым в борьбе за интересы труженика-горца, человека труда рос и мужал другой видный представитель революционно-демократической интеллигенции — Г.М. Цаголов. Не было, пожалуй, другого такого деятеля в Осетии на рубеже XIX–XX вв. который бы так страстно, так вдохновенно выступал в защиту интересов горцев. Как журналист-корреспондент, он часто бывал во многих осетинских, ингушских, кабардинских селениях для собирания материала. Часто вел беседы с сельскими жителями. Хорошо зная все уголки родного края, Цаголов называл его краем «страдания и труда», краем, который «захлебнулся в пучине волн кровавых» и не видел еще «дней счастливых никогда». Человек труда был в центре внимания Цаголова, к нему пылал он горячей любовью. Особенностью его работ, посвященных аграрно-земельным неурядицам, является глубина анализа, выводы в них аргументированы. Он был подлинным крестьянином-демократом в самом лучшем понимании этого слова.

Всю силу ненависти, презрения и отвращения «певец края беспросветной нужды» вкладывал в борьбу против сельской буржуазии. Работ, посвященных разоблачению «темных дел» кулачества, «этих подонков сельской общины», как он их называл, огромное количество.

Своими статьями, насыщенными богатым фактическим материалом и яркими статистическими данными, он вооружал своих читателей необходимым материалом для обличения царского правительства и его администрации на местах.

В конце XIX в. широкую известность приобрела также публицистическая деятельность другого видного общественного деятеля Осетии — А.А. Гассиева. Когда знакомишься с общественной деятельностью и публицистическими статьями Гассиева, прежде всего бросается в глаза их целенаправленность, огромная любовь к трудящемуся классу, беспредельное желание помочь ему в борьбе за социальное и экономическое освобождение. Из всех работ, принадлежащих перу А. Гассиева, нам хотелось бы выделить те, которые посвящены земельно-аграрной тематике: «Земельно-экономическое положение туземцев Северного Кавказа», «Поземельное ус-

тройство государственных крестьян Закавказья», «Вынужденный ответ по поводу статей о земельных порядках», «Горское и казачье землевладение», «О протесте осетин по поводу Абрамовской комиссии по землеустройству горцев», «Сказка и история» и др. В них Гассиев бичует современную реакционную аграрную политику. «К бунту крестьянин побуждается беззаконием, угнетением и поборами», — писал он. Только близость к народу, истинный демократизм могли привести Гассиева в ряды подлинных защитников интересов трудового крестьянства. Он ненавидел самодержавный строй беспощадно критиковал его политику на Северном Кавказе.

Уже в 80-х гг. начались крупные выступления в плоскостной Осетии. Начальник Терской области генерал Юрковский 7 июня 1885 г. спешно доносил в Тифлис: «В последнее время в осетинских плоскостных селениях стали обнаруживаться распушенность, разнузданность, полнейшее своеволие, систематическое ослушание властям, явное упорство в неисполнении законных требований»¹.

Весной 1884 г. в сел. Ольгинском произошли события, которые серьезно озаботили окружную и областную администрации.² 21 марта в это селение прибыла комиссия под председательством старшего помощника начальника округа Пахотинского, чтобы уговорить сельское общество принять в число коренных жителей 26 дворов временнопроживающих. Сельский сход отказал временнопроживающим в их просьбе, после чего сход по приказу Пахотинского был разогнан, причем последний в адрес сельских жителей «выкрикивал целый поток бранных слов». Ольгинцы прогнали из села помощника начальника округа и других чиновников. На второй день в Ольгинское был послан сам начальник округа полковник Костелянов, однако жители отказались идти на сход. Только после «принудительных мер» ольгинцы собрались перед зданием сельского правления. На сходе произошло столкновение между временнопроживающими и кулацкой верхушкой, спровоцированное сельским старшиной прапорщиком Мамукаевым, юнкером Газдановым и урядником Баяевым.

В декабре того же 1884 г. начались серьезные волнения в сел. Христиановском.³ Об этом селении, о его жителях еще весной 1883 г. начальник участка войсковой старшина Антонов доносил, что пяти тысячное общество Христиановского разделено на две партии, каждая из которых желает видеть сельским старшиной своего кандидата. Пристав Антонов называет христиановцев в высшей степени распушенными. Непослушание старшине в селении—общее. «Народ не слушается и не признает нашей административной власти,— с тревогой заключал начальник участка.— Старшина не может заставить никого из жителей, без согласия общества, доставить даже дров для отопления сельского правления... Денежные взыскания, требуемые окружным управлением, не вносятся, казаков, посылаемых в помощь старшине для взыскания денег, бьют».⁴

Поводом для волнений в этом селении послужили злоупотребления служебным положением старшины Александра Бердиева и самоуправство начальника участка Антонова. Был созван сход, вызвали старшину и заста-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 362, л. 2.

² ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 1, д. 362, л. 2.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 362, лл. 1—17;

⁴ Там же, л. 2.

вили объясниться народу. Сход кончился побоищем. Бердиев вместе с кулаками, которые его поддерживали, был избит и брошен в р. Урсдон. Приехавшего вскоре в Христиановское пристава Антонова с казаками разоружили и посадили в «кутузку».

Это был открытый бунт, серьезно встревоживший вышестоящее областное начальство. На подавление «беспорядков» в Христиановском срочно были направлены дополнительные силы. Волнение было подавлено. Шесть человек «зачинщиков беспорядков» — Каспулат Токаев, Гагоци Газдаров, Дзаге Залеев, Соломон Гарданов, Давид Уруймагов и Гатыр Цаголов 6 февраля 1885 г. были арестованы и сосланы.¹ Но христиановцев это не испугало. В конце февраля 382 жителя селения написали жалобу на Бердиева и Антонова. За сочинение такой «дерзкой клеветы на представителей власти» организаторы подачи жалобы Савва Елекоев, Михаил Кесаев и Сабаз Фатцаров были арестованы и также высланы из пределов Осетии, а Василий Уруймагов, Василий Гагулаев и Михаил Цаголов были сосланы на остров Чечень «с учреждением на месте поселения надзора за их поведением».² Но и эти меры не сломили боевой дух христиановцев. Они долго и упорно не платили податей, продолжали саботировать распоряжения местных властей, не выполняли натуральные повинности.

В апреле 1885 г. в сел. Батакоюрт произошло еще более значительное вооруженное выступление жителей против властей и сельской буржуазии. Это селение уже давно снискало себе славу населенного пункта, где «даже с помощью казаков делается невозможным взыскание денег по распоряжению начальства». В 1884 г. начальник округа доносил генералу Юрковскому: «Названное селение, находясь на окраине участка, более чем в 40-верстном расстоянии от места пребывания участкового пристава и таким образом пользуясь отсутствием ближайшего бдительного надзора со стороны местной административной власти, с давнего времени заявило себя с весьма невыгодной стороны... Жители здесь разделены на партии, между которыми всегда отсутствует спокойствие».³ Далее начальник округа обвинял батакоюртовцев в произношении «дерзких слов против священной особы его императорского величества»⁴. «Партия», состоящая из кулаков, прибрала здесь сельское правление к рукам. В 1881 г. они поставили старшиной села Бимболата Дзодзиева — местного богача, «кровопийцу», как называли его сами батакоюртовцы и с его помощью «стали теснить бедных жителей». Кулаки присваивали лучшие пахотные и сенокосные угодья, развели громадные имения. Жители решительно выступали против кулаков. На одном из сходов батакоюртовцы требовали возратить все захваченные кулаками участки или привлечь их владельцев к денежному взысканию в пользу сельского общества. Кроме того, батакоюртовцы неоднократно ставили перед окружной и областной администрацией вопрос о замене старшины Б. Дзодзиева. Они требовали произвести основательную ревизию в сельском правлении и наконец-то обнародовать все его злоупотребления. Так как администрация отказывалась сделать это, то последние объявили бойкот

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 1, д. 362. л. 2.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 362, лл. 1—17;

³ ЦГА, СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 166, лл. 1 — 115.

⁴ Там же, л. 5 об.

Дзодзиеву. «Население села употребляет все средства против действий старшины, на каждом шагу порицает его, — доносил пристав, — ... подстрекают молодежь к неисполнению требований властей, для чего собирают у себя в домах тайные сходы».¹

Наконец, начиная с июня 1885 г. батакоюртовцы вообще отказались вносить подачи и недоимки. По просьбе старшины пристав Антонов, прибывший в Батакоюрт во главе роты казаков, произвел аресты среди населения. Во Владикавказскую тюрьму на 4 месяца было отправлено 30 человек, затем казаки стали отбирать у жителей скот в счет недоимок. Когда пригнали отобранный скот во двор сельского правления, «туда собралась большая толпа народа, которая требовала возврата скота, грозя в противном случае отобрать его силой». Пристав приказал казакам обезоружить некоторых из жителей. Когда казаки притупили к этому, то собравшиеся обнажили свои кинжалы, бросились на казаков и разоружили их самих. Народ выпустил весь отобранный скот, а старшину и пристава запер в одной из комнат сельского правления. Так начался вооруженный бунт, который был подавлен только через две недели. 350 солдат и казаков в течение месяца творили бесчинства в Батакоюрте: обезоруживали жителей, производили новые многочисленные аресты, отбирали скот, грабили и всячески унижали жителей. Главных «зачинщиков в нарушении порядка и спокойствия в селении» — Бориса Бигаева, Ципу Хубаева, Бзго Фидарова, Николая Ходова сослали на два года на остров Чечень, а Габиса Цкаева, Дзахота Бигаева, Габо Кадиева, Ахмета Касаева, Текло Фидарова, Ельзарико Хубаева и других, всего 22 человека, заключили одних в Веденскую тюрьму, других — на Шатоевскую гауптвахту.²

С 1885 по 1887 г. такие же вооруженные выступления жителей произошли в Кадгароне, Урсдоне и Гизели. Значительное по своим масштабам аграрное движение, начавшееся в Осетии, создало довольно напряженную обстановку. Весной 1887 г. начальник области вторично с тревогой доносил в Тифлис, «что в Осетии под руководством осетинской интеллигенции возникло значительное аграрное движение, достигшее угрожающих для всеобщего спокойствия размеров»,³ и просил предоставить ему особые полномочия.

Для крестьянских выступлений были в каждом отдельном случае свой повод и мотивы. Так, первопричиной беспорядков, которые произошли в 1890 г. в сел. Брут, послужили бесчинства казачьего урядника, назначенного окружным начальством в качестве сельского старшины.⁴ Через год здесь опять было неспокойно. Предлогом для беспорядков послужило обострение сословного вопроса.⁵ Из 137 дворов этого селения 77 были алдаровскими, а потому они в силу постановления Терского областного управления от 18 октября 1888 г. были освобождены от всех общественных и земских повинностей. Это создало накаленную атмосферу в селе между алдарами и крестьянской частью жителей. Крестьяне потребовали от алдаров равного с ними участия в выполнении сельских повинностей во всех видах. В противном случае они грозились лишить алдаров паев общественной земли.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 3, д. 166, л. 1.

² ЦГА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 362, л. 12.

³ Там же, л. 36.

⁴ Там же, л. 318, л. 18.

⁵ Материалы по истории Осетии. Т. 3 С.172.

В 1890 г. произошел открытый бунт и в сел. Эльхотово.¹ Во время общего схода 25 мая эльхотовцы избили старшину урядника Макиева, а затем арестовали его. Они хотели «поступить подобным образом и с теми из жителей села», кто потворствовал старшине и выгораживал его свосволие и незаконные действия, выразившиеся в массовых конфискациях у жителей имущества и скота, в грубом и дерзком обращении с простыми людьми, в присвоении общественных денег и в других злоупотреблениях. Спасло их от народного гнева прибытие в село пристава Орежеховского с командой казаков. Орежеховский прежде всего освободил арестованного старшину, а потом с помощью казачьей команды посадил в подвальное помещение сельского правления до 30 человек жителей села. Многие из них подверглись избиению и грубым издевательствам со стороны вооруженных казаков. Возмущенные таким бесчинством начальника участка эльхотовцы, в числе 300 человек, на второй день отправились во Владикавказ «искать правосудия у начальника области».² Эльхотовский бунт закончился тем же, что и в других селениях. 16 человек активных его участников были сосланы на о. Чечень, сельский старшина и начальник участка отдела-лись лишь выговорами. В 90-х гг. такие же крестьянские выступления произошли в селениях Хумалаг, Дур-Дур, Гизель.

Описанные крестьянские выступления не исчерпывают полностью всей картины аграрного движения и классовой борьбы в Осетии в пореформенные годы, но они довольно ярко свидетельствуют об остроте социальных противоречий осетинского общества в указанный период. Наличие в нем классовой борьбы свидетельствовало о значительных сдвигах в экономике Осетии, а вместе с тем, и в сознании ее населения. Острота социальных противоречий и ожесточенная классовая борьба против социального и политического гнета, против царизма и его колониального режима, против местных алдаров и баделят, а также против развивавшейся осетинской буржуазии представляла собой определяющий фактор в развитии характера и направления общественной мысли в Осетии. Она стала основой, которая определила духовный облик передовой интеллигенции Осетии, мужественно выступившей в последней четверти XIX в. в защиту интересов обездоленного крестьянства.

Таким образом, в годы развития аграрного капитализма буржуазные отношения в осетинской деревне переплетались с множеством патриархально-феодальных пережитков. Это заметно тормозило развитие капитализма в сельском хозяйстве, делало положение крестьянства более мучительным. В 70–80-х гг. в Осетии преобладала первая социальная война — борьба крестьян за уничтожение феодального землевладения и всех феодально-крепостнических остатков.

В последнем десятилетии XIX в. в основном продолжалась крестьянская борьба за землю, против малоземелья и безземелья, но все явственнее стала проявляться и борьба крестьян против кулачества, реакционной аграрной политики царизма. В указанные годы в Осетии создалась весьма накаленная социально-политическая обстановка, выразившаяся в развитии широкого крестьянского движения.

¹ Архив СОНИИ, ф.1, оп.49, л.42, лл.84–101.

² Там же, л. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изучение истории сельского хозяйства и крестьянства в Северной Осетии в XIX в. приводит нас к следующим общим итогам.

1. Историческое и экономическое развитие аграрных отношений в осетинской деревне в указанный период в основном происходило по тем же объективным законам, что и в центральной России. Но вместе с тем, в условиях Северной Осетии этот закономерный процесс имел ряд специфических особенностей: более сильная опутанность земельных отношений в XIX в. феодальными, патриархально-родовыми пережитками в сравнении с сельским хозяйством центральной России; еще более глубокая экономическая и культурная отсталость осетинского крестьянства в сравнении с русским; жестокое социальное и административно-колониальное угнетение трудовых масс; крайняя неравномерность земельной обеспеченности крестьянства нагорной полосы и равнинной части Осетии; неравномерное распределение земли на душу населения между коренным осетинским населением и казачьим; относительно высокая доходность земледелия на равнинной части в Осетии в связи с высокой естественной плодородностью почвы; острый земельный голод и усиленный спрос на землю, приведшие к более высокой арендной плате и высокой цене за землю, чем в русских губерниях на юге и в центре России, что исключало заинтересованность у осетинских помещиков в пореформенный период вести свое хозяйство; более низкий агротехнический уровень земледелия по сравнению с русскими губерниями; специализация крестьянских хозяйств на производстве кукурузы; отсутствие процесса превращения помещичьих хозяйств полуфеодального типа в капиталистические, частично имевшего место в центральной России.

2. Присоединение Северной Осетии к России имело величайшее прогрессивное значение, явилось выдающимся событием в исторических судьбах осетин, сыграло огромную роль в ее дальнейшем социально-экономическом, культурном и политическом развитии. Несмотря на то, что царизм установил в Осетии тяжелое административно-колониальное управление, вскоре после ее присоединения к России в аграрной жизни осетин произошли существенные положительные изменения. Важнейшим из них было переселение осетинского населения с гор на плоскость, в результате чего значительно расширилась его сельскохозяйственная база. Причем, в его развитии произошел сдвиг в сторону земледелия, оно стало основной отраслью экономики Северной Осетии.

3. С включением Осетии в административно-управленческую систему царизма вся ее степная территория правительством была объявлена государственной («казенной») собственностью. Население наделялось здесь землей на правах пользования без прав отчуждения ее.

4. В отношении местных феодалов царизм проводил двоякую политику. С одной стороны, он лишил алдаров и бадеят права верховных собственников на принадлежавшие им земли, права на ренту. С другой стороны, царизм, создавая себе опору из горских феодалов, не только сохранил их власть над трудовым народом, но упрочил и значительно расширил ее. Их представители приглашались к участию в местном административном аппарате в качестве приставов, начальников участков, начальников округов, чиновников по особым поручениям, сельских старшин. Кроме

того, многим из феодалов присваивались различные звания и чины. За некоторыми из них сохранились крупные участки земли на правах собственности. Отдельным из них землю жаловали непосредственно сами императоры. Таким образом, государственная земельная собственность не исключала других форм собственности и других форм ренты, в частности, помещичьей.

5. Хотя с переселением осетинского населения на плоскость и расширилась земледельческая его база, тем не менее, даже в условиях сравнительно быстрого развития феодальных отношений она препятствовала зарождению крупных феодальных (помещичьих) хозяйств в дореформенной Осетии. В конечном итоге, продолжала существовать земельная теснота. Возможности развитие земледелия вширь были крайне ограничены. Оно развивалось скорее в направлении интенсификации.

6. Для понимания экономической сущности осетинского феодализма важно учитывать не только формы собственности на землю, но и положение различных социальных групп и их взаимоотношения. Осетинское общество в указанный период резко делилось на два противоборствующих класса: класс господствующий – алдары, бадсята, гагуата, царгасата и класс феодально-зависимого сельского населения – фарсаглаги, адамихаты, кавдасарды, кумаяги, кусаги, холопы.

7. Существенной особенностью общественного развития дореформенной Осетии было то, что здесь, в противовес России, не наблюдался кризис феодальных отношений. Напротив, осетинский феодализм в середине XIX в. даже не достиг своего зенита и продолжал усиленно развиваться по восходящей линии. Быстро развивающимся феодальным общественным отношениям в Осетии смертный приговор в конце 60-х гг. вынесла экономика пореформенной России, твердо ставшая на путь капиталистического развития вширь и настоятельно требовавшая приспособления хозяйства отсталых окраин к нуждам ее буржуазного развития. Для горских феодалов крестьянская реформа была более суровым и насильственным актом, чем для русских помещиков.

8. Царизм старался поддержать сложившиеся в Осетии земельные отношения, предполагая впоследствии закрепить их. Но с течением времени от этого стали отказываться. Выдвинута была новая точка зрения, по которой осетинская земля признавалась общественной.

В условиях аграрной борьбы осетинского крестьянства за землю выдача феодалам актов, закреплявших за ними вотчинные права, означала бы открытую поддержку их в борьбе с крестьянами. Это привело бы к обострению классовой борьбы, чего явно страшился царизм. С другой стороны, это укрепляло бы политическую власть местных феодалов, чего также не желало правительство. Далее, перед центральным правительством стоял вопрос экономического освоения Осетии, превращения ее в рынок сбыта для развивающейся русской промышленности. Россия была заинтересована в экономическом развитии Осетии. Однако этому мешали патриархально-феодалные отношения. Следовательно, необходимо было идти на частичную отмену феодальных порядков. В силу этих обстоятельств царизм отказывал феодалам в их настойчивой просьбе выдать им акты на владение землей.

9. Для лучшего приспособления экономики Осетии и в целом всего Северного Кавказа к растущим капиталистическим потребностям России в 60–70-е гг. здесь были проведены крестьянская и другие реформы. Специфическая особенность крестьянской реформы в крае состояла в том, что она была проведена в два этапа – земельная реформа и освобождение зависимых сословий.

10. Социально-экономической предпосылкой земельной реформы в Осетии было внутреннее экономическое развитие России, втягивавшее Осетию в орбиту влияния русского капитализма, с одной стороны, и классовая борьба, которую вело угнетен-

ное крестьянство против усиливающейся феодальной эксплуатации и колониальной политики царизма, с другой.

11. Главное содержание земельной реформы – внедрение уравнительной общинной формы землевладения в осетинской деревне. Некоторая часть осетинских феодалов вошла в сельские общины на общих с крестьянами основаниях. Цель земельной реформы на Северном Кавказе – включить горское крестьянство в налогово-податную систему государства, обложить его всеми существующими в империи налогами.

12. За пользование государственной землей осетинские крестьяне уплачивали ренту в виде денежных налогов, отбывали в пользу государства трудовую и натуральную повинности.

Под влиянием капитализма в России у местных народов возникают и развиваются капиталистические отношения. Появляются крупные селения и города с торгово-промышленными предприятиями, развивается торговля между городами и сельской промышленностью.

В результате развития торгово-денежных и арендных отношений крестьянские хозяйства превращаются в мелкотоварные и товарные. Происходит постепенное развитие натурального хозяйства и превращение его в капиталистическое. В экономической жизни осетинской деревни к концу XIX в. господствующим стал капиталистический способ производства.

14. Развивающийся капитализм в Северной Осетии способствовал скорейшему образованию специализированных сельскохозяйственных районов: плоскость специализировалась на производстве товарного зерна, а нагорная полоса – на товарном скотоводстве. К концу XIX в. вырисовываются три экономических уклада: натуральный, мелкотоварный и частнокапиталистический.

15. Под воздействием тяжелой эксплуатации со стороны государства и местных феодалов, а позже торгово-ростовщической буржуазии, происходит дифференциация крестьянского хозяйства горских народов. Весь ход развития капитализма в Осетии в конце XIX – начале XX вв. привел к усилению безземелья и малоземелья трудовых масс населения, к ухудшению и правового и экономического положения, к изменению в их идеологии.

16. Не следует, однако, преувеличивать степень развития капитализма в сельском хозяйстве в пореформенной Северной Осетии. Здесь уровень развития производительных сил, степень применения наемной рабочей силы, сельскохозяйственных машин, уровень агрономической культуры были ниже, чем в районах «свободного» развития капитализма в сельском хозяйстве, то есть там, где уже не было помещичьих латифундий. Более низким был и жизненный уровень осетинского крестьянства. Капиталистические общественные отношения здесь переплетались не только с феодальными, но и с дофеодальными устоями.

17. В конце XIX в. социальные противоречия в деревне сильно обострились. В Осетии так же, как и во всей России, усилилась классовая борьба, а произошло это прежде всего потому, что земельный вопрос и к концу XIX в. не получил сколько-нибудь удовлетворительного разрешения в нагорной полосе Осетии. На почве обострения земельного вопроса в Северной Осетии в последней четверти XIX в. развивалось широкое аграрное движение, которое имело свои особенности. Постоянным источником, питавшим революционные настроения осетинского крестьянства, как и прежде, были острое безземелье, непосильные налоги, тяжелые государственные повинности, произвол и надругательства администрации.

Исторические этюды

(Из истории
возникновения
осетинских сел
и казачьих станиц)

ВВЕДЕНИЕ

Монография состоит из семи глав, каждая из которых рассматривает определенный аспект проблемы возникновения осетинских сел и казачьих станиц в их хронологической последовательности.

Автор обоснованно, с исторической достоверностью излагает материал и дает читателю справку об объективной необходимости появления таких поселений, как Беслан, Ольгинское, Эльхотово и других, обусловленной политическими, социально-экономическими и культурными предпосылками.

Так, в главе «Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии» рассказывается о том, как появились такие станицы, как Архонская, Ардонская, Пришибская, Николаевская, Горская, Змейская. Дается историческая справка о проблемах, связанных с появлением этих населенных пунктов, указывается, из каких мест России были переселены жители, дается их численный состав.

Также последовательно и убедительно автор повествует нам о том, как крепость Владикавказ стала городом.

Раскрывая сложный механизм соединения политических интересов кавказской администрации и хозяйственно-экономические тенденции в горских обществах Осетии, автор в двух последних главах анализирует культурную сферу этого механизма. Итогом этого анализа является глава о первой школе для осетинок.

Книга будет большим подспорьем для студентов в изучении спецкурса по данной проблеме и представляет интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО (КАЗАЧЬЕГО) ПОСЕЛЕНИЯ В ОСЕТИИ

История русского поселения, или вернее, история казачьих станиц в Осетии, началась с далекого 1831 г., когда в Польше вспыхнуло мощное национально-освободительное движение. В разгар польского восстания правительство Николая I сформировало в Малороссийских губерниях (на территории современной Украины) 12 конных полков, из которых 8 в августе 1831 г. были направлены в Польшу для борьбы с восставшими. Остальные 4 полка оставались в пределах Малороссии в «резерве». Полки эти были сформированы из украинских крестьян. Исключение составлял офицерский состав, представлявший дворянское сословие.

Восстание в Польше было подавлено в 1832 г. Украинские полки возвращались домой, «представляя в своем воображении радостную встречу с семьей и полный отдых в родной хате», — пишет современник тех событий. — Но не знали они, что многим из них придется разочаровываться в мечтах.¹ Без их ведома и согласия правительство сделало распоряжение о сформировании из возвращавшихся полков двух новых, уже казачьих полков, для отправления теперь навсегда «на самый беспокойный район державы» — на Кавказ.

Такое распоряжение правительства «вызвало сильное возмущение среди крестьян». В ноябре 1832 г., в ряде губерний произошли «большие беспорядки», для восстановления которых срочно в Малороссию были вызваны регулярные войска. Для умирения крестьянского мятежа в Полтавской и Черниговской губерниях (центр мятежа) вместе с солдатами приняло активное участие и духовенство.

Отправляясь в Польшу, украинские крестьяне-казаки надеялись, что подавив восстание, они вернутся домой, отправка же на Кавказ не давала надежды на возвращение к родному очагу. Именно эта «безысходность и служила главной причиной недовольства крестьян. Слово Кавказ наводило в то время «страх и ужас почти на всех и каждого». Кроме того, надо полагать, крестьяне выражали свое резко отрицательное отношение к той обязанности, которую насильно возлагало на них правительство Николая I.

Усмирив крестьян-казачьих Полтавской и Черниговской губерний, правительство все же пообещало им, что, во-первых, пожизненная служба на Кавказе для них сокращается до 15 лет; во-вторых, что формируемые полки в дальнейшем будут пополняться исключительно жителями Полтавской и Черниговской губерний, и, в-третьих, что офицеры у них также будут всегда из украинцев (малороссиян) и из тех же мест.

¹ Ницик П. Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 16.

Успокоив, таким образом, крестьян, власти приступили немедленно к формированию указанных двух полков, получивших название Малороссийские казачьи полки № 1 и № 2. Каждый полк состоял из 4 эскадронов, т. е. 800 человек, исключительно из жителей Полтавской и Черниговской губерний. Возраст казаков колебался от 19 до 30 лет. Архивные документы свидетельствуют, что чуть больше половины всех новобранцев были женатыми.

«В назначенный для выступления – из Полтавы день, – вспоминал позже командир полка полковник И.Г. Стоцкий, – каждый полк выстраивался развернутым фронтом на городской площади, где был приготовлен молебна и произнесении пастырями церкви прочувственного слова, обращенного к казакам, раздавалась громкая команда: «Садись!». И полки трогались в дальний путь».¹

Преодолев сложный и трудный, по тем временам, 902-верстный путь за 23 дня и ночи (доныне маршрут следования сохранился), оба полка в январе 1833 г. прибыли в г. Ставрополь. Первый полк, командиром которого был полковник А. Я. Рашевский, остался на Кубанской военной линии в Ставропольской губернии, а второй полк, во главе со своим командиром полковником И.Г. Стоцким, был расквартирован на территории Кабарды.

Чтобы понять причину, заставившую тогдашнее русское правительство пуститься в столь неординарное даже для царизма времен Николая I предприятие, каким явилось спешное (почти по тревоге) формирование на территории Малороссии двух полков и отправка их форсированным маршем на Кавказ, надо хотя бы вкратце, пояснить читателю военно-политическую ситуацию, сложившуюся здесь к тому времени.

Военно-Грузинская дорога во все времена играла исключительно важную роль в установлении и развитии отношений России с Кавказом, с народами, населявшими этот край. С самого начала XIX в., после присоединения в 1801 г. Грузии к России, дорога приобрела еще большую значимость – она являлась единственной кратчайшей и постоянной артерией, связывающей Россию с Грузией, а через последнюю – и со всем Закавказьем.

Военно-стратегическое значение дороги преобладало над всеми ее другими достоинствами, поэтому строительство, укрепление и содержание ее в первое время было возложено на военное ведомство. Отсюда и возникло название «Военно-Грузинская дорога», которое уже в те времена, в 20–30-е гг. XIX в. вытеснило ее другое название – «Александров путь»². Позже Военно-Грузинская дорога, помимо стратегического, приобрела почтовое, а затем резко повысилось торгово-экономическое ее значение.

Отметим, что до 20-х гг. XIX в. Военно-Грузинская дорога брала свое начало с Моздока. На 95-верстном расстоянии до Владикавказа она проходила по правому берегу Терека. Для обеспечения безопасности на этом отрезке дороги еще в 1783 г. на самых уязвимых местах было построено три военных укрепления. Укрепление Константиновское, гарнизон которого состоял из «одной роты пехоты, отряда казаков в числе 75 человек и двух мортир разных калибров», располагалось на ссверной покатоности Кабарди-

¹ ЦГВИА. Ф. 39. Оп. 30/126. Св. 343. Д. 4. Л. 172.

² Раньше она имела еще одно название: «Тракт, ведущий с Кавказской линии в Грузию». Это самое старинное название.

но-Сунженского хребта на берегу реки Псыдах. Таким же гарнизоном владело и Григориополисское укрепление. Оно располагалось против первого, но уже на южной стороне хребта и на расстоянии 3–4 верст от него. Позже, в 1835 г., западнее от него было основано селение Заманкул.

Военное укрепление Елизаветинское располагалось на берегу реки Камбилеевки, в полуверстах южнее современного сел. Зилга.

Безопасность на дороге обеспечивалась гарнизонами этих укреплений. Немалую помощь в этом им оказывали жители восьми осетинских селений – Иналова, Джанхотова-Ларского, Габисова и Тасолтанова, Е. Шанаева, Н. Алдатова, И. Дударова, Заманкула, основанные на правом берегу Терека до середины 30-х гг. XIX в.

В 1823 г. Военно-Грузинская дорога была перенесена на левый берег Терека, и сделал это генерал А.П. Ермолов. С этого времени значение старой, Моздокской, дороги упало. Интенсивность движения по ней резко сократилась. Утратили былую значимость и вышеупомянутые укрепления.

Теперь дорога начиналась отсюда и тянулась 105 верст по территории Кабарды и Осетии. Ермолов придавал исключительное значение охране дороги. Именно этими соображениями продиктован был перенос ее с правого берега Терека на левый. Ермолов почему-то в этом деле отдавал предпочтение левобережью Терека. Здесь вдоль дороги от Владикавказа до Екатеринограда (ныне г. Краснодар), с 1823 по 1830 г. было построено множество новых военных укреплений, из которых на территории Осетии расположились: Архонское, Ардонское, Дур-Дурское, Минаретское, Урухское и в Кабарде – Аргуданское, Пришибское, Заречное, Нальчикское.

Ермолов планировал привлечение к охране дороги осетин и кабардинцев. С этой целью с середины 20-х гг. началось активное заселение левой части Владикавказской равнины осетинскими селениями. К началу 30-х гг. горцами-переселенцами здесь было основано более 20 селений.

Активные охранные меры были приняты в указанное время и в горной части Военно-Грузинской дороги, от Владикавказа и дальше на юг, в глубь Дарьяльского ущелья. Значительно были усилены укрепления Редант, Балта, Ларс, Дарьял и др. До поры до времени такие меры правительства, его кавказской администрации обеспечивали безопасность движения по дороге, но с началом Кавказской войны положение на Военно-Грузинской дороге резко изменилось. Оно стало беспокойным, тревожным, часто не контролируемым. Шамиль был отлично осведомлен о том, какое значение имеет эта дорога для снабжения правительственных войск оружием, боеприпасами, продовольствием и не раз пытался нанести ущерб своему противнику именно здесь. «С весны 1835 года, – читаем в документе, – стали часто прорываться партии горцев в наши пределы, вследствие этого необходимость заставляла усилить воинские посты и казачьи команды, расположенные на тракте».¹

Так, с середины 30-х гг. вопросы охраны Военно-Грузинской дороги, территории по которой она проходила, снова оказались в центре кавказской политики правительства Николая I. В условиях, когда боевыми действиями были охвачены правое и левое крыло Кавказской линии, для правительства было крайне нежелательно, чтобы военными действиями был охвачен район Военно-Грузинской дороги, имеющей важнейшее стратегическое значение.

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 286. Св. 843. Д. 14. Л. 174.

Создавалась чрезвычайная обстановка. «При первом же взгляде на средства обороны Кавказской линии от набегов удобно видеть можно, что соразмерность пространства линии, силы наши совершенно недостаточны»¹, – с тревогой докладывали местные военные власти в центр. Для укрепления границы по линии Военно-Грузинской дороги, для ее защиты нужны были дополнительные силы. Вот тогда и возникла идея формирования двух малороссийских казачьих полков для переброски их на Кавказ.

Указание разместить эти полки на Военно-Грузинской дороге дал сам император осенью 1837 г., когда он «осчастливил Кавказ своим посещением». Командованию малороссийских полков было сообщено, что в октябре император будет проезжать из Тифлиса в Ставрополь через Владикавказ, Екатериноград, Пятигорск и Георгиевск» и удостоит осмотром войска на пути следования». Полкам поручалось встретить монарха в Ларсе и сопровождать его до Екатеринограда.

Во время проезда Николая I на Военно-Грузинскую дорогу были для конвоирования выдвинуты все эскадроны полков. Вся дорога была разделена между ними на участки, устроены дополнительные казачьи посты. От каждого эскадрона в конвое участвовали 14 офицеров и 97 казаков. Это сверх 55 казаков, составлявших собственный конвой е. и. в. (Его Императорское Величество), прибывший из Петербурга и неотлучно сопровождавший монарха на всем пути кавказского путешествия.

Из всех военных укреплений, расположенных на дороге, царь дольше всех задержался в Ардоне, Дур-Дурском, Минаретском. Ардонское укрепление произвело на него в целом отрадное впечатление. «На Ардонском посту, – читаем в документе, – государь выразил одобрение, сказав: «Хорошо!».² Понравилось ему и то, что «совсем рядом с укреплением расположилось сильное туземное селение».³

Зато Дур-Дурское укрепление, находившееся ниже нынешней станицы Николаевской у впадения одноименной речки в Терек, оставило у монарха неприятный осадок. «Отметив невыгодность как казачьего помещения здесь, так и, вообще, неудачный выбор самого месторасположения укрепления»⁴, царь велел отправляться дальше. У самого Татартупа располагалось укрепление Минаретское. Император пожелал осмотреть Минарет. После осмотра «его императорское величество приказать изволил бывшему корпусному командиру генерал-адъютанту барону Розену привести Минарет Татартупский в первобытное состояние».⁵ Внимание царя было привлечено сообщением о том, что, «по преданиям здешних старожил, на месте, занимаемом этим укреплением, находился некогда богатый и многолюдный город, следы которого совершенно изгладились и только сохранившийся еще Минарет, удивительно уважаемый туземцами, свидетельствует о существовании на этом месте довольно важного центра».⁶

Следует также отметить, – что сопровождавшие царя местные военные чины довольно подробно объяснили ему исключительное значение в стра-

¹ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. 6. Ч. 1. С. 498.

² Н и ц и к П. Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871. С. 39.

³ Речь идет о сел. Ардон, основанном в 1825 г.

⁴ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 201.

⁵ Там же. Л. 202.

⁶ ЦГВИА. Ф. 738. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 203.

тегическом отношении здешней местности – Татартупского ущелья. Указывалось, что охрана дороги здесь была самой уязвимой, поэтому «испрашивалось разрешение поселить в этих местах несколько аулов из мирных горцев осетин и кабардинцев».

Проводив гостя до границы Кавказа, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал барон Розен на обратном пути из Ставрополя в Тифлис собрал во Владикавказе все местное военное начальство и ознакомил его с теми мерами, которые приказал срочно «осуществить государь император для устройства центра Кавказской линии и безопасности на Военно-Грузинской дороге».

Приказывалось немедленно восстановить и значительно укрепить все бывшие военные укрепления на правом берегу Терека, т. е. Константиновское и Елизаветинское, «дабы более прикрыть главную дорогу, идущую по левому берегу Терека». Обратить военные поселения в станицы, «заселяя их женатыми казаками малороссийских полков». Образовать военные поселения из женатых нижних чинов 4, 5, 6 линейных батальонов. «Для вящего обеспечения Военно-Грузинской дороги, поселить на правом берегу Терека несколько аулов из осетин и кабардинцев».¹ Речь шла о будущих селениях: Ельхотово – в Осетии и Анзоровых – в Кабарде.

Далее, планировалось объединение обоих малороссийских казачьих полков в один под названием Владикавказского и размещение его на дороге между Екатериноградом и Владикавказом. Составление подробного плана этих преобразований генерал Розен возложил на полковника Стоцкого. «Поручение барона Розена, – писал позднее Стоцкий, – было в высшей степени серьезное: оно требовало от составителя проекта всестороннего обсуждения подробностей дела и предусмотрения, по возможности, последствий из него вытекающих».²

Стоцкий И.Г. отлично справился с поручением и уже 9 ноября 1837 г. представил корпусному командиру такой проект³. После незначительных дополнений и изменений проект поселения Владикавказского казачьего полка на Военно-Грузинской дороге из Тифлиса был отправлен в Петербург на утверждение, где «удостоился высочайшего одобрения и в мае месяце 1838 г. препровожден к Стоцкому для немедленного приведения в исполнение».⁴ «Проект положения начертан, кажется, очень удовлетворительно, – гласила собственноручная резолюция царя на проекте. – За сим остается приводить его в исполнение с должною настойчивостью, дабы не остался на одной бумаге. Повелеваем. Не тревожить при сем соседей, разве сами задирать будут, и тогда сильно наказать, не начиная наугад, а с определенной целью и с несомненным успехом».⁵ Правительство решило навечно поселить на Кавказе малороссийских казаков и основать из них станицы.

С самого начала Стоцкий придерживался того принципа, что создаваемые станицы выгоднее было поместить в бывших военных укреплениях, а потому они и получали название этих укреплений. Началась энергичная

¹ ЦГВИА. Ф. 738. Оп. 30/286. С. 842. Д. 1. Л. 59.

² Понамарев О.П. Материалы к истории Терских казаков. Владикавказ, 1904. С. 11.

³ ЦГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8.

⁴ Понамарев О.П. Указ. соч. С. 20.

⁵ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 1. Св. 842. Л. 4.

работа по созданию Владикавказского полка путем объединения двух малороссийских.

Малороссийскому полку № 1 было приказано сняться с берегов Кубани и явиться в крепость Владикавказ, куда он и прибыл 7 ноября 1838 г. Здесь он сменил Донской казачий полк № 5 и занял его места, то есть разместился в Константиновском и Елизаветинском укреплениях, а также занял посты Редантский, Балтийский, Ларский, Дарьяльский, Казбекский и Кобинский. Штаб полка разместился во Владикавказе. Здесь полк после пятилетней разлуки, снова сблизился со 2-м малороссийским полком, находившимся к этому времени недалеко от него, а именно, в укреплениях Архонском, Ардонском, Дур-Дурском, Минаретском, Урухском, Пришибском и в других.

Последовало распоряжение о переводе всех женатых казаков 1-го полка во 2-й, а холостых из 2-го в 1-й для поселения женатых в создаваемых станицах.¹

Прежде всего, нужно было наделить будущие станицы землей. Надел производился по 15 десятин на мужскую душу. Для этого, а также для установления границ и разбивки мест под станицы из Тифлиса, был прислан офицер корпуса, топограф прапорщик Горшков, «который и производил свои работы под наблюдением Владикавказского коменданта полковника М.С. Широкова. На помощь была выделена группа врачей. Они должны были осмотреть места, предназначенные для поселения станиц, с целью определения качества воды, земли и климата. Местность между Урухом и Минаретом осмотрел врач Т.Г. Правдин. Вот характеристика, которую дал он данной местности: «Место низменное, влажное, окружено с некоторых сторон горами, земля известковая, глинистая, а кое-где чернозем. Главная река, которая будет снабжать жителей водою, есть, так называемая Черная. Вода в ней чистая, светлая, но не совсем здоровая, так как река эта в данной местности, разделяясь на несколько притоков, наполняется гниющими растительными телами, которые производят вредные испарения и изменяют таким образом ее качества. Климат, как в стране гористой, постоянным быть не может».²

Местность в Архонке и Ардоне осматривал врач И.З. Шидловский. Об Архонке он донес, что «предназначенное место весьма удобно для хлебопашества, сенокосов и скотоводства, что вода в реке Архонке очень здорова, но зимой перемерзает, а потому необходимо пустить более воды из Гизельдона, для чего углубить ее русло. Климат благотворительный и здоровый».³

Здоровыми были признаны по климатическим условиям места и под другие станицы. В Ардоне, например, «почва земли большею частью каменная от непрерывного изменения течения рек и ручьев, которые при сильных дождях разливаются на большое пространство и поля покрываются напосным илом, затем остальная часть к хлебопашеству и сенокосу удобна».⁴

По проекту Стоцкого на поселении женатых казаков по Военно-Грузинской дороге первым делом нужно было строить в предполагаемых станицах жилые дома, затем разные «необходимые в дворах хозяйственные службы».

¹ 1-й Малороссийский полк, хотя теперь и состоял из холостых казаков, еще два года продолжал автономно существовать. В 1841 г. он окончательно слился с Владикавказским.

² ЦГВИА. Ф. 33. Оп. 30/286. С. 843. Д. 14. Л. 204.

³ Там же. Л. 199. Об.

⁴ Там же. Л. 200.

Когда же произойдет заселение станиц, заняться «распашкою полей для земледелия, разведения скота, а потом, когда окончены будут все постройки, приступить к окопу станиц», т.е. обнесению станиц канавами или плетнями¹.

Летом 1838 г., обозначив места для станиц в виде четырехугольников, «ни мало не медля приступили к обнесению их рвами и бруствером (валом) с плетнем и колючкой, и в то же время строились дома для женатых казаков и казармы для холостых, а также офицерские помещения. Закипела работа!... Около домов садили деревья, по большей части фруктовые (вишни, яблони)».²

Женатые казаки были уволены от службы, они занялись исключительно постройками домов для своих жилищ. В помощь им было назначено в каждую станицу по 20 человек холостых. Кордонную службу несли одни холостые казаки, на помощь которым привлекались донские и линейные казаки. Для более успешного хода дела по возведению казачьих построек отпущено было от казны полковнику Стоцкому 10 тыс. руб., на которые приобретены командиром полка необходимые инструменты и 60 пар быков с повозками для вывоза леса на постройки.³ По воспоминаниям участника этих событий П. Ницки, при отправлении подвод за строительными материалами назначалось всегда особое прикрытие. Дорог в леса почти не было и их нужно было прокладывать, очищать от камней и валежника. Поэтому, хотя лес находился «не в далеком расстоянии от поселяемых станиц, вывозка из него нужных материалов была сопряжена с большими затруднениями».⁴ Кроме этого, иногда работы вообще прерывались, когда подавался сигнал тревоги о намерении непокорных горцев напасть на Военно-Грузинскую дорогу. Документы свидетельствуют, что эти сигналы тогда подавались довольно часто.

Несмотря на это, строительные работы во всех станицах шли довольно успешно. По отчетам станичных начальников за два года (1838 и 1839 гг.) успели выстроить в станице Ардонской – 41, в Архонской – 46, Урухской – 29 и в Пришибской – 35 домов.⁵

Строительство этих станиц осуществлялось под руководством не только высшего военного начальства, но и под пристальным наблюдением центрального правительства. По настоянию самого императора о ходе этого строительства корпусной командир ежемесячно отправлял рапорт в Петербург. Хотя темпы строительных работ были высокие, они все же не удовлетворяли правительство. Малейшая неурядица, срыв в работах, задержка с поселением Владикавказского полка в станицы вызывали гнев самого царя, так-как «это неудобно в политическом отношении, ибо окружающие горцы могут смотреть на это с невыгодной стороны». «Неудобно еще и потому, – писал военный министр в Тифлис, – что станицы эти находятся на линии главного сообщения нашего с внутренними российскими губерниями и потому необходимо, чтобы подобные места отличались особенным благоустройством».⁶

И все же не строительные промахи и неурядицы вызывали неудоволь-

¹ ЦГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, об.

² Пономарев О. П. Указ. соч. С. 21.

³ ЦГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴ Ницки П. Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ. 1871. С. 42.

⁵ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 199–204 об.

⁶ ЦГА ССССР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

ствия правительства. Причина заключалась в другом. Кавказская война разворачивалась с новой силой, словно обрела второе дыхание. Шамиль, «этот гениальный владыка гор», добился к этому времени чувствительных для противника успехов в борьбе с правительственными войсками. Осенью 1841 года сам Николай 1 в довольно неприятной для генерала Нейдгарта – нового командира Кавказского корпуса – форме заявил, что «пространство от Екатеринограда до Владикавказа остается для нас самым опасным... от чего? Невольно приписать следует: одной беспечностью в исполнении предписанного».¹ Царь считал, что план заселения Владикавказского казачьего полка, утвержденный еще в 1838 г. претворяется в жизнь плохо, медленно. «Положение дел наших на Кавказе в военном отношении, – писал он на одном из докладов генерала Нейдгара, – представляется мне в следующем виде, что все наставления и приказания по охране Центра линии и Главной дороги весьма дурно, или даже вовсе не исполнены».²

Еще в 1840 г. военное министерство на благоустройство этих станиц, т. е. для строительства в них церквей, лазаретов, базаров, школ, мельниц, питейных и игорных заведений, дополнительно отпустило 35 тыс. руб.³ Каждому женатому казаку на создание хозяйственного подворья отпущено пособие в размере 250 руб., холостым же – 150 руб. Провиант отпускался всем казакам, как служащим, так и не служащим. Это довольствие отпускалось до тех пор, пока казаки в состоянии были обойтись без него. Всем поселенным казакам выдавались от казны ружья, шашки, пистолеты и порох, а также предоставлена в собственность строевая его лошадь.

Отметим, что все нижние чины (рядовые казаки) малороссийских полков – это вчерашние украинские крепостные крестьяне. С изъявлением же поселиться «на вечные времена на Кавказе», они, исключались из ревизских списков в Малороссии, и сельские общества избавлялись от платежа податей за них». Во-вторых, им предоставлялось право продавать свои земельные наделы, если таковые имелись в Малороссии. Холостые казаки после службы на Кавказе имели право вернуться на Родину. Начальство старалось, чтобы побольше таких казаков обзавелись семьями на Кавказе и водворялись на постоянное жительство в станицы. С этой целью командование назначало их в помощь женатым при постройке станиц. «Видя сравнительно более выгодное положение женатых и их почти полную свободу от службы, холостые охотно женились и тем достигалась намеченная правительством цель».⁴ Но было очень много и таких, которые ни за что не хотели жениться, чтобы после службы уехать домой. Кроме этого найти себе невесту на Кавказе в те времена для выходцев из России было делом не из легких, не кавказское население здесь только-только зарождалось, а межнациональные браки были еще редчайшим исключением.

Архивные документы позволяют нам также заметить, что многие казаки являлись искусными мастеровыми разных ремесленных дел: слесарных, кожевенных, кушнарных, бондарных, колесных, портняжных. Славилась также хорошими печниками, сапожниками, малярами, кузнецами, ложниками, столярами, красильщиками. Но больше всего среди казаков-владикавказцев

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 1. Св. 842. Л. 5.

² Там же. Л. 1.

³ ЦГА СОАССР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, об.

⁴ Пономарев О. П. Указ. соч. С. 23.

было плотников. Именно это обстоятельство явилось значительным подспорьем в довольно быстром возведении казачьих помещений. Дома были исключительно деревянные, накрытые камышом.

Военное командование особенно заботила проблема поселения в указанных станицах представителей офицерского состава. Изъявивших остаться на Кавказе оно отличало и активно поощряло. Прежде всего, им строились дома улучшенной планировки. Далее, земля отмежевывалась офицерам, по существу, без ограничения – «столько десятин, сколько желала душа». Будущим офицерам-станичникам сохранялось после выхода в отставку офицерское жалование. Кроме того, назначалось единовременное пособие от 500 до 1000 руб.

Желающих, однако, свидетельствуют документы, было «досадно мало».

По мере того, как строились в станицах казачьи хаты, росла «нестерпимая потребность в хозяйках». Только они могли скрасить нелегкую и всегда тревожную жизнь терского казака и создать по-настоящему домашний уют, которого так не хватало и по которому так соскучилась казачья душа. Нужно было поскорее привезти семейства женатых казаков из Полтавщины и Черниговщины. «Для этого, – писал П. Ницик, – командирован специальный вооруженный отряд из холостых казаков: 4 офицера и 16 казаков от каждого из двух полков под командованием поручика И.М. Тарнавского.

Из Ардона отряд выступил по назначению 7 октября 1838 года. Командиру отряда были вручены подробные сведения о составе семьи каждого казака. Одновременно с этим командиром Отдельного Кавказского корпуса были отправлены генерал-губернатору Полтавской губернии графу Строганову 32 тыс. руб., назначенные от казны на подъем казачьих семейств. «Сборные пункты для отправляемых семей, – писал далее участник этих событий П. Ницик, – были: Черниговских – город Нежин, полтавских – город Полтава».¹

По прибытии отряда на Украину поручик Тарнавский, немедленно ни дня, начал сверку имевшихся у него списков семейств, подлежавших отправлению на Кавказ. Во время этой работы случился с ним довольно курьезный случай. «При сверке оказалось много детей незаконнорожденных (байстрюков). Это обстоятельство поставило Тарнавского в крайне затруднительное положение: он не знал, как поступить с этим «естественным приращением» семейств. На сделанный им запрос по этому предмету командование полка разрешило «взять всех на Кавказ».²

Только после этого начались сборы в дальний путь. Крестьянские семьи стали продавать земельные участки (кто их имел), разную рухлядь, скот, у кого он имелся. И лишь летом следующего (1839) года переселенцы потянулись длинными вереницами (тремя партиями) к ожидавшим их мужьям, захватив с собой кур, чугуны, ухваты (рогачи) и прочие хозяйственные принадлежности.

Прибыли к месту в августе 1839 г. После 8-летней разлуки радость мужей была неописуемая: многие плакали от избытка чувств. Рассказам о пережитом не было конца. Тот же Патрикий Ницик, современник и участник описываемых событий, так передает встречу: «Прибытие жен доставило во всех четырех станицах такое сердечное удовольствие, какое казалось бы трудно возбудить при флегматичности малороссов. Каждый, ожидая подругу жизни, с которой пробыл до поступления на службу короткое

¹ Ницик П. Указ. соч. С. 39.

² Там же. С. 40.

время, а затем не виделся 8 лет, готовился встретить ее с бутылкою колганавки или инбировки и, «почастувавшись» с добрыми друзьями, хвастался перед ними красотою своей «жинки». «Действительно, – продолжает П. Ницик, – в числе прибывших были хорошенькие хохлушки, за редким исключением. Грустно вспомнить, что большая часть их сделалась преждевременными жертвами пагубного климата».¹ К сожалению, и другие источники подтверждают свидетельство П. Ницика. Смертность среди казаков и их семей в первые годы пребывания на Кавказе была значительной. Потери в полку составляли до нескольких десятков человек в год. Эти потери в полках пополнялись ежегодными наборами казаков в Малороссии. За 8 лет прибыло 529 новых казаков из Полтавской губернии.² Тяжелые, невыносимые условия жизни и службы делали жизнь простого казака короткой. Многим из жен не довелось застать живыми своих мужей. Они умерли в годы разлуки, даже в то время, когда семейства уже находились в пути, а иные жены овдовели уже на новом месте жительства.

С прибытием казачьих семейств и размещением их в четырех станицах число жителей в них составило 581 двор³. Определенный интерес представляет восстановленный по документам список фамилий первых жителей станиц Архонской и Ардонской. Без исключения все фамилии украинские: Карлинский, Лизогуб, Хоревич, Давыдовский, Жданович, Корицкий, Бей, Моренц, Томашевский, Малашевский, Добронисский, Макритский, Петренко, Ницик, Марченко, Венеровский, Ерехович, Домбровский, Енько-Доровский, Каплян, Тумашенко, Рудак, Кириенко, Кузьменко, Олех, Лебедь, Шеремет, Прохоренко, Харченко, Кашенко, Пелипейко, Баглай, Лавреневский, Мокриевич, Ерехович, Пирятинский, Кочерга, Примак, Лощук, Тарасенко, Шидловский, Ломонос, Тарнавский, Чернушевич, Дебагорий-Мокриевич, Дзыбал, Сидорский, Сериков-Антонович, Силиц, Шостак, Передерей, Крестинский, Ермоленко, Елашевич, Лесючевский, Золотаревский, Черницкий, Хрипаль, Грипич, Безрук, Хоренко, Блажевич, Безкровный, Филипповский, Шамей, Косинский, Затворницкий, Павловский, Шпаковский, Галачан, Горбак-Горбовский, Ильинский, Репко, Шурба, Симоненко, Семилет, Мороч, Ерещенко, Лубченко, Сагайдак, Тимошевский, Гилет, Саньковский, Моклашевский, Коменецкий, Фиртилевич, Орел, Вопницкий, Галич, Коваленко, Хоменко, Пробзла, Лубченко, Тупица, Дубынский, Исаенко, Телушко, Верховский и др.

Кавказские власти с самого начала считали, что для охраны 105-верстной дороги и «решительного преграждения сношения горцев Восточного Кавказа с Западным» четыре станицы с их нынешним населением были недостаточны, «ибо между четырьмя станицами оставались огромные интервалы, через которые легко проникали партии горцев». Это обстоятельство побудило командование расположить между вышеупомянутыми станицами военные поселения.⁴

¹ Ницик П. Указ. соч. С. 46.

² Понамарев О. П. Указ. соч. С. 11.

³ ЦГА СОАССР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 580. Л. 49.

⁴ Военные поселения в России стали практиковаться в 1810 г. в целях формирования особой военной касты, оторванной от народа, способной вести борьбу с освободительным и национально-освободительным движением. В 1857 г. от них отказались как от «неоправдавших себя».

Они, как свидетельствуют источники, возникли на Кавказе, вероятнее всего, по примеру других губерний – Новгородской, Харьковской, Херсонской, Могилевской и Петербургской. В них зачислялись женатые солдаты, прослужившие в частях Кавказской армии 15 и более лет. Позже зачислялись и холостые. Поселенцы «совмещали военную службу с занятием сельским хозяйством».

К образованию военных поселений приступили по утвержденному 10 октября 1837 г. Николаем I «Положению о военных поселениях на Кавказе».¹ Уже весной следующего года близ Дур-Дурского укрепления, что при урочище Бекан на берегу Белой речки, а именно, при впадении ее в Терек, было поселено 111 семейств, а между Пришибом и Урухом на речке Лескен – 113 семейств женатых солдат, привезенных из Грузии. «Первое из сих селений, – читаем в документе, – согласно высочайшей воле, названо Николаевским, второе – Александровским».²

В 1839 г. представилась возможность учредить поселение и при Владикавказской крепости. Здесь были расселены ушедшие в отставку женатые солдаты из владикавказских линейных батальонов, всего 81 семья. Владикавказское военное селение расположилось на западном форштадте крепости на левом берегу Терека.³

В 1840 г. основано Котляревское военное поселение в Кабарде. В 1841 г. – Нальчикское и Грозненское. Всего на Северном Кавказе основано 6 военных поселений.

Место под Николаевское поселение выбирал топограф поручик Семенов С.Г., присланный из Тифлиса. На помощь топографу Владикавказский комендант полковник Широков «прикомандировал лекаря и хорошо знающего местность местного жителя». Семенов со своими помощниками избрал для поселения место, «представляющего из себя господствующий над округом холм, омыаемый с северо-востока Терекон, а с юга – рекой Белой и многими родниками».

При выборе места для поселения Николаевского должны были руководствоваться следующими соображениями: «чтобы местоположение было здоровое и по возможности безопасное; чтобы было изобилие воды; чтобы был удобный проезд на Военно-Грузинскую дорогу; чтобы место представляло сколь возможно более удобства для доставления к нему строительных материалов и средств отопления».⁴ Наибольшее же внимание при выборе места поручик Семенов должен был обратить на то, чтобы оно имело совершенно здоровый во всякое время года климат.

Первые же годы жизни в Николаевском, поселении говорят о том, что топограф Семенов в своих расчетах допустил грубейшие ошибки. «Надо удивляться тому, – пишет современник, – кто посоветовал Семенову выбрать именно это место для поселения. Оно имело значение лишь в стратегическом отношении. Что же касается климата, то он представлял пагубу для жителей: от разлива Терека и родников вокруг поселения стояли болота, порождающие злокачественную лихорадку и другие болезни. Люди умирали как мухи, и, несмотря на частые добавления жителей новыми посе-

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 108–119.

² Там же Л. 225, об.

³ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 226.

⁴ Там же. Л. 193

ленцами население не увеличивалось».¹ Архивные документы тех времен так же говорят об этом. В них упоминаются даже наиболее распространившиеся здесь болезни. В 1842 г. Владикавказский комендант доносил в Тифлис, что «климат здесь вообще не здоров, а особенно в летнее время. Все почти жители подвергаются различным болезням, более же всех свирепствует желтая лихорадка, часто переходящая в горячку, от каковой болезни более всего бывают смертности». «На рогатый скот ежегодно открывается повальная болезнь под названием «чихирная», от чего происходит значительный падеж скота».² За первые три года в Николаевском умерло 212 человек, «более же всего было умерших в 1839 г.».³

Забегая вперед, скажем, что по этой причине Николаевское в продолжении прошлого столетия переносилось в другие места два раза – в 1866 и 1878 г. Это обстоятельство, конечно, отрицательно сказывалось на хозяйственной жизни Николаевского. Десятилетиями его жители не могли сколотить себе хозяйство, жизненные запасы и влачили поистине нищенское существование. С этой точки зрения жители другого селения – Владикавказского, находились с самого начала в более благоприятных экономических, хозяйственных и бытовых условиях.

Жителям военных селений за счет казны были построены хорошие дома, приобретались гвозди, вьюшки, печные дверцы, заслонки, дверные петли, накидки с пробоями, стекла для окон. Затем весной 1839 г. поселянам были отмежеваны земельные угодья из расчета 15 дес. на мужчину. Кроме этого поселение имело свой выгон, сенокос, лесные массивы и пользовались жители ими на общественном праве. Части жителей Николаевского был выдан от казны скот (пара быков, корова, овцы), семена на посевы. Кому же не хватило скотины и зерна, выдавали на руки деньги: на пару быков 140 руб., на корову 45 руб. и на овцу 6,5 рубля каждой семье.

Долголетняя военная служба разучила жителей военных поселений вести земледельческое и скотоводческое хозяйство. Поэтому «для научения Николаевских поселян хлебопашеству была прислана из казачьего полка группа казаков. Казаки, – писал историк Терского казачества О.П. Понамареv, – присланы были по распоряжению корпусного командира, как хорошие хозяева и единственно потому, что военные поселяне, поступившие на службу в регулярные войска и прослужившие 15–20 лет, совершенно отвыкли от земледельческих работ».⁴ Казаки прибыли к поселянам первый раз весной 1838 г., наблюдали за распашкой и севом полей, а потом показывали, как надо производить хлеборобские работы. Зимой возвращались к себе в станицы. Так повторялось несколько лет.

Хочется назвать несколько фамилий первых поселян Николаевского. Почти все русской национальности. Вот они: Толстошееv, Николаев, Бердников, Черепанов, Ярошевский, Князев, Сергееv, Бабичев, Бухаров, Александров, Самуилов, Семенов, Лазебников, Жильцов, Траскин, Быков, Дегтярев, Сердюков, Демидовский, Королев, Парфентьев, Сухачев, Журавлев, Иванников, Кузнецов, Горюнов, Новиков, Круглов, Сундуков, Плотников, Окрошков, Коротков, Малышев, Антонов, Герасимов, Ильин, Михайлов и др.

¹ Ницки П. Указ. соч. С.76.

² ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30296. Св. 843. Д. 14. Л. 193. Об.

³ Там же.

⁴ Понамареv О.П. Указ. соч. С. 27.

Заселяя районы Военно-Грузинской дороги казачьими станицами, правительство кроме охраны дороги стремилось, во-первых, «существенно улучшить поземельный быт малоземельных и безземельных крестьян Малороссии». Во-вторых, «оставаясь навсегда на местах своего водворения, население станиц могло бы со временем служить основанием русского населения здесь». В-третьих, считали правительство и кавказские военные власти, «проходящие команды и проезжающие в Грузию и обратно найдут в станицах надежный приют и необходимые жизненные потребности».¹

При этом кавказская администрация стремилась, чтобы это заселение осуществлялось быстрыми темпами, но мирно, без конфликтов с местным населением. Предполагалось, чтобы в будущем казачье население вело спокойную, добрососедскую с горцами жизнь. Такое стремление местных властей выражено во множестве официальных бумаг тех лет. В 1840 г. генерал Головин, сменивший барона Розена в должности корпусного командира, «вменил в непрременную обязанность» командирам войск на Кавказской линии, начальникам станиц и смотрителям военных поселений, чтобы они «внушали казакам и поселянам жить сколь возможно миролюбивее с соседственными горцами, как добрые соседи друг другу помогая в нуждах, и вообще, чтобы они старались направлять казаков и поселян к сближению их с окрестными горцами».² В категорической форме приписывалось местным начальникам, чтобы они разрешали «туземным жителям иметь на землях станиц и поселян кутаны и пасти скот, если это не вызывает особенные невыгоды для последних».³

Есть и другие документы, содержание которых также находится в явном противоречии с сложившимся в исторической литературе мнением. Они гласят о том, что русская официальная власть искусственно натравливала казачество против местного населения, что достигалось прежде всего самим характером колонизации на Кавказе – не мирной, не культурной, а боевой, военной. Заранее уже определялось настроение казаков, военных поселян – вовсе не миролюбивое по отношению к горцам. Утверждается в некоторых работах, что горцы, осетины в частности, отнеслись резко отрицательно к строительству станиц на их территории.

Следует отметить, что среди людей русского административно-управленческого корпуса на Кавказе в первой половине XIX в. было заметное число исполнителей (крупных и мелких, военных и гражданских), практическая деятельность которых на этом поприще противоречит подобным взглядам. Осетины строительство казачьих станиц в Осетии встретили с пониманием. Они всегда ожидали помощи от русских в решении многих жизненно важных социально-экономических, культурных и политических проблем и справедливо полагали, что с появлением рядом с ними русских поселений получают ее. Мнение о том, что политика царизма была направлена на обострение взаимоотношений между казачьим населением и горским, больше отражает историческую действительность в последующие времена, в годы пореформенного периода и начала XX в.

Выше уже упомянуто, что и казаки, и военные поселяне в основе своей бывшие крестьяне и «были взяты на службу от плуга и бороны». Это

¹ Понамарев О. П. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 32.

обстоятельство способствовало тому, отмечали современники, что казаки и поселяне «быстро сдружились с землей» на новом месте поселения. С годами стали получать неплохие урожаи ячменя, овса, проса, гречихи, льна, гороха, пшеницы. Доброе начало было положено, и это радовало не только полковое начальство. Еще больше радовались этому сами «воины-хлебопашцы» (так называли казаков), хотя отмечали, что хлеб доставался «в поте лица».

Более скромны были успехи в деле развития домашнего скотоводства. Вообще эта отрасль хозяйства на первых порах приживалась туго в станицах. Частый падеж скота (1839, 1841, 1842, 1844 г.), трудности связанные с присмотром и охраной домашней скотины (часто подвергалась угонам) и выбором благонадежных пастухов из среды казаков, служили причиной «безразличия станичников к этому виду домашнего хозяйства».

Такое положение не устраивало полковое начальство, поначалу вмешивавшегося во все виды хозяйственной деятельности казаков. Дело дошло до объявления приказов по полку. В них в категоричной форме каждая казачья семья обязывалась «приумножить число своего домашнего скота». Станичные начальники под личную ответственность должны были строго следить за этим, использовать опыт жителей местных селений.

В одном из таких приказов в 1840 г. говорилось: «Чтобы вразумительнее постигать назначение поселенных казаков, надобно знать, что каждый семейный казак, обязан изыскивать способы к прокормлению себя и семейства своего, вместе с тем обязан пешись о своей безопасности и, сопрягая хозяйственный свой быт с военным, должен не только быть исправным воином, земледельцем, но вместе с тем должен со всею деятельностью заниматься скотоводством, пчеловодством, всякого рода ремеслами и промышленностью по примеру своих соседей туземцев».¹ Вполне понятно, говорится в другом приказе командира полка, что из-за недавнего водворения казаков на новом месте, когда основное внимание их обращено на устройство жилищ, невозможно, чтобы каждое семейство отдельно могло заняться всеми важнейшими отраслями промышленности и хозяйства, которые потребуют не только времени и особого труда, но и капитала. «Но чтобы обеспечить свое семейство, одеть, прокормить его, обязанность каждого поселенного казака состоит в том, чтобы он мог стараться, при надзоре ближайших начальников, обзавестись как можно более полезнейшими домашними животными».²

Вызывает интерес тот факт, что в некоторых приказах впервые обращено внимание жителей на легкость и выгодность разведения в означенных станицах совершенно не известных в Осетии домашних животных – свиней. «Конечно, конь, вол, овцы, – заключает автор приказа, – есть в первой степени, те животные, которые должны быть неразлучны с семейным бытом всякого сельского поселянина, но не надобно пренебрегать и упускать из виду, что животное, так называемое свинья, на которое мы смотрим с каким-то вообще ложным отвращением, есть одно из полезнейших домашних животных. А сознаться в этом не трудно, стоит только вникнуть в сущность той пользы, которую это животное может доставить всякому старательному, рачительному и доброму хозяину».³

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 841. Д. 3. Л. 51.

² Там же. Л. 48.

³ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 841. Д. 3. Лл. 59-61.

В 1842 г. в жизни Владикавказского казачьего полка произошли важнейшие события. Во-первых, по решению правительства от 15 августа 1842 г. к нему присоединились 4 военных поселения: Александровское, Котляревское, Николаевское, Владикавказское. Поселяне и казачье сословие вступали в них, а сами поселения переименовывались в станицы.

Во-вторых, к нему причислялся полностью 1-й Малороссийский казачий полк, состоящий с 1838 года исключительно из 618 неженатых казаков и расквартированный в казармах военных укреплений Константиновского, Григориополисского, Елизаветинского, а также в Реданте, Балте, Ларсе, Дарьяле и во Владикавказской крепости. Отныне этот полк ликвидировался совсем, а казаки подсалялись к означенным 8 станицам. Следовательно, пришлось снова взяться за строительство жилья в них. В 1845 г. численность населения в станицах достигла: Архонской – 105 дворов, Ардонской – 127 дворов, Пришибской – 94 двора, Николаевской – 230 дворов, Владикавказской – 98 дворов, Александровской – 115 дворов, Котляревской – 87 дворов, Урухской – 86 дворов.¹ Добавим, что несколько позже, а именно в 1848 году, на территории Осетии была основана еще одна станица – Змейская. Она расположилась в четырех верстах севернее Татартупского Минарета на месте Змейского казачьего поста. Здесь были поселены 200 семейств государственных крестьян, переселенных в том же году из Харьковской и Воронежской губерний, а также 20 семейств отставных солдат Владикавказского гарнизона.²

Через два года, в 1850 г., была основана еще одна станица – Горская, рядом с осетинским селением Салугардан, у входа в Алагирское ущелье, а потому несколько позже, в 1868 г., названная – Алагирской. Первыми жителями ее стали горнозаводские мастеровые, переселенные сюда из Луганска, Урала и Алтая³.

Таким образом, к середине XIX столетия в Осетии было основано 6 казачьих станиц с количеством населения в них около 15 тыс. человек, которые составили первый контингент русского гражданского населения в Северной Осетии. До 1838 г., то есть до поселения здесь вышеобозначенных станиц, русское население исключительно в лице военнослужащих (солдат и офицеров) проживало во Владикавказской крепости и в других второстепенных военных укреплениях. По своему составу население это было мужским (в 1842 г. среди жителей Владикавказа женская часть составляла лишь около 20 проц. Военный образ жизни, то есть частые перемещения военных частей, гарнизонов с места на место, из одной губернии в другую, делали в хозяйственном отношении эту категорию населения, скорее «временнопроживающей», «кочующей», нежели «коренной», «оседлой». Такой образ жизни объективно не предполагал привязанности к данной местности. Начало образования коренного русского населения во Владикавказе берет с 60-х гг., когда последний был преобразован в город и резко поднялось его политическое, торгово-экономическое и культурно-просветительское значение, а его военные функции безвозвратно стали отмирать.

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 227.

² Там же. Л. 203–204.

³ «Терские ведомости». № 6. 1883.

КАК КРЕПОСТЬ ВЛАДИКАВКАЗ СТАЛА ГОРОДОМ

В истории Владикавказа эпизод преобразования его из бывшей военной крепости в город, бесспорно, является переломным событием, избавившим его в будущем от бесперспективного политического, социально-экономического и культурного развития. Это событие, к сожалению, до сих пор мало изучено в литературе. В основу очерка положен исключительно архивный материал.

Крепость Владикавказ со дня ее основания, в мае 1784 г., и до конца 30-х гг. XIX в., хоть и играла важную роль в культурном отношении и в развитии товарно-денежных отношений в Осетии, но влияние ее на окружающее население было все же ограниченным. Крепость, главным образом, выполняла посреднические и военные функции в сношениях России и Закавказья. Да и внешний вид крепости, жизнь ее обитателей мало чем отличались от сельской жизни. «Владикавказ похож больше на укрепленную станицу большого размера, чем на крепость в европейском значении слова, – писал в 1855 г. путешественник. – Я отправился в здешние лавки: это два ряда маленьких, грязных чуланов (а по здешнему духанов), обращенных к улице и вмещающих в себе всякую восточную и европейскую дрянь. Порядочных вещей, в особенности горских, которых я искал с жадностью, здесь нет. Башлыки, папахи, бурки. В одном из лучших духанов нашел я следующую выставку местной коммерции: рыбу, ремни, купорос, бурки, финики, папахи, гвозди, горчицу и... шампанское. По этому образчику можете судить об изяществе капкайских¹ магазинов. Об опрятности торгующих татар и армян и говорить нечего. Внимание вообще с удовольствием остановится на выразительных физиономиях и на горских костюмах покупателей, продолжительно и упорно торгующихся с купцами: это горцы мирных и не мирных аулов».²

С 40–50-х гг. XIX в. Владикавказ начинает претерпевать заметные изменения. Меняются не только наружный вид крепости и способы ее обороны, но и ее промышленное, торговое и административное лицо. Именно это обусловило превращение ее в город.

Вообще идею преобразования Владикавказской крепости в город впервые выдвинул начальник Военно-Осетинского округа комендант крепости генерал барон Ипполит Александрович Вревский. В августе 1852 г. он по-

¹ Капкай – одно из горских названий Владикавказа.

² Вердеревский Е. От Зауралья до Закавказья. М., 1857. С. 187.

дал наместнику Кавказа фельдмаршалу князю Михаилу Семеновичу Воронцову докладную записку, в которой объяснил, что «во Владикавказе по мере водворяющегося там благоустройства в хозяйственном отношении, торговля год от году увеличивается, так что по статистическим сведениям к 1 числу января 1852 г. оборот ее простирался до 1 006 300 рублей серебром. Между тем, – писал он далее, – сумма, вносимая купцами, слишком незначительна в сравнении с этим оборотом и никак не покрывает его нужды».¹ Вревский просил у наместника, чтобы он санкционировал «достойное желание командования крепости» «взымать с торговцев в пользу городской суммы по 3/4 % с объявленного ими капитала, что составит 2515 руб. без отягощения купцов. Эта сумма по мере возвышения капиталов может еще увеличиваться и тогда можно будет делать значительные улучшения во Владикавказе».²

Воронцов немедленно предписал управляющему гражданской частью Ставропольской губернии³ сделать соответствующее распоряжение. Управляющий генерал Завадовский ответил наместнику, что издать такое распоряжение не так то легко, ибо «денежные сборы с купеческих капиталов, – писал он, – и разных статей промышленности допускаются собственно в городах, а на Владикавказ эти сборы распространены быть не могут. Напротив, по нахождению его за карантинною линею, торгующие там мещане вправе производить купеческий торг даже без платежа гильдейских пошлин... Если же Владикавказ в настоящем его положении достоин на степень города, то к нему следовало бы применить с высочайшего разрешения не одну статью процентного сбора, но и другие правила о городских доходах и расходах. Без утверждения законного порядка на предмет взыскания и употребления денежных сборов, а равно и отчетности в них частные распоряжения будут недостаточны».⁴

Получив такой ответ, кавказский наместник 31 января 1853 г. просил в частном письме генерала Завадовского: «Находя полезным возвести Владикавказ на степень города в видах лучшего устройства в нем общественного хозяйства, я, для предварительного испрошения на это высочайшего соизволения, покорнейше прошу вас, милостивый государь, сообщить мне соображения ваши: каким бы образом полагали вы возможным учредить этот новый город в административном порядке. Какое бы вы думали дать ему внутреннее управление (приняв во внимание как военное положение, так и безуездность его). Одним словом, прошу вас сообщить мне проект сведения о величине населения его и положении промышленности в нем, оборот торговых капиталов, примерную ценность обывательских недвижимых имуществ, примерный баланс городских доходов и расходов и пр.»⁵.

На этом вопрос о Владикавказе кавказским начальством предается забвению. Этому способствовали, во всяком случае, два обстоятельства. Во-первых, усилившаяся борьба горцев во главе с Шамилем против царизма и начавшаяся Крымская война полностью приковали к себе внимание не

¹ ЦГА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л.7.

² Там же.

³ Владикавказ по гражданской части относился к Ставропольской губернии и подчинялся ее губернатору.

⁴ ЦГА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.

⁵ Там же.

только центрального русского правительства, но и его военной администрации на Кавказе. Во-вторых, произошла смена царских наместников в крае. Новый главнокомандующий Кавказской армией князь Александр Иванович Барятинский в начале своего наместничества, вспоминали современники, мало или почти не занимался гражданскими делами. Главным и единственным предметом его заботы была война против Шамиля.

Лишь спустя пять лет, в феврале 1858 г., ставропольский губернатор получил из Тифлиса предписание, где наместник не без раздражения писал о том, что еще его предшественник просил доставить сведения и мнение губернатора о будущем городе Владикавказе, но до сих пор «никаких сведений по сему предмету не получено». Барятинский требовал «в самом непродолжительном времени, по сношению об этом деле с начальником Левого крыла Кавказской линии доставить мне ожидаемого проекта».

Однако и на этот раз не были доставлены эти сведения наместнику ни ставропольским губернатором, ни командующим войсками Левого крыла кавказской линии генералом графом Николаем Ивановичем Евдокимовым. Последний в июне того же 1858 г. сообщал в Штаб Кавказской армии, что «не имеет в ведении своем ни одного из чинов, которому были бы известны основания, на которых должно составить предложение о возведении Владикавказа на степень города».¹ Он просил несколько раз ставропольского губернатора «командировать во Владикавказ сведующего по этой части чиновника, но таковой чиновник и по сей день еще не прибыл».

Такой чиновник прибыл во Владикавказ только в ноябре того же года и прибыл не из Ставрополя, а из Тбилиси.

В конце октября 1858 г. наместник предписал чиновнику своей канцелярии титулярному советнику Ю.Я. Рудаковскому: «Предположив Владикавказскую крепость обратить в город и устроить там необходимые гражданские учреждения, я признал необходимым предварительно собрать некоторые статистические данные, которые бы служили основанием как для составления положения о Владикавказе и его гражданских установлениях, так и для принятия разных административных мер. Возлагая выполнение этого дела на вас, я предлагаю теперь же отправиться в крепость Владикавказ и заняться собиранием из подлежащих источников значащихся в прилагаемой программе сведений».² Чиновник Рудаковский должен был добыть эти сведения у местного военного начальника, а также и «личными исследованиями». «Всеми сведениями, — наставлял наместник своего чиновника, — какие получите на месте через расспросы тех или других лиц, надлежит пользоваться с крайнею осмотрительностью, удостоверясь предварительно в их верности путем строгой критической их оценки».³

Вооружившись программой действий (наставлением), которую для него составил сам Барятинский, Рудаковский сразу же после прибытия во Владикавказ ушел с головой в указанную работу. Всего полтора месяца понадобилось ему, чтобы собрать требуемые сведения о крепости Владикавказ. Эти сведения наиболее достоверные и точные о Владикавказе середины XIX в. и представляют значительный интерес. Так, Рудаковский свиде-

¹ ЦГА Гр. ССР. Ф.7. Оп. 1. Д. 107. Л. 17.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 97.

тельству, что во Владикавказе зданий – 628, которые принадлежали различным ведомствам: гарнизону крепости – 68 домов, лицам благородным – 123, купцам – 109, мещанам – 27, крестьянам – 25, отставным нижним чинам – 65, служащим нижним чинам – 209 домов. Во всей крепости было всего 12 каменных домов, остальные деревянные. Подавляющее большинство одноэтажные, всего 15 двухэтажных домов. Ежедневно жителям крепости свои товары предлагали 165 мелких и средних лавок. Промышленность была представлена следующим количеством заводов: кирпичных – 17, известковых – 12, мыльных – 1 и свечных – 2. Владикавказ располагал 12 постоянными дворами, 7 трактирами, 3 гостиницами, 4 харчевнями, одним кофейным домом, 3 кондитерскими, 2 распивочными домами, 5 маркитантами, 12 банями и 6 церквями. Состав владикавказских рабочих и ремесленников был таков: кузнецов – 7 человек, булочников – 4, цирюльников – 3, портных – 30, золотых дел мастеров – 2, часовых дел мастеров – 2, эполетных дел – 1, сапожных – 6, серебряных дел мастеров – 6, оружейных дел мастеров – 6, седельников – 11, каменщиков – 130, плотников – 100, рабочих – 180 человек. Любопытен и состав владикавказских торговцев, число которых достигало 84 человек. Среди них 11 русских, 2 осетина (Каспулат Кусов и Дмитрий Базров), 8 инородцев, остальные 63 – армяне и грузины, число последних значительно уступало торговому люду армянской национальности.¹

Лучшие дома в крепости принадлежали купцам и высшим военным чинам. Рудаковский доносил, что между этими домами есть здания правильной и красивой постройки, крытые железом, черепицею и лесом. «Соломою покрываются дома, принадлежащие служащим, а также отставным нижним чинам». В крепости 18 улиц и 4 площади, из которых несколько вымощено. Для общественного гуляния имеется два сада и бульвар, разведенный на обрывистом берегу Терека. Площадь, которую занимал Владикавказ, составляла 157 десятин. С обращением Владикавказа в город предполагалось отвести ему два участка: первый в размере 4500 дес. между Терекон и Камбилеевкой и второй в размере 3625 дес. по правую и левую стороны Терека, принадлежащий Владикавказской станице. Последнюю местные власти предполагали переселить на другое место, поселив взамен ее немецких колонистов. Число жителей Владикавказа – 2342 человека. Из них мужского пола 1500 и женского 1142. В то число не вошли военнослужащие гарнизона, число которых 4000 человек, жители Осетинского аула (890 человек) и Владикавказской станицы (947 чел.). Сословное деление жителей: дворян и разночинцев – 516 человек, купцов – 199, мещан – 346 чел., крестьян – 289 чел., иностранцев – 38 чел., отставных нижних чинов – 822 чел. и служащих – 409 человек.

Любопытно отметить, что, по свидетельству Рудаковского, владикавказские торговцы вели продажу не только в крепости. «Торговля здешних торговцев, – писал он, – сосредотачивается не только в самом Владикавказе, но и в аулах, военных укреплениях и станицах. Товар закупается на Нижегородской ярмарке и преимущественно в бумажных и шелковых материях, сукнах, металлических изделиях, галантерейных и мелочных вещах: сахаре, чае, кофе и заграничных напитках. Табак, фрукты и кахетинс-

¹ ЦГА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 96, об. 13.

кое вино привозят из Тифлиса и Кизляра».¹ В самом Владикавказе не было ни одной ярмарки. Базарная торговля производилась два раза в неделю: по вторникам и субботам. В эти дни сюда стекались «жители близлежащих станиц и аулов и привозят съестные припасы и всякого рода живность, сено, строевой лес и дрова. Кроме того бурки, башлыки и др. принадлежности азиатской одежды».² Рост торговли заставил власти крепости создать торговую палату – комиссию. В ее состав входили: комендант крепости, начальник полиции и два торговца – русский и армянин.

Считаю уместным привести также весьма интересные данные о жителях Владикавказа по национальному составу. В 1858 г. число жителей крепости, как уже сказали, составило 5179 человек. Из них жителей русской национальности – 3921 чел., в том числе 986 казаков, осетин – 980 чел., армян – 68 чел., грузин – 41 чел., иностранцев – 32 чел., евреев – 29 чел., кабардинцев – 4 чел., ингушей – 13 чел., чеченцев – 5 чел., персов – 23 чел., греков – 54 чел., татар – 8 чел. Приведенные данные убедительно подтверждают весьма пестрый и интернациональный состав населения крепости. Отметим здесь, что многоязычность жителей Владикавказа сложилась гораздо раньше. Мы располагаем данными середины 30-х гг. (правда, отрывочными), которые подтверждают, что уже в то время во Владикавказе можно было услышать, наряду с русским и осетинским говором, также грузинскую, армянскую, греческую, ингушскую, ногайскую, татарскую речь. В 1836 г. в крепости вместе с двумя осетинскими аулами (Ирыкау – на южном форштадте основанный в 1784 г. и аул Тулатовых – на левом берегу Терека, западный форштадт крепости, основанный в 1825 г.) проживало 3986 человек. В том числе русских – 1912 чел., из которых 1136 являлись военнослужащими, осетин – 1215 чел., (814 – в Ирыкау, 401 чел. – в ауле Тулатовых), армян и грузин – 87 чел., ингушей – 36 чел., ногайцев – 13 чел., греков – 14 чел., персов – 9 чел.³

По данным середины XIX в., процесс формирования интернационального состава населения Владикавказа продолжался. В целом в 1851 году оно состояло из 3653 чел., в том числе 1842 душ мужского пола и 1811 душ женского пола. По национальному составу: армян и грузин – 99 чел., евреев – 23 чел., иностранцев – 26 чел., осетин – 883 чел. (437 душ мужского пола и 446 душ женского пола). Уменьшение числа осетин, видимо, произошло вследствие удаления в 1847 г. из Владикавказа аула Тулатовых. Русское население составило около двух с половиной тысяч человек и в их числе 722 казаков (жители Владикавказской казачьей станицы, поселенные на месте аула Тулатовых) и женатых нижних чинов – 1439 чел.⁴ Среди жителей крепости в те годы не было ни одного кабардинца, ингуша, чеченца.

С начала пореформенного периода вышеописанные процессы во Владикавказе получают свое дальнейшее развитие. Прежде всего, происходит значительное увеличение населения нашего города, причем, статус одного из самых интернациональных городов Кавказа он с годами не только не растерял, а еще больше упрочил.

¹ ЦГА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.

² Там же, л. 97.

³ ЦГВИА. Ф. 13 УА. Д. 6164. 2-91. Л. 11-13.

⁴ Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис. 1852. С. 310–315.

Предоставим слово официальным статистическим данным, содержащимся в исторических документах. В 1877 г. население нашего города уже насчитывало 23 766 человек (15858 душ мужского пола и 7908 душ женского пола). Из всего этого числа городского населения 17499 чел. составляло гражданское население, а 6273 чел. относились к разряду войскового. Заметим, что этот процесс постепенного и настойчивого увеличения гражданского населения и, наоборот, уменьшение войскового во Владикавказе после его провозглашения городом стал необратимым. По национальному составу в том же 1877 г. городское население выглядело: армян – 81 чел., грузин – 52 чел., кабардинцев – 6 чел., кумыков – 73 чел., чеченцев – 76 чел., ингушей – 41 чел., осетин – 1790 чел., из которых 315 чел. относились к привилегированному сословию и 1485 чел. к простому сословию.

Число иностранных подданных во Владикавказе к указанному времени, к немалому, надо полагать, удивлению читателей, достигло 771 чел., в том числе немецких колонистов – 251 чел.¹ К числу иностранных подданных следует отнести, кроме немецких колонистов, персов, греков, австро-венгров, болгар, а также поляков. Именно на рубеже 70-80-х гг. происходило массовое заселение Владикавказа представителями указанных народностей. Свидетельством тому в какой-то мере являются данные 1923 г. В том году во Владикавказе проживало 72069 человек, в их числе русских – 41618 чел., украинцев – 892 чел., осетин – 9246 чел., армян – 7554 чел., грузин – 4762 чел., персов – 1672 чел., греков – 1404 чел., поляков – 996 чел., немцев – 518 чел., татар – 588 чел., евреев – 1143 чел., ингушей – 501 чел., кабардинцев – 17 чел., чеченцев – 15 чел.²

Приводим данные, содержащиеся в документах начала нашего столетия. В 1913 г. из общего числа населения Владикавказа русские составляли 67 проц., в 1923 г. – 60 проц., в 1926 г. – 58 проц.; соответственно осетины составили – 13 проц., 13 проц., 14 проц.; армяне – 7 проц., 11 проц., 10 проц., грузины – 4,5 проц., 6,5 проц.; персы – 3 проц., 2,5 проц., 2,3 проц.; ингуши – 0,00 проц., 0,69 проц., 2 проц.³

Однако вернемся к нашей главной теме. На основании собранных Рудаковским данных, чиновников канцелярии кавказского наместника в 1859 г. составили проект преобразования крепости в город и само положение о будущем городе⁴. Последнее состояло из 94 параграфов. В одном из них говорилось: «Город Владикавказ назначается для ознакомления покорных нам горных инородцев с выгодами промышленности и торговли и вообще для водворения между ними начал мирной гражданской жизни». Из этого видно, какое большое значение отводилось будущему городу. «Сюда, во Владикавказ, будут стремиться все те из туземного населения, кои удаляясь от воинственной жизни своего племени, почувствуют потребность более мирного и обеспеченного убежища», – писал наместник военному министру. Далее, сделав краткий экскурс в историю Владикавказа со дня его возникновения, наместник отмечал его «великую» военно-политическую и стратегическую роль в покорении Кавказа. Теперь будущий город должен выполнить другую важную миссию. Миссию экономического завоевания

¹ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ. 1878. С. 23–59.

² ЦГА СОАССР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 278 Л. 1–10

³ ЦГА СОАССР. Ф. 47. Оп. 1. Д. 405. Ч. II. Л. 511.

⁴ ЦГА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 129–161.

горцев, как центральный пункт империи на Северном Кавказе по вовлечению его обитателей в водоворот капитализма.

Проект положения о будущем городе был разослан ряду высокопоставленных гражданских и военных лиц на Кавказе для обсуждения и «высказывания суждения по сему».

Среди этой «когорты» кавказских царских администраторов генерал Н.И. Евдокимов, командующий армией Левого крыла Кавказской военной линии, был той личностью, с мнением которой особенно считался наместник. С проектом он, в основном, согласился, одобрил все пункты положения. «Восстал» он только против первого параграфа, где говорилось, что будущий город Владикавказ будет подчиняться ставропольскому губернатору. Евдокимову непременно хотелось, чтобы город был в его личном подчинении, в противном случае, писал он наместнику А.И. Барятинскому, «Владикавказ едва ли решит ту задачу, которую призван оный решить». Далее он настаивал на следующем: во-первых, удалить вовсе из будущего города жителей Осетинского аула, примыкающего к южному форштату крепости. Во-вторых, «переселить казаков Владикавказской станицы¹ в станицы Камбилеевскую и Сунженскую с причислением к городу земли, бывшей под означенною станицею».² В-третьих, «переселить во Владикавказ из России от 30 до 40 дворов немецких колонистов, которые примерами своего усовершенствованного хозяйства могли бы иметь благотворное влияние на улучшение в крае сельского хозяйства».³

4 ноября 1859 г. проект с изменениями и дополнениями был отправлен в Петербург для «высочайшего ознакомления и одобрения». «В эпоху сближения России с Грузией, – писал фельдмаршал Барятинский председателю Кавказского комитета, – когда возникла необходимость частых и непрерывных между ними сношений, долженствовавших совершаться через места, заселенные тогда воинственными племенами горцев, наше правительство нашло нужным в 1784 г. учредить по пути сообщения с Грузией ряд небольших военных укреплений. В числе их тогда же был устроен и Владикавказский пост, имевший назначением служить охранным пунктом наших сообщений». Далее, подчеркивая быстрый рост Владикавказа «по мере успехов нашего оружия», наместник продолжал: «Обращая внимание на географическое положение этой крепости и происходящее там движение торговой и промышленной деятельности, нельзя не видеть, что Владикавказ, прежде служивший нам чрезвычайно важным пунктом в стратегическом отношении, отныне должен выполнять другое, не менее важное назначение по водворению между покорными нам горцами начал мирной гражданской жизни».⁴

Несмотря на удаленность от главных торговых центров Российской империи и водных путей сообщения, Владикавказ, как подчеркивал главнокомандующий Кавказской армией, «не лишен многих выгод торгового рынка», так как через него проходил главный Военно-Грузинский путь, «связывающий Россию со всеми нашими Закавказскими провинциями». «Он уже слу-

¹ Владикавказская станица была основана в 1839 г. и располагалась на левом берегу Терека, против крепости, примерно в районе ГМТ, осетинского театра и музыкального училища.

² ЦГИА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 186.

³ Там же.

⁴ ЦГА Гр. ССР Ф. 7. Д. 108. Л. 8.

жит, – подчеркивал верховный правитель Кавказа, – складочным пунктом всех товаров, следующих транзитно из России в Закавказский край».

Но не только в этом видело высшее кавказское начальство значение города. «Что всего главное, он окружен многими покоренными нам обществами горских племен осетин, кабардинцев и ингушей». Все эти общества при настоящей степени нравственного их развития, ожидают лучшей гражданской, жизни. Если торговля всегда и везде служила вернейшим проводником цивилизации..., то и в настоящем случае, выполняя высокое призвание к побежденным горцам, мы должны продолжать уже начатое гражданское их воспитание также путем торговли... Вот почему я и предложил крепость Владикавказ с водворением в округе ее спокойствия и оттеснением в глубь гор неприязненных нам племен, обратить в город и привлечь туда из внутренних губерний разными привилегиями промышленные капиталы, которые бы «могли силою возбудить деятельность и оживить страну».¹ «Словом, – заключал Барятинский, – «торговля выведет горцев из грубого невежества и прочно обобщит наши интересы».

Докладывая об этом, наместник просил председателя Кавказского комитета и военного министра «повергнуть посылаемые документы на высочайшее государя императора воззрение, исходатайствовав разрешение его величества на обращение крепости Владикавказ в город».

Следует отметить, что в конце 1859 г. князь Барятинский, получивший чин фельдмаршала за успешное окончание Кавказской войны и пленение Шамиля, стал пользоваться еще большей популярностью в высших кругах столицы. Он стал особо приближенным ко двору. К его слову прислушивались, с ним считался сам Александр II. Только этим объясняется быстрота, с которой вернулся правительственный ответ из столицы. Председатель Кавказского комитета сообщал, что государь император утвердил проект города Владикавказа, что «Он в 31-й день марта 1860 года соизволил написать собственноручно: «Исполнить». А на положении о городе Владикавказе черкнул: «Быть по сему».²

Крепость Владикавказ стала городом, сохранив прежнее свое название, а в связи с этим появилась необходимость создания его администрации, полиции, налогов и т. д. Управление его должно было состоять из полиции, городского суда и особых чинов: городского архитектора, врача и стряпчего. Большие обязанности легли на плечи первого архитектора города Владикавказа, которым стал топограф Максимов. Город быстро рос. Согласно положению о городе, жители его должны были снести свои старые жилища и строить дома – стоимостью не менее по быту купеческому от 3 тыс. до 1500 руб., и в 500 руб. «Мещанам в исключительных случаях раз решалось строить дома стоимостью в 250 руб., «на тех условиях строительного искусства, какие в том требуются правилами закона о благоустройстве городов». Менялись улицы, их стало больше, они становились шире и прямее, а на главных из них появилось свечное освещение.

Быстрым темпам строительства города вскоре не стал удовлетворять его архитектор топограф Максимов, ибо, как доносил начальству первый комендант города генерал Мусса Алхастович Кундухов, – исправляющий

¹ ЦГИА Гр. ССР. Ф.7. Оп. 1. Д. 108. Л. 8.

² Там же. Л. 68.

сию должность топограф Максимов, не проходя специального образования, встречает для себя труднопреодолимые затруднения». Первым профессиональным архитектором нашего города и стал 29-летний титулярный советник Евгений Константинович Богушевич, с июня 1862 г.

Выгодное географическое расположение Владикавказа способствовало тому, что с первых же дней своей городской жизни он стал центром прилегающей к нему территории. С образованием вскоре Терской области он стал ее административной и культурной столицей.

Город рос быстро. «Во Владикавказе, – писала в 1863 г. газета «Кавказ», – есть уже не только большие, красивые здания, но и мостовая и длинный бульвар (будущий Александровский проспект. – Б.Б.). А между тем едва прошло два года как эта крепость переименована в областной город».¹ Если в 1858 г. здесь проживало 2342 чел., то в 1864 г. их число утроилось (7234 чел.), а еще через два года, в 1866 г., обыватели Владикавказа насчитывали 13 688 человек.

Такова история преобразования крепости Владикавказ в город.

¹ Кавказ, 1863. № 22.

К ИСТОРИИ СЕЛЕНИЯ ОЛЬГИНСКОЕ

Ольгинское – одно из самых молодых селений на Правобережье Северной Осетии, хотя его основатели и их предки одними из первых горцев переселились на плоскость еще в XVIII в.

Этому способствовало основание в 1784 г. у входа в Дарьяльское ущелье крепости Владикавказ. Современники писали, что ровно в полдень 6 мая в честь заложения крепости был произведен салют из пяти орудий. На необычный для этих мест шум, веселье, и, наконец, на пушечные выстрелы собрались любопытствующие горцы, в основном из ближайших тагаурских и ингушских аулов Дарьяльского ущелья. Они были приветливо встречены отрядом русских солдат и казаков, даже приглашены на торжественный солдатский обед. Собираясь возвращаться домой, осетины попросили у начальника отряда разрешить им переселиться со своими семьями к крепости, обещая взять на себя определенные обязанности по охране крепости. Получив положительный ответ, горцы удалились. Это было в мае 1784 г., а в июле к горцам обратился генерал С.П. Потемкин, призывая «заняться мирною жизнью под охраной крепостных верхов». Кавказский губернатор приглашал их к переселению на земли, лежащие вокруг крепости. Потемкин хотел поселить как можно больше аулов из мирных горцев вокруг нее.

В конце лета – начале осени 1784 г. большая группа осетин со своими семьями, родственниками перешла на жительство к крепости. Обосновались они на южной стороне крепости («на южном фасае»). Был основан аул, получивший на осетинском языке название «Ирыкау», а в русских документах зафиксирован как «Владикавказский осетинский аул». Прав, таким образом, историк Ракович Д.В., писавший, что осетины появились во Владикавказе в год учреждения крепости, согласно призыву генерал-поручика Потемкина¹. Кстати, об этом же событии свидетельствует и П.Г. Бутков. «Еще в 1782 г., – писал он, – осетинцы... просили построить крепость у Татар-Тупа для выселения их из гор и защищения от кабардинцев..., а коль скоро Владикавказ основан, нарочитое число осетинцев, выйдя из гор, тут в крепости поселились, устроив селение, и обрабатывали просторные поля, вокруг Владикавказа впустележашие и имели совершенный покой и тишину от соседей».² Крепости Владикавказ не суждено было долго существовать. Из-за резкого ухудшения русско-турецких отношений и неблагопри-

¹ Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ. 1911. С. 3.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 166.

ятных политических событий, возникших вскоре на Кавказе, русское правительство вынуждено было в 1788 г. крепость срыть, а гарнизон перевести в Моздок. Оставшись без защиты, осетины также вынуждены были покинуть свой аул и уйти обратно в горы.

Однако в 1800 г. – на сей раз навсегда – крепость Владикавказ снова была восстановлена. Возродилась крепость, восстановился и осетинский аул. Горцы поселились на том же самом месте, где первый раз. «В том же году (1800 г. – Б.Б.), – свидетельствует документ, – осетины снова спустились с Тагаурских гор и поселились уже навсегда около валов южного фаса крепости»¹. Восстановительные работы шли быстро. И все же темпы не удовлетворяли начальство. Поэтому к этим работам привлекались горцы. Уже в 1801 г. на ряде объектов трудилась группа осетин. Их горные арбы использовались военными властями для подвоза строительных материалов.

Ирыкау считался укрепленным поселением. Аул был окружен рвом и высоким деревянным частоколом с узкими воротами. Жили первое время в землянках, пока не построили деревянные дома. Центром аула считалась горка, позже получившая название «Осетинская». На самой ее вершине через некоторое время осетины построили деревянную церковь, а в 1852 г. заменили каменной.

Следует отметить, что в то тревожное время, когда сама Владикавказская крепость не располагала достаточно сильным гарнизоном перед лицом вероятных нападений на нее со стороны непокорных горцев, русское военное командование не только благосклонно относилось к такому переселению, но даже поощряло и охотно приглашало осетин поселиться около крепости, оказывая им как моральную, так и материальную помощь. «Для новопереселенцев осетин, – доносил в 1805 г. наместнику Кавказа первый комендант Владикавказа генерал граф И.К. Ивелич, – оказывал ласки и по состоянию моему вспоможествования им по их новости поселения, чем бы их более успеть поселить около сей крепости, через кое может последовать лучшее спокойствие для крепости».² Коменданты крепости привлекали переселяющихся осетин к караульной службе, использовали на строительных работах. Тот же историк Владикавказа Ракович писал, что «осетинам была поручена оборона южного фаса крепости».

Архивные документы сохранили для нас имена и фамилии первых поселенцев Ирыкау. Это Хамурза Тхостов, его брат Асланбек, их сыновья Мамсыр, Ту и Эльзарко. Из Тхостовых переселились также Габыс, Александр, Абрак, Казн, Даут со своими родственниками. Инициатором переселения был Хамурза. Кроме Тхостовых и их подвластных, в первые годы здесь поселились из фамилии Шанаевых и их кавдасардов 22 двора; Тугановых – 7 дворов; семья Ибрагима Алдатова, Чермена Цопанова, Мирзабека Тулатова и других. «По критическому здешнему местоположению, – доносил в 1807 г. тот же граф Ивелич командующему войсками на Кавказской линии генералу Булгакову, – за нужное поставил пригласить на поселение близ крепости... и старшин Шанаевых, Тугановых, Сабар Алдатова, Чермен Цопанова с жителями...».³

¹ ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 103.

² АКАК. Т. 3. С. 652.

³ Там же. С. 651.

Жители селения Ирыкау, хотя и жили в двух шагах от крепости, 12 орудий которой все время грозно охраняли покой обитателей крепости, проводили тревожное время. На село часто совершались нападения, организуемые воровскими шайками и всевозможными абреками, а то и просто бандитами. Документ свидетельствует, что до 1820 г. в Ирыкау «разномерно было убито 36 душ, ранено 73, угнано лошадей 120, быков 600, овец 3 тыс., сожжено 12 тыс. скирдов зерна и сена 15 тыс. возов».¹ Позже сами осетины так писали: «Мы день и ночь занимаем караулы вне крепости и более других соплеменников наших всегда в очередь и не в очередь, отбывая всякого рода повинности, участвовали во всех экспедициях, «поддерживали ночные пикеты, объезды, проводжали военные обозы, выставляли подводы, охраняли дороги, отправлялись в даль. Ценность всего этого была по крайней мере раз в 10 больше ценности данных нам земель и лесов».²

В 1810 г. в Ирыкау уже проживало более 40 дворов, а в 1820 – около 70 дворов. К этому времени сюда стали переселяться из всех осетинских ущелий, хотя число семейств из Тагаурии преобладало.

В начале XIX в. вокруг Владикавказа было много свободной земли никем, не занимаемой и не используемой. Раньше ею владели и распоряжались кабардинские князья из фамилии Мударовых, Тасултановых и Ахловых. Но еще в конце XVIII в. князья их оставили и вынуждены были переселиться на север. Владикавказским осетинам выделили земли на севере крепости в верстах 2–4 на правом берегу Терека. Здесь они сеяли пшеницу, рожь, ячмень и другие культуры, косили сено.

Этой землей они владели до 1821 г., пока военные власти не отобрали их у осетин, и взамен не выделили им участки в 11–12 верстах северо-восточнее крепости на левом берегу Камбилеевки. Прежняя же земля осетин была отдана гарнизону крепости. На новых землях ирыкауцы должны были «создать укрепленный хутор, обнесенный канавами и курганами». «В конце 20-х гг., – читаем в документе, – они основали по просьбе правительства, для охраны дороги на Моздок, на реке Камбилеевке укрепленный хутор и для безопасного пользования нынешнею землею от набегов. В хуторе Ирыкау построили мельницы, удобрили почву, развели сады».

К 50-м гг. XIX в. позиции царизма на Кавказе, и в Осетии в частности, значительно укрепились. Владикавказская крепость стала сильным военным укреплением. Значительно вырос ее гарнизон. Военному командованию больше – не нужна была помощь горцев в охране крепости. Отношение к владикавказским осетинам резко изменилось. Если первые коменданты Владикавказа сами приглашали осетин с гор, то сейчас военные власти стали вынашивать план удаления их из крепости. Самым удобным поводом для администрации в осуществлении этого плана было решение правительства переименовать Владикавказскую крепость в город. «Удаление осетинского аула от Владикавказа, – писал в № 59 году командующий войсками Левого фланга Кавказской линии генерал Н.И. Евдокимов, я считаю совершенно необходимым, прежде всего для спокойствия в самом городе...» Этот первый генерал-губернатор Терской области, собственно, и был автором плана о немедленном удалении осетин из будущего города. В своем

¹ Архив СОНИИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 82.

² ЦГА СОССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 246. Л. 79.

рапорте на имя наместника в 1859 г. он беззастенчиво клеветал на владикавказских осетин, заявляя, что они только составят бремя для будущего города.

Владикавказские осетины, узнав о намерениях военных властей, подали самый решительный протест наместнику Кавказа. Обосновав свое право жительства в будущем городе историческими фактами (одновременное их поселение под стены крепости с ее гарнизоном, совместная долголетняя боевая служба и жизнь, принятие православия и т. д.), они совершенно справедливо писали: «Издавна живя между русскими, привыкшие к нравам и образу жизни их, усвоению обязанности христианской религии, мы осчастливлены первые из горцев Кавказа приятием нас в число граждан будущего города».

За право осетин жить в будущем городе горячо выступила тогдашняя передовая интеллигенция во главе с Аксо Колиевым. Колиев (сам житель Ирыкау, священник Осетинской церкви) поднял на защиту справедливого дела жителей Владикавказского аула все духовное начальство не только Осетии, но и Кавказа. Он просил экзарха Грузии, чтобы он вмешался в это дело и ходатайствовал перед наместником Кавказа об оставлении осетин в городе Владикавказе. «Доводы администрации для выселения осетин из Владикавказа, – писал Аксо, – необдуманны, неосновательны, к тому же оскорбительны для чести народа». Он со всей страстью доказывал перед высшим духовным начальством ложность обвинения владикавказских осетин в каком-либо «разбое» или «воровстве». Он писал, что обвинение не подтверждается «решительно ничем, ни практикой предшествующей совместной жизни с русским населением, ни сегодняшними буднями», что они, осетины, «доселе вели себя честно, по-христиански», что «подобное обвинение не выдерживает самой слабой критики», что «осетины в делах против неприятелей всегда составляли самое надежное и храброе войско» и т.д.

Видя решительный протест со стороны владикавказских осетин, местная администрация решила принудить их к «добровольному выселению» из города. Склонить осетин к этому она поручила – тогдашнему начальнику Военно-Осетинского округа, полковнику Муссе Кундухову.

«Я, – писал в 1859 году генерал Евдокимов в Тифлис, – поручил начальнику округа полковнику Кундухову объявить владикавказским осетинам все невыгоды их положения как городских обывателей, чтобы тем заставить их добровольно изъявить желание на переселение из города».

Полковник Мусса Кундухов прибыл в Ирыкау и велел собрать сход жителей. На нем он попытался доказать владикавказским осетинам преимущество переселения, внушал, что «бедным и незнающим никакого ремесла невыгодно будет жить в городе, и что при ограниченном количестве земли, отведенной для города, с увеличением народонаселения они неминуемо встретят недостаток в прокормлении себя хлебопашеством, и отбывать городские повинности будут не в состоянии». Присутствующие на сходе не поддались на уговоры и твердо стояли на своем – жить как и прежде в будущем городе. «Выйдя из себя», полковник Кундухов в ультимативной форме объявил жителям, что он, начальник округа, дает им недельный срок на размышления, чтобы по истечении этого времени они объявили ему о «своем добровольном желании выселиться» из города. Присутствующие на сходе от имени всех владикавказских осетин заявили

полковнику, что «для ответа им вовсе не нужен педельный срок». Они сейчас объявят начальнику округа свое решение, т. е. они категорически отказываются добровольно переселиться. В ответ на ультиматум осетины гордо заявили Кундухову, что «они первые из горцев вступят в число горожан будущего города Владикавказа, что хотя они не знают никакого ремесла, но при постоянной любви к труду полагают, что дело для каждого найдется, и надеются, что если не они, то по крайней мере дети их научатся каким-нибудь ремеслам и будут выполнять городские условия не без пользы и для себя».

Этот достойный ответ жителей Владикавказского аула означал провал «миссии» Кундухова. И в то же время разоблачал Муссу Кундухова как ярого противника сближения осетинского народа с русской культурой, ибо Владикавказ в те времена был именно тем местом, где осетины больше всего соприкасались с русским населением, с его бытом, обычаями, культурой.

После своего провала Кундухов, с завидным цинизмом, доносил вышнему начальству: «Зная с древнего времени жителей Владикавказского аула во всех отношениях, я нахожу, что описанные ими полезные деяния для городской жизни есть только один пустой звук, потому что не привыкши к труду, редко кто захочет построить себе приличный дом, а по-прежнему будут жить в грязных своих саклях, заниматься воровством, кляузничеством, и всякого рода развратом, так что эти мнимые горожане, кроме отягощения для города в поземельном отношении, будут составлять собой только общество воров и разбойников... Мнение мое таково, – заканчивал он свой рапорт, – несмотря ни на какие просьбы и уверения в небывалых добродетелях жителей Владикавказского осетинского аула, я полагал бы выселить отсюда их всех».

И в самом деле, Мусса Кундухов, располагая властью начальника Осетинского округа, добился своего. Весной 1860 года он послал во Владикавказский аул казаков, которые силой оружия заставили жителей Ирыкау (98 семейств из 148) дать расписки, в которых они обещали выселиться к определенному сроку и покинуть таким образом пределы будущего города. В том же году перебрались некоторые из них в свой хутор на левый берег Камбилсевки в 12 верстах от Владикавказа. Хутор этот, основанный еще в 1821 г. владикавказскими осетинами, с 1861 по 1868 г. назывался Владикавказским аулом.

Кто же были его основатели? В архиве нами найдены документы (кстати, в архивохранилищах имеется обильный материал об этом), в которых перечисляются имена и фамилии глав семейств, которых власти изгнали из города.

На новом месте переселенцы стали воздвигать жилые дома и другие постройки. Не хватало лесоматериалов и многим пришлось на долгое время довольствоваться землянками.

Закономерен вопрос: почему осетинское поселение, возникшее в 60-х гг. XIX в. получило русское название? Когда и почему это произошло? В 1868 г. Владикавказ посетил царский наместник на Кавказе Михаил Николаевич (брат царя Александра II) с женой Ольгой Федоровной и многочисленной свитой. В программу пребывания, которую составили власти Терской области, почему-то было включено посещение одного из осетинских селений. Было решено, что наместник и его супруга «осчастливят своим посещени-

ем» аул владикавказских осетин. Аул действительно посетили высокие гости. Областные власти, не без помощи сельских, организовали им помпезную встречу. Состоялся аульный пир. Зарезали трех годовалых бычков (об этом сообщала областная газета «Терские ведомости»). Этот случай и послужил для некоторых исследователей основанием высказать мнение, что в честь этого посещения наместником и его женой Ольгой Федоровной селение назвали Ольгинским. Признаемся, и мы придерживались подобной точки зрения, пока нами не было обнаружено в архиве прошение жителей этого аула на имя наместника от 17 октября 1867 г. В нем написано буквально следующее, что они (жители аула), собравшись на свой аульный сход, «постановили ходатайствовать перед его императорским высочеством наместником Кавказским о переименовании аула. В память великой княгини Ольги, первой на Руси женщины, крещенной в православную веру, душевно просим впредь именовать аул Ольгинским». Ответ из Тифлиса пришел на имя начальника области генерал-адъютанта графа М.Т. Лорис-Меликова. В нем великий князь Михаил Николаевич одобрял просьбу осетин. Так с 1868 г. аул стал называться Ольгинским, в честь жены великого князя Игоря, занявшей великокняжеский престол после убийства мужа древлянами в 945 г. Ольга – первая крещенная в столице Византии, Константинополе, русская женщина.

ОСНОВАНИЕ АУЛА БЕСЛАН

Царизм и его кавказская администрация с конца XVIII в. наряду с военными экспедициями в горы Осетии осуществляли и «особый подход» в отношении осетинской знати и в особенности феодалов Дарьяльского ущелья. Некоторые из них, владея этим ущельем, составляли дестабилизирующий элемент в этом районе, часто нарушая спокойствие на Военно-Осетинской дороге, прерывали свободное сообщение по ней. Чтобы лишить их, и прежде всего Дударовых, влияния на жителей, военная администрация всемерно старалась убедить Дударовских алдаров перейти со своими подвластными на жительство «в окрестности Владикавказа», т. е. на плоскость. Так, в самом начале прошлого века ряд влиятельных семейств Дударовых из Ларса, Чми, Балты и Реданта обосновался на берегу реки Камбилеевки, положив начало в 1805 г. сел. Джанхотов – Ларсу, в 1810 г. – сел. Хумалаг, в 1812 г. – сел. Габисова, а в 1814 г. – сел. Тасултанова. Селения эти образовались недалеко от русского военного укрепления Елизаветинского.

Для привлечения Дударовых на свою сторону, местные военные власти одаривали владельцев Дарьяльского ущелья офицерскими чинами, орденами, медалями и даже пожизненными пенсиями.

Это не могло не вызвать недовольства других тагаурцев, алдаров из Санибанского, Даргавского и Кобанского ущелий. В особо привилегированном отношении правительства к Дударовым алдары Тхостовы, Мамсуровы, Тулатовы, Кануковы, Шанаевы, Есеновы и др. усмотрели ущемление своего достоинства. «Для чего, – спрашивали они коменданта Владикавказской крепости генерал-майора Адриано¹, – русское правительство наградило одних Дударовых чинами, жалованьем и медалями, а нам ничего не дало? Они такие же тагаурцы, как и мы. Почему Дударовых более отличают и лучше нас их принимают?»² Старшины вышеупомянутых фамилий требовали себе равных с Дударовыми привилегий.

Самым главным их требованием к власти было: отвести земли на плоскости там же, где и Дударовым, «чтобы повслено было пахать земли около Елизаветинского редута», т. е. на реке Камбилеевке.

Комендант указал алдарской депутации другие места на плоскости. «Я, – писал он, – стараюсь уговаривать и согласить их, предложил тагаурцам, что около Владикавказа, особенно при речке Кизил (Гизельдон. – Б.Б.), прекрасное поселение земли со всеми выгодами». Алдары от этого отказались. Тогда

¹ АКАК. Т. 8. С. 386.

² Там же. С 561.

Адриано обещал «исходатайствовать» им у высшего начальства участки на правом берегу Терека. Но посланцы от тагаурской знати ответили: «Нет! Позволь нам пахать на той самой земле, на которой Дударовы пашут».¹

И все же алдары из двух предложенных им районов избрали левый берег Терека как наиболее безопасный в те времена.

Так в 1818–1825 гг. на берегах Гизельдона появилось около 15 новых поселений – аулы Османа Мамсурова (отца первого осетинского поэта Темирболата Мамсурова), Темболата Алдатова и Аслангирея Мамсурова, Тегов аул (Мансуровых и Кундуховых) – Бита Канукова, Алхаста Кундухова (отца известного царского генерала Муссы Кундухова), Алимурзы Канукова и другие.

Позже других на плоскость перебрались Тулатовы. Они не захотели жить рядом с другими тагаурскими алдарами на Гизельдоне, да и свободных участков здесь уже не осталось. Пользуясь знакомством некоторых Тулатовых с новым комендантом полковником Скворцовым, они захотели поселиться отдельным кварталом-аулом в самом Владикавказе. По решению его коменданта полковника Скворцова в 1825 г. самые влиятельные и богатые из Тулатовых: Сахуг, Осман, Беслан, Знаур, Пшемахо и другие – с подвластными им семьями из горного Кобанского аула, спустились на плоскость и основали, на левом берегу Терека, напротив крепости Владикавказ (на западном ее форштате), второй по счету Владикавказский осетинский аул или аул Тулатова. Он располагался примерно в районе нынешних горно-металлургического техникума, памятника К.Л. Хетагурову, училища искусств.

Позже сами Тулатовы писали: «Лучшие представители Тулатовых-Аликовых – Сахуг, Осман, Беслан, Знаур, Пшемахо – первоначально явились с покорностью к местным властям, а потом отправились в Тифлис с целью испросить разрешения высшего начальства выселиться из Кобана на плоскость со своими подвластными и избежать гнева правительства. Начальство разрешило им поселиться вблизи Владикавказа на левой стороне р. Терек, где ныне Тенкинский форштадт (северной стороной его служила улица Тенкинская, ныне Барбашова, рядом с 30 школой и стадионом «Динамо». – Б.Б.), и таким образом они со своими подвластными образовали там в самое короткое время аул из 150 дворов».

Вместе с Тулатовыми сюда переехали семейства Килцико Ногаева, Тузара Хубалова, Елмурзы Караева, Кукуса Браева, Гуда Берикоева, Магомета Галабаева, Цаги Дзестелова, Огула Арчинова, Аслануко Фриева, Батраза Бедоева, Тота Сабаткоева, Алаго Токаева, Хасана Накусова, Мулдара Моргоева, Азыки Батаева, Гуда, Даута, Науруза и Аслангирея Моргоевых и других.

Аулу Тулатовых недолго пришлось соседствовать с крепостью Владикавказ. В 30-х гг. XIX в. власти приступили к окончательному укреплению Военно-Грузинской дороги. Для защиты ее были устроены от станицы Екатериноградской до Владикавказа по левому берегу Терека укрепления Заречное, Пришибское, Аргуданское, Урухское, Минаретское, Дур-Дурское, Ардонское, Архонское. Инициатором этих преобразований был наместник Кавказа генерал Ермолов.

Уже в ту пору правительство вынашивало планы превращения в скором времени названных укреплений в казачьи станицы. Однако к осуществле-

¹ Новое обозрение. № 407. 1885.

нию своего намерения оно приступило лишь в 1832 г. Именно тогда по указанию центра в отдельный Кавказский корпус были назначены на службу 1-й и 2-й малороссийские казачьи полки. Их сформировали из числа украинских крестьян специально для участия в борьбе против польского восстания 1830–1831 гг. После его подавления в 1833 г. полки перевели на Кавказскую военную (кордонную) линию. Из их состава и был сформирован особый казачий полк (1-й Владикавказский) и размещен в Кабарде и Осетии. В 1838 г. его расселили по военным укреплениям, образовав казачьи станицы Урухскую, Ардонскую, Николаевскую, Архонскую и Владикавказскую.

Осетины все это вначале встретили миролюбиво. Они ожидали от русских властей защиту и полагали, что с поселением казаков получает ее. Но вскоре начались «недоразумения».

В частности, наделение казаков участками земли (30 дес. на мужскую душу) сильно стеснило местное население в земельном довольствии – 52 тыс. дес. на плоскости отошли станицам.

При отмежевании этой площади казакам (исключительно на левой стороне Терека) признано было «необходимым» и «справедливым» выселить в другие места 16 осетинских аулов, ибо прежде всего, их земля отходила в надел казачьим станицам. Среди них оказался и аул Беслана Тулатова.

Протест местного населения в этой связи был массовым и решительным. Поэтому власти побоялись сразу же осуществить свое намерение. Особенно сильно осетины выступали против попыток администрации выселить их в Малую Кабарду и дать здесь земли взамен отобранных.

Тяжба горцев с властями продолжалась несколько лет. Закончилась она тем, что несколько крестьянских (фарсаглагских) аулов силой все же были изгнаны в ту самую Малую Кабарду. А алдарским аулам военные власти разрешили остаться в пределах плоскостной Осетии, переселиться с левого берега Терека на правый. Так, например, еще в 1839 г. влиятельный феодал Алхаст Кундухов переселился из Гизельдона на юго-восточный склон Кабардинского хребта и основал аул Скут-Кох (затем Эмаус/ ныне Раздзог). На новом месте он получил в несколько раз больше земли, нежели он имел на Гизельдоне. Другой тагаурский алдар Хатахчико Джантисв также переселился с Гизельдона со своими одноаульцами и здесь на территории правого берега основал в 1842 г. аул Дарг-Кох. В 1844 г на южном скате Кабардино-сунженского хребта был основан еще один аул – Батакоюрт. Основателями его были переселенцы с левого берега капитан Бадо Кадиев и его брат Батако.

Выселение владикавказских осетинских аулов (Ирыкау и Тулатовых) было для властей делом более сложным и трудным, ибо они (240 дворов) «никак не хотят менять свое жительство на неудобные и менее обжитые районы равнины».

Тем не менее высшая кавказская власть считала «абсолютно необходимым удаление владикавказских осетин». Уже в 1845 г. оно в самой решительной форме потребовало от местной администрации «Приступить теперь же к переселению всего аула осетинского (Тулатовых. – Б.Б.) на реку Курпа в Малую Кабарду или на другое место...» Вопрос об Ирыкау был снят, так как его земли располагались вне зоны казачьего поселения, то есть на правом берегу Терека.

По вопросу, куда выселить жителей аула Тулатовых, мнения кавказской и местной администрации резко расходились. После упорного отказа Тулатовых переселиться в Кабарду начальство решило подыскать им земли также в пределах Осетии. 10 декабря 1845 г. начальник штаба войск на Кавказе от имени наместника и главнокомандующего поставил перед владикавказским комендантом вопрос о немедленном выселении «из левобережных пределов крепости туземцев», считая, что «для них взамен есть участок земли на правом берегу Терека, начиная от устья реки Камбилеевки».

Комендант, не раз заявлявший, что «удаление осетинских аулов от Владикавказа считает также совершенно необходимым», в своем ответе администрации Тифлиса, писал: «Земля на правом берегу реки Терек, начиная от устья реки Камбилеевки, нисколько не свободна, но напротив, на этом-то пространстве есть самое сильное население осетинских аулов. Свободной же земли тут нет». Комендант крепости полковник П.П. Нестеров пришел к выводу, что для поселения владикавказских осетин необходимо купить у кабардинского князя Бековича-Черкасского часть его массивов. «До приобретения земель у князя... нельзя совершенно приступить к переселению от Владикавказа осетин... потому что во всем вверенном мне округе нет решительно нисколько свободной земли и всякая квадратная сажень, взятая из теперешнего количества земли, послужила бы большим стеснением и к неудовольствию жителей».

И все же настойчивость высших краевых властей в этом вопросе взяла верх, она в конце 1846 г. категорически потребовала водворения Владикавказской станции на землях тулатовского аула.

В один из мартовских дней 1847 г. полковник Нестеров приказал вызвать к себе «влиятельных старшин из Тулатовых». Среди последних заметно выделялся мужчина средних лет – Беслан Тулатов. В белой черкесске, черной овчинной папахе, с красивым серебряным кинжалом на поясе он выглядел довольно-таки молодежато. Густая черная борода не могла скрыть глубокий шрам на левой щеке, полученный десять лет тому назад во время одной из карательных экспедиций в Чечне. На большом пальце правой руки блестел серебряный перстень с двумя буквами «Б.Т.» (Беслан Тулатов). Не умея расписываться, он, как и другие алдары, прикладывал печатку, смазанную тушью, к документу вместо подписи.

Как ни старался Беслан держать себя в служебном кабинете коменданта Владикавказа свободно и непринужденно, а, главное, независимо, у него ничего не получалось. Каждое движение алдара и каждый его взгляд в сторону полковника выдавали зависимое положение этого человека, несмотря на занимаемую долговременную высокую должность – помощника пристава горских народов – две золотые медали с надписью «За храбрость» за участие в походах против так называемых «непокорных» горцев...

Беслан Тулатов родился в 1793 г. в ауле Нижний Кобан. Отец его, Сырхау, имел большую семью – пять дочерей и трех сыновей: Сохуга, Османа и Беслана. Последний был младшим. Сырхау считался самым богатым алдаром не только в Тагаурии, но и во всей Осетии. Десятки тысяч голов овец и крупного рогатого скота имела его семья. Подвергая нещадной эксплуатации зависимых крестьян, Тулатовы из года в год увеличивали и приумножали свои несметные богатства, которые с переселением на плоскость еще больше увеличивались. Семья Сырхау у местных властей пользо-

валась уважением и доверием. Не раз привлекались ее члены к выполнению важных поручений...

Беслан Тулатов, которого архивные документы 40–60-х гг. XIX в. рисуют как восходящую звезду на местном административно-управленческом небосклоне, как надежду и защитника интересов не только рода Тулатовых, но и всего осетинского алдарства, действительно был почитаем в кругах «главных осетинских и ингушских начальников» – комендантов Владикавказской крепости. Долгое время занимая должность помощника пристава горских народов, он принимал самое непосредственное участие по внедрению в жизнь всех административно-управленческих мероприятий царизма в Осетии и Ингушетии.

Беслан не имел детей, и это все время угнетало его, сделало его характер злым, труднотерпимым для окружающих. После его смерти, которая последовала в 1866 г., огромным состоянием стала управлять его жена Госемахо Канукова – верная и преданная последовательница своего мужа...

Полковник Нестеров во время встречи с посланцами Тулатовых ознакомил последних с предписанием высшего начальства и предложил им землю для переселения аула на правом берегу Терека, в 17–20 верстах от Владикавказа. А массив примерно в 3,5 тыс. дес., принадлежавший гарнизону крепости Владикавказ и служивший в качестве поля для сенокоса, комендант обещал отвести алдарам на вечное и потомственное владение взамен отошедшей к казакам Владикавказской станицы 4835 дес.

На следующий день Нестеров поручил Беслану и другим Тулатовым осмотреть землю на месте. Земля алдарам понравилась, и они дали слово в самое ближайшее время перебраться на новое место.

Переселение аула было проведено быстро. Интересно отметить, что ехать вместе с Бесланом абсолютное большинство жителей отказалось. Из 150 дворов перебралось всего 27. Люди категорически отказались следовать за ним. Лишь 10 дворов ближайших его родственников и 17 дворов холопов и кавдасардов, находившихся в сильной личной зависимости, стали вместе с ним основателями нового аула Тулатовых на новом месте. Приведем их фамилии так, как они значатся в архивном документе: Камбеговы, Макоевы, два двора Хадарцевых, Цогоевы, Батаговы, Кангиевы, Джибиловы, Хузмиевы, Касаевы, Амбаловы, Зайтаева, Хозиевы, Гобоевы, Алимбековы, Томаевы, Еристовы, Козановы, Браевы, Фриевы. Среди последующих переселенцев были семейства Тати Дамзова, Кудайната Дамбегова, Садо Амбалова, Чермена Четоева, Гависа Габоева, Савкуза и Кавдына Циновых, Хици Губиева, Савкуза и Быза Ходовых и других. Так весной 1847 г. было основано поселение, ставшее аулом Беслана Тулатова, а со временем – городом Бесланом.

Вскоре Тулатов занялся тем, что захватывал земли соседних аулов. Особенную жадность он проявил к участкам владикавказских осетин. 16 марта 1848 г. последние жаловались коменданту Нестерову: «Подпоручик Беслан Тулатов, коему отведена земля для аула на Терске, поломал и пожог колья, коими она и была замечена, и теперь свободно стесняет нас и указывает границу свою на наших землях далсе, чем ему показана была». Жаловались на него и жители других соседних аулов.

Осенью 1853 г. на восточную окраину аула Беслана Тулатова с разрешения местных властей переселились из Владикавказа алдары Тхостовы (6

дворов с подвластными). Инициатором переселения стал другой влиятельный в те годы алдар-поручик Гадо Тхостов. Попытки получить земли, и основать свой аул он делал давно. Еще в 1845, а потом в 1847 гг. Гадо просил у главнокомандующего армией на Кавказе князя Воронцова массив у Челеметова кургана. Тогда ему отказали в этом, мотивируя тем, что просимая им земля уже принадлежит алдарам Шанаевым из аула Брут.

И все же просьба Тхостова была «уважена» в 1853 г. Пяти дворам Тхостовых и 12 дворам их кавдасардов на юго-восточной стороне аула Тулатова власти отвели в «потомственное владение» 1125 дес. из земель бывшего Елизаветинского укрепления. Жилища новых переселенцев располагались отдельным кварталом. Вновь прибывшие же алдары называли его не иначе как аулом Тхостовых.

Аул Беслана рос медленно. Видимо, личность Беслана пугала многих крестьян. Молва о его крутом нраве, необузданной жадности, стремлении к наживе за счет других, о мытарствах подвластных ему крестьян доходила до отдельных районов Осетии и потому никто не решался обосноваться в его ауле. В 1850 г. здесь было 34 двора, в 1866 – 62, в 1880 – 107, в 1886 – 168, в 1900 – 249 и в 1917 г. – 395 дворов.

КАК БЫЛО ОСНОВАНО СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ

С Владикавказом связана история возникновения еще одного селения – Михайловского. На карте Осетии оно появилось в марте 1867 г.

С самого начала пореформенного периода Северный Кавказ сделался объектом широкой гражданской колонизации. Быстрое внедрение капитализма в горскую жизнь и ломка старых патриархально-феодалных устоев общественного развития поставили перед центральным правительством проблему экономического его освоения. Сразу же после окончания Кавказской войны, кавказское начальство поспешило обратиться к императору Александру II с предложениями, главный смысл которых сводился к следующему: широко открыть двери на Кавказ для колонистов из внутренних губерний России, привлечь капитал, который бы «силою своею, оживлял сельское хозяйство, торговлю и рынки».

Краевые власти разработали специальный план колонизации. Наместник Кавказа великий князь Михаил Романов представил царю докладную записку, в которой не без основания подчеркивалось, что колонизация края в пореформенный период приобретает «государственное значение». Автор записки предлагал привлекать сюда большие массы колонистов.

Под видом экономического освоения Северного Кавказа царизм и кавказская его администрация всемерно содействовали расхищению огромных земельных массивов коронованной и некоронованной знатью. В Ставропольской губернии, в Кубанской и других областях края огромные пространства земли, оставшиеся после массового переселения коренного населения в Турцию, стали свободным колонизационным фондом государства, служили хорошей приманкой для спекулянтов и всяких буржуазных дельцов – авантюристов. В их руках горская земля сделалась предметом купли и продажи, предметом всевозможных махинаций. Обилие пахотной земли, сенокосных угодий, пастбищ, дешевизна земли были прекрасным условием для образования здесь капиталистического производства вообще, и крупного капиталистического земледелия, в особенности. Не совсем доверяя отечественной буржуазии в поднятии капиталистического «культурного земледелия», правительство возложило выполнение данной миссии на Кавказе на иностранцев, особенно на немцев, как проживающих в России, так и в самой Германии.

Усиленно добиваясь разрешения на поселение, немецкие колонисты буквально осаждали как кавказскую администрацию, так и имперские учреждения с просьбами об отводе им земли для образования колонии. Так, в

разных районах Северного Кавказа в 60–80-х гг. XIX в. возникло свыше 25 немецких колоний.

В 1885 г. в газете «Новое обозрение» известный публицист Я. Абрамов писал: «Как известно, с Северного Кавказа выселены в Турцию в огромном числе горцы разных племен. Зато край приобрел новых поселенцев – немцев, эстонцев, молдаван, болгар, чехов и даже албанцев и черногорцев. В абсолютном большинстве случаев все эти поселенцы являлись при пособии казны и получали даровые и в чрезмерном количестве земли. Особенно много хлопот было с немцами. На них смотрели как на носителей высшей культуры, могущих осчастливить край и его население. Ввиду такой важности предполагаемой роли немцев, на них изливались всяческие блага».¹

В Терской области, где местное население (осетины, ингуши, чеченцы и др.) испытывало исключительное малоземелье, также происходила интенсивная колонизация. Даже во Владикавказском округе «со своим всеобщим малоземельем и безземельем» было образовано в течение всего пореформенного периода, в 60–90-х гг. XIX в., несколько десятков русских хуторов и немецких колоний.

Раньше всех образовалась Владикавказская немецкая колонка. Вопрос о поселении немецких колонистов в окрестностях Владикавказской крепости возник вместе с предложением о преобразовании этой крепости в город. Первым этот вопрос поднял командующий левым флангом Кавказской военной линии Н.И. Евдокимов перед наместником Кавказа князем М.С. Воронцовым. Он в 1854 г. писал последнему, что «полезно было бы поселить близ вновь учреждаемого города до 30 семейств колонистов с отводом им земли по 15 дес. на семейство».² Позже, когда в 1859 г. в главном управлении наместника кавказского был составлен проект положения о будущем городе Владикавказа и был «представлен на замечание графу Евдокимову», последний¹ специальным рапортом в Тифлис опять просил уже нового наместника фельдмаршала Барятинского о «поселении в пределах города 30–40 дворов немецких колонистов, «которые бы примером своего усовершенствованного хозяйства могли иметь благотворительное влияние на улучшение в крае сельского хозяйства и вообще на развитие всего края».³ Для этой цели генерал Евдокимов предлагал вызвать через правительство немецких колонистов из внутренних губерний государства или из самой Германии, при этом непременно из числа гернгутеров, так называемых «моравских братьев», которые отличаются, как утверждал Евдокимов, «хорошими правилами нравственности и необыкновенным трудолюбием».⁴ В том же рапорте он впервые высказал свое намерение о переселении Владикавказской станицы в Тарскую. Станица эта, как уже стало известно, была поселена во Владикавказской крепости на ее западном форштаде, рядом с осетинским аулом Тулатов в 1838 г. Располагалась она на левой стороне Терека, вдоль его берега в пространстве казармы Тенгинского полка, на севере, нынешняя улица Орджоникидзе – на юге. В 1844 г. здесь насчитывалось около 127 дворов, где проживали казачьи семьи. Вопрос о переводе Владикавказской станицы в Тарскую встал перед кавказскими военными

¹ Новое обозрение. № 407. 1885.

² ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 70. Д. 33. Л. 3.

³ ЦГИА Гр. ССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 186.

⁴ ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 70. Д. 33. Л. 3.

властями в период заложения новой военной кордонной линии по реке Сунже. Сунженская линия и заселение ее четырьмя казачьими станицами в 1850–1859 гг. В этих четырех станицах, согласно «высочайшему повелению», предполагалось поселить около 1200 казачьих семейств. Казаки, поселенные на Сунже, составили второй Владикавказский казачий полк. Цель, которую преследовали правительство и местная администрация при заселении казачьих станиц на Сунже, совершенно недвусмысленно была определена в проекте-плане генерал-лейтенанта С.Я. Гурко «О казачьем поселении на Сунже», представленном в 1853 году. «Поселение здесь станиц, – писал он, – было бы чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношении для успокоения всего края».¹

Самой южной станицей здесь стала Тарская, куда в 1861 г. были переведены жители Владикавказской станицы. Этими землями, которые были раскинуты по обоим берегам Терека, предполагалось наделить будущих немецких колонистов.

Наместник и главнокомандующий армией Барятинский в принципе одобрил идею, содержащуюся в рапорте графа Евдокимова в 1859 г., только добавил, что «к осуществлению ее следует приступить тогда уже, когда последует высочайшее повеление об учреждении города Владикавказа».²

Правительственное постановление о преобразовании крепости Владикавказ в город «было удостоено высочайшей подписи» 31 марта 1860 г. Во втором пункте «Положения» о городе говорилось о наделении последнего соответствующей нормой земельного надела. По этому вопросу завязалась переписка между местной и высшей кавказской администрацией. План Евдокимова был таков: наделить город количеством земли 6985,5 десятин исключительно на правой стороне Терека.³ Главное управление наместника кавказского настояло на том, чтобы количество городской земли было ровно 7000 дес. и непременно на правом и на левом берегу Терека.

Во время этой переписки (апрель – июнь 1860 г.) во Владикавказ в июне 1860 г. прибыли 6 человек, поверенные от 50 семейств немецких колонистов из Саратовской губернии⁴ (из колонии Таловки) и сообщили генералу Евдокимову, что они прибыли по предложенному им правительственным чиновником предложению переселиться на Кавказ и что хотели бы они ознакомиться с условиями на месте и непременно увидеть своими глазами будущую свою землю. Граф Евдокимов на основании своих предложений немедленно (23 июля) вошел с представлением об этом к наместнику и просил разрешения поселить означенных колонистов на левом берегу реки Камбилеевки против недавно образовавшейся Камбилеевской станицы (в 6 верстах от города), с отводом земли им по 50 дес. на каждое семейство, т. е. 2500 дес.

«Но князь Барятинский, – читаем в архивном документе, – находил несравненно более для колонистов удобным и для города выгодным поселить их в черте города»⁵ и наделить их из 7 тыс. дес. городской земли.

¹ ЦГА СОССР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 109. Л. 21.

² Там же. Ф. 11. Оп. 70. Д. 33. Л. 3 об.

³ Там же.

⁴ В Саратовскую губернию немцы переселились из Моравии и Саксонии в 30–40 годах XIX века.

⁵ ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 70. Д. 33. Л. 4.

Причем, немецкие колонисты должны быть поселены в обеих частях города: 30 семейств на правом и 20 семейств на левом берегу Терека, с отведением для первых 1500 дес., а для последних 1000 дес. земли. Переписка по этому вопросу опять затянулась с июля 1860 г. по апрель 1861 года. Поверенные немецких колонистов из Саратовской губернии, «обидевшись из-за этого», уехали к себе на родину. Администрацией в апреле 1861 г. были приглашены новые колонисты из той же Саратовской губернии. Правда, эти колонисты были приглашены кавказским начальством несколько раньше для поселения их в Пятигорском округе.

Колонистов поселили в апреле 1861 г. на северной окраине города на обеих сторонах Терека, как предписывал наместник. Сперва поселилось 19 семейств, затем прибавилось 12, а позже еще 13. Городские власти командировали топографа Васильева, который и прирезал им землю 1000 дес. – на левом 1500 дес. – на правой стороне Терека. Позже, в 1862 г., все колонисты по разрешению главнокомандующего армией «для большего удобства» поселились на одной правой части города и образовали Владикавказскую немецкую колонию. Число семейств в ней до 1865 г. часто менялось от 40 до 49. Одни уезжали, другие приезжали. С указанного года это число, наконец, стало постоянным – 43 семейства. Однако, землей пользовались в количестве 2500 дес., т. е. на двор приходилось не 50 дес., а гораздо больше. Кроме того, правительство оказало колонистам денежную помощь: при поселении каждая семья колониста безвозмездно получила 100 руб. от государства, т.е. всего 4300 руб. О хозяйственных занятиях жителей Владикавказской немецкой колонии современник, не раз посещавший их, писал: «Хлебопашеством занимались мало, засевая от 2 до 5 дес. разного рода хлебом, разводили табак, садили картофель и капусту, но в самых небольших количествах. Что касается до скотоводства, то не более 3 человек имеют до 25 штук, остальные от 2 до 10 штук, а некоторые и того меньше.

Садоводством же вообще не занимаются. Домов деревянных имеется 11, прочие – плетеные и турлучные, и два колониста вовсе домов не имеют. При такой скудности занятий хлебопашеством и скотоводством они не только не обрабатывали всей земли, указанной им на правой стороне Терека, но значительную часть таковой отдавали под пастбища табунов туземцев, а скошенное сено иногда продавали обывателям города».¹

Шли годы, а немецкие колонисты не показывали своего «улучшенного и усовершенствованного хозяйства». Больше того, в 1865 г., специально командированный из областного правления чиновник после ознакомления с жизнью, бытом и хозяйственной деятельностью владикавказских немецких колонистов, докладывал начальнику Терской области генерал-адъютанту Лорис-Меликову: «Вообще же хозяйство их... не только с течением времени не улучшается, но, напротив, с каждым годом упадает. Причин тому очень много. Прежде всего, явная леность к труду одних, привычка блуждать по разным местам Кавказа – других, и собственная небрежность к охранению своего двора и имущества – третьих».² Другой современник писал: «Поля колонистов находятся в таком печальном положении, что они положительно привели в ужас посетивших их. Сорные травы разрослись

¹ ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 70. Д. 33. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

так, что' нередко делают невозможную уборку хлеба. Поля соседних станиц казачьих и аулов туземцев представляются несравненно лучшими»...¹

В 1865 г., по правительственному указу к городу Владикавказу присоединились две новые две слободки: Тенгинского полка и Восьмого линейного батальона, а также по распоряжению кавказского наместника к городу были причислены 50 освободившихся в Ирыкау осетинских семейств. Расширилась площадь города, выдвинулись вширь городские границы, значительно увеличилось и количество жителей в нем. Соответственно должен был увеличиться надел городской земли. Местные власти решили отнять у немецких колонистов часть их земли и довести ее размер с 2500 дес. до 1250 дес, т. е. 15 дес. на душу и только на одной правой стороне Терека.

В связи с этим возник вопрос о переселении колонистов в другое место, ибо последние очень часто обращались с жалобами не только в областную администрацию, но и в кавказскую, о частых потравах их полей скотиной жителей города. В 1866 г. наместник дал свое согласие начальнику Терской области о переселении Владикавказской немецкой колонии из города. Колонисты протестовали против такого намерения начальства. В адрес начальника области пошли жалобы и просьбы от колонистов не переселять их, оставить в городе. Но власти были непреклонны, настойчиво настояли на своем. Для нового поселения колонистам было указано место в девяти верстах севернее города, на месте бывшего Потемкинского военного поста. Переселение же свершилось весной 1867 г.² Так образовался на карте Осетии новый населенный пункт из жителей немецких колонистов.

21 мая 1876 г. жители немецкой колонии обратились с просьбой к начальнику области, чтобы он поддержал ходатайство общественного схода колонии о переименовании ее в село с названием «Михайловское» или «Михайльдорф» в честь имени великого князя наместника кавказского Михаила Николаевича. Генерал Лорис-Меликов сопроводил просьбу колонистов в Тифлис, откуда вскоре пришел ответ, что «его императорское высочество наместник на ходатайство общества колонистов об именовании колонии «Михайловской» соизволил согласиться».

Наш очерк о немецких колонистах будет неполным, если не закончим его словами вышеупомянутого публициста Я. Абрамова, что «никакого культурного влияния на окружающее население немецкие колонисты не оказали. Самодовольные, сомнительные, надутые, они смотрят с пренебрежением на представителей других местных национальностей, как на какие-то низшие существа, не входят с ними ни в какие общения, кроме самых необходимых». Так, что никакой «культурной миссии» в крае колонисты не выполняли. Скорее, наоборот.

¹ Новое обозрение. № 410. 1885.

² ЦГА СОССР. Ф. 11. Оп. 57. Д. 2977. Л. 1.

К 150-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ СЕЛЕНИЯ ЭЛЬХОТОВО

Историю селения Эльхотово целесообразно начать с характеристики местности, на которой оно основано. Историческое и географическое название этой местности неоднозначно. На страницах исторических журналов и книг, географических картах оно зафиксировано как Татартупское ущелье, Эльхотовское ущелье, Эльхотовские ворота. У осетин же это место издавна называлось «Теснина Арги» или «Теснина природы» (Ардзы нараг). Да и само значение всех этих наименований точно до сих пор не установлено. Слово «Татартуп» в литературе имеет около десятка толкований: «Татарский стан» (М.А. Караулов), «Стоянка татар» (Н. Семенов), «Татарский холм» (Е. Войденбаум), «Татарское возвышение» (А.Дз. Цагаева), «Город татар» (И. Гюльденштедт, Ю. Клапрот) и др. Есть у этой местности еще одно весьма распространенное наименование – Дзулат (Джулат, Жулат, Джулад, Дзилат, Юлат). По-осетински же – Дзлаты ком (ущелье Дзлата). Как уже сказано, у осетин есть еще одно название данной географической местности, которое также с трудом переводится: Арджи нараг (Теснина Арги). Предполагают (например, А.Дз. Цагаева), что Арги – чье-то имя или название какой-то народности. Может, вернее Ардзы нараг (Теснина природы)? Здесь действительно тесно всему: и природе, и человеку. «Кажется дальше нет пути!» – воскликнул путешественник, побывавший здесь в середине XVIII в. Долгие споры идут между специалистами и о значении слова «Елхот». Одни переводят его как «Осетинское селение» или «Селение осетин» (Т.А. Гуриев), другие – «Место поселения», «Место урочища» (А.Дз. Цагаева), «Аул Элых» (К. Кайтов). Мы, безусловно, разделяем мнение профессора А.Дз. Цагаевой.

Несколько слов о геологическом происхождении этой теснины природы. Наука объясняет, что Терек с притоками накапливал свои воды в гигантской природной чаше, называемой Владикавказской котловиной. Со временем образовалось огромное пресноводное озеро. Прорвав в этом месте горы, вода устремилась в Каспийское море: На месте же «прорыва» природа образовала ущелье – «Теснину природы».

Ардзы нараг с памятных времен имела исключительно важное торговое-экономическое и военно-стратегическое значение. По существу, выполняя функции преддверья Дарьяльского и Алагирского проходов через горы, место это всегда составляло предмет живейшего интереса не только у близко, но и у далеко живущих народов.

В эпоху средневековой Алании на этом месте выросло большое аланс-

кое поселение, известное в литературе под названием «Дедаково». Удобное и выгодное расположение Дедакова обусловило его быстрое торговое, ремесленное и военное развитие. В настоящее время ученые располагают достаточным количеством исторического материала, который позволяет характеризовать Дедаково довольно развитым, густонаселенным средневековым городом со множеством зданий и общественных сооружений, снискавший в русских летописях степень славного («Славный яский град Дедаково»). Это, пожалуй, единственный из разрушенных и уничтоженных монголами аланских городов, месторасположение которого доподлинно стало известно потомкам. «Вопрос о локализации Дедакова, разрушенного в 1278 г., – писал Е.И. Крупнов, – следует считать решенным. Верхний Джулат – это и есть Дедаков»¹, – заключал он.

Дедаково монголами был разрушен до основания, выжжен и сравнен с землей. Но тогда остается загадка: как уцелели здесь несколько христианских аланских церквей, здания которых до конца XVII начала XVIII в. сохранились, как свидетельствуют очевидцы, довольно «в живом виде»? Можно только предполагать, что правители татаро-монгол верно оценили выгодное положение этой местности. В общем-то терпимо относившиеся, как доносят источники, к другим религиям, монголы решили превратить этот район – в один из культовых опорных пунктов Золотой Орды на Северном Кавказе; создать здесь своеобразную святыню. Больше того, силами пригнанных сюда многочисленных пленных началось строительство нового большого поселения. Рядом с христианскими церквями воздвигаются мечети и минареты. Таков, видимо, один из эпизодов строительства при Тамерлане здесь двух Джулатов – Нижнего и Верхнего. Однако после распада Золотой Орды места надолго преданы запустению.

Важность района Татартупского ущелья в стратегическом и торгово-экономическом отношениях была также верно подмечена и русским правительством в самом начале его активной кавказской политики. Тем не менее, лишь только в начале последней четверти XVIII в. оно приступило к его освоению в интересах этой политики. В 1775 г. один из первых губернаторов Астраханского и Кавказского краев, «инициативный» П.Н. Кречетников, после подробного изучения этого района составил для правительства подробный доклад.² В нем он писал Екатерине II: «За нужное к сему прозорливейшему Вашего императорского величества разсмотрению доносить осмеливаюсь примечательные места в границах Малой Кабарды, состоящие по реке Тереку на противной от нас стороне, а именно урочище Татартуп, где старинный город с каменными развалинами и ныне имеет обветшалую христианскую каменную церковь... Места около сих мест, – продолжал он, – преизобильные, как плодородием земли, так лесами и лугами, вообще всем произрастанием и к поселению наилучайшая».

Автор докладной записки настойчиво советовал правительству Екатерины II, лично ей самой, что было бы «очень полезно для нашего дела» построить рядом с Татартупом город, где бок о бок жили бы русские и осетины. «Здесь сама местность на это просится», – восклицал губернатор. А «тот город расположился бы в самом сердце гор между территориями

¹ Социалистическая Осетия. 1969. 16 сентября.

² Материалы по истории Осетии. Т. 1. Орджоникидзе, 1933. С. 269–279.

Малой и Большой Кабарды, вследствие этого будущий город значительно обезопасил бы дорогу в Грузию». И, вообще, «Малая Кабарда (и Осетия в том числе – *Б.П.*) будет совсем в наших руках, да и Большая в лутчее обуздание немедленно придет». Кроме того, «тогда ближний способ возимесм и о Грузии помыслить, как ей быть..., ибо от Татартупа до Меретинских границ только два дня езды»¹.

В будущем, губернатор вокруг Татартупского города планировал «учредить горские села», в которые «вселивать добровольно выходящих из гор осетинских жителей..., делая те селения с таким укреплением, как наши казакские станицы уделаны». «Но необходимым поставляю, – заключал Кречетников, – чтоб во всяком таком селении начальник был наш и в каждом бы месте не меньше третьей части поселенных наших солдат. А всего лутче гусар и казаков, к какой последней службе и самой тамошней народ весьма склонен, что и может быть в подобие того, как и по Волге реке в новозаведенных станицах калмыки смешанно с казаками поселяютца, а тем самым их нравы, обычаи и язык истребица и лехко придут нечувствительным образом в существительные Вашему императорскому Величеству подданные, да и преобрящете на вечные времена все горы с их сокровищами».²

Доклад астраханского губернатора вызвал живейший интерес у императрицы. Она велела правительству и, в частности, Коллегии иностранных дел, изучить самым тщательным образом донесение Кречетникова.

Однако воплощению плана последнего в жизнь, в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств, не суждено было сразу сбыться. В конце 1775 г. сам Петр Кречетников был заменен в должности. Новый астраханский губернатор И.В. Якобий отличался от своего предшественника тем, что «невоенным делам своей службы» он почти не уделял внимания. Только через семь лет, в 1782 г., в бытность первого кавказского губернатора П.С. Потемкина, в местности Татартупского ущелья вблизи Минарета приступили к строительству военного укрепления. В конце следующего 1783 г. строительство было завершено. Новое укрепление назвали Потемкинским, в честь графа П.С. Потемкина, племянника всесильного при дворе Екатерины II князя Г. А. Потемкина.³

О ходе строительства военного укрепления осетины всех ущелий знали с первых же дней. Многие из них настойчиво просили русские военные власти дозволить им переселиться к Татартупу.⁴ Просьба горцев была удовлетворена. Уже в 1784 г. в Потемкинском укреплении проживало более полсотни осетинских семейств. Они составили основное население военного укрепления. Переселенцы же из Дигорского ущелья обосновались отдельным поселением около укрепления.⁵

Однако осетинским поселенцам не долго пришлось пользоваться благами этой «преизобильной» местности. В последнем десятилетии XVIII в.

¹ Материалы по истории Осетии. Т. 1. Орджоникидзе, 1933. С. 271.

² Там же. С. 272–273.

³ Там же. С. 273,

⁴ Подробно о них: Потто В. Кавказская война. Спб. 1896. Ч. 1. С. 132–147. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе. 1984. Ч. П. С. 401–403.

⁵ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб. 1886. Ч. 1. С. 242; Ларина В. Очерки истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе. 1960. С. 71.

для царской России на Кавказе сложилась крайне неблагоприятная обстановка. У правительства не оставалось другого выхода, кроме как вывести свои войска из Грузии, Осетии и Кабарды и отодвинуть их на север. Вслед за уходом войск были упразднены и военные укрепления, крепости, сначала Владикавказская, затем Потемкинское и другие. «Предав огню все строения, гарнизоны этих крепостей перешли в Моздок».¹ Эти места находились не занятыми около 15 лет. Лишившись друзей и заступничества, ушли обратно в горы и горцы-осетины. Случилось это в 1786 г.²

Хотя русское правительство и согласилось с требованиями внешних сил скрыть свое военное укрепление на территории Татартупского ущелья, оно никогда не предавало забвению эти места. Всегда думало об усилении района Татартупа. Такова была его политика по отношению к Кавказу, с каждым годом, начиная с 1800, становившаяся все активнее и наступательнее. Без этого, без крепкой и сильной опоры на Татартупе и у входа в Дарьяльское ущелье нельзя было не только успешно продвигаться все дальше и дальше на юг, но и осваивать приобретенные территории, обеспечивать с ними систематическое сообщение и связь и, таким образом, упрочить свое влияние здесь.

В новых условиях значительно возросло значение известной с древнейших времен дороги через Главный Кавказский хребет. Эта дорога после присоединения Грузии к России в 1801 г. стала единственно кратчайшей, главной и постоянной артерией, связывающей Россию с Грузией, а через последнюю и со всем Закавказьем.

Военно-стратегическое значение дороги превалировало над всеми ее достоинствами, и поэтому постройка, укрепление и содержание ее в первое время были возложены на военное ведомство. Отсюда и возникло название — «Военно-Грузинская дорога», которое уже в те времена вытеснило ее другое название — «Александров путь» в честь императора Александра I. Позже Военно-Грузинская дорога, помимо стратегического, приобрела почтовое, затем резко возросло торгово-экономическое ее значение.

Отметим, что до 20-х гг. (XIX. — *Ред.*) прошлого столетия дорога эта брала свое начало с Моздока. На 95-верстном расстоянии до Владикавказа она проходила по территории правого берега Терека и для обеспечения безопасности на этом отрезке дороги еще в 1783 г. на самых уязвимых ее местах были построены четыре военные укрепления: Константиновское, Григориополисское, Елизаветинское и Камбилеевское. Строительство их шло одновременно с Потемкинским.³

Первое из них расположилось по северной покатости Кабардино-Сунженского хребта, на берегу речки Псыдах. Называлось оно Константиновское. Второе — Григориополисское укрепление располагалось против перво-

¹ Ларина В. Очерки истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе. 1960. С. 71.

² Терские ведомости. №16. 1885.

³ Все указанные военные укрепления давным-давно разрушены, смешались с землей и преданы запустению. Лишь бывшее Камбилеевское укрепление составляет счастливое исключение. Все его постройки: башня, жилища, хозяйственные постройки сохранились до наших дней. Здания старинного военного укрепления расположены у самого моста, на правом берегу реки Камбилеевки.

го, по уже на южной стороне хребта и на расстоянии 3–4 версты от первого. Позже, в 1835 г., западнее от него осетинами было основано селение Заманкул. Расстояние между военным укреплением и осетинским аулом не составляло более получасовой езды верхом. Военное укрепление Елизаветинское располагалось на берегу реки Камбилеевки в полуверсте южнее от современного селения Зилга. Последнее, четвертое укрепление обосновалось также на Камбилеевке и потому получило название – Камбилеевское. Это в том самом месте, где вторая, более поздняя дорога из Моздока до Дарьяльского ущелья, переправлялась через указанную реку.¹ В 1823 г. Военно-Грузинская дорога была перенесена на левый берег Терека, и сделал это командир Отдельного кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов. С этого времени значение старой Моздокской дорога упало. Интенсивность движения по ней резко сократилось. Утратили былую значимость и вышеупомянутые укрепления. С этого времени стала угасать и звезда города Моздока. Первенство перешло другому городу – Екатеринограду. Теперь дорога начиналась отсюда и на 105-верстном расстоянии шла по территории Кабарды и Осетии. Ермолов придавал исключительное значение охране дороги. Именно этими соображениями был продиктован ее перенос с правого берега Терека на левый. Ермолов почему-то отдавал предпочтение левобережью, хотя до середины 20-х гг. XIX в. его территория в пределах Осетии была освоена чрезвычайно слабо. У дороги не было ни одного осетинского аула, за исключением Дзауджикау, Ирыкау и трех аулов на р. Гизельдон, поэтому, вдоль этой дороги, для ее охраны от Владикавказа до Екатеринограда с 1823 по 1829 г., по примеру правого берега, было построено множество новых военных укреплений, из которых на территории Осетии расположились: Архонское, Ардонское, Дур-Дурское, Минаретское, Урухское и в Кабарде – Аргунское, Пришибское, Заречное, Нальчикское.

Не трудно заметить, что при строительстве упомянутых укреплений военные власти не упустили из виду безопасность движения по дороге в районе Татартупского ущелья. На сравнительно узком участке ущелья было построено три укрепления – Дур-Дурское, Минаретское, Урухское, а чуть позже – казачий пост Змейский.

Кроме этого, Ермолов планировал привлечь к охране дороги осетин и кабардинцев. С этой целью с середины 20-х гг. началось стремительное заселение левой части Владикавказской равнины осетинскими селениями. К началу 30-х гг. горцами-переселенцами здесь основано более 20 аулов.

До поры до времени такие меры правительства, его кавказской администрации вроде бы обеспечили желаемую безопасность движения по Военно-Грузинской дороге. Но с началом Кавказской войны обстановка на дороге круто изменилась. Она стала бесконвойной, тревожной, часто не контролируемой. Шамиль отлично был осведомлен о том, какое значение имеет дорога для снабжения правительственных войск оружием, боеприпасами, продовольствием и не раз пытался нанести удар своему противнику именно здесь. «С весны 1835 г., – читаем в документе, – стали часто прорываться партии горцев в наши пределы, вследствие этого необходи-

¹ Кавказской, строго говоря, самостоятельной дорогой, связывающей Моздок с Дарьялом, называть нельзя. Скорее всего это ответвление главной Моздокской дороги. Свое начало оно брало с Григориопольского укрепления и шло на юго-восток (до соединения с другой дорогой, с 1810 г. называемой Назрановской).

мость заставляла усилить воинские посты и казачьи команды, расположенные на Центральном тракте».¹

Так с середины 30-х гг. вопросы охраны Военно-Грузинской дороги, территории, по которой она проходила, снова оказались в центре кавказской политики правительства Николая I.

В условиях разворачивающейся войны с горцами нужны были дополнительные силы для охраны дороги, ибо как доносили в центр местные военные власти, – «при первом же взгляде на средства обороны дороги от набегов удобно видеть можно, что соразмерность пространства силы наши совершенно недостаточны»². Вот тогда и возникла идея формирования двух малороссийских казачьих полков и переброска их на Кавказ.

Указание же разместить эти полки именно на Военно-Грузинской дороге дал сам император осенью 1837 г., когда он «осчастливил Кавказ» своим посещением». Согласно программе маршрута Николай I прибыл на территорию теперешней Северной Осетии в октябре 1837 г. из Грузии по Военно-Грузинской дороге и следовал через Казбеги, Ларс, Владикавказ. По пути следования царь осмотрел войска и средства защиты дороги.

Сопровождавшие царя местные военные чины довольно подробно объясняли ему исключительное значение в военно-стратегическом отношении минаретского укрепления у Татартупа. Указывалось, что охрана дороги в районе Минарета была самой уязвимой. Поэтому в качестве вспомогательной силы военным укреплениям и казачьим постам испрашивалось разрешение поселить в этих местах несколько аулов из мирных горцев – осетин и кабардинцев.

Для чего же высшим кавказским властям понадобилось разрешение самого Российского императора, чтобы в Татартупском ущелье поселить аул из осетин? Ведь до этого уже бывали случаи, когда на подобное поселение осетин санкции давал сам кавказский наместник, а то и коменданты Владикавказа. Оказывается дело было в том, что все земли севернее Минарета принадлежали влиятельному малокабардинскому князю Тасултанову. Поэтому поселить здесь вольных крестьян из осетин можно было не иначе, как скупив их у владельцев, а для этого обязательно нужно было монаршее разрешение. За время проезда царя по Военно-Грузинской дороге и трехчасового привала в Минаретском укреплении генерал-адъютант барон Г.В. Розен вполне успел доложить ему свой давно вынашиваемый план «об усилении охраны Большой дороги от набегов хищнических партий горцев из-за Терека»³.

Предполагалось, например, заселить между Екатериноградом и Владикавказом вдоль Военно-Грузинской дороги, во-первых, военными поселянами, во-вторых, казачьими станицами, в-третьих, поселениями осетин и кабардинцев на правом берегу Терека. «На все сии предметы, – доносит архивный документ, – генерал-адъютант барон Розен испрашивал предварительно высочайшее государя императора соизволение»⁴.

Николай I в основном одобрил предложения своего наместника на Кавказе и велел с учетом «высказанных на сей счет замечаний, изложить все в виде докладной записки правительству».

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 286. Св. 843. Д. 14. Л. 174.

² Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссией. Т. 6. Ч. 1. С. 498.

³ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 225–230.

⁴ Там же С. 225.

Кстати, скажем подробнее о высказанных Николаем I «замечаниях» по поводу обстановки на Военно-Грузинской дороге и вокруг нее. Он, например, выразил недовольство тем, что жителям близлежащих осетинских аулов на обоих берегах Терека местные военные власти разрешали переходить Терек и дорогу в любое время и в любом месте. Царь лично наставлял барона Розена указать «туземным жителям для постоянного с обеих сторон переезда за Терек определенные пункты, по которым они должны пересезать реку в оба пути по своим надобностям, а в ночное время воспретить им вовсе переезд за Терек, и, противу того, кто будет пересезать эту реку в открытых местах, или же ночью, действовать вооруженною рукою»¹.

Категоричным было также требование монарха о том, чтобы в ближайшем будущем «аулы кабардинцев и осетин на Военно-Грузинской дороге и к ней прилегающие в семь и более верст расстоянием перевести за Терек (на правый берег Терека – Б.Б.), так чтобы все пространство дороги совершенно было населено одними русскими».²

Проводив своего высокого гостя до границы Кавказского края, барон Розен на обратном пути из Ставрополя в Тифлис собрал в резиденции владикавказского коменданта полковника М.С. Широкова все местное военное начальство и ознакомил его с теми мерами, которые велел срочно «осуществить государь император для устройства центра кавказской линии и обеспечения безопасности на главном тракте в Грузию».

Большие работы, например, предстояло выполнить и на правом берегу Терека. Приказывалось немедленно восстановить и значительно усилить все бывшие военные укрепления: Константиновского, Григориопольского, Елизаветинского, значение которых с середины 20-х гг. резко пало.

В районе Татартупа, тоже на правой стороне Терека, предполагалось поселить несколько осетинских и кабардинских аулов. Составление проекта подробной докладной записки для центрального правительства по этим вопросам Розен возложил на командира Владикавказского казачьего полка полковника И.Г. Стоцкого. Он отлично справился с поручением. В начале ноября 1837 г. представил корпусному командиру такой проект³.

После незначительных изменений докладная записка, в которой излагался проект поселения Владикавказского казачьего полка на Военно-Грузинской дороге и аулов из осетин и кабардинцев, за подписью барона Розена была отправлена в Петербург на имя военного министра А.И. Чернышева.

В ней отмечалось, что для поселения аула из осетин на противоположной от Минарета стороне Терека имеется одно существенное препятствие. Местность, как уже отмечалось, принадлежит крупному кабардинскому княжескому роду Тасултановых. С начала XIX в. род этот понес значительные потери и стал терять былое могущество. В роду Тасултановых не стало влиятельных и авторитетных представителей по мужской линии. В период, «когда Малую Кабарду повсеместно охватила чума, многие из Тасултановых также умерли».

¹ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 843. Д. 14. Л. 147.

² Там же. Л. 147.

³ ЦГА Гр. ССР. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-8.

Непосредственно земля, которая должна была отойти будущим жителям осетинского селения в размере около 8 тыс. десятин, составляла собственность малолетнего Мисоста Тасултанова. Автор докладной записки советовал правительству «купить их у 8-летнего Тасултанова за низкую цену» и отдать осетинам¹.

Против этой планируемой сделки между казной и малолетним князем, от имени которого выступала его молодая мать вдова – княжна Софья Тасултанова, выступил другой кабардинский князь, известный в кругах тогдашних кавказских властей майор Ислам Бекович-Черкасский, дальний родственник Тасултановых. Узнав о намерениях генерал-адъютанта Розена поселить вольный осетинский аул ниже Татартупского ущелья за Кабардино-Сунженским хребтом, то есть «на самом нашем пороге», Бекович-Черкасский предпринял отчаянные попытки сорвать это мероприятие. Он обратился с угрозой в адрес владикавказского коменданта Широкова, что если осетины будут поселены на Татартупе, то от этого «для русских на дороге возе не наступит спокойствие и мир». Затем лично сам предпринял поездку в Тифлис к главноуправляющему Кавказским краем Розену с целью убедить его больше «не ласкать осетин и не отличать их перед другими». Князь жаловался барону, что жители, поселенные им, Розеном, несколько лет тому назад из осетинского аула Заманкул на границе с его владениями, занимаются «ночным грабежом, угоняют скот и даже детей, истребляют лес, ему принадлежащий, от чего бывают великие с ними ссоры».

Домогательства Бековича-Черкасского и во Владикавказе, и в Тифлисе встретили решительный отказ. Тогда он обратился к правительству с прошением разрешить ему купить земли Тасултанова и учредить на них вмести осетинского аула Кабардинский с обязательством охранять дорогу в этом районе.

На прошении Бековича-Черкасского Николай I наложил резолюцию, смысл которой сводился к следующему: «Пусть Бекович-Черкасский купит часть земли Тасултанова и поселит на ней кабардинский аул, в котором будут жить его зависимые крестьяне, а на другой части Тасултановской земли, которую приобретет у него правительство, поселит непременно осетинский аул²».

Собственноручная же резолюция царя на докладной записке Розена буквально гласила: «Проект положения начертан, кажется, очень удовлетворительно. За сим остается приводить его в исполнение с должною настойчивостью, дабы не осталось на одной бумаге. Не тревожить при сем соседей, разве сами задирать будут и тогда сильно наказывать, не начиная на угад, а с определенною целью и с несомненным успехом»³.

Этот проект действительно внедрялся настойчиво и стремительно: О том, что он одобрен его величеством в Тифлисе и во Владикавказе стало известно уже весной 1838 г. Закипела работа по заселению вдоль дороги нескольких казачьих станиц, и военных поселений. Этим занималось в основном командование двух малороссийских казачьих полков. С другой стороны, комендант Владикавказа Широков через ближайших своих чи-

¹ ЦГВИА. Ф. 12454. Оп. 1. Д. 511. Л. 72.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6348. Л. 14–18 об.

³ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 1. Св. 842. Л. 4.

новников, прежде всего приставов участков в Осетии – Гокинаева, Гайтова и Шанаева, развернул разъяснительную работу в недавно поселенных равнинных осетинских аулах в пользу нового переселения в район Татартупа. На первых порах осетины более чем холодно отнеслись к этому предложению. Менять свои уже обжитые места на новые в Кабарде никто не хотел. Из поколения в поколение среди осетин передавалось, что соседство с феодальной Кабардой, с ее князьями и их узденями горским крестьянам кроме жизненных невзгод и социального порабощения ничего хорошего не принесет. Страшно было еще и потому, что предлагаемый район для поселения был очень беспокойным и опасным. Здешние места, по общему признанию людей, знакомых с обстановкой, были пристанищем банд воров, абреков, разбойников. «В те времена местность эта была очень неустойчивой. Нельзя было пройти, проехать свободно, не подвергнув свою жизнь опасности. Шаг нельзя было сделать, не рискуя»¹. Только смелые, мужественные люди могли согласиться здесь поселиться, да еще те, кто страшно любил землю, пашню, но ее не имел никогда.

Эту «крестьянскую слабину», свойство его души уловили и использовали агитаторы. Они объявили жителям Карджина, Шанаева, Иналова, аулов Дударовых на Камбилеевке, что основать аул из вольных осетин на Татартупе – это воля самого императора («паддзахы уынаффæ»), а посему земли, на которые будут поселены они, станут их потомственной собственностью. «Русский царь дарит в собственность земли на Татартупе тем, кто отважится поселиться там и будет те земли защищать», – так говорили представители местной власти крестьянам.

Именно это послужило верной приманкой, которая в конце-концов привела к тому, что в начале осени 1838 г. здесь, в «урочище Елхот», обосновались 88 семей, в основном из Карджина, Иналова (Хумалага) и других Дударовских аулов, расположенных к этому времени на берегах Камбилеевки. Отметим, среди первых элхотовцев не было ни одного переселенца с гор. Все бывшие жители плоскостных сел. «Лет 25 тому назад, – писали в 1863 году сами элхотовцы, – когда Владикавказский округ и смежные с ним земли были в опасности и в тревожном положении, по распоряжению главнокомандующего корпусом местное начальство вызвало охотников из мирных туземцев поселиться на самом опасном пункте и границе... под названием Элхот, с тем обещанием, что отведенная в границах земля останется поселившимся. Вследствие таковых предложений из разных плоскостных аулов переселилось нас туда 100 дворов² и поселились на оконечности ущелья к северному скату Кабардинских гор вблизи урочища Элхот»³.

Прежде чем окончательно дать согласие на переселение, осетины верхом несколько раз приезжали сюда с представителем местной власти и без него. Смотрели, примеряли, спорили вслух между собой, в чем-то убеждали друг друга. Тысячи раз себя спрашивали, прислушивались к внутреннему голосу: да или нет? да или нет? И он ответил: Да – да!

Кто же отважился на это? Из различных архивных документов, относящихся к истории Элхотово, нам удалось восстановить поименный спи-

¹ Новое обозрение. 1986. № 39.

² Первых поселенцев было не 100, это явная ошибка, а 88 семей.

³ ЦГА СОССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 753. Л. 62.

сок, без исключения, всех первопоселенцев. Вот они (фамилии и имена приводим по документам): Черкес Моргоев, Сафар Бодоев, Тамен Рубаев, Нафи Салбиев, Епре Салбиев, Тепса Салбиев, Бши Салбиев, Даго Милдзихов, Кавдын Милдзихов, Алдар Милдзихов, Саукудз Милдзихов, Доче Зиов, Аслан-джери Тотиков, Махамат Тотиков, Хасан Батиев (Батяев), Хаджи Ботиев, Хабо Батиев, Кавдин Доев, Инарико Рубаев, Сабан Рубаев, Тепса Рубаев, Гна Кубалов, Дота Карсанов, Тучи Едзоев, Гена Есенов, Асахмет Цомартов, Дзандар Дзгоев, Цуки Дзгоев, Иналдыко Кубалов, Темурко Кусов, Магомет Талинов, Асабе Тогузов, Даут Албегов, Хазал Албегов, Чехой Талинов, Магомед Габисов, Чермен Елоев, Тепса Габисов, Базарук Салбиев, Хло Кубалов, Гаджи Кубалов, Асахмет Кубалов, Хазар Тотиков, Хазби Карсанов, Дзабе Салбиев, Абкал Милдзихов, Муха Кубалов, Василий Салбиев, Кацу Хосонов, Мусса Кубалов, Дзабе Салбиев, Хадзали Албегов, Тасултан Елоев, Тета Габзиев, Ельзаруко Габзиев, Чехо Талинов, Пре Салбиев, Инус Албегов, Магомет Талинов, Ельмурза Салбиев, Гадзали Салбиев, Гури Чеджемов, Гуцы Салбиев, Бимболат Милдзихов, Ельмурза Доев, Гуркоко Габисов, Калцыко Тулатов, Гачи Есенов, Амзор Габисов, Асабе Бохов, Баборц Адыхаев, Мондза Богатиев (Богазиев), Алихан Тотиев, Асах Агнаев, Гасыр Урусов, Тего Едзоев, Тасултан Карсанов, Джетагаз Дзгоев, Дайка Козров, Татаркан Албегов, Илас Урусов, Кавдын Корзов, Цива Кусов, Бекмурза Кусов.

И стар и млад этих фамилий, засучив рукава, совместно, дружно взялись строить себе жилища. На первых порах строили дешевые турлунные дома, накрытые камышом, без окон, без дымоходов и полов. Тем не менее новосельцы не унывали. Ведь впервые им досталась земля, много земли, то, о чем они мечтали. На новом месте началась новая жизнь. День сменялся днем, год шел за годом – эльхотовцы жили трудной, опасной, тревожной жизнью. Трудились, чтобы жить, боролись, чтобы не умереть. Жили дружно: один за всех, все за одного. В этом дали друг другу клятву.

С годами жизнь входила в нормальное русло. Осетинским поселенцам земли досталось более, чем достаточно. На каждый двор было определено почти сто гектаров. Первые 10-20 лет землей пользовались на общинном праве. И пашня, и сенокос, и пастбища, и лес были общественными. Пахали вместе, сеяли, обрабатывали, убирали посеянное общими силами. Собранный же урожай делили поровну по едокам. Никто не претендовал на преимущество перед другими ни в правовом, ни в социально-бытовом отношении. Все переселенцы относились к фарсаглагскому сословию, следовательно, юридически все они были свободными крестьянами. Село так и называлось – фарсаглагское. Но после крестьянской реформы, с конца 60-х гг. в эльхотовской сельской общине, как и в других селах Осетии, произошла глубокая дифференциация. В Эльхотово появились богачи, своя сельская буржуазия, свои мироеды и, конечно, своя голытьба.

С самого начала своего поселения эльхотовцам часто приходилось выяснять свои отношения со своими вовсе немирно настроенными соседями. Постоянно шли тяжбы с Тасултановыми, Бекович-Черкасскими, то из-за границ земель, то из-за задержанного или краденного скота. Эти споры и ссоры часто перерастали в вооруженные стычки¹. Невзлюбили эльхотовцев

¹ ЦГА СОССРФ. 233. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–18.

их богатые соседи. Все делали, чтобы отомстить им, отравить им жизнь на новом месте. Изжить их отсюда. Чтобы разрядить обстановку, уладить натянутые отношения между эльхотовцами и феодалами, из Тифлиса, штаба кавказской армии, в 1839 г. был командирован сюда, в Эльхотово, подполковник М. Россилиони. Офицер этот, хотя и определил границы земель, «снял их на план», составил соответствующий акт, но на руки их эльхотовцам не выдал. Вообще вел себя как личный гость Тасулановых. Он у них остановился и жил около месяца, пока шла работа. Умная, хорошо знавшая русский язык, но хитрая мать малолетнего Тасуланова Софья Кайсиновна Тасуланова, все сделала, чтобы заслужить симпатии молодого подполковника, итальянца по происхождению, и восстановить его против крестьян. Поэтому он при разборе споров и конфликтов поддерживал их, а его «визит» существенного облегчения в положение эльхотовских жителей, в их отношения со своими богатыми соседями не внес. Правда, впервые было определено точное количество земли села – 8634 дес. 1159 саж.¹

Пограничные конфликты («земельная война») вскоре возобновились. Спор с Тасулановыми эльхотовцы вели бездоказательный. Границы их земли были указаны словесно, на руки Росилиони им не выдал никакого документа.

По существу, это же случилось при повторном межевании эльхотовских земель в 1842 г. специальной комиссией во главе с капитаном Горшковым. Она также не выдала на руки ни плана, ни акта межевания. Из документов видно, что комиссию эту назначил начальник Центра Кавказской линии. Сам Горшков служил в Кабарде и, как утверждали поверенные эльхотовцев, был в близких отношениях с князьями Тасулановыми и в особенности с Бекович-Черкасским. Поэтому при размежевании земель он значительно урезал границы владений эльхотовских жителей. В частности, они были лишены возможности пользоваться близлежащим лесом. Протестуя против таких действий капитана Горшкова, жители села при обмере поля, «отказались ему помочь, бросили его и ушли за аул». На следующий день Горшков доносил рапортом Владикавказскому коменданту полковнику Н.Н. Нестерову: «Вечером приходил ко мне старшина аула Нафи Салбиев и объявил, что у них отнимают самые лучшие места для их хозяйства и они имеют в этих местах, в ущельях Кабардинского хребта, свои кутаны, где держат летом и зимой баранов, составляющих главное их богатство, потому завтра подымаются аулом с жалобой к Вашему превосходительству»².

Поверенные депутаты села действительно совершили нелегкий по тем временам, путь во Владикавказ, где их принял сам полковник Нестеров, которому жаловались, что «за все время, пока они живут здесь, в урочище Елхот, потеряли из своих рядов убитыми до 300 человек за эту землю, она пропитана нашей кровью, а теперь ее отдают нашим притеснителям». Делегаты заявили, что если землю отнимут, то они здесь больше жить не будут³.

То ли подействовало на коменданта Нестерова, «главного начальника осетин», это грозное предупреждение, то ли от того, что владикавказские коменданты всегда поддерживали осетин в их тяжбах с кабардинскими

¹ ЦГА СОССР. Ф. 233. Оп. 1, Д. 2. Л. 2.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. С. 16.

феодалами, во всяком случае он жалобу эльхотовцев нашел, бесспорно, справедливой, «ибо, – писал он, – они переселены по распоряжению правительства, и ныне приносят нам величайшую пользу на теперешних своих местах»¹. «Я, – писал позже он, – к успокоению эльхотовцев дал предписание господину штабс-капитану Горшкову назначить им всю их землю и нанести на план, имея в виду со временем присоединить к ним еще несколько семейств»².

И, действительно, в 1847 г. Эльхотово приняло новых подселенцев: Кудаберда Мильдзихова и Сахмурза Дзгоева из Скуткоха, Созырко Хасва, Бимболата Хаева, Тотраза Албегова, Дзра Албегова, Сабока Албегова из Брута, Гуцари Бохова, Заурбека Бохова, Габона Бохова, Сека Бохова из Карджина, Елмурза Боева, Тбе Тотикова, Елмурза Ходонова из Ардона, Иба Агнаева из Бирагзанга, Савкудза Черджомова из Заманкула и Ислама Дзгоева из Санибы³.

В селе насчитывалось уже 100 дворов.

Следует отметить, что в дальнейшем так называемые «коренные жители», то есть первопоселенцы Эльхотово, с большой неохотой принимали новых подселенцев. Эльхотовцы целым миром восставали и против пришельцев и против тех, кто их им навязывал, считая, что землю им отвели по указанию самого императора, и, именно 100 семействам. Как око оберегали они размер подворного надела земли, не давали ему уменьшиться за счет увеличения числа дворов в селении. Кстати, заметим, что такая убежденность первых жителей селения Эльхотово, что именно они заслужили среди других жителей осетинских сел быть отмеченными самим царем, что только они удостоены этой чести, что только им дал лично монарх («Падзах») земли, что только их отобрали для выполнения особо важного правительственного поручения и т. д., сказалась негативным образом на психике и характере последующих поколений эльхотовцев. Существует много свидетельств современников о том, что «излишнее бахвальство, бросающая бравада..., претензия на исключительность в крови и плоти» стали отличительной чертой эльхотовцев. В 1856 г. по распоряжению местных властей в селение Эльхотово переселилось 57 безземельных семей из Алагирского общества – из Салугардана, Ардона, Бирагзана, Тамиска. Село не приняло их в силу вышесказанной причины. Бедные алагирцы были вынуждены обосноваться в двух верстах южнее Эльхотова, в местечке «Хариста» (Харисты архы был). Отселок «Хариста», или «Малое Эльхотово»⁴, как его еще называли целых десять лет, до 1866 г. нищенствовал на клочке удобной земли⁵. Эльхотовцы так и не подпустили его жителей к своей земле. Часть жителей «Хариста» переселилась обратно в горы, а другая половина влилась в поток переселенцев в Турцию в 1859 и 1864 г.

В этой связи нам хотелось бы добавить, что селение Эльхотово, также как и другие осетинские селения, меняло свое месторасположение. Первые поселенцы в Эльхотово для своего села избрали неудачное место. Урочище «Элхот», где в 1838 г. обосновались они, представляло собой местность

¹ ЦГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 511. Л. 119.

² Там же.

³ ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 6. Д. 753. Л. 6.

⁴ ЦГВИА. Ф. 13464. Оп. 1. Д. 369. Л. 110.

⁵ ЦГА СОССР Ф. 12. Оп. 6. Д. 753. Л. 21.

болотистую, с сырым, нездоровым климатом. Питьевая вода здесь была никуда непригодной, вызывала у людей неизлечимые кишечные заболевания. Умерло много людей, особенно детей. Эльхотовцы уже в 1844 г. стали просить местные власти о переносе села на другое место, и только через четыре года, в 1848 г., такое разрешение последовало. На этот раз избрали «Урочище Пши», расположенное на речке Псыгудз и стоящее в двух верстах от старого месторасположения.¹ Местность эта оказалась удобной и здоровой.

Какую обязанность эльхотовцам вменила военная администрация, поселяя их в Эльхотовском ущелье? Терек ниже ущелья суживается и здесь была, пожалуй, единственно удобная переправа через него. Эльхотовцы должны были охранять это место, не пропускать в этом районе на Военно-Грузинскую дорогу непокорных горцев с правого берега. Кроме того, защищать казачью станицу, Николаевскую, которая в 1838 г. располагалась на левом берегу, и казачий пост на реке Змейке. Состояние постоянной тревоги сделалось нормой каждого дня эльхотовских жителей. Работали ли они в поле, пасли ли они скот, находились дома ли, на коротком отдыхе, за завтраком, за обедом, ужином они должны были чувствовать рядом рукоять ружья. Одно поколение эльхотовцев завещало другому поколению это умение, это искусство находиться в постоянной готовности отразить нападение злоумышленников, защитить соседа, настичь воров и в ночной стычке отнять у них ворованный скот, лошадей, детей, девушек. Жизнь протекала в непрерывной борьбе за существование.

Ярким эпизодом, связанным с историей Эльхотово, было столкновение отряда Шамиля с русским отрядом в 1846 г. в Эльхотовском ущелье. Шамиль задумал смелый план: вторгнуться внезапно во Владикавказскую равнину, овладеть крепостью Владикавказ и преградить царским войскам сношения с Закавказьем по Военно-Грузинской дороге. Попытка его переправиться близ Эльхотовского селения через Терек не увенчалась успехом. И в этом немалая заслуга эльхотовцев².

¹ ЦГА СОССР. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

² Марков Е. Очерки Кавказа. М., 1913. С. 62.

ПЕРВАЯ ШКОЛА ДЛЯ ОСЕТИНОК-ГОРЯНОК

*Во все времена своего существования
школа пользовалась необыкновенной любовью
и доверием осетин.*

К. Л. Хетагуров

Общеизвестно, что во второй половине прошлого столетия Северная Осетия, сравнительно с другими областями Северного Кавказа, сделала значительные успехи в развитии народного образования. В 50-60-е годы она была единственным его уголком, где благодаря настойчивости передовой национальной интеллигенции практически был поставлен вопрос об образовании женщин.

Уже в мае 1857 г. во Владикавказе была организована первая женская школа при училище военных воспитанников Навагинского полка. Сюда поступали дети избранных – осетинской знати и русской военно-чиновничьей среды. Школа, разумеется, не могла сыграть заметной роли в деле просвещения женщин-горянок.

Подлинно народным стало другое учебное заведение – Владикавказская осетинская Ольгинская женская школа. Мысль о ней зародилась у видного осетинского общественного и культурного деятеля 40-60-х гг. – священника и педагога Алексея (Аксо) Колиева. Он открыл ее у себя на дому на свои средства. Помещалась школа на улице Тарской (ныне улица Цаголова). Ее появление относится к 1862 г. Начальная школа была рассчитана на 20 учениц. Принимались сюда исключительно девочки простого происхождения.

С необыкновенным упорством Аксо Колиев в течение нескольких лет самостоятельно вел основанную им школу, преподавал в ней все предметы, на собственные сбережения приобретал учебные пособия. Будучи решительным сторонником просвещения горцев, Колиев последние годы жизни посвятил любимому детищу.

Отец его Беса (Виссарион), житель Нара, являлся церковным старостой и, естественно, приложил максимум стараний, чтобы его сын тоже получил духовное образование¹. Действительно, Аксо стал первым осетином, который окончил в 1845 г. Тифлисскую духовную семинарию. Потом он работал инспектором и учителем Владикавказского духовного училища, был его смотрителем. В дальнейшем, работая на педагогическом поприще, одновременно исполнял обязанности священника².

При создании женской школы Аксо встретился со значительными трудностями материального и жилищного характера, но они его не испугали.

² Мах дуг. 1973. № 9.

¹ Там же.

Колиев был решительным сторонником повышения роли женщины не только в быту, но и в общественной жизни путем ее «христианского» просвещения.

Современники, близко знавшие этого человека, указывали что он руководствовался ясным положением: «Для воспитания нового поколения нужна прежде всего просвещенная семья, а следовательно просвещенная мать»¹

За четыре года Колиеву удалось превратить свою школу в первый очаг просвещения среди женщин Осетии. Учебное заведение быстро завоевывало симпатии среди горцев, стало очень популярным в аулах. Открытие школ во многих населенных пунктах Иристана (особенно для девочек) связано именно с ним.

Слава о школе Аксо не на шутку встревожила царскую администрацию Терской области. Она всячески стремилась сделать образование достоянием привилегированного класса и поэтому чинила всяческие препятствия девушкам из бедных семей.

В 1866 г. школа Колиева была взята под попечительство «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», которое сразу же переименовало ее в «Ольгинскую» – в честь великой княгини Ольги Федоровны, жены царского наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича. Эта особа и стала личной попечительницей школы².

Совет «Общества», хотя и отпустил в 1867 г. на содержание школы 8 тысяч рублей и разрешил увеличить контингент учениц (в связи с преобразованием школы в трехклассную)³, все же постарался придать этому учебному заведению нужное ему направление. Оно стало сословным. Заметно изменилась и программа. Сократился курс общеобразовательных предметов. Главное внимание было сосредоточено на изучении катехизиса, закона божьего и т. д. Основными «учебниками» стали «Жития святых», «Жизнь Николая-чудотворца», «Утешение в смерти», «Земная жизнь Христа».

Преследуя, главным образом, миссионерские цели, совет «Общества» и администрация области всячески старались не допустить и школу дочерей простых горцев, особенно другого вероисповедания.

Вот какие данные приводятся в отчете «Общества» «О Владикавказской Ольгинской женской школе за 1868–1869 гг.»:

Если в 1866 г. в ней обучалось 67 девочек, преимущественно из бедных горцев, то через два-три года дочерей дворян и чиновников уже насчитывалось 33, купцов и «почетных граждан» – 11, «нижних чинов» – 14 и мещан – 16⁴. Стало быть, сюда уже не могли попасть дети несостоятельных родителей.

Администрация области пошла еще дальше. Будучи ярой противницей просвещения, она посчитала, что слишком много средств расходует на обучение девочек, которым «грамотность вообще не нужна»⁵. В 1870 г. число воспитанниц сократили до 49, а в 1872 – до 21. Над школой нависла опасность ее закрытия.

¹ Терские ведомости. 1909. № 3620.

² А. Колиев умер в 1866 г., в возрасте 43 лет, от воспаления легких.

³ Кавказ. 1896. № 906.

⁴ Архив СОНИИ. Ф. 10. Отдел истории нар. обр. Д. 464. Л. 3. С. 31.

⁵ ЦГА Гр. ССР. Ф. 1066. Д. 4.

Это не могло не встревожить широкие слои осетинского народа, особенно прогрессивную интеллигенцию, чутко следившую за судьбой школы. Передовые люди области подняли свой голос в ее защиту. В управление начальника области, а также на имя наместника посыпались жалобы, заявления, протесты осетин. В них содержались требования изменить отношение к единственному женскому учебному заведению, расширить количество учащихся, изменить содержание обучения, улучшить условия быта воспитанниц.

Столь решительные выступления общественности позволили не только сохранить школу, но и заставили царскую администрацию преобразовать ее в 1874 году в гимназию с пансионом для воспитанниц. В последнем содержалось 25 девочек из общего числа 54.

Следует отметить и тот факт, что уже к концу 70-х гг. школа подготовила немало квалифицированных преподавательниц из числа девушек-осетинок, из которых некоторые стали преподавателями этой школы. Среди осетинского народа школа благодаря им стала не проводником православия, а «рассадником положительных знаний». Популярность женской гимназии среди населения еще больше возросла. «Осетины сроднились с этой школой», – писала в 1885 г. газета «Терские ведомости».

Подобный оборот дела пришелся явно не по вкусу высшим кавказским духовным властям. В 1886 г. совет «Общества восстановления православия» и царская администрация предприняли вторую попытку закрыть или, в крайнем случае, перенести школу из центра города на окраину, надеясь на то, что осетины не разрешат так далеко ходить своим дочерям. Но получилось все наоборот. Классы стали посещать на 15 человек больше. Тогда духовенство пошло на сокращение (в который уже раз!) бюджета школы из числа педагогов. В 1889 г. число гимназисток составляло 33 человека, а сумма отпускаемых на их нужды денег сократилась против прежней вдвое. Усложнились условия обучения детей. Курс осетинского языка был значительно «поджат». Учебники стали издаваться только на русском и старославянском языках. Библиотека наводнялась литературой духовного содержания. От учителей категорически требовали перестать разговаривать с ученицами на их родном языке. Прогрессивно настроенные педагоги стали получать в год до 120 руб. зарплаты вместо прежних 180 руб. И уменьшенную сумму начали выдавать в три приема.

Совершенно невыносимым оказалось материальное положение воспитанниц в приюте. Одевали и обували их очень плохо. Девочки жили и занимались в неотапливаемых помещениях. Неудовлетворительным было и питание.

И опять новый сюрприз властей! В 1890 г. совет «Общества восстановления православия на Кавказе» опять решил закрыть осетинскую школу или перевести ее в Закавказье, мотивируя это тем, что она перестала служить «святым целям общества»¹.

Вся Осетия выразила свое негодование против такого произвола. Во многих селах прошли сходы и собрания, на которых принимались «приговоры» с требованием сохранить в Осетии женскую школу. 17 июня 1893 г. жители села Ольгинское записали в своем решении: «До сведения нашего

¹ Духовный вестник. 1891. № 4.

общества дошли слухи, что Владикавказский осетинский приют переносится в Закавказье. Северные осетины 30 лет ощущали благотворное влияние этой школы на всю свою жизнь. В особенности усилилось это влияние за последние годы, многие воспитанники этой школы заняли места учителей в мужских и женских школах. Уничтожение этой школы крайне печально отзовется на духовно-нравственной жизни осетин, а потому мы, жители с. Ольгинское, отцы и дети которых были участниками при создании этой школы, решили ходатайствовать перед правительством об оставлении школы в г. Владикавказе, как памятника и лучшего светоча просвещения среди горских племен Северного Кавказа»¹.

Осетинская интеллигенция во главе со своим идейным вождем К.Л. Хетагуровым, возмущенная новым произволом властей, вновь открыто встала на защиту школы. На страницах газет области, края и столицы появились их гневные статьи. Наконец, группа осетин, в которую входили К.Л. Хетагуров, А. Гатуев, Г. М. Цаголов, А. Цаликов², С. Кокиев и другие, подала наместнику Кавказа, а затем и русскому центральному правительству решительный протест. В нем отстаивалось существование Ольгинской школы, разоблачался ничем не прикрытый произвол властей, особенно начальника Терской области генерала Каханова. «Трудно передать глубину горя, говорилось в этом документе, причиненного осетинам этим событием. За что, по какому праву? – вот вопросы, на которые тщательно искал ответа каждый осетин»³.

Жуткую картину явило собой закрытие школы администрацией области во главе с самим Кахановым. Произошло это внезапно после рождественских каникул. Ни ученицы, ни их родители не были предупреждены, о том, что их ждет.

К.Л. Хетагуров так описывает это событие:

«Не предупрежденные родители, стали привозить своих детей. Вереница арб загрохотала улицы. Прогрохнувшая толпа детей стучится и просится под знакомый кров. Перед нею закрывают двери, гонят прочь, не позволяя даже обогреться после дальнего пути в арбе по морозу. Родители недоумевают. Дети плачут, – не желая возвращаться в аулы, дрогнут на улице до позднего вечера»⁴.

Именно перед зданием осетинской женской гимназии и произошло столкновение великого поэта с начальником Терской области генералом Кахановым, с этим злейшим врагом горцев.

Произвол и надругательство властей имели настолько грубый характер и неприкрытый вид, а протест осетин был настолько решительным, что центральное русское правительство, всегда и во всем поддерживавшее своих ставленников на местах, на сей раз вынуждено было одернуть Каханова. В 1901 г. из Петербурга было получено сообщение, что решением правительства «осетинский приют по-прежнему остается в г. Владикавказе». Но администрация Терской области с этим не смирилась. Во главе с Кахановым была организована самая настоящая травля и гонения на наиболее

¹ Архив СОНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

² Александр Цаликов – священник, с семьей которого дружил К. Хетагуров.

³ Хетагуров К. Поли. собр. соч. Т. 4. С. 129-130.

⁴ Там же.

активных организаторов борьбы с произволом местных властей. К.Л. Хетагуров оказался высланным из пределов Терской области, С. Кокиева лишили места учителя реального училища, священников А.Цаликова и А.Гатуева перевели из Владикавказа в захолустье, Г.М. Цаголову запретили заниматься литературной деятельностью.

Добившись первого успеха, передовая осетинская общественность повела борьбу за демократизацию школы, улучшение учебно-воспитательного процесса, расширение учебного заведения.

В среде национальной интеллигенции почти не было тех, кто остался равнодушным к дальнейшей судьбе школы, не выступил бы по этому поводу в газетах, на заседаниях, собраниях культурно-просветительных обществ Владикавказа. Так, в одной только газете «Казбек» в 1900–1906 гг. было помещено более 35 статей (весьма крупных) об этой школе. Чаще всего печатались такие видные деятели осетинской культуры, как Х. Уруймагов, Г.Дзасохов, Г. Цаголов, А. Медоев, А. Цаллагов и другие.

Особым вниманием пользовалась Ольгинская женская школа у Коста. Всякий раз он писал о ней с необыкновенной теплотой и любовью. Поэт-демократ требовал проведения в учебном заведении преобразований в соответствии с духом времени. Он выражал уверенность в том, что с проведением прогрессивных преобразований школа окажет «неоценимую услугу краю». К. Л. Хетагуров считал необходимым:

1. Расширить программу до типа общеучительских семинарий.
2. Пересмотреть состав преподавателей.

«В результате плохого преподавания, – писал он, – дети проходят трехклассный курс в течение 8–10 лет, в то время как за такой срок в женских гимназиях оканчивают 8 классов». Коста требовал пополнения состава преподавателей осетинками, хорошо знающими родной и русский язык. «Тогда дети, – говорил он, – плохо знающие русский язык, проходили бы более успешно все предметы.

3. Сменить руководство школы, чтобы во главе ее стояло лицо, имеющее специальное педагогическое образование. Он писал, что начальница и ее предшественница с педагогикой «ничего общего не имеют» и попали в школу только благодаря своим связям, как в какую-то богадельню. Первая из них не только уморила учениц холодом и голодом, но и растратила более 2000 руб.

4. Построить новое здание для школы, чтобы дети имели «все необходимое для гигиены и занятия сельским хозяйством».

Так осетинский народ устами своего великого сына высказывал обращенную к царской администрации настоятельную необходимость коренного улучшения постановки школьного образования. Таким образом, осетинская Ольгинская женская школа в начале XX в. переживала важный этап в своей жизни. Боясь нарастающей революционной борьбы народа, власти вынуждены были сменить руководство школой. В 1904 г. ушла в отставку начальница, а через год покинули стены школы все старые, не пользующиеся уважением преподаватели. Вместо них пришли молодые, более энергичные и образованные люди, большинство из которых в свое время окончило эту же школу. Работа значительно оживилась. Учебные планы и программы были приближены к тем, что действовали в учительских семинариях. Сокрылся курс катехизиса, закона божьего и церковно-славянского языка.

Преподаватели основное внимание сконцентрировали на обучении девушек арифметике, геометрии, географии, истории, дидактике, основам педагогики, русскому и осетинскому языкам, домоводству, рисованию, гигиене. Продолжительность обучения в школе сократилась до 5 лет. Для проведения сельскохозяйственных опытов Городская Дума вынуждена была (по настоянию передовой интеллигенции области) выделить 1200 кв. саженей земли в осетинской части города.

С каждым годом росло число желающих учиться в этой школе. Пришлось устраивать конкурсные экзамены. Так, в 1904 г. на 53 вакантных места их держали 309 человек, в том числе 108 осетинок.

Вот как описывал эти экзамены корреспондент газеты «Казбек»: «Трогательна была картина, которая представлялась после объявления списка учениц, выдержавших экзамены и попавших в конкурс. Зал, коридоры и двор приюта, битком набитый приютянками, новичками-ученицами и их родителями или родственниками, огласились радостными криками и восклицаниями счастливых детей, удостоившихся принятия в приют; поздравлениям родителей друг друга не скоро установился предел. Но зато тут же изобразилась совершенно другая, более грустная картина. Плач, рыдание, печаль и отчаяние, утешения родителям не принятых девочек – вот вторая картина, поистине душу раздирающая»¹.

Целыми неделями после экзаменов родители не переставали просить начальницу школы принять «как-нибудь» их дочерей, но просьбы эти всегда оставались без удовлетворения, ибо приют не мог вместить всех желающих учиться. Бывали годы, когда на одно место держали испытания 6 – 8 девочек.

Следует отметить, что школа приобрела популярность не только среди осетин. Многие русские, грузины, армяне предпочитали отдавать своих дочерей на воспитание именно в эту школу.

Встал вопрос о постройке нового здания. Эта проблема назрела давно. За все годы своего существования школа не имела своего помещения. Приходилось нанимать или брать в аренду частные дома. Они не только не отвечали, но просто противоречили самым элементарным требованиям гигиены, так как это были помещения с низкими потолками, узкими коридорами, темными классами, с 8–12 человек.

Так как от городских властей и администрации области даже самой минимальной щедрости ждать не приходилось, то в 1902 г. группа из интеллигенции обратилась к осетинскому народу с призывом «пожертвовать по два рубля со двора» на постройку школьного здания. Горцы горячо откликнулись на это, и уже к ноябрю следующего года была собрана довольно крупная сумма – 26 тыс. руб. Немного средств выделил и совет «Общества». И тогда за 40 тыс. руб. было куплено новое здание.

Осетинская женская школа просуществовала 56 лет. В 1918 г., уже при Советской власти, она была преобразована в смешанную учительскую семинарию. В дальнейшей судьбе учебного заведения большое участие принял народный комиссар просвещения Горской республики Я.Л. Маркус.

За полвека с небольшим из стен женской школы выпущено было более тысячи человек. Осетия получила из их числа сотни прекрасных, самоот-

¹ Казбек. 1904. 6 января.

верженных и энергичных учительниц, которые пошли в самую гущу народа и стали сеять в горах и ущельях родного края то разумное и доброе семя, имя которому – просвещение. «Школа эта, – писал Коста Леванович Хетагуров, – оказала самое благотворное влияние на положение женщины в Осетии. Из стен заведения – одного из лучших светочей просвещения среди горских племен Кавказа – вышли десятки интеллигентных осетинок – превосходных учительниц, примерных тружениц, матерей семейств».

Появление многих школ в селах Осетии (особенно женских) связано с именами выпускниц этого учебного заведения. Уже в 70–90-е гг. успешно работали в сельской местности бывшие «ольгинки» А. Дзугаева, А. Хурумова, Г. Хетагова, Ф. Доева, Е. Кулаева, А. Дзгоева, С. Баракова, С. Абациева, Д. Амбалова и другие. В последующую пору их ряды пополнились десятками новых тружениц на ниве народного образования. Все они пользовались у населения большой любовью и искренним уважением.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
-----------------	---

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОСЕТИН С ГОР НА ПЛОСКОСТЬ (XVIII–XX вв.)

Введение	8
Начало переселения осетин с гор на равнину	
Нашествие татаро-монголов и уход осетин-алан в горы Центрального Кавказа ..	11
Социально-экономическое положение осетин в горах Кавказа (XV – первая половина XVIII в.)	16
Осетинская равнина во второй половине XVIII в. Первые осетинские поселения в предгорных районах	22
Оставление кабардинцами Осетинской равнины после присоединения Осетии к России	34
Переселение горцев-осетин в район Моздока (вторая половина XVIII и начало XIX в.)	40
Массовое заселение Осетинской равнины осетинами-горцами (до 60-х гг. XIX в.)	
Первый этап переселения осетин с гор на Осетинскую равнину (с конца XVIII и до 20-х гг. XIX в.)	48
Второй этап массового переселения горцев-осетин на Осетинскую равнину (1822–1839 гг.)	60
Основание на Осетинской равнине казачьих станиц	75
Деятельность правительственных комитетов по разбору личных и поземельных прав горцев и образование новых плоскостных осетинских сел (40–60-е гг.) ..	84
Характер дальнейшего переселения горцев-осетин на равнину (вторая половина XIX в.)	
Колонизаторская политика царизма в пореформенный период	97
Переселение горцев Алагирского и других ущелий в Кубанскую область	100
Образование новых осетинских поселений на Осетинской равнине и в районе Моздока	106
Проекты кавказской и местной царской администрации по землеустройству жителей нагорной полосы в начале XX в.	
Деятельность Абрамовской землеустроительной комиссии	117
Попытка комиссии Г.А. Вертепова и князя Г.Н. Макаева разрешить проблему временнопроживающих. Образование новых осетинских равнинных селений в 1900–1917 гг.	122
Советский этап массового переселения с гор на равнину	
Победа советской власти на Тереке и ее первые законодательные акты по аграрному вопросу	134
Создание условий для практического решения земельного вопроса в Осетии. Массовое переселение осетин с гор на плоскость и образование здесь новых населенных пунктов	138
Заключение	156

Хронологическая таблица возникновения плоскостных селений в Северной Осетии и динамика движения населения с гор на плоскость	159
---	------------

ПУТЬ, РАВНЫЙ СТОЛЕТИЮ (ОЧЕРК ИСТОРИИ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В XIX в.)

Введение	166
Социально-экономическое и политическое положение Северной Осетии и состояние землеустройства осетинского крестьянства в начале XIX в.	
Изменения в географии расселения осетин после присоединения Осетии к России	171
Классовая структура осетинского общества	177
Земледелие. Формы землевладения и землепользования	182
Включение Осетии в систему административного управления царизма и обострение социально-политической обстановки	185
Обострение сословно-поземельных отношений в Осетии. Создание и деятельность правительственных землеустроительных комиссий и комитетов в 40–50-х гг.	
Усиление феодального гнета и рост антифеодальных выступлений крестьянства	192
Первая попытка правительства и его кавказской администрации разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу казны и осетинских феодалов	214
Роль комиссии И.А. Вревского в формировании и утверждении аграрно-поземельной политики царизма в Осетии	224
Попытка генерала М.А. Кундухова и его комиссии разрешить сословно-поземельный вопрос в пользу алдаро-бадеятской фронды	238
Дальнейшее ухудшение аграрно-поземельного устройства населения и резкое усиление антифеодальной и антиадминистративной борьбы осетинского крестьянства в 50-е – начале 60-х гг.	246
Земельная реформа и освобождение зависимых сословий в 60-х гг.	
Причины крестьянской реформы	259
Земельная реформа и ее цель	263
Эмансипация зависимых сословий и проблема их земельного устройства ...	277
Феодальная знать и реформа	284
Недовольство осетинского крестьянства результатами землеустроительных работ правительства и его выступления против них	300
Административно-управленческая политика царизма в начале пореформенного периода	
Дальнейшее совершенствование административно-управленческого аппарата края	307
Включение Осетии в налогово-податную систему царизма	315
Развитие товарного земледелия и скотоводства	
Деятельность администрации по созданию и насаждению в Осетии «нового класса земельных собственников»	323
Рост товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве	329
Земельный вопрос в аграрной политике царизма в Северной Осетии	
Гражданская колонизация края	343
Безуспешные попытки разрешить земельный вопрос в нагорной Осетии	348
Образование новых плоскостных селений	356

Положение крестьянства и классовая борьба в 70—90-х гг.	367
Заключение	380

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ (ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСЕТИНСКИХ И КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ)

Введение	384
Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии	385
Как крепость Владикавказ стала городом	406
К истории селения Ольгинское	409
Основание аула Беслан	415
Как было основано село Михайловское	421
К 150-летию основания селения Эльхотово	426
Первая школа для осетинок-горянок	439

Научно-популярное издание

Составитель

Дзагурова Галина Таймуразовна

БЕРОЗОВ

БАТРАДЗ (ЮРИЙ) ПАВЛОВИЧ

История и память

Редактор *Л.Ш. Гокоева*

Художник *В.С. Григорян*

Технический редактор *А.В. Ядыкина*

Корректор *Э.Дз. Баликоева*

Компьютерная верстка *Д.О. Амбаловой*

Сдано в набор 24.02.13. Подписано к печати 19.07.13.

Формат бумаги 60х90^{1/16}. Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта «Petersburg».

Печать офсетная. Усл.-п.л. 28. Учетно-изд. л. 35,66.

Тираж 500 экз. Заказ №289 от 26.07.2013. С 13.

Министерство культуры и массовых коммуникаций РСО-А
ГУП РСО-Алания «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 25.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Полис»,
г. Ростов-на-Дону, www.media-polis.ru

Б.П. Берозов

**ИСТОРИЯ
И
ПАМЯТЬ**

